6812/2

5277.

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

5.271

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

ИСТОРІЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

II

Д. 134

6812

АД. БЛАНКИ.

ИСТОРІЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ
ВЪ ЕВРОПѢ

СЪ ДРЕВНѢЙШАГО ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

КРИТИЧЕСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

СЪ ЧЕТВЕРТАГО ИЗДАНІЯ (1860), ИСПРАВЛЕННАГО И СНАБЖЕННАГО ПРИМѢЧАНІЯМИ

ПЕРЕВЕЛЪ

П. А. БИБИКОВЪ.

БИБЛІОТЕКА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ОТЪ ВОСЕМНАДЦАТАГО ВѢКА ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА, Б. МѢЩАНСКАЯ, № 8.

1869.

Библиотека НИИ СССР

39

К

64272

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

ИСТОРІЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОТЪ ВОСЕМНАДЦАТАГО ВѢКА ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

ГЛАВА XXXII.

О системѣ Кене и о школѣ *Экономистовъ*. — Происхожденіе этого ученія. — Оказанныя имъ услуги. — О различныхъ оттѣнкахъ школы *Экономистовъ*. — Гурне. — Мерсье де ла Ривьеръ. — Тюрго. — Высокая честность этихъ философовъ. — Подробности о Кене.

Печальная развязка системы Лау повергла всю Францію въ настоящее оцѣпененіе. Никто не зналъ отнынѣ, какимъ принципамъ можно было довѣриться, послѣ такого неимовѣрно быстраго возникновенія и исчезновенія столькихъ богатствъ. Одни оплакивали паденіе фабрикъ, съ такою заботливостью призванныхъ къ жизни Кольберомъ; другіе переносились за сто лѣтъ назадъ, и напоминали патріархальные принципы Сюлли, что *земледѣліе и скотоводство суть сосцы государства*; и, должно согласиться, что обстоятельства весьма благопріятствовали возвращенію такихъ воззрѣній. Отъ всѣхъ промышленныхъ цѣнностей, явившихся на свѣтъ подъ жгучимъ дуновеніемъ *системы*, оставались только разореніе, уныніе и банкротство. Одна только поземельная собственность не погибла среди этого смятенія. Положеніе ея даже улучшилось отъ перемѣны владѣльцевъ и отъ раздробленія на безчисленное множество участковъ, еще впервые со времени феодальной системы. Важное значеніе, внезапно по-

лученное ею, высоко подняло ея цѣнность, а дѣятельность людей, разочаровавшихся спекуляціями, вскорѣ обратилась къ обработкѣ почвы, чтобы потребовать отъ нея вознагражденія за убытки, причиненные паденіемъ *системы*. Казалось, что каждый пожелалъ отдохнуть въ тѣни своего виноградника отъ треволненій и биржевой горячки.

Никогда переходъ не былъ такъ рѣзокъ. Онъ сопровождался, по обыкновенію, великимъ множествомъ сочиненій. Изданы были безчисленныя книги объ обращеніи денегъ, кредитѣ, промышленности, населеніи, роскоши; всякій хотѣлъ объяснить прежитый кризисъ, и каждый утѣшалъ себя мыслью, что нашелъ рѣшеніе загадки. Нѣкоторое время всѣ придерживались мнѣнія, что деньги суть богатство по преимуществу, и что умноженіемъ представляющихъ ихъ бумагъ умножалось само богатство. Но возвышеніе цѣнъ на всѣ предметы и паденіе цѣнности бумагъ открыли глаза даже слѣпымъ, и, какъ это обыкновенно бываетъ при такихъ обстоятельствахъ, пристрастіе къ бумажнымъ деньгамъ уступило мѣсто отвращенію къ нимъ, за фанатизмомъ послѣдовало совершенное недовѣріе. Съ этого времени настоящимъ богатствомъ стала считаться одна только поземельная собственность, единственно вѣрными доходами—только доходы, доставляемые почвой. Изъ этой реакціи вышла земледѣльческая система, болѣе извѣстная подъ именемъ системы *Экономистовъ* (а такъ же *Физіократовъ*), или системы Кене, бывшаго главнымъ ея основателемъ *. Это было первое ученіе, образовавшее школу, и выразившееся съ рѣдкою въ лѣтописяхъ науки догматическою

---

* Систему эту называли обыкновенно *экономической*; слово это удержано во всемъ сочиненіи авторомъ, хотя въ настоящее время оно совершенно утратило свое первоначальное значеніе, и *экономистами* называютъ теперь въ наукѣ поборниковъ *полнѣйшей* экономической свободы и конкуренціи, при условіи неизмѣнности существующихъ основныхъ политическихъ и гражданскихъ законовъ. *Экономистовъ* восемнадцатаго вѣка называли такъ же *физіократами*, по имени перваго сборника сочиненій Кене, изданныхъ Дюпономъ де Немуромъ—*Physiocratie*. Кромѣ превосходнаго и безпристрастнаго разбора этой системы у Адама Смита и очерковъ Вильнева-

точностью. Мы вкратцѣ перечислимъ замѣчательнѣйшихъ ея представителей и главныя ея основанія. Еслибы она была простымъ экономическимъ ученіемъ, то можетъ быть, она не обратила бы на себя такого вниманія государственныхъ людей; но она сразу предложена была, какъ средство для политической реформы, которымъ можно было облегчить взиманіе налоговъ и залечить страданія, отъ которыхъ изнемогала тогда Франція. Она появилась вслѣдъ за бѣдствіями, причиненными *системою* Лау, и нѣсколькими суровыми финансовыми опытами аббата Тере *: вотъ почему ее приняли благосклонно, какъ новость, прежде чѣмъ она завоевала себѣ значеніе побѣдой.

И дѣйствительно, при первомъ своемъ появленіи, она показалась откровеніемъ. Всѣ народы поочередно оцѣнили значеніе промышленности и свободу торговли, но, повидимому, ни одинъ не обращалъ вниманія на земледѣліе, развѣ только исключительно съ идилической на него точки зрѣнія. Никому не приходило въ голову, что правительство должно обращать вниманіе на воздѣлываніе полей и принимать нѣкоторыя административныя мѣры относительно земледѣльческихъ занятій. Все, что̀ до сихъ поръ дѣлалось въ этомъ отношеніи правительствомъ, ограничивалось неумѣстными мѣрами противъ вывоза хлѣба или ввоза его, подобно существующимъ въ настоящее время хлѣбнымъ законамъ въ Англіи. А между тѣмъ, на землю, продолжали смотрѣть по преданію, съ поэтической точки зрѣнія, какъ на кормилицу народовъ. Около 1750 два замѣчательные по уму человѣка, Гурне и Кене,

---

Баржемона, Макъ-Кулоха, Твайса, см. о ней также въ монографіяхъ Келльнера, подъ заглавіемъ *Zur Geschichte des Physiocratismus*; Göttingen, 1847, и Дера — помѣщенной въ I и II томахъ Гильомена: *Collection des principaux économistes*. Рус. перев.

* Аббатъ Тере вовсе не отличался такимъ безуміемъ и такой безжалостностью, какъ то думала большая часть его современниковъ. Однажды онъ такимъ образомъ отвѣтилъ оперным пѣвцамъ, требовавшимъ выдачи имъ жалованья: «Справедливость требуетъ, чтобы заплатить прежде тѣмъ, которые плачутъ, а потомъ уже тѣмъ, которые поютъ.» Прим. автора.

взялись за изслѣдованіе этой великой производительной силы: вмѣсто пѣснопѣній, они рѣшились объяснить ее. Они разоблачили таинственныя свойства почвы, и если не представили совершенной теоріи земледѣлія, то по крайней мѣрѣ приготовили матерьялы для будущей науки.

Ихъ исходная точка была выбрана какъ нельзя лучше. Они хотѣли прежде всего установить истинныя начала производства богатствъ и ихъ естественнаго распредѣленія между всѣми классами общества. Имъ показалось, что всѣ богатства проистекали изъ одного только источника, земли, потому что только она одна доставляетъ работникамъ средства существованія и сырые матерьялы для всѣхъ отраслей производства. Трудъ, приложенный къ обработкѣ земли, доставлялъ нетолько средства для собственнаго своего существованія во все время производства, но еще нѣкоторый излишекъ, который можетъ быть присоединенъ къ существующей уже массѣ богатствъ: излишекъ этотъ они назвали *чистымъ доходомъ*. Этотъ чистый доходъ естественно долженъ принадлежать, по ихъ мнѣнію, владѣльцу земли, и составлялъ его неотъемлемую собственность. Но въ чемъ же состоялъ чистый доходъ другихъ отраслей промышленности? Здѣсь начинаются заблужденія этихъ свѣтлыхъ умовъ, ибо всѣ остальныя отрасли промышленности были, по ихъ мнѣнію, непроизводительными, и ничего не могли прибавить, ни къ количеству предметовъ, къ которымъ прилагается трудъ, ни къ общему доходу общества. Фабрикантовъ, купцевъ, работниковъ они считали какъ бы *на жалованіи* у земледѣлія, верховнаго производителя и распредѣлителя всѣхъ богатствъ. Произведенія всѣхъ отраслей труда, кромѣ земледѣльческаго, по мнѣнію системы *экономистовъ*, стоили ровно столько, сколько употреблено было на содержаніе работниковъ во время производства, рѣшительно ничего не прибавляя къ общей суммѣ богатствъ, которая, по окончаніи производства, остается тою же, что̀ была прежде, исключая развѣ тотъ случай, когда хозяева и работники откладывали, то есть, *сберегали* то, что̀ они имѣли право потребить. Такимъ образомъ, трудъ, приложенный къ землѣ, оказывался единственнымъ производи-

телемъ богатствъ; трудъ же во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ производства считался *безплоднымъ*, ибо онъ нисколько не увеличивалъ общественнаго капитала.

Въ силу этого ученія, *экономисты* принимаютъ, какъ необходимость, въ одно и то же время, общественную и *естественную*, преобладаніе поземельныхъ собственниковъ надъ всѣми другими классами общества. Къ нимъ должны притекать всѣ богатства, часть которыхъ, подъ именемъ заработной платы, они передаютъ несобственникамъ, такъ что обращеніе богатствъ совершается въ обществѣ не иначе, какъ въ видѣ непрерывнаго обмѣна труда и услугъ однихъ на часть доходовъ, которою могутъ располагать другіе. На кого же, при такой гипотезѣ, ибо въ настоящее время положеніе это признано гипотетическимъ, должны пасть налоги? Очевидно, что нельзя было подвергнуть имъ людей, получавшихъ одну только заработную плату, не поражая самаго источника ихъ существованія: вотъ почему экономисты и объявили, что налогъ долженъ падать исключительно на поземельныхъ собственниковъ, и взиматься только съ ихъ *чистаго дохода*. Такимъ образомъ, выгода всѣхъ классовъ заключалась въ увеличеніи количества земледѣльческихъ произведеній, потому что поземельные собственники получали въ такомъ случаѣ больше дохода, который могли раздавать всѣмъ работникамъ, существующимъ заработной платой. Обиліе средствъ существованія поощряло и размножало народонаселеніе, такъ что подтверждалась истина, заимствованная новой школой изъ священнаго писанія: *Сытъ будетъ человѣкъ, обрабатывающій свою землю* *.

Нечего и говорить, въ чемъ состояло заблужденіе *экономистовъ*. Главная ихъ ошибка заключалась въ томъ, что они приписывали одному только земледѣлію способность производить богатства, которыя могутъ быть скоплены. Прекрасныя изслѣдованія Адама Смита дополнили съ тѣхъ поръ перечень источниковъ обогащенія, доказавъ, что дѣйствительной общественной цѣнностью была всякая цѣнность, которая

---

* Притчи Соломона, гл. XII, ст. 11.

только можетъ подлежать обмѣну, и что для общества всегда оказывается выгоднымъ, когда цѣнность эта увеличивается трудомъ. Пшеница имѣла бы самую ничтожную цѣнность, еслибы изъ нея не дѣлали хлѣба, и дерево было бы совершенно безполезно, еслибы столяръ не обращалъ его въ мебель. Опытъ показалъ даже, что мануфактурная промышленность и торговля, при содѣйствіи раздѣленія труда, которое легче къ нимъ примѣняется, и при усовершенствованіи машинъ, болѣе способны, чѣмъ земледѣліе, къ умноженію мѣновыхъ цѣнностей. Какимъ образомъ города могли бы обратиться въ средоточія богатства и цивилизаціи, еслибы одно только земледѣліе отличалось свойствомъ создавать цѣнности, и какъ послѣ этого объяснить благосостояніе Венеціи и Генуи, которыя вовсе не имѣли территоріи? Не имѣемъ ли мы права сказать скорѣе, что при содѣйствіи торговли и фабрикъ страна можетъ ежегодно ввозить къ себѣ гораздо большее количество продовольствія, чѣмъ какое можетъ быть доставлено ей собственной территоріей? Теорія *сбыта*, превосходно развитая, послѣ *экономистовъ*, Ж. Б. Сэемъ, окончательно разоблачила эту истину, и со славой закончила то, что начато было нашимъ общимъ учителемъ, Адамомъ Смитомъ. Но сколько свѣту пролили на этотъ первостепенный вопросъ смѣлыя гипотезы *экономистской* школы! Какія безчисленныя слѣдствія вывели мы изъ этого простаго положенія, что богатства народовъ не заключаются въ цѣнностяхъ непотребляемыхъ, какъ золото и серебро *, а въ цѣнностяхъ потре-

---

* Это положеніе ясно выражено въ слѣдующихъ словахъ Мерсье де ла Ривьера: «Да позволено мнѣ будетъ повторить въ настоящемъ случаѣ, что деньги не падаютъ въ наши руки съ неба, а также и не растутъ на нашихъ поляхъ. Чтобы имѣть ихъ, надо ихъ купить, но и купивъ ихъ, мы не становимся богаче противъ прежняго: ибо мы получили деньгами цѣнность, равную той, которую отдали товарами. Говорятъ, что земледѣльческая страна очень богата, когда у нея много денегъ: это, разумѣется, правда; но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что и до пріобрѣтенія этихъ денегъ страна эта была такъ же богата, ибо она обладала тѣми цѣнностями, которыми заплатила за деньги; она даже не можетъ пользоваться своимъ денежнымъ богатствомъ, не рискуя потерять его навсегда, если только

бляемыхъ и постоянно воспроизводимыхъ непрерывнымъ трудомъ общества!

Къ счастію, *экономисты*, признавъ, на основаніи своей теоріи, подчиненіе и второстепенное значеніе классовъ, лишенныхъ собственности, тѣмъ неменѣе, находили нетолько въ высшей степени справедливымъ, но и неизбѣжнымъ—предоставить имъ полнѣйшую промышленную и торговую свободу. Дешевизна съѣстныхъ припасовъ и изобиліе сырыхъ матерьяловъ могли, по ихъ мнѣнію, обезпечить существованіе этихъ классовъ только при неограниченной конкуренціи продавцевъ. Эта конкуренція была единственнымъ средствомъ для возбужденія промышленности и для поощренія обработки земли посредствомъ безусловнаго отстраненія всѣхъ стѣсняющихъ ихъ условій; ученіе, выразившееся въ новой школѣ знаменитой формулой *laissez faire*, *laissez passer (не вмѣшивайтесь, предоставьте свободу)*, формулой, такъ нелѣпо перетолкованной впослѣдствіи. Съ этой эпохи стали разрушаться цѣпи, сковывавшія развитіе земледѣлія, и начались общія нападенія на цеховое устройство и на таможни, два главные окопа, за которыми укрывались всѣ привилегіи. Кромѣ того, школа *экономистовъ* оказала множество другихъ, неменѣе важныхъ услугъ изслѣдованіемъ главнѣйшихъ явленій распредѣленія богатствъ. Преимущественно съ этою цѣлью и издана была докторомъ Кене, врачемъ Людовика XV, знаменитая *Экономическая таблица (Tableau économique)*, столь грубо перетолкованная въ *Другъ людей (Ami des hommes)* маркиза Мирабо и перепечатанная въ *Physiocratie* Дюпономъ де Немуромъ.

Эта *Экономическая таблица*, первые оттиски которой собственноручно отпечатаны были королемъ въ Версалѣ, имѣла эпиграфомъ: *Бѣдные крестьяне—бѣдное государство; бѣдное*

она не поддержитъ его воспроизведеніемъ цѣнностей, продажа или, вѣрнѣе, обмѣнъ которыхъ доставили ей денежное богатство; послѣднее оказывается, поэтому, только посредствующимъ богатствомъ, представляющимъ тѣ первоначальныя цѣнности, мѣсто которыхъ оно заняло.» *Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques*, т. II, стр. 338.
Прим. автора.

государство — бѣдный король; она представляетъ рядъ формулъ, наполненныхъ цифрами, въ которыхъ авторъ начертилъ распредѣленіе поземельнаго дохода, какимъ оно должно было бы быть, сообразно съ его убѣжденіями относительно общихъ законовъ пропзводства. Эта часть ученія надѣлала болѣе всего шуму; въ настоящее время она болѣе всего забыта, потому что принципы, послужившіе ей основаніемъ, окончательно признаны ложными. Нельзя себѣ представить энтузіазмъ, съ которымъ встрѣчено было это изданіе приверженцами школы. Дюпонъ де Немуръ говорилъ о ней: «Это удивительная формула, изображающая происхожденіе богатствъ и способствующая самому вѣрному, быстрому и точному вычисленію результатовъ всѣхъ операцій, относительно богатствъ.» Мирабо прибавлялъ: «Исторія представляетъ три величайшихъ изобрѣтенія: *письма*, *монеты* и *экономической* таблицы.» Таблица эта толковалась, дополнялась и развивалась приверженцами съ такою же увѣренностью, съ какою объясняются въ школахъ геометрическія теоремы. Ее твердили наизустъ, какъ катехизисъ, изъ котораго каждый классъ гражданъ узнавалъ свои обязанности въ общественной іерархіи. Но въ настоящее время, въ которое не допускается безплодныхъ занятій, о которыхъ говоритъ авторъ, классификація его, какъ бы она ни была остроумна, не представляетъ никакого научнаго интереса.

Основная мысль физіократической школы выражена съ большею ясностью въ небольшомъ сочиненіи Кене, перепечатанномъ подъ заглавіемъ: *Maximes générales du gouvernement économique d'un royaume agricole (Общія правила экономическаго управленія земледѣльческаго государства)*. Въ этомъ сочиненіи яснѣе обнаруживаются политическія воззрѣнія школы, которую не безъ основанія обвиняли въ систематическомъ стремленіи къ самодержавному правленію. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ положеній, въ той отрывочной формѣ, въ какой они выражены въ оригиналѣ, въ видѣ афоризмовъ:

Верховная власть должна быть нераздѣльной; она должна стоять выше всѣхъ членовъ общества и выше всѣхъ несправедливыхъ предпріятій, имѣющихъ въ виду личные интересы, ибо цѣль власти, какъ и

цѣль повиновенія, есть общая безопасность и законные интересы всѣхъ. Правительственная система, основанная на противупоставленіи одной силы общества другой, пагубна, и порождаетъ только раздоръ между знатными и угнетеніе слабыхъ.

Государь и народъ никогда не должны упускать изъ виду, что земля есть единственный источникъ богатствъ, и что только земледѣліе умножаетъ ихъ. Ибо умноженіе богатствъ способствуетъ увеличенію народонаселенія, а люди вообще, и богатые въ особенности, благопріятствуютъ развитію земледѣлія, разширяютъ торговлю, оживляютъ промышленность, и умножаютъ и поддерживаютъ народное богатство.

Налоги не должны быть обременительны и должны соотвѣтствовать общей суммѣ народнаго дохода; они должны увеличиваться только по мѣрѣ возрастанія этого дохода; они должны взиматься непосредственно съ чистаго дохода поземельной собственности, а не съ заработной платы и не съ предметовъ продовольствія ибо, въ противномъ случаѣ, увеличились бы расходы на ихъ взиманіе, причиненъ былъ бы вредъ торговлѣ, и ежегодно уничтожалась бы нѣкоторая часть народнаго богатства. Не должно также взимать ихъ съ имущества фермеровъ, арендующихъ земли, ибо затраты на земледѣліе должно считать неизмѣннымъ капиталомъ, къ которому нельзя прикасаться, ради сохраненія на будущее время налога, дохода и средствъ существованія для всѣхъ классовъ гражданъ: въ противномъ случаѣ, налогъ обратится въ хищничество и въ причину паденія и быстраго разоренія государства.

Земли, предназначенныя для воздѣлыванія хлѣба, должны быть соединены, по возможности, въ обширныя фермы, и обрабатываться богатыми земледѣльцами; ибо обширныя земледѣльческія предпріятія сопровождаются меньшими расходами на содержаніе и исправленіе зданій, и, сравнительно, съ меньшими затратами, чѣмъ маленькія фермы, выручаютъ больше чистаго дохода. Многочисленность небогатыхъ фермеровъ причиняетъ вредъ народонаселенію. Самое прочное населеніе и легче всего распредѣляемое по всѣмъ занятіямъ, раздѣляющимъ людей на различные классы, можетъ быть доставлено однимъ только чистымъ доходомъ. Всякое сбереженіе силъ, дѣлаемое въ пользу чистаго дохода, при содѣйствіи животныхъ, машинъ, рѣкъ и проч., оказывается выгоднымъ для народонаселенія государства, потому что тѣмъ больше заработковъ доставляетъ чистый доходъ людямъ, существующимъ другими занятіями или другими работами.

Слѣдуетъ облегчать сбыть и перевозку произведеній почвы и обработанныхъ товаровъ исправнымъ содержаніемъ дорогъ и поощреніемъ судоходства по каналамъ, рѣкамъ и морямъ; ибо, чѣмъ болѣе сберегается расходовъ на торговлю, тѣмъ болѣе увеличивается доходъ, доставляемый территоріей.

Не слѣдуетъ уменьшать довольства низшихъ классовъ гражданъ, потому что, въ противномъ случаѣ, они не будутъ въ состояніи потреблять то количество произведеній, которое можетъ быть израсходовано только на самомъ мѣстѣ ихъ производства, а это уменьшитъ, въ свою очередь, новое ихъ заготовленіе и общій доходъ народа.

Поземельные собственники и люди, пользующіеся довольствомъ, не должны дѣлать безплодныхъ сбереженій, которыя могли бы лишить обращеніе и распредѣленіе богатствъ части получаемыхъ ими доходовъ или барышей.

Не должно увлекаться кажущимися выгодами внѣшней торговли, и заключать о нихъ только по денежнымъ преимуществамъ, представляемымъ торговымъ балансомъ, не обращая вниманія на бо́льшія или меньшія выгоды, доставляемыя свойствами самихъ продающихся или покупающихся товаровъ. Ибо, нерѣдко потеря оказывается для того народа, который больше получилъ денегъ, а эта потеря пагубно отражается на распредѣленіи и на возобновленіи доходовъ.

Должно допустить полнѣйшую свободу торговли, ибо самый лучшій, самый безошибочный и самый выгодный для народа и для государства надзоръ, какъ за внутренней, такъ и за внѣшней торговлей, состоитъ въ полнѣйшемъ развитіи конкуренціи.

Правительство должно менѣе заботиться о сбереженіи, чѣмъ о мѣрахъ, необходимыхъ для увеличенія благосостоянія государства, ибо весьма большія траты перестанутъ быть чрезмѣрными при увеличеніи всеобщаго благосостоянія. Но при этомъ не должно смѣшивать дѣйствительныя государственныя издержки съ злоупотребленіями расточительности, которыя могутъ поглотить всѣ богатства народа и государя.

Для удовлетворенія чрезвычайныхъ государственныхъ потребностей должно разсчитывать только на благосостояніе самого народа, а не на кредитъ банкировъ; ибо денежныя богатства суть богатства ускользающія, не признающія ни государя, ни отечества.

Государство должно избѣгать займовъ, отягощающихъ его разорительными процентами и вызывающихъ торговлю или спекуляцію государственными бумагами, и увеличивающихъ все болѣе и болѣе безплодныя богатства. Эти богатства отвлекаютъ капиталы отъ земледѣлія, и лишаютъ поземельную собственность средствъ, необходимыхъ для улучшенія полей и для воздѣлыванія новыхъ участковъ.

Всѣ эти положенія очевидно относятся главнымъ образомъ къ области политики. Все вниманіе автора обращено, повидимому, только на уплату налоговъ, на населеніе, займы и государственные расходы. *Экономисты* дѣйствительно смо-

трѣли на политическую экономію совершенно иными глазами, чѣмъ мы, и исключительно по отношенію ея къ администраціи и къ управленію. Они имѣли цѣлью построить общественную теорію и подчинить всю дѣятельность человѣка охранительной власти, почти граничащей съ деспотизмомъ. Они старались прежде всего утвердить на незыблемыхъ основахъ поземельную собственность, которой они придавали первостепенное значеніе; но это нисколько не уменьшало ихъ уваженія къ *личной собственности*, и они не допускали ни обязанностей, несопровождавшихся правами, ни услугъ, за которыя не воздавалось бы вознагражденія. По ихъ мнѣнію, интересы государя естественно совпадали съ интересами народа; король былъ неболѣе какъ отцемъ этого многочисленнаго семейства. Они любили представлять Людовика XV лично поощряющимъ земледѣліе и расточающимъ всюду за собою миръ и благоденствіе. У Мерсье де ла Ривьера хватило храбрости написать: «Физически невозможно иное правленіе, кромѣ правленія одного. Кто не видитъ, кто не чувствуетъ, что человѣкъ созданъ такимъ образомъ, чтобы имъ управляли деспотически? — Уже изъ одного того, что онъ созданъ для жизни общественной, ясно слѣдуетъ, что онъ предназначенъ для деспотическаго правленія.--Только такая форма правительства можетъ доставить обществу возможно большее благосостояніе*.»

Аббатъ Бодо, одинъ изъ способнѣйшихъ приверженцевъ новаго ученія, вполнѣ раздѣлялъ убѣжденія Мерсье де ла Ривьера; онъ тоже думалъ, что легче убѣдить государя чѣмъ народъ, и что легче добиться торжества *истинныхъ принциповъ* абсолютной властью одного человѣка, чѣмъ убѣжденіемъ, трудно достижимымъ, всего народа. Слѣпой случай въ нѣкоторой степени оправдывалъ предположенія новой школы. Между современниками дѣйствительно нашлось нѣсколько таклхъ государей-преобразователей: Екатерина II въ Россіи,

---

* *Ordre naturel et essentiel,* etc. т. I, стр. 280 и 281. Для второй половины восемнадцатаго вѣка это дѣйствительно было храбростью. Рус. перев.

императоръ Іосифъ II въ Австріи, великій герцогъ Тосканскій, великій герцогъ Баденскій. Въ самой Франціи незамѣтно образовалась тогда цѣлая школа государственныхъ людей, пропитанныхъ ученіемъ новой школы: Гурне, Трудень, Мальзербъ, Аржансонъ и знаменитый Тюрго, сосредоточивавшій въ себѣ всѣ ихъ таланты. Разумѣется, не всѣ эти честные люди принимали безусловно патріархальныя доктрины Мерсье де ла Ривьера; но они незамѣтно вносили въ государственное управленіе правила *терпимости*, проповѣдывавшіяся школой *экономистовъ*, и, занимая посты то интендантовъ, то министровъ, открыли въ нѣкоторыхъ провинціяхъ блистательными опытами тѣ преобразованія, которыя были исполнены французской революціей. Они съ неутомимой настойчивостью указывали на злоупотребленія цеховаго устройства, таможенъ, отправленія повинностей натурой, фискальныхъ мѣръ; а по дорогѣ, упоенные своими научными побѣдами, они подымали самые животрепещущіе общественные вопросы. Даже заблужденія ихъ были полезны, и самыя смутныя ихъ предчувствія всегда отличались чѣмъ то пророческимъ. «Умѣрьте вашъ восторгъ, писалъ Мерсье де ла Ривьеръ, слѣпые поклонники безплодныхъ произведеній промышленности! Прежде, чѣмъ кричать о чудѣ, раскройте глаза, и посмотрите, какъ бѣдны или, по крайней мѣрѣ, въ какой нуждѣ пребываютъ эти работники, обладающіе искуствомъ обращать двадцать су въ цѣнность, равную тысячѣ червонцевъ; въ чью же пользу обращается это громадное увеличеніе цѣнностей? *Люди, руками которыхъ совершается это превращеніе, не знаютъ, что̀ такое довольство? О, не довѣряйтесь такому противурѣчію*!*» Мерсье, какъ и слѣдовало ожидать, приписывалъ всѣ промышленныя бѣдствія не иному чему, какъ упадку земледѣлія и недостаточности *чистаго дохода;* и хотя онъ и ошибался въ причинахъ, но весьма вѣрно указывалъ на факты; а *противурѣчіе*, которому онъ совѣтуетъ не довѣряться, заключало задачу, разрѣшить которую не удалось до настоящаго времени.

Самъ Адамъ Смитъ не написалъ ничего, болѣе яснаго и

---

* *Ordre essentiel et naturel*, т. II, стр. 407.

болѣе сильнаго, какъ прекрасныя доказательства *экономистовъ* въ пользу свободной торговли. Мысль о братствѣ всѣхъ народовъ, столь распространенная въ наше время, была развита Мерсье де ла Ривьеромъ съ такою увлекательною убѣдительностью и съ такой силой мысли, что къ ней и въ настоящее время нельзя прибавить ничего новаго. Мы имѣемъ даже поводъ предположить, что этотъ замѣчательный писатель оказалъ бы правительству огромную услугу въ отысканіи наилучшихъ основъ для взиманія налоговъ, еслибы онъ освободился изъ подъ вліянія ученія о чистомъ доходѣ и о безплодныхъ классахъ общества. Налогъ, говорилъ онъ, есть часть чистаго дохода народа, которая идетъ на удовлетвореніе нуждъ его правительства. Но такъ какъ часть чистаго дохода можетъ быть взимаема только съ чистаго дохода, то налогомъ слѣдуетъ облагать только тѣхъ, кто получаетъ весь чистый доходъ, съ котораго взимается налогъ. Вслѣдствіе этого, на всякій личный налогъ *экономисты* смотрѣли, какъ на дѣло произвольное и несправедливое, и съ одинакимъ неодобреніемъ относились ко всѣмъ косвеннымъ налогамъ. Что сказали бы они, еслибы узнали, что налоги эти доставляютъ въ наше время въ Англіи до 1,000 мильоновъ, а во Франціи до 500 мильоновъ франковъ? *

Эта главная ошибка, послужившая впослѣдствіи основаніемъ для финансовыхъ воззрѣній Учредительнаго собранія, несмотря на усилія Рёдерера и нѣкоторыхъ изъ его товарищей, была прямымъ слѣдствіемъ ложнаго пониманія основныхъ принциповъ богатства. Теорія цѣнности, созданная впослѣдствіи Адамомъ Смитомъ, показала бы *экономистамъ*, что трудъ, наравнѣ съ землею, можетъ быть источникомъ богатства, и что они ошибались, отвергая тождество между матерьяльнымъ размноженіемъ зеренъ, брошенныхъ въ землю, и размноженіемъ цѣнностей, производимыхъ промышленностью и торговлей. Несчастное ученіе о чистомъ доходѣ не скрыло бы отъ нихъ безчисленное множество истинъ, которыя они непремѣнно выве-

---

* Въ 1861 году они достигли въ Англіи 1,100 мил., а во Франціи 1,130 мил. франковъ. Рус. перев.

ли бы изъ наблюденія надъ экономическими явленіями, если-бы только они слѣдовали болѣе строгому методу позднѣйшихъ ученыхъ. Но и слѣдуя ложной дорогой, они тѣмъ неменѣе сдѣлали замѣчательнѣйшія открытія, какъ тѣ алхимики, которые открыли столько полезныхъ веществъ въ погонѣ за философскимъ камнемъ. Имъ мы обязаны сочиненіями людей, превзошедшихъ ихъ, и въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что самъ Адамъ Смитъ, жившій нѣкоторое время во Франціи и находившійся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ *экономистовъ*, имъ обязанъ былъ своими первыми экономическими воззрѣніями. Онъ выражается о нихъ не иначе, какъ съ уваженіемъ, и даже предполагалъ посвятить свое сочиненіе о *Богатствѣ народовъ* Кене, еслибы послѣдній дожилъ до появленія въ свѣтъ этого труда.

Экономистовъ часто обвиняли въ революціонныхъ стремленіяхъ, на основаніи дружескихъ отношеній между этими учеными и философами-энциклопедистами. Но не слѣдуетъ забывать, что Вольтеръ безпощадно осмѣялъ ихъ ученіе о налогѣ въ *Homme aux quarante écus (человѣкъ съ сорока экю)*, и что Монтескьё отвѣчалъ на ихъ теорію свободной торговли статьей подъ заглавіемъ: *A quelles nations il est désavantageux de faire le commerce (какимъ народамъ невыгодно торговать)*. Тѣмъ неменѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что *экономическая* школа оказала такія же услуги, какъ и философская школа, преобразованію общественнаго порядка въ Европѣ. Между тѣмъ какъ *философы* энергически нападали на всякаго рода злоупотребленія, не обращая вниманія на выборъ оружія, *экономисты* довольствовались тѣмъ, что указывали съ истинно докторальнымъ спокойствіемъ на существенные недостатки экономическаго общественнаго устройства. Они держали себя съ достоинствомъ и съ безупречнымъ спокойствіемъ среди сыпавшихся огнемъ эпиграммъ и филиппикъ, которыми энциклопедисты преслѣдовали прошлое, и въ то же самое время поддерживали доброе согласіе и съ дворомъ, не будучи льстецами, и съ философами, не будучи революціонерами. Ихъ безпристрастное спокойствіе вызывало къ нимъ уваженіе всѣхъ партій; и самъ Людовикъ XV на-

зывалъ Кене *своимъ мыслителемъ* *. Онъ жилъ въ Версалѣ, въ королевскомъ дворцѣ, который обратился такимъ образомъ въ мѣсто собранія самыхъ смѣлыхъ преобразователей. «Между тѣмъ какъ подъ ногами Кене, говоритъ въ своихъ мемуарахъ Мармонтель, собиралась и разражалась гроза, онъ преспокойно выводилъ свои аксіомы, и дѣлалъ сельско-хозяйственныя вычисленія, оставаясь равнодушнымъ, и столькоже заботясь о придворныхъ событіяхъ, какъ еслибы находился за сто лье отъ двора.» Онъ никогда не вмѣшивался ни въ какія интриги, и умеръ на 80 году отъ рожденія, оставивъ послѣ себя имя, уважаемое во всей Европѣ, непонимавшей важнаго значенія возвѣщенныхъ имъ истинъ. Кене писалъ мало, большею частью отрывочно, и нерѣдко довольно темно. Онъ бросалъ свои мысли своимъ послѣдователямъ, какъ оракулъ, повидимому, не придавая имъ особеннаго значенія, и какъ бы ради того, чтобы дать матерьялъ для ихъ мысли. Но его формулы жадно подхватывались и разбирались многочисленными, окружавшими его приверженцами. Изъ среды послѣднихъ поданъ былъ сигналъ ко всѣмъ общественнымъ преобразованіямъ, совершеннымъ или предпринятымъ въ Европѣ въ послѣднія восемдесятъ лѣтъ, такъ что можно сказать, что за исключеніемъ нѣсколькихъ истинъ, французская революція была неболѣе, какъ приведеніемъ въ исполненіе ихъ теорій **.

Люди эти дѣйствительно представляются въ тѣсно сомкну-

---

* Онъ пожаловалъ ему въ гербъ три цвѣтка *pensée* (фіалка, анютины глазки) съ девизомъ: *Propter excogitationem mentis*, то есть, *за изобрѣтательность ума.* Прим. автора.

** Нельзя не замѣтить, что почтенный авторъ въ настоящемъ случаѣ слишкомъ уже преувеличиваетъ значеніе Кене и школы *экономистовъ*. Французы вообще смотрятъ слишкомъ пристрастно на этихъ дѣятелей. Для составленія о нихъ болѣе справедливаго мнѣнія см. прекрасную оцѣнку всей теоріи у Адама Смита: *Богатство народовъ*, главу IX книги IV, т. II, стр. 575—598, рус. изд. Вышеозначенную похвалу Бланки справедливѣе было бы отнести къ философамъ-энциклопедистамъ восемнадцатаго вѣка, дѣйствительно имѣвшимъ всемірно-историческое значеніе. Заслуги же *экономистовъ* или *физіократовъ* блѣднѣютъ при одномъ сравненіи ихъ съ заслугами Адама Смита, какъ это будетъ видно ниже. Рус. перев.

тыхъ рядахъ, подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ. Въ ихъ распоряженіи былъ одинъ призывный кличъ, общая доктрина и догматическая рѣчь, всегда оказывающая на толпу свое обычное дѣйствіе. Ихъ основныя положенія всегда провозглашались въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, съ тою же математическою точностью, а Кене не отказывался прибѣгать къ правдоподобному сопостановленію цифръ для поясненія своихъ афоризмовъ. Достаточно было трехъ страницъ для изложенія такъ называемой ими *новой науки*, но въ то же время Мирабо-отецъ растягиваетъ ее на два огромныхъ тома in-4°. Главное — то, что она проникала всюду. По мнѣнію школы, наука эта столько же необходима королю, какъ и самому скромному гражданину. Ее распространяли въ видѣ таблицъ, наставленій, разговоровъ, трактатовъ, писемъ, журнальныхъ статей. *Les Éphémérides du citoyen*, *le Journal d'agriculture*, *le Journal économique* распространяли ученіе, не боясь цензуры, до такой степени всѣ принимали *экономистовъ* за поборниковъ порядка, которому они приносили въ жертву даже свободу. Положеніе крестьянина, считавшееся до того времени столь ничтожнымъ и столь несправедливо унизительнымъ, становилось отнынѣ въ рядъ самыхъ почетныхъ. Всюду стали требовать хорошихъ путей сообщенія; съ этой эпохи возникла та лихорадочная постройка дорогъ и каналовъ, которая, къ счастью, снова начинается въ наше время. Число большихъ дорогъ, какъ бы волшебствомъ, увеличивается. Во многихъ мѣстахъ стали исчезать натуральныя повинности; безплодныя пастбища отвергнуты; всюду потребовалась свобода торговли. На села и на деревни взглянули наконецъ благосклонно изъ городовъ, и земледѣліе стало выходить изъ того жалкаго положенія, въ которомъ оно томилось въ теченіи многихъ вѣковъ.

Не всѣ, однако, *экономисты* раздѣляли вполнѣ ученіе Кене. Они сходились между собою въ принципахъ, но расходились въ ихъ примѣненіи. Собственно Гурне, негоціантъ и сынъ негоціанта, былъ авторомъ знаменитаго ученія: *Laissez faire, laissez passer*. Онъ первый началъ войну противъ монополій, и сталъ доказывать прежде всего необходимость

уничтоженія пошлинъ на сырые матерьялы. Кене, сынъ земледѣльца, обратилъ свое вниманіе преимущественно на земледѣліе, и пришелъ такимъ образомъ къ своимъ остроумнымъ гипотезамъ о значеніи земледѣльческаго производства, вмѣстѣ со всѣми выводами изъ нихъ, какъ относительно налога, такъ и относительно труда. Мальзербъ, аббатъ Морелле, Трюдень, докторъ Прайсъ, Іоссія Тукеръ придерживались оттѣнковъ Гурне; Летронъ, Сен-Перави, Мирабо-отецъ, Дюпонъ де Немуръ предпочитали исключительныя воззрѣнія Кене. Мерсье де ла Ривіеръ и аббатъ Бодо, люди, болѣе практическіе и менѣе мечтательные, склонялись къ господству власти, и желали передать ей исключительно руководительство общественнымъ движеніемъ. Отдѣльно отъ нихъ стоялъ Тюрго, родственный всѣмъ имъ, которому судьба предназначала осуществить ихъ воззрѣнія самыми быстрыми и рѣшительными мѣрами. Какъ философъ и какъ государственный человѣкъ, онъ былъ эклектикъ и практикъ. Но главнымъ достоинствомъ, отличавшимъ прежде всего эту великодушную кучку друзей человѣческаго рода, была неподкупная честность каждаго изъ нихъ и искреннѣйшее ихъ прямодушіе во всемъ. Они не искали ни блеска, ни шуму. Они не нападали ни на одну изъ существующихъ властей, и вовсе не гонялись за популярностью, хотя и были одушевлены глубокой симпатіей къ народу *. Это были настоящіе филантропы, въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова. Сочиненія ихъ забыты; но ученіе ихъ произростало какъ плодотворное зерно, а провозглашенныя ими истины обошли всю землю, освободили промышленность, воскресили земледѣліе и подготовили свободу торговли. За Кене слѣдовалъ Тюрго, а за Тюрго—Адамъ Смитъ: съ этихъ поръ наука пошла впередъ гигантскими шагами.

---

* Они стóили вполнѣ примѣненія къ нимъ слѣдующихъ словъ, выраженныхъ въ латинскомъ трехстишіи: «Эта секта охраняла средства (существованія), не упускала изъ виду будущаго, повиновалась природѣ, посвящала жизнь правдѣ и видѣла свое назначеніе въ служеніи не себѣ, а цѣлому міру.» Прим. автора.

ГЛАВА XXXIII.

Министерство Тюрго.—Предпринятыя имъ экономическія преобразованія.— Встрѣченныя имъ препятствія. — Его вліяніе на успѣхи политической экономіи.

Управленіе Тюрго было неболѣе какъ практическимъ примѣненіемъ ученія *экономистовъ*. Въ первый еще разъ наука была настолько счастлива, что встрѣтила государственнаго человѣка, готоваго осуществить всѣ ея выводы, и попытаться повѣрить ихъ самою жизнью. Тюрго принялся за это со всею горячностью новообращеннаго и съ добросовѣстною настойчивостью человѣка, облеченнаго властью. Замѣчательнѣйшій изъ его предшественниковъ, Кольберъ, несмотря на то, что опирался на волю такого человѣка, какъ Людовихъ XIV, все же не рѣшался на такія коренныя преобразованія: ничего, стало быть, не можетъ быть интереснѣе схватки Тюрго со всѣми застарѣлыми экономическими предразсудками, которыя онъ разомъ хотѣлъ вырвать съ корнемъ. Результаты такой геройской попытки несомнѣнно заслуживаютъ одинаково заботливаго вниманія, какъ народовъ, такъ и правительствъ, потому что для успѣшнаго окончанія подобной попытки потребовалось неменѣе революціи.

Тюрго былъ воспитанникомъ *экономистовъ* и послѣдователемъ ихъ ученія, въ особенности въ вопросѣ о свободѣ хлѣбной торговли и о поземельномъ налогѣ. Его сочиненія служатъ вѣрнымъ отголоскомъ основныхъ положеній теоріи Кене. Но онъ, тѣмъ неменѣе, не былъ безусловнымъ ихъ сторонникомъ, а административная его дѣятельность не разъ давала ему чувствовать, какая необходима осторожность въ приведеніи въ исполненіе даже самыхъ неотлагательныхъ преобразованій. Къ сожалѣнію, встрѣченное имъ яростное сопротивленіе возмущало его честность, и не позволяло ему постоянно сохранять необходимую умѣренность среди столкновенія разнорѣчивыхъ воззрѣній. Эти препятствія очень часто, раздражая его, мѣшали ему оставаться въ границахъ

необходимой умѣренности. Плачевное положеніе сельскаго населенія, изнемогавшаго подъ тяжестью десятинъ, барщины, и всякаго рода вымогательствъ, рано остановило на себѣ его вниманіе. Въ городахъ онъ столько же пораженъ былъ безвыходной нищетой рабочихъ классовъ, а цеховое устройство, такъ явно нарушавшее уваженіе къ *личной собственности*, не одобрялось имъ въ высшей степени. Вотъ почему, тотчасъ же по достиженіи власти онъ началъ свои преобразованія съ какою то лихорадочною поспѣшностью, какъ бы боясь, что у него не хватитъ времени на ихъ окончаніе, и желая, по крайней мѣрѣ хоть михоходомъ сдѣлать все возможное благо. Преобразовательные указы слѣдовали одинъ за другимъ, съ подробными объясненіями вызывавшихъ ихъ побужденій, быть можетъ, даже слишкомъ подробными, чтобы не сказать робкими, и болѣе похожими на ученыя разсужденія, чѣмъ на правительственныя мѣры.

Но съ другой стороны, сколько предстояло одолѣть сопротивленій, сколько слѣдорало опровергнуть предразсудковъ, сколько разрушить коалицій! Онъ не щадилъ никого: ни дворянъ, ни капиталистовъ, ни мѣщанъ, ни духовныхъ, ни законниковъ, ни монополистовъ; онъ всѣхъ хотѣлъ подчинить своимъ реформамъ, и, повидимому, ни въ чемъ не-отчаивался. «*Я отвѣчаю*, говорилъ онъ королю, *что чрезъ десять лѣтъ народъ такъ измѣнится, что его нельзя будетъ узнать**.

Вѣрный принципамъ *экономической* школы, первое свое вниманіе онъ обратилъ на села, и считалъ своимъ долгомъ сдѣлать нападеніе на нелѣпое законодательство, запрещавшее вывозъ хлѣба, убѣжденный, что свободное перемѣщеніе этого продукта есть лучшее средство противъ голода. Но съ этой то именно стороны онъ и встрѣтилъ самое сильное противудѣйствіе и самыя неодолимыя затрудненія. Судьбѣ угодно было, чтобы освобожденіе хлѣбной торговли совпало съ неурожайнымъ годомъ, а народъ, привыкшій смотрѣть на хлѣбные магазины, какъ на священные запасы, возсталъ во многихъ мѣстностяхъ противъ вывоза хлѣба, съ виду грозив-

* Записка, поданная королю, въ изданіи Дюпона де Немура, т. VII.

шаго ему голодомъ. Между тѣмъ, это былъ даже вовсе не вывозъ, а *внутреннее* перемѣщеніе, ибо хлѣбъ перевозился изъ одной провинціи въ другую, и Франція вовсе не лишалась своего хлѣба; мало того, Тюрго заботился о доставкѣ хлѣба изъ за границы, но всѣ эти мѣры оказались безсильны противъ страха и клеветы. Да и чего можно было ожидать отъ толпы, если такіе писатели, какъ аббатъ Галліани и самъ Неккеръ, выступили для защиты одного изъ нелѣпѣйшихъ предразсудковъ? Тюрго, доведенный до отчаянія, рѣшился прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, и послалъ войска противъ шаекъ мятежниковъ, распространившихся по селамъ, гдѣ онѣ ожидали подвозовъ хлѣба для его разграбленія*. Таковы были слѣдствія первыхъ преобразовательныхъ попы-

* Этою мѣрою Тюрго хотѣлъ воспрепятствовать дѣйствію *Договора о голодѣ (Pacte de famine)*. Дѣло вотъ въ чемъ. Съ совершеннолѣтія Людовика XV открылся рядъ голодныхъ годовъ. Самыми ужасными были : 1740, 1741, 1745, 1767, 1768, 1775, 1776, 1784 и 1789. Одною изъ мѣръ для предупрежденія и ослабленія дѣйствія голода, (а всѣ онѣ вообще отличались нелѣпостью, и сопровождались злоупотребленіями) было учрежденіе знаменитаго, чудовищнаго, анонимнаго общества, заклейменнаго народомъ прозвищемъ *Договора о голодѣ (Pacte de famine)*. Указомъ 13-го Іюля 1729 была введена во всей Франціи монополія торговли хлѣбомъ, отданная на откупъ компаніи (въ числѣ ея членовъ была нетолько знать и министры, но и самъ Людовикъ XV, пай котораго составлялъ 10 мильоновъ франковъ). Срокъ откупа былъ двѣнадцатилѣтній; но откупщики могли возобновить его снова на 12 лѣтъ, по его истеченіи. Скупая хлѣбъ, гдѣ только можно было, пользуясь дешевизною, поднимая и понижая искуственно цѣны на него, и затѣмъ, продавая его изъ своихъ центральныхъ магазиновъ, (главные были на островахъ Жерси и Гернси), по произвольнымъ цѣнамъ, пользуясь возвышеніемъ его цѣны, вслѣдствіе усиливавшагося спроса, вызывавшагося искуственнымъ, ими производимымъ въ немъ недостаткомъ, они страшно наживались на счетъ умиравшаго съ голоду народа. О защитѣ противъ подобной спекуляціи общественными бѣдствіями, въ которой принимало главное участіе само правительство, не могло быть и рѣчи до 1789 г. Писать и говорить противъ *Договора о голодѣ* было запрещено подъ страхомъ Бастиліи. Прево де Бомона, осмѣлившагося замолвить слово въ защиту разоряемаго народа, засадили въ нее на вѣки. По счастью, этотъ вѣкъ кончился 5 Сентября 1789 г. Тюрго попробовалъ свободою внутреннихъ передвиженій хлѣба противудѣйствовать мѣ-

токъ этого честнѣйшаго изъ министровъ, про котораго Людовикъ XVI говорилъ: «*Только Тюрго, да я, и любимъ народъ**.» Онъ старался, чтобы никто не нуждался въ хлѣбѣ, и былъ за это заклейменъ названіемъ общественнаго врага. На него смотрѣли, какъ на покровителя хлѣбныхъ барышниковъ и какъ на соумышленника богатыхъ поземельныхъ собственниковъ. Приводили нѣкоторыя злополучныя мѣста изъ *экономистовъ*, стоявшихъ за необходимость высокой цѣны хлѣба**, чтобы увеличить *чистый доходъ*, доставляемый земледѣліемъ, и обвиняли Тюрго въ томъ, что онъ готовъ былъ морить народъ голодомъ, чтобы доказать справедливость какой то нелѣпой утопіи. Только при содѣйствіи засѣданій, въ которыхъ присутствовалъ самъ король *(lits de justice)****, ему уда-

---

рамъ *Договора о голодѣ;* знать и дворъ догадались, что съ его паденіемъ, погибнутъ источники ихъ злодѣйской наживы, и разными тайными мѣрами, интригами и деньгами, искуственно возмутили народъ; страшно завопили въ Версалѣ, подъ окнами Людовика XVI, agents provocateurs, и вмѣстѣ съ обманутымъ народомъ требовали смерти Тюрго, будто бы главной причины голода, называя его *шарлатаномъ администраціи (charlatan d'administration)*. Перепуганный король отмѣнилъ указъ. И дѣйствительно, народъ страдалъ страшно, и одною изъ причинъ революціи можно смѣло считать это систематическое, громадное разореніе третьяго и сельскаго сословій, которымъ наконецъ ничего не оставалось, кромѣ возстанія, ибо выбора между смерью на эшафотѣ за мятежъ и смертью дома съ голода быть не могло. Рус. перев.

* Если фраза эта дѣйствительно приводилась королемъ, то она, къ сожалѣнію, не имѣетъ особеннаго вѣса, ибо отъ словъ до дѣла еще очень далеко. Бонмеръ *(Histoire des paysans*, т. II, стр. 216), приписывая Людовику XVI назначеніе политически освободить свой народъ, весьма вѣрно замѣчаетъ, что онъ погибъ отъ того, что не призналъ за собою этого назначенія, несмотря даже на то, что имѣлъ у себя подъ рукой такого человѣка, какъ Тюрго. Мало того, во всѣхъ его поступкахъ нельзя не видѣть весьма лицемѣрнаго отношенія къ такому своему назначенію. Рус. перев.

** «Напрасно думаютъ, писалъ Кене, что дешевизна съѣстныхъ припасовъ выгодна для простаго народа; неурожай и дороговизна составляютъ нищету, изобиліе и дороговизна составляютъ богатство.» *(Maximes générales du gouvernement économique, XIX* и *XX)*. Но какъ же согласить дороговизну съ изобиліемъ! Прим. автора.

*** Подъ именемъ *lit de justice (ложе правосудія)* разумѣется такое

лось подавить опозицію, составившуюся противъ него въ парламентѣ. Въ Руанѣ вся хлѣбная торговля находилась въ рукахъ одной компаніи изъ 112 купцовъ. Они одни имѣли право покупать и продавать хлѣбъ въ этомъ городѣ. Артель, состоящая изъ 90 носильщиковъ, пользовалась исключительнымъ правомъ переносить кули съ хлѣбомъ; другое товарищество захватило въ свои руки право молоть хлѣбъ для города. Все было отдано въ монополію, кругомъ господствовали злоупотребленія и насилія. Вотъ противъ чего направилъ свои удары Тюрго, но каждый изъ наносимыхъ имъ ударовъ падалъ на собственную его голову. Читая длинныя вступленія во всѣ изданные имъ указы, не знаешь, чему болѣе удивляться, долготерпѣнію ли людей, выносившихъ указываемыя имъ вымогательства, или безумію тѣхъ, которые рѣшались сопротивляться намѣреніямъ этого честнаго министра положить имъ конецъ. Онъ встрѣтилъ тѣ же препятствія, когда, по освобожденіи торговли хлѣбомъ, онъ принялся за искорененіе злоупотребленій, стѣснявшихъ торговлю виномъ. Въ настоящее время, послѣ того какъ мы привыкли, со времени Учредительнаго собранія, къ мысли о равенствѣ передъ закономъ всѣхъ гражданъ и всѣхъ *департаментовъ*, трудно понять тѣ яростные вопли, которыми встрѣчены были, въ особенности въ южной Франціи, преобразованія, касавшіяся без-

---

засѣданіе парламента, въ которомъ предсѣдательствовалъ король, и которое сопро ождалось особенными церемоніями. Оно называлось *ложемъ*, потому что король сидѣлъ на нѣсколькихъ, наложенныхъ одинъ на другомъ, обтянутыхъ драгоцѣнною тканью, тюфякахъ. Мнѣнія членовъ такого парламентскаго засѣданія, на окончательное рѣшеніе, подносилъ королю колѣнопреклоненный канцлеръ. Засѣдавшіе вельможи Франціи подавали свои мнѣнія въ полголоса. Постановленія такихъ засѣданій заканчивались словами: fait en parlement, le roi y séant en son lit de justice.

Французскіе парламенты (ихъ было нѣсколько) не должно смѣшивать съ англійскимъ учрежденіемъ того же имени. Это были совершенно особенныя, своеобразныя учрежденія, по прекращеніи собраній государственныхъ сословій, бывшія носителями и защитниками французской свободы. См. подробности о нихъ въ приложенной къ этому тому статьѣ о третьемъ сословіи во Франціи. Рус. перев.

численныхъ мѣстныхъ привилегій относительно производства и торговли виномъ. Что же сказать послѣ этого о борьбѣ, открывшейся между хранителемъ государственной печати, Мироменилемъ, и Тюрго по вопросу объ уничтоженіи натуральныхъ повинностей?

Нужно прочитать въ собраніи сочиненій Тюрго, съ какою силой мысли и языка указывалъ онъ на жестокость системы, возлагавшей на несчастнѣйшій и на бѣднѣйшій классъ народа сооруженіе и содержаніе дорогъ*. А чего стоило Тюрго добиться этихъ самыхъ дорогъ? Мало кому извѣстно во Франціи, что ученію *экономистовъ* и земледѣльческой системѣ, мы обязаны мыслью** о первыхъ великихъ путяхъ сообщенія, которыми обладаетъ страна, а Тюрго—приведеніемъ въ исполненіе этой мысли. Когда поднялся вопросъ о распредѣленіи налога, идущаго на содержаніе дорогъ, между различными классами населенія, то Тюрго, вѣрный своимъ принципамъ, принялъ на себя защиту бѣдныхъ, а Мироменилъ опечалился судьбой богатыхъ. Вотъ отрывокъ изъ разговора между ними, записанный однимъ—въ видѣ *замѣчаній*, а другимъ—въ видѣ *отвѣтовъ* на нихъ. Къ сожалѣнію, мы можемъ привести только отрывокъ изъ него, но этотъ отрывокъ принадлежитъ исторіи науки.

Хранитель печати. «Собственники, представляющіеся на первый взглядъ тою частью подданныхъ короля, которая пользуется наибольшимъ счастіемъ и довольствомъ, представляютъ въ то же самое время людей, болѣе всего обремененныхъ повинностями, которые вынуждаются самой необходимостью доставлять необходимое содержаніе употребляемымъ ими въ дѣло людямъ, неимѣющимъ для своего существованія ничего, кромѣ рукъ своихъ.»

---

* Томъ VIII изданія Дюпона де Немура, стр. 178—262.

** «Слѣдуетъ облегчать сбытъ и перевозку произведеній почвы и обработанныхъ товаровъ исправнымъ содержаніемъ дорогъ и поощреніемъ судоходства по каналамъ, рѣкамъ и морямъ; ибо, чѣмъ болѣе сберегается расходовъ на торговлю, тѣмъ болѣе увеличивается доходъ, доставляемый территоріей.» *Maximes générales du gouvernement économique*, XVII. Прим. автора.

Тюрго. «Изъ того, что на поземельномъ собственникѣ отражается разореніе его фермера, еще не слѣдуетъ, чтобы фермеръ не былъ еще болѣе несчастливъ, чѣмъ его помѣщикъ. Когда верховая лошадь падаетъ отъ усталости, то вмѣстѣ съ нею падаетъ и всадникъ; но лошадь, тѣмъ неменѣе, еще болѣе заслуживаетъ сожалѣнія. Поземельные собственники своими издержками доставляютъ средства существованія людямъ, у которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ своихъ рукъ, но собственники пользуются за свои деньги всѣми удобствами жизни. Поденьщикъ работаетъ, и въ потѣ лица своего снискиваетъ себѣ самое скудное пропитаніе. Но, принуждая его трудиться даромъ, у него отнимаютъ даже возможность существовать издержками богатаго.»

Хранитель печати. «Не одни поземельные собственники пользуются выгодами хорошихъ путей сообщенія. Путешественники, извощики и даже сами крестьяне, идущіе пѣшкомъ, одинаково пользуются ими; путешественники проѣзжаютъ бо́льшія пространства въ меньшее время и съ меньшими издержками; извощики мéнѣе утомляютъ своихъ лошадей и менѣе ломаютъ телѣгъ; простому крестьянину легче и пріятнѣе идти по хорошей, чѣмъ по дурной дорогѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что выгодою хорошихъ дорогъ, сравнитетьно, пользуются одинаково всѣ подданные короля.»

Тюрго. «Правда, путешественники извлекаютъ ту пользу изъ хорошихъ дорогъ, что быстрѣе проѣзжаютъ по нимъ. Хорошее состояніе дорогъ привлекаетъ путешественниковъ, и увеличиваетъ ихъ число, но они истрачиваютъ больше денегъ и потребляютъ большее количество туземныхъ продуктовъ, что̀ всегда обращастся въ пользу поземельныхъ собственниковъ. Правда и то, что извощики получаютъ въ такомъ случаѣ меньшую плату за перевозку товаровъ, такъ какъ они находятся въ пути меньше времени, и меньше портятъ свои телѣги и лошадей. Отъ уменьшенія расходовъ не перевозку зависитъ возможность отправлять товары дальше, и выгоднѣе продавать ихъ. Такимъ образомъ, вся выгода снова обращается въ пользу поземельныхъ собственниковъ, выручающихъ больше за свои произведенія. Что же касается до простыхъ кресть-

янъ, путешествующихъ пѣшкомъ, то да позволено мнѣ будетъ замѣтить господину хранителю печати, что удовольствіе идти по мощеной дорогѣ вовсе не вознаграждаетъ ихъ за даровой трудъ ея сооруженія*.»

Изъ этого быстраго обмѣна мыслей между Тюрго и Мироменилемъ видно, что оба они одинаково поверхностно смотрѣли на дѣйствительную пользу, доставляемую исправнымъ содержаніемъ дорогъ. Оба они выказываютъ одинакое незнакомство съ здравыми понятіями о народномъ богатствѣ; но за то, какое различіе въ ихъ отношеніяхъ къ интересамъ рабочихъ классовъ! Какимъ горячимъ сочувствіемъ проникнутъ къ нимъ одинъ, и какое холодное равнодушіе къ нимъ другаго! Вотъ что было, между тѣмъ, уже произведено уроками *экономистовъ*, и на какую почву поставлены были экономическіе вопросы! Тюрго не сходилъ съ нея во все продолженіе своего управленія, и неуклонно переходилъ отъ одного вопроса къ другому, какъ бы слѣдуя заранѣе принятой программѣ, для рѣшенія всѣхъ задачъ, поднятыхъ школой Кене. Вслѣдъ за указомъ, отмѣнявшимъ натуральныя повинности, изданъ былъ знаменитый февральскій указъ 1776, важнѣйшее изъ дѣяній Тюрго—хартія освобожденія рабочихъ классовъ. Историку настоящаго времени приходится только помянуть съ уваженіемъ эту геройскую попытку, окончив-

---

* До Тюрго дороги строили и поддерживали натуральными повинностями сельскаго населенія. Онъ же попробовалъ, въ Лимузенской провинціи, гдѣ онъ былъ интендантомъ, замѣнить эту повинность, лежавшую на однихъ крестьянахъ, общимъ, пропорціональнымъ налогомъ на поземельную собственность, какъ дворянъ и духовныхъ, такъ и поселянъ. Эта мѣра встрѣтила страшное сопротивленіе, какъ со стороны поземельныхъ собственниковъ, которые привыкли пользоваться даромъ хорошими дорогами, такъ и со стороны крестьянъ, которыхъ землевладѣльцы увѣрили, что собравъ деньгами подать на дороги, Тюрго, какъ всѣ интенданты того времени, положитъ ее въ карманъ, и все таки станетъ продолжать строить и поддерживать дороги натурою, то есть, что крестьяне поплотятся вдвое. Тюрго однако одолѣлъ эти препятствія, и дороги стали строиться по его системѣ. Такъ выстроена была дорога отъ Парижа до Тулузы и Бордо черезъ Ангулемъ. Рур. перев.

шуюся почти немедленнымъ возвращеніемъ къ старой системѣ монополій и привилегій*; но нѣсколько лѣтъ позже она одержала побѣду при содѣйствіи революціи. Уничтоженіе цеховаго устройства было тоже одной изъ великихъ и прекраснѣйшихъ мѣръ, значеніе которой еще болѣе было поднято словами безсмертнаго предисловія къ ней, быть можетъ, благороднѣйшими, какія когда либо заимствовало правительство у науки! «Богъ, одарилъ человѣка потребностями, говорилось въ предисловіи къ указу, и, указавъ на трудъ, какъ на необходимое средство для ихъ удовлетворенія, обратилъ права труда въ неотъемлемую собственность каждаго человѣка, и *собственность эта есть самая первая, самая священная и самая непреложная.* Вотъ почему мы желаемъ отмѣнить тѣ произвольныя учрежденія, которыя лишаютъ бѣднаго возможности жить своимъ трудомъ, подавляютъ соревнованіе и промышленность, и дѣлаютъ безполезными таланты тѣхъ людей, которымъ обстоятельства не позволяютъ поступать въ цехи; которыя обременяютъ промышленность огромными налогами, отягощающими подданныхъ безъ всякой пользы для государства; которыя, наконецъ, доставляя людямъ, попавшимъ въ цехъ, возможность составлять стачки и вынуждать подчиненіе болѣе бѣдныхъ членовъ корпораціи богатымъ, обращаются въ орудіе монополій, и чрезмѣрно возвышаютъ цѣны на продукты, болѣе всего необходимые для существованія народа.» Въ такомъ строгомъ духѣ

---

* Указъ 1776 года былъ отмѣненъ три мѣсяца послѣ его обнародованія. Прим. автора.

Этотъ указъ встрѣтилъ страшное сопротивленіе со стороны аристократіи. Составлены были искуственные мятежи, съ цѣлью увѣрить короля, что простой народъ противъ уничтоженія натуральныхъ повинностей и косвенныхъ налоговъ, и король повѣрилъ этому. Аристократія, духовенство и королева горячо вступились за исконныя феодальныя преимущества дворянъ и поземельныхъ собственниковъ—жить на чужой счетъ, и прибѣгать къ собственной расправѣ съ тѣмъ, кто осмѣлится выказать имъ сопротивленіе. Тюрго былъ смѣненъ; его мѣсто занялъ Клюньи, и дворянство успокоилось, а дороги стали строиться постарому, даромъ, руками крестьянъ, пока не вспыхнула наконецъ революція. Рус. перев.

и съ такимъ достоинствомъ написанъ весь указъ, нещадившій ни одного изъ злоупотребленій и заклеймившій всѣ, открывъ людямъ глаза на продолжительный гнетъ, подъ которымъ изнемогали ихъ отцы, и на нелѣпость всѣхъ этихъ совершенно безполезныхъ стѣсненій. То, что̀ сказано было нами выше* по этому поводу, дозволяетъ намъ не входить въ дальнѣйшее разъясненіе этого вопроса, всѣми признаваемаго рѣшеннымъ и до послѣдней степени очевидности доказаннаго опытомъ и наблюденіемъ.

Освободивъ земледѣльца отъ натуральныхъ повинностей, а ремесленника — отъ цеховыхъ стѣсненій, Тюрго пожелалъ освободить торговца изъ рукъ ростовщичества, и взялся за это преобразованіе съ тою смѣлой рѣшительностью, которою отличались всѣ его реформы. Въ 1769 онъ напечаталъ въ высшей степени замѣчательную брошюру: *Sur les prêts d'argent (О денежныхъ ссудахъ)*, въ которой были указаны всѣ главнѣйшія неудобства, сопряженныя съ законодательствомъ, ограничивающимъ величину лихвеннаго процента, впослѣдствіи еще неотразимѣе опровергнутаго Іереміей Бентамомъ: цѣль его шла дальше, и для довершенія своего прекраснаго намѣренія, онъ задумалъ учредить ссудную кассу, которая низкимъ процентомъ умѣряла бы непомѣрныя требованія капиталистовъ. Ему пришла даже въ голову мысль опубликовывать совершаемыя закладныя, чтобы поземельнымъ собственникамъ невозможно было, какъ онъ полагалъ, уклоняться отъ своихъ долговъ. Былъ ли его разсчетъ вѣренъ или ошибоченъ, нельзя не сочувствовать той заботливости, съ которой онъ стремился ко всѣмъ преобразованіямъ, имѣвшимъ цѣлью поощрить трудъ и производство въ нашей странѣ.

Теперь оставалось Тюрго подвергнуться самому важному испытанію, а именно — взяться за преобразованіе налоговъ. По этому вопросу нелѣпыя воззрѣнія *экономистовъ* были причиной самыхъ пагубныхъ его ошибокъ. Безусловная доктрина о *чистомъ доходѣ*, въ сущности, была весьма невин-

---

* См. гл. XIX этого сочиненія, посвященную разбору учрежденій Людовика Святаго. Прим. автора.

наго свойства, пока она не выходила изъ тѣснаго круга отвлеченностей, но было въ высшей степени опасно перевертывать вверхъ дномъ всю фискальную систему Франціи ради торжества простой гипотезы. Подъ вліяніемъ горячаго желанія облегчить отъ тягости налоговъ бѣдные классы общества и освободить отъ стѣсненій всякаго рода промыслы, Тюрго нисколько не сомнѣвался, что приведеніемъ всѣхъ податей къ одному поземельному налогу, онъ настигнетъ имъ исключительно *чистый доходъ*, то есть, ежегодное производство естественныхъ силъ почвы. Цѣль его состояла въ томъ, чтобы часть этого чистаго дохода поступала въ государственную казну, а другая оставалась въ рукахъ его собственниковъ, природныхъ распредѣлителей заработной платы по теоріи Кене. Но поземельные собственники весьма основательно перепугались подобнаго опыта, направленнаго противъ самаго источника ихъ дохода, и тотчасъ же понижавшаго цѣнность ихъ имѣній, на которыя ложилась отнынѣ тяжесть всѣхъ налоговъ. Сверхъ того, намѣреніе Тюрго было дѣломъ и несправедливымъ въ томъ отношеніи, что дѣйствительныя цѣнности, создаваемыя всѣми прочими работниками, кромѣ земледѣльцевъ, освобождались отъ налога, какъ будто бы онѣ не представляли богатства, между тѣмъ какъ въ дѣлѣ онѣ были имъ. Такимъ образомъ, поземельнымъ собственникамъ приходилось однимъ вынести на себѣ всѣ фискальныя послѣдствія ложной теоріи; ихъ разоряли самымъ чистосердечнымъ образомъ, провозглашая ихъ въ то же самое время производителями по преимуществу. Для науки была большимъ несчастіемъ поспѣшность, съ которою Тюрго взялся за примѣненіе рискованной и столь нелѣпой теоріи, какъ будто бы справедливость ея была доказана съ математической точностью. Да и въ такомъ даже случаѣ государственному человѣку слѣдовало бы болѣе щадить прошлое. Какъ бы ни были глубоки его убѣжденія, ему слѣдовало взяться за подобныя преобразованія не съ поспѣшностью горячаго сектатора, а съ благоразуміемъ законодателя. Его ошибка, повторенная впослѣдствіи Учредительнымъ собраніемъ, ввергла Францію въ величайшія бѣдствія, лишивъ надолго ея правительство огром-

ныхъ средствъ, представляемыхъ косвенными налогами, въ основаніи которыхъ лежитъ производство движимыхъ цѣнностей, какъ въ основаніи поземельнаго налога лежитъ производство земледѣльческаго богатства.

Такимъ же образомъ Тюрго отвергалъ государственные займы, а на его ссудную кассу вовсе нельзя смотрѣть, какъ на мѣру, имѣвшую цѣлью возстановленіе общественнаго кредита. Экономическая школа рѣшительно не признавала вліянія кредита на общественное благосостояніе. По ея ученію, никакъ нельзя было разсчитывать впередъ, даже ради полезныхъ цѣлей, на государственный доходъ будущаго года, и такъ какъ она мечтала о золотомъ вѣкѣ, то и не допускала возможности затруднительныхъ обстоятельствъ. Подъ вліяніемъ этихъ же философскихъ вѣрованій, Тюрго взялся за уничтоженіе цеховыхъ корпорацій. Онъ далекъ былъ отъ мысли, что это великое дѣло освобожденія, заслуживающее, впрочемъ, полнаго одобренія, можетъ быть сопряжено съ такими неодолимыми препятствіями, что для приведенія его въ исполненіе, потребуется со временемъ геніальный человѣкъ, быть можетъ, болѣе смѣлый, чѣмъ онъ, хотя и не столь прямодушный. Онъ счастливъ былъ одной мыслью освожденія труда столькихъ *подматерьевъ*, этихъ крѣпостныхъ, прикрѣпленныхъ къ мастерскимъ. Ему виднѣлась въ перспективѣ такая блестящая будущность для французскаго народа, которому возвращалось столько производительныхъ силъ! Кто могъ бы его увѣрить тогда, что черезъ полвѣка конкуренція работниковъ вызоветъ паденіе заработной платы, пауперизмъ и всевозможныя бѣдствія, помрачающія блескъ современной намъ цивилизаціи! Онъ съ такою же твердостью стремился къ осуществленію утопій, какъ и къ искорененію злоупотребленій, такъ что трудно понять, какъ онъ нашелъ въ своей министерской власти силы, достаточныя для приведеніе въ исполненіе столькихъ преобразованій, въ эпоху, вогда министры вообще не пользовались особенной силой. Онъ предполагалъ уничтожить монастыри, уравнять наноги, ввести одно гражданское законодательство для всего королевства, установить одинъ вѣсъ и однѣ мѣры, преобразовать систему народ-

наго просвѣщенія, учредить кадастръ, не говоря о множествѣ второстепенныхъ мѣръ, свидѣтельствующихъ столько же о его административной заботливости, какъ и о его просвѣщенныхъ взглядахъ. «Онъ обращался съ живыми людьми, говоритъ Сенакъ-де-Мейлянъ *, какъ хирургъ обращается съ трупами; всюду онъ видѣлъ только дѣло, и не обращалъ вниманія на лица. Эта кажущаяся суровость была слѣдствіемъ чистоты его души; ему казалось, что всѣ люди одушевлены одинаковымъ стремленіемъ къ всеобщему благу; въ въ противномъ же случаѣ, это были мерзавцы, которые не заслуживали никакой пощады.»

Вотъ почему преобразовательные планы Тюрго со всѣхъ сторонъ встрѣчены были самымъ упорнымъ сопротивленіемъ. Много ихъ исходило отъ двора, но еще болѣе—отъ городскаго управленія. Бо̀льшая часть сопротивленій была дѣломъ несправедливымъ и постыднымъ, потому что вызывалась личными интересами **; недовольство другихъ, напротивъ того, казалось основательнымъ, ибо министръ-реформаторъ мало обращалъ вниманія на требованія прошедшаго. Главное зерно

---

* Умеръ въ 1803. Былъ одно время главноуправляющимъ хозяйственною частью французской арміи, писалъ много; замѣчательнѣе всего его сочиненіе *Considérations sur les richesses et le luxe*. Paris. 1787.. Рус. перев.

** Между полезными нововведеніями Тюрго, тѣмъ неменѣе, вызвавшими всеобщій ропотъ, слѣдуетъ упомянуть о заведеніи первыхъ общественныхъ почтовыхъ дилижансовъ, подорвавшихъ своей конкуренціей прежнихъ монополистовъ сухопутныхъ перевозовъ. Этимъ онъ оказалъ огромную услугу всѣмъ классамъ общества. На министра, тѣмъ неменѣе, посыпались эпиграммы. Вотъ одна изъ нихъ, написанная по этому случаю:

Ministre ivre d'orgueil, tranchant du souverain,
Toi, qui sans t'émouvoir fait tant de misérables,
Puisse ta poste absurde aller un si grand train,
Qu'elle te mène à tous les diables!

(Министръ, упоенный гордостью, мечъ государя, ты, который хладнокровно пускаешь по міру столькихъ несчастныхъ, о, еслибы твоя нелѣпая почта могла ходить такъ быстро, чтобы унести тебя ко всѣмъ чертямъ!) Прим. автора.

оппозиціи вышло изъ парламентовъ, на которые многіе смотрѣли тогда, какъ на главныхъ поборниковъ прогресса, и которые оказали Тюрго самое упорное изъ всѣхъ встрѣченныхъ имъ сопротивленій. Нельзя не отнестись съ чувствомъ самаго глубокаго уваженія къ той неутомимой энергіи, съ которой поддерживалъ этотъ истинно добродѣтельный человѣкъ ожесточенную борьбу, непрекращавшуюся во все продолженіе его министерской карьеры. Одинъ изъ друзей его какъ то упрекнулъ его въ излишней поспѣшности, съ которой онъ приводилъ въ исполненіе свои преобразованія. «Какъ вы можете говорить это, отвѣчалъ Тюрго? Развѣ вы не знаете нуждъ народа и того обстоятельства, что въ моемъ семействѣ обыкновенно умираютъ въ 50 лѣтъ отъ подагры.» Эти слова служатъ объясненіемъ всѣхъ его поступковъ. Тюрго былъ виноватъ только въ томъ, что желалъ слишкомъ рано и во что бы то ни стало осуществленія того, что онъ считалъ полезнымъ для своей страны. Его стремленія къ улучшеніямъ простирались на все, на поэзію, на воспитаніе, на астрономію: «Вотъ вы теперь взялись и за физику, сказалъ ему какъ то аббатъ Морелле, какъ за администрацію, вступая въ борьбу съ природой, которая сильнѣе васъ, и по законамъ которой человѣкъ ни въ чемъ не знаетъ должной мѣры.» Несмотря на всѣ свои ошибки и административныя неудачи, Тюрго, до послѣдней минуты своей жизни *, оставался самымъ ревностнымъ приверженцемъ ученія *экономистовъ*, къ которому онъ относился съ самымъ горячимъ религіознымъ убѣжденіемъ. Его филантропія доходила до того, что ему хотѣлось, чтобы прислуга его имѣла такое же удобное помѣщеніе, какъ самъ онъ, и для этой цѣли онъ дѣлалъ значительныя издержки по содержанію своего дома.

Тюрго оставилъ послѣ себя много сочиненій, тщательно собранныхъ Дюпономъ де Немуромъ **. Государственные дѣя-

---

* Умеръ въ 1781.

** Это собраніе состоитъ изъ девяти томовъ in—8°, изданныхъ въ 1808—1811. Къ нему приложена біографія Тюрго, которая уступаетъ статьѣ о немъ Кондорсе. Прим. автора.

Творенія Тюрго были снова изданы Эженомъ Деромъ, съ примѣ-

тели послѣдующаго времени и всѣхъ странъ могутъ почерпчуть изъ нихъ много полезныхъ свѣдѣній, ибо министръ этотъ не принимался ни за какую реформу, предварительно глубоко не изслѣдовавъ ее: всѣ почти его введенія къ указамъ представляютъ полные трактаты по предмету, о которомъ идетъ рѣчь. Самое любопытное изъ его сочиненій есть его *Traité de la formation et de la distribution des richesses (Разсужденіе объ образованіи и распредѣленіи богатствъ);* и хотя оно глубоко запечатлѣно воззрѣніями *экономистовъ*, тѣмъ неменѣе, въ немъ уже проглядываютъ первые признаки раскола, ведущаго къ ученію Адама Смита. Раздѣленіе труда, истинное значеніе монеты, механизмъ торговаго дѣла, разобраны въ этомъ разсужденіи съ замѣчательною ясностью и точностью. Никому изъ экономическихъ писателей девятнадцатаго вѣка не удалось доказать лучше Тюрго вліяніе величины лихвеннаго процента на всѣ промышленныя предпріятія. «На него можно смотрѣть, говоритъ Тюрго, какъ на родъ уровня, ниже котораго прекращается всякій трудъ, всякое земледѣліе, всякій промыселъ, всякая торговля. Это—какъ море, покрывающее обширную область: вершины горъ подымаются надъ водой, и составляютъ плодородные и воздѣланные острова. Если море отступитъ, то по мѣрѣ его пониженія, земли, лежащія на отлогостяхъ, а затѣмъ долины и плоскія мѣста обнажаются, и покрываются всякаго рода произведеніями. Достаточно, чтобы воды прибыло или убыло на одинъ футъ, чтобы затопить или сдѣлать годными для воздѣлыванія огромныя пространства. Изобиліе капиталовъ даетъ жизнь всѣмъ предпріятіямъ, а низкій денежный процентъ представляетъ одновременно, какъ слѣдствіе, такъ и признакъ этого изобилія.»

чаніями Дюпона де Немура, неизданными письмами, статьями о торговлѣ и новыми примѣчаніями Дера и Дюссора. Это замѣчательное изданіе (1844, 2 тома) составляетъ часть *Collection des principaux économistes*, Гильомена. Фран. изд.

О Тюрго есть по русски небольшое сочиненіе профессора Ришельевскаго лицея, С. Муравьева, подъ заглавіемъ: *Тюрго, его ученая и административная дѣятельность*. Москва, 1858. Рус. перев.

Разсужденіе объ образованіи и распредѣленіи богатствъ девятью годами опередило сочиненіе Адама Смита, и было не безъ вліянія на ученіе знаменитаго шотландскаго экономиста. Тюрго былъ одинаковаго съ нимъ мнѣнія относительно ссуды денегъ за проценты, свободы торговли и промышленности, процента на капиталы, значенія путей сообщенія, элементарныхъ частей цѣны товаровъ и относительно вопроса объ образованіи капиталовъ. Для Тюрго можно считать большой славой уже то, что онъ предшествовалъ величайшему изъ писателей, которымъ только можетъ гордиться наука, и что по множеству вопросовъ его можно считать предвѣстникомъ Адама Смита; но его главнѣйшая заслуга заключалась въ томъ, что онъ приложилъ къ дѣлу первыя теоріи, которыя были смѣло поставлены политико-экономической наукой, что онъ подвергнулъ ихъ повѣркѣ путемъ опыта, и представилъ ихъ на судъ не однихъ только ученыхъ, но и всего общества. Вся литература второй половины восемнадцатаго вѣка носитъ на себѣ отпечатокъ его вліянія. Монтескьё, д'Аламберъ, Мармонтель, Кондорсе, Реналь, Кондильякъ, Ж. Ж. Руссо, самъ Вольтеръ говорятъ въ своихъ сочиненіяхъ о политической экономіи; журналы, всякаго рода сборники отводятъ ей съ этой эпохи особое мѣсто. Съ этихъ поръ стали догадываться, что и для общественнаго организма, какъ для организма человѣческаго, существуетъ особая физіологія, и что народы благоденствуютъ или погибаютъ, подобно отдѣльнымъ личностямъ, повинуясь опредѣленнымъ законамъ. Съ этой же эпохи экономическая наука вошла въ государственные совѣты: она уже не покинетъ ихъ послѣ того, какъ Адамъ Смитъ наложитъ на нее печать своего генія.

ГЛАВА XXXIV.

О трудахъ Адама Смита и о вліяніи ихъ на успѣхи политической экономіи.—Различіе его ученія отъ ученія *экономистовъ*. — Совершенныя имъ открытія.—Его превосходныя опредѣленія *цѣнности*, *труда*, *капитала*, *монеты*.—Неизчислимыя слѣдствія его открытій.

Главная заслуга *экономистовъ* заключалась въ томъ, что они первые подняли самые важные политико-экономическіе вопросы, а заслуга Тюрго—въ томъ, что онъ пытался разрѣшить ихъ практически, при содѣйствіи административной власти. Мы видѣли, съ какимъ талантомъ и съ какой благородной настойчивостью эти философы служили наукѣ, заключавшей въ себѣ, по ихъ мнѣнію, *судьбы человѣчества*; но не имъ выпала на долю слава открытія для нея прочныхъ и незыблемыхъ основаній. Они смотрѣли съ ложной точки зрѣнія на главнѣйшія ея положенія, но заблужденія ихъ оказали ту услугу, что вызвали болѣе глубокое изслѣдованіе тѣхъ вопросовъ, которые они не въ силахъ были рѣшить. Вмѣсто того, чтобы держаться опытнаго метода и наблюдать факты, они провозгласили, какъ непреложные догматы, нѣкоторыя положенія, которыя послужили имъ для объясненія всѣхъ явленій общественной физіологіи. Встрѣчая на своемъ пути явленія, прямо противурѣчившія ихъ принципамъ, они старались, путемъ остроумныхъ и смѣлыхъ гипотезъ, подчинить ихъ своимъ теоріямъ, и такимъ образомъ, незамѣтно впадали въ самыя безвыходныя утопіи. Мы видѣли, что афоризмъ ихъ о *чистомъ доходѣ* не дозволилъ имъ оцѣнить огромное значеніе мануфактурной промышленности и торговли въ производствѣ богатствъ, и что ихъ теорія собственности привела ихъ къ отмѣнѣ всѣхъ косвенныхъ налоговъ. Они затронули всѣ вопросы, и хотя не рѣшили ни одного, но на самые важные изъ нихъ обратили вниманіе всей Европы, и вся Европа откликнулась на ихъ призывъ.

Одинъ шотландскій философъ, изъ той школы, которая дала столько мыслителей, въ то время какъ *экономисты* въ

Парижѣ, преподавалъ въ Гласго основанія народнаго богатства. Это было около 1752 года, когда Кене печаталъ свою *экономическую таблицу* и полагалъ основы своему ученію. Но Гласговскій профессоръ съ раннихъ лѣтъ привыкъ изучать явленія, сопоставлять ихъ между собою, и выводить изъ нихъ слѣдствія; вотъ почему онъ и пришелъ къ выводамъ діаметрально противуположнымъ результатамъ, достигнутымъ *экономистами*. Обѣ школы отличались одинакимъ стремленіемъ къ добру, одинаково совѣстливымъ отношеніемъ къ истинѣ. Но, что̀ касается до науки, такъ какъ точки отправленія для обѣихъ школъ были совершенно различны, то и выводы ихъ не могли быть одни и тѣ же, и между ними вскорѣ обнаружилось полнѣйшее разногласіе. *Экономисты* приписывали производительную силу одной только землѣ, Адамъ Смитъ нашелъ эту силу въ трудѣ, и изъ этой свѣтоносной мысли вывелъ самыя неожиданныя и самыя рѣшительныя слѣдствія. Этимъ и начинается исторія переворота, произведеннаго изданіемъ его *Изслѣдованій о природѣ и причинахъ богатства народовъ* *, появившихся въ первый разъ въ 1776 году, то есть, двадцать четыре года спустя послѣ начала его лекцій. Вскорѣ наступитъ время, когда это знаменитое сочиненіе принесетъ всѣ свои плоды, а годъ его изданія будетъ запечатлѣнъ въ памяти каждаго просвѣщеннаго человѣка. Попытаемся же послѣдовать логическому методу создавшаго этотъ методъ великаго писателя, и представить въ бѣгломъ очеркѣ важное значеніе этого прекраснаго труда для грядущей цивилизаціи.

Разбирая источники народнаго богатства, Адамъ Смитъ пришелъ къ убѣжденію, что это богатство вытекало нетолько изъ плодородія почвы, но и изъ *труда* населенія. Одинъ только трудъ могъ сдѣлать землю въ широкой степени и правильно плодородной; труду же обязано человѣческое общество произведеніями мануфактурными и выгода-

---

* О различныхъ изданіяхъ и переводахъ этого сочиненія на русскій языкъ см. въ Библіографіи, приложенной къ настоящему тому.

Рус. перев.

ми, доставляемыми торговлей. Сущность своего ученія Адамъ Смитъ выражаетъ такимъ образомъ: *годовой трудъ* народа есть первоначальный источникъ, изъ котораго онъ черпаетъ свои богатства, то есть, произведенія, необходимыя для его потребленія, или тѣ, при содѣйствіи которыхъ онъ можетъ получить произведенія, созданныя другими народами. Богатство заключается, по его мнѣнію, *въ мѣновой цѣнности* предметовъ, и тѣмъ богаче народъ, чѣмъ болѣе производитъ онъ предметовъ, имѣющихъ подобную цѣнность. Но, какимъ же образомъ придается предметамъ мѣновая цѣнность? Развивая и увеличивая въ нихъ, посредствомъ труда, ту *полезность*, которой безъ него обѣ не имѣли бы. Слѣдовательно, богатство можетъ быть создано, увеличено, сбережено, накоплено и уничтожено. Это простое опредѣленіе однимъ ударомъ опрокидывало ученіе *экономистовъ*, и возвращало настоящее значеніе всѣмъ многотруднымъ и почтеннымъ промысламъ, на которые Кене смотрѣлъ, какъ на занятія второстепенныя и подчиненныя поземельной собственности. Никто не исключался изъ жизненнаго пира; трудъ получилъ доступъ всюду, и пересталъ быть *безплоднымъ*; феодальное рабство, поддерживаемое Кене подъ именемъ раздачъ, производимыхъ собственникомъ, было поражено на смерть.

Какъ только разъ трудъ былъ признанъ источникомъ всякаго богатства, то *экономія, сбереженіе* сдѣлались единственнымъ средствомъ накопленія, то есть, созданія *капиталовъ*. И въ этомъ случаѣ, Адамъ Смитъ, съ своей удивительной проницательностью воспользовался выводами своихъ предшественниковъ. Онъ не ограничивалъ капиталовъ, подобно приверженцамъ меркантильной системы, золотомъ и серебромъ, но разумѣлъ подъ ними всевозможныя богатства, произведенныя трудомъ человѣка, въ особенности, если они служили для созданія новыхъ цѣнностей, путемъ новаго труда. Въ то же самое время онъ представилъ лучшій анализъ труда, какой когда либо выходилъ изъ подъ пера писателя. Этотъ анализъ представляетъ какъ бы лицевую сторону его безсмертнаго творенія, отличающуюся удивительной точностью

выводовъ и благородствомъ рѣчи. Здѣсь то впервые указаны были чудесные результаты *раздѣленія труда*, нерѣдко предчувствовавшіеся и до Адама Смита, но еще ни разу не доказывавшіеся съ такой неопровержимой очевидностью и общедоступной простотой, недопускающихъ ни на минуту, ни сомнѣнія, ни колебанія. Другіе отправились бы за примѣрами къ большимъ промышленнымъ предпріятіямъ; Адамъ Смитъ беретъ булавку, описываетъ способы ея приготовленія, и показываетъ, какимъ образомъ десять работниковъ могутъ приготовить въ одинъ день 48,000 булавокъ, вмѣсто 400 или 500, то есть, во сто разъ больше, чѣмъ безъ этого раздѣленія труда. Послѣ такого простаго и убѣдительнаго примѣра, онъ переходитъ къ обозрѣнію выгодъ, доставляемыхъ принципомъ раздѣленія труда, и представляетъ ихъ такъ точно и неопровержимо, что съ этого времени уже никто не рѣшится опровергать ихъ. «У каждаго работника говоритъ онъ*, является излишекъ въ произведеніяхъ его труда, которымъ, за удовлетвореніемъ своихъ потребностей, онъ можетъ располагать по своему усмотрѣнію; а такъ какъ и прочіе работники находятся въ такомъ же положеніи, то у него является возможность обмѣнить значительное количество изготовленныхъ имъ произведеній на значительное количество предметовъ, изготовленныхъ другими работниками, или, что то же, на цѣну этихъ предметовъ. Онъ можетъ снабдить этихъ работниковъ тѣмъ, что имъ нужно, и взамѣнъ получить отъ нихъ необходимые для него предметы, такъ что по всѣмъ классамъ общества разливается всеобщее довольство.»

По изслѣдованіи раздѣленія труда, Адаму Смиту оставалось объяснить, какимъ образомъ произведенія труда обмѣниваются одни на другія при посредствѣ монеты. Кто же станетъ установлять то, что называется *цѣною вещи*? Изъ какихъ элементовъ состоитъ эта цѣна? Въ чемъ заключается назначеніе денегъ? Всѣ эти первостепенные вопросы разрѣшаются имъ превосходно и съ удивительной ясностью. И

---

* *Богатство народовъ* кн. I, гл. 1. Томъ I, стр. 105—106 рус. изд.

дѣйствительно, онъ первый побѣдоносно доказалъ вліяніе *предложенія и спроса* на повышеніе и пониженіе цѣнъ, и въ то же самое время объяснилъ назначеніе монеты въ обращеніи произведеній. Сдѣланныя имъ приложенія его теоріи къ банковымъ билетамъ и бумажнымъ деньгамъ имѣютъ огромное практическое значеніе; на нихъ можно смотрѣть, какъ на одно изъ полезнѣйшихъ завоеваній науки. Съ этихъ поръ уже нельзя писать о монетной системѣ, не принявъ заранѣе основныхъ положеній о ней, незыблемо установленныхъ Адамомъ Смитомъ *. По дорогѣ онъ разоблачилъ тайны устройства банковъ, указалъ на самыя слѣдствія ихъ учрежденія, и принципы, на которые они должны опираться, чтобы не причинить бѣдствій. Всякій желающій изучить науку о кредитѣ, долженъ начать свои занятія изученіемъ теоріи оборотныхъ и сохранныхъ банковъ, предложенной знаменитымъ шотландскимъ экономистомъ. Это — полные трактаты, лучше которыхъ ничего не можетъ быть написано, потому что въ нихъ ничего не опущено изъ виду, и нѣтъ ни одного слова лишняго. Но главное достоинство Адама Смита въ этомъ отношеніи состоитъ въ особенности въ удивительной точности опредѣленій. Послѣднія всегда основаны на строгомъ наблюденіи явленій. Поставивъ опредѣленіе, онъ выводитъ изъ него слѣдствія съ свойственнымъ ему методомъ, котораго одного было бы уже достаточно для обезпеченія за нимъ почетнѣйшаго мѣста между геніальнѣйшими писателями новѣйшихъ временъ. Объ этомъ можно составить себѣ понятіе уже изъ бѣглаго очерка его ученія.

По его мнѣнію, какъ мы уже видѣли, существенное свойство, обусловливающее богатство, свойство, безъ котораго богатство перестало бы быть богатствомъ, состоитъ въ его мѣновой цѣнности. Мѣновая цѣнность отличается отъ *цѣнности въ употребленіи* или отъ *полезности* тѣмъ, что посредствомъ первой, можно пріобрѣсть множество другихъ предметовъ,

* Какъ ни кажутся расходящимися съ положеніями, установленными А. Смитомъ, воззрѣнія на кредитъ и на значеніе банковъ соціалистическихъ писателей, основанія ихъ, тѣмъ немерѣе, тѣ же, что́ предложенныя знаменитымъ экономистомъ. Рус. перев.

тогда какъ вторая, хотя и полезная сама по себѣ, не можетъ быть предметомъ мѣны. Нѣтъ ничего полезнѣе воды, но на нее почти ничего нельзя купить. Напротивъ того, за алмазъ, мало приносящій пользы, можно купить множество различныхъ предметовъ. Отношеніе, существующее между двумя мѣновыми цѣнностями, выраженное въ условной цѣнности, *монетой*, называется *цѣной*. *Нарицательная* цѣна вещей отличается отъ ихъ *дѣйствительной* цѣны, которая представляетъ собой количество труда, употребленнаго на ихъ приготовленіе. Цѣна предметовъ зависитъ отъ многихъ случайныхъ обстоятельствъ, которыя отклоняютъ существующую или *торговую* ихъ цѣну отъ цѣны естественной (то есть, какую они должны были бы имѣть). Цѣна состоитъ обыкновенно изъ трехъ различныхъ элементовъ: *заработной платы* работника, *прибыли* предпринимателя и поземельной *ренты*, или откупной платы за землю, доставившую сырой матерьялъ. Строго доказавъ эти простыя и геніальнѣйшія положенія, Адамъ Смитъ выводитъ законы, которые естественно устанавливаютъ величину заработной платы, и указываетъ на случайныя обстоятельства, которыя временно нарушаютъ эту естественную величину заработной платы. Затѣмъ, онъ изслѣдуетъ законы, опредѣляющіе величину прибыли, и исключенія изъ этихъ законовъ; и наконецъ, онъ опредѣляетъ значеніе поземельной *ренты*, или такъ называемой наемной или арендной платы за землю, которую экономисты называли *чистымъ доходомъ*.

Какъ только разъ богатство создано, то Адамъ Смитъ раздѣляетъ его на двѣ части: одна тотчасъ же, или въ самомъ скоромъ времени, должна быть потреблена, между тѣмъ какъ другая обращается въ капиталъ, чтобы приносить доходъ. Капиталъ бываетъ *неизмѣнный* или *вложенный*, когда онъ обращается въ какое либо промышленное заведеніе со всѣми орудіями для производства, и *оборотный*, употребляющійся на удовлетвореніе рабочихъ заработной платой и на закупку сырыхъ матерьяловъ. Улучшенія, дѣлаемыя въ пользу земледѣлія, составляютъ часть неизмѣннаго капитала; монета же и продовольственные запасы принадлежатъ къ оборотному

капиталу. Но первый обращается иногда во второй, а оборотный играетъ нерѣдко роль неизмѣннаго капитала. Металлическія деньги представляются орудіемъ для такихъ превращеній; но нерѣдко такое же назначеніе, и даже съ большей выгодой, исполняютъ простыя бумаги или обязательства платежа. Выгода эта зависитъ отъ условій, на которыхъ занимаются деньги, а слѣдовательно, отъ величины процента. Въ этомъ случаѣ Адамъ Смитъ придерживается либеральныхъ воззрѣній Тюрго, и подтверждаетъ ихъ справедливость новыми, еще болѣе неопровержимыми доказательствами.

Такимъ образомъ, трудъ является у него въ полномъ вооруженіи; ему принадлежатъ капиталы: посмотримъ же теперь на его примѣненія. Ничего не можетъ быть проще и удивительнѣе тѣхъ пріемовъ, которые употребляетъ Адамъ Смитъ, описывая чудесные его результаты: мы уже приводили одинъ такой примѣръ, взятый изъ производства булавокъ. Сколько плодотворныхъ размышленій вызываютъ его безчисленныя замѣчанія по всѣмъ отраслямъ производства! Съ какою ясностью доказалъ онъ прогрессъ народовъ развитіемъ *раздѣленія труда*! Какъ удачно вытекаетъ изъ этого раздѣленія труда необходимость обмѣна! Съ какимъ искуствомъ объясняетъ онъ увеличеніе богатствъ, усовершенствованіе произведеній и удешевленіе ихъ, такъ что цѣна ихъ съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе доступной для всѣхъ! Онъ разоблачилъ таинственную силу *машинъ*, этихъ могущественныхъ пособницъ слабой руки человѣка, этихъ благодѣтельницъ человѣчества, пользу которыхъ такъ неосновательно отвергнулъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ друзей человѣчества *. Никто искуснѣе Смита не объяснилъ разнообразныхъ, безчисленныхъ, несомнѣнныхъ ихъ услугъ, не скрывая сопровождающихъ ихъ временныхъ неудобствъ. Въ то же самое время онъ точно опредѣлилъ границы ихъ употребленія, и доказалъ, что обширность рынка должна служить обычнымъ регуляторомъ раздѣленія труда. Забвеніемъ этихъ мудрыхъ указаній слѣдуетъ объяснять между многими ману-

* Сисмонди.

фактурными народами тѣ страшные кризисы, которые были слѣдствіемъ переполненія рынка и стѣснительныхъ мѣръ. Такимъ образомъ, Адамъ Смитъ пришелъ къ свободѣ торговли совершенно иными путями, чѣмъ путь, избранный школой Кене, и онъ пришелъ къ нему несравненно болѣе основательнымъ изслѣдованіемъ законовъ, управляющихъ производствомъ.

Его ученіе о налогахъ тоже существенно расходилось съ ученіемъ *экономистовъ*. Доказавъ, что всякое производство исходило изъ труда, при содѣйствіи капитала, ему не трудно было показать, что всякій гражданинъ, въ силу того, что онъ можетъ создавать цѣнности, и, слѣдовательно, получать прибыль, тѣмъ самымъ обязанъ давать государству причитающуюся съ него часть повинностей и налоговъ. Взамѣнъ за свое участіе въ государственныхъ повинностяхъ, каждый получалъ свободу располагать своимъ трудомъ; отнынѣ не было болѣе *безплодныхъ* занятій, ибо каждый получилъ возможность придавать вещамъ мѣновую цѣнность при содѣйствіи труда. Какое поощреніе для людей, которымъ не улыбнулась судьба, и для всѣхъ тѣхъ, кто не могъ опереть своихъ надеждъ на наслѣдство! Они узнали теперь, какой цѣной получается независимость; *бережливость* перестала быть аскетическою добродѣтелью, и обратилась въ спутницу труда и въ источникъ капиталовъ. Вмѣсто границъ, поставленныхъ земледѣльческимъ продуктамъ свойствами почвы и климата, предъ каждымъ открылось необъятное множество мѣновыхъ цѣнностей, то есть, богатство, незнающее предѣловъ. Адамъ Смитъ, безъ сомнѣнія, не предвидѣлъ всѣхъ этихъ послѣдствій, и многіе писатели ранѣе его провозгласили такія же несомнѣнныя истины: но онъ первый показалъ, почему онѣ несомнѣнны. Мало того: онъ указалъ на истинный методъ для обнаруженія заблужденій. Сочиненіе его состоитъ изъ ряда доказательствъ, поднявшихъ многія изъ его положеній на степень неоспоримыхъ принциповъ, и отстранившихъ навсегда множество заблужденій, принимавшихся за несомнѣнныя истины. Ему принадлежитъ честь окончательнаго опроверженія запретительной системы и ученія о *чистомъ доходѣ*, со всѣми его бреднями о налогахъ

и искуственныхъ классификаціяхъ. Наконецъ, и это, быть можетъ, важнѣйшая услуга, оказанная труду безсмертнымъ экономистомъ, онъ доказалъ, что частный интересъ, несвязанный никакими стѣсненіями, естественно побуждаетъ людей, обладающихъ капиталами, при равныхъ условіяхъ, влагать свои капиталы въ предпріятія, болѣе всего выгодныя для національной промышленности, потому что такое ихъ употребленіе и есть именно самое прибыльное для самихъ предпринимателей.

Правда, Адамъ Смитъ нерѣдко вдавался въ объемистыя отступленія, которыя не позволяютъ слѣдить за нитью его мыслей. Какъ только онъ встрѣчалъ на своемъ пути какое нибудь застарѣлое злоупотребленіе, какой нибудь пагубный предразсудокъ, какое нибудь ложное ученіе, онъ не оставляетъ ихъ, пока окончательно не разоблачитъ ихъ нелѣпости, и такія отдѣльныя схватки нерѣдко отклоняютъ его отъ главной нити его изслѣдованій. Но онъ собственно никогда не оставляетъ вопроса, пока не исчерпаетъ его всего, и обыкновенно онъ представляетъ одну и ту же мысль со всѣхъ возможныхъ сторонъ, пока вполнѣ не уяснитъ ее читателю. Ему предстояло одолѣть столько препятствій, опрокинуть столько ложныхъ ученій! Сами *экономисты*, къ которымъ онъ относился съ уваженіемъ, и которые имѣли несомнѣнное вліяніе на направленіе его воззрѣній, тоже были не безучастны въ затрудненіи принятаго имъ на себя труда. Ему приходилось бороться съ безчисленными, только что изданными ими сочиненіями, которыми они наводнили всю Европу, о которыхъ толковали вкось и вкривь, опираясь на такіе полновѣсные авторитеты, какъ Гурне, Тюрго или Трюдень. Ему приходилось разрушить большую часть теорій, только что созданныхъ цѣною столькихъ усилій, и бороться съ ними при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: это было первое достопримѣчательное разногласіе, разразившееся между основателями политико-экономической науки, и оно было не послѣдней причиной поголовной нерѣшимости общества относительно экономическихъ вопросовъ. Кому было вѣрить: Кене или Смиту, поддерживающимъ съ одинаковымъ убѣжденіемъ два противупо-

ложныя ученія, и одинаково опирающимся на одни только факты? При этомъ, забывалось, что ни одна наука не возникала иначе, какъ разногласіемъ между знаменитѣйшими ея представителями, и что такіе суровые уроки оказывали почти такое же благодѣтельное дѣйствіе, какъ и открытія ученыхъ, на успѣхи, которые составляютъ въ настоящее время нашу гордость.

Адаму Смиту, тѣмъ не менѣе, нельзя приписать той заслуги, что ему удалось сразу создать политическую экономію, и наше уваженіе къ его памяти не мѣшаетъ намъ воздать должное его предшественникамъ и его преемникамъ. Уже великимъ историческимъ фактомъ было полное изложеніе теоріи цѣнностей, результатовъ раздѣленія труда и настоящаго назначенія монеты! Однихъ этихъ изслѣдованій достаточно, чтобы обезсмертить на вѣчныя время имя ихъ автора; поэтому, мы смѣло можемъ указать на нѣкоторыя несовершенства его творенія, послѣ того, какъ выставили въ полномъ блескѣ его заслуги и права на славу. Экономисты придавали слишкомъ большое значеніе производительной силѣ почвы; Адамъ Смитъ придалъ слишкомъ исключительное значеніе труду въ созданіи богатствъ. Онъ недостаточно оцѣнилъ значеніе земли и капиталовъ, и, несмотря на блистательное разъясненіе содѣйствія, оказываемаго машинами, его ученіе о нихъ не можетъ считаться вполнѣ основаннымъ на дѣйствительныхъ фактахъ. Признавая свойства *богатства* исключительно за цѣнностями, заключающимися въ матерьяльныхъ предметахъ, онъ вычеркнулъ изъ книги производства ту безконечную массу нематерьяльныхъ цѣнностей, создаваемыхъ *нравственнымъ капиталомъ* цивилизованныхъ народовъ, составляющимъ предметъ ихъ гордости и самое священное ихъ достояніе. Онъ разжаловалъ изъ производителей адвокатовъ, врачей, строителей, художниковъ, государственныхъ чиновниковъ, всѣхъ людей, оказывающихъ самыя дѣйствительныя услуги, которыя легко обмѣниваются на матерьяльныя произведенія, ибо люди эти живутъ ими, и живутъ хорошо, когда добросовѣстно исполняютъ свои обязанности. Онъ не замѣтилъ, что талантъ этихъ людей есть такой же скопленный капиталъ, весьма способный приносить

имъ прибыль, золотомъ или серебромъ, и весьма полезный обществу, въ свою очередь, извлекающему пользу изъ ихъ услугъ.

Вліяніе торговли и образъ ея дѣйствія на производство тоже, повидимому, были недостаточно оцѣнены Адамомъ Смитомъ; нѣкоторыя изъ превосходнѣйшихъ его изслѣдованій по этому вопросу изложены безъ связи съ цѣлымъ и не на своемъ мѣстѣ. Таковы его положенія относительно дѣйствительной и нарицательной цѣны товаровъ, помѣщенныя въ разсужденіи о цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ въ послѣдніе четыре вѣка, и замѣчанія о монетѣ, странно отнесенныя авторомъ къ главѣ о торговыхъ трактатахъ. Это — безпорядокъ, окружающій богатую минеральную жилу, въ которой частицы самаго чистаго металла нерѣдко перемѣшаны съ самой грубой рудой. Вотъ почему *Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ* вообще понимаются не всѣми, и мы не совѣтовали бы съ этого сочиненія начинать изученіе политическо-экономической науки. За чтеніе этой книги слѣдуетъ приниматься исподоволь, чтобы отгадать ея прекрасную постройку и оцѣнить какъ слѣдуетъ оказанныя ею услуги. Только хорошо ознакомившись съ нею, можно рѣшиться на оспариваніе нѣкоторыхъ положеній, высказанныхъ Адамомъ Смитомъ слишкомъ догматически; таково положеніе его, въ силу котораго частный интересъ, освобожденный отъ всякихъ стѣсненій, казалось ему, всегда долженъ опредѣлить самое выгодное для общества употребленіе капитала, такъ какъ онъ будетъ самымъ прибыльнымъ и для предпринимателя. Ученіе это, распространившееся по всей Англіи и возбудившее чрезвычайное развитіе ея промышленности, тѣмъ неменѣе начинаетъ приносить горькіе плоды; оно вызвало несмѣтныя богатства рядомъ съ невыразимой нищетой; оно обогатило государство нерѣдко на счетъ самаго жестокаго страданія части его гражданъ. Но развѣ въ этомъ состоитъ соціальная цѣль умноженія богатствъ, или, вѣрнѣе, не есть ли это — пагубное уклоненіе отъ истинной соціальной дороги? Имѣемъ ли мы право назвать дѣйствительнымъ богатствомъ тѣ чрезвычайные барыши, которые получаются, по мнѣнію Сисмон-

ди, съ доли, причитающейся бѣднымъ, или капиталомъ съ труда, по нашему мнѣнію?

Такимъ образомъ возникла всемірная конкуренція неограниченной свободы промышленности, а эта конкуренція излилась на міръ цѣлыми потоками богатствъ, которые дѣйствительно оплодотворили множество странъ, но за то и не въ одной странѣ оставили свои пагубные слѣды, подобно блистательной и таинственной колесницѣ, уносящей людей, которые не могутъ, ни видѣть, ни пожалѣть раздавленныхъ ею прохожихъ. Дѣло дошло наконецъ до того, что возникаетъ вопросъ, слѣдуетъ ли радоваться, или печалиться развитіемъ богатства, сопровождающагося такими бѣдствіями, и столько же умножающаго число больницъ и тюремъ, какъ и число дворцевъ. Вотъ великая задача девятнадцатаго вѣка, которую не предвидѣлъ, и не могъ предвидѣть Адамъ Смитъ въ эпоху, въ которую только что еще появились, вмѣстѣ съ его книгой, паровыя и прядильныя машины, эти два колосса англійской промышленности! Въ настоящее время намъ приходится отыскивать регулятора, который могъ бы умѣрить дѣйствіе этихъ гигантскихъ двигателей промышленности, то питающихъ, то морящихъ голодомъ человѣка; то одѣвающихъ, то обирающихъ его до нага; то помогающихъ ему, то доводящихъ его до изнеможенія. Дѣло идетъ уже не исключительно объ ускореніи производства, какъ во времена Смита; теперь требуется управлять имъ и удерживать его въ благоразумныхъ границахъ. Вопросъ состоитъ не въ безусловномъ, а въ относительномъ богатствѣ; человѣколюбіе требуетъ прекратить принесеніе въ жертву развитія общественнаго благосостоянія массу людей, непользующихся отъ этого никакими выгодами. Этого требуютъ вѣчные законы справедливости и нравственности, слишкомъ долго забывавшіеся при общественномъ распредѣленіи выгодъ и тягостей, и мы согласимся назвать богатствомъ только массу національныхъ произведеній, справедливо распредѣленную между всѣми производителями. Таковы догматы французской политической экономіи, къ которой мы считаемъ за честь принадлежать, и которой предстоитъ сдѣлаться достояніемъ всего міра.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, ученіе Адама Смита произвело полнѣйшій переворотъ въ развитіи политической экономіи. Его воззрѣнія на колоніи получили особенное значеніе, вслѣдствіе событій, случившихся въ Америкѣ, а его изслѣдованія о банкахъ подготовили въ Европѣ пробужденіе общественнаго кредита. Промышленность обязана ему освобожденіемъ почти отъ всѣхъ стѣсненій, а торговля — началомъ пониженія всѣхъ тарифовъ. Только вопросы о земледѣліи и народонаселеніи были едва затронуты великимъ экономистомъ, и предоставлены на разрѣшеніе нашимъ дѣтямъ; что же касается до опаснѣйшихъ предразсудковъ, то они изчезли передъ его могущественной аргументаціей, и царство ихъ миновало на вѣки. Торговый балансъ, запретительная, какъ и земледѣльческая система, все было отнесено въ область мечтаній; всѣ эти нелѣпости пали предъ строгой логикой Адама Смита и предъ его безпристрастнымъ наблюденіемъ фактовъ. Одинъ только вопросъ пережилъ его ученіе: въ какомъ отношеніи находится народонаселеніе къ средствамъ существованія? Почему, вмѣстѣ съ развитіемъ общественнаго богатства, возрастаетъ частная нищета? Почему благодѣянія труда не разливаются на всѣхъ одинаково? Два англійскіе писателя отвѣчаютъ, каждый по своему, на эту соціальную аномалію. Нетрудно угадать, что мы разумѣемъ Годвина и Мальтуса, къ которымъ пора обратиться намъ, такъ какъ они съ равными правами сдѣлались родоначальниками двухъ различныхъ школъ: тотъ и другой одушевлены были великой мыслью, точной и потрясающей, приковывающей къ себѣ вниманіе и нерѣдко охватывающей сердце ужасомъ.

ГЛАВА XXXV.

Ученіе Мальтуса *о народонаселеніи*. — Изложеніе его формулъ. — Изложеніе послѣдствій его. — Ученіе Годвина. — Недостатокъ его состоитъ въ такой же безусловности, какъ и ученія Мальтуса. — Оно отличается большей гуманностью. — Замѣчательная смѣлость книги Годвина. — О другихъ сочиненіяхъ по тому же вопросу. — *Новыя мысли о народонаселеніи* Еверета. — Книга *о благотворительности* Дюнателя. — *Христіанская политическая экономія* Вильнёва-Баржемона. — Протесты Сисмонди и аббата Ламне.

Не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ послѣ изданія творенія Адама Смита*, какъ ученіе его было принято всѣми современными ему экономистами. Его ясная и неотразимая аргументація разсѣяла бо́льшую часть бредней, которыя принимались еще многими людьми за несомнѣнныя истины. Всѣ согласились, наконецъ, на счетъ основныхъ принциповъ науки. Труду отведено было почетное мѣсто; мѣновая цѣнность окончательно опредѣлена; употребленіе капиталовъ подчинено отнынѣ неизмѣннымъ законамъ. Сдѣлалось извѣстно, какъ создаются богатства, и какъ они потребляются; оставалось только, какъ мы уже упомянали, рѣшить, почему богатства распредѣляются въ обществѣ такъ неравномѣрно, и почему всюду существуетъ столько несчастныхъ? Эти вопросы поставлены были великимъ французскимъ народомъ, какъ вызовъ всѣмъ европейскимъ правительствамъ. Не успѣлъ умереть Тюрго, пытавшійся разрѣшить ихъ, какъ французская революція пролила цѣные потоки крови для ихъ разрѣшенія, и потерпѣла такую же неудачу, какъ и Тюрго.

Вытекало ли зло изъ самой природы, или изъ общественнаго устройства? Было ли это зло неизлечимо, или же можно на-

---

* А. Смитъ умеръ въ 1790. Желающій ознакомиться съ біографическими свѣдѣніями объ Адамѣ Смитѣ можетъ обратиться за ними къ двумъ статьямъ о немъ, приложеннымъ къ русскому изданію его сочиненія *о Богатствѣ народовъ*, а также къ диссертаціи объ А. Смитѣ Цѣхановскаго, напечатанной въ Кіевѣ въ 1859. Рус. перев.

дѣяться со временемъ искоренить его? Зная степень вліянія государственныхъ законовъ на нравы и на внѣшнія условія жизни народовъ, многіе изъ знаменитѣйшихъ писателей полагали, что эти законы были причиною всѣхъ бѣдствій человѣка, и что отъ него самого зависитъ положить имъ конецъ, нестолько посредствомъ измѣненія его страстей, сколько посредствомъ измѣненія политическихъ учрежденій. Это было въ 1797; во Франціи только что сдѣлана была достопамятная попытка, когда впродолженіи небольшаго числа лѣтъ предприняты были самыя смѣлыя преобразованія, опиравшіяся то на доводы разума, то на матерьяльную силу, и предоставившія человѣка на произволъ тѣхъ же случайностей и того же неравенства, которыя давили его и въ прежнее время. Раздробленіе поземельной собственности на мелкіе участки заняло мѣсто прежняго сосредоточенія имуществъ; власть передана была въ руки бѣднѣйшихъ классовъ, которые не остановились ни передъ таксами на предметы первой необходимости, ни передъ насильственными займами, ни предъ банкротствомъ, ни предъ отмѣной косвенныхъ налоговъ — и тѣмъ неменѣе, все таки были бѣдные, люди, покрытые рубищемъ, старики безъ куска хлѣба, женщины въ безпомощномъ состояніи, подкинутыя дѣти, злодѣи и публичныя женщины. Что же оставалось предпринять послѣ сдѣланной попытки? Какая монархія рѣшится на новую попытку послѣ рѣшительныхъ мѣръ 1793! Философы и экономисты, пораженные изумленіемъ, испытывали то горькое разочарованіе, которое слѣдуетъ за политической катастрофой, какъ вдругъ явились, одно вслѣдъ за другимъ, два сочиненія двухъ знаменитыхъ, хотя и съ различныхъ точекъ зрѣнія, писателей: книга Годвина о *Политической Справедлиеости* *, и книга Мальтуса о *Народонаселеніи*. Годвинъ приписываетъ всѣ общественныя бѣдствія несовершенству политическихъ учрежденій и злоупотребленіямъ правительствъ. Мальтусъ обратилъ исключительное вниманіе на противудѣйствіе, оказываемое соціальному прогрессу страстя-

---

* *Inquiry concerning political Justice and its influence on morals and happiness*, 2 тома, Лондонъ, 1793.

ми, присущими человѣческой природѣ, и на слабое желаніе сдерживать ихъ. Прочитавъ сочиненіе Годвина *О скупости и расточительности* *, онъ рѣшился опубликовать свои мысли по этому предмету, и послѣ нѣсколькихъ передѣлокъ, понятныхъ въ такомъ серьезномъ трудѣ, появился въ Англіи въ послѣдній годъ восемнадцатаго вѣка *Опытъ о законѣ народонаселенія*, какъ послѣднее слово всеобщаго разочарованія **. Это сочиненіе надѣлало много шуму, ибо въ основаніи его легла весьма простая мысль, удобопонятная и легко удержимая въ памяти; но ее перетолковали самымъ жестокимъ образомъ, такъ какъ она, повидимому, покровительствовала многимъ злымъ склонностямъ человѣка, эгоизму, жестокосердію, равнодушію къ страданіямъ нашихъ ближнихъ. Главныя основанія его ученія, тѣмъ неменѣе, приняты къ руководству многими правительствами, и проникаютъ въ учрежденія съ такой быстротой, что вскорѣ придется только перечислять одержанныя ими побѣды, вмѣсто того, чтобы оцѣнивать ихъ достоинство. Но дѣло наше въ настоящемъ случаѣ должно состоять въ томъ, чтобы прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію послѣдствій этого ученія, сначала изложить его въ полнѣйшей наготѣ, двойная задача, требующая совершеннаго безпристрастія историка.

Отличительное свойство ученія заключается въ его фаталистической, безусловной неизбѣжности. Авторъ не прибѣгаетъ ни къ какимъ ораторскимъ пріемамъ; онъ начинаетъ съ того, что прямо объявляетъ, какъ фактъ очевидный, непрерывно существующій и неизбѣжный, что человѣческая порода слѣпо повинуется закону безконечнаго размноженія, между тѣмъ какъ средства для ея существованія не умножаются въ тѣхъ же самыхъ размѣрахъ. Фактъ этотъ представляется ему до такой степени очевиднымъ, что онъ принимаетъ его, какъ математическую аксіому, и утверждаетъ, что люди

---

* Помѣщено въ одномъ изъ нумеровъ журнала *the Inquirer*.

** Какъ о происхожденіи этой книги и вызвавшихъ ее обстоятельствахъ, такъ и о біографическихъ подробностяхъ о ея авторѣ, см. въ статьѣ, приложенной къ русскому переводу этого сочиненія, изданному въ 1868. Рус. перев.

размножаются въ геометрической прогрессіи, а средства существованія въ ариѳметической. Поэтому, необходимо должна наступить минута, когда продовольственныхъ запасовъ окажется недостаточно для всѣхъ путниковъ, если равновѣсіе не будетъ правильно возстановляться жестокими естественными исправительными мѣрами, какъ болѣзни, нищета и смерть. Мальтусъ высказываетъ этотъ приговоръ несчастнымъ самымъ безсердечнымъ образомъ: «Человѣкъ, пришедшій въ занятый уже міръ, говоритъ онъ, если родители не въ состояніи прокормить его, или *если общество не въ состояніи воспользоваться его трудомъ*, не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать какого бы то ни было пропитанія, *и въ дѣйствительности, онъ лишній на землѣ. На великомъ жизненномъ пиру нѣтъ для него мѣста. Природа повелѣваетъ ему удалиться*, и не замедлитъ сама привести въ исполненіе свой приговоръ *.» Вотъ основная мысль Мальтусова ученія о народонаселеніи. Посмотримъ теперь, какими аргументами онъ ее поддерживаетъ.

Вмѣсто строгаго наблюденія надъ тѣмъ, что происходитъ въ старыхъ цивилизованныхъ обществахъ, авторъ переносится въ Америку, въ Соединенныя Штаты, страну дѣвственную, плодородную и безпредѣльную, народонаселеніе которой удваивается каждыя двадцать пять лѣтъ. Эту страну онъ беретъ за норму для остальныхъ частей міра, и незадумываясь принимаетъ, что человѣчнская природа размножалась бы всюду съ тою же быстротой, еслибы сила объстоятельствъ не сдерживала такого размноженія въ опредѣленныхъ границахъ. И дѣйствительно, если народонаселеніе достигало уровня, допускаемаго средствами существованія, и какъ только въ послѣднихъ начиналъ ощущатеся недостатокъ, то пороки, болѣзни, всякаго рода бѣдствія обрушивались на *лишнихъ*, по мнѣнію Мальтуса, *людей*, и уменьшали количество населенія, пока

---

* Эти жестокія слова исключены Мальтусомъ изъ послѣднихъ изданій его книги; но духъ его ученія, тѣмъ неменѣе, выражается въ ней съ тою же энергіей; слѣдовало измѣнить скорѣе самое ученіе, чѣмъ его языкъ. Прим. автора.

продовольствія не доставало для всѣхъ. Съ исторіей въ рукахъ, онъ силится доказать, что одинакія слѣдствія всегда вытекали изъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ, и что ни при варварскомъ, ни при цивилизованномъ состояніи общества, никогда не встрѣчалось сдѣлки между голодомъ и смертью. И еслибы еще смерть являлась одна! Но при такихъ печальныхъ предположеніяхъ, она никогда не является безъ сопровожденія своихъ обычныхъ спутниковъ: преступленій и всякаго рода ужасовъ, безъ водворенія своего мрачнаго знамени надъ больницами, галерами и эшафотами. Такою рисуетъ ее Мальтусъ, такою неразъ мы сами встрѣчали ее, не смѣя раздѣлять его убѣжденія, что она является въ такомъ видѣ по повелѣнію самого Бога, и какъ неизбѣжное слѣдствіе человѣческаго общественнаго порядка.

Начнемъ съ того, что отвергнемъ объ прогрессіи Мальтусовой теоріи; но прежде чѣмъ указать на это заблужденіе его ученія, намъ слѣдуетъ указать на странныя слѣдствія, которыя онъ вывелъ изъ него. Во первыхъ, онъ доказываетъ опасность милостыни и всякаго рода частныхъ и общественныхъ вспомоществованій, будутъ ли они постоянныя или только временныя; затѣмъ, онъ воспрещаетъ браки, за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ, и впередъ осуждаетъ на смерть тысячи дѣтей, готовыхъ родиться. Милостыня, раздаваемая бѣднымъ изъ благочестія, или изъ любви къ благотворительности, является въ его глазахъ убійственнымъ дѣломъ, въ результатѣ только поощряющимъ лѣность и увеличивающимъ число несчастныхъ. Ибо, ничто не размножаетъ такъ народонаселенія, говоритъ онъ, какъ нищета; люди, которымъ нечего терять, всего менѣе думаютъ о томъ, что̀ будетъ съ ихъ дѣтьми. Это же самое высказано было, въ видѣ иронiи и Монтескьё: «Люди, ничего не имѣющіе, какъ нищіе, имѣютъ много дѣтей, ибо отцу ничего не стоитъ передать свое нетрудное ремесло дѣтямъ, которыя, даже тотчасъ послѣ своего рожденія, становятся орудіемъ этого ремесла*.» Но Монтескьё не дѣлаетъ никакого заключенія изъ этого поголовнаго рас-

---

* *Esprit des lois*, кн. XXIII, гл. XI.

положенія пролетаріевъ къ безпечности; онъ ограничивается тѣмъ, что указалъ на нее, недоискиваясь ея причины. Мальтусъ полагаетъ, что нашелъ эту причину въ поощреніи, оказываемомъ лѣни благотворительностью, и, призывая всеобщее вниманіе на больницы и воспитательные дома, онъ указываетъ на всѣ тѣ бѣдствія, которыя влечетъ за собой злоупотребленіе общественной благотворительностью. Послѣ этого, онъ взываетъ къ человѣческому достоинству и къ самымъ возвышеннымъ чувствамъ, чтобы доказать превосходство предусмотрительности надъ всѣми мѣрами для оказанія вспомоществованія дряхлости и нищетѣ.

Быть можетъ, еще ни разу, ни одно ученіе не высказывалось въ такой безусловной формѣ. Даже *экономисты* допускали нѣкоторыя видоизмѣненія въ своей теоріи *чистаго дохода;* Мальтусъ же не допускалъ возможности какого бы то ни было примиренія въ борьбѣ человѣка съ природой: эта роковая борьба непремѣнно должна кончиться приговоромъ къ смерти. По этой причинѣ, онъ началъ проповѣдывать, подъ именемъ *нравственнаго обузданія*, ученіе, направленное противъ брака. Онъ силился доказать рабочимъ классамъ, что умноженіемъ числа дѣтей они сами создаютъ себѣ соперничество, понижающее заработную плату, и что вѣрнѣйшее средство принудить капиталистовъ къ уступкамъ, это лишить ихъ постоянной возможности отыскивать работниковъ за уменьшенную заработную плату. Выгоды самого общества требуютъ спасительнаго противудѣйствія безразсудно заключаемымъ бракомъ, такъ какъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такихъ союзовъ оказывается умноженіе преступленій и всякаго рода бѣдствій. Къ несчастію, Мальтусъ не могъ не замѣтить, что безбрачіе не останавливаетъ рожденій; оно дѣлаетъ ихъ только незаконными, и потому, въ результатѣ получится только однимъ несчастіемъ больше. Что́ же оставалось дѣлать, чтобы остановить размноженіе народонаселенія, если не оказывалось никакого средства для воспрепятствованія рожденію дѣтей? Мальтусъ предвидѣлъ это затрудненіе, и нисколько не испугался его. Онъ вооружился стоическимъ мужествомъ, и объявилъ необходимымъ поставить дѣтей внѣ закона, и даже прежде,

чѣмъ они успѣютъ родиться. Онъ предлагаетъ издать законъ, по которому: «въ приходскихъ пособіяхъ будетъ отказано дѣтямъ, которыя родятся отъ браковъ, заключенныхъ годъ спустя послѣ обнародованія закона, и всѣмъ незаконнорожденнымъ, которыя родятся черезъ два года послѣ объявленія закона *.—Это было бы, говоритъ онъ, объявленіемъ яснымъ, точнымъ и опредѣленнымъ, смыслъ котораго очевиденъ для всякаго. Никто не былъ бы обманутъ, и никому не было бы нанесено вреда. Поэтому, никто не имѣлъ бы права и жаловаться **.» Такимъ образомъ, дѣти съ самой колыбели становились отвѣтчиками за ошибки тѣхъ, кто призвалъ ихъ къ жизни. Чего вы пугаетесь, говоритъ Мальтусъ? ваша благотворительность жесточе моей строгости, а ваши воспитательные дома и больницы суть живыя могилы. И въ то же самое время онъ развертываетъ таблицы смертности дѣтей въ этихъ пріютахъ, и самымъ неотразимымъ образомъ доказываетъ, что дѣти почти поголовно умираютъ въ нихъ на первомъ году отъ рожденія ***.

Эти страшныя сближенія произвели необыкновенное впечатлѣніе во всей Европѣ. Мальтусъ преслѣдовалъ свои воззрѣнія съ неутомимой настойчивостью. Ему хотѣлось устрашить человѣколюбіе его собственными заблужденіями, и заставить благоразумныхъ людей, вступающихъ въ бракъ, обратиться къ спасительной предусмотрительности. Сдерживая естественное стремленіе всякаго правительства къ увеличенію числа благотворительныхъ заведеній, онъ надѣялся остановить порождаемыя ими злоупотребленія, такъ какъ, по его

---

* *Опытъ о законѣ народонаселенія*, кн. IV, гл. VIII; т. II, стр. 262 рус. изд.

** Тамъ же, стр. 268.

*** По исчисленію Бенуатона де Шатонёфа, въ воспитательныхъ домахъ на 100 дѣтей умирало: въ Мадритѣ, въ 1817, 67, въ Вѣнѣ, въ 1811, 92, въ Брюсселѣ, среднимъ числомъ съ 1802 по 1817, 79. Въ Дублинѣ, какъ мы уже упоминали, съ 1791 по 1797, изъ 12,785 дѣтей въ шесть лѣтъ умерло 12,561. Что за бойни! Прим. автора.

Несмотря на эти примѣры, цифры, приводимыя Мальтусомъ, еще любопытнѣе. Рус. перев.

мнѣнію, они только усиливали общественные недуги, вмѣсто того чтобы спасать отъ нихъ. Безбрачіе, нѣкогда гонимое, какъ эгоистическій образъ жизни, въ его глазахъ, заслуживало полнаго уваженія, и почти возводилось имъ въ разрядъ добродѣтелей. Больницы и пріюты запирались; переставали подавать милостыню; всюду распространялось равнодушіе къ дѣламъ благотворенія и къ общественнымъ вспомоществованіямъ. Отнынѣ одно только жестокосердіе считалось согласнымъ съ истинными принципами науки и съ естественными законами природы; безчувственность возведена была въ систему. Слѣдуетъ сознаться, что подобныя нововведенія должны были глубоко возмутить великодушныхъ и сострадательныхъ людей, для которыхъ наслажденіе, доставляемое расточеніемъ благодѣяній, было неумолкающею потребностью ихъ природы. За то же и поднялся противъ Мальтуса со всѣхъ сторонъ общій крикъ негодованія. Его называли человѣкомъ бездушнымъ, безстыдно бросавшимъ въ лице человѣчества страшной ироніей своей системы. Говорилось, что еще въ первый разъ, какъ существуетъ міръ, поднялся голосъ въ защиту чумы, войны, голода и всѣхъ бичей, губящихъ человѣчество, представляя ихъ естественными законами, поддерживающими равновѣсіе между народонаселеніемъ и средствами существованія. Священники, женщины, философы были возмущены дерзостью такого предположенія, и на голову Мальтуса, несмотря на высокія личныя его качества, долгое время сыпались самыя злословныя обвиненія.

Гроза стихла наконецъ надъ могилой этого великаго писателя, и для него открывается безпристрастный судъ потомства. Въ послѣднее время онъ самъ сознавался, что слишкомъ преувеличилъ послѣдствія своего принципа. «Вѣроятно, писалъ онъ *, найдя лукъ слишкомъ согнутымъ въ одну сторону, я слишкомъ перегнулъ его въ другую, желая его выпрямить. Но я всегда буду готовъ исключить, и соглашаюсь выбросить изъ моего сочиненія все, что, по мнѣнію основательныхъ судей, будетъ противурѣчить моей цѣли и вредить распростра-

* *Опытъ о законѣ народонаселенія*, т. II, стр. 412.

ненію истины.» И дѣйствительно, мы уже упоминали, что онъ выключилъ въ послѣднихъ изданіяхъ свего сочиненія самыя жесткія и самыя оскорбительныя мѣста. Главное его заблужденіе состояло въ томъ, что онъ приписывалъ всѣ бѣдствія человѣчества исключительно чрезмѣрному размноженію людей, и, такъ сказать, заранѣе освобождалъ правительства всѣхъ странъ отъ всякой отвѣтственности. Нравственныя условія обыкновенно бываютъ слишкомъ сложны, и смотрѣть на нихъ съ одной только точки зрѣнія было бы въ высшей степени ошибочно. Къ тому же, Мальтусъ почти вовсе не обратилъ вниманія на возрастаніе средствъ производства подъ вліяніемъ труда и содѣйствія машинъ. Онъ притворно не замѣчалъ, что народонаселеніе нашего времени, хотя несравненно болѣе многочисленное противъ прежняго, пользуется однако бо̀льшими удобствами; оно лучше одѣто, имѣетъ лучшія помѣщенія, питается лучшею пищей; люди менѣе, чѣмъ когда нибудь, подвержены опасности броситься другъ на друга изъ за куска хлѣба. Быть можетъ, они испытываютъ болѣе нравственныхъ мученій, вслѣдствіе увеличившихся желаній, которымъ они невсегда могутъ удовлетворить; но сами желанія эти оказываются энергическимъ побужденіемъ, которому слѣдуетъ приписать бо̀льшую часть успѣховъ, сдѣланныхъ всѣми отраслями промышленности. Но и принимая гипотезу Мальтуса, по мѣрѣ того какъ народонаселеніе приближается къ уровню, допускаемому средствами существованія, требованіе новыхъ произведеній вызываетъ новыя полезныя открытія, которыми не замедлитъ воспользоваться все человѣчество; выселенія распространяютъ человѣческія племена по пустымъ странамъ, которыя оплодотворяются и населяются ими; цивилизація проникаетъ такимъ образомъ въ невѣдомыя части міра, которыя сторицею возвратятъ затраты, сдѣланныя на ихъ разработку. Такъ, равнины и лѣса сѣверной Америки воздѣланы были европейскими поселенцами, а пустынныя берега ея большихъ рѣкъ, вдоль которыхъ бродили нѣкогда жалкія толпы дикарей и людоѣдовъ, покрылись богатыми городами.

Разсматривая внимательно карту земнаго шара, и прини-

мая во вниманіе плодородіе огромнаго числа обширныхъ, едва тронутыхъ странъ, перестаешь опасаться тѣхъ несчастій, которыя грозятъ человѣчеству по предсказанію Мальтуса. Но и само выселеніе представляется только крайней мѣрой, если его сравнивать съ улучшеніями, такъ легко прилагавшимися геніемъ человѣка къ землѣ, которая всегда доставляла ему новыя выгоды, по мѣрѣ того, какъ ей приходилось удовлетворять его новымъ требованіямъ. Рикардо * высказалъ, кажется, все, что̀ только можно было сказать противъ Мальтуса; и мы вполнѣ увѣрены, что авторъ *Опыта о народонаселеніи* долженъ былъ успокоиться относительно выводовъ собственной своей теоріи, оцѣнивъ, какъ слѣдуетъ, прекрасныя изслѣдованія объ успѣхахъ земледѣлія, сдѣланныя знаменитымъ его соотечественникомъ. Сверхъ того, между всѣми народами существуетъ непрерывный обмѣнъ мануфактурныхъ издѣлій на земледѣльческіе продукты, такъ что торговля восполняетъ недостаточное земледѣліе, и всегда предохранитъ отъ недостатка въ продовольствіи народъ умный и трудолюбивый. Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе скрѣпляющіяся дружескія сношенія между всѣми цивилизованными народами дѣлаютъ всѣ полезныя промышленныя открытія общимъ достояніемъ; примѣромъ этого могутъ служить пароходное мореплаваніе, газовое освѣщеніе, желѣзныя дороги, которыя почти одновременно распространяются по Европѣ, Азіи, Америкѣ и даже Африкѣ. Такимъ образомъ, въ настоящее время пароходы бороздятъ Красное море и Адріатическое, плаваютъ по Нилу, Гангу и Миссиссипи, какъ по Сенѣ и Темзѣ, и заранѣе свозятъ на случай голода въ наши многолюдные города запасы хлѣба съ береговъ Чернаго моря и Соединенныхъ Штатовъ. Впрочемъ, Мальтусъ не первый заговорилъ объ опасности по вопросу о размноженіи народонаселенія, и мы могли бы указать не на одного изъ его соотечественниковъ, которые за сто лѣтъ до него писали іереміады о близкой опасности, угрожаемой увеличеніемъ количества населенія. Что̀ сказали бы эти предвозвѣстники бѣд-

---

* *The principles of political economy and taxation.* London. 1817.

ствій, еслибы взглянули на Англію нашего времени, богатую, могущественную и въ два раза болѣе населенную?

Какъ бы то ни было, за ученіемъ Мальтуса навсегда останется та заслуга, что оно обратило вниманіе, какъ правительствъ, такъ и частныхъ людей, на вредъ, причиняемый неосмотрительными браками и неразборчивою благотворительностью. Это ученіе уже предохранило Францію отъ введенія у себя губительнаго англійскаго законодательства о бѣдныхъ, обратившаго нищенство въ занятіе, оплачиваемое обществомъ. Даже въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ законодательство это долгое время находилось въ полной силѣ, оно значительно видоизмѣнено, а общественная благотворительность, умудренная опытомъ прошлаго, научилась различать незаслуженную бѣдность отъ добровольнаго нищенства. Мы сказали, что христіанство открыло благотворительность; политическая экономія дала ей правильную организацію. Благоразумные люди стали болѣе осмотрительны въ дѣлѣ супружества, такъ что на этотъ торжественный актъ жизни перестали смотрѣть съ тѣмъ легкомысліемъ, съ какимъ относились къ нему до того, какъ Мальтусъ указалъ на страшную отвѣтственность, налагаемую имъ *. Общество, сдѣлавшись болѣе строгимъ въ распредѣленіи своихъ вспомоществованій, поставило каждаго гражданина въ необходимость заботиться лично о своемъ существованіи, и искать въ бережливости обезпеченія на случай старости или болѣзни; и если оно не осмѣлилось еще закрыть, какъ это совѣтуетъ Мальтусъ, воспитательные дома для покидаемыхъ дѣтей, то оно по крайней мѣрѣ приняло мѣры, чтобы напомнить большему числу матерей о ихъ естественныхъ обязанностяхъ, которыя забывались ими рѣже вслѣдствіе ихъ порочности, чѣмъ вслѣдствіе ихъ бѣдности. По-

---

* Не слишкомъ ли увлекается авторъ въ настоящемъ случаѣ? Быть можетъ, на нѣкоторыя, весьма немногія мѣстности Швейцаріи, Бельгіи, Франціи ученіе Мальтуса и отразилось такимъ образомъ, но несомнѣнно въ ущербъ для нравственности. Что же касается до многолюдныхъ городовъ, то въ нихъ то же явленіе слѣдуетъ объяснять совершенно иными причинами, болѣе естественными и несравненно менѣе безнравственными. Рус. перев.

этому, слѣдуетъ извинить Мальтуса за то, что онъ наносилъ сильные удары, вмѣсто того, чтобы наносить вѣрные, и за то, что онъ, какъ самъ онъ выражается, слишкомъ перегнулъ лукъ, желая его выпрямить. Онъ увлекся весьма естественнымъ желаніемъ обобщить простую и общедоступную мысль, чтобы бросить ее, какъ страшилище, среди перепуганнаго человѣчества. Ему хотѣлось воспользоваться этимъ испугомъ, чтобы вызвать современное ему общество на болѣе энергическую дѣятельность на всякомъ поприщѣ, и растолковать ему экономическій смыслъ грозныхъ словъ Боссюета: *Впередъ! впередъ!*

Мы уже сказали, что твореніе Мальтуса вызвано было политическими сочиненіями Годвина, энергическаго реформатора, обвинявшаго исключительно одни только правительства во всѣхъ несовершенствахъ человѣческихъ обществъ. То же ученіе проповѣдывалъ и Ж. Ж. Руссо, выразившій сущность его въ слѣдующемъ догматическомъ положеніи: «*Все прекрасно, что̀ исходитъ изъ рукъ Творца, все искажается въ рукахъ человѣка.*» Кондорсе пошелъ еще далѣе, и смѣло провозгласилъ, что еслибы человѣкъ повиновался законамъ природы, то онъ могъ бы неопредѣленно раздвинуть границы своего существованія на землѣ. Годвину казалось, что онъ только выводитъ слѣдствія изъ ихъ положеній, когда предлагалъ уничтоженіе правительствъ, религій, собственности, брака и другихъ, вытекающихъ изъ нихъ учрежденій, имѣющихъ второстепенное значеніе. Необходимо перенестись мысленно къ этимъ увлеченіямъ, чтобы объяснить крайность Мальтусова ученія. «Человѣческія учрежденія, говоритъ онъ, какой бы вредъ ни приносили они обществу, въ сущности, суть только пустыя и поверхностныя причины его несчастій, *неболѣе какъ перья, плавающія на поверхности*, въ сравненіи съ болѣе глубокимъ источникомъ бѣдствій, вытекающимъ изъ законовъ самой природы *и страсти одного пола къ другому*. Поэтому, въ бѣдствіяхъ, испытываемыхъ человѣчествомъ, слѣдуетъ обвинять не неспособность правительствъ и отвращеніе ихъ къ реформамъ, но ихъ слѣдуетъ приписывать скорѣе избыточному народонаселенію. Честолюбію государей не достало бы орудій для разрушенія,

еслибы нищета не побуждала низшіе классы общества спѣшить подъ ихъ знамена. Мальтусъ полагалъ, что толпа, постоянно поддерживаемая въ возбужденномъ состояніи голодомъ, можетъ быть сдержана только самымъ суровымъ деспотизмомъ; по его мнѣнію, возгласы демагоговъ только сосредоточиваютъ вокругъ власти достаточные классы общества, существованію которыхъ грозитъ опасность, и этимъ только слѣдуетъ объяснять, какъ дурные законы, такъ и сохраненіе всѣхъ злоупотребленій. Онъ не признавалъ, чтобы просвѣщенный народъ согласился долгое время переносить дурныя учрежденія и злоупотребленія испорчернаго правительства, еслибы не видѣлъ, что ему грозятъ еще бо̀льшія бѣдствія со стороны невѣжественной и голодной толпы*.»

Нетрудно объяснить восторгъ, съ которымъ было принято подобное ученіе въ такой странѣ, какъ Англія, въ которой аристократія, въ эпоху появленія книги Мальтуса, вела ожесточенную борьбу противъ принциповъ французской революціи. Хотя Бабёфъ и не начиналъ еще писать, но еще памятны были памфлеты Марата и кровавыя попытки нашихъ уравнителей. Общество видѣло, каковы были на дѣлѣ реформаторы, принадлежавшіе къ этой школѣ, и всеобщее чувство отвращенія, возбужденное ими, немало способствовало успѣху ученія Мальтуса. Его теорія о народонаселеніи прославлялась съ сектаторскимъ энтузіазмомъ, потому что ставила подъ покровительство самого Провидѣнія, и какъ собственное его дѣло, самое глубокое соціальное неравенство и всѣ вытекающія изъ него бѣдствія. Народные писатели соединились въ одинъ лагерь, защитники привилегій окопались въ другомъ, одни — чтобы нападать, другіе — чтобы защитить это новое ученіе о роковой неизбѣжности. Это не было правильнымъ споромъ, а какою то безпорядочною свалкой, изъ которой трудно было бы выдти истинѣ здравой и невредимой, еслибы время, указывающее каждой вещи принадлежащее ей мѣсто, не заставило наконецъ обѣ партіи признаться въ сво-

---

* Ch. Comte, *Notice historique sur la vie et les travaux de Malthus*, прочитанная въ Институтѣ 28 декабря 1836.

ихъ крайностяхъ. Въ своихъ *Изслѣдованіяхъ о народонаселеніи* Годвинъ былъ уже гораздо умѣреннѣе, нежели *въ Политической справедливости*; и самъ Мальтусъ, какъ мы уже упоминали, допустилъ исправленія, повинуясь голосу *безпристрастныхъ судей*, то есть, событій, видоизмѣнившихъ его воззрѣнія.

И дѣйствительно, его ученіе не могло выдержать строгой критики, въ той безусловной формѣ, въ которой оно изложено. Его безжалостные приговоры противъ дѣтей, противъ стариковъ, противъ больныхъ, не могли быть освящены общественною совѣстью. Внутренній голосъ говорилъ человѣку, что самыя сильныя, самыя сладостныя его чувствованія, какъ чувство любви, чувство родства, даны ему Творцемъ вовсе не для того, чтобы быть источникомъ огорченій и страданій. Пороки и преступленія не могутъ имѣть одного происхожденія съ добродѣтелью. Съ другой стороны, самое поверхностное изслѣдованіе человѣческаго труда показываетъ, что если умножающееся народонаселеніе требуетъ большаго количества средствъ для своего существованія, то въ рукахъ у него самого находятся и средства для удовлетворенія своихъ нуждъ. Ежедневный опытъ показываетъ, что трудъ одного человѣка можетъ доставить достаточно продуктовъ для прокормленія десяти человѣкъ; что постоянно разрабатываются новыя земли, если только потребность въ продовольствіи обезпечиваетъ за земледѣльческими затратами правильную прибыль. На законы о бѣдныхъ, столь гибельные *, по мнѣнію Мальтуса, слѣдуетъ смотрѣть, только какъ на мѣру, занявшую мѣсто милостыни, раздававшейся монастырями, доходы которыхъ были уничтожены англійскимъ протестантизмомъ, а не какъ на поощреніе порока и лѣности. Напрасно авторъ настаивалъ на томъ, «что слѣдуетъ предоставить природѣ заботу о наказаніи бѣднаго за то, что онъ бѣденъ»,— никто не смотритъ на бѣдность, какъ на порокъ, какъ никто не считаетъ богатство за добродѣтель.

---

* Мальтусъ называетъ эти законы «зломъ, въ сравненіи съ которымъ національный долгъ, со всѣми внушаемыми имъ ужасами, почти не имѣетъ никакого значенія.» Прим. автора.

Годвинъ лучше всего опровергъ ту часть доктрины Мальтуса, которая встрѣтила такое сочувствіе со стороны англійской аристократіи, по той причинѣ, что совпадала съ ея естественными склонностями. «Горе странѣ, говорилъ Годвинъ, въ которой человѣкъ изъ простаго народа не можетъ жениться, не предвидя въ будущемъ потерю своего достоинства и независимости! Горе странѣ, въ которой, въ случаѣ непредвидѣнныхъ бѣдствій, обрушивающихся на голову этого несчастнаго, ему кричатъ, что онъ не имѣетъ никакого права на вспомоществованіе, которое помогло бы ему выдти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ! Можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что существуетъ какой нибудь коренной недостатокъ въ общественномъ устройствѣ страны, въ которой человѣкъ находящійся въ подобномъ положеніи, не смѣетъ надѣяться прокормить своей семьи трудами рукъ своихъ, хотя бы у него и не было никакихъ ресурсовъ въ то время, какъ онъ женится *.» И, вмѣсто того, чтобы совѣтывать правительствамъ равнодушіе или суровыя мѣры относительно бѣдствій человѣческихъ, Годвинъ весьма основательно доказывалъ, что обязанность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы день и ночь трудиться надъ тѣми улучшеніями, въ которыхъ нуждается общество.

Опытъ постоянно оправдывалъ такое воззрѣніе. Общественное благосостояніе непрерывно возрастаетъ во всѣхъ почти европейскихъ странахъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія; и это явленіе обнаруживается съ такимъ постоянствомъ и неизмѣнностью, что оно подало поводъ американскому экономисту, Александру Эверету, доказывать, что благосостояніе страны зависитъ главнымъ образомъ отъ увеличенія народонасенія **. Изъ того, что результаты труда всегда находятся

---

* *Recherches sur la population*, кн. VI, гл. 6.

** Р. Моль (*Gesch. und Literat. der Staatswissenschaften.* III. 484), считая теорію Мальтуса, нетолько съ точки зрѣнія экономической науки, но и государственнаго права, вполнѣ вѣрною (*vollkommen richtig*), и даже полагая, что она не можетъ имѣть противниковъ, тѣмъ неменѣе, признается, что она нуждается въ пополненіяхъ и частныхъ измѣненіяхъ. Эти пробѣлы вызвали рядъ экономическихъ

въ прямомъ отношеніи съ самимъ трудомъ, а слѣдовательно, и съ количествомъ населенія, онъ выводилъ, что средства существованія отдѣльныхъ людей зависятъ только отъ болѣе или менѣе справедливаго распредѣленія прибылей между дѣятелями всѣхъ отраслей промышленности. Самыя эти отрасли труда ежедневно разширяются на ограниченной даже территоріи, то путемъ улучшенія земледѣлія, то путемъ распространенія торговли. Молодыя вѣтви нетолько не истощаютъ ствола, но придаютъ ему новую силу, и становятся элементами его благосостоянія, вмѣсто того, чтобы быть причиной его истощенія и гибели, какъ предполагаетъ Мальтусъ.

теорій о законѣ народонаселенія. Бо́льшая ихъ часть болѣе или менѣе приближается къ ученію Мальтуса, но есть и такія, которыя вовсе не сходны съ нимъ.

Всѣхъ экономистовъ и юристовъ, писавшихъ объ отношеніи числа людей къ количеству средствъ существованія, Моль раздѣлилъ на сторонниковъ ученія Мальтуса, и на несогласныхъ съ нимъ. Между послѣдними онъ различаетъ противниковъ обѣихъ его прогрессій, одной геометрической, одной ариѳметической; несогласныхъ со слѣдствіями, выводимыми Мальтусомъ изъ его закона, его противниковъ вслѣдствіе непониманія его теоріи, и его критиковъ.—Про Ад. Смита Моль не говоритъ ничего, хотя Смитъ положительно говоритъ, что по закону природы всѣ животныя породы умножаются сообразно со средствами существованія, и ни одна изъ нихъ не можетъ умножаться иначе, какъ только подъ этимъ условіемъ (*Богатство народовъ*, кн. I, гл. VIII). Но мы имѣемъ полное право утверждать, основываясь на духѣ ученія великаго экономиста, что онъ рѣшительно сталъ бы противъ выводовъ, сдѣланныхъ Мальтусомъ изъ закона, о которомъ самъ онъ упоминаетъ мимоходомъ.

Къ безусловно соглашавшимся съ Мальтусомъ Моль относитъ: Сэя, Лаудона, Соммера, Миссъ Мартино, Чальмерса, Кольмейра, Росси, Торнтона, Дж. Ст. Милля, І. Гарнье, Вейнгольда, Кадора, Сисмонди, Вильнёва-Баржемона, Ришерана.

Къ писателямъ, принимавшимъ законъ Мальтуса, но расходившимся съ нимъ относительно размѣровъ прогрессій, Моль причисляетъ: Грея, Энгеля, Гильяра, Спенсера, Годвина. Сюда же слѣдуетъ отнести и Рошера (*Grundl. der Nationalöcon.* 2 изд. 1857, стр. 469), несоглашающагося съ ариѳметической прогрессіей Мальтуса.

Къ писателямъ, несоглашающимся съ Мальтусомъ относительно

Впрочемъ, заблужденія относительно развитія народонаселенія обязаны своимъ происхожденіемъ эпохѣ, задолго предшествовавшей появленію знаменитаго творенія Мальтуса. Всѣ древнія сочиненія по политической экономіи проникнуты тѣми же опасеніями, волновавшими нашихъ отцевъ при видѣ возраставшаго населенія, въ увеличеніи котораго они, тѣмъ неменѣе, принимали, такое дѣятельное участіе. Опасенія ихъ высказывались главнымъ образомъ въ столицахъ, и не одинъ испуганный король Франціи считалъ необходимымъ остановить разширеніе Парижа, заставы котораго, постоянно отодвигаемыя, и до сихъ поръ продолжаютъ отодвигаться. То же

слѣдствій его закона принадлежатъ: Годвинъ, Паулетъ Скропъ, Сеніоръ, Гремъ, Вейландъ, Еверетъ, Алисонъ и Дж. Ст. Милль. Послѣдній одобряетъ официальную благотворительность по англійскому закону о бѣдныхъ, исправленному въ 1834, и предлагаетъ передать въ пользованіе бѣдныхъ незанятые поземельные участки сельскихъ общинъ, и перевозить лишнихъ бѣдныхъ въ колоніи на казенный счетъ. Бастіа принадлежалъ бы къ этой же категоріи, еслибы его ученіе о человѣческой *усовершаемости* не походило такъ близко на ученіе Мальтуса о нравственномъ обузданіи. Къ этой же категоріи можно отнести Іосифа Гарнье, полагающаго, что слѣдствія Мальтусова закона предупреждаются успѣхами производства, увеличеніемъ капиталовъ, уменьшеніемъ постоянныхъ армій, свободою торговли, увеличеніемъ количества обрабатываемыхъ земель, появленіемъ новыхъ питательныхъ веществъ (картофеля), короче, экономическимъ прогрессомъ.

Что касается до воззрѣній Вейнгольда, Маркуса, Фурье, Леру и Прудона, то отсылаемъ читателя къ статьѣ, приложенной къ русскому переводу книги Мальтуса, въ которой подробно разобранъ, какъ основной законъ его, такъ и оцѣнка его прогрессій, послѣдняя, на основаніи превосходныхъ примѣчаній, сдѣланныхъ Чернышевскимъ къ переводу *Политической Экономіи* Дж. Ст. Милля. Къ этому же сочиненію приложенъ полный разборъ ученія Мальтуса и его послѣдователей, сдѣланный Прудономъ въ его книгѣ о *Справедливости*.

Во главѣ писателей, отвергавшихъ основной законъ Мальтуса, стоитъ Кери (Carey, *Principles of social science*. III. 263—368). Моль относитъ этого экономиста къ противникамъ Мальтуса aus Misverstaendnisz, т. е. изъ недоразумѣнія, и считаетъ его положенія плодомъ фантазіи. Какъ бы то ни было, его въ высшей степени ори-

явленіе замѣчено было и въ Лондонѣ, населеніе котораго равняется населенію инаго королевства, и гдѣ болѣе мильона людей живетъ въ довольствѣ на клочкѣ земли, который, еслибы воздѣлывался, то не въ состояніи былъ бы прокормить и пятисотъ человѣкъ. Всѣ эти пустые страхи разсѣиваются нелѣпостью воображаемаго размноженія населенія въ геометрической прогрессіи. Самъ Мальтусъ сознается, что не можетъ привести въ примѣръ ни одной страны, населеніе которой не удерживалось бы различными физическими или нравственными условіями ниже уровня, допускаемаго произ-

---

гинальная теорія народонаселенія и ренты, повторенная и поясненная мѣстами Пешейномъ Смитомъ (Peschine Smith, *Manuel d'Économie politique, trad. Baquet.* 1854), представляетъ вопросъ объ отношеніи людей къ средствамъ ихъ существованія совершенно съ новой точки зрѣнія. Кери доказываетъ, что общество шло въ воздѣлываніи земель, доставлявшихъ ему пищу, одежду и жилище (лѣса) отъ легкихъ, безъ труда производившихъ все потребное участковъ къ болѣе тучнымъ, требовавшимъ однако и бо́льшаго труда для своего воздѣлыванія и оплодотворенія. Первымъ логическимъ заключеніемъ этихъ положеній было прямое опроверженіе теорій ренты Андерсена, Веста, Рикардо и Мальтуса, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и закона о народонаселеніи послѣдняго. Кери доказываетъ, что закона этого вовсе не существуетъ, но такъ какъ отъ увеличенія числа людей зависитъ увеличеніе количества труда, то отъ него зависитъ и количество цѣнностей, благъ и средствъ существованія. Для Кери, потребленіе питательныхъ веществъ не есть, какъ для Мальтуса, ихъ истребленіе, а напротивъ того, ихъ возсозданіе, безконечный круговоротъ (Kreislauf) міровой жизни. Люди живутъ животными и растеніями, растенія—людьми и животными, животныя—животными, людьми и растеніями, и т. д. Кери основываетъ свои выводы на слѣдующихъ положеніяхъ: 1) Въ органической жизни, чѣмъ проще организмъ, тѣмъ онъ воспроизводительнѣе; 2) Способность множиться организмовъ находится въ прямомъ отношеніи съ ихъ неспособностью развиваться; 3) Человѣкъ изо всѣхъ организмовъ болѣе всѣхъ способенъ развиваться, а слѣдовательно, и менѣе прочихъ множиться; 4) Въ воздѣлываніи земель люди шли отъ бѣдныхъ участковъ къ тучнымъ, болѣе плодороднымъ; 5) Законы природы согласны съ предначертаніями Бога; 6) Бѣдность и ея слѣдствія не суть слѣдствія безсилія земли, а неспособности людей пользоваться ея силами; 7) Мальтусъ указалъ только на факты, не сдѣлавъ изъ нихъ научнаго вывода;

водительностью ея почвы *; въ противномъ случаѣ, встрѣчался бы постоянный недостатокъ въ продовольствіи и періодическія повальныя болѣзни, между тѣмъ какъ оба эти бича появлялись обыкновенно въ ту эпоху, когда всѣ вообще страны имѣли меньшее населеніе, сравнительно съ теперешнимъ. Приводимый Мальтусомъ примѣръ сѣверной Америки, въ которой населеніе удваивается каждыя двадцать пять лѣтъ, столь же неубѣдителенъ, какъ и примѣръ Швеціи, въ которой, по мнѣнію Годвина, населеніе удваивается каждыя сто лѣтъ. Общественныя явленія вовсе не подчиняются та-

---

8) Потребитель удаленъ отъ производителя: чѣмъ менѣе будетъ это разстояніе, тѣмъ болѣе будетъ богатствъ, тѣмъ лучше будетъ жить людямъ, ибо тѣмъ справедливѣе будетъ распредѣленіе. Тѣхъ же воззрѣній, хотя и невыраженныхъ съ такою же ясностью, придерживались: А. Эверетъ, Энсоръ и Равенстонъ. Тьеръ (*De la propriété*, III, VII) отчасти раздѣляетъ убѣжденія Кери. Овенъ, Кабе и Сенъ-Симонъ не допускаютъ въ исправленномъ мірѣ Мальтусовыхъ явленій.

Вообще же, можно сказать, что всѣ экономисты, разбиравшіе Мальтуса, не совсѣмъ понимали его выводы, и, сомнѣваясь въ его посылкахъ, сражались, такъ сказать, съ призраками, созданными собственнымъ воображеніемъ; приписывая ему свои собственныя неясности, они выводили изъ нихъ произвольныя заключенія, и только еще болѣе затемняли вопросъ. Прогрессіи Мальтуса невѣрны, это сознавали многіе, и отвергая ихъ, въ то же время упрекали его за слѣдствія изъ нихъ вытекающія. Мальтусъ упустилъ изъ виду силу природы и ея законы, и политическое устройство обществъ; Годвинъ и Скропъ указывали только на послѣднее; Кери не обратилъ на это вовсе вниманія. Подлѣ тысячи людей, умиравшихъ съ голоду, Мальтусъ не замѣчалъ лорда, отъ одного обѣда котораго оставалось столько, что можно было этими остатками накормить не одинъ десятокъ бѣдняковъ. За столомъ на жизненномъ пиру не было мѣста многимъ, хотя много оставалось незанятыхъ мѣстъ. Но свободныя мѣста не могутъ быть заняты незванными: имъ Мальтусъ и предлагалъ не рождаться, чтобы не нарушать закона, который, если и былъ вѣренъ, то развѣ только для одного его прихода.

Рус. перев.

* Основная мысль Рошера (*Grundlage der Nationalöconomie*, т. II, стр. 4, 2 изд.). Рус. перев.

кимъ правильнымъ періодамъ, какъ явленія астрономическія или физическія, а политическія учрежденія, вмѣстѣ съ нравами, оказываютъ вліяніе, которое должно глубоко видоизмѣнять естественное стремленіе человѣка къ размноженію, будетъ ли послѣднее происходить по арифметической или геометрической прогрессіи.

Итакъ, Мальтусъ напрасно возставалъ противъ семейной привязанности, общественной и частной благотворительности, противъ дѣтскаго возраста и старости, во имя непонятыхъ имъ интересовъ человѣчества. Провидѣніе вовсе не желаетъ, чтобы богатству принадлежала монополія всѣхъ наслажденій, въ томъ числѣ наслажденій любви и супружества, ни чтобы одна часть человѣческаго рода приносилась въ жертву другой; однимъ словомъ, общество не можетъ руководствоваться ни монастырскимъ уставомъ, ни правилами скотнаго двора. Какъ бы то ни было, несмотря на преувеличеніе опасностей, угрожающихъ размноженіемъ населенія, Мальтусъ, тѣмъ неменѣе, оказалъ ту услугу, что предостерегъ правительства отъ злоупотребленія благотворительными заведеніями, и внушилъ людямъ, что коренной законъ общественнаго благоденствія предписываетъ имъ священныя обязанности предусмотрительности и обереженія, какъ самихъ себя, такъ и дѣтей своихъ. Съ этого времени Англія приступила къ преобразованію своего законодательства о бѣдныхъ, а другія страны остереглись отъ введенія его у себя. Благотворительность, нисколько не утративъ своей энергіи, сдѣлалась болѣе просвѣщенной. Отнынѣ она подчинилась особеннымъ правиламъ, подобно всякой другой добродѣтели. Во Франціи появилось даже, по этому случаю сочиненіе *, запечатлѣнное въ одно и то же время, какъ *строгимъ благоразуміемъ Мальтуса*, такъ и *великодушнымъ человѣколюбіемъ Годвина*. Но и такая даже мировая показалась неудовлетворительной для благочестивыхъ людей, которые смотрятъ на благотворительность, какъ на одну изъ самыхъ священныхъ обязанностей. Одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ нашихъ администраторовъ **, Вильневъ-

* Duchâtel, *De la Charité*.

** Вильневъ-Баржемонъ, бывшій префектъ.

Баржемонъ, обнародовалъ, подъ заглавіемъ *Христіанская политическая экономія*, протестъ противъ ученія Мальтуса, мѣстами весьма краснорѣчивый, и постоянно проникнутый самою глубокою искренностью. Онъ возстаетъ, правда, противъ него, скорѣе какъ апостолъ, чѣмъ какъ экономистъ, или государственный дѣятель; тѣмъ неменѣе, онъ прекрасно доказываетъ, что ученіе это не въ силахъ поднять нравственность населеній и предупредить угнетающія ихъ бѣдствія. Еще задолго до появленія послѣдней книги раздался энергическій протестъ, не безслѣдно прошедшій по Европѣ, осуждавшій ученіе о неограниченномъ трудѣ работниковъ и о правѣ хозяевъ оставлять ихъ на произволъ собственной ихъ судьбы. Сисмонди не побоялся предложить законъ, которымъ обязывались бы предприниматели по всѣмъ отраслямъ производства заботиться *о всѣхъ нуждахъ своихъ работниковъ, въ здоровомъ состояніи, въ болѣзни и во всякомъ возрастѣ* послѣднихъ, подъ однимъ только условіемъ, что они не имѣютъ права жениться безъ согласія хозяевъ. Онъ возвращался такимъ образомъ къ эпохѣ цеховыхъ корпорацій, и требовалъ отъ работниковъ свободы въ замѣнъ доставляемаго имъ хлѣба; такое важное значеніе получилъ рабочій вопросъ, до такой степени онъ становился неразрѣшимымъ и грознымъ, въ особенности, если припомнить попытки къ его разрѣшенію въ 1793 и страданія въ 1830 манчестерскихъ Люддистовъ* и ліонскихъ работниковъ.

---

* Это востаніе вспыхнуло въ 1811 году въ Нотингемѣ. Нѣсколько чулочныхъ фабрикантовъ объявили работникамъ, что они принуждены сбавить по 3 пенса съ заработной платы съ пары чулокъ, если тѣ не принудятъ другихъ чулочныхъ фабрикантовъ отказаться отъ тканья чулокъ на особыхъ станкахъ. Общая доровизна вызвала работниковъ на рѣшительныя мѣры, когда послѣдніе фабриканты отказались исполнить ихъ требованіе, т. е. перестать ткать на новоизобрѣтенныхъ станкахъ; возставшіе переломали ихъ машины, ихъ примѣру послѣдовали работники сосѣднихъ мѣстностей, и стали ломать машины, уже неотносившіяся до чулочнаго производства. Потомъ они составили цѣлое тайное общество *враговъ машинъ*, главою котораго выбрали какого то, никогда несуществовавшаго генерала Людда. Жизнь и имущество нетолько фабрикантовъ-хозяевъ, но и

Правительства всей Европы не переставали съ этого времени бороться противъ источника безпорядковъ и смутъ, связанныхъ съ этимъ неразрѣшимымъ вопросомъ. Безполезны оказались колосальные успѣхи производства: оно не всегда находитъ выгодный для себя сбытъ, а распредѣленіе прибылей не совершается съ той очевидной для всѣхъ справедливостью, которая согласовалась бы съ убѣжденіями всѣхъ, и примиряла бы всѣ интересы. *Нравственное обузданіе* Мальтуса не останавливаетъ ни одного неблагоразумнаго брака, не предупреждаетъ ни одного незаконнаго рожденія. Увѣщанія Дюшателя обращены только къ образованнымъ классамъ, а предлагаемое Сисмонди вмѣшательство закона столько же отвергается нашими политическими учрежденіями, какъ и нашими нравами. Вопросъ остается все въ томъ же положеніи, въ какомъ оставилъ его Мальтусъ; и хотя писатель этотъ нашелъ, подобно Тюрго, правительство, готовое примѣнить на практикѣ его теорію, но произведенные опыты вовсе еще не настолько убѣдительны, чтобы можно было надѣяться получить, на основаніи ихъ, точное и научное рѣшеніе вопроса. Мы вскорѣ встрѣтимся на дѣлѣ съ законодательными собраніями и смѣлыми реформаторами, пытавшимися развязать этотъ Гордіевъ узелъ, и на болѣе прочныхъ основаніяхъ установить распредѣленіе прибыли, доставляемой трудомъ: съ Учредительнымъ собраніемъ, Конвентомъ, Сенъ-симонистской школой, соціалистической и со многими другими? Чему же научили насъ ихъ великодушныя попытки? Въ ушахъ нашихъ раздается, подымающійся какъ бы изъ бездны, суровый голосъ Ламне, этого Бридена * политической экономіи;

сельскихъ собственниковъ были въ опасности; наконецъ, въ 1812 году, парламентъ объявилъ, что за разрушеніе машинъ будутъ казнить смертью; эта строгость, поддержанная военною силою, и уменьшившаяся дороговизна мало по малу подавили возстаніе, угрожавшее большою опасностью нетолько политическому спокойствію Англіи, но и всему современному соціальному порядку. Рус. перев.

* Знаменитый проповѣдникъ первой половины восемнадцатаго вѣка, произведшій на парижанъ страшное впечатлѣніе проповѣдью о вѣчности, сказанной въ церкви св. Сюльпиція. Рус. перев.

Годвинъ лучше всего опровергъ ту часть доктрины Мальтуса, которая встрѣтила такое сочувствіе со стороны англійской аристократіи, по той причинѣ, что совпадала съ ея естественными склонностями. «Горе странѣ, говорилъ Годвинъ, въ которой человѣкъ изъ простаго народа не можетъ жениться, не предвидя въ будущемъ потерю своего достоинства и независимости! Горе странѣ, въ которой, въ случаѣ непредвидѣнныхъ бѣдствій, обрушивающихся на голову этого несчастнаго, ему кричатъ, что онъ не имѣетъ никакого права на вспомоществованіе, которое помогло бы ему выдти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ! Можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что существуетъ какой нибудь коренной недостатокъ въ общественномъ устройствѣ страны, въ которой человѣкъ находящійся въ подобномъ положеніи, не смѣетъ надѣяться прокормить своей семьи трудами рукъ своихъ, хотя бы у него и не было никакихъ ресурсовъ въ то время, какъ онъ женится *.» И, вмѣсто того, чтобы совѣтывать правительствамъ равнодушіе или суровыя мѣры относительно бѣдствій человѣческихъ, Годвинъ весьма основательно доказывалъ, что обязанность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы день и ночь трудиться надъ тѣми улучшеніями, въ которыхъ нуждается общество.

Опытъ постоянно оправдывалъ такое воззрѣніе. Общественное благосостояніе непрерывно возрастаетъ во всѣхъ почти европейскихъ странахъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія; и это явленіе обнаруживается съ такимъ постоянствомъ и неизмѣнностью, что оно подало поводъ американскому экономисту, Александру Эверету, доказывать, что благосостояніе страны зависитъ главнымъ образомъ отъ увеличенія народонасенія **. Изъ того, что результаты труда всегда находятся

---

* *Recherches sur la population*, кн. VI, гл. 6.

** Р. Моль (*Gesch. und Literat. der Staatswissenschaften.* III. 484), считая теорію Мальтуса, нетолько съ точки зрѣнія экономической науки, но и государственнаго права, вполнѣ вѣрною (*vollkommen richtig*), и даже полагая, что она не можетъ имѣть противниковъ, тѣмъ неменѣе, признается, что она нуждается въ пополненіяхъ и частныхъ измѣненіяхъ. Эти пробѣлы вызвали рядъ экономическихъ

въ прямомъ отношеніи съ самимъ трудомъ, а слѣдовательно, и съ количествомъ населенія, онъ выводилъ, что средства существованія отдѣльныхъ людей зависятъ только отъ болѣе или менѣе справедливаго распредѣленія прибылей между дѣятелями всѣхъ отраслей промышленности. Самыя эти отрасли труда ежедневно разширяются на ограниченной даже территоріи, то путемъ улучшенія земледѣлія, то путемъ распространенія торговли. Молодыя вѣтви нетолько не истощаютъ ствола, но придаютъ ему новую силу, и становятся элементами его благосостоянія, вмѣсто того, чтобы быть причиной его истощенія и гибели, какъ предполагаетъ Мальтусъ.

теорій о законѣ народонаселенія. Бо́льшая ихъ часть болѣе или менѣе приближается къ ученію Мальтуса, но есть и такія, которыя вовсе не сходны съ нимъ.

Всѣхъ экономистовъ и юристовъ, писавшихъ объ отношеніи числа людей къ количеству средствъ существованія, Моль раздѣлилъ на сторонниковъ ученія Мальтуса, и на несогласныхъ съ нимъ. Между послѣдними онъ различаетъ противниковъ обѣихъ его прогрессій, одной геометрической, одной ариѳметической; несогласныхъ со слѣдствіями, выводимыми Мальтусомъ изъ его закона, его противниковъ вслѣдствіе непониманія его теоріи, и его критиковъ.—Про Ад. Смита Моль не говоритъ ничего, хотя Смитъ положительно говоритъ, что по закону природы всѣ животныя породы умножаются сообразно со средствами существованія, и ни одна изъ нихъ не можетъ умножаться иначе, какъ только подъ этимъ условіемъ (*Богатство народовъ*, кн. I, гл. VIII). Но мы имѣемъ полное право утверждать, основываясь на духѣ ученія великаго экономиста, что онъ рѣшительно сталъ бы противъ выводовъ, сдѣланныхъ Мальтусомъ изъ закона, о которомъ самъ онъ упоминаетъ мимоходомъ.

Къ безусловно соглашавшимся съ Мальтусомъ Моль относитъ: Сэя, Лаудона, Соммера, Миссъ Мартино, Чальмерса, Кольмейра, Росси, Торнтона, Дж. Ст. Милля, І. Гарнье, Вейнгольца, Кадора, Сисмонди, Вильнёва-Баржемона, Ришерана.

Къ писателямъ, принимавшимъ законъ Мальтуса, но расходившимся съ нимъ относительно размѣровъ прогрессій, Моль причисляетъ: Грея, Энгеля, Гильяра, Спенсера, Годвина. Сюда же слѣдуетъ отнести и Рошера (*Grundl. der Nationalöcon.* 2 изд. 1857, стр. 469), несоглашающагося съ ариѳметической прогрессіей Мальтуса.

Къ писателямъ, несоглашающимся съ Мальтусомъ относительно

Впрочемъ, заблужденія относительно развитія народонаселенія обязаны своимъ происхожденіемъ эпохѣ, задолго предшествовавшей появленію знаменитаго творенія Мальтуса. Всѣ древнія сочиненія по политической экономіи проникнуты тѣми же опасеніями, волновавшими нашихъ отцевъ при видѣ возраставшаго населенія, въ увеличеніи котораго они, тѣмъ неменѣе, принимали, такое дѣятельное участіе. Опасенія ихъ высказывались главнымъ образомъ въ столицахъ, и не одинъ испуганный король Франціи считалъ необходимымъ остановить разширеніе Парижа, заставы котораго, постоянно отодвигаемыя, и до сихъ поръ продолжаютъ отодвигаться. То же

слѣдствій его закона принадлежатъ: Годвинъ, Паулетъ Скропъ, Сеніоръ, Гремъ, Вейландъ, Еверетъ, Алисонъ и Дж. Ст. Милль. Послѣдній одобряетъ официальную благотворительность по англійскому закону о бѣдныхъ, исправленному въ 1834, и предлагаетъ передать въ пользованіе бѣдныхъ незанятые поземельные участки сельскихъ общинъ, и перевозить лишнихъ бѣдныхъ въ колоніи на казенный счетъ. Бастіа принадлежалъ бы къ этой же категоріи, еслибы его ученіе о человѣческой *усовершаемости* не походило такъ близко на ученіе Мальтуса о нравственномъ обузданіи. Къ этой же категоріи можно отнести Іосифа Гарнье, полагающаго, что слѣдствія Мальтусова закона предупреждаются успѣхами производства, увеличеніемъ капиталовъ, уменьшеніемъ постоянныхъ армій, свободою торговли, увеличеніемъ количества обрабатываемыхъ земель, появленіемъ новыхъ питательныхъ веществъ (картофеля), короче, экономическимъ прогрессомъ.

Что касается до воззрѣній Вейнгольда, Маркуса, Фурье, Леру и Прудона, то отсылаемъ читателя къ статьѣ, приложенной къ русскому переводу книги Мальтуса, въ которой подробно разобранъ, какъ основной законъ его, такъ и оцѣнка его прогрессій, послѣдняя, на основаніи превосходныхъ примѣчаній, сдѣланныхъ Чернышевскимъ къ переводу *Политической Экономіи* Дж. Ст. Милля. Къ этому же сочиненію приложенъ полный разборъ ученія Мальтуса и его послѣдователей, сдѣланный Прудономъ въ его книгѣ о *Справедливости*.

Во главѣ писателей, отвергавшихъ основной законъ Мальтуса, стоитъ Кери (Carey, *Principles of social science*. III. 263—368). Моль относитъ этого экономиста къ противникамъ Мальтуса aus Misverstaendnisz, т. е. изъ недоразумѣнія, и считаетъ его положенія плодомъ фантазіи. Какъ бы то ни было, его въ высшей степени ори-

явленіе замѣчено было и въ Лондонѣ, населеніе котораго равняется населенію инаго королевства, и гдѣ болѣе мильона людей живетъ въ довольствѣ на клочкѣ земли, который, еслибы воздѣлывался, то не въ состояніи былъ бы прокормить и пятисотъ человѣкъ. Всѣ эти пустые страхи разсѣиваются нелѣпостью воображаемаго размноженія населенія въ геометрической прогрессіи. Самъ Мальтусъ сознается, что не можетъ привести въ примѣръ ни одной страны, населеніе которой не удерживалось бы различными физическими или нравственными условіями ниже уровня, допускаемаго произ-

---

гинальная теорія народонаселенія и ренты, повторенная и поясненная мѣстами Пешейномъ Смитомъ (Peschine Smith, *Manuel d'Économie politique, trad. Baquet.* 1854), представляетъ вопросъ объ отношеніи людей къ средствамъ ихъ существованія совершенно съ новой точки зрѣнія. Кери доказываетъ, что общество шло въ воздѣлываніи земель, доставлявшихъ ему пищу, одежду и жилище (лѣса) отъ легкихъ, безъ труда производившихъ все потребное участковъ къ болѣе тучнымъ, требовавшимъ однако и бо́льшаго труда для своего воздѣлыванія и оплодотворенія. Первымъ логическимъ заключеніемъ этихъ положеній было прямое опроверженіе теорій ренты Андерсена, Веста, Рикардо и Мальтуса, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и закона о народонаселеніи послѣдняго. Кери доказываетъ, что закона этого вовсе не существуетъ, но такъ какъ отъ увеличенія числа людей зависитъ увеличеніе количества труда, то отъ него зависитъ и количество цѣнностей, благъ и средствъ существованія. Для Кери, по-потребленіе питательныхъ веществъ не есть, какъ для Мальтуса, ихъ истребленіе, а напротивъ того, ихъ возсозданіе, безконечный круговоротъ (Kreislauf) міровой жизни. Люди живутъ животными и растеніями, растенія—людьми и животными, животныя—животными, людьми и растеніями, и т. д. Кери основываетъ свои выводы на слѣдующихъ положеніяхъ: 1) Въ органической жизни, чѣмъ проще организмъ, тѣмъ онъ воспроизводительнѣе; 2) Способность множиться организмовъ находится въ прямомъ отношеніи съ ихъ неспособностью развиваться; 3) Человѣкъ изо всѣхъ организмовъ болѣе всѣхъ способенъ развиваться, а слѣдовательно, и менѣе прочихъ множиться; 4) Въ воздѣлываніи земель люди шли отъ бѣдныхъ участковъ къ тучнымъ, болѣе плодороднымъ; 5) Законы природы согласны съ предначертаніями Бога; 6) Бѣдность и ея слѣдствія не суть слѣдствія безсилія земли, а неспособности людей пользоваться ея силами; 7) Мальтусъ указалъ только на факты, не сдѣлавъ изъ нихъ научнаго вывода;

водительностью ея почвы *; въ противномъ случаѣ, встрѣчался бы постоянный недостатокъ въ продовольствіи и періодическія повальныя болѣзни, между тѣмъ какъ оба эти бича появлялись обыкновенно въ ту эпоху, когда всѣ вообще страны имѣли меньшее населеніе, сравнительно съ теперешнимъ. Приводимый Мальтусомъ примѣръ сѣверной Америки, въ которой населеніе удваивается каждыя двадцать пять лѣтъ, столь же неубѣдителенъ, какъ и примѣръ Швеціи, въ которой, по мнѣнію Годвина, населеніе удваивается каждыя сто лѣтъ. Общественныя явленія вовсе не подчиняются та-

---

8) Потребитель удаленъ отъ производителя: чѣмъ менѣе будетъ это разстояніе, тѣмъ болѣе будетъ богатствъ, тѣмъ лучше будетъ жить людямъ, ибо тѣмъ справедливѣе будетъ распредѣленіе. Тѣхъ же воззрѣній, хотя и невыраженныхъ съ такою же ясностью, придерживались: А. Эверетъ, Энсоръ и Равенстонъ. Тьеръ (*De la propriété*, III, VII) отчасти раздѣляетъ убѣжденія Кери. Овенъ, Кабе и Сенъ-Симонъ не допускаютъ въ исправленномъ мірѣ Мальтусовыхъ явленій.

Вообще же, можно сказать, что всѣ экономисты, разбиравшіе Мальтуса, не совсѣмъ понимали его выводы, и, сомнѣваясь въ его посылкахъ, сражались, такъ сказать, съ призраками, созданными собственнымъ воображеніемъ; приписывая ему свои собственныя неясности, они выводили изъ нихъ произвольныя заключенія, и только еще болѣе затемняли вопросъ. Прогрессіи Мальтуса невѣрны, это сознавали многіе, и отвергая ихъ, въ то же время упрекали его за слѣдствія изъ нихъ вытекающія. Мальтусъ упустилъ изъ виду силу природы и ея законы, и политическое устройство обществъ; Годвинъ и Скропъ указывали только на послѣднее; Кери не обратилъ на это вовсе вниманія. Подлѣ тысячи людей, умиравшихъ съ голоду, Мальтусъ не замѣчалъ лорда, отъ одного обѣда котораго оставалось столько, что можно было этими остатками накормить не одинъ десятокъ бѣдняковъ. За столомъ на жизненномъ пиру не было мѣста многимъ, хотя много оставалось незанятыхъ мѣстъ. Но свободныя мѣста не могутъ быть заняты незванными: имъ Мальтусъ и предлагалъ не рождаться, чтобы не нарушать закона, который, если и былъ вѣренъ, то развѣ только для одного его прихода.

Рус. перев.

* Основная мысль Рошера (*Grundluge der Nationalöconomie*, т. II, стр. 4, 2 изд.). Рус. перев.

кимъ правильнымъ періодамъ, какъ явленія астрономическія или физическія, а политическія учрежденія, вмѣстѣ съ нравами, оказываютъ вліяніе, которое должно глубоко видоизмѣнять естественное стремленіе человѣка къ размноженію, будетъ ли послѣднее происходить по арифметической или геометрической прогрессіи.

Итакъ, Мальтусъ напрасно возставалъ противъ семейной привязанности, общественной и частной благотворительности, противъ дѣтскаго возраста и старости, во имя непонятыхъ имъ интересовъ человѣчества. Провидѣніе вовсе не желаетъ, чтобы богатству принадлежала монополія всѣхъ наслажденій, въ томъ числѣ наслажденій любви и супружества, ни чтобы одна часть человѣческаго рода приносилась въ жертву другой; однимъ словомъ, общество не можетъ руководствоваться ни монастырскимъ уставомъ, ни правилами скотнаго двора. Какъ бы то ни было, несмотря на преувеличеніе опасностей, угрожающихъ размноженіемъ населенія, Мальтусъ, тѣмъ неменѣе, оказалъ ту услугу, что предостерегъ правительства отъ злоупотребленія благотворительными заведеніями, и внушилъ людямъ, что коренной законъ общественнаго благоденствія предписываетъ имъ священныя обязанности предусмотрительности и обереженія, какъ самихъ себя, такъ и дѣтей своихъ. Съ этого времени Англія приступила къ преобразованію своего законодательства о бѣдныхъ, а другія страны остереглись отъ введенія его у себя. Благотворительность, нисколько не утративъ своей энергіи, сдѣлалась болѣе просвѣщенной. Отнынѣ она подчинилась особеннымъ правиламъ, подобно всякой другой добродѣтели. Во Франціи появилось даже, по этому случаю сочиненіе *, запечатлѣнное въ одно и то же время, какъ *строгимъ благоразуміемъ Мальтуса*, такъ и *великодушнымъ человѣколюбіемъ Годвина*. Но и такая даже мировая показалась неудовлетворительной для благочестивыхъ людей, которые смотрятъ на благотворительность, какъ на одну изъ самыхъ священныхъ обязанностей. Одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ нашихъ администраторовъ **, Вильневъ-

* Duchâtel, *De la Charité*.

** Вильневъ-Баржемонъ, бывшій префектъ.

Баржемонъ, обнародовалъ, подъ заглавіемъ *Христіанская политическая экономія*, протестъ противъ ученія Мальтуса, мѣстами весьма краснорѣчивый, и постоянно проникнутый самою глубокою искренностью. Онъ возстаетъ, правда, противъ него, скорѣе какъ апостолъ, чѣмъ какъ экономистъ, или государственный дѣятель; тѣмъ неменѣе, онъ прекрасно доказываетъ, что ученіе это не въ силахъ поднять нравственность населеній и предупредить угнетающія ихъ бѣдствія. Еще задолго до появленія послѣдней книги раздался энергическій протестъ, не безслѣдно прошедшій по Европѣ, осуждавшій ученіе о неограниченномъ трудѣ работниковъ и о правѣ хозяевъ оставлять ихъ на произволъ собственной ихъ судьбы. Сисмонди не побоялся предложить законъ, которымъ обязывались бы предприниматели по всѣмъ отраслямъ производства заботиться *о всѣхъ нуждахъ своихъ работниковъ, въ здоровомъ состояніи, въ болѣзни и во всякомъ возрастѣ* послѣднихъ, подъ однимъ только условіемъ, что они не имѣютъ права жениться безъ согласія хозяевъ. Онъ возвращался такимъ образомъ къ эпохѣ цеховыхъ корпорацій, и требовалъ отъ работниковъ свободы въ замѣнъ доставляемаго имъ хлѣба; такое важное значеніе получилъ рабочій вопросъ, до такой степени онъ становился неразрѣшимымъ и грознымъ, въ особенности, если припомнить попытки къ его разрѣшенію въ 1793 и страданія въ 1830 манчестерскихъ Люддистовъ* и ліонскихъ работниковъ.

---

* Это востаніе вспыхнуло въ 1811 году въ Нотингемѣ. Нѣсколько чулочныхъ фабрикантовъ объявили работникамъ, что они принуждены сбавить по 3 пенса съ заработной платы съ пары чулокъ, если тѣ не принудятъ другихъ чулочныхъ фабрикантовъ отказаться отъ тканья чулокъ на особыхъ станкахъ. Общая доровизна вызвала работниковъ на рѣшительныя мѣры, когда послѣдніе фабриканты отказались исполнить ихъ требованіе, т. е. перестать ткать на новоизобрѣтенныхъ станкахъ; возставшіе переломали ихъ машины, ихъ примѣру послѣдовали работники сосѣднихъ мѣстностей, и стали ломать машины, уже неотносившіяся до чулочнаго производства. Потомъ они составили цѣлое тайное общество *враговъ машинъ*, главою котораго выбрали какого то, никогда несуществовавшаго генерала Людда. Жизнь и имущество нетолько фабрикантовъ-хозяевъ, но и

Правительства всей Европы не переставали съ этого времени бороться противъ источника безпорядковъ и смутъ, связанныхъ съ этимъ неразрѣшимымъ вопросомъ. Безполезны оказались колосальные успѣхи производства: оно не всегда находитъ выгодный для себя сбытъ, а распредѣленіе прибылей не совершается съ той очевидной для всѣхъ справедливостью, которая согласовалась бы съ убѣжденіями всѣхъ, и примиряла бы всѣ интересы. *Нравственное обузданіе* Мальтуса не останавливаетъ ни одного неблагоразумнаго брака, не предупреждаетъ ни одного незаконнаго рожденія. Увѣщанія Дюшателя обращены только къ образованнымъ классамъ, а предлагаемое Сисмонди вмѣшательство закона столько же отвергается нашими политическими учрежденіями, какъ и нашими нравами. Вопросъ остается все въ томъ же положеніи, въ какомъ оставилъ его Мальтусъ; и хотя писатель этотъ нашелъ, подобно Тюрго, правительство, готовое примѣнить на практикѣ его теорію, но произведенные опыты вовсе еще не настолько убѣдительны, чтобы можно было надѣяться получить, на основаніи ихъ, точное и научное рѣшеніе вопроса. Мы вскорѣ встрѣтимся на дѣлѣ съ законодательными собраніями и смѣлыми реформаторами, пытавшимися развязать этотъ Гордіевъ узелъ, и на болѣе прочныхъ основаніяхъ установить распредѣленіе прибыли, доставляемой трудомъ: съ Учредительнымъ собраніемъ, Конвентомъ, Сенъ-симонистской школой, соціалистической и со многими другими? Чему же научили насъ ихъ великодушныя попытки? Въ ушахъ нашихъ раздается, подымающійся какъ бы изъ бездны, суровый голосъ Ламне, этого Бридена * политической экономіи;

сельскихъ собственниковъ были въ опасности; наконецъ, въ 1812 году, парламентъ объявилъ, что за разрушеніе машинъ будутъ казнить смертью; эта строгость, поддержанная военною силою, и уменьшившаяся дороговизна мало по малу подавили возстаніе, угрожавшее большою опасностью нетолько политическому спокойствію Англіи, но и всему современному соціальному порядку. Рус. перев.

* Знаменитый проповѣдникъ первой половины восемнадцатаго вѣка, произведшій на парижанъ страшное впечатлѣніе проповѣдью о вѣчности, сказанной въ церкви св. Сюльпиція. Рус. перев.

но онъ столько же жалуется на рабочихъ, какъ и на хозяевъ, и ограничивается внушеніемъ однимъ—состраданія, а другимъ — смиренія. Его горячія проповѣди напоминаютъ подчасъ *Философскую и политическую исторію торговли и европейскихъ поселеній въ обѣихъ Индіяхъ* аббата Реналя, но мы не забыли и Санъ-домингскихъ неистовствъ. Не горячечное краснорѣчіе Реналя освободило негровъ, а холодный умъ Вильберфорса и мудрость англійскаго парламента.

ГЛАВА XXXVI.

О вліяніи писателей восемнадцатаго вѣка на развитіе политической экономіи въ Европѣ.—*Духъ Законовъ* Монтескьё.—Экономическія сочиненія Ж. Ж. Руссо. — Политико-экономическія воззрѣнія Вольтера. — Аббатъ Реналь.

Справедливость требуетъ приписать философамъ восемнадцатаго вѣка значительную долю участія во всѣхъ реформахъ, произведенныхъ или предложенныхъ экономистами въ послѣдніе годы этого вѣка. Въ ихъ сочиненіяхъ должно искать зародышей всѣхъ преобразованій, и хотя въ нихъ господствуетъ смутная неопредѣленность относительно большей части политико-экономическихъ вопросовъ, къ которымъ такъ смѣло подошли школы Кене, Адама Смита и самого Мальтуса, тѣмъ неменѣе, нельзя не признать, что Монтескьё, Руссо, Вольтеръ, аббатъ Реналь, были предшественниками этихъ великихъ учителей политико-экономической науки. Чрезвычайный блескъ литературныхъ произведеній эндиклопедистовъ, повидимому, сосредоточилъ на себѣ все вниманіе потомства; однако же, та сторона этихъ сочиненій, которая ускользаетъ отъ нашего вниманія и которая менѣе всего читается, служитъ краеугольнымъ камнемъ всѣмъ новѣйшимъ экономическимъ теоріямъ. Послѣднія находятся въ нихъ, правда, въ зародышевомъ состояніи, готовыя пустить ростки подъ горячимъ дуновеніемъ французской революціи, но достаточно самаго поверхностнаго взгляда, чтобы признать и оцѣнить ихъ значеніе.

Мантескьё принадлежитъ первое мѣсто между публицистами, обратившими свое вниманіе на первостепенные вопросы политической экономіи, и хотя онъ часто ошибается, хотя онъ во многихъ отношеніяхъ раздѣляетъ предразсудки своихъ современниковъ, тѣмъ неменѣе, ему мы обязаны первыми, по истинѣ новыми и смѣлыми воззрѣніями на вліяніе торговли и многими любопытными изслѣдованіями теоріи монеты. Что̀ можетъ быть справедлавѣе, даже въ настоящее время, этого прекраснаго опредѣленія главнаго свойства налоговъ: «Налогъ поголовный свойственъ рабскому состоянію; налогъ на товары болѣе свойственъ свободѣ, потому что направленъ менѣе непосредственно противъ личности.» Онъ же первый рѣшился высказать, что самыя свободныя формы правленія суть и самыя дорогія *; и если ученіе это считается несомнѣннымъ въ наше время на основаніи совершенно иныхъ доводовъ, чѣмъ тѣ, которые приводятся великимъ писателемъ, то ему тѣмъ не менѣе принадлежитъ честь его открытія. Онъ указалъ на явленіе, которое позже было объсненно.

Тридцать лѣтъ тому назадъ мы начали борьбу противъ колоніальной системы и противъ торговли неграми; но, помимо освобожденія ихъ, совершеннаго англійскимъ парламентомъ, можно ли найти что̀ либо краснорѣчивѣе главы Монтескьё о рабствѣ негровъ! «Люди, о которыхъ идетъ рѣчь, говоритъ онъ **, черны съ ногъ до головы и носъ у нихъ такъ сплюснутъ, что они не заслуживаютъ никакого состраданія. Въ головѣ не можетъ зародиться мысли, чтобы Творецъ, какъ существо премудрое, могъ вложить душу, да еще добрую, въ такое черное тѣло.... Невозможно предположить, чтобы эти существа были люди, ибо, еслибы мы сочли ихъ за людей, то дали бы тѣмъ самымъ поводъ не принимать насъ самихъ за христіанъ. Узкіе умы слишкомъ преувеличиваютъ несправедливость, оказываемую африканцамъ: ибо, еслибы она въ дѣйствительности была такова, какою они представляютъ ее, то неужели европейскіе государи, заключающіе между со-

---

* *Esprit des lois*, кн. XIII, гл. 12.

** Тамъ же, кн. XI, гл. 5.

бою столько безполезныхъ трактатовъ, не *согласились бы заключить еще одинъ во имя милосердія и состраданія!*» Договоръ этотъ, слава Богу, заключенъ, и кто же рѣшится отвергать, что онъ вызванъ былъ главнымъ образомъ несравненной ироніей Монтескьё? Политическая экономія доказала дороговизну невольничьяго труда и относительное превосходство обработки свободными руками; Монтескьё сдѣлалъ больше: онъ внушилъ отвращеніе къ рабству, онъ опозорилъ, заклеймилъ его; законодателямъ оставалось только внести его приговоръ въ сводъ. *Духъ законовъ* рѣшилъ этотъ важный вопросъ задолго до разглагольствованій Реналя и декретовъ Конвента.

Я спѣшу воздать Монтескьё должное отъ имени науки и современной намъ эпохи. Выслушайте его опредѣленіе торговли, которое кажется вырваннымъ изъ какой нибудь тронной рѣчи этого года, произнесенной во Франціи или Англіи: «Естественное дѣйствіе торговли состоитъ въ томъ, что она несетъ миръ. Два торгующіе между собою народа становятся въ зависимость одинъ отъ другаго: если одинъ находитъ выгоду въ томъ, чтобы купить, то другой находитъ ее въ томъ, чтобы продать, а всякій союзъ основанъ на взаимныхъ выгодахъ.» Развѣ это не программа, въ нѣсколькихъ строкахъ, современной политики? Мы приближаемся быстрыми шагами къ осуществленію этой великой мысли о всеобщемъ согласіи, которую суждено было Монтескьё провозгласить, но справедливость которой онъ не могъ доказать. Эта задача выпала на долю экономистовъ, и работы ихъ, быть можетъ, ни въ чемъ не расходились до такой степени съ работами философовъ восемнадцатаго вѣка, какъ по вопросамъ, касающимся этого предмета. Не успѣлъ Монтескьё представить истинныя основанія для международной торговли, какъ доказательства ускользаютъ изъ его рукъ, и онъ впадаетъ въ самыя серьезныя противорѣчія*. «Свобода торговли, по его мнѣнію, не

* Полнѣйшее опроверженіе политико-экономическихъ заблужденій Монтескьё принадлежитъ графу Дестютъ де Траси, превосходные коментаріи котораго къ *Духу законовъ* цѣнятся неменѣе самого сочиненія знаменитаго писателя восемнадцатаго вѣка. Прим. автора.

есть право, предоставленное купцамъ дѣлать то, что они захотятъ; это было бы скорѣе рабствомъ ея. Что стѣсняетъ купца, то можетъ и не стѣснять торговли.» Далѣе онъ прибавляетъ: «государство должно оставаться нейтральнымъ въ отношеніяхъ между его таможнями и его торговлей, и стараться, чтобы не было между ними никакихъ враждебныхъ столкновеній; въ такомъ случаѣ *въ немъ будутъ пользоваться свободой торговли.*» Великодушнымъ и просвѣщеннымъ инстинктомъ знаменитый писатель этотъ отгадывалъ основную истину, но современные ему предразсудки нерѣдко застилали ее предъ его глазами, свидѣтельствомъ чему можетъ служить его мнѣніе о ввозѣ и вывозѣ, проникнутое застарѣлыми заблужденіями *о торговомъ балансѣ*. «Страна, говоритъ онъ, которая постоянно менѣе отпускаетъ товаровъ, чѣмъ сколько получаетъ ихъ, сама собою приходитъ къ равновѣсію посредствомъ обѣднѣнія: она постоянно будетъ получать все менѣе и менѣе, пока, по причинѣ крайняго обѣднѣнія, вовсе не перестанетъ получать что либо.»

Это странное положеніе помѣщено, правда, въ главѣ, озаглавленной: *какимъ народамъ невыгодно торговать*. Въ ней онъ указываетъ на Японію, какъ на страну, съ которой всего выгоднѣе торговать, «потому что чрезвычайное количество того, что она можетъ получать, обусловливаетъ не меньшее количество того, что она можетъ отдавать», тѣмъ неменѣе, нельзя не сожалѣть, что подобныя заблужденія обезображиваютъ твореніе, оказавшее такія услуги человѣчеству. Въ другомъ мѣстѣ * авторъ восклицаетъ: «Не мое дѣло рѣшать вопросъ, слѣдовало ли Испаніи удержать за собой торговлю съ Индіями, или же сдѣлать ее свободной для иностранцевъ. Замѣчу только, что ей выгоднѣе было бы ограждать ее возможно меньшими стѣсненіями, обусловливаемыми требованіями ея политики.» Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ противуположныхъ мыслей, Монтескьё одновременно защищалъ, какъ свободу торговли, такъ и запретительныя мѣры, а въ его сочиненіяхъ находили оружіе всевозможныя ученія,

---

* *Esprit des lois*, кн. XXI, гл. 23.

какъ философскія, такъ и политическія и экономическія, ибо въ сочиненіяхъ этихъ можно было найти аргументы въ защиту всякаго воззрѣнія, подобно тому, какъ во время броженія напитка въ дрожжахъ его встрѣчается множество поднявшихся нечистотъ съ самою драгоцѣнною жидкостью. Да и трудно было не запутаться во множествѣ самыхъ разнородныхъ вопросовъ, съ такой энергіей поднятыхъ безсмертнымъ авторомъ *Духа законовъ;* эти обстоятельства вполнѣ объясняютъ, почему не суждено однимъ и тѣмъ же людямъ и поднимать вопросы, и разрѣшать ихъ. Философы восемнадцатаго вѣка смотрѣли на рѣшеніе общественной задачи только чрезъ призму собственнаго своего воображенія, и какъ поэты: одни только экономисты прилагали къ нимъ опытный методъ, и въ сущности, только въ ихъ рукахъ политическая экономія обратилась въ науку, опирающуюся на наблюденіе.

Въ экономическихъ сочиненіямъ Ж. Ж. Руссо встрѣчаются такія же противурѣчія и неясности, какъ и у Монтескьё. Подобно ему, онъ возстаетъ противъ роскоши, и всѣми силами восхваляетъ чудеса земледѣлія. Торговля и финансовые обороты казались ему способными только ослабить народъ и развратить его. «Какъ только, говоритъ онъ*, человѣкъ проникается однимъ только желаніемъ выигрыша, то онъ всегда выигрываетъ только то, что ему выгоднѣе быть мошенникомъ, чѣмъ честнымъ человѣкомъ. Люди, обращающіеся съ деньгами, вскорѣ научаются злоупотреблять ими, и что̀ такое люди, назначенные для наблюденія за ними, какъ не новые мошенники, приставленные къ нимъ, чтобы дѣлиться съ ними?» Для предотвращенія этихъ пагубныхъ злоупотребленій, Руссо предлагаетъ выдавать чиновникамъ жалованье съѣстными припасами, и всѣ общественныя должности отправлять посредствомъ натуральныхъ повинностей. Такимъ духомъ должна быть, по его мнѣнію, проникнута хорошая экономическая система: «Поменьше думать объ иностранцахъ, поменьше заботиться о торговлѣ, отмѣнить гербовую бумагу, обложить налогомъ скотъ, и въ особенности земли, какъ предлагали

---

* *Du gouvernement de Pologne*, гл. XI.

физіократы, *ибо то, что производитъ, то должно и платить.*» Кромѣ того, самъ поземельный налогъ, по его мнѣнію, долженъ быть обращенъ въ десятину, управляемую казной, «чтобы государство имѣло деньги, не заставляя гражданъ давать ихъ.»

Такое экономическое ученіе было естественнымъ слѣдствіемъ знаменитыхъ парадоксовъ, которые Руссо проповѣдовалъ всю свою жизнь съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ. Оно прямо вело къ спартанскимъ учрежденіямъ и къ законамъ Ликурга. «Если вы будете заниматься, говорилъ онъ *, науками и искуствами, торговлею и промышленностью; если вы заведете регулярныя арміи и крѣпости, академіи, въ особенности же, хорошую финансовую систему, которая облегчитъ обращеніе товаровъ и доставитъ вамъ много денегъ, то вы воспитаете такимъ образомъ народъ пронырливый, мятежный, жадный, честолюбивый, подобострастный и плутовской, подобно всѣмъ народамъ; вы перепробуете всѣ политическія системы, всѣ будутъ искать вашего союза, васъ свяжутъ всевозможными договорами; въ Европѣ не вспыхнетъ и не будетъ ни одной войны, въ которую вы не имѣли бы чести вмѣшаться. Но, если вы предпочитаете образовать народъ свободный, миролюбивый и мудрый, то пріучайте его къ земледѣлію и искуствамъ, необходимымъ для жизни; внушите ему презрѣніе къ деньгамъ и, если можно, сдѣлайте ихъ безполезными.» Руссо и не подозрѣвалъ, что для занятія искуствами, необходимыми для жизни, народу необходимы капиталы, какъ они необходимы и для самого земледѣлія, если только послѣднее не будетъ производиться патріархальнымъ способомъ героическихъ временъ маленькихъ странъ. Еще недостаточно провозгласить: «Воздѣлывайте, какъ слѣдуетъ, ваши поля, и не заботьтесь объ остальномъ; вскорѣ вы соберете съ нихъ золото, и въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько нужно вамъ для пріобрѣтенія всего необходимаго»; даже такой результатъ не можетъ быть достигнутъ безъ торговли и безъ заведеній, требующихъ огромныхъ капиталовъ. Вотъ почему женевскій

---

* Тамъ же, гл. IX.

философъ приведенъ былъ логической послѣдовательностью своей системы къ тому, что потребовалъ уничтоженія городовъ, то есть, самой цивилизаціи, противъ которой онъ открылъ нападенія достопамятнымъ разсужденіемъ, заслужившимъ одобреніе Дижонской академіи.

Руссо требовалъ налога на товары, подобнаго тому, которымъ обложены были нѣкогда во Франціи игорные дома. Затѣмъ, онъ обращается къ контрабандѣ, и для уничтоженія ея предлагаетъ освободить отъ всякихъ пошлинъ кружева и драгоцѣнныя издѣлія, какъ предметы, которые легко могутъ быть скрыты. Печальныя мѣры противъ неравенства состояній, этого неизбѣжнаго явленія каждаго общества, грозный призракъ котораго не переставалъ пугать его воображенія! «Если, напримѣръ, говоритъ онъ *, правительство имѣетъ право совершенно запретить употребленіе каретъ, то тѣмъ большее право имѣетъ оно обложить кареты податью; мѣра благоразумная и благотворная — *порицать ихъ употребленіе*, не уничтожая ихъ совершенно. Тогда, на такую подать можно смотрѣть, какъ на пеню, которая вознаграждаетъ за то именно злоупотребленіе, которое она наказываетъ.» Кто можетъ повѣрить, что послѣ такого вступленія, достойнаго древняго римскаго цензора самой строгой эпохи республики, Руссо приметъ на себя защиту правительствъ противъ нѣкоторыхъ экономистовъ, желавшихъ отстранить всякое вмѣшательство администраціи въ дѣла промышленности. «Надо отстранять подобныя тенденціи. Еслибы тѣ, которымъ *государь* поручаетъ управленіе, по самому положенію своему, оказались врагами народа, то все же не для чего было бы и разсуждать о томъ, какъ они должны были бы поступать, чтобы сдѣлать его счастливымъ **.» И онъ былъ правъ. Но какое же сдѣлать заключеніе изъ этого нестройнаго сочетанія принциповъ либеральныхъ, доходившихъ до анархіи, и принциповъ, проникнутыхъ такъ называемымъ въ наше время правительственнымъ

---

* De l'économie politique, въ концѣ статьи.

** Это — послѣдняя фраза его статьи *Политическая экономія* въ *Энциклопедіи*.

бюрократизмомъ, доходящимъ до безусловнаго произвола? А то, что съ истинными началами общественной физіологіи были еще весьма мало знакомы въ эту эпоху, потому что не было еще сдѣлано никакихъ точныхъ наблюденій, и что политическая экономія, для геніальнѣйшихъ умовъ, была наукой воображенія.

Вторженія Вольтера въ область политической экономіи представляютъ намъ новое подтвержденіе этой истины. Разбирая чужія теоріи, онъ имѣлъ случай изложить свою собственную относительно этихъ важныхъ вопросовъ, и, къ сожалѣнію, я долженъ признаться, что онъ ограничился только тѣмъ, что одѣлъ своей прекрасной прозой самыя обвѣтшалые, избитые предразсудки своей эпохи. Его сочиненіе: *Homme aux quarante écus, (человѣкъ съ сорока экю)**, имѣвшее цѣлью осмѣять физіократовъ, въ особенности, самаго смѣлаго ихъ толкователя, Мерсье де ла Ривьера, неболѣе, какъ остроумное подтвержденіе всѣхъ предразсудковъ въ пользу торговаго баланса и запрещеній. Вольтеръ доказываетъ въ немъ, что бѣдные люди живутъ роскошью богатыхъ, и, подобно Людовику XIV, полагаетъ, что государи оказываютъ благодѣяніе своимъ подданнымъ, расточая государственныя богатства. «Всюду, говоритъ онъ**, богатый кормитъ бѣднаго. Это единственный источникъ промышленности и торговли. Чѣмъ промышленнѣе народъ, тѣмъ болѣе онъ доставляетъ себѣ пользы на счетъ иностранцевъ. Еслибы намъ удалось ежегодно добывать отъ иностранцевъ десять мильоновъ въ пользу торговаго баланса, то чрезъ двадцать лѣтъ въ государствѣ оказалось бы лишнихъ двѣсти мильоновъ. Но нельзя надѣяться, чтобы торговый балансъ былъ постоянно благопріятенъ для насъ: придется иногда и терять. — Я слышалъ много толковъ о народонаселеніи. Но что случилось бы, еслибы мы

---

* *Экономисты,* на основаніи своего ученія, полагали, что среднимъ числомъ, достаточно ежегодно ста двадцати франковъ (*сорока экю*) для существованія каждаго гражданина въ благоустроенномъ обществѣ. Вотъ почему Вольтеръ далъ такое заглавіе шуточному опроверженію ихъ теоріи. Прим. автора.

** См. *l'Homme aux quarante écus*, т. XIV, стр. 12, изд. Дюпона.

нашли средство производить на свѣтъ въ два раза больше дѣтей, чѣмъ сколько мы производимъ ихъ; еслибы мы имѣли сорокъ мильоновъ населенія вмѣсто двадцати? — А случилось бы то, что каждому изъ насъ пришлось бы тратить всего только двадцать экю, или же, необходимо было бы, чтобы земля производила въ два раза болѣе противъ того, что она производитъ, или чтобы оказалось вдвое болѣе нищихъ или же, пришлось бы удвоить нашу промышленность, и вдвое получать изъ за границы, или выслать половину населенія въ Америку, или, наконецъ, чтобы одна половина народа съѣла другую половину.»

Несмотря на всю поверхность этихъ мыслей, онѣ тѣмъ неменѣе заключаютъ въ себѣ сущность экономическихъ воззрѣній, господствовавшихъ въ обществѣ въ эпоху появленія первыхъ сочиненій физіократовъ. Такъ думали тогда во всей почти Европѣ, и Вольтеръ былъ только отголоскомъ своихъ современниковъ, когда онъ писалъ въ защиту мірскаго:

Sachez surtout que le luxe enrichit
Un grand État, s'il en perd un petit.
Cette splendeur, cette pompe mondaine
D'un règne heureux est la marque certaine.
Le riche est né pour beaucoup dépenser;
Le pauvre est fait pour beaucoup amasser.

(Въ особенности не забывайте, что если роскошь губитъ маленькое государство, то она обогащаетъ большое. Это великолѣпіе, эта мірская пышность служатъ несомнѣннымъ признакомъ счастливаго царствованія. Назначеніе богатаго много тратить, назначеніе бѣднаго — много скоплять.)

Такія поверхностныя ученія нечего и сравнивать съ первыми изслѣдованіями производства, какія мы встрѣчаемъ у Адама Смита; нб уже большимъ шагомъ впередъ было то, что имъ отводили столько мѣста во всѣхъ сколько нибудь замѣчательныхъ сочиненіяхъ того времени, и что они проповѣдывались самыми лучшими литературными талантами. Когда основатели экономической науки принялись за разработку матерьяловъ, разсѣянныхъ по философскимъ сочинені-

ямъ, то они уже встрѣтили общественное мнѣніе подготовленнымъ къ преніямъ о соціальныхъ вопросахъ: имъ стоило только заговорить, въ слушателяхъ же недостатка не было. Мерсье де ла Ривьеръ, разумѣется, не отличался такимъ краснорѣчіемъ, какъ Руссо, а Адамъ Смитъ, безъ сомнѣнія, не былъ такимъ великимъ писателемъ, какъ Монтескьё; но эти *экономисты* имѣли то преимущество предъ *философами*, что они отличались большею сжатостью діалектики, и болѣе прочнымъ методомъ, крѣпко опиравшимся на факты. Обстоятельство это тотчасъ же придало характеръ серьезности ихъ сочиненіямъ, которыя были приняты правительствами съ бо́льшимъ благоволѣніемъ, чѣмъ произведенія энциклопедистовъ, этихъ дерзкихъ хулителей общественнаго порядка, повидимому, болѣе занятыхъ разрушеніемъ, чѣмъ преобразованіемъ. Вотъ причина, почему и торжество энциклопедистовъ задолго предшествовало побѣдамъ экономистовъ, а политическая революція, которой они были первыми провозвѣстниками, успѣла обойти весь міръ, прежде чѣмъ экономическая избрала себѣ главные пункты для борьбы. Свобода гражданская и религіозная обезпечена во всей почти Европѣ, между тѣмъ какъ торговая свобода едва только зарождается. Политическое международное право уже существуетъ, но нѣтъ еще международнаго промышленнаго права. Народы уважаютъ покрытую снѣгомъ десятину земли на границѣ своихъ владѣній, и безстыдно похищаютъ, подобно флибустьерамъ, литературную собственность другъ друга. Въ одной странѣ торговля обременена огромными пошлинами; въ другой — почти вовсе не стѣснена ими. Одни государи выказываютъ притязанія на исключительное владѣніе устьемъ рѣки; другіе силятся закрыть моря, запереть порты, исказить монету; всюду еще господствуетъ анархія въ производствѣ, между тѣмъ какъ порядокъ царитъ въ политическихъ отношеніяхъ.

Реналь былъ первымъ экономическимъ писателемъ восемнадцатаго вѣка, въ сочиненіяхъ котораго выразилась эта внутренняя борьба обоихъ переворотовъ: политическаго и экономическаго. Читая его, невольно чувствуешь, что онъ трудился главнымъ образомъ для политической революціи; онъ

говоритъ, какъ народный трибунъ; онъ грозитъ, онъ безпощадно клеймитъ, подобно демагогу; но его жестокія нападки на торговлю неграми, его живыя обличенія монополіи и ея слѣдствій для обѣихъ Индій даютъ ему почетное мѣсто между первыми основателями промышленнаго и торговаго освобожденія. Хотя воззрѣнія его по временамъ смутны и ненадежны, Реналь тѣмъ неменѣе предчувствовалъ экономическій переворотъ девятнадцатаго вѣка, первымъ эпизодомъ котораго было освобожденіе Соединенныхъ Штатовъ. Онъ несомнѣнно мечталъ о болѣе счастливой будущности для рабочихъ классовъ, рисуетъ ли онъ ихъ во время плаванія на кораблѣ, или работающихъ въ закрытыхъ мастерскихъ, или же, проникаясь негодованіемъ къ злоупотребленіямъ европейской силы относительно несчастныхъ племенъ американскаго материка. Въ настоящее время его не читаютъ; на сочиненія его смотрятъ, какъ на подмостки, которыя архитекторъ разбираетъ и убираетъ, по мѣрѣ того какъ подымается его зданіе; но *Философская исторія* останется памятникомъ первыхъ попытокъ, обращенныхъ на защиту труда и на возрожденіе рабочихъ классовъ. Книга эта написана какъ будто уже по пробитіи бреши: жгучая рѣчь ея возвѣщаетъ революцію, это—послѣдній вызовъ предъ открытіемъ боя. Намъ остается, поэтому, увидѣть за дѣломъ сражающихся, за дѣломъ великимъ и потрясающимъ, въ которомъ все обращается въ орудіе войны и разрушенія; въ которомъ самой философіи пришлось, повидимому, взяться за топоръ, чтобы разчистить то мѣсто, на которомъ придется строить нашимъ дѣтямъ.

БИБЛІОТЕКА УЧЕБНАГО КОМИТЕТА МИН. ФІН.

ГЛАВА XXXVII.

Экономическія ученія французской революціи. — Всѣ они болѣе запечатлѣны *соціальнымъ*, чѣмъ промышленнымъ характеромъ.—Космополитическія въ теоріи, они придерживаются стѣснительныхъ мѣръ на практикѣ.—Конвентъ и Имперія обращаютъ ихъ въ орудіе войны.—Общій взглядъ на слѣдствія *континентальной блокады*.—Она существовала на дѣлѣ, прежде чѣмъ была объявлена. — Прискорбные предразсудки, порожденные ею въ Европѣ.

Политико-экономическія стремленія начала французской революціи прекрасно характеризуются знаменитыми словами аббата Сіейса: «*Что такое третіе сословіе*, спрашивалъ онъ— *Ничто!* — *Чѣмъ оно должно быть?* — *Всѣмъ*.» Эти глубокомысленныя слова заключали въ себѣ политическій смыслъ восемнадцатаго столѣтія; они нетолько возвращали къ забытой программѣ Тюрго, но и указывали на силу, которая въ состояніи ее выполнить. За то, какъ только произнесены были эти слова, то тотчасъ же принялись за дѣло, и въ нѣсколько мѣсяцевъ засѣданій Учредительное собраніе покончило съ привилегіями, разрушило внутреннія таможни, облегчило таможни пограничныя, уничтожило цеховое устройство, подчинило налогу всѣхъ гражданъ, и подготовило освобожденіе труда. Ни въ какую другую историческую эпоху не было уничтожено столько застарѣлыхъ злоупотребленій и не выказано такой мужественной рѣшимости смѣло идти по пути преобразованій. Все общественное зданіе было перестроено до самаго фундамента, и не было ни одного сколько нибудь значительнаго учрежденія, которое не испытало бы болѣе или менѣе важныхъ измѣненій.

Въ достопамятную ночь 4 Августа 1789 осуществлены были почти всѣ эти безсмертныя реформы. Нѣсколькихъ часовъ было достаточно, чтобы уничтожить присяжничество, мертворучное право, феодальныя привилегіи, преимущества рожденія и неравенства обязанностей относительно государственныхъ повинностей. Въ то же самое время Учредительное собраніе

устанавливало новое территоріальное раздѣленіе страны, уничтожавшее провинціальныя привилегіи и создававшее національное единство. Отнынѣ Франція могла, какъ одинъ человѣкъ, двигаться впередъ по пути, открытому ей революціей. Трудъ былъ свободенъ; граждане — тоже; не было закрыто дороги ни для одной способности, не подрывалось надежды ни для одного честолюбія. Крѣпко организованное центральное правительство легко могло приводить въ исполненіе свои приказанія съ одной оконечности королевства до другой. Преобразовательныя попытки, предпринимавшіяся въ Парижѣ, не встрѣчали серьезнаго противудѣйствія въ департаментахъ, и открыли собой тотъ рядъ болѣе или менѣе удачныхъ опытовъ, которые доставляютъ такой неисчерпаемый матерьялъ для изученія и для размышленія экономистамъ и государственнымъ людямъ.

Все предстояло создавать заново въ дѣлѣ промышленности, торговли, финансовъ: Учредительное собраніе смѣло приступило къ дѣлу. За уничтоженіемъ цеховыхъ корпорацій слѣдовало учрежденіе патентовъ; отмѣна внутреннихъ заставъ сопровождалась смягченіемъ системы пограничныхъ таможенъ, въ основаніе поземельнаго налога легъ принципъ равенства передъ закономъ всѣхъ французовъ. Въ эту эпоху отважныхъ попытокъ, нерѣдко предпринимавшихся среди самыхъ жгучихъ политическихъ преній, совершено было, безъ сомнѣнія, множество ошибокъ, но самыя ошибки эти послужили для насъ неоцѣненными уроками, которые и въ настоящее время играютъ роль спасительныхъ маяковъ, предохраняющихъ насъ отъ новыхъ крушеній. Но какова бы ни была смѣлость и оригинальность преобразователей 1789, они тѣмъ не менѣе слишкомъ еще были пропитаны воззрѣніями, господствовавшими въ эту эпоху въ области философіи и политической экономіи, чтобы не обнаружить ихъ вліянія, когда представился случай сдѣлать ихъ примѣненіе. Такимъ образомъ, воззрѣнія *Физіократовъ* побудили Учредительное собраніе, вопреки благоразумнымъ предостереженіямъ Рёдерера и нѣсколькихъ другихъ передовыхъ умовъ, сосредоточить всю тяжесть налоговъ на поземельной собственности. Съ трудомъ согла-

сились присоединить къ нимъ налогъ на движимости и таможенныя пошлины. Однимъ почеркомъ пера Франція лишена была громадныхъ доходовъ, которые могли быть ей доставлены налогомъ на всѣхъ производителей, существовавшихъ не поземельной рентой, такъ что ей пришлось искать въ *ассигнаціяхъ* вознагражденія за добровольный дефицитъ, присоединившійся къ дефициту низвергнутой монархіи.

Введеніе ассигнацій было мѣрой крайне опасной, но и плодотворной для благодѣтельныхъ преобразованій нашего общественнаго устройства. Она благопріятствовала раздробленію поземельной собственности, и отдавала въ распоряженіе земледѣлія великое множество участковъ, имѣвшихъ до того времени непроизводительное назначеніе. Она увеличила число производителей, предоставивъ имъ необходимѣйшій элементъ производства, землю, и открывъ труду сильнѣйшее побужденіе, собственность. Въ отчетахъ главнѣйшихъ представителей нашихъ великихъ совѣщательныхъ собраній серьезные умы нашего времени найдутъ неистощимые матерьялы для изученія всѣхъ первостепенныхъ вопросовъ. Мирабо, Неккеръ, Рёдереръ, Далардъ и Камбонъ оставили труды, которымъ начинаетъ отдавать справедливость потомство и которые заслуживаютъ почетнѣйшаго мѣста между замѣчательнѣйшими памятниками политической экономіи. Что̀ можно придумать болѣе благопріятное для промышленности, какъ законодательство о патентахъ на изобрѣтеніе, и тѣхъ прекрасныхъ разсужденій, которыя произнесены были по этому случаю въ Учредительномъ собраніи? Позже, Національный конвентъ обезпечилъ своимъ декретомъ литературную собственность; установилъ во всей Франціи единство мѣръ и вѣсовъ принятіемъ десятичной системы, и благородно вознаградилъ за ущербъ, который обстоятельства вынудили его нанести благосостоянію гражданъ, громадными изобрѣтеніями, оказавшими могущественное содѣйствіе обогащенію государства. Одно время онъ осмѣливался предписывать промышленныя завоеванія, какъ предписывалъ военныя побѣды; телеграфы, химія, физика находились въ распоряженіи его комитетовъ, какъ арміи находились въ распоряженіи его генераловъ.

Мы не смѣемъ, однако, пройти молчаніемъ страшныя мѣры, къ которымъ собраніе это вынуждено было прибѣгнуть для борьбы съ коалиціей, составленной противъ него европейскими государями. Для него наступаетъ наконецъ время справедливаго суда, и въ настоящую минуту уже никто не станетъ отвергать, что въ его глазахъ *таксы*, насильственные сборы, насильственные займы вовсе не были правильными источниками доходовъ, но только временными мѣрами, вызванными неумолимой необходимостью ради общественнаго спасенія. Среди крайней опасности, въ которой находилось отечество, конвенту необходимо было удовлетворить самымъ настоятельнымъ нуждамъ, и тѣмъ неменѣе, самые насильственныя изъ его распоряженій постоянно отличались такими возвышенными воззрѣніями, какія рѣдко встрѣчаются въ самыхъ просвѣщенныхъ правительствахъ и въ самыя спокойныя времена. Для справедливой оцѣнки всѣхъ этихъ чрезвычайныхъ, суровыхъ и неизбѣжныхъ мѣръ необходимо перенестись къ вызвавшимъ ихъ причинамъ. Необходимо представить себѣ Конвентъ, всѣ средства котораго ограничивались имуществами духовенства и эмигрантовъ, въ ту минуту, какъ ему приходилось бороться противъ цѣлой Европы и противъ внутренняго мятежа. Чтобы пустить въ обращеніе цѣнности, представляемыя недвижимыми имуществами, онъ вздумалъ обратиться къ ассигнаціямъ *, которыя обезпечивались цѣнностью вышеозначенныхъ имѣній, и которыя, путемъ продажи земель, должны были возвратиться въ казну и быть уничтожены; по несчастію, оказалось мало охотниковъ на покупку земель. Напрасно увеличивали количество ассигнацій въ счетъ будущихъ получекъ; чѣмъ болѣе пускали ихъ въ обращеніе, тѣмъ сильнѣе падала ихъ цѣна. Тогда пришлось запретить обращеніе звонкой монеты, и обратиться къ указамъ противъ золота и серебра временъ регенства, какъ это было въ концѣ дѣятельности Лау. По мѣрѣ выпуска ассигнацій, цѣны съ

* Не должно упускать изъ виду еще того обстоятельства, что мѣра эта подрывалась ввозомъ фальшивыхъ ассигнацій (на цѣлые мильярды) которыя, открыто, подъ защитою закона, гравировались въ Англіи и тайно, въ самой Франціи роялистами. Рус. перев.

каждымъ днемъ все болѣе и болѣе поднимались. Это и побудило прибѣгнуть къ таксамъ; но тогда изчезли товары.

Въ настоящее время ничего нѣтъ легче, какъ приходить въ негодованіе, во имя науки, при видѣ тѣхъ нарушеній, которыя пришлось ей вынести въ эти бурныя времена. Мы судимъ о нихъ все еще подъ вліяніемъ ужаса нашихъ отцевъ; но когда припомнишь Камбона, твердой и покойной рукой раскрывшаго *великую книгу государственнаго долга* и подведшаго подъ одинъ общій уровень, безъ различія времени, всѣхъ кредиторовъ государства, связывая ихъ обезпеченіе съ сохраненіемъ новаго порядка вещей, то невольно проникаешься чувствомъ удивленія и уваженія къ дѣятелямъ этой эпохи. Назначенъ былъ одинъ общій процентъ по всѣмъ государственнымъ займамъ; всѣ долговыя обязательства обращены были въ непрерывную ренту, безъ возвращенія капитала, по крайней мѣрѣ до той поры, пока государство не найдетъ нужнымъ выкупить ее, когда цѣна ея упадетъ ниже нарицательной, что̀ равносильно было настоящему погашенію. Наука объ общественномъ кредитѣ воскресала среди того самаго собранія, которое, казалось, вырыло ей могилу. Въ то же время Конвентъ взялся за великое преобразованіе пауперизма, и издалъ множество декретовъ въ пользу бѣдныхъ классовъ. Онъ объявилъ народное образованіе обязанностью государства; и если этотъ великій принципъ и не получилъ полнаго примѣненія, то онъ, тѣмъ не менѣе, остается памятникомъ офиціальной заботливости Франціи объ улучшеніи участи своихъ дѣтей. Національный Конвентъ трудился какъ будто на пользу всего человѣчества: такъ широки были его цѣли, такими онъ былъ проникнутъ высокими и великодушными замыслами.

Среди всевозможныхъ экономическихъ попытокъ, предпринимавшихся нашими великими народными собраніями, только одна не могла быть освящена опытомъ, хотя бы даже на самое короткое время: это—свобода торговли. Она одна осталась неизвѣстной французамъ въ то время, когда они испробовали всѣ. Учредительное собраніе руководствовалось весьма умѣренной таможенной системой, но оно замѣтно

склонялось въ пользу запрещеній. Конвентъ обратилъ таможни въ орудіе войны, направленное главнымъ образомъ противъ Англіи, и его предразсудки, неуклонно раздѣлявшіеся имперіей, оказали немалое содѣйствіе преобладанію тѣхъ узкихъ воззрѣній, которыя господствуютъ до настоящаго времени во Франціи относительно вопросовъ торговли. Это было большимъ несчастіемъ для страны. Для науки было бы дѣломъ, въ высшей степени важнымъ, чтобы этотъ великій спорный вопросъ, поднятый уже столько вѣковъ, былъ обсуженъ по крайней мѣрѣ хотя бы въ первой инстанціи. Но этого не случилось; свобода разрушила однѣ только внутреннія заставы; она освободила трудъ только отъ части стѣснявшихъ его условій, а прочихъ его стѣсненій оказалось достаточно для такого затемнѣнія всѣхъ политико-экономическихъ вопросовъ, что разрѣшеніе ихъ сдѣлалось почти невозможнымъ. Такъ, въ Англіи налогъ въ пользу бѣдныхъ обусловливаетъ главнымъ образомъ запретительное хлѣбное законодательство, а возрастающее затруднительное положеніе нашей торговли есть несомнѣнный результатъ искуственной поддержки нашей промышленности стѣснительными тарифами. Наполеонъ, окончательно поставившій ее въ такое положеніе своею континентальною системою, не скрывалъ ни отъ кого ея пагубныхъ послѣдствій: «Не легко намъ было, говоритъ онъ, послѣ столькихъ годовъ цивилизаціи, возвратиться къ началамъ, служащимъ отличительнымъ признакомъ варварства первобытныхъ народовъ; но мы были вынуждены дѣйствовать противъ общаго врага тѣмъ же оружіемъ, которое онъ употребляетъ противъ насъ *.»

Континентальную блокаду можно разсматривать, какъ послѣднее слово экономической системы, господствовавшей во Франціи со времени революціи. Хотя Наполеонъ смотрѣлъ на эту мѣру, какъ на законное возмездіе британскому правительству, тѣмъ неменѣе, Берлинскій декретъ легъ въ основаніе торговаго и промышленнаго права Франціи, и всей континен-

* Посланіе Наполеона въ Сенатъ, при препровожденіи ему Берлинскаго декрета 21 Ноября 1806 года.

тальной Европы, во все продолженіе имперіи. Этотъ декретъ, произносившій отлученіе надъ Англіей, уничтожалъ преграды, раздѣлявшія прочіе народы. Имъ учреждался родъ конфедераціи между ними противъ общаго врага, и открывался цѣлый материкъ цѣной закрытія одного острова. Въ первый еще разъ свобода возникала изъ непомѣреннаго стѣсненія. Различныя европейскія государства, подчиненныя однимъ и тѣмъ же торговымъ законамъ, въ силу ли завоеванія или въ силу договоровъ, образовали единый народъ производителей; никогда фабрики ихъ не получали такого развитія, какъ подъ вліяніемъ этой, оживлявшей ихъ конкуренціи. Это было самое счастливое время и для французской промышленности, а между тѣмъ въ эту эпоху Франція владѣла Бельгіей, Италіей, Рейнской Пруссіей, фабрики которыхъ, суконныя, шелковыя, полотняныя, нетолько не подрывали французскихъ издѣлій своимъ соперничествомъ, но еще увеличивали ихъ достоинство и цѣнность. Континентальная блокада и теперь открыла бы новую эру европейской свободной торговлѣ, еслибы только она могла возникнуть изъ мысли о войнѣ и возмездіи, подобно той, которая одушевляла императора.

Къ несчастію, въ конечномъ результатѣ, эта система пріучила всю европейскую промышленность къ искуственному существованію, опирающемуся на покровительство и тарифы. Французскія фабрики этого времени приняли необыкновенное развитіе, поощренныя исключеніемъ произведеній, соперничество которыхъ было болѣе всего опасно для нихъ, и надежнымъ сбытомъ, представлявшимся для нихъ всею подвластной намъ Европой. Бельгійское желѣзо и каменный уголь, голландскія полотна, итальянскія шелковыя матеріи, нѣмецкія шерстяныя издѣлія, допущенныя на наши рынки на равныхъ правахъ съ французскими товарами, не препятствовали въ то время успѣхамъ нашихъ національныхъ фабрикъ: какимъ же образомъ, для поддержки ихъ, послѣ 1815, потребовались съ каждымъ днемъ все возрастающіе тарифы противъ тѣхъ самыхъ народовъ, соперничество которыхъ вовсе не вредило Франціи, когда они составляли съ нею одно цѣлое? Каждый изъ нихъ окружилъ себя съ тѣхъ поръ тройнымъ оплотомъ

таможенъ, и вслѣдъ за политическими войнами возгорѣлась самая ожесточенная промышленная война, какъ будто всеобщій миръ есть химера, утопія, которая никогда не можетъ осуществиться. Напрасно революція освободила трудъ уничтоженіемъ присяжничества и цеховъ: оставивъ неприкосновенной запретительную систему, она поддержала настоящій торговый феодализмъ, обезпечивающій за нѣкоторыми классами производителей выгоды, полученныя на счетъ всего общества; она зажгла междоусобную войну между работниками, среди которой гибнетъ такое ихъ количество жертвой законовъ, предназначенныхъ, повидимому, для ихъ огражденія. Главная ошибка этой системы заключалась въ томъ, что она смотрѣла на иностранныхъ производителей, то есть, на людей, создающихъ мѣновыя цѣнности, скорѣй какъ на враговъ, чѣмъ на пособниковъ. Для поддержанія промышленныхъ предразсудковъ, обратились къ застарѣлой политической враждѣ, прикрывъ личиной патріотизма корыстные интересы привилегій и монополій. Конвентъ и имперія сдѣлали изъ запретительной системы оружіе для войны: современная цивилизація продолжаетъ имъ пользоваться послѣ двадцати пяти лѣтъ мира.

Въ великихъ трудахъ французской революціи не слѣдуетъ, стало быть, искать источника экономическихъ преобразованій, заря которыхъ загорается, повидитому, въ наше время. Все, что было сдѣлано ею въ этомъ отношеніи, совершено ею не прямымъ, а косвеннымъ образомъ; она выразила это въ своемъ законодательствѣ, которое по многимъ вопросамъ уже расходится съ современными требованіями. Уничтоженіе права старѣйшинства, равенство, почти безусловное, правъ на отцевское имущество между наслѣдниками по прямой линіи, законы о торговыхъ товариществахъ, единство мѣръ и вѣсовъ, составляютъ неоспоримыя благодѣянія; но равенство передъ закономъ становится иллюзіей, когда всякаго рода работники, уже совершенно подчиненные капиталу, относительно заработной платы, поступаютъ въ зависимость отъ него и въ дѣлѣ потребленія. Современное законодательство не представляетъ никакой гарантіи для труда въ его отношеніяхъ къ капиталу, который заказываетъ и оплачиваетъ трудъ; ни-

какая гарантія не обезпечиваетъ за рабочимъ свободное распоряженіе заработной платой. Заработная плата постоянно стремится къ пониженію, между тѣмъ какъ цѣна продовольствія постоянно повышается, ибо, въ сущности, та и другая опредѣляются только одной изъ заинтересованныхъ сторонъ. Французская революція, подобно намъ, очутилась лицемъ къ лицу съ этой грозной задачей, которую она думала рѣшить разомъ, казнями; но гильотина оказалась столь же безсильной для ея разрѣшенія, какъ и законодательство. Таксы вызвали голодъ; произвольное опредѣленіе величины заработной платы прекратило трудъ. Благотворительность создала нищенство, а запрещеніе иностранныхъ произведеній открыло дорогу монополіи.

Смѣлыя реформы, предпринятыя этою эпохой, не лишены сходства съ попытками, сдѣланными, въ періодъ монархіи, Тюрго въ пользу рабочихъ классовъ. Единственное, отличающее ихъ различіе состоитъ въ томъ, что реформаторы Конвента, пользовавшіеся большею властью, чѣмъ министръ Людовика XVI, не обращали вниманія ни на факты, ни на препятствія, предъ которыми останавливался Тюрго. Въ ихъ глазахъ человѣческая порода была какъ будто бездушнымъ матерьяломъ, надъ которымъ можно производить какіе угодно опыты—столько предложено было ими самыхъ нелѣпыхъ, анархическихъ и разрушительныхъ для всякаго общества системъ. Маратъ, Сенъ-Жюстъ, Бабёфъ оставили намъ любопытные памятники такой мономаніи, охватившей умы, жаждавшіе новизны и готовые испытывать на практикѣ самыя сумасбродныя соціальныя утопіи, подобно тому, какъ испытываются въ лабораторіи химическіе процессы и сочетанія различныхъ веществъ. Въ экономическомъ французскомъ словарѣ того времени вскорѣ оказалось одно только слово; это — знаменитое слово Дантона: дерзай, еще дерзай и всегда дерзай. Когда Парижскій городской совѣтъ обратился къ Національному Конвенту съ ходатайствомъ объ установленіи *таксъ*, то президентъ его сказалъ: «Дѣло идетъ о бѣдномъ классѣ, для котораго законодатель ничего не сдѣлалъ, пока остается хоть что нибудь сдѣлать. Не приводите въ опроверженіе противъ

меня право собственности; право собственности не можетъ быть правомъ морить голодомъ своихъ согражданъ. Плоды земные, подобно воздуху, принадлежатъ всѣмъ людямъ *.» Маратъ доходилъ еще до бо̀льшихъ крайностей, и мы могли бы привести не одно его увлеченіе, подобное приведенному, еслибы справедливый судъ потомства, который уже начался для него, не причислилъ его къ разряду помѣшанныхъ.

Сенъ-Жюстъ ** служитъ самымъ смѣлымъ и самымъ благороднымъ выраженіемъ той обновленной школы трибуновъ, къ которой принадлежали Гракхи, если только послѣдніе не блѣднѣютъ предъ нимъ. Оставленныя имъ сочиненія заключаютъ въ себѣ цѣликомъ его экономическія воззрѣнія, столь энергически выраженныя ораторомъ Парижской городской общины и столь опредѣленно формулированныя Національнымъ Конвентомъ во время преобладанія въ немъ Монтаньяровъ. Но собственно Бабёфу *** суждено было развить это ученіе, и открыто проповѣдывать аграрные законы, уничтоженіе собственности и право непрерывной борьбы бѣдныхъ съ богатыми. Всѣ эти экономическія крайности произвели только то дѣйствіе, что надолго отвратили лучшіе умы отъ соціальной науки; до такой степени они боялись, чтобы ихъ не причислили къ неистовымъ демагогамъ анархической школы. Помимо всего, отважныя попытки, предпринятыя французской революціей, дали одинъ, весьма серьезный урокъ: что нравы общества вовсе не такъ легко измѣнять, какъ его учрежденія, и что превосходнѣйшіе законы не въ силахъ обезпечить за каждымъ гражданиномъ благосостоянія, если онъ самъ не окажетъ имъ содѣйствія своимъ трудомъ и своею нравствен-

---

* *Histoire parlementaire de la Révolution*, т. XXVI, стр. 52.

** Родился въ 1769, умеръ на эшафотѣ 25 лѣтъ отъ роду. Главный, если не первый дѣятель въ Конвентѣ. Рус. перев.

*** Знаменитый демагогъ, род. въ 1764, называвшій себя Гракхомъ. Послѣ паденія Робеспьера издалъ сочиненіе *Tribun du peuple* par Gracchus Babeuf, въ которомъ предложилъ раздѣлить всѣ земли и всѣ имущества на равныя части между всѣми гражданами. За покушеніе къ ниспроверженію конституціи 3-го рода республики казненъ въ 1797. Рус. перев.

ностью. Отнынѣ, всѣ эти обольстительныя грезы уже невозможны. Все, что филантропія законодателей могла совершить въ пользу богатства и общественнаго благоденствія, было испробовано; въ результатѣ получено сознаніе, что общественное богатство слѣдуетъ инымъ законамъ, чѣмъ тѣ, которые управляютъ насиліемъ и тираніей. Но и такой результатъ былъ уже громаднымъ шагомъ впередъ, ибо онъ побудилъ правительства и частныхъ людей искать не въ законодательныхъ программахъ элементовъ своего величія и счастливой будущности *.

Что же осталось отъ всѣхъ этихъ свѣтлыхъ и великодушныхъ мечтаній, волновавшихъ весь міръ со времени Тюрго и до нашихъ дней; какими общественными побѣдами имѣетъ право гордиться политическая экономія? Мы можемъ упомянуть о двухъ изъ нихъ, наиболѣе славныхъ: объ освобожденіи англійскихъ и испанскихъ колоній въ Америкѣ и объ уничтоженіи рабства негровъ; къ нимъ слѣдовало бы, можетъ быть, присоединить отмѣну цеховыхъ привилегій, то есть, освобожденіе труда. Намъ предстоитъ одержать еще двѣ побѣды: освободить работниковъ и торговлю, задача трудная и сложная для эпохи, подобной нашей, когда сами правительства раздѣляютъ общераспространенные предразсудки противъ свободы торговли, и считаютъ ее враждебной національному труду. Изъ всѣхъ политико-экономическихъ заблужденій революціи послѣднее оказалось болѣе всего живучимъ, и гордо

---

* Авторъ былъ бы правъ, еслибы онъ сказалъ *въ своевременности законодательныхъ программъ*, ибо очевидно, что для всякаго преобразованія необходимо два условія: подготовка общества къ принятію преобразованія и законодательная сила для приведенія его въ исполненіе. Введеніе закона, которому не сочувствуетъ или котораго не признаетъ полезнымъ общество, дѣлаетъ законъ безсильнымъ и безплоднымъ. Но всякое измѣненіе общественныхъ условій, тѣмъ не менѣе, можетъ быть освящено только закономъ. Мудрость правительства состоитъ, поэтому, въ неуклонномъ проведеніи въ законъ *всѣхъ возможныхъ* для его времени преобразованій. Это возраженіе противъ автора подтверждается на этой же страницѣ обоими, приводимыми имъ примѣрами: освобожденіемъ американскихъ колоній и освобожденіемъ негровъ. Рус. перев.

подымаетъ голову на развалинахъ остальныхъ. Уже никто не станетъ защищать ни рабство, ни цеховое устройство, ни привилегированныя компаніи; національная вражда почти потухла, и уступила мѣсто соперничеству и промышленной конкуренціи. Битвы происходятъ не на поляхъ, а въ мастерскихъ. Въ послѣднихъ продолжается война, систематическая, остервенѣлая, неутомимая, и сколько пожираетъ она во всѣхъ лагеряхъ жертвъ, вмѣсто того, чтобы взаимно помогать другъ другу; война настоящая, въ которой сражающіеся употребляютъ въ дѣло остроумныя и могущественныя машины, которая пускаетъ по міру мильоны задыхающихся работниковъ, мужчинъ и женщинъ, безъ всякаго сэстраданія къ старости, къ дѣтямъ!

Эта война есть послѣднее выраженіе отживающей въ Европѣ политической экономіи и послѣдній отголосокъ великой соціальной борьбы, поднятой французской революціей. Это нетолько международная борьба, но ожесточенная война между различными классами работниковъ. Франція находится, повидимому, въ несомнѣнной борьбѣ съ Англіей; но несравненно болѣе глубокую борьбу ведетъ работникъ съ капиталомъ. Подъ предлогомъ достигнуть побѣды для своей страны въ первой борьбѣ поддерживается такая организація труда, которая перестала согласоваться съ ея потребностями и съ просвѣщеніемъ вѣка. Вотъ почему наука съ 1789 по 1815 не представляетъ намъ ничего новаго, кромѣ наблюденія надъ совершившимися фактами, и выводовъ изъ нихъ, чтобы идти впередъ и довершить дѣло нашихъ отцевъ. Какъ бы то ни было, но изъ среды самой промышленности вскорѣ должна появиться неодолимая сила, которой суждено, подобно копью Ахилеса, залечить ею же нанесенныя раны; сила, возникшая изъ нашихъ торговыхъ распрей, и которая покончитъ со всѣми ими: это—*ассоціація*, занесенная къ намъ изъ Англіи, чрезвычайные налоги которой, обусловленные военными потребностями, доставили ей чудесную возможность покрыть эти требованія. Но прежде чѣмъ говорить о ней, необходимо возвратиться къ главнымъ причинамъ, вызвавшимъ этотъ новый элементъ общественнаго прогресса, и разсмотрѣть факты, подготовившіе его появленіе.

ГЛАВА XXXVIII.

Объ экономическомъ переворотѣ, произведенномъ въ Англіи открытіями Уатта и Аркрайта. — Экономическія послѣдствія освобожденія Соединенныхъ Штатовъ.—Вліяніе французской революціи на финансовую систему Англіи.—Увеличеніе налоговъ.—Прекращеніе платежей звонкою монетой Англійскимъ банкомъ. — Успѣхи и злоупотребленія кредита. — Громадная цифра государственнаго долга.—Результаты всеобщаго мира.

Въ то время, какъ французская революція на волканѣ производила свои великіе опыты общественнаго пересозданія, Англія принялась за то же самое дѣло на поприщѣ промышленности. Конецъ восемнадцатаго вѣка ознаменовался въ ней великими изобрѣтеніями, которымъ суждено было измѣнить весь міръ, и самымъ неожиданнымъ образомъ поднять могущество изобрѣтателей. Въ условіяхъ труда произведенъ былъ самый глубокій переворотъ, какой только испытали человѣческія общества со времени своего возникновенія. Двѣ безсмертныя машины, паровая и бумагопрядильная, перевернули вверхъ дномъ древніе торговые порядки, и почти одновременно съ созданіемъ новыхъ матерьяльныхъ богатствъ, подняли общественные вопросы, неизвѣстные нашимъ отцамъ. Мелкіе работники становились данниками крупныхъ капиталистовъ; колесо замѣнило веретено, и паровой цилиндръ силу человѣка. Въ то же самое время начали приносить плоды прекрасные опыты канализаціи герцога Бриджватерскаго, такъ что усовершенствованіе средствъ сообщенія совпало съ увеличеніемъ количества произведеній. Производство желѣза и другихъ металловъ улучшилось, вмѣстѣ съ увеличеніемъ количества добывавшагося каменнаго угля, при содѣйствіи паровыхъ машинъ для ихъ разработки. Англія какъ будто бы открыла новые рудники, и внезапно обогатилась неожиданными сокровищами. Современники всего этого, болѣе занятые исчисленіемъ барышей, доставленныхъ этими открытіями, чѣмъ изысканіемъ причинъ ихъ, повидимому, вовсе не обращали должнаго вниманія на порожденныя ими затрудненія. Из-

мѣненіе патріархальнаго труда въ промышленный феодализмъ, въ которомъ работникъ, обращаясь въ раба мастерской, дѣлался крѣпостнымъ заработной платы, вовсе не пугало англійскихъ производителей, несмотря на всю *внезапность* этой перемѣны, которая должна была возмутить обычное теченіе дѣлъ. Они вовсе не подозрѣвали, что вмѣстѣ съ могуществомъ, машины доставятъ столько заботъ. Пауперизмъ еще не представлялся имъ въ тѣхъ грозныхъ формахъ, которыя онъ принялъ впослѣдствіи, а механическія ремесла еще не придали труду той силы, которая неожиданно сдѣлалась гибельной для такого огромнаго числа работниковъ. Какъ бы то ни было, промышленный переворотъ, едва успѣвшій созрѣть въ геніальныхъ головахъ Уатта и Аркрайта, разомъ охватилъ всю Англію. Въ концѣ восемнадцатаго вѣка, въ Европѣ не потреблялось ни одного куска бумажныхъ тканей, который не былъ бы привезенъ изъ Индіи, а двадцать пять лѣтъ спустя, Англія сама стала посылать такого рода произведенія въ страну, изъ которой до того получала ихъ. «Рѣка пошла назадъ къ своему источнику, говоритъ Ж. Б. Сэй*.»

---

* До изобрѣтенія бумагопрядильной машины, въ Великобританіи считалось неболѣе пяти тысячъ пряхъ и три тысячи ткачей бумажныхъ матерій, всего же, восемь тысячъ работниковъ; въ настоящее же время число ихъ простирается, въ одной только Англіи, свыше восьмисотъ тысячъ. Вся цѣнность ежегодно производимыхъ въ этой странѣ бумажныхъ тканей исчислялась въ 1836 громадной суммой въ 850 мил. франковъ. См. объ этомъ статистику Макъ-Куллоха, Портера и оффиціальныя извѣстія, изданныя по распоряженію парламента. Прим. автора.

Въ 1856 все хлопчато-бумажное производство Англіи оцѣнено было 1,600,000,000 франковъ; число заведеній, занимавшихся этимъ производствомъ, простиралось до 2,210; число веретенъ — 28,010,217; число станковъ—298,847; число двигателей—97,132, изъ коихъ 88,001 паровыхъ лошадиныхъ силъ и 9,131 водяныхъ двигателей, представляющихъ 1,500,000 человѣческихъ силъ; наконецъ, число работниковъ простиралось до 379,213, изъ коихъ 253,017 прядильщиковъ и 146,196 ткачей. Въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ только о работникахъ, состоящихъ при машинахъ. Всего же, съ хлопчато-бумажнымъ производствомъ Соединеннаго королевства связано непосредственно или косвенно болѣе двухъ мильоновъ населенія. *Dictionnaire du Commerce et de la Navigation*, 1859, изд. Гильомена. Франц. изд.

Такимъ образомъ, достаточно было двухъ небольшихъ цилиндровъ, вращающихся въ противуположныя стороны, чтобы вызвать коренныя измѣненія въ отношеніяхъ Европы къ Азіи и въ исконныхъ преданіяхъ труда. Въ то же самое время освобожденіе Соелиненныхъ Штатовъ нанесло рѣшительный ударъ колоніальной системѣ, и подало сигналъ къ отступленію изъ Америки всѣхъ метрополій. Городъ Бристоль, подававшій энергическое прошеніе въ парламентъ противъ заключенія мира съ американскими бунтовщиками, спустя нѣсколько лѣтъ, ходатайствовалъ о заключеніи этого мира и о дозволеніи вырыть новые доки, оказавшіеся необходимыми для его разширившейся торговли съ освобожденными колоніями. Такимъ образомъ подготовлялась независимость всего американскаго материка, на которомъ послѣдняя колонія *, подчиненная европейскимъ законамъ, борется въ настоящую минуту, чтобы довершить дѣло, начатое Франклиномъ и Вашингтономъ. Теперь считается дѣломъ доказаннымъ, что колоніи приносятъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, своимъ метрополіямъ, и что сношенія съ свободнымъ и трудолюбивымъ народомъ доставляютъ болѣе выгодъ, чѣмъ сношенія съ подвластными и угнетенными вассалами. Соединенные Штаты дали Европѣ этотъ политико-экономическій урокъ, который обойдетъ весь міръ, и вознаградитъ колоніальное населеніе за угнетеніе, перенесенное его отцами. Пророчества Реналя оправдались. Богатыя и могущественныя государства заняли мѣсто слабыхъ и ненадежныхъ европейскихъ поселеній въ одной изъ двухъ Индій, а если судить по упадку нѣкоторыхъ изъ старыхъ метрополій, то можно подумать, что лучшая кровь ихъ безвозвратно перелилась въ жилы ихъ колоній.

Какъ бы ни обидно казалось это для самолюбія стараго материка, явленіе это представляется громаднѣйшимъ переворотомъ, слѣдствія котораго начинаютъ отражаться на Европѣ. Мы становимся данниками прежнихъ нашихъ вассаловъ относительно множества сырыхъ матерьяловъ и особенныхъ произведеній, безъ которыхъ фабрики наши перестали бы ра-

---

* Канада.

ботать. Америка присылаетъ намъ несмѣтныя груды хлопчатой бумаги, которыя питаютъ наши безчисленныя фабрики бумажныхъ тканей, и красильныя вещества для ихъ *тисненія*. Кофе, какао, хина, излечивающая лихорадки, и москотильные товары, производящіе ее, все получается нами изъ за моря. Наши потребности ставятъ насъ съ каждымъ днемъ все въ бо̀льшую зависимость отъ заморскихъ народовъ; городъ Ліонъ трепещетъ при потрясеніи, постигающемъ Филадельфію или Нью-Іоркъ. Одно банкротство въ Новомъ Орлеанѣ можетъ разорить десять домовъ въ Ливерпулѣ. Чрезвычайное развитіе производства, вызванное изобрѣтеніемъ машинъ, требуетъ постоянно возрастающаго сбыта, который приходится искать далеко, и пониженіемъ цѣнъ оспаривать у болѣе искусныхъ народовъ. Промышленные рынки сдѣлались полями сраженій. Дипломатія хлопочетъ не объ обладаніи какими нибудь провинціями, но о тарифахъ, и когда приводятся въ движеніе арміи, то онѣ представляются тучами квартирьеровъ, отправляющихся отвести квартиры для торговли. Вотъ что̀ было вызвано освобожденіемъ Новаго Свѣта, который вскорѣ обратитъ всѣ великія мануфактурныя заведенія Европы въ свои колоніи.

Еще ни въ одну историческую эпоху не совершалось такого экономическаго переворота въ такой короткій промежутокъ времени, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что подобныя небывалыя превращенія сбили съ толку всѣ теоріи. Какимъ торжественнымъ опроверженіемъ служило это неимовѣрно быстрое увеличеніе благосостоянія Соединенныхъ Штатовъ для старой экономической школы Карла V! Во что̀ обращались, въ присутствіи такого великаго явленія, всѣ теоріи торговаго баланса и всѣ принципы административнаго колоніальнаго управленія? И такъ, люди вели столько гнусныхъ войнъ и поддерживали столько же, еще болѣе гнусныхъ принциповъ только ради того, чтобы въ одинъ прекрасный день дойти до такого унизительнаго сознанія въ своихъ ошибкахъ! Всѣ эти законы, считавшіеся столь благодѣтельными для торговли, были, стало быть, не болѣе какъ жестокими злоупотребленіями права силы. Должно сознаться, что человѣческое

*

тщеславіе еще ни разу не испытывало такого кроваваго урока, но, несмотря на всю очевидность этого урока, метрополіи не перемѣнили своихъ воззрѣній. Повидимому, необходимо было, чтобы всѣ онѣ выпили эту горькую чашу, прежде чѣмъ откажутся отъ своихъ деспотическихъ привычекъ, подобно тѣмъ монархіямъ, опиравшимся на божественное право, которыя всѣ аргументы свои полагали въ мечѣ, пока этотъ мечъ не оказывался въ ихъ рукахъ изломаннымъ.

Американская революція была не единственнымъ рѣшительнымъ экономическимъ явленіемъ конца восемнадцатаго вѣка. Мы видѣли уже, что изобрѣтенія Уатта и Аркрайта совершенно измѣнили условія труда, замѣнивъ машинной работой мускульный трудъ человѣка, и вызвавъ большія промышленныя предпріятія вмѣсто мелкихъ мастерскихъ. Это былъ смертельный ударъ для всѣхъ цеховыхъ корпорацій, разбившій въ прахъ ихъ рутинные и варварскіе уставы; но въ то же самое время онъ не могъ не отразиться на европейскую финансовую систему. Такъ какъ естественная цѣль всякаго налога состоитъ въ томъ, чтобы настигнуть доходъ, гдѣ бы онъ ни представился, то нетрудно понять, что финансовая наука накинулась на новыя условія, обѣщавшія ей столь обильныя жатвы. Чрезвычайное размноженіе фабричныхъ произведеній обратило на эту молодую отрасль общественнаго богатства вниманіе законодателей и государственныхъ людей; вотъ почему въ Англіи увеличеніе косвенныхъ доходовъ пошло рука объ руку съ развитіемъ фабричной промышленности. Всѣ заботы объ облегченіи налоговъ, обременявшихъ народъ, внезапно прекратились; казалось дѣломъ несравненно болѣе выгоднымъ стараться о томъ, какъ бы доставить ему больше силъ для перенесенія ихъ. *Такъ какъ невозможно уменьшить тяжести ноши, то увеличимъ силы самого животнаго,* говорилъ одинъ англійскій министръ; слова эти прекрасно характеризуютъ финансовую тактику новѣйшихъ правительствъ. Нетолько отдѣльныя личности, но цѣлые народы перестали жить лишеніями; потребности ихъ увеличились, потому что у нихъ явилось болѣе средствъ для ихъ удовлетворенія: для этого имъ достаточно было только увеличить количество своего труда.

Въ такихъ экономическихъ условіяхъ находилась Англія, когда ей пришлось встрѣтиться съ идеями, распространенными французской революціей. Въ самомъ дѣлѣ, какую странную противоположность представляли эти два народа, изъ которыхъ одинъ бросился на косвенные налоги, между тѣмъ какъ другой совсѣмъ уничтожалъ ихъ. Явленіе это, впрочемъ, весьма понятно. Всемогущественная аристократія Англіи находила весьма простымъ обратить всю тяжесть налоговъ на трудъ, между тѣмъ какъ побѣдоносная демократія совершала такую же несправедливость во Франціи. Въ послѣдней продавали имѣнія эмигрантовъ и дробили поземельную собственность; въ первой облагали налогомъ малѣйшій предметъ потребленія, до воздуха, необходимаго для дыханія. Поэтому, ничего нѣтъ удивительнаго, что между двумя столь противуположными принципами возникла неумолимая война, непрекращавшаяся до той поры, пока политическая экономія не нашла примиренія, опиравшагося на дѣйствительномъ изслѣдованіи элементовъ богатства. Когда Адамъ Смитъ доказалъ, что фабричные и торговые люди суть такіе же производители, какъ и земледѣльцы, то стала очевидной необходимость обложить налогомъ производство фабричное и торговое, какъ и производство земледѣльческое, и каждое изъ нихъ—сообразно съ количествомъ ихъ дохода. Въ настоящее время остается только рѣшить, насколько справедливость и здравый смыслъ дозволяютъ облагать налогомъ классы, живущіе заработной платой, а не прибылью; вотъ почему прежній споръ между аристократіей и бузжуазіей спустился въ арену народныхъ страстей.

Продолжительныя революціонныя войны между Англіей и Франціей, поставившія обѣ страны въ необходимость прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ и рискованнымъ мѣрамъ, неменѣе политико-экономическихъ писателей содѣйствовали рѣшенію многихъ важныхъ вопросовъ. Мы далеки, напримѣръ, отъ мнѣнія Рикардо, что увеличеніе налоговъ было главною причиной развитія мануфактурнаго производства Англіи. Никто не трудится единственно изъ за того, чтобы уплатить подати, и при такомъ условіи невозможно никакое про-

изводство; но нельзя отвергнуть и того, что желаніе добыть себѣ множество предметовъ первой необходимости, обложенныхъ пошлиной, должно было вызвать во многихъ людяхъ готовность на самый энергическій трудъ. Къ несчастію, англійское правительство, подъ вліяніемъ военныхъ потребностей, злоупотребляло этой готовностью къ труду своихъ подданныхъ; труда ихъ вскорѣ оказалось недостаточно, и въ концѣ столѣтія возникла та же манія къ разнымъ финансовымъ спекуляціямъ, которая господствовала въ началѣ вѣка. Самыя сумазбродныя финансовыя теоріи объявлены были неизмѣнными принципами правительства. Налоги оказались недостаточными для покрытія нуждъ государственнаго казначейства: пришлось обратиться къ займамъ, постоянно увеличивать ихъ, соображать ихъ на тысячу самыхъ остроумныхъ ладовъ, чтобы покрыть съ каждымъ днемъ все возраставшіе дефициты; вотъ откуда возникла знаменитая теорія погашенія, которой суждено было въ нѣсколько лѣтъ быть колыбелью и могилой для Англіи *.

Тѣмъ неменѣе, англичанамъ принадлежитъ честь основанія въ Европѣ кредита на новыхъ основаніяхъ, такъ какъ они доказали, что кредитъ можетъ пережить самыя критическія обстоятельства, и даже доставить великому народу возможность съ честью выдти изъ нихъ. И дѣйствительно, несмотря на непрерывное увеличеніе налоговъ и займовъ, населеніе Англіи не переставало возрастать, земледѣліе постоянно развивалось, а мануфактурная промышленность съ каждымъ днемъ все увеличивала свое производство. Открыты были новые каналы, сооружены новые *доки*, приведены были въ исполненіе колоссальныя предпріятія съ непостижимою быстротой; по

---

* По мнѣнію Пабло Пебрера (*Histoire financière de l'empire Britannique*) сумма всѣхъ полученныхъ доходовъ и займовъ, израсходованныхъ англійскимъ правительствомъ со времени французской революціи до заключенія мира въ 1815, простиралась до *пятидесяти мильярдовъ франковъ*. Эта сумма въ пять разъ превосходила всю массу металлическихъ денегъ, обращавшуюся въ Европѣ въ эту эпоху, болѣе всего изобиловавшую драгоцѣнными металлами.

Прим. автора.

мѣрѣ возрастанія производства, возрасталъ и народный капиталъ; такъ что въ настоящее время англійскій народъ можетъ считаться самымъ богатымъ, хотя онъ и платитъ огромные налоги. То, что̀ неизбѣжно должно было привести его къ банкротству, привело его къ благосостоянію, и самое банкротство его, ибо ему пришлось пройти чрезъ это испытаніе, подобно Франціи, было для него средствомъ для развитія своего благосостоянія и источникомъ улучшеній. Ему какъ будто суждено было разрушить всевозможныя системы, и удивить весь міръ своими финансовыми мѣрами, какъ и успѣхами промышленности. Питтъ рѣшался увѣрять тогда, что фиктивный капиталъ, созданный займами, обратился въ неизмѣнный, и сдѣлался столько же полезенъ для общества, какъ еслибы равноцѣнныя ему, дѣйствительныя сокровища присоединены были къ богатствамъ королевства. Что̀ можетъ быть нелѣпѣе подобнаго мнѣнія, но за то и что̀ можетъ быть также поразительнѣе чудесныхъ и плодотворныхъ результатовъ этихъ безчисленныхъ займовъ, которые, казалось, должны были раздавить Англію!

Такимъ образомъ, англичане, не довольствуясь своимъ *отвержденнымъ долгомъ*, придумали еще *текущій долгъ*, при содѣйствіи тѣхъ чрезвычайныхъ выпусковъ билетовъ государственнаго казначейства, которые, при умѣренномъ пользованіи, въ спокойное время, обратились въ такое удобное и надежное средство для новѣйшихъ правительствъ. Администраторы объяснили экономистамъ, что нерѣдко можетъ быть дѣломъ весьма экономнымъ израсходовать въ январѣ доходы, которые поступятъ нераньше декабря; а смѣлая попытка, оправдывавшаяся критическимъ положеніемъ Англіи, дозволила замѣнить полезнымъ финансовымъ пріемомъ убыточныя мѣры прежнихъ временъ. Текущій долгъ сдѣлался убѣжищемъ всѣхъ лежавшихъ безполезно капиталовъ и крайнимъ *ресурсомъ* конституціонныхъ правительствъ. Теперь уже незачѣмъ было собирать впередъ капиталы, отнимая ихъ у труда на непредвидѣнныя надобности. Кто могъ бы убѣдить въ подобныхъ вещахъ школу физіократовъ и даже школу Адама Смита, пока колоссальные опыты Великобританіи не убѣди-

ли въ нихъ и не показали сильную и слабую сторону такихъ пріемовъ!

Не меньшимъ удивленіемъ пораженъ былъ экономическій міръ извѣстіемъ о прекращеніи платежей Англійскимъ банкомъ въ 1797. Если существовало какое нибудь основательное и прочное ученіе, то это несомнѣнно была теорія Адама Смита объ организаціи банковъ и о необходимости для нихъ ограничивать выпускъ своихъ билетовъ, во избѣжаніе большихъ потерь при покупкѣ металлическихъ денегъ въ случаѣ паденія ихъ билетовъ: тѣмъ неменѣе, въ одинъ прекрасный день Англійскій банкъ, истощенный размѣномъ билетовъ государственнаго казначейства, вынужденъ былъ прекратить платежи звонкою монетой. Это было настоящимъ банкротствомъ, потому что, по уставу банка, билеты его тотчасъ же должны быть размѣнены на золото по ихъ предъявленіи; притомъ, подобное банкротство, при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась Англія, казалось, должно было вызвать самыя ужасныя катастрофы. А между тѣмъ, этого не случилось, потому что правительство благоразумно остановилось на этомъ скользкомъ пути, и прекратило чрезмѣрный выпускъ банковыхъ билетовъ, обратившихся въ бумажныя деньги (ассигнаціи). И что же? оказалась едва замѣтная разница между цѣной золота и цѣной бумагъ, а вывозъ звонкой монеты, повидимому, произвелъ только то дѣйствіе, что увеличилъ производительную силу металлическаго богатства. Позже, когда выпускъ билетовъ перешелъ границы, въ которыхъ должно было держаться количество всѣхъ бумажныхъ денегъ, то результатомъ этого было только возвышеніе заработной платы и цѣны всѣхъ вообще товаровъ. Народъ сдѣлался, повидимому, богаче, потому что общая цифра всей заработной платы повысилась, а это повышеніе подняло вообще производительныя силы народнаго труда.

Съ другой стороны, въ то самое время, какъ въ Англіи происходили эти интересныя явленія, во Франціи окончательно приводились въ исполненіе діаметрально противуположные опыты. Ея ассигнаціи и билеты, несмотря на свое обезпеченіе національнымъ имуществомъ, испытывали неслыханное въ фи-

нансовомъ мірѣ паденіе со времени катастрофы Лау. Они достигли до послѣдней степени пониженія своей цѣнности, между тѣмъ какъ билеты Англійскаго банка продолжали держаться въ цѣнѣ, несмотря на очевидное для всѣхъ банкротство. Ассигнаціи, обмѣнивавшіяся на земли, ничего не стоили; билеты же, лишенные обезпеченія металлическимъ фондомъ, сохраняли свою нарицательную цѣнность. Франція погружена была въ анархическое состояніе, несмотря на всѣ элементы для благосостоянія; Англія благоденствовала, несмотря на всѣ элементы анархическаго состоянія. Производительность этой страны, казалось, возрастала по мѣрѣ того какъ исчезала изъ нея звонкая монета; производство Франціи чахло, несмотря на продажу земель, создавшую мильоны новыхъ собственниковъ, и слѣдовательно, несмотря на самое энергическое побужденіе къ труду, представляемое, какъ мы уже говорили, собственностью. Ни одна эпоха не представляетъ такого множества самыхъ серьезныхъ экономическихъ уроковъ, какъ та, которая слѣдовала за возобновленіемъ платежей звонкой монетой, когда миръ 1815 далъ Англіи возможность обратиться къ этой мѣрѣ въ силу знаменитаго акта Р. Пиля. Слѣдствія этой мѣры чуть было не сдѣлались болѣе пагубными для Великобританіи, чѣмъ само прекращеніе платежей, или, вѣрнѣе, чѣмъ должно было, повидимому, быть прекращеніе платежей. Англичане привыкли къ мелкимъ банковымъ билетамъ, и смотрѣли на нихъ, какъ на монету. Поземельные собственники, чиновники правительства, люди, жившіе рентой, работники, жившіе заработной платой, утѣшали себя мыслью, что они сдѣлались богаче, потому что получали больше дохода, больше жалованія, больше вознагражденія, бо̀льшую аренду. Внезапный приливъ звонкой монеты наводнившей народный рынокъ, засталъ множество торговыхъ сдѣлокъ, заключенныхъ подъ вліяніемъ бумажныхъ денегъ, и, стало быть, по болѣе высокой цѣнѣ; тотъ, кто договаривался на такихъ условіяхъ, принужденъ былъ теперь платить золотомъ. Нетрудно понять, какими замѣшательствами должна была сопровождаться эта финансовая перемѣна, въ особенности, что касается до арендныхъ договоровъ на земли, и

походившая, только въ обратномъ смыслѣ, на конечный кризисъ французскихъ ассигнацій. Для предупрежденія разоренія фермеровъ необходимо было прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ, и вотъ работники, жившіе заработной платой, принуждены были хлѣбными законами выплатить долги земледѣльцевъ поземельнымъ собственникамъ.

Англійскій народъ долженъ былъ вынести не одинъ этотъ кризисъ, и Европа была свидѣтельницей не одной революціи, съ тѣхъ поръ какъ былъ подписанъ миръ, который долженъ былъ окончить всѣ революціи. Мы видѣли, что континентальная система дала чрезвычайный толчекъ французской фабричной промышленности, въ рукахъ которой остались съ этихъ поръ почти всѣ рынки материка. Эта же система передала въ распоряженіе Англіи всѣ моря и всѣ колоніальные рынки, которые и обезпечили за ней морское преобладаніе. Всѣ эти обстоятельства были въ высшей степени благопріятны и для ея фабричной дѣятельности, встрѣтившей, кромѣ того, сильную поддержку въ контрабандѣ. Какъ вдругъ *разразился* миръ, какъ разражается только рѣшительная и внезапная война: мирные трактаты, несшіе всему свѣту успокоеніе, приготовили для торговли новую борьбу, въ тысячу разъ болѣе опасную и непримиримую, чѣмъ борьба оружіемъ. Франція, заключенная въ свои древнія границы, окружила себя тройнымъ оплотомъ таможенъ, начинавшихся почти у воротъ столицы, а Англія, снабжавшая до этого всѣмъ необходимымъ колоніи, принуждена была уступить свои рынки ихъ умиротвореннымъ метрополіямъ. Испанія пыталась воротить южную Америку; голландцы получили обратно Яву; каждый старался захватить прежнюю свою добычу, и война штыками уступила мѣсто презрѣнной войнѣ щупами между таможенными досмотрщиками. Итакъ, условія труда еще разъ были глубоко измѣнены во всей Европѣ низверженіемъ французскаго владычества и открытіемъ морей, столь долго остававшихся во власти англичанъ, для торговли всѣхъ народовъ.

Европейскія правительства представили тогда зрѣлище, болѣе всего побуждавшее народы къ изученію политико-эко-

номическихъ вопросовъ. Мы встрѣчаемъ государства, находившіяся нѣкогда въ цвѣтущемъ состояніи, несмотря на соперничество сосѣдей, бывшихъ своихъ подданныхъ; теперь они требовали противъ этихъ сосѣдей, сдѣлавшихся свободными, запретительныхъ мѣръ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе строгихъ, и запирали имъ свои границы *. Мы встрѣчаемъ Англію, болѣе исключенную изъ континента тарифами ея союзниковъ, чѣмъ насколько изгонялась она оружіемъ враговъ; нищета овладѣла ея опустѣвшими мастерскими въ то время какъ побѣдоносная политика обезпечила за ней всемірную промышленную монополію. Отъ всѣхъ ея усилій оказалась въ результатѣ одна только ужасающая цифра ея государственнаго долга и населеніе, истощенное налогами, наложенными на него безжалостной аристократіей. Какой великолѣпный предметъ для изученія экономистовъ! Сколько фактовъ для наблюденія представляетъ эта длинная цѣпь явленій, совершенно новыхъ въ исторіи науки: Раздробленіе поземельной собственности, уничтоженіе цеховъ, косвенные налоги, государственные займы, погашеніе ихъ, бумажныя деньги, прекращеніе и возобновленіе платежей Англійскимъ банкомъ, и, сверхъ всего, этотъ изумительный контрастъ противуположныхъ слѣдствій, вызванныхъ одними и тѣми же причинами, и одинаковыхъ слѣдствій, вызванныхъ самыми различными причинами. Съ этого времени поняли, что нѣтъ ничего безусловнаго въ соціальной физіологіи; вслѣдствіе чего, она естественно поступала въ разрядъ опытныхъ наукъ, и должна была основывать свои заключенія на наблюденіи и на сравненіи совершившихся фактовъ, а не на предвзятыхъ теоріяхъ. Я смѣло утверждаю, что изъ обширной энциклопедіи, начавшейся въ 1789 и окончившейся въ 1830, политическая экономія почерпнула самые драгоцѣнные свои матерьялы и самыя прочныя основанія для своихъ теорій. Экономисты стали заниматься съ этого времени положительными вопросами, и обратили серьезное вниманіе на человѣческія отношенія; они оставили безплодныя умозрѣнія, и обратились

* Намекъ на Францію, Бельгію и Италію. Рус. перев.

къ самой жизни, чтобы быть полезными и общепонятными: честь такой важной заслуги принадлежитъ одному изъ нашихъ соотечественниковъ, Ж. Б. Сэю.

ГЛАВА XXXIX.

Ж. Б. Сэй и его ученіе. — Важныя слѣдствія его теоріи сбыта. — Перечисленіе услугъ, оказанныхъ этимъ писателемъ наукѣ. — Характеръ его школы. — Она способствовала распространенію политической экономіи въ Европѣ.

Великіе экономическіе опыты, предпринятые во Франціи и въ Англіи въ эпоху продолжительной войны между обѣими этими странами не могли не доставить политической экономіи новыхъ фактовъ для наблюденія и не содѣйствовать успѣхамъ этой науки. Нѣтъ сомнѣнія, что уже Адамъ Смитъ поставилъ ее на прочныя основанія, но мы уже видѣли, что онъ оставилъ еще много важныхъ вопросовъ на разрѣшеніе своимъ преемникамъ. Въ особенности же, на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о границахъ самой науки и о точномъ опредѣленіи области ея изслѣдованій. Адамъ Смитъ освѣтилъ самымъ яркимъ свѣтомъ теорію банковъ, раздѣленіе труда, основные элементы цѣнности товаровъ; онъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи настоящія открытія: но онъ не дожилъ до того, чтобы могъ сдѣлать наблюденія надъ приложеніемъ этихъ теорій къ практикѣ. Только послѣ его смерти можно было судить о слѣдствіяхъ безграничной конкуренціи, которой онъ былъ однимъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ; запутанный въ наше время вопросъ пауперизма еще не возмущалъ ясности той эпохи, въ которую онъ жилъ. Политическая экономія была не болѣе какъ наукою о производствѣ богатствъ. На одного изъ нашихъ соотечественниковъ выпала доля дополнить дѣло, начатое Смитомъ, посвятить насъ въ тайну распредѣленія прибыли, доставляемой трудомъ, и объяснить разнообразныя явленія потребленія произведеній.

Положеніе Франціи, послѣ революціи, какъ нельзя болѣе благопріятствовало рѣшенію этихъ вопросовъ. Всѣ возможныя системы были испробованы, и самыя смѣлыя теоріи про-

ведены были до крайнихъ своихъ послѣдствій. Всѣ видѣли банкротство рядомъ съ расхищеніемъ капиталовъ на военныя потребности, мгновенное уничтоженіе торговли *таксами*, блокаду морей и великое множество кризисовъ, промышленныхъ и финансовыхъ, которыми переполнена вся исторія послѣдней эпохи. Наступило время сдѣлать выводы и собрать въ одно систематическое цѣлое всѣ теоріи, естественно вытекавшія изъ новыхъ и неслыханныхъ фактовъ. Необходимо было объяснить этотъ безпримѣрный въ лѣтописяхъ міра экономическій переворотъ, который казался, тѣмъ неменѣе, предвозвѣстникомъ всеобщаго возрожденія и ждалъ своего объясненія. Это сдѣлалъ Ж. Б. Сэй первымъ изданіемъ своего *Traité d'économie politique (Трактата о политической экономіи)* во время консульства Бонапарте. Съ этой книги дѣйствительно началъ слагаться въ Европѣ простой, строгій и научный методъ для изученія политической экономіи; къ разбору ея мы и приступаемъ.

Главная заслуга этого сочиненія состоитъ въ томъ, что оно точно опредѣляетъ основныя начала науки. Сэй отдѣлилъ отъ нея политическую часть, съ которою постоянно смѣшивали ее *экономисты* восемнадцатаго вѣка, и правительственную, которую считаютъ нераздѣльною съ ней нѣмецкіе писатели. Поставленной, такимъ образомъ, въ болѣе точныя границы политической экономіи нечего уже было опасаться, что она запутается въ метафизическихъ отвлеченностяхъ или въ бюрократическихъ подробностяхъ. Отдѣливъ ее, Ж. Б. Сэй сдѣлалъ ее независимой, и доказалъ, что изученіе ея столько же необходимо для монархій, какъ и для республикъ. Знакомство съ ея законами всюду необходимо, ибо при всѣхъ возможныхъ правительствахъ, производство богатствъ есть главный источникъ благосостоянія государства. Вмѣстѣ съ этимъ онъ изложилъ ея основныя положенія самымъ яснымъ и методическимъ образомъ, и предложилъ для нея номенклатуру, принятую съ тѣхъ поръ всѣми европейскими экономистами. Его теорія цѣнности, основанная на полезности, дополнила теорію Адама Смита, и хотя она, подобно всѣмъ теоріямъ, оставила нѣсколько пробѣловъ,

онъ тѣмъ неменѣе приложилъ ее къ рѣшенію самыхъ трудныхъ вопросовъ, къ рѣшенію, настолько вѣрному, насколько допускалось этими вопросами.

Несмотря на всѣ опроверженія, направленныя противъ многихъ частей его ученія, въ настоящее время всѣми признается превосходство его метода надъ методами всѣхъ его современниковъ. По его мнѣнію, политическая экономія есть наука, занимающаяся производствомъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ богатствъ. Богатства производятся при содѣйствіи трехъ великихъ отраслей человѣческаго труда: земледѣлія, промышленности и торговли. Капиталъ и земля суть главныя орудія производства: первый создается сбереженіемъ и скопленіемъ; собственность обезпечиваетъ свободное дѣйствіе второй. Трудъ человѣка, при содѣйствіи естественныхъ силъ природы и машинъ, оживотворяетъ всѣ эти средства, изъ которыхъ вытекаютъ богатства, представляющія собственность всего общества. Адамъ Смитъ превосходно объяснилъ выгоды, доставляемыя раздѣленіемъ труда: Сэй дополнилъ его ученіе, и указалъ на нѣкоторыя злоупотребленія этого раздѣленія, которыя впослѣдствіи были такъ преувеличены Сисмонди *.

Главная же заслуга, обезпечившая за французскимъ писателемъ вѣчную славу, состоитъ въ его *теоріи сбыта*, нанесшей послѣдній ударъ запретительной системѣ и ускорившей паденіе колоніальной. Эта прекрасная теорія, цѣликомъ основанная на самомъ тщательномъ наблюденіи экономическихъ явленій, доказала, что народы уплачиваютъ за произведенія произведеніями же, и что всѣ законы, запрещающіе покупку, запрещаютъ въ то же время и продажу. Теперь уже не подлежало никакому сомнѣнію, что всякое бѣдствіе, постигающее какую либо страну, непремѣнно должно отражаться на всѣхъ остальныхъ; если на одной точкѣ земнаго шара случается неурожай, то на другой страдали отъ этого мануфактуры; и если одна страна благоденствуетъ, то въ благосостояніи ея принимаютъ участіе всѣ ея сосѣди, то вслѣдствіе увеличив-

---

* *Nouveaux principes d'Économie politique.*

шагося съ ея стороны спроса, то вслѣдствіе дешевизны, вызванной изобиліемъ въ ней произведеній. Такимъ образомъ, всѣ народы солидарны между собою, какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи; войны оказываются безумствомъ, разоряющимъ самого побѣдителя; общечеловѣческій интересъ состоитъ во взаимномъ содѣйствіи народовъ, а не въ нанесеніи другъ другу вреда, какъ это, къ несчастію, постоянно внушала имъ слѣпая политика. Мы начинаемъ уже испытывать на себѣ результаты этой великодушной и строго научной доктрины, а судя по стремленію правительствъ избѣгать вооруженныхъ столкновеній, можно заключить, что принципы Сэя начинаютъ проникать въ совѣты государей. Его право на благодарность потомства заключается въ томъ, что онъ доказалъ, какъ истину положительную и полезную въ матерьяльномъ отношеніи, то, что̀ считалось неболѣе какъ философской утопіей, и оказалъ этимъ тѣмъ бо̀льшую услугу, что величайшіе наши умы, Монтескьё, Вольтеръ*, Лафонтенъ проповѣдовали противуположное ей заблужденіе.

Запретительная система не могла уже болѣе существовать послѣ неопровержимыхъ доводовъ Сэя, требовавшихъ ея уничтоженія. «Мы покупаемъ болѣе, говоритъ онъ, только когда болѣе соберемъ. Процвѣтающая отрасль торговли доставляетъ средства для покупки, а потому, и средства для продажи всѣмъ другимъ отраслямъ торговли; обратно: если нѣкоторыя фабрики или нѣкоторыя отрасли торговли чахнутъ, то отъ этого страдаютъ всѣ остальныя... Каждый народъ находится точно въ такомъ же отношеніи къ другому народу, какъ провинція къ провинціи, или какъ городъ къ окружающимъ его деревнямъ: ему выгодно ихъ благосостояніе, ибо самъ онъ непремѣнно воспользуется этимъ благосостояніемъ. Слѣдовательно,

---

* Въ *Философскомъ словарѣ*, въ статьѣ *Отечество*, говорится между прочимъ: «Ужъ такъ устроено человѣчество, что желать величія своей родинѣ значитъ желать зла сосѣдямъ.... *Очевидно, что одна страна можетъ выиграть въ такомъ только случаѣ, когда теряетъ другая.*»

Къ счастію, все это уже не такъ очевидно въ настоящее время.

Прим. автора.

Соединенные Штаты поступали весьма благоразумно, стараясь возбудить промышленную дѣятельность между окружающими ихъ дикими племенами; они желали, чтобы у послѣднихъ было хоть что нибудь, что они могли бы давать имъ въ обмѣнъ, ибо ничего нельзя получить отъ народа, которому нечего дать въ обмѣнъ.» Сколько пришлось людямъ надѣлать ошибокъ, прежде чѣмъ они дошлидо этихъ великодушныхъ выводовъ! Вотъ почему въ концѣ своей жизненной карьеры Ж. Б. Сэй говорилъ: «Прошло уже сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ я занимаюсь политической экономіей, и какихъ лѣтъ! Они стоятъ четырехъ столѣтій по количеству поднятыхъ ими на обсужденіе вопросовъ.»

Преимущество этого писателя предъ всѣми его предшественниками и предъ большею частью его современниковъ состояло въ томъ, что онъ безпристрастнымъ наблюдателемъ слѣдилъ за ходомъ событій, и воспользовался безчисленными опытами, доставленными ему этими событіями. Онъ не ограничивался однимъ только теоретическимъ и отвлеченнымъ изученіемъ явленій богатства: онъ является на каждомъ шагу человѣкомъ практическимъ, привыкшимъ слѣдить до конца за выводами изъ своихъ теорій и подчинять послѣднія болѣе или менѣе полезному практическому примѣненію. Отличительный характеръ его сочиненій, ясность, въ особенности обнаруживается въ вопросахъ, болѣе всего запутанныхъ экономистами всѣхъ странъ и народовъ, какъ напримѣръ, въ вопросѣ о монетѣ. Онъ съ удивительною ясностью изложилъ основные принципы теоріи денегъ, и разбилъ въ прахъ всю эту несмѣтную массу сочиненій, наводнявшихъ Италію, Испанію, Францію и Англію въ эпоху, когда правительства ихъ поочередно прибѣгали къ искаженію монеты. Когда онъ говоритъ о различныхъ классахъ работниковъ, принимающихъ участіе въ производствѣ, то чувствуешь, что самъ онъ жилъ среди ихъ, что онъ знаетъ ихъ нужды, что ему хорошо знакомы ихъ бѣдствія. Ему же обязаны ученые возвращеніемъ принадлежащаго имъ мѣста въ промышленной іерархіи, и хотя *нематеріальныя* богатства и не подлежатъ скопленію, тѣмъ не менѣе, Ж. Б. Сэй доказалъ ихъ благотворное вліяніе на

благосостояніе государствъ. Одни только чиновники и оказываемыя ими услуги обществу не пользовались особенной благосклонностью этого знаменитаго экономиста; негодованіе, возбужденное въ немъ ужасными налогами Англіи, и ненависть, которую онъ питалъ къ деспотизму имперіи, не позволяли ему быть болѣе безпристрастнымъ къ императору, и смотрѣть надлежащими глазами на различіе, существующее между обычаемъ и злоупотребленіемъ. Несмотря на свой высокій умъ, Сэй не былъ чуждъ политическихъ увлеченій, и хотя въ сочиненіяхъ его почти не встрѣчается слѣдовъ тѣхъ предубѣжденій, которымъ онъ сочувствовалъ во все продолженіе нашей политической реакціи, тѣмъ неменѣе, нельзя не согласиться, что онъ неоднократно уступалъ чувству негодованія, весьма, впрочемъ, извинительному въ эти смутныя времена.

Но это великодушное негодованіе проявляется въ его сочиненіяхъ гораздо больше колкою эпиграммой, чѣмъ пристрастными теоріями. Вопросы, которые болѣе всего интересуютъ насъ, даже тѣ, которые вѣчно волновали умы, какъ вопросъ о заработной платѣ, о народонаселеніи, едва обращаютъ на себя его вниманіе; онъ приступаетъ къ ихъ изслѣдованію съ своей обычной серьезностью, и принимаетъ въ этомъ отношеніи цѣликомъ воззрѣнія Мальтуса. За то это и самая слабая сторона его сочиненій, и онъ далеко уступаетъ по этимъ вопросамъ школѣ Сисмонди, несмотря на то, что послѣдняя сдѣлала множество ошибокъ, и до сихъ поръ не пріискала лекарства противъ бѣдствій, такъ энергически ею указанныхъ. Сэй разсматривалъ производство слишкомъ независимо отъ производителей. Онъ позволилъ обольстить себя чудесами англійскаго производства, великой мануфактурной промышленностью страны, и не имѣлъ времени оцѣнить, какъ слѣдуетъ, всѣ сопровождающія ея бѣдствія. Онъ слишкомъ повѣрилъ современному ему предразсудку, по которому заработная плата принималась вообще достаточной, не потому что она давала возможность существовать работнику, но потому что она позволяла ему не умереть съ голоду. Изслѣдованія его о распредѣленіи прибыли, доставляемой трудомъ,

написаны подъ вліяніемъ первостепеннаго значенія капитала, а его воззрѣнія на общественные расходы слишкомъ проникнуты его ненавистью къ злоупотребленіямъ деспотизма. Къ двумъ силамъ отнесся этотъ знаменитый писатель далеко не одинаково, хотя и съ одинакой несправедливостью: къ капиталу, приписавъ ему чрезмѣрное значеніе, и къ правительству, отказавъ ему въ какомъ бы то ни было вліяніи на благосостояніе гражданъ *.

Но никто до такой степени не популяризировалъ политической экономіи, какъ Ж. Б. Сэй. Напрасно дѣлаютъ ему упрекъ, что онъ вдвинулъ ее въ узкія рамки науки о богатствѣ; онъ доказалъ, что политическая экономія обратилась въ науку съ того только дня, съ котораго точно обозначены были ея границы, а въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ онъ высказывается противъ приписывавшагося ему проекта ограничить эту науку отвлеченнымъ анализомъ законовъ производства **. Онъ чувствовалъ особенное отвращеніе къ гипотезамъ и отвлеченнымъ системамъ, которыя были, по его

---

* «Безсодержательное управленіе кардинала Флери, говоритъ онъ, доказало по крайней мѣрѣ, что человѣкъ, стоящій во главѣ управленія, уже сдѣлалъ много добра, если онъ не дѣлалъ зла.» *Discours préliminaire*, стр. 48. Прим. автора.

** «Предметъ политической экономіи, говоритъ онъ, повидимому, ограничивался до сихъ поръ изученіемъ законовъ образованія, распредѣленія и потребленія богатствъ. Такъ смотрѣлъ на нее я самъ въ моемъ *Трактатѣ о политической экономіи*, первое изданіе котораго появилось въ 1803. Но изъ самого сочиненія ясно видно, что эта наука тѣсно связана со всѣми сторонами общественной жизни. Съ тѣхъ поръ какъ было доказано, что нематерьяльная собственность, какъ таланты и пріобрѣтенныя личныя способности, составляетъ существенную часть общественнаго богатства, и что услуги, оказанныя на самыхъ высокихъ мѣстахъ, несомнѣнно имѣютъ общія стороны съ самыми скромными занятіями; съ тѣхъ поръ какъ точно установлены отношенія личности къ обществу и отношенія общества къ личности, равно какъ и взаимные ихъ интересы, съ этого времени политическая экономія, имѣвшая своимъ предметомъ, повидимому, одно только матерьяльное благосостояніе, необходимо должна была охватить цѣликомъ весь общественный порядокъ.» *Cours complet d'économie politique*, т. I, стр. 7. Прим. автора.

мнѣнію, источникомъ всѣхъ почти бѣдствій, угнетавшихъ человѣчество, а политическая экономія казалась ему дѣйствительно полезной только во имя назначенія своего — окончательно искоренить предразсудки, причиняющіе столько вреда человѣку. За то онъ и не пропускалъ ни одного возраженія безъ отвѣта, а польза, принесенная его сочиненіями, заключалась скорѣе въ разсѣяніи ими массы заблужденій, чѣмъ въ открытыхъ имъ истинахъ. Ж. Б. Сэй начертилъ первую полную программу политической экономіи; писатели, нераздѣляющіе его убѣжденій, отдаютъ полную справедливость превосходству его метода и строгой точности его выводовъ. Благодаря этому методу, легко было объяснить торговые кризисы, разорявшіе въ различныя эпохи Англію и Францію, а въ будущемъ — отыскать средства, для предупрежденія ихъ слѣдствій самыми дѣйствительными мѣрами.

Своимъ вліяніемъ Ж. Б. Сэй, болѣе чѣмъ всякій другой политико-экономическій писатель, содѣйствовалъ распространенію любви къ изученію политической экономіи во Франціи и во всей Европѣ. Его теоріи, такъ легко примѣнявшіяся къ политическимъ вопросамъ, усердно изучались во время реставраціи, какъ оружіе для опозиціи и войны, такъ что часть ихъ успѣха, быть можетъ, слѣдуетъ объяснять тѣми услугами, которыя оказали онѣ современнымъ парламентскимъ преніямъ. Публицисты искали въ нихъ самыхъ сильныхъ аргументовъ противъ чрезвычайныхъ налоговъ, обременявшихъ народъ, и привыкали къ тѣмъ кропотливымъ изслѣдованіямъ бюджетовъ, которыя обратились впослѣдствіи въ пренія о цифрахъ и въ споры о министерскихъ портфеляхъ. Сэй былъ противъ того, чтобы правительства принимали на себя общественныя работы, и строго осуждалъ ихъ вмѣшательство въ промышленныя дѣла страны. Онъ смотрѣлъ на большую часть налоговъ, какъ на великія народныя бѣдствія въ родѣ града, пожаровъ и непріятельскихъ нашествій, и, несмотря на глубокое и искреннее свое человѣколюбіе, онъ постоянно выказывалъ больше враждебности къ власти, чѣмъ симпатіи къ рабочимъ классамъ. Онъ трудился для нихъ неуклонно, мало заботясь о ихъ благосклонности и не опасаясь ихъ нераспо-

ложенія. Онъ высказывалъ горькія истины царямъ и народамъ съ холоднымъ и стоическимъ безпристрастіемъ философа, исключительно преданнаго служенію истинѣ и человѣчеству. Мало по малу, вся французская печать прониклась его ученіемъ, нисколько не занимаясь авторомъ, жившимъ въ уединеніи, среди небольшой кучки друзей, между тѣмъ какъ сочиненія его, переведенныя на всѣ языки, менѣе чѣмъ въ двадцать лѣтъ выдержали пять изданій, напечатанныхъ одно вслѣдъ за другимъ въ весьма значительномъ количествѣ экземпляровъ *.

Дѣйствительно, подъ вліяніемъ сочиненій Сэя, начались первыя нападки противъ экономической системы реставраціи. Реакція 1815 хотѣла возстановить право старѣйшинства, субституціи, цеховое устройство и привилегіи; позже, послѣ неудачи въ этихъ попыткахъ, она пыталась воскресить поземельную аристократію, полуфеодальную, полупромышленную, повышеніемъ тарифа на желѣзо, вслѣдствіе чего подымалась цѣна на дрова, а слѣдовательно, и доходы владѣльцевъ лѣсовъ. Затѣмъ, явились хлѣбные законы, налогъ на иностранный скотъ, заемъ въ пользу эмигрантовъ, различныя пошлины на колоніальный сахаръ. Но каждая изъ этихъ мѣръ уже заранѣе была безвозвратно опровергнута въ *Трактатѣ о политической экономіи* самыми ясными доводами, хотя авторъ, писавши ихъ, вовсе не имѣлъ въ виду, ни настоящей цѣли, ни современныхъ обстоятельствъ. Вся Европа воспользовалась этими суровыми уроками, повидимому, предназначавшимися для одной Франціи, такъ какъ они были напечатаны по французски; а автору ихъ приходилось не разъ вступать въ горячую полемику съ знаменитѣйшими экономистами его эпохи. Мальтусъ, Рикардо, Сисмонди, Шторхъ имѣли съ нимъ памятныя пренія по многимъ вопросамъ его ученія; но всѣ

---

* На русскій языкъ переведены были: *Объ Англіи и англичанахъ*, П. Яковлевымъ, (1817); *Сокращенное ученіе о государственномъ хозяйствѣ, или дружескіе разговоры, въ коихъ объясняется, какъ богатство производится, дѣлится и потребляется въ обществѣ*, Н. Политковскимъ (1816); *О торговомъ балансѣ*, безъ обозначенія переводчика (1816), и *Катехизисъ политической экономіи*, тоже неизвѣстно кѣмъ (1833). Рус. перев.

они признавали его неутомимымъ бойцемъ за науку и знаменитѣйшимъ пропагандистомъ ея послѣ Адама Смита.

По вопросу о народонаселеніи Ж. Б. Сэй раздѣлялъ мнѣнія Мальтуса; онъ принялъ ихъ открыто, цѣликомъ, безъ всякихъ ограниченій, и содѣйствовалъ ихъ преобладанію во Франціи до той минуты, когда имъ нанесенъ былъ первый ударъ Сенъ-Симонистской школой. Онъ мало обращалъ вниманія на чрезмѣрное развитіе англійской мануфактурной системы, а появленіе пауперизма въ этой странѣ приписывалъ чисто политическимъ причинамъ. Чрезмѣрное переполненіе рынковъ казалось ему исключительнымъ слѣдствіемъ стѣсненій торговли. По его мнѣнію, на одномъ пунктѣ продавалось мало, потому что на другомъ мало производилось. Производство и потребленіе были въ его глазахъ силами, строго зависящими одна отъ другой; поэтому, онъ не допускалъ другой причины бѣдствій, испытываемыхъ нѣкоторыми странами, кромѣ недостаточнаго производства тѣхъ странъ, съ которыми первыя находятся въ торговыхъ сношеніяхъ. Опытъ уже показалъ намъ, что не на одномъ только этомъ условіи слѣдуетъ устанавливать торговыя сношенія, и что народъ не долженъ отдавать судьбу своихъ фабрикъ въ исключительную зависимость отъ случайностей внѣшней торговли. Вотъ почему Сэй постоянно старался доказать, что лучшіе потребители произведеній всякой страны суть сами туземные производители, за которыми внутренній обмѣнъ обезпечиваетъ самый правильный и надежный сбытъ, если только не препятствуютъ этому отсталыя воззрѣнія правительствъ. Его изслѣдованія о механизмѣ обмѣна пролили много свѣта на всѣ связанные съ нимъ вопросы, вопросы первостепенной важности, такъ какъ они служалъ главнымъ основаніемъ народнаго благосостоянія. «Всѣ почти войны, случившіяся въ послѣднія сто лѣтъ въ четырехъ частяхъ свѣта, велись изъ за *торговаго баланса*, вовсе не существующаго, да и на чемъ основано такое важное значеніе, приписываемое торговому балансу? На исключительномъ приложеніи слова *капиталъ* къ золоту и серебру*.»

* *Traité d'économie politique*, т. III, стр. 261.

Посредствомъ такихъ простыхъ и всякому доступныхъ сближеній, Сэй ослабилъ мало по малу всеобщее пристрастіе къ войнѣ, и смягчилъ патріотическіе предразсудки, готовые продлить ее на вѣчныя времена. Это великое дѣло, за первую мысль о которомъ аббатъ Сенъ-Пьеръ былъ причисленъ къ разряду безумныхъ мечтателей, совершается у насъ на глазахъ. Между народами нетолько не воздвигаютъ въ настоящее время новыхъ преградъ, но стараются устранить существующія; на пограничныхъ рѣкахъ устраиваютъ мосты, проводятъ общія желѣзныя дороги, уничтожаютъ различныя торговыя стѣсненія. Эта лучшая часть программы Сэя была приведена въ исполненіе до его смерти, а исполненіе остальной ея части съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе поощряется общественнымъ мнѣніемъ. Этому писателю не доставало только болѣе гуманнаго и болѣе широкаго воззрѣнія на вопросы пауперизма и заработной платы. Читая его, чувствуешь что то отталкивающее и черствое, напоминающее отвлеченныя формулы Рикардо и Мальтуса. Его логика не знаетъ пощады, когда идетъ рѣчь о вспомоществованіи несчастнымъ, которые, по его мнѣнію, сами заслужили свое положеніе, а читая его суровыя предостереженія благотворительности *, невольно представляется, что въ нихъ болѣе поощренія для дурной нравственности, чѣмъ утѣшенія для несчастія. Но, что касается до первостепенныхъ вопросовъ политико-экономической науки, таможенъ, монеты, общественнаго кредита, колоній, Сей можетъ считаться надежнѣйшимъ руководителемъ и лучшимъ европейскимъ экономистомъ.

Въ послѣднемъ и самомъ обширномъ его сочиненіи ** встрѣчаются замѣтныя отклоненія отъ первоначальныхъ воззрѣній автора. Въ немъ меньше желчныхъ выходокъ противъ пра-

---

* «Человѣкъ, впавшій по своей лѣности и безпечности въ нищету, растративъ свои средства, не смѣетъ молить о помощи, когда самыя ошибки его лишаютъ средствъ существованія тѣхъ людей, трудъ которыхъ оплачивался его капиталами.» *Traité d'économie politique*, кн. VIII, гл. 7. Прим. автора.

** *Cours complet d'économie politique pratique*, 6 т. См. Библіографію въ концѣ этого сочиненія.

вительствъ, потому ли, что авторъ призналъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ полезность ихъ вліянія, или потому, что счелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя уступки вслѣдствіе того мѣста, которое онъ занималъ*. Люди, знакомые съ его нравственнымъ характеромъ, охотнѣе соглашаются съ первымъ предположеніемъ, которое, къ тому же, подтверждается замѣчательными мѣстами его сочиненія, въ которыхъ онъ очевидно находился подъ вліяніемъ новаго образа мыслей. Такимъ образомъ, въ одномъ важномъ спорѣ онъ поддерживалъ мнѣніе, что невольничій трудъ оказывается прибыльнѣе труда свободныхъ людей, а позже откровенно и громогласно сознался въ своей ошибкѣ. Онъ не выносилъ упрямой настойчивости въ разъ сознанномъ заблужденіи, и не пропускалъ безъ порицанія ни одного плохаго политико-экономическаго сочиненія. Ошибки въ этой наукѣ казались ему болѣе пагубными, чѣмъ во всякой другой, и онъ преслѣдовалъ ихъ всюду, гдѣ только могъ, не щадя самыхъ знаменитыхъ своихъ сотоварищей, въ надеждѣ установить политическую экономію на незыблемыхъ основаніяхъ. Къ трудамъ этихъ знаменитыхъ товарищей его по наукѣ мы теперь и обратимся.

ГЛАВА XL.

Политическая экономія въ Англіи съ начала девятнадцатаго вѣка. — Система Питта, поддерживаемая Торнтономъ и оспариваемая Коббетомъ.— Ученіе Рикардо. — Сочиненія Джемса Милля. — Торренса. — МакъКуллоха. — Тука. — Труды Гускиссона. — Сэра Генриха Парнеля. — Трактаты Уэда. — Пауллетъ-Скропъ. — *Экономія мануфактуръ* Баббеджа. — *Философія мануфактуръ* доктора Эра. — Распространеніе изученія политической экономіи въ Англіи.

Длинный рядъ англійскихъ экономистовъ, слѣдовавшихъ за Адамомъ Смитомъ, и общее согласіе ихъ въ главныхъ осно-

---

* Мѣсто преподавателя политической экономіи въ Консерваторіи искуствъ и ремеслъ. Рус. перев.

ваніяхъ науки служатъ доказательствомъ, какъ силенъ и плодотворенъ былъ толчекъ, данный политической экономіи ея знаменитымъ основателемъ. Распространенныя имъ возрѣнія начали уже приносить плоды. Экономическіе вопросы перестали быть игрою случая, и само правительство находило нужнымъ подчинять предварительному обсужденію науки важнѣйшія изъ своихъ мѣръ. Поразительнѣйшимъ примѣромъ этого служитъ эпоха прекращенія въ 1797 году платежей Англійскимъ банкомъ. Это было первымъ случаемъ, когда обратились къ теоріи для поддержки великой финансовой мѣры, и съ этихъ поръ экономическіе споры перешли изъ узкой рамки кабинетныхъ изслѣдованій на широкую почву парламентскихъ преній. Разъ получивши толчекъ, это движеніе уже не останавливалось болѣе; всякій считалъ своимъ долгомъ опираться въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ на какой нибудь строгій научный принципъ, вслѣдствіе чего парламентская трибуна сдѣлалась могущественною союзницей политической экономіи. Такимъ образомъ, на *Изслѣдованія о причинахъ богатства народовъ* слѣдуетъ смотрѣть, какъ на источникъ всѣхъ хорошихъ сочиненій, изданныхъ по этому предмету въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ.

До продолжительной борьбы между Англіей и Франціей, вызванной революціей 1789, ученіе Адама Смита имѣло одно только великое и блистательное приложеніе: освобожденіе Сѣверо-американскихъ штатовъ. Конечно, всѣ начинали уже понимать выгоды, доставляемыя раздѣленіемъ труда и машинами, но еще ни однимъ серьезнымъ вопросомъ не была испытана вѣрность теорій знаменитаго шотландца объ устройствѣ банковъ или о злоупотребленіяхъ въ монетной системѣ: необходимо было, чтобы отважный геній Питта рѣшился на объявленіе о государственномъ банкротствѣ, чтобы признана была вся вѣрность изслѣдованій Адама Смита о явленіяхъ обращенія цѣнностей. Въ теченіи короткаго времени, издано было, одно вслѣдъ за другимъ, множество сочиненій, какъ въ защиту, такъ и противъ ученія Адама Смита, а подъ вліяніемъ этихъ памятныхъ преній начало слагаться общественное мнѣніе. Одно изъ интереснѣйшихъ сочиненій, изданныхъ въ это

время Генрихомъ Торнтономъ*, написано было въ оправданіе прекращенія платежей звонкой монетой; и хотя оно переполнено множествомъ ошибокъ, тѣмъ неменѣе, до него никто еще не показалъ съ такою ясностью выгодъ, проистекающихъ изъ обращенія денегъ, какъ бумажныхъ, такъ и металлическихъ. Онъ доказываетъ въ немъ, что банки могутъ оказывать неопредѣленное пособіе труду и безгранично умножать производство, безо всякаго содѣйствія звонкой монеты, подъ однимъ только условіемъ благоразумнаго выпуска ихъ билетовъ. Онъ проповѣдывалъ о благодѣяніяхъ кредита въ ту самую минуту, когда предпринималась мѣра, которая, казалось, должна была уничтожить его, и будующее вполнѣ подтвердило основательнѣйшія изъ его предсказаній.

Между тѣмъ, въ концѣ 1810, Англія, истощенная усиліями, предпринятыми ею для низверженія могущества Наполеона, лишилась почти всего своего золота, уходившаго на материкъ для поддержанія коалицій, а съѣстные припасы достигли такой цѣны, что сдѣлалось крайне затруднительнымъ слѣдовать финансовой системѣ Питта. Въ это то время появились знаменитыя письма Коббета**, въ которыхъ онъ энергически и безпощадно нападаетъ на злоупотребленія бумажными деньгами и на финансовыя заблужденія правительства. Для желающаго изучить, какъ слѣдуетъ, выгоды и невыгоды кредитной системы, мы не можемъ указать лучшаго и интереснѣйшаго сочиненія. Еще ни разу ни одному писателю не приходилось браться съ бо̀льшимъ жаромъ за такой трудный предметъ, и со времени *Провинціальныхъ писемъ* Паскаля и *Мемуаровъ* Бомарше, никому не случалось потратить столько остроумія на защиту здраваго смысла. Политическія партіи могли нападать на Коббета, какъ на памфлетиста, лишенна-

---

* *An inquiry into the nature and effects of the paper credit of Great Britain,* London, 1802.—*Изслѣдованіе о свойствахъ и результатахъ бумажнаго кредита въ Великобританіи.*

** *Paper against Gold, or the History and the Mystery of the Bank of England. — Бумаги, замѣняющія золото, или исторія и тайны Англійскаго банка.* — Этотъ безстрашный памфлетъ имѣлъ болѣе семи изданій.

го такта и достоинства; но болѣе справедливое къ нему, чѣмъ его современники, потомство не можетъ отказать ему въ одномъ изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ между популярными экономистами. Еслибы всѣ вопросы политической экономіи излагались съ такою необыкновенной ясностью и простотою, то, можетъ быть, не оставалось бы ни одного изъ нихъ нерѣшеннымъ, и эта наука сдѣлалась бы доступной всѣмъ классамъ общества. Коббетъ не искалъ своихъ доказательствъ, ни въ шаткихъ гипотезахъ, ни въ догматическихъ сочиненіяхъ своихъ предшественниковъ; онъ дѣлалъ свои нападки, опираясь на одинъ только здравый смыслъ, и его неподкупная логика проливала самый ясный свѣтъ на самыя запутанные вопросы. Почти всѣ его памфлеты, писанные изъ Ньюгетской государственной тюрьмы, суть первостепенныя произведенія по логикѣ и по языку, и представляютъ драгоцѣннѣйшій матерьялъ для человѣка, желающаго ознакомиться съ тайнами общественнаго кредита.

Почти въ то же самое время обогащалась Англія первыми сочиненіями Рикардо, оказавшими такія блистательныя услуги политической экономіи. Это было въ 1809 году; дороговизна золота и паденіе курса, случившіяся въ это время, сосредоточивали на себѣ всеобщее вниманіе. Рикардо напечаталъ брошюру подъ заглавіемъ: *Высокая цѣна слитковъ доказываетъ паденіе цѣны банковыхъ билетовъ* *. Въ ней онъ доказывалъ научнымъ образомъ положеніе Коббета о неудобствахъ чрезмѣрнаго выпуска кредитныхъ билетовъ. Онъ доказывалъ, что повышеніе и пониженіе курса есть только относительныя выраженія, и что пока въ какой либо странѣ будутъ находиться въ обращеніи только золото и серебро, или бумаги, легко

---

* *The high price of bullion, a proof of the depreciation of Bank-notes.* — Сочиненіе это, въ настоящее время весьма рѣдкое, должно отнести къ числу замѣчательнѣйшихъ матерьяловъ для политической экономіи по своей простотѣ и практической точности.

Прим. автора.

Оно переведено Фонтейро на французскій языкъ, и помѣщено въ томѣ *Collection des économistes* Гильомена, заключающемъ *Полное собраніе сочиненій Рикардо.* Фран. издат.

размѣнивающіяся на звонкую монету, до тѣхъ поръ нѣтъ возможности денежному курсу стоять выше или ниже курса другихъ странъ на сумму, высшую противъ той, которая необходима для расходовъ по ввозу звонкой монеты или слитковъ, въ случаѣ недостаточнаго ихъ количества, или для расходовъ по вывозу монетнаго излишка, въ случаѣ ихъ особеннаго изобилія. Но, если страна выпускаетъ кредитные билеты необмѣнимые, какъ это случилось въ то время съ Англіей, то бумажныя деньги не могутъ быть вывозимы, въ случаѣ переполненія ими рынка, а потому, какъ только заграничный вексельный курсъ понижается, или цѣна слитковъ подымается выше стоимости звонкой монеты на сумму, необходимую для расходовъ по вывозу ея, то становится очевиднымъ, что кредитныхъ билетовъ выпущено слишкомъ много, и что ихъ цѣна упала соотвѣтственно съ излишнимъ ихъ выпускомъ. Благодаря Рикардо, назначенъ былъ особый комитетъ для изслѣдованія этого вопроса, а предложенныя имъ мѣры для отстраненія зла, сначала отвергнутыя, вслѣдствіе невѣжества или недоброжелательства, впослѣдствіи были приняты при всеобщемъ одобреніи страны и всѣхъ просвѣщенныхъ защитниковъ истины.

При этомъ случаѣ авторъ предложилъ особенную банковую систему, по которой билеты обмѣнивались бы не на металлическія деньги, а на слитки. Безопасность владѣльцевъ билетовъ связывалась такимъ образомъ съ безопасностью самихъ банковъ. Послѣдніе были бы вынуждены ограничить выпускъ своихъ билетовъ, чтобы не быть обязанными увеличить ихъ обезпеченія слитками; а какъ слитки не могли обращаться наравнѣ съ монетой, то банки подвергались меньшимъ требованіямъ размѣна. Нельзя было придумать болѣе остроумной системы, такъ какъ она представляла всѣ выгоды кредита, отстраняя всѣ его неудобства, и всю надежность золотой монеты, отстраняя всѣ расходы на ея приготовленіе: вѣроятно, система эта когда нибудь будетъ испробована не въ одной только странѣ съ полнымъ успѣхомъ *.

* Этотъ проектъ изложенъ Рикардо въ сочиненіи: *Proposals for an economical and secure Currency.* London, 1816.

Главное сочиненіе Рикардо, *Основанія политической экономіи и налога*, изданное въ 1817 году, произвело въ экономическомъ мірѣ самое глубокое впечатлѣніе, и вызвало самые разнообразные толки. Одни изъ писателей приняли его за лучшее изъ сочиненій, появившихся послѣ Адама Смита, другіе упрекали автора въ томъ, что онъ бросилъ политическую экономію въ отвлеченности, и переполнилъ ее алгебраическими формулами. Будучи простымъ историкомъ и не желая снова подымать уже истощенные споры, я ограничусь только указаніемъ основныхъ положеній этого сочиненія. Рикардо доказываетъ въ немъ, что доходъ нисколько не зависитъ отъ расходовъ на производство; что возвышеніе заработной платы понижаетъ прибыль, а не цѣну продовольствія, и что пониженіе заработной платы производитъ повышеніе прибыли, а не пониженіе цѣны хлѣба. Доказавъ, что колебаніе величины прибыли находится въ обратномъ отношеніи съ колебаніемъ заработной платы, онъ старался доискаться условій, опредѣляющихъ величину заработной платы, а слѣдовательно, и самой прибыли. По его мнѣнію, они заключались въ расходахъ на производство предметовъ, необходимыхъ для потребленія работниковъ. Какъ бы высока ни была цѣна этихъ предметовъ, очевидно, что работнику никакъ не обойтись безъ опредѣленнаго ихъ количества, достаточнаго для существованія его самого и его семейства. Но, такъ какъ сырые матерьялы неизбѣжно должны составлять главную часть предметовъ, необходимыхъ для существованія работника, и такъ какъ цѣна ихъ постоянно стремится къ повышенію, по причинѣ все уменьшающагося плодородія участковъ, къ которымъ приходится обращаться въ цивилизованныхъ обществахъ, то изъ этого и слѣдуетъ, что заработная плата тоже должна постоянно стремиться къ повышенію, а прибыль къ пониженію, по мѣрѣ увеличенія въ обществѣ богатства и народонаселенія*. Короче, все ученіе Рикардо о поземельной рентѣ приводится къ положенію, что доходъ, получаемый по-

---

* *Notices sur la vie et les ouvrages de Ricardo* par Constancio, переводчика Рикардо на французскій языкъ.

земельнымъ собственникамъ съ принадлежащей ему земли, то есть, плата, вносимая ему фермеромъ, представляетъ только излишекъ того, что̀, при равныхъ расходахъ на обработку, производитъ его земля, сравнительно съ доходами самыхъ безплодныхъ участковъ, воздѣлывающихся въ той же странѣ.

Это мнѣніе, самымъ замѣчательнымъ образомъ развитое, вызвало энергическое возраженіе со стороны Мальтуса и Ж. Б. Сэя; хотя они сами, только другими путями, дошли оба до тѣхъ же самыхъ выводовъ: только противники Рикардо доказывали, что если обрабатывались плохіе участки, то потребности общества и цѣны, которыя оно могло дать за хлѣбъ, обусловливаютъ доходъ, доставляемый участками, болѣе плодородными или пользующимися болѣе выгоднымъ положеніемъ. Но доказывать, что плохіе участки обусловливаютъ доходъ, доставляемый хорошими, значитъ допускать, другими только словами, уже извѣстную истину, что расходы на производство не обусловливаютъ цѣны произведеній, но что цѣна эта обусловливается потребностями, которыя могутъ быть удовлетворены этими произведеніями *. Итакъ, споръ, возникшій по этому поводу былъ только споромъ о словахъ; тѣмъ неменѣе, Рикардо удалось такъ прекрасно объяснить въ своей книгѣ истинное дѣйствіе налоговъ на доходъ, прибыль, заработную плату и на цѣну хлѣба, что даже не соглашаясь съ его теоріей, нельзя не признать, что онъ пролилъ много свѣту на эту трудную часть науки. Жаль только, что этотъ писатель часто вдавался въ смѣлыя предположенія, съ цѣлью вывести изъ нихъ отвлеченныя слѣдствія, вовсе неприложимыя на практикѣ: подобно механику, который, при оцѣнкѣ дѣйствія машинъ, вздумалъ бы исключить изъ своихъ соображеній треніе и свойства матерьяловъ, изъ которыхъ онѣ построены. Рикардо былъ пристрастенъ къ обобщеніямъ; онъ нерѣдко вдавался, такъ сказать, въ политико-экономическую метафизику, переполнивъ ее сухими аргументами и формулами, въ которыхъ обвиняютъ эту науку и отъ которыхъ она много пострадала. Такимъ образомъ, «желая

* J. B. Say, *Traité d'économie politique*, т. II, ст. 358.

разширить ея границы, говорилъ Ж. Б. Сэй, кончили тѣмъ, что лишили ее прочной опоры *.»

По нашему мнѣнію, главный упрекъ, который можно сдѣлать Рикардо, заключается въ томъ, что онъ слишкомъ отвлеченно и безусловно смотрѣлъ на богатство, не обращая вниманія на судьбу работниковъ, содѣйствующихъ его образованію. Его интересовало гораздо болѣе коллективное могущество всѣхъ народовъ, чѣмъ личное благосостояніе каждаго гражданина; его строгая логика принимала людей, за простое орудіе производства, а не за существа, одаренныя чувствительностью. На первый взглядъ, книга его подкупаетъ своей догматической и строго опредѣленной формой. Онъ разсматриваетъ въ ней вопросы человѣчества по методу ученыхъ, основавшихъ теорію химическихъ сочетаній, увѣренныхъ, что послѣ анализа полученной соли, они найдутъ въ ней тѣ же количества кислоты и основанія, какія соединены были ими синтетически. Онъ придерживался мнѣнія, что для покрытія расходовъ открывающейся войны, необходимо увеличить соразмѣрно имъ налоги, и полагалъ, что лучшимъ и практическимъ средствомъ для покрытія государственнаго долга было бы разложеніе его на существующіе капиталы **. Послѣ Адама Смита, это былъ писатель, безспорно отличавшійся болѣе всѣхъ другихъ новыми воззрѣніями въ политической экономіи, хотя пережили его только тѣ изъ нихъ, которыя вызваны были болѣе строгимъ наблюденіемъ фактовъ, а не соб-

---

* «Родоначальникъ новой школы, Рикардо, говорятъ, самъ признавался, что въ Англіи неболѣе двадцати пяти человѣкъ поняли его книгу.» Сисмонди, *Nouveaux principes*, т. II, стр. 374.

Прим. автора.

** То есть, единовременнымъ сборомъ 12 процентовъ со всѣхъ частныхъ капиталовъ. Эту же мѣру предлагалъ и Пабло Пебреръ (*Hist. financ. et statist. de l'Empire Britannique*), по мнѣнію котораго достаточно было $9^1/_4$ проц. со всѣхъ частныхъ капиталовъ (которыхъ, по его вычисленіямъ, было тогда, въ 1829, въ Англіи, на сумму 5,500 мильоновъ фунт. стерлинговъ), кромѣ тѣхъ, которые были меньше 30 фун. стерл., чтобы уплатить весь государственный долгъ въ 500 мильоновъ фунтовъ.

Рус. перев.

ственными смѣлыми предположеніями автора. Его послѣднее сочиненіе, о земледѣліи *, отличается самыми глубокими изслѣдованіями о вліяніи цѣны хлѣба на прибыль и заработную плату и о дѣйствіи налоговъ на земледѣліе и фабрики. Одного этого труда было бы достаточно, чтобы обезпечить за авторомъ одно изъ первыхъ мѣстъ между политико-экономическими писателями.

При такихъ достоинствахъ, несмотря на его недостатки, Рикардо естественно долженъ былъ образовать школу: и дѣйствительно, эта школа считаетъ въ своихъ рядахъ уже не одного знаменитаго послѣдователя, между которыми слѣдуетъ назвать Джемса Милля, Торренса и Макъ-Куллоха. Джемсъ Милль, недавно утраченный наукой, особенно извѣстенъ своею превосходною исторіею Британской Индіи; онъ оставилъ элементарное руководство для изученія политической экономіи, напоминающее нѣсколько своею неясностью самого родоначальника школы, и вкратцѣ излагающее все его ученіе, какъ сочиненія Юстина—потерянныя главы Тита-Ливія. Торренсъ въ своемъ *Опытѣ о производствѣ богатствъ* замѣтнѣе отклоняется отъ направленія этой школы, и принимаетъ воззрѣнія своего знаменитаго соотечественника неиначе, какъ съ значительными оговорками. Писатель этотъ принадлежитъ вообще къ эклектической школѣ; онъ не придаетъ спору о словахъ того преувеличеннаго значенія, которое столько времени раздѣляло экономистовъ, и прекрасно объяснилъ, какимъ образомъ большинство ихъ согласилось между собою относительно основныхъ началъ науки. Напечатанное имъ въ 1834 сочиненіе *О заработной платѣ и стачкахъ*, проникнутое глубокимъ сочувствіемъ къ рабочимъ классамъ, можетъ быть полезнымъ для изученія вопроса о машинахъ и о причинахъ колебанія заработной платы въ мануфактурныхъ странахъ. Подобно Рикардо, онъ сильно нападалъ на хлѣб-

---

* Оно озаглавлено: *Protection to agriculture*. Брошюра эта заключаетъ около ста страницъ, но по логикѣ и глубинѣ анализа она представляетъ одно изъ первостепенныхъ сочиненій по политической экономіи. Прим. автора.

ные законы, съ безпристрастіемъ, дѣлающимъ ему честь, какъ крупному поземельному собственнику.

Макъ-Куллоху принадлежитъ честь популяризаціи воззрѣній Рикардо, видоизмѣнныхъ положительнымъ практическимъ направленіемъ его замѣчательнаго послѣдователя. Онъ началъ превосходнымъ изданіемъ Адама Смита съ своими примѣчаніями; ему приходилось, стало быть, скорѣе, чѣмъ всякому другому, познакомить публику съ ученіемъ Рикардо, и объяснить менѣе отвлеченными изслѣдованіями труды этого знаменитаго экономиста. Къ сожалѣнію, Макъ-Куллокъ принялъ, повидимому, безусловныя воззрѣнія неумолимой мануфактурной системы, состоящей въ поощреніи производства во что бы то ни стало, не обращая вниманія на производителя, если не изъ равнодушія къ человѣчеству, то по крайней мѣрѣ изъ строгой послѣдовательности разъ принятымъ принципамъ. Тукъ, болѣе вѣрный опытному методу Адама Смита *, не вдавался въ безполезныя мелочи, которымъ придавали такое значеніе его предшественники, какъ спорное опредѣленіе словъ: *цѣнность*, *полезность*, *богатство*, истинный и примѣнимый смыслъ которыхъ давно всѣми признанъ. Какъ человѣкъ практическій и опытный купецъ, онъ обращался къ экономическимъ теоріямъ, считающимся по преимуществу неоспоримыми, и непосредственно прилагалъ ихъ къ промышленнымъ вопросамъ, подобно Макъ-Куллоху, который такъ искусно примѣнялъ статистику къ политической экономіи **. Такимъ образомъ, не пропуская ни одного удобнаго случая извлечь изъ науки пользу, англійскіе экономисты не только содѣйствовали ея распространенію по всѣмъ классамъ общества,

---

* Лучшими его сочиненіями считаются: *Мысли и разсужденія о цѣнахъ тридцати послѣднихъ годовъ* (съ 1793 по 1822) (*Thoughts and details, etc.*) и *Considerations on the State of the Currency*.

** Смотри его *Словарь торговли* и его *Статистику Британской Имперіи*, гдѣ самые важные экономическіе вопросы нерѣдко разбираются имъ съ необыкновеннымъ искуствомъ, несмотря на трудности, естественно сопряженныя съ алфавитнымъ порядкомъ.

Прим. автора.

но изъ разряда утопій вывели ее на первое мѣсто между полезными знаніями.

Такимъ счастливымъ результатамъ политическая экономія была обязана въ Англіи въ особенности двумъ министрамъ: Гускиссону и Генриху Парнелю. Первый изъ этихъ государственныхъ людей, преждевременную и неожиданную потерю котораго еще до сихъ поръ оплакиваетъ наука, имѣлъ много общаго съ Тюрго. Пораженный печальными слѣдствіями запретительной системы и злоупотребленіями покровительственной, онъ рѣшился наложить смѣлую руку на эти застарѣлыя учрежденія, недостойныя нашего вѣка и пагубныя для успѣховъ цивилизаціи. Онъ одаренъ былъ способностью согласовать свои преобразовательныя наклонности съ благоразуміемъ законодателя, и потому, никогда не брался ни за одну реформу, предварительно не познакомившись самымъ основательнымъ образомъ со всѣми подробностями предстоящаго дѣла, и не подвергнувъ его самому всестороннему обсужденію. Политическая экономія дожила бы до самыхъ счастливыхъ и славныхъ дней, еслибы этотъ мужественный и краснорѣчивый дѣятель прожилъ достаточно времени для окончательнаго приведенія въ исполненіе предпринятыхъ имъ реформъ *. «Когда я упоминаю о реформахъ, говорилъ онъ въ палатѣ общинъ, то подъ ними я разумѣю постепенныя, зрѣлообдуманныя улучшенія, которыя въ обществѣ старинаго и сложнаго политическаго устройства суть самое надежное предохранительное средство противъ опасныхъ и неосторожныхъ нововведеній; къ подобнаго рода измѣненіямъ всѣ мы обязаны стремиться всѣми зависящими отъ насъ средствами. Только оставаясь вѣрными этому принципу и продолжая идти по указываемому имъ пути, мы сохранимъ то почетное мѣсто, которое занимаемъ среди цивилизованныхъ народовъ. Но какими же средствами достигли мы такого положенія, соединеннаго съ такой заслуженной славой и по-

* Извѣстно, что Гускиссонъ погибъ при открытіи желѣзной дороги изъ Ливерпуля въ Манчестеръ. Вагонъ переѣхалъ ему черезъ обѣ ноги. Онъ умеръ черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого несчастія. (1830). Прим. автора.

литическимъ значеніемъ, если не тѣмъ, что шли впереди всѣхъ по этому благородному пути чести и всеобщей пользы? Мы обязаны, не останавливаясь, идти впередъ, увлекаемые воспоминаніями о нашемъ прошедшемъ, справедливымъ сознаніемъ нашего настоящаго величія, и обязательствами, налагаемыми на насъ этимъ прошедшимъ и настоящимъ, относительно поколѣній, которыя должны занять наше мѣсто. Развитіе нашей страны не можетъ остановиться, пока внѣ парламента будетъ существовать свободная печать, въ которой соединяются въ одно цѣлое всѣ оттѣнки общественнаго мнѣнія, и пока среди самого парламента будетъ раздаваться свободное слово, руководящее и управляющее этимъ мнѣніемъ.»

Оба обстоятельства, по случаю которыхъ Гускиссону пришлось торжественно провозгласить эти принципы, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы долго на нихъ останавливаться. Достаточно упомянуть, что въ одномъ случаѣ дѣло шло о допущеніи иностранныхъ шелковыхъ матерій, а въ другомъ—объ измѣненіи законовъ относительно мореплаванія, столь стѣснительныхъ со времени знаменитаго акта Кромвеля. Противъ министра немедленно же раздались самыя жаркія возраженія со стороны шелковыхъ фабрикантовъ и судостроителей, вообразившихъ, что министръ имѣлъ въ виду предоставить національную промышленность на жертву иностранной конкуренціи. Гускиссона не смутила ни на минуту эта двойная гроза; заставивъ своихъ противниковъ опровергать другъ друга, и противупоставивъ жалобамъ однихъ встрѣчныя жалобы другихъ, онъ достигъ самаго полнаго успѣха, какой только можетъ льстить самолюбію государственнаго человѣка—предложенія его были приняты безъ всякихъ измѣненій. Нѣсколько лѣтъ спустя, опасенія его противниковъ были блистательно опровергнуты: англійскія шелковыя фабрики нетолько не погибли отъ иностранной конкуренціи, но увеличились и усовершенствовались до того, что могли побѣдоносно бороться съ ней; что же касается до мореплаванія, то успѣхи его далеко превзошли самыя преувеличенныя надежды. Нѣкоторые просители, изъ притворной боязни развитія торговаго флота Пруссіи, вслѣдствіе учрежденія Таможеннаго Союза, центромъ

котораго становилось тогда это государство, предлагали прибѣгнуть къ *пушкѣ*, чтобы заставить признать за Великобританіей ея исконную монополію. Я твердо увѣренъ, отвѣчалъ имъ Гускиссонъ, что не буду участвовать въ правительствѣ Англіи въ тотъ день, когда будетъ имъ принятъ принципъ, что для сильныхъ существуютъ одни, а для слабыхъ другіе законы независимости и самостоятельности, и когда Англія, опираясь на свое морское превосходство, потребуетъ для себя, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, такихъ морскихъ правъ, которыя она не захочетъ признать за прочими государствами при такихъ же обстоятельствахъ. Подобныя притязанія вызвали бы коалицію всѣхъ народовъ міра для противудѣйствія имъ.

Таковы были экономическія и политическія убѣжденія Гускиссона впродолженіи его короткой министерской дѣятельности. Они и послѣ его смерти не переставали служить руководительнымъ началомъ для британскаго правительства; медленность же, съ которою они принимались цивилизованными государствами, должна быть приписана гораздо болѣе противудѣйствію имъ частныхъ интересовъ, чѣмъ нежеланію самихъ правительствъ. Въ настоящее время всѣ лучшіе умы вполнѣ убѣждены въ благотворномъ дѣйствіи пониженія таможенныхъ пошлинъ, а просвѣщеннѣйшія правительства постоянно готовы предупредить въ этомъ отношеніи желанія своихъ подданныхъ. Гускиссонъ нашелъ себѣ достойнаго преемника въ Генрихѣ Парнелѣ. Этотъ писатель пересмотрѣлъ всю экономическую систему Англіи въ сочиненіи *О финансовой реформѣ Англіи* *, въ которомъ содержатся зародыши всѣхъ улучшеній, какія только возможны въ англійскомъ законодательствѣ, относительно финансовъ, таможенъ и интересовъ торговли. Трудъ этотъ можетъ служить программой для правительствъ, искренно желающихъ искоренить злоупотребленія благоразумными и постепенными реформами. Авторъ группируетъ въ немъ всѣ факты по каждому отдѣльному

---

* *Трактатъ о финансовой реформѣ въ Англіи* переведенъ на французскій языкъ Бенжаменомъ Ларошемъ. Прим. автора.

вопросу, и неудобства, связанныя съ сохраненіемъ существующаго порядка вещей, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ послѣдній противурѣчитъ, по его мнѣнію, всеобщимъ выгодамъ. По вопросамъ, касающимся торговой свободы, онъ оказывается смѣлѣе Гускиссона, и никто не подтвердилъ необходимость этой свободы болѣе убѣдительными доказательствами и болѣе сильными аргументами. Сэръ Генрихъ Парнель до послѣдней степени очевидности показалъ выгоды уменьшенія таможенныхъ пошлинъ, какъ на сырые матерьялы, такъ и на обработанныя произведенія. Онъ открылъ наукѣ новую эру, приложивъ къ каждому экономическому вопросу особенную систему для примѣненія, которая позволяетъ рѣшать ихъ въ самомъ близкомъ будущемъ. Два англійскіе публициста, принадлежащіе къ той же школѣ, Уэдъ и Паулетъ Скропъ, обнародовали въ 1833 году по небольшому популярному сочиненію о политической экономіи, предназначенному для рабочихъ классовъ. Къ сочиненію Уэда приложенъ краткій историческій обзоръ положенія работниковъ, въ которомъ авторъ чрезвычайно удачно разбираетъ вопросы о заработной платѣ, пауперизмѣ, хлѣбныхъ законахъ и о вліяніи образованія на народныя массы. Паулетъ Скропъ объявляетъ себя безусловнымъ противникъ Мальтуса въ вопросѣ о народонаселеніи, и съ неменьшимъ дарованіемъ изслѣдуетъ явленія распредѣленія богатствъ. Книга его принадлежитъ къ разряду сочиненій, въ которыхъ лучше всего излагаются причины общественной и частной бѣдности, а также пагубное вліяніе стѣсненій на обмѣнъ. Свое сочиненіе онъ заключаетъ слѣдующими словами: «Благосостояніе человѣческаго рода, при содѣйствіи предусмотрительности, можетъ безъ труда идти рука объ руку съ размноженіемъ населенія и даже опережать его.» Ученіе Уэда и Скропа существенно отличается отъ обнародованной почти въ то же самое время доктрины въ сочиненіяхъ Беббеджа и доктора Эра о мануфактурномъ хозяйствѣ. Книга Беббеджа представляетъ неболѣе какъ рядъ весьма остроумныхъ воззрѣній на раздѣленіе труда и на употребленіе машинъ; напротивъ того, сочиненіе доктора Эра представляетъ хвалебный гимнъ въ честь мануфактурной сис-

темы, которую авторъ объявляетъ болѣе всего благопріятной для облегченія рабочихъ классовъ. Беббеджъ полагалъ, по крайней мѣрѣ, что фабрикантамъ много еще предстоитъ сдѣлать, чтобы вполнѣ воспользоваться промышленными открытіями и улучшить нравственное состояніе работниковъ; докторъ Эръ, горячій поборникъ обширныхъ мануфактурныхъ предпріятій, преднамѣренно скрываетъ сопровождающія ихъ неудобства, и смотритъ на нихъ, какъ на послѣднее слово цивилизаціи. Таковъ господствующій характеръ англійской экономической школы, которую весьма основательно упрекаютъ въ томъ, что она, несмотря на суровыя предостереженія налога въ пользу бѣдныхъ, и періодическіе кризисы, уже сорокъ лѣтъ обрушивающіеся на страну, не обращаетъ должнаго вниманія на затрудненія, неразрывно связанныя съ мануфактурной системой. Когда вспомнишь, что тысячи чахнущихъ дѣтей и развращенныхъ дѣвочекъ доставляются англійскими фабриками, то становится какъ то странно встрѣтить въ сочиненіи, озаглавленномъ *Философія мануфактуръ*, подобныя слова: «Дѣти, работающія на дому, сидятъ цѣлый день въ заперти вмѣстѣ съ своими родителями; они не знаютъ ни людей, ни окружающихъ ихъ предметовъ. Вслѣдствіе этого, они проникаются однимъ только чувствомъ, — эгоизмомъ*.» Дѣло въ томъ, что англійская школа всегда смотрѣла на производство богатствъ, только какъ на главный элементъ національнаго могущества, а экономисты этой школы слишкомъ привыкли смотрѣть на работника, какъ на простое орудіе производства. Изъ груди ихъ едва вылетаетъ крикъ состраданія при видѣ больницъ и тюремъ, переполненныхъ несчастными жертвами нашего общественнаго неравенства. Они глухи къ ихъ воплямъ и ослѣплены обаяніемъ цивилизаціи, нисколько не помышляя о томъ, что это блистательное сооруженіе скрѣпляется плачемъ и слезами, и не заботясь о томъ, опирается ли оно на такой прочный фундаментъ, чтобы не опасаться никакихъ потрясеній. Къ счастію, Франція взялась за обычную свою роль защитницы правъ человѣчества, и между

---

* *Philosophie des manufactures*, par le docteur Ure, ч. 3, гл. III.

тѣмъ какъ Великобританія идетъ гигантскими шагами въ развитіи своей промышленности, наши писатели стараются воротить Францію къ священнымъ принципамъ справедливаго распредѣленія прибыли, доставляемой трудомъ. Мы вступаемъ въ соціальный періодъ исторіи политической экономіи.

ГЛАВА XLI.

Соціальные экономисты французской школы.—*Новыя начала* политической экономіи Сисмонди.—*Новый трактатъ общественной экономіи* Дюнойе.—*Христіанская политическая экономія* Вильнева-Баржемона.—*Трактатъ о законодательствѣ* Ш. Конта.—*Политическая экономія* Дроза.

Теоріи Адама Смита, Мальтуса и англійской промышленной школы уже значительное время безусловно господствовали въ Европѣ, когда Сисмонди сдѣлалъ первое серьезное нападеніе на злоупотребленія ими, не отвергая, впрочемъ, того, что̀ было въ нихъ несомнѣннаго и прочнаго *. Пораженный противуположностью между необыкновеннымъ богатствомъ и крайнею бѣдностью, которыя онъ встрѣтилъ въ Англіи, удивленный тѣмъ, что всѣ почти промышленныя улучшенія обращаются въ исключительныя выгоды нѣсколькихъ людей, безъ всякой пользы для общества, онъ старался отыскать причины такой аномаліи, и ему показалось, что онѣ лежатъ въ самой организаціи труда, вовсе неприспособленной, по его мнѣнію, къ общимъ потребностямъ рабочаго класса. «Мнѣ хотѣлось доказать, говоритъ онъ, что увеличеніе производства только тогда благопріятно для общества, когда за нимъ слѣдуетъ соразмѣрное увеличеніе потребленія; и что въ то же самое время экономія во всѣхъ средствахъ производства тогда только можетъ быть выгодна для общества, когда каждый человѣкъ, принимающій участіе въ производствѣ, продолжаетъ получать

---

* Это подтверждается его первымъ сочиненіемъ: *De la richesse commerciale*, появившемся въ одинъ годъ (1803) съ *Трактатомъ* Сэя. Прим. автора.

отъ своего труда доходъ, равный тому, который онъ получалъ до введенія этой экономіи: а этого онъ можетъ достигнуть только при продажѣ бо̀льшаго количества своихъ произведеній.

Разсматривая съ этой новой и смѣлой точки зрѣнія организацію труда въ европейскихъ обществахъ, Сисмонди, неизбѣжно встрѣтился съ великими вопросами о конкуренціи, запрещеніяхъ, банкахъ и народонаселеніи. Конкуренція между работниками, по его мнѣнію, должна съ каждымъ днемъ понижать все болѣе и болѣе заработную плату, между тѣмъ какъ машины, доставляемыя банками, должны постепенно уменьшать требованіе на трудъ. Вслѣдствіе этого, несомнѣнно производилась бо̀льшая масса богатствъ; но доходъ рабочихъ классовъ нисколько не увеличивался, а потому, и средства для ихъ существованія становились недостаточными; отсюда вытекали всѣ бѣдствія, угнетающія человѣчество въ цивилизованныхъ странахъ; такимъ образомъ, Сисмонди видитъ необходимость принять теоріи Мальтуса, если не какъ роковую неизбѣжность, то какъ естественное слѣдствіе существующей несовершенной организаціи труда. Такъ какъ общественное благосостояніе, по его мнѣнію, тѣсно связано съ строгимъ равновѣсіемъ между народонаселеніемъ и его доходомъ, между тѣмъ какъ доходъ работниковъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе уменьшается, вслѣдствіе возрастающей конкуренціи и введенія машинъ, то общество необходимо должно прійти къ тѣмъ катастрофамъ, признаки которыхъ уже всюду обнаруживаются. Ихъ можно встрѣтить всюду: внутри государствъ — въ конкуренціи, съ неизбѣжными и позорными ея спутниками, пониженіемъ заработной платы, торговыми мошенничествами, дурнымъ качествомъ товаровъ; внѣ государствъ—въ таможенныхъ войнахъ, контрабандѣ и во всѣхъ сопровождающихъ ее преступленіяхъ.

Это новое направленіе промышленности — одерживать побѣду огромными сосредоточенными силами, и безплодная борьба рабочихъ противъ капиталовъ, внушили Сисмонди много краснорѣчивыхъ страницъ. Съ ужасомъ отступаетъ онъ предъ банками, доставляющими новое оружіе уже и безъ того

всесильнымъ промышленнымъ предпринимателямъ. Еслибы еще эти эфемерныя созданія для усиленія производства приносили хоть какую нибудь пользу многочисленному населенію работниковъ! Но нѣтъ, банки только усиливаютъ существующія уже средства для ухудшенія положенія работниковъ; они размножаютъ машины, понижаютъ поденную плату, и, предоставляя производству безграничное поприще, они облегчаютъ то пагубное переполненіе рынковъ, которое вызываетъ торговые кризисы и погибель фабрикъ. Въ настоящее время все искуство заключается въ умѣньи продавать какъ только можно дешевле; считается дѣломъ патріотическимъ разореніе иностранныхъ фабрикъ, хотя и свои, національныя, щадятся столько же. Существующія машины замѣняются болѣе производительными, хотя содержаніе ихъ обходится несравненно дороже; достигли пониженія цѣнъ за наемъ строеній, капиталовъ, ренты собственника. Ежегодное производство въ сотню тысячъ франковъ, усиленное до мильона, губитъ девять соперничествующихъ съ нимъ фабрикъ; новыя машины уничтожаютъ капиталъ, вложенный въ прежнія. Доходъ всего общества понижается отъ уменьшенія денежнаго процента за ссуду, отъ уменьшенія прибыли, доставляемой предпріятіемъ, отъ потери наемной платы всѣхъ фабричныхъ заведеній, отъ уменьшенія всего числа рабочихъ и заработной платы каждаго. Поэтому, и потребленіе всѣхъ этихъ классовъ тоже уменьшается; и между тѣмъ какъ фабрикантъ употребляетъ всѣ свои усилія, чтобы увеличить количество и улучшить качество продаваемыхъ имъ тканей, онъ въ то же самое время, неменѣе дѣятельно трудится надъ уменьшеніемъ числа тѣхъ или другихъ покупателей, и заставляетъ всѣхъ обѣднѣвшихъ теперь людей дольше носить свое платье, и довольствоваться все болѣе и болѣе грубыми качествами ткани *.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Сисмонди, соперничества личныхъ интересовъ, столь превозносимаго англійскою школою, вовсе недостаточно для достиженія наибольшаго общаго блага

---

* Статья *Du revenu social (объ общественномъ доходѣ)*, въ *Revue d'économie politique*, т. IV, стр. 220.

для всѣхъ, потому что, подъ вліяніемъ этого соперничества, ежедневно возникаютъ самыя серьезныя затрудненія и самыя вопіющія несправедливости. Мальтусъ былъ правъ, совѣтуя предусмотрительность всѣмъ несчастнымъ, предназначеннымъ заранѣе на жертву промышленной конкуренціи; а наши отцы вовсе не были такъ глупы, когда сковывали цеховымъ присяжничествомъ и корпоративной организаціей ремеслъ то роковое излишество производства, которое превратило цѣлый міръ въ поле битвы, гдѣ въ неравной борьбѣ крупные предприниматели пожираютъ мелкихъ. При такой системѣ, браки предупреждались по крайней мѣрѣ естественной уздой; одни и тѣ же препятствія противуполагались, какъ размноженію людей, такъ и размноженію произведеній; въ однѣхъ и тѣхъ же благоразумныхъ границахъ поддерживалась, какъ конкуренція между работниками, такъ и конкуренція между товарами. Самый важный недостатокъ настоящаго общественнаго устройства заключается въ томъ, что бѣдный никогда не можетъ знать, на какой спросъ труда онъ можетъ разсчитывать, такъ что его способность къ труду вовсе не представляетъ для него опредѣленнаго и надежнаго дохода. Такова, въ сущности, доктрина, изложенная Сисмонди въ его *Nouveaux principes d'économie politique (Новыя основанія политической экономіи)*, и развитая съ необыкновеннымъ дарованіемъ, которому, тѣмъ неменѣе, не удалось заслонить парадоксальной стороны его ученія.

Мы охотно соглашаемся съ тѣмъ, что семейство, получающее въ годъ тысячу франковъ дохода, не можетъ истратить болѣе тысячи франковъ, какова бы ни была цѣна необходимыхъ для него товаровъ. Но, если оно покупаетъ на эту тысячу франковъ больше предметовъ, чѣмъ сколько покупало ихъ до пониженія стоимости ихъ производства, то въ дѣйствительности, оно будетъ пользоваться бо̀льшимъ довольствомъ; оно будетъ покупать больше товаровъ, и вызоветъ большее требованіе на трудъ. Если, напримѣръ, понизится цѣна сахара, (по какой бы то ни было причинѣ, вслѣдствіе ли успѣховъ искуства, или вслѣдствіе какого либо открытія въ природѣ), то часть дохода, употреблявшаяся до этого на

покупку сахара, можетъ быть теперь употреблена на покупку другихъ предметовъ и, слѣдовательно, окажетъ содѣйствіе, или новымъ отраслямъ промышленности, или развитію уже существующихъ. Еслибы успѣхи фабрикъ, усовершенствованіе машинъ и оживленіе труда банками были дѣйствительными бичами общества, то какъ же объяснить послѣ этого прогресивное развитіе общественнаго благосостоянія и распространеніе довольства между самыми послѣдними классами работниковъ? Не справедливѣе ли будетъ согласиться, что всѣ сбереженія, дѣлаемыя въ расходахъ по производству, суть новыя промышленныя завоеванія, которыми пользуется все общество, слишкомъ, правда, неравномѣрно, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно? Сисмонди позволилъ себѣ увлечься простой и заманчивой идеей, подобно тому, какъ увлекся Мальтусъ, когда онъ объявилъ свой пресловутый принципъ народонаселенія: онъ вообразилъ, что открылъ настоящій законъ общественнаго благосостоянія въ своей теоріи соціальнаго дохода. Но, сказать по правдѣ, знаменитый экономистъ открылъ только одну изъ язвъ доведеннаго до крайней степени индустріализма. Пораженный ужасомъ при видѣ злоупотребленій, порождаемыхъ промышленной силой, онъ напалъ на самую силу, и обвинилъ ее во всѣхъ бѣдствіяхъ современнаго общества; а представивъ въ самыхъ патетическихъ чертахъ страданія рабочихъ классовъ, онъ вынужденъ былъ сознаться въ своемъ безсиліи помочь имъ.

Его великолѣпное сочиненіе кончается крикомъ отчаянія: «Я долженъ сознаться, говоритъ онъ, что указавъ, въ чемъ заключается принципъ, въ чемъ состоитъ справедливость, я не въ силахъ указать средства для ихъ исполненія; современный способъ распредѣленія прибыли, доставляемой трудомъ, между тѣми, которые принимаютъ участіе въ созданіи ея, по моему мнѣнію, несостоятеленъ; *но мнѣ кажется дѣломъ, превышающимъ человѣческія силы*, придумать совершенно иныя основанія для собственности, чѣмъ тѣ, которыя мы знаемъ изъ опыта.» И дѣйствительно, Сисмонди прекрасно доказалъ, что воздѣлываніе тропическихъ произведеній гнусно и гибельно для невольниковъ; но онъ ничего не предложилъ

для рѣшенія великаго вопроса объ освобожденіи негровъ, что̀ не оказалось бы вреднымъ для самаго ихъ существованія и для собственной ихъ безопасности. Онъ съ замѣчательнымъ искуствомъ и съ полнымъ знаніемъ дѣла указалъ на злоупотребленія кредитными билетами и вообще на опасности, сопровождающія употребленіе бумажныхъ денегъ; но въ его сочиненіи не встрѣчается ни одного средства пособить этимъ неудобствамъ. Мы знаемъ только, что дѣло идетъ о сильной паровой машинѣ, которая взрывомъ своимъ можетъ погубить множество жертвъ; но авторъ ни слова не говоритъ о предохранительныхъ клапанахъ, такъ что приходится сдѣлать заключеніе, что слѣдовало бы отказатся совѣмъ отъ употребленія машины, во избѣжаніе тѣхъ опасностей, которыми грозитъ она. Механическія усовершенствованія возбуждали въ немъ страшныя опасенія, а нерѣдко даже и гнѣвъ. Но онъ не представилъ ни одной серьезной практической мѣры для облегченія бѣдствій, свойственныхъ тѣмъ переходнымъ эпохамъ и продолжительнымъ остановкамъ, которыя ставятъ цѣлые народы въ безвыходное положеніе. Общественныя раны, пораждаемыя временемъ и нравами, медленно образующіяся, но еще медленнѣе излечивающіяся, дѣйствительно существуютъ; но если мы станемъ надъ ними изливаться въ краснорѣчивыхъ іереміадахъ, то отъ этого онѣ вовсе не исчезнутъ сами собою. Конечно, не всѣ же капиталисты люди безъ сердца, какъ не всѣ работники—люди непредусмотрительные; а все же, сколько заключается преждевременныхъ браковъ! сколько рождается дѣтей, которымъ не слѣдовало бы родиться! сколько жатвъ уничтожается бурями! сколько внезапныхъ войнъ, неожиданныхъ торговыхъ кризизовъ! Вотъ чѣмъ ежеминутно возмущаются разсчеты экономистовъ и государственныхъ людей. Это—болѣзни, сопутствующія росту, но *не останавливающія* его.

Сисмонди былъ историкомъ печальной и преходящей стороны новѣйшаго промышленнаго развитія. Ни одинъ писатель не выказалъ до него такого горячаго и благороднаго сочувствія къ рабочимъ классамъ; никто такъ энергически не клеймилъ эгоизма богатыхъ и нерадѣніе людей, обязанныхъ

заботиться объ интересахъ большинства. Его книга есть лучшее критическое сочиненіе по политической экономіи, но еще лучшимъ сочиненіемъ будетъ то, которое опровергнетъ ее. Достаточно одного поверхностнаго взгляда на окружающія насъ явленія, чтобы доказать, что настоящее положеніе рабочихъ классовъ несравненно лучше того, въ какомъ они находились до открытія великихъ машинъ новѣйшаго производства. Работники, трудъ которыхъ хуже всего оплачивается, косвеннымъ образомъ участвуютъ въ благодѣяніяхъ цивилизаціи; они ходятъ по болѣе чистымъ и лучше освѣщеннымъ улицамъ; они пользуются даровымъ элементарнымъ обученіемъ; они переѣжаютъ съ мѣста на мѣсто съ бо̀льшимъ удобствомъ и дешевле, чѣмъ ихъ предшественники; словомъ, если не богатство, то по крайней мѣрѣ довольство съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе проникаетъ въ тѣ многочисленные классы, которые никогда не узнали бы его безъ усовершенствованія машинъ. Главный недостатокъ метода Сисмонди заключается въ неумѣренномъ стремленіи его къ обобщеніямъ, которымъ зараженъ былъ и Рикардо, знаменитѣйшій изъ его противниковъ. Онъ не щадитъ ничего; онъ идетъ прямо къ предположенной цѣли, и нерѣдко выводитъ преувеличенныя слѣдствія изъ самаго вѣрнаго принципа. Злоупотребленія банками въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, въ которыхъ они служатъ для обогащенія однихъ богатыхъ и для размноженія машинъ, не обращая вниманія на то, возможенъ ли будетъ сбытъ изготовляемыхъ ими произведеній, казались ему достаточными для оправданія проклятій, которыми онъ преслѣдуетъ это драгоцѣнное орудіе для общественнаго обогащенія. «Капиталы, говоритъ онъ, такъ легко получаемые при содѣйствіи кредита, побуждаютъ на самыя рискованныя предпріятія, предъ которыми люди остановились бы, еслибы имъ пришлось подвергать опасности свои собственныя деньги.» Это несомнѣнная правда; но развѣ изъ этого можно вывести необходимость уничтоженія банковъ? Что касается до машинъ, Сисмонди не отступаетъ отъ строгой послѣдовательности своей системы. Онъ незадумываясь объявляетъ, что всякое новое промышленное усовершенствованіе было бы національнымъ

зломъ, ибо число потребителей не можетъ уже увеличиться, по его мнѣнію, а число производителей необходимо должно будетъ уменьшиться вслѣдствіе введенія новыхъ машинъ. Онъ спрашиваетъ, что̀ сталось бы съ Англіей, еслибы она управлялась королемъ, который, при содѣйствіи огромнаго привода, самъ исполнялъ бы всѣ работы своихъ подданныхъ, умирающихъ съ голоду, потому что его всемогущественная машина лишила бы ихъ работы. На это мы съ удовольствіемъ отвѣчаемъ, что Англія была бы счастливѣйшей страной міра, еслибы она, что касается до средствъ своего существованія, могла положиться на государя, который былъ бы въ состояніи исполнить такой баснословный трудъ.

Тѣмъ неменѣе, несмотря на свой парадоксальный характеръ, ученіе Сисмонди имѣло огромное вліяніе на всю Европу. Онъ первый открылъ тайну общественныхъ бѣдствій, въ особенности сосредоточенныхъ въ мануфактурныхъ странахъ, и первый указалъ на опасность, которою угрожали банки, задолго до послѣднихъ катастрофъ, такъ жестоко подтвердившихъ его предсказанія. Благодаря ему, положеніе работника стало дѣломъ серьезнымъ и священнымъ; за нимъ было признано право на мѣсто на жизненномъ пиру, изъ котораго его хотѣли исключить мальтузіанскія теоріи; отнынѣ, развитіе богатства можетъ быть признано за истинное благо только насколько, настолько разливаемыя имъ благодѣянія распредѣляются между всѣми людьми, принимающими участіе въ его созданіи. Принципъ отысканъ; дѣло законодателя вывести изъ него слѣдствія. Важнѣйшіе промышленные и торговые вопросы уже поступили въ область парламентскихъ преній; они вскорѣ дождутся въ нихъ рѣшеній, подъ вліяніемъ новой экономической школы*, тѣхъ великодушныхъ чувствъ и съ тѣхъ возвышенныхъ взглядовъ, которые должны составлять характеристическую черту спеціальнаго приговора людей ученыхъ.

Сисмонди выказалъ много мужества, первый указавъ твердою

---

* Свидѣтельствомъ этого можетъ служить вопросъ о тюрьмахъ, о рабствѣ, о работѣ дѣтей на фабрикахъ, о великихъ сооруженіяхъ ради общественной пользы, и. т. д. Прим. автора.

рукой на опасности, представляемыя искуственной и *слѣпой* производительной системой, такъ высоко цѣнимой въ Англіи, и принятой большею частью европейскихъ экономистовъ. Если-бы для привлеченія всеобщаго сочувствія къ судьбѣ работниковъ, становищихся жертвой эгоистической и несправедливой промышленной организаціи, потребовался человѣкъ, одаренный великодушными чувствами, то онъ безъ труда отыскался бы во Франціи: но необходимо еще было объяснить скрытые недостатки господствовавшей системы; нужно было показать, какимъ образомъ увеличивается частная нищета рядомъ съ увеличеніехъ общаго богатства, и вслѣдствіе какихъ прискорбныхъ противурѣчій прибыль, доставляемая трудомъ, чаще всего сосредоточивается скорѣе въ рукахъ празднаго человѣка, чѣмъ въ рукахъ работника. Сисмонди не рѣшилъ этихъ вопросовъ, но онъ пролилъ на нихъ много свѣта, и смѣло предложилъ ихъ на судъ экономистовъ и государственныхъ людей. Съ этихъ поръ запретительныя мѣры стали проникаться совершенно другимъ характеромъ, чѣмъ тотъ, какой онѣ имѣли до этого; искуственный толчекъ, даваемый ими производству, началъ уравновѣшиваться стѣсненіями, ограничивающими размѣры потребленія. Мы уже видѣли, что работникъ, какъ потребитель, терялъ все то, что̀ хозяева покровительствуемыхъ отраслей промышленности выигрывали, какъ предприниматели. Содѣйствіе машинъ, столь могущественное и столь полезное, когда оно имѣетъ въ виду сбереженіе времени и силы людей, тотчасъ же оказалось убійственнымъ, какъ скоро доказано было, что въ результатѣ оно слишкомъ часто безжалостно губитъ великое множество жертвъ. Быть можетъ, Сисмонди, пораженный страданіями рабочихъ, столь обыкновенныхъ въ мануфактурныхъ странахъ, преувеличилъ бѣдствія, вызываемыя не одной и той же причиной; но ему на вѣчныя времена будетъ принадлежать слава за то, что онъ первый пробудилъ Европу *, и сталъ во главѣ крестоваго похода на защиту самымъ несправедливымъ образомъ

---

* См. въ особенности 12, 8 и 9 главы VII книги его *Nouveaux principes d'économie politique.*

обойденныхъ классовъ нашего общественнаго устройства. На его призывъ вскорѣ раздался могущественный голосъ сенъ-симонистовъ, на который отозвались наши города и поднялись возстанія; мрачное предзнаменованіе, которымъ не смѣетъ пренебрегать политика и къ которому не можетъ отнестись равнодушно наука!

И дѣйствительно, на великодушный призывъ Сисмонди откликнулось множество писателей. Между просвѣщеннѣйшими изъ послѣдователей его ученія Франція считаетъ автора *Économie politique chrétienne* (*Политической христіанской экономіи*), виконта Альбана де Вильнева-Баржемона, изслѣдованія котораго о пауперизмѣ сопровождались меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ какой слѣдовало бы ожидать отъ такого почтеннаго труда, только по причинѣ недостаточной обработки, такъ сказать, *терапевтической* стороны предмета. Вильневъ еще сильнѣе, чѣмъ Сисмонди, нападаетъ на мануфактурную систему. Еще болѣе яркими красками рисуетъ онъ страданія рабочихъ классовъ; но предлагаемыя имъ лекарства скорѣе принадлежатъ проповѣднику, чѣмъ экономисту и опытному государственному человѣку*. И дѣйствительно, какъ бы велики ни

* Слѣдующій отрывокъ изъ его предисловія заключаетъ, по моему мнѣнію, сущность его воззрѣній:

«Повидимому, не подлежитъ сомнѣнію, что времена монополій и притѣсненій прошли безвозвратно, и что приближается великій переломъ. Совершиться онъ можетъ только двумя способами: или насильственнымъ возстаніемъ страждущихъ рабочихъ классовъ противъ поземельныхъ собственниковъ и капиталистовъ, то есть, возвращеніемъ къ варварству; или практическимъ примѣненіемъ принциповъ справедливости, нравственности, человѣколюбія и милосердія. Всѣ усилія политическихъ дѣятелей, всѣ стремленія благородныхъ людей должны быть, поэтому, направлены къ подготовленію этого перелома путемъ убѣжденія и благоразумія. Это — очевидно новый фазисъ христіанства, призываемый цѣлымъ міромъ. *Христіанская любовь*, приложенная, наконецъ, къ политикѣ, къ законодательству, къ учрежденіямъ и нравамъ, *одна только можетъ предохранить* человѣческія общества отъ грозящихъ ему опасностей; внѣ ея, смѣло скажемъ, все — или иллюзія, или ложь.»

Сенъ-симонисты называли одно время свое ученіе *Новымъ христіанствомъ*. Такъ озаглавлено одно изъ сочиненій Сенъ-Симона.

Прим. автора.

были силы религіознаго ума, онѣ не въ состояніи залечить всѣ общественныя язвы. Одной христіанской любви недостаточно для удовлетворенія всѣхъ матерьяльныхъ нуждъ человѣчества. Безъ сомнѣнія, весьма желательно, чтобы она проникла въ политическія отношенія и нравы; но и предположивъ даже, что она глубоко проникнетъ въ нихъ, все еще остается сомнительнымъ, чтобы вліяніе ея было достаточно сильнымъ для излеченія такой застарѣлой и до такой степени сроднившейся съ цивилизованными обществами болѣзни, какъ нищета, слывущая подъ общимъ именемъ *пауперизма*. Когда то, въ весьма отдаленную отъ насъ эпоху, религіозный духъ самодержавно господствовалъ надъ обществомъ; но онъ оказался безсиленъ противъ человѣческихъ немощей; и если тогда было въ Европѣ менѣе нищихъ, чѣмъ въ наше время, то развѣ потому только, что тогда и людей было менѣе.

Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что общественная нищета есть великое соціальное явленіе, свойственное новѣйшимъ государствамъ, обнаруживающееся все въ бо́льшихъ размѣрахъ, по мѣрѣ распространенія цивилизаціи. Слѣдуетъ ли теперь признать это зло роковымъ и неизбѣжнымъ, или же зависящимъ отъ человѣческихъ учрежденій, которыя могутъ дать ему благопріятный исходъ? Но если противъ него оказалась безсильна политика, то не можетъ ли оказаться болѣе дѣйствительной религія? Авторъ *Христіанской политической экономіи* искренно принимаетъ послѣднюю надежду, но, мнѣ грустно признаться, что книга его не позволяетъ раздѣлять этой надежды. Онъ дѣлаетъ почти тѣ же выводы, что и Сисмонди: онъ все предоставляетъ на волю Божію, и охотно прибѣгнулъ бы къ молитвѣ: такъ велика его ревность и такъ искренне его благочестіе; но что́ же могутъ горячія желанія въ присутствіи страшной и неумолимой дѣйствительности? Тщетно обращаетъ свои сочувственные взоры благочестивый виконтъ на древнее цеховое устройство и на монастырскую жизнь, благоразумно сдерживавшую размноженіе народонаселенія: какая польза сожалѣть о томъ, что́ перестало соотвѣтствовать современнымъ нравамъ, словомъ, о томъ, что́ не

возможно болѣе? Разумѣется, не трудно вывести наружу затруднительное положеніе ученыхъ и государственныхъ людей при рѣшеніи этого важнаго вопроса; но духовенство нашего времени еще безсильнѣе ихъ, чтобы найти лекарство противъ существующаго зла *. Самъ Вильнёвъ ничего не въ силахъ былъ сдѣлать въ этомъ отношеніи, проповѣдуя голоднымъ людямъ, вмѣстѣ съ Мальтусомъ и апостоломъ Павломъ, нравственное обузданіе **, воздержаніе, умѣренность и другія, подобныя добродѣтели. Онъ пришелъ только къ тому, что сожалѣя о безбрачіи духовенства, онъ въ то же самое время нападаетъ на Мальтуса, который предлагаетъ то же воздержаніе, только на основаніи другихъ побужденій, и оплакиваетъ распространеніе машинъ, несмотря на облегченіе, доставленное ими въ самыхъ тяжкихъ трудахъ рабочимъ классамъ. Итакъ, политическая экономія не могла извлечь никакой пользы изъ краснорѣчивыхъ жалобъ, въ которыхъ Вильневъ оплакиваетъ всѣ общественныя бѣдствія человѣчества, противъ которыхъ онъ, впрочемъ, не предлагаетъ никакого лекарства. Въ окончательномъ результатѣ онъ предлагаетъ слѣдующія мѣры: «1) Нравственное, религіозное и *промышленное* воспитаніе, даровое и обязательное, посредствомъ человѣколюбивыхъ школъ, содержимыхъ на счетъ общества; 2) учрежденіе сберегательныхъ кассъ на счетъ городовъ и мануфактурныхъ общинъ, или человѣколюбивыхъ обществъ, съ обязательствомъ для работниковъ вносить въ нихъ часть

---

* Гизо прекрасно изобразилъ это безсиліе въ отрывкѣ, недавно напечатанномъ въ *Revue Française*. «Въ наше время, говоритъ онъ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ и взаимныхъ ошибокъ, религія и общество перестали понимать другъ друга и идти рука объ руку. Понятія, чувства, интересы, преобладающіе въ современномъ мірскомъ обществѣ, постоянно подвергались и теперь подвергаются осужденію и порицанію во имя понятій, чувствъ и интересовъ загробной жизни. Религія произноситъ отлученіе отъ церкви надъ новымъ міромъ, и держится отъ него въ сторонѣ; міръ, въ свою очередь, готовъ и на отлученіе, и на разрывъ.» Прим. автора.

** «Воздержаніе отъ брака ничемъ не можетъ быть такъ дѣйствительно внушено бѣднымъ, какъ религіознымъ чувствомъ.» *Économ. polit. chrét.*, т. I, стр. 235. Прим. автора.

заработной платы, какъ только величина послѣдней дозволитъ это; 3) учрежденіе рабочихъ корпорацій, которыя, не стѣсняя промышленности и не вызывая пагубныхъ послѣдствій древняго присяжнаго и цеховаго устройства, содѣйствовали бы распространенію духа ассоціаціи и взаимной помощи, доставляли бы средства для образованія и для добропорядочнаго поведенія, и заняли бы мѣсто пагубнаго учрежденія подмастерьевъ *.» Но очевидно, эти паліативныя мѣры, хотя и весьма полезныя, не оказали бы никакого серьезнаго дѣйствія на всеобщую конкуренцію, на злоупотребленія гражданскими привилегіями, на борьбу крупныхъ капиталовъ съ маленькими состояніями и на неравномѣрное распредѣленіе налоговъ.

По нашему мнѣнію, Дрозъ гораздо вѣрнѣе опредѣлилъ истинное значеніе политической экономіи. Не станемъ принимать богатства за цѣль, говоритъ онъ; *они неболѣе, какъ средство*. Все значеніе ихъ основано на томъ ихъ свойствѣ, что они могутъ облегчать страданія людей, и драгоцѣннѣйшія изъ нихъ суть тѣ, которыя содѣйствуютъ благосостоянію наибольшаго числа людей. Счастіе государствъ менѣе зависитъ отъ количества произведеній, чѣмъ отъ способа ихъ распредѣленія. Ни одна страна не можетъ сравниться съ Англіей относительно производства богатствъ; но во Франціи они лучше распредѣляются: изъ этого я заключаю, что во Франціи больше счастія, чѣмъ въ Англіи. Читая нѣкоторыхъ экономистовъ, можно подумать, что не произведенія созданы для людей, а люди создаются для произведеній. Вотъ какое направленіе дали наукѣ экономисты новой французской школы, которую я называю *соціальной*, потому что она судитъ о прогрессѣ по общему улучшенію общества, безъ различія племени или сословія, и преслѣдуетъ одинакими проклятіями, какъ торговлю неграми, такъ и эксплуатацію бѣлой расы. Изъ всѣхъ писателей этой школы Дрозъ точнѣе другихъ изложилъ ея программу, безъ враждебнаго чувства къ настоящему и безъ иллюзій относительно буду-

---

* *Économie politique chrétienne*, т. III, стр. 156.

щаго. Сисмонди, какъ человѣкъ, одаренный высокимъ критическимъ умомъ, взялся за искорененіе предубѣжденій, распространенныхъ относительно болѣе всего уважаемыхъ представителей науки, но, увлеченный своимъ великодушнымъ порывомъ, онъ нерѣдко впадаетъ въ парадоксы. Употребляя выраженіе Мальтуса, ему тоже пришлось слишкомъ *перегнуть* лукъ въ противуположную сторону изъ желанія его выпрямить; вотъ почему и ученіе его не принесло той пользы, которую могло отъ него ожидать человѣчество. Онъ возлагалъ слишкомъ большія надежды на правительства, какъ Вильневъ слишкомъ много ожидалъ отъ Провидѣнія; но Провидѣніе и правительства предложили человѣку весьма тяжкія условія!

Два замѣчательныя, хотя и съ различныхъ точекъ зрѣнія, сочиненія, *Traité de législation (Трактатъ о законодательствѣ)* Шарля Конта и *Traité d'économie sociale (Трактатъ объ общественной экономіи)* Дюнойе, воротили экономистовъ къ болѣе вѣрнымъ и менѣе увлекательнымъ взглядамъ на настоящія затрудненія для рѣшенія экономическихъ вопросовъ. Контъ, слѣдуя опытному методу Сэя, доказываетъ историческими, весьма искусно подобранными фактами и остроумнымъ сопоставленіемъ ихъ, что бо́льшая часть общественныхъ улучшеній встрѣчаетъ препятствія главнымъ образомъ со стороны тѣхъ, которымъ улучшенія эти болѣе всего должны доставить пользы, и которые постоянно возстаютъ противъ приведенія ихъ въ исполненіе. Онъ показываетъ, какимъ образомъ пагубныя привычки къ рабству развратили господъ и довели до скотскаго состоянія рабовъ, и сколько препятствій ожидаютъ, съ каждой побѣдой цивилизаціи, благородныхъ людей, стоящихъ въ главѣ движенія. «Ибо, говоритъ онъ *, природа вещей, какъ и природа людей, не измѣняются по нашему желанію. Основатели рабства никогда не могли избавить господъ отъ всѣхъ бѣдствій, ни обезпечить за ними монополію всѣхъ наслажденій; но и люди, желавшіе поровну распредѣлить между всѣми членами общества горести и ра-

* *Traité de législation*, т. IV, стр. 503.

дости, успѣли неболѣе ихъ. Первымъ не удалось, потому что имъ пришлось бороться съ природой человѣка; но и вторые испытали ту же участь вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ причинъ.» Мнѣ кажется, что подобное признаніе, вылившееся изъ сердца человѣка, вся жизнь котораго была посвящена на служеніе просвѣщенію, заслуживаетъ вниманія со стороны великодушныхъ людей, съ энтузіазмомъ готовыхъ принять доктрины Сисмонди или *Христіанской* политической экономіи.

Дюнойе нападаетъ еще съ большею энергіей на мечтателей, вѣрующихъ въ безпредѣльныя усовершенствованія въ политической экономіи. По его мнѣнію, починъ въ дѣлѣ всякаго улучшенія принадлежитъ самому народу. «Дѣло земледѣльцевъ, говоритъ онъ, состоитъ въ улучшеніи земледѣлія; искуства должны совершенствоваться художниками, науки — учеными; политика и нравственность — политическими дѣятелями и моралистами. Между предметами, составляющими дѣло каждаго отдѣльнаго человѣка, и предметами, общими для всѣхъ людей, существуетъ только то различіе, что въ первомъ случаѣ усовершенствованія могутъ быть непосредственно приложены въ пользу того, кто изобрѣлъ ихъ, тогда какъ во второмъ, какъ напримѣръ въ политикѣ, практическія примѣненія могутъ быть сдѣланы только тогда, когда мысль публициста сдѣлается достояніемъ всего общества, или по крайней мѣрѣ значительнаго большинства. Внѣ этихъ условій можно дѣлать только попытки, которыя непремѣнно окажутся безсильными. Можетъ случиться, что какая нибудь благонамѣренная власть возьмется за ихъ осуществленіе, но дѣло ея не будетъ прочно. Можетъ случиться, что попытка будетъ сдѣлана наперекоръ власти, какою нибудь партіей, которая низвергнетъ ее, и займетъ ее мѣсто; но и самые удачные насильственные перевороты едвали принесутъ больше пользы, чѣмъ самыя добровольныя уступки. Дѣло можетъ быть выиграно только исподволь, по мѣрѣ того, какъ оно проникнетъ въ понятія и привычки большинства*... Итакъ, въ самомъ благоустроенномъ обществѣ было бы весьма труд-

* *Nouveau traité d'économie sociale*, т. I, стр. 9.

но не допустить установленія неравенства состояній; но если это неравенство разъ установилось, то еще труднѣе искоренить его. Переходъ изъ низшаго состоянія въ высшее сопряженъ съ крайними затрудненіями; семейству, спустившемуся на низшую сословную ступень, приходится оставаться на ней уже потому только, что оно попало на нее.»

Вотъ въ чемъ состоитъ сущность суровой доктрины Дюнойе, которую лучше всего противупоставить отважному человѣколюбію Сисмонди и благочестивымъ проповѣдямъ Вильнёва-Баржемона и Лампе. Дюнойе проникнутъ неменѣе этихъ великодушныхъ писателей живымъ сочувствіемъ къ страдающимъ классамъ, составляющимъ большинство человѣческой породы; онъ такъ же горячо желаетъ имъ лучшей участи и болѣе счастливой будущности: но его холодный разсудокъ предписываетъ ему подавлять порывы безразсудной чувствительности, и показываетъ ему невозможность одинаковаго благосостоянія для всѣхъ людей, такъ какъ не всѣ они въ одинаковой степени одарены разсудочными и нравственными способностями и одинаковымъ правомъ на обезпеченное положеніе, которое уничтожило бы всякое побужденіе къ дѣятельности. Дюнойе имѣлъ мужество высказать народамъ ту же суровую истину, которую другіе высказывали царямъ. Онъ прекрасно доказалъ, какъ опасно и какъ безумно обѣщать всѣмъ людямъ то безграничное благоденствіе, которое возможно только для небольшаго числа счастливцевъ. Сама цивилизація, воторая есть ничто иное, какъ прогрессъ по пути ко всеобщему благосостоянію, подчинена строгимъ условіямъ, медленнымъ и постепеннымъ, требующимъ содѣйствія тѣхъ самыхъ людей, которыхъ она имѣетъ въ виду осчастливить. Къ нимъ то и обращается этотъ экономистъ, чтобы указать имъ на неизмѣнные законы промышленнаго и общественнаго развитія. Это развитіе кажется ему невозможнымъ безъ того неравенства, полное уничтоженіе котораго ошибочно принимаютъ за цѣль прогресса. Этимъ неравенствомъ собственно и обусловливается раздѣленіе труда, безъ котораго производства было бы недостаточно для удовлетворенія всѣхъ потребностей общества. Гдѣ же найти работниковъ, если всѣ

сдѣлаются предпринимателями? Что было бы съ арміей, еслибы всѣ солдаты желали бы быть генералами *?

Эту, въ высшей степени смѣлую для настоящаго времени мысль Дюнойе развилъ съ удивительной логической послѣдовательностью и съ рѣдкимъ краснорѣчіемъ. Онъ не побоялся негодованія, которое могло подняться противъ него, вполнѣ увѣренный въ чистотѣ своихъ намѣреній и въ поддержкѣ просвѣщенныхъ друзей экономическаго прогресса. Его суровыя отчасти нравственныя воззрѣнія нисколько не враждебны общественнымъ улучшеніямъ, сообразнымъ съ нашимъ сложнымъ общественнымъ устройствомъ; онъ искренно соглашается, что если невозможно доставить всѣмъ людямъ одинаковую сумму матерьяльнаго благосостоянія, то весьма возможно, а иногда и легко, улучшить относительное положеніе каждаго отдѣльнаго человѣка. Но для этого необходимо, чтобы каждый человѣкъ искалъ себѣ опоры въ гражданскихъ добродѣтеляхъ, какъ трудолюбіе, бережливость, предусмотрительность, которыя служатъ залогомъ успѣха, подобно тому, какъ воздержаніе служитъ залогомъ здоровья. Общество такъ же безсильно обезпечить за всѣми своими членами благосостояніе, какъ врачъ не въ силахъ обезпечить выздоровленіе всѣхъ больныхъ. Доказывать противное значило бы потакать

---

* Если въ экономическомъ и философскомъ смыслѣ вопросъ о *безусловномъ* равенствѣ есть вопросъ все еще спорный, то нельзя не замѣтить, что сравненія, приводимыя авторомъ, весьма натянуты. Мы знаемъ уже о существованіи промышленныхъ ассоціацій, безъ предпринимателей; въ ассоціаціяхъ этихъ всѣ члены дѣйствительно равны, помимо естественнаго неравенства ихъ разсудочныхъ и нравственныхъ способностей, неравенства, которое, безъ сомнѣнія, отразится во многихъ сторонахъ ихъ существованія въ обществѣ, только не по отношенію къ предпріятію, ради котораго устроенна ихъ ассоціація. Равенство въ арміи въ такомъ утопическомъ смыслѣ существовало бы, еслибы всѣ чины ея получали одинакое жалованіе, одинаковую пищу, одежду, помѣщеніе, пользовались бы одинаковыми наградами, почетомъ, и проч.; что не мѣшало бы генераламъ командовать, и рядовымъ исполнять ихъ команду; хотя не подлежитъ сомнѣнію, что неравенство положенія солдата и генерала непосредственно отразились бы на безчисленномъ множествѣ прочихъ сторонъ ихъ существованія. Рус. перев.

всѣмъ человѣческимъ страстямъ и вызывать безнаказанное злоупотребленіе ими. Тѣмъ неменѣе, Дюнойе не отрицаетъ того, что главныя причины нищеты вытекаютъ изъ первоначальнаго неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ; изъ первоначальнаго же лишенія всякой собственности многочисленнѣйшихъ классовъ общества; изъ рабства ихъ, длившагося цѣлые вѣка; изъ угнетающихъ ихъ налоговъ; изъ законовъ, препятствующихъ имъ извлекать изъ своего труда всю возможную пользу; вообще, изъ совокупности неудовлетворительныхъ учрежденій, нарушающихъ ихъ благосостояніе и нравственность. «Тѣмъ неменѣе, прибавляетъ авторъ *, положеніе низшихъ классовъ обусловливается не одною только несправедливостью къ нимъ высшей части общества; оно кроется также и въ собственныхъ ихъ порокахъ, въ ихъ лѣности, безпечности, въ незнаніи дѣйствительныхъ причинъ повышенія и пониженія заработной платы. Ихъ несчастія суть по меньшей мѣрѣ столько же ихъ собственное дѣло, сколько дѣло тѣхъ, которыхъ можно обвинить въ прежнемъ ихъ угнетеніи; да еслибы первоначальное устройство общества основано было и на болѣе справедливыхъ началахъ, еслибы сильные воздержались отъ всякаго притѣсненія слабыхъ, то я не сомнѣваюсь, что и тогда непремѣнно образовался бы въ обществѣ болѣе или менѣе многочисленный классъ несчастныхъ.»

Такія строгія предостереженія конечно должны охладить пылъ тѣхъ философовъ, которые привыкли слагать физическія и нравственныя бѣдствія мильоновъ людей исключительно на дурное устройство политическихъ учрежденій. Уже Дрозъ, благородныя чувства котораго, какъ экономиста и моралиста, никто не подвергнетъ сомнѣнію, указывалъ, что наука и правительство не въ силахъ, сами по себѣ, удовлетворить всѣмъ нуждамъ общества. Провозгласивъ во всеуслышаніе, что *цѣль политической экономіи состоитъ въ доставленіи довольства возможно большему числу людей*, онъ не обольщался размѣрами ея вліянія, довольно сходнаго съ вліяніемъ закона въ конституціонныхъ странахъ, то есть,

* *Nouveau traité d'économie sociale*, т. I, стр. 487.

вліянія, находящагося въ полнѣйшей зависимости отъ согласія между всѣми властями. Въ противуположность главнымъ основателямъ соціальной экономической школы, которые всю отвѣтственность въ общественныхъ бѣдствіяхъ слагали на правительства или на учрежденія, Дюнойе и Дрозъ полагаютъ, что эту отвѣтственность долженъ раздѣлять съ ними и народъ, который нерѣдко своимъ бездѣйствіемъ парализируетъ самыя полезныя реформы. Они требовали участія самихъ работниковъ въ распредѣленіи доходовъ, доставляемыхъ трудомъ, и содѣйствія всѣхъ силъ въ дѣлѣ, имѣющемъ цѣлью улучшить положеніе всѣхъ. Отсюда, если только мы не ошибаемся, и начинается новая эра въ исторіи науки, и мы не знаемъ, кому изъ экономистовъ, принимавшихъ въ ней участіе, обязаны мы большей благодарностью, тѣмъ ли, которые, вмѣстѣ съ Сисмонди и Вильнёвомъ, указали на несправедливости относительно бѣдныхъ классовъ, или же тѣмъ, которые напомнили этимъ классамъ объ ихъ человѣческомъ достоинствѣ и ихъ обязанностяхъ, подобно Дрозу и Дюнойе. Оба первые призвали на судъ богатство, и обвинили его въ эгоизмѣ; оба послѣдніе порицали бѣдность, и осуждали ее за безпечность: двойная задача, трудноисполнимая, которая когда нибудь принесетъ свои плоды, когда будетъ возможно примиреніе между настоящимъ и прошедшимъ, между капиталистомъ и работникомъ! Попытки къ этому примиренію, хотя и безуспѣшно, сдѣланы были экономистами особенной школы, которую я назову *эклектической:* къ обозрѣнію произведеній главнѣйшихъ ея представителей мы теперь и обратимся.

ГЛАВА XLII.

Политическая экономія эклектическая и ея главные представители. — Шторхъ. — Ганиль. — Делабордъ. — Флорецъ Эстрада.

Великіе экономисты конца восемнадцатаго вѣка, авторы знаменитыхъ трактатовъ, изъ которыхъ впервые вышла наука

въ методической формѣ, всѣ почти придерживались безусловныхъ теорій, которыя необходимо должны были видоизмѣниться опытомъ и наблюденіями. Такимъ образомъ, физіократы смотрѣли на землю, какъ на единственный источникъ богатства; Адамъ Смитъ признавалъ это преимущество за трудомъ; Рикардо подчинялъ всѣ явленія обращенія своей теоріи *ренты*; Сисмонди—теоріи дохода; Ж. Б. Сэй—обширности сбыта, т. е. свободѣ торговли. Мальтусъ бо̀льшую часть общественныхъ бѣдствій приписывалъ чрезмѣрному населенію; Годвинъ — нерадѣнію правительствъ. Но если всѣ эти причины и имѣли нѣкоторое вліяніе на общественное развитіе, то ни на одну изъ нихъ нельзя смотрѣть, какъ на причину исключительную, то есть, ученія всѣхъ этихъ экономистовъ могутъ считаться справедливыми только въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при нѣкоторыхъ только условіяхъ. Въ то время, какъ они спорили между собою, защищая каждый свои принципы, между самыми учениками ихъ обнаружились различныя промежуточныя воззрѣнія, служившія оттѣнками болѣе рѣзкихъ теорій ихъ учителей. Писателей, придерживавшихся такихъ переходныхъ воззрѣній, было весьма много во всей Европѣ. Они не отличались какой либо характеристической, свойственной имъ чертой; они не придумали ничего новаго, ничего не открыли, но замѣчательно усовершенствовали дѣло своихъ предшественниковъ, и смягчили шероховатость безусловныхъ теорій, которыя отвергались здравымъ смысломъ или предразсудками ихъ современниковъ. Между этими эклектическими экономистами, искренно искавшими истины, какъ въ земледѣльческой системѣ, такъ и въ промышленной, и готовыми на уступки обѣимъ, слѣдуетъ отвести первое мѣсто Генриху Шторху. Добросовѣстный наблюдатель, занимая, къ тому же, весьма видное мѣсто *, да-

---

* Шторхъ былъ преподавателемъ великаго князя Николая, впослѣдствіи императора Россіи. Онъ говорилъ съ независимостью, дѣлающею честь, какъ его странѣ, такъ и личнымъ его качествамъ, о пагубныхъ слѣдствіяхъ рабства для всѣхъ государствъ.

Прим. автора.

Шторхъ писалъ по нѣмецки, какъ бо̀льшая часть нашихъ лучшихъ

вавшее ему возможность слѣдить за множествомъ самыхъ разнообразныхъ явленій, Шторхъ, уже богатый собственными свѣдѣніями, съумѣлъ весьма искусно воспользоваться сочиненіями своихъ предшественниковъ, и пролить много свѣту на вопросъ о рабствѣ въ странѣ, въ которой, повидимому, труднѣе всего было говорить свободно объ этомъ предметѣ. Самъ онъ собственно не принадлежалъ ни къ какой школѣ, хотя и могъ бы стать во главѣ одной изъ нихъ по важному значенію матерьяловъ, доставленныхъ имъ наукѣ, еслибы только смѣлость его мысли соотвѣтствовала обширности его познаній. По его мнѣнію, цѣль политической экономіи состоитъ въ доставленіи людямъ средствъ удовлетворять ихъ *нравственнымъ* и физическимъ потребностямъ и въ ознакомленіи ихъ съ *лучшими средствами производства*, чтобы они научились выгоднѣйшему потребленію. Цѣль эта достигается, какъ всякому извѣстно, трудомъ; но до этого времени изучались результаты одного только *свободнаго* труда; Шторхъ объяснилъ явленія труда *насильственнаго*, труда рабовъ, весьма распространеннаго тогда въ Россіи и принимавшаго такое значительное участіе въ національномъ богатствѣ этой имперіи. Онъ же указалъ на новый способъ *перевозки* товаровъ, *на саняхъ*, мало извѣстный между большею частью европейскихъ народовъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ его остроумная теорія относительнаго богатства народовъ, которыхъ онъ дѣлитъ на народы *ссужающіе*, *занимающіе* и *независимые*; а также его прекрасныя изслѣдованія *о рентѣ*, *доставляемой талантами и нравственными качествами*, изслѣдованія, заслуживающія тѣмъ бо́льшаго вниманія, что они показываютъ превосходство такого рода богатствъ, слишкомъ долго непризнававшихся, и которыя я первый предложилъ назвать *нравственнымъ капиталомъ* *. Подъ такимъ капиталомъ слѣ-

---

академиковъ. Главное же его сочиненіе написано имъ по французски и издано въ Парижѣ. См. *Библіографію*, приложенную въ концѣ этого тома. Рус. перев.

* См. отчетъ о лекціяхъ, читанныхъ мною въ Консерваторіи Искуствъ и Ремеслъ, записанныхъ и изданныхъ Блезомъ и Гарнье въ 1837 г. Прим. автора.

дуетъ разумѣть ничто иное, какъ сумму всякаго рода талантовъ, при содѣйствіи которыхъ народы обогащаются, вмѣстѣ съ развитіемъ между ними просвѣщенія, и которыя доставляютъ имъ возможность съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обогащаться и просвѣщаться.

Когда Шторхъ издавалъ свои лекціи, читанныя русскимъ великимъ князьямъ, ученіе Рикардо о наемной платѣ за землю, которую онъ называетъ поземельной рентой, еще не было извѣстно; и я сознаюсь, что теорія русскаго экономиста кажется мнѣ проще и естественнѣе теоріи знаменитаго британскаго писателя. Шторхъ называетъ *поземельной рентой* плату за пользованіе землею; *первоначальной рентой* — доходъ съ незанятой еще земли, основанный на исключительномъ правѣ землевладѣльца располагать своею собственностью; и наконецъ, *рентой за удобренную землю* онъ называетъ плату за сдѣланныя улучшенія, по существующимъ цѣнамъ, вмѣстѣ съ вышеозначенной первоначальной рентой. Рента плодородныхъ участковъ, говоритъ онъ, опредѣляетъ ренты прочихъ земель, отдаваемыхъ въ пользованіе рядомъ съ первыми. Поэтому, пока произведенія самыхъ плодородныхъ участковъ достаточны для удовлетворенія потребностей, до тѣхъ поръ земли, менѣе плодородныя, не могутъ воздѣлываться, или, по крайней мѣрѣ, онѣ не доставляютъ поземельной ренты. Но какъ только требованіе превзойдетъ количество продуктовъ, доставляемыхъ плодородными участками, то цѣна этихъ продуктовъ возвышается, и является возможность обрабатывать земли менѣе плодородныя, и получать за нихъ ренту *.» Замѣчательно, что это ученіе совершенно совпадаетъ съ теоріей, которую развивалъ въ Англіи почти въ то же самое время Рикардо, доказывая, однако же, что *менѣе плодородные* участки объусловливаютъ величину ренту всѣхъ остальныхъ. Болѣе подробное изложеніе доводовъ, побуждающихъ меня отдать предпочтеніе теоріи Шторха, заняло бы слишкомъ много мѣста; сопровождающія эту теорію доказательства должны за-

---

* *Cours d'économie politique*, кн. III, гл. XII.

нять почетнѣйшее мѣсто между трудами по политической экономіи *.

Менѣе самобытнымъ, но болѣе глубокимъ писателемъ является Шторхъ въ изложеніи теоріи монеты, въ которой онъ старается примирить исключительныхъ приверженцевъ банковъ съ безусловными защитниками металлическихъ денегъ. Онъ имѣлъ случай близко ознакомиться съ злоупотребленіями чрезмѣрнаго выпуска бумажныхъ денегъ и билонной монеты; продолжительный личный опытъ не позволялъ ему обманываться относительно неудобствъ, сопровождающихъ *ассигнаціи*, какимъ бы именемъ правительство ни окрестило ихъ. Тѣмъ неменѣе, его физіологія банковъ не можетъ идти въ сравненіе съ безсмертными трудами Адама Смита по тому же вопросу. Шторхъ только дополнилъ изслѣдованія великаго шотландскаго философа; онъ обогатилъ ихъ примѣрами изъ исторіи финансовъ всѣхъ народовъ, и онъ первый изложилъ устройство почти всѣхъ европейскихъ банковъ. Изъ его сочиненія можно извлечь много полезныхъ свѣдѣній о банковыхъ операціяхъ и объ опасностяхъ, которыя могутъ угрожать имъ. Послѣдняя часть его замѣчательнаго сочиненія посвящена потребленію. Авторъ прекрасно объясняетъ въ ней причины, почему торговля и промышленность способнѣе къ быстрѣйшему развитію, сравнительно съ земледѣліемъ. То, что онъ говоритъ о послѣдствіяхъ рабства, въ особенности въ Россіи, быть можетъ, единственной странѣ, въ которой рабство было политическимъ учрежденіемъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія экономистовъ, и приноситъ большую честь независимости этого писателя. Мы не безъ причины помѣщаемъ его въ разрядъ *эклектиковъ:* его возвышенный умъ, умѣренность его убѣжденій, его обширныя познанія, охватывавшія всѣ труды его предшественниковъ, даютъ ему право на такое мѣсто, еще болѣе подтверждаемое за нимъ его высокимъ безпристрастіемъ, заслуживающимъ тѣмъ бо̀льшаго удивле-

---

* Въ наукѣ споръ этотъ считается споромъ о словахъ, несмотря на весь поднятый имъ шумъ; съ чѣмъ, впрочемъ, соглашается самъ авторъ, оцѣнивая труды Рикардо. Рус. перев.

нія, что авторъ, какъ извѣстно, былъ преподавателемъ при петербургскомъ дворѣ.

Къ эклектикамъ же слѣдуетъ отнести и неутомимаго Ганиля, автора книги *О системахъ въ политической экономіи*, умершаго въ 1833 году, въ глубокой старости. Онъ тоже не написалъ ни одного, вполнѣ оригинальнаго сочиненія. Ганиль былъ скорѣе финансистомъ, чѣмъ политико-экономомъ, и труды его оказали большее содѣйствіе успѣхамъ финансовой науки, чѣмъ политической экомоміи. Вотъ почему бо́льшая часть его сочиненій не пережила тѣхъ обстоятельствъ, которыя вызвали ихъ. Подъ надзоромъ императорской цензуры, онъ долженъ былъ постоянно стараться примирять щекотливыя требованія правительства съ истиной, которой онъ былъ душевно преданъ. Повидимому, ничто не указывало тогда на важное значеніе тѣхъ вопросовъ, которые приходится разрѣшать нашему времени. Ганиль покойно шелъ по указанному уже пути въ спорахъ о чистомъ и валовомъ доходѣ, о запретительной системѣ и свободной торговлѣ; но Франція, увлеченная шумомъ сраженій, мало обращала вниманія на многочисленныя его сочиненія *. Заслуга его заключается въ томъ, что онъ не отчаивался въ будущемъ науки, и служилъ для нея связующимъ звѣномъ цѣпи, порванной громомъ оружія. Ганиль занимался политической экономіей, подобно тѣмъ отшельникамъ, удалившимся отъ свѣта, которые писали для самихъ себя, не заботясь ни о вліяніи своихъ книгъ на общество, ни о примѣненіи ихъ къ требованіямъ своего времени. Ихъ сочиненія такъ же относятся къ наукѣ, какъ сокращенныя лѣтописи событій къ исторіи. Онъ былъ единственнымъ экономистомъ временъ имперіи.

---

* Кромѣ *Изложенія системъ въ политической экономіи*, изданнаго въ 1809, Ганиль написалъ еще *Essai politique sur le revenu public*, (*Политическій опытъ о государственномъ доходѣ*), брошюру о *Національномъ доходѣ* (*Sur le revenu national*) въ отвѣтъ на нѣкоторыя финансовыя мѣры Виллеля; его *Теорія политической экономіи* (*Théorie d'économie politique*) и *Политико-экономическій словарь*, произведенія неполныя и неотличающіяся никакими достоинствами.

Прим. автора.

Опытъ о духѣ ассоціацій (*Essai sur l'esprit d'association*) графа Делаборда, напечатанный въ 1818 году, имѣлъ несравненно больше успѣха. Книга эта особенно замѣчательна вѣрностью своихъ предсказаній и превосходной оцѣнкой политическихъ учрежденій, наиболѣе способствующихъ развитію общественнаго благосостоянія. Всѣ силы Франціи были разъединены, какъ и ея мнѣнія, въ то время какъ Делабордъ издалъ это разсужденіе о выгодахъ, доставляемыхъ ассоціаціями, богатое фактами и самыми свѣтлыми взглядами на истинные источники промышленнаго и политическаго могущества государствъ. Въ этомъ сочиненіи прекрасно изложены бѣдствія, которымъ подвергались промышленность и торговля подъ гнетомъ военнаго управленія *, вновь придуманныхъ формальностей и бюрократическихъ проволочекъ, которыя, къ несчастію, проникли изъ общей государственной администраціи въ промышленное законодательство. Тѣмъ неменѣе, Делабордъ признавалъ пользу правительственнаго вмѣшательства въ вопросы общественнаго богатства и матерьяльнаго производства; но онъ желалъ, чтобы это вмѣшательство основывалось только на началахъ раздѣленія труда, безъ деспотизма и безъ вторженія въ область, исключительно принадлежащую промышленности. Съ той же точки зрѣнія смотрѣлъ онъ и на ассоціаціи въ дѣлѣ общественнаго кредита, труда и покровительства труду. По его мнѣнію, армія имѣла свое назначеніе, какъ торговля имѣла свое, и какъ чиновники правительства имѣли свое. Авторъ высказываетъ желаніе, чтобы трудолюбивая страна пользовалась умѣреннымъ правительствомъ, и, не признавая безусловнаго принципа *laissez faire*,

---

* «Главнымъ недостаткомъ императорскаго правленія, говоритъ Делабордъ, было постоянное вторженіе его въ область торговли и промышленности; оно простирало свои руки на всякое проявленіе жизни, и желало бы подчинить своей власти всѣ отрасли промышленности, какъ подчинило ей всѣ дѣла. Правительство занималось торговлей сахаромъ, кофе, ситцами; оно владѣло всѣми лѣсами, продавало барановъ, завѣдовало каналами, принимало на себя общественныя работы, управляло общинными имуществами, больницами, игорными домами, и проч.». *De l'esprit d'association*, стр. 44.

Прим. автора.

laissez passer, онъ въ то же время полагаетъ, что было бы выгодно положиться на личное благоусмотрѣніе каждаго человѣка и на соперничество между всѣми интересами.

Эти благоразумныя воззрѣнія проникали мало по малу во всѣ классы общества, и съ этихъ поръ стали распространяться во Франціи сберегательныя кассы, страховыя компаніи, торговыя товарищества, основанныя на довѣріи, что́ было въ одно и то же время и слѣдствіемъ, и причиною возраставшаго благосостоянія всего народа. Делабордъ вѣрно оцѣнилъ вліяніе на это благосостояніе содѣйствія иностранцевъ, привлеченныхъ къ нашимъ компаніямъ надеждою извлечь пользу изъ такого помѣщенія своихъ капиталовъ. Это смѣлое для той эпохи мнѣніе начинаетъ до того распространяться во Франціи, что одно время существовало предположеніе завести между французскимъ и англійскимъ банкомъ тѣ же сношенія, какія существуютъ между многими негоціантами при посредствѣ текущихъ счетовъ. Это было предвѣстіемъ тѣхъ реформъ, которыя когда нибудь откроютъ новую эру промышленности и торговлѣ, послѣ того какъ всемірная конкуренція, обратнымъ возвращеніемъ каждому народу произведеній его фабрикъ, побудитъ всѣхъ ихъ къ заключенію договора, вполнѣ освобожденнаго отъ духа монополій и запрещеній. Какъ же смотрѣть въ настоящее время на всѣ эти предпріятія, пароходныя, желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, стремящіяся соединить всѣ государства общими и подчиненными другъ другу путями сообщенія, если не какъ на предвозвѣстниковъ великаго смѣшенія европейскихъ интересовъ?

Быть можетъ, ни одно экономическое ученіе не подтверждалось до такой степени опытомъ и самими требованіями времени, какъ ученіе объ ассоціаціи. Самый эклектизмъ его, то есть, уступки, дѣлаемыя имъ для примиренія теоріи съ дѣйствительностью, должны были оказать немалое содѣйствіе его успѣху. Вотъ почему оно переходило отъ одной побѣды къ другой, а вся Европа потребовала отъ ассоціацій, въ небольшой промежутокъ времени, исполненія великаго множества предпріятій, которыя, повидимому, превышали силы нетолько частныхъ людей, но и самихъ правительствъ.

Отнынѣ нѣтъ ничего невозможнаго для этихъ промышленныхъ армій, идущихъ на завоеваніе богатствъ соединенными силами цѣлаго народа, и которыя умѣютъ на пути своемъ сдерживать рѣки, срывать горы или просверливать ихъ насквозь по требованію промышленности. До сихъ поръ люди пробовали соединять только однѣ вещи; съ тѣхъ поръ какъ взялись за соединеніе силъ человѣческихъ, все вокругъ насъ стало измѣнять свой видъ. Существуютъ страны, которыя этотъ могущественный рычагъ сдѣлалъ неузнаваемыми въ самое короткое время; примѣромъ можетъ служить сѣверная Америка, дѣвственные лѣса которой перерѣзаны желѣзными дорогами, а еще недавно пустынныя рѣки покрыты цѣлыми флотами паровыхъ судовъ. Въ настоящее время образуются двѣ части общественнаго богатства: одна поступаетъ въ государственную казну, а другая возвращается труду; глубокій переворотъ, безпрерывно ставящій лицемъ къ лицу и на равныхъ правахъ трудъ и власть, производство и потребленіе! Сама благотворительность заимствовала свои новыя силы отъ духа ассоціаціи; а новѣйшая цивилизація можетъ считать лучшимъ камнемъ въ своей коронѣ тѣ многочисленныя человѣколюбивыя общества, принципъ которымъ доставило христіанство, а средства — ассоціація.

Экономическій эклектизмъ проникъ даже въ Испанію, древнюю страну абсолютистскихъ ученій, и одинъ изъ изгнанниковъ ея, болѣе всего заслуживающихъ нашего уваженія, Флорецъ Эстрада издалъ, подъ заглавіемъ *Электичеекій курсъ политической экономіи*, одно изъ лучшихъ сочиненій со времени Ж. Б. Сэя. Методъ Эстрады весьма сходенъ съ методомъ знаменитаго русскаго экономиста, Генриха Шторха. Онъ начинаетъ свое сочиненіе добросовѣстнымъ разборомъ мнѣній своихъ предшественниковъ, которыя онъ принимаетъ или отвергаетъ, смотря по тому достоинству, которое обнаруживается за ними вслѣдствіе этого разбора. Такимъ образомъ, онъ присоединилъ новыя, весьма интересныя соображенія къ ученію Мальтуса о народонаселеніи. Его прекрасное изложеніе теоріи Рикардо о рентѣ сопровождается рядомъ весьма тонкихъ и остроумныхъ изслѣдованій, доставляющихъ имъ почетное

мѣсто между оригинальными критическими работами по политической экономіи. Никто до Флореца Эстрады не затрогивалъ съ такою глубокой проницательностью вопроса о налогахъ; и хотя авторъ обращаетъ особенное вниманіе на налоги, существующіе въ его странѣ, тѣмъ не менѣе, изъ его книги могутъ почерпнуть самыя полезныя свѣдѣнія и драгоцѣнныя указанія государственные люди всѣхъ странъ. Онъ доказалъ до послѣдней степени очевидности неравенство и несправедливость фискальной ситемы, угнетающей въ настоящее время всѣ европейскіе народы, и необходимость самыхъ рѣшительныхъ преобразованій въ ней въ самомъ близкомъ будущемъ. Онъ дополнилъ новыми воззрѣніями ученіе о банкахъ, бумажныхъ деньгахъ, монетномъ обращеніи, взявшись за всѣ эти вопросы съ того мѣста, на которомъ они оставлены были Адамомъ Смитомъ, Рикардо, Сэемъ и Сисмонди. *Эклектическая политическая экономія* была бы превосходной ученой книгой, еслибы простое и строгое ея изложеніе не затемнялось многими неопредѣленными мѣстами. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ она составляетъ необходимое дополненіе ко всѣмъ предшествовавшимъ ей сочиненіямъ: методическій вмѣстѣ съ Сэемъ, соціальный—съ Сисмонди, алгебрическій—съ Рикардо, опытный—съ Адамомъ Смитомъ, авторъ тѣмъ не менѣе отличается во многихъ отношеніяхъ отъ своихъ великихъ образцевъ, и, сохраняя ихъ хорошія качества, строго воздерживается отъ ихъ недостатковъ *.

Какъ испанскій гражданинъ, Флорецъ Эстрада естественно долженъ былъ имѣть въ виду интересы своего отечества, и онъ съ рѣдкою точностью указалъ на язвы экономической системы, господствующей въ Испаніи со временъ Карла V. Ни въ одной книгѣ не разобраны съ такимъ совершенствомъ вопросы о десятинѣ, субституціяхъ, правахъ старѣйшинства, майоратахъ. Изъ него можно ознакомиться еще основа-

---

* Сочиненіе Флореца Эстрады съ замѣчательнымъ искуствомъ переведено на французскій языкъ Галибероѣ, редакторомъ *Revue Britannique*, подъ заглавіемъ *Cours éclectique d'économie politique*. Прим. автора.

тельнѣе, чѣмъ изъ сочиненія Жовелланоса (Jovellanos)*, съ дѣйствительными причинами упадка Испаніи и съ вредомъ, причененнымъ этой прекрасной странѣ скверными экономическими законами, болѣе трехсотъ лѣтъ угнетающими ее. Флорецъ Эстрада подвергаетъ ихъ такой широкой критической оцѣнкѣ, которая охватываетъ фискальную организацію главнѣйшихъ европейскихъ государствъ; а его превосходныя изслѣдованія о вліяніи пошлинъ на различныя отрасли промышленности еще надолго останутся обязательной точкою отправленія для всѣхъ преобразованій, какія только возможны для этихъ пошлинъ. Въ этомъ заключаются права Эстрады на благодарность со стороны экономистовъ, и мы только сожалѣемъ, что онъ не коснулся тѣхъ общественныхъ вопросовъ, на которые никто не былъ бы въ состояніи пролить столько свѣта, какъ онъ. По своимъ воззрѣніямъ, писатель этотъ принадлежитъ къ англійской школѣ; онъ послѣдователь ученія Мальтуса, а его теорія о поземельномъ доходѣ есть та же теорія Рикардо, только дополненная и объясненная самыми остроумными сравненіями и примѣрами. Къ тому же, Эстрада относился эклектически скорѣе къ лицамъ, чѣмъ къ сущности предметовъ. Производство гораздо болѣе сосредоточивало на себѣ его вниманіе, чѣмъ потребленіе; и хотя онъ предлагаетъ присоединить къ обыкновенной программѣ политической экономіи особый отдѣлъ для *обмѣна*, тѣмъ неменѣе, его изслѣдованія останавливаются предъ затрудненіями, ежедневно порождаемыми чрезмѣрнымъ развитіемъ промышленной системы въ Англіи, и пускающей глубокіе корни во Франціи. Большая часть эклектическихъ экономистовъ, за исключеніемъ Делаборда, отличается тою же осторожностью, которую мы назвали бы боязливостью, еслибы мы не были увѣрены, что по мнѣнію этихъ писателей, свободы труда и торговли весьма достаточно для удовлетворительнаго разрѣшенія всѣхъ общественныхъ затрудненій нашей эпохи. Но каждому вѣку предстоитъ своя собственная задача для разрѣшенія, и когда наступаетъ рѣшительное время, то не на колебаніи

---

* *Informe en el expediente de ley agraria.*

между одинаково безсильными теоріями приходится основывать свою надежду на серьезное и прочное ея разрѣшеніе. При настоящемъ положеніи вещей, эклектическая политическая экономія есть неболѣе какъ наука, опирающаяся на опытъ, между тѣмъ какъ ходъ событій требуетъ политической экономіи, которая научала бы насъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать. Когда правительства, осаждаемыя прибоемъ противуположныхъ интересовъ, обращаются къ наукѣ за категорическими отвѣтами, то наукѣ не приходится скрываться за неопредѣленными общими мѣстами, и отдѣлываться общими соображеніями: дѣло идетъ о приведеніи въ исполненіе необходимыхъ преобразованій съ тою безпристрастною и мудрою рѣшительностью, которою отличался Гускиссонъ. За такое смѣлое дѣло взялась знаменитая нѣкогда, несмотря на свои заблужденія, школа, попытки которой не удались, по причинѣ чрезмѣрныхъ ея увлеченій, но которая пронеслась, оставивъ самый блестящій свѣтъ за собою. Это была школа, основанная Сенъ-Симономъ, которая, относительно старой политической экономіи, хотѣла занять то же мѣсто, какое занимало Учредительное собраніе относительно стараго порядка вещей, и которая, подобно этому народному собранію, изчезла среди политической бури *.

ГЛАВА XLIII.

Сенъ-симонистская политическая экономія. — Первыя сочиненія Сенъ-Симона. — Смѣлость его нападокъ. — Теорія его учениковъ. — *Producteur (Производитель).*—Что они разумѣли подъ словомъ *Индустріализмъ*. — Они основываютъ церковь. — Ихъ нападки на право наслѣдство. — Общій взглядъ и оцѣнка ихъ трудовъ.

Въ то время какъ появились первыя сочиненія сенъ-симонистовъ, всѣ великіе вопросы, поставленные экономистами,

* Читатель легко согласится, что къ разряду перечисленныхъ представителей эклектической школы въ политической экономіи, слѣдуетъ отнести и почтеннаго автора настоящей исторіи, въ которой, должно замѣтить, эклектическія воззрѣнія менѣе всего ведутъ къ односторонниимъ выводамъ. Рус. перев.

ожидали рѣшенія. Никогда Европа не принимала такого дѣятельнаго участія въ этой полемикѣ, несмотря на возбуждаемыя ею сомнѣнія, ежедневно возраставшія, вслѣдствіе преній между представителями различныхъ школъ. Въ то же самое время громадное развитіе промышленности, вызванное возстановленнымъ миромъ, породило новыя затрудненія, противъ которыхъ необходимо было принять мѣры, самыя рѣшительныя и въ то же время вполнѣ соотвѣтствовавшія требованіямъ времени. Какъ мы уже упоминали, наступило время дѣйствовать; многочисленныя раны истощали общественный организмъ; пауперизмъ все болѣе и болѣе разливался по мануфактурнымъ странамъ; тягостные и неожиданные торговые кризисы быстро слѣдовали одинъ за другимъ, безъ надежды на прекращеніе ихъ хоть на незначительный промежутокъ времени. Всюду слышались разсужденія о заработанной платѣ, о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ, о сбытѣ, между тѣмъ какъ правительства бездѣйствовали и боязливо избѣгали тѣхъ рѣшительныхъ мѣръ, которыя или уничтожаютъ зло, или усиливаютъ его, смотря по тому искуству, съ которымъ онѣ примѣняются къ дѣлу. Въ такомъ состояніи находилась Франція и Европа, когда первыя сочиненія сенъ-симонистовъ стали обращать на себя вниманіе общества. Ученіе этой школы имѣло слишкомъ большое вліяніе на развитіе политической экономіи, чтобы можно было пройти его молчаніемъ, несмотря на поднятую имъ бурю.

Человѣкъ, въ высшей степени оригинальный, хотя вовсе до этого неизвѣстный, вѣроятно, противъ своей воли, какъ бы ни возражали противъ этого его ученики, сталъ во главѣ новой секты: это былъ графъ Сенъ-Симонъ, потомокъ знаменитой фамиліи, завлеченный въ молодыхъ годахъ въ экспедицію въ Америку, и остальное время своей жизни, то вслѣдствіе различныхъ неудачъ, то вслѣдствіе личныхъ увлеченій, находившійся въ самыхъ бѣдственныхъ и несчастныхъ обстоятельствахъ. Кажется, уже среди тревогъ своей бурной жизни Сенъ-Симонъ задумалъ планъ общественнаго пересозданія на началахъ, которыя онъ считалъ несравненно болѣе прочными, чѣмъ тѣ, которыя проповѣдывались современными ему

экономистами. Онъ приступилъ къ дѣлу рядомъ небольшихъ, но прямо идущихъ къ дѣлу брошюръ, въ которыхъ самымъ смѣлымъ и увлекательнымъ языкомъ онъ развивалъ свои убѣжденія. Въ одномъ изъ такихъ преобразовательныхъ памфлетовъ *, онъ предлагаетъ передать духовную власть въ руки ученыхъ, а свѣтскую — въ руки поземельныхъ собственниковъ, и уплачивать правительству — уваженіемъ. Но его совѣты не имѣли въ то время никакого успѣха; это случилось въ концѣ царствованія Наполеона, когда обстоятельства вообще не были благопріятны такого рода утопіямъ. Въ началѣ реставраціи Сенъ-Симону открылось болѣе удобное поле для дѣйствія, и въ 1819 онъ напечаталъ первое смѣлое и точное изложеніе своей промышленной теоріи. Небольшая брошюра, изданная имъ подъ заглавіемъ *Parabole (Парабола)*, была въ высшей степени замѣчательнымъ дѣломъ со стороны человѣка такого высокаго происхожденія, въ какомъ бы жалкомъ матерьяльномъ положеніи онъ ни находился. Въ формѣ насмѣшливой гипотезы Сенъ-Симонъ развивалъ въ ней свою любимую мысль о превосходствѣ промышленныхъ занятій передъ всѣми остальными занятіями общества. Онъ показывалъ видъ, что не понимаетъ, какимъ образомъ люди, самые искусные въ искуствахъ и ремеслахъ, не занимаютъ въ государствѣ самыхъ высокихъ мѣстъ, въ качествѣ создателей произведеній и, слѣдовательно, всѣхъ богатствъ; занимаемая ими ничтожная роль казалась ему *извращеннымъ міромъ (monde renversé)*. Вотъ какъ онъ выражается по этому поводу въ своей Параболѣ, изъ которой мы приводимъ буквально небольшой отрывокъ, чтобы дать понятіе, какъ о его изложеніи, такъ и о практическихъ его взглядахъ:

Предположимъ, говоритъ онъ, что Франція разомъ теряетъ пятьдесятъ лучшихъ своихъ физиковъ, пятьдесятъ лучшихъ химиковъ, пять десятъ лучшихъ живописцевъ, архитекторовъ, врачей, словомъ, три тысячи лучшихъ своихъ художниковъ, ученыхъ и ремесленниковъ.

Такъ какъ это самые производительные люди изъ всѣхъ французовъ, ибо они создаютъ самыя цѣнныя произведенія, завѣдуютъ

---

* *Lettre d'un habitant de Genève à ses contemporains.*

самыми полезными для народа трудами, и вызываютъ въ немъ производительность въ наукахъ, искуствахъ и ремеслахъ, то въ дѣйствительности, они составляютъ цвѣтъ французскаго населенія: изъ всѣхъ французовъ они болѣе всего приносятъ пользы своей странѣ, они болѣе всего доставляютъ ей славы, болѣе всего содѣйствуютъ ея просвѣщенію и благосостоянію. Для Франціи потребуется по меньшей мѣрѣ цѣлое поколѣніе, чтобы поправиться послѣ такого несчастія, ибо талантливые люди на истинно полезномъ поприщѣ составляютъ настоящія исключенія, а природа вовсе не бываетъ щедра на исключенія, особенно такого рода.

«Сдѣлаемъ теперь другое предположеніе; положимъ, что Франція сохранитъ всѣхъ своихъ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ науки, литературы, искуствъ и ремеслъ, но ее постигаетъ другое несчастіе: она внезапно теряетъ всѣхъ своихъ принцевъ и герцоговъ, всѣхъ своихъ высшихъ придворныхъ сановниковъ, государственныхъ министровъ и прокуроровъ, всѣхъ маршаловъ, кардиналовъ, архіепископовъ, епископовъ, викаріевъ, канониковъ, всѣхъ префектовъ и ихъ помощниковъ, всѣхъ чиновниковъ министерства, судей и, сверхъ того, десять тысячъ самыхъ богатыхъ и щедрыхъ поземельныхъ собственниковъ.

Такое несчастіе конечно опечалитъ добрыхъ французовъ, которые, разумѣется, не могли бы отнестись равнодушно къ внезапной потерѣ такого огромнаго числа своихъ соотечественниковъ; тѣмъ не менѣе, подобная потеря тридцати тысячъ человѣкъ, всѣми признаваемыхъ за самыхъ важныхъ людей въ государствѣ, причинила бы имъ горе, такъ сказать, съ сентиментальной только точки зрѣнія, ибо потеря эта не причинила бы странѣ никакого вреда.

Во первыхъ, потому что было бы весьма легко замѣстить всѣ, открывшіяся ваканціи. Между французами найдется огромное число людей, способныхъ неменѣе удовлетворительно исполнять обязанности принцевъ и герцоговъ; дворцовые пріемные покои переполнены придворными, готовыми занять мѣста высшихъ сановниковъ; въ рядахъ арміи найдется огромное число офицеровъ, способныхъ предводительствовать войскомъ не хуже теперешнихъ маршаловъ. Сколько найдется чиновниковъ, способныхъ занять и исполнять обязанности людей, занимающихъ въ настоящее время мѣста государственныхъ министровъ, префектовъ и ихъ помощниковъ; сколько адвокатовъ готово исполнять обязанности судей! сколько приходскихъ священниковъ способно занять мѣста кардиналовъ, архіепископовъ, епископовъ, викаріевъ и канониковъ! Что же касается до десяти тысячъ поземельныхъ собственниковъ, то наслѣдники ихъ, безъ всякаго приготовленія, готовы занять съ такою же представительностью ихъ мѣсто.»

Этотъ дерзкій памфлетъ произвелъ слишкомъ сильное впечатлѣніе, чтобы не переполошить властей и не вызвать оправданія автора, несмотря на поднявшіяся противъ него преслѣванія. Это было программой промышленнаго государственнаго устройства, задуманнаго Сенъ-Симономъ; за нею послѣдовало множество другихъ изданій, которыя впослѣдствіи были тщательно собраны Олиндомъ Родригомъ *, однимъ изъ его учениковъ. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ озаглавлены были: *Organisateur (Организаторъ)*, *Catéchisme des industriels (Катехизисъ рабочихъ)*, *Système industriel (Промышленная система)*. «Мы предлагаемъ, писалъ Сенъ-Симонъ, всѣмъ промышленнымъ людямъ, преданнымъ общему благу и знакомымъ съ существующими отношеніями между интересами общества и интересами промышленности, не позволять называть себя *либералами;* мы приглашаемъ ихъ поднять новое знамя, и принять отнынѣ за свой девизъ *industrialisme*. Названіе либераловъ было избрано, принято и провозглашено остатками патріотической и бонапартистской партіи; но это названіе представляетъ огромныя неудобства для людей, стремящихся главнымъ образомъ къ установленію новаго и прочнаго общественнаго порядка мирными средствами. Мы этимъ вовсе не имѣемъ въ виду сказать, чтобы патріоты и бонапартисты не оказали услугъ обществу; дѣятельность ихъ была полезна, ибо слѣдовало прежде разрушить зданіе, чтобы построить на его мѣстѣ новое. Но въ настоящее время одушевлявшій ихъ революціонный духъ діаметрально противуположенъ общественному благу; въ настоящее время названіе, невыражающее безусловно противуположнаго направленія революціоннымъ стремленіямъ, непригодно для людей просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ.» Мы нарочно привели всѣ эти цитаты, чтобы показать странное смѣшеніе противуположныхъ чувствованій, отличавшихъ сенъ-симонистскую доктрину въ этотъ первый періодъ ея существованія. Впослѣдствіи, эта школа постоянно проповѣдывала родъ слѣпаго уваженія къ требованіямъ вла-

---

* Benjamin Olinde-Rodrigues; род. въ 1794, ум. въ 1851.
Рус. перев.

сти, и доходила въ этомъ отношеніи до того, что поручала ей верховное наблюденіе за всѣми операціями труда, и создавала такимъ образомъ всестороннее вмѣшательство администраціи въ частные интересы всѣхъ гражданъ! Нетрудно понять, что Сенъ-Симонъ тѣмъ охотнѣе разширялъ этотъ деспотизмъ власти, что по его понятіямъ, власть эта естественно должна перейти въ руки работниковъ.

Мы вовсе не намѣрены разбирать въ настоящемъ мѣстѣ религіозную сторону сенъ-симонистской доктрины, какою она представляется въ его *Nouveau christianisme (Новомъ христіанствѣ)*, весьма замѣчательномъ сочиненіи, въ которомъ авторъ провозглашаетъ крайнюю необходимость въ улучшеніи положенія многочисленнѣйшихъ и бѣднѣйшихъ классовъ общества. Тѣмъ болѣе мы не подвергнемъ критической оцѣнкѣ превращенія этой промышленной школы въ какую то церковь, имѣвшую свое особое ученіе и своихъ толкователей. Эта часть развитія сенъ-симонистскаго ученія относится къ исторіи религіозныхъ заблужденій, такъ же какъ и попытки къ эманципаціи женщинъ, и всѣ сопровождавшія ихъ покушенія противъ общепринятыхъ правилъ нравственности. Наша же цѣль состоитъ въ томъ, чтобы указать на экономическія воззрѣнія этой школы, на вліяніе, оказанное ими на нашу науку. Тотчасъ послѣ смерти Сенъ-Симона, ученики его стали издавать, подъ именемъ *Producteur (Производитель)*, періодическій сборникъ, предназначавшійся для распространенія доктрины своего учителя, приспособляя ее къ требованіямъ времени, и дѣлая уступки, которыя они нашли нужнымъ взять обратно послѣ революціи 1830. Какъ бы то ни было, издателямъ этого сборника удалось распространить между просвѣщеннѣйшими органами печати воззрѣнія, благопріятныя для развитія промышленнаго могущества, и ослабить господствовавшее между ними исключительное пристрастіе къ политическимъ мѣрамъ. Простыми и неотразимыми аргументами напали они на древнюю запретительную систему, возобновленную и доведенную до крайности въ эпоху реставраціи; съ покойной и благородной гордостью указывали они на великое значеніе ученыхъ, ремесленниковъ и

художниковъ, на эту новую троицу будущей религіи, которую они намѣревались основать. Съ этой эпохи начинается настоящій переворотъ въ безусловно господствовавшихъ воззрѣніяхъ печати, заправлявшей общественнымъ мнѣніемъ во Франціи: военныя стремленія значительно ослабѣваютъ; отъ войны потребовались отчеты, и еще въ первый разъ стали замѣчать, что за привилегированными классами богатыхъ и знатныхъ людей стоитъ огромная масса *тружениковъ*, которымъ пришло время явиться на міровое поприще, и имѣть въ немъ своихъ законныхъ представителей.

Въ этомъ видѣ застигла ученіе сенъ-симонистовъ іюльская революція. Я думаю, что не преувеличу значенія ихъ первыхъ сочиненій, если скажу, что благодаря ихъ вліянію, смуты тогдашней эпохи приняли тотъ соціальный характеръ, который сосредоточилъ на себѣ вниманіе всей Европы. Изданіе *Производителя* прекратилось, но чтобы уступить свое мѣсто новому органу, который долженъ былъ опередить его. Новое *Изложеніе* сенъ-симонистской доктрины, зрѣло обсужденное въ совѣтѣ первоучителей великой школы, смѣло провозгласило уничтоженіе наслѣдства и общественную іерархію, основанную на способностяхъ каждаго. Понятно, сколько увлекательнаго было въ этомъ догматѣ для людскаго самолюбія, всегда предрасположеннаго къ преувеличенному мнѣнію о собственныхъ своихъ достоинствахъ, и на какія заманчивыя послѣдствія уничтоженія наслѣдства могли разсчитывать люди, которымъ нечего было терять. Сенъ-симонисты искусно воспользовались обстоятельствами, доставившими возставшему народу побѣду, прославившуюся самымъ высокимъ безкорыстіемъ, какое когда либо упоминается исторіей. Они практически толковали извѣстныя слова Сіейса: *третье сословіе есть все*, и желали, чтобы третье сословіе 1830 не было включено въ узкія границы буржуазіи. Но, между тѣмъ какъ они облекали свою проповѣдь въ самыя мирныя, повидимому, формы, невѣжественныя массы направились прямо къ своей цѣли, и къ осуществленію, при содѣйствіи возстаній, обольстительнаго обѣщанія: «Каждому по его способности, и каждой способности по дѣламъ ея» (A chacun selon sa capacité, à cha-

que capacité suivant ses œuvres). Не было недостатка и въ смѣлыхъ коментаторахъ для выставленія наружу печальнаго контраста между нищетой однихъ и богатствомъ другихъ. Не одинъ уличный ораторъ разбиралъ по ниточкѣ громадныя выгоды, предстоявшія человѣчеству отъ уничтоженія всѣхъ этихъ гнусныхъ неравенствъ, которыя представлялись ими настоящими грабительствами. Не такова была первоначальная мысль сенъ-симонистовъ, когда они провозгласили свою знаменитую формулу. Они вовсе не думали проповѣдывать ни общности имуществъ, ни общаго владѣнія женщинами, въ которомъ ихъ обвиняли впослѣдствіи; а представленный ими въ палату народныхъ представителей манифестъ не допускаетъ никакого сомнѣнія объ истинныхъ ихъ намѣреніяхъ въ этомъ отношеніи. Вотъ замѣчательнѣйшее мѣсто этого документа:

«Подъ системою общности имуществъ разумѣютъ обыкновенно раздѣленіе поровну между всѣми членами общества, какъ источника и средствъ производства, такъ и плодовъ труда всѣхъ трудящихся.

«Сенъ-симонисты отвергаютъ такое равное распредѣленіе собственности, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, это было бы бо̀льшимъ насиліемъ и большею несправедливостью, чѣмъ то распредѣленіе, которое было нѣкогда произведено силою оружія и правомъ завоеванія.

«Ибо сенъ-симонисты признаютъ естественное неравенство людей, и смотрятъ на него, какъ на неизбѣжное условіе общественнаго порядка.

«Они отвергаютъ систему общности имуществъ, такъ какъ она была бы очевиднымъ нарушеніемъ основнаго нравственнаго закона, въ распространеніи котораго и состоитъ ихъ призваніе, и по которому каждый человѣкъ занималъ бы мѣсто по своимъ способностямъ, и получалъ бы вознагражденіе по дѣламъ своимъ.

«Но, въ силу этого то закона, они требуютъ уничтоженія всѣхъ преимуществъ рожденія, безъ всякихъ исключеній, а слѣдовательно, и *уничтоженія права наслѣдства*, главнѣйшаго изъ этихъ преимуществъ, въ настоящее время заключающаго въ себѣ всѣ остальныя, и отдающаго на произволъ случайности распредѣленіе общественныхъ преимуществъ между незначительнымъ меньшинствомъ гражданъ, опирающихъ на нихъ свои притязанія и присуждающихъ огромное большинство къ нравственному паденію, невѣжеству и нищетѣ.

«Они требуютъ, чтобы всѣ орудія труда, земли и капиталы, въ настоящее время раздробленные на безчисленное множество част-

ныхъ имуществъ, поступили въ распоряженіе ассоціацій, которыя пользовались бы ими іерархически, такъ чтобы дѣло каждаго работника соотвѣтствовало его способностямъ, а его благосостояніе соотвѣтствовало его труду.

«Сенъ-симонисты настолько посягаютъ на организацію собственности, насколько организація эта освящаетъ за нѣкоторыми нечестивую привилегію праздности, то есть, право жить на счетъ труда ближняго, или насколько организація эта предоставляетъ на произволъ случайности рожденія условія, по которымъ люди распредѣляются на сословія.»

Несмотря на это заявленіе сенъ-симонистовъ, нетрудно, понять что ихъ нападки на переходъ собственности путемъ наслѣдства кончались настоящимъ ограбленіемъ семействъ. Они угрожали такимъ образомъ гражданамъ лишеніемъ правъ, всѣми считающихся за самыя священныя. Они посягали на самую сладостную надежду родителей, и подрывали благосостояніе самого общества, заглушая въ человѣкѣ самое энергическое побужденіе къ труду и бережливости. На комъ же будутъ лежать въ каждой странѣ обязанности распредѣленія между людьми земныхъ благъ и должностей? Гдѣ же отыскать такой высокій умъ и такое высокое безпристрастіе, которые служили бы гарантіей противъ ошибокъ и несправедливостей? Такое право должно принадлежать по меньшей мѣрѣ великому первосвященнику, непогрѣшимому, какъ папа, верховному распредѣлителю плодовъ труда. Приверженцы новаго ученія не отступили даже предъ этимъ затрудненіемъ, и избрали себѣ подъ именемъ *верховнаго отца* — владыку-распредѣлителя наслажденій и наказаній. Съ этой минуты сенъ-симонизмъ сталъ вырождаться въ какую то свѣтскую теократію, и выходитъ изъ ряда экономическихъ утопій. На него начали уже смотрѣть не какъ на школу, а какъ на религіозную секту, которую стали осыпать насмѣшками, которыми безпощадно преслѣдуютъ во Франціи всякаго основателя новой религіи. Въ то же самое время безумныя попытки къ эманципаціи женщинъ окончательно уронили въ глазахъ публики и тѣ положенія сенъ-симонистской доктрины, въ которыхъ могло заключаться много хорошаго и полезнаго. Всѣ они, безъ исключенія, подверглись одному, общему осужде-

нію. Только смѣхъ и негодованіе возбудили пренія между двумя главнѣйшими представителями секты, изъ коихъ одинъ, женатый человѣкъ, доказывалъ, что въ семействѣ каждый ребенокъ обязанъ признавать своего отца, между тѣмъ какъ другой, холостой человѣкъ, доказывалъ, что этотъ важный вопросъ долженъ быть предоставленъ на рѣшеніе одной только жены. Серьезные люди видѣли одну только распущенность мысли въ соблазнительной постановкѣ вопросовъ, ведущихъ къ разрушенію семейства и собственности. Правительство встревожилось; общество взволновалось. Напрасно сенъ-симонисты устраивали храмы, разъясняли сущность своего ученія краснорѣчивыми проповѣдями, привлекавшими бѣдныхъ какимъ то непонятнымъ очарованіемъ; не помогло даже ихъ необыкновенное искуство пріобрѣтать себѣ все большее число приверженцевъ и адептовъ: паденіе ихъ, тѣмъ не менѣе, было близко, и самыя раціональныя ихъ воззрѣнія все болѣе и болѣе перепутывались съ заблужденіями ихъ воображенія. Всюду поднявшіяся возмущенія были приписаны ихъ проповѣди, а потекшая кровь вскорѣ превратила насмѣшки въ негованіе. Правительство закрыло мѣста ихъ сборищъ, а суды преслѣдовали ихъ, какъ нарушителей общественнаго порядка.

Какой печальный конецъ послѣ такого блестящаго начала! Кто могъ думать, что ученыя изслѣдованія промышленнаго устройства, появившіяся въ *Производителѣ*, окончатся объявленіемъ *свободной женщины* и *избраніемъ верховнаго отца*! Но, несмотря на всѣ эти сумасбродства *, одна глубокая мысль, пережила погромъ, разразившійся надъ сенъ-симонистами, освобожденная отъ грязныхъ чувственныхъ воззрѣній,

---

* Бланки напрасно увлекается въ настоящемъ случаѣ предметами, мало относящимися къ дѣлу, то есть, къ политико-экономическимъ вопросамъ. Эту сторону сенъ-симонистской доктрины я надѣюсь подробно и безпристрастно разобрать въ одномъ изъ этюдовъ, которые я намѣренъ посвятить разсмотрѣнію всѣхъ соціалистическихъ ученій новѣйшаго времени. Одинъ изъ этихъ этюдовъ, посвященный разбору теоріи Фурье, помѣщенъ въ сборникѣ, изданномъ мною въ 1865 году. Рус. перев.

улицы Монсиньи *. Мысль эта была выражена однимъ изъ главныхъ органовъ секты слѣдующимъ образомъ: «Общество состоитъ только изъ праздныхъ людей и тружениковъ. Правительства должны стремиться къ нравственному, физическому и умственному улучшенію положенія работниковъ и къ постепенкому искорененію праздности. Что касается до послѣдней, то средствомъ для ея искорененія должно служить уничтоженіе всѣхъ преимуществъ, доставляемыхъ рожденіемъ; что же касается до улучшенія положенія работниковъ, то цѣль эта должна достигаться раздѣленіемъ ихъ на классы по способностямъ и вознагражденіемъ по дѣламъ.» Сенъ-симонисты вполнѣ понимали, что при настоящемъ порядкѣ вещей, имъ невозможно было быстро достигнуть своей цѣли; поэтому, они сами признавали необходимость постепеннаго перехода, и отвергали немедленное уничтоженіе права наслѣдства. По ихъ мнѣнію, слѣдовало уничтожить наслѣдованіе отдаленныхъ боковыхъ линій, чтобы нечувствительно пріучить умы къ болѣе рѣшительнымъ преобразованіямъ. Въ вознагражденіе за уменьшеніе налоговъ, они предоставляли въ собственность государства имущества, которыя поступали бы въ его распоряженіе за отсутствіемъ прямыхъ наслѣдниковъ, и предлагали увеличить въ значительной степени пошлины съ наслѣдствъ, переходящихъ по прямой линіи. Открывая новый источникъ государственныхъ доходовъ, они надѣялись дать сильный толчекъ всѣмъ отраслямъ промышленности, вырыть новые каналы, провести новыя дороги, воздвигнуть общественныя сооруженія и учредить образовательныя заведенія, обусловливаемыя потребностями страны.

И теперь еще нельзя читать безъ особеннаго интереса проекты, ежедневно предлагавшіеся ими въ *Globe*, газетѣ, сдѣлавшейся ихъ собственностью. По странному стеченію обстоя-

---

* Въ этой улицѣ устроили сенъ-симонисты главное мѣсто для своихъ проповѣдей, когда школу свою они обратили въ религіозную секту. Здѣсь они открыли свои вечера и бесѣды, на которые стекалась огромная масса посѣтителей. Вѣроятно, опьяненіе салоннымъ успѣхомъ немало содѣйствовало развитію эпикурейскихъ стремленій отуманившихъ этихъ замѣчательныхъ людей. Прим. автора.

тельствъ этотъ журналъ издавался до нихъ товариществомъ весьма замѣчательныхъ людей *, въ руки которыхъ перешла власть послѣ переворота 1830. То, что̀ прежній Globe старался завоевать мыслью для среднихъ классовъ, то теперь сенъ-симонисты требовали во имя труда для низшихъ классовъ общества. Они принимали дѣятельное участіе во всѣхъ реформахъ, поднятыхъ преобразовательнымъ движеніемъ іюльской эпохи. Ихъ газета, раздававшаяся даромъ во многихъ тысячахъ экземпляровъ, съ несомнѣннымъ знаніемъ дѣла разбирала вопросы финансовъ, общественныхъ работъ, банковъ, ассоціацій, пауперизма, и должно согласиться, что никогда, никакое общество ученыхъ не пускало въ обращеніе такой массы новыхъ понятій. Понятія эти, конечно не всегда отличались вѣрностью или приложимостью; между ними нерѣдко попадались довольно странныя, выраженныя къ тому же, какимъ то особеннымъ, неслыханнымъ языкомъ; но, по мѣрѣ того какъ успокоивались умы, начинался справедливый судъ потомства и для сенъ-симонистовъ, который разложилъ амальгаму, представляемую ихъ ученіемъ, и нашелъ много частицъ драгоцѣннаго металла среди постороннихъ примѣсей *. Этому ученію обязаны мы современнымъ стремленіемъ къ труду, а быть можетъ, и исключительнымъ направленіемъ къ одной общей цѣли всѣхъ отраслей человѣческой дѣятельности. Устанавливая, какъ своими проповѣдями, такъ и своими изслѣдованіями, религію труда, сенъ-симонисты обратили прежнее равнодушіе правительствъ и высшихъ классовъ къ рабочимъ классамъ въ искреннюю заботливость о нихъ. Ихъ глубокія

---

* Главнымъ между ними былъ извѣстный историкъ и министръ, Гизо. Рус. перев.

* Желающимъ ближе познакомиться съ ученіемъ Сенъ-Симона можно указать на два сочиненія: M. G. Hubbard, *Saint-Simon, sa vie et ses travaux*. Paris, 1857, и *Doctrine Saint-Simonienne. Exposition*. Paris, 1854. Что же касается до исторіи соціализма и коммунизма Сюдра и Рейбо, то съ этими авторами слѣдуетъ обращаться съ особенною осторожностью, вслѣдствіе очевиднаго пристрастія ихъ къ буржуазіи, плохаго знакомства съ источниками, въ особенности нѣмецкими, и вслѣдствіе политическаго ихъ ренегатства.

Рус. перев.

изслѣдованія теоріи банковъ, ихъ оригинальныя воззрѣнія на ипотечную систему, на недостаточность народнаго образованія, на воспитательные дома, познакомили въ нѣкоторой степени, даже людей, вовсе незнакомыхъ съ политической экономіей, съ основными положеніями этой науки. Между тѣмъ какъ экономисты только разсуждали о различныхъ теоріяхъ, сенъ-симонисты смѣло приступили къ рискованному примѣненію ихъ къ практикѣ, и принимали на свой страхъ всѣ опасности опытовъ, прокладывавшихъ дорогу будущему. Ихъ личное безкорыстіе не уступало религіозному энтузіазму къ задуманному ими дѣлу, и, какъ бы ни обвиняли ихъ въ этомъ отношеніи, въ настоящее время всѣми признано, что они вышли въ крайней бѣдности изъ своихъ мастерскихъ и храмовъ *.

Я ничего не скажу о несчастной мысли ихъ удалиться въ деревню, расположенную на Мениль-Монтанскихъ высотахъ, съ намѣреніемъ предаться въ ней служенію труду. Грустно было видѣть, что замѣчательнѣйшіе химики, искуснѣйшіе инженеры, глубокіе и оригинальные мыслители низошли на послѣднюю ступень простыхъ чернорабочихъ, и, вслѣдствіе насилія надъ самими собою, взялись за исправленіе самыхъ обыденныхъ домашнихъ работъ. Поступая такимъ образомъ, они унижали умственное развитіе, и отвергали главныя основанія раздѣленія труда. Но что̀ сказали бы они, строгіе послѣдователи общественной іерархіи, защитники принципа: каж-

---

* Да, они вышли дѣйствительно крайне бѣдными изъ храмовъ и мастерскихъ, но это нисколько не помѣшало весьма многимъ изъ нихъ занять впослѣдствіи мѣста министровъ, сенаторовъ и академиковъ. Быть можетъ, ни одно ученіе не имѣло столько отступниковъ и ренегатовъ, между которыми было, правда, много независимыхъ мыслителей, какъ Базаръ, Анфантенъ, Огюстенъ Тьерри, Огюстъ Контъ, творецъ положительной философіи, Олиндъ-Родригъ, Литтре. За то прототипомъ остальныхъ можетъ служить Мишель Шевалье или Перейръ. Но такъ какъ сенъ-симонистское ученіе дѣйствительно дало огромное число весьма талантливыхъ людей, то это послужило основаніемъ мнѣнію, что ученіе это было превосходной школой для приготовленія замѣчательнѣйшихъ дѣятелей на всевозможныхъ поприщахъ. Рус. перев.

дому по его способностямъ, еслибы рабочіе классы, оставивъ плугъ или кузнечный молотъ, объявили своимъ призваніемъ ученыя занятія въ то время, какъ провозвѣстники новой религіи самоотверженно предавались грубымъ работамъ простыхъ поденщиковъ? Какое противурѣчіе между словомъ и дѣломъ! И противурѣчіе это было не одно: изучая ихъ доктрину, невольно поражаешься независимостью ихъ принциповъ и деспотизмомъ предписываемыхъ ими правилъ; нѣтъ возможности согласить эти проекты эманципаціи рабочихъ съ строгой дисциплиной, которой ихъ хотѣли подчинить? Сенъ-симонисты имѣютъ нѣкоторое сходство съ физіократами, у которыхъ они заимствовали, повидимому, догматъ пассивнаго повиновенія и безусловнаго уваженія къ власти. Такое направленіе принесло, впрочемъ, болѣе пользы, чѣмъ вреда. Въ эпоху реставраціи, во Франціи развилась, и къ сожалѣнію, не безъ основанія, привычка осуждать правительство: за нимъ слѣдили недовѣрчиво, и повиновались ему неохотно. Ко всѣмъ почти предпринимавшимся мѣрамъ его относились враждебно, и парализировали тѣмъ ихъ дѣйствіе; такъ что общественная власть съ каждымъ днемъ слабѣла къ великому ущербу для благосостоянія страны и для ея достоинства. Сенъ-симонисты, къ которымъ власть относилась съ такой несправедливостью, учили французскій народъ, что и правительство можетъ принести нѣкоторую пользу. Это было по истинѣ смѣлымъ дѣломъ для той эпохи, въ которую каждый считалъ долгомъ гордиться своимъ участіемъ въ сверженіи царствовавшей династіи. Сенъ-симонизмъ пытался сдержать элементы разрушенія, которые послѣ перваго, рѣзко остановленнаго порыва, все еще готовы были продолжать начатое ими дѣло ломки; онъ старался также пробудить въ высшихъ классахъ симпатію къ низшимъ, которыхъ они слишкомъ часто забывали. Такое честное дѣло могло и не удасться, вслѣдствіе совершенныхъ ими ошибокъ, но кто свободенъ отъ нихъ при самомъ безкорыстномъ стремленіи къ благому дѣлу? Такія смѣлыя попытки всегда оставляютъ вслѣдъ за собой свѣтлые слѣды, которымъ не замедлятъ воспользоваться грядущія поколѣнія. Въ настоящее время сенъ-симонисты вернулись въ

жизнь, и снова взялись за тѣ занятія, къ которымъ каждый изъ нихъ былъ приготовленъ своимъ воспитаніемъ; они строятъ желѣзныя дороги, предпринимаютъ полезныя для своей страны путешествія, учреждаютъ заводы и всюду стоятъ во главѣ полезныхъ промышленныхъ предпріятій *. Они съ уваженіемъ относятся къ своему прошлому, никогда не подымая его, и довольствуясь тѣмъ, что поставили самые животрепещущіе вопросы настоящаго времени и подготовили важнѣйшіе элементы для ихъ разрѣшенія. Европа, недавно еще осмѣивавшая ихъ, идетъ въ настоящее время по указанному ими пути, а преслѣдовавшее ихъ правительство съ охотой принимаетъ ихъ услуги. Развѣ такъ относятся къ побѣжденнымъ?

ГЛАВА XLIV.

Экономисты-утописты. — *Общежительная* система Фурье. — Обзоръ его главнѣйшихъ сочиненій. — Основная мысль его ученія. — Насколько возможно его развитіе. — *Соціальная* система Овена. — Неудачныя попытки его въ Нью-Ланаркѣ и въ Нью-Гармони. — Воззрѣнія, исключительно свойственныя этому экономисту.

Въ хронологическомъ порядкѣ сенъ-симонисты не были первыми экономическими реформаторами девятнадцатаго вѣка.

---

* Напримѣръ Эмиль Перейръ, основатель поземельнаго банка, открытаго въ 1848, послѣ 20 лѣтнихъ настойчивыхъ преслѣдованій своей цѣли; строитель первой желѣзной дороги во Франціи, а потомъ, Сѣверной; творецъ проекта величайшаго предпріятія нашего времени, предпріятія, которое въ будущемъ, быть можетъ, заслонитъ собою великое дѣло Васко-де-Гамы — прорытіе Суезскаго канала; наконецъ, основатель, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Исаакомъ, общества движимаго кредита, которое, несмотря на раціональность принципа, легшаго въ его основаніе, вслѣдствіе различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, такъ печально оканчиваетъ въ настоящее время свое существованіе. Ему же принадлежитъ иниціатива множества превосходныхъ мѣръ и цѣлый рядъ статей, въ которыхъ предлагается не одно хорошее средство для облегченія народа. Дѣйствительно, странная судьба для приверженца Менильмонтанскаго семейства! И какъ хорошо поступаютъ эти увлекавшіеся въ молодости люди, что не вспоминаютъ своего прошлаго! Рус. перев.

Уже задолго до появленія въ свѣтъ ихъ сочиненій, два замѣчательные, хотя и съ различныхъ точекъ зрѣнія, человѣка, Фурье и Овенъ, задумали общественное преобразованіе, первый—подъ именемъ *соціэтарнаго, (sociétaire)*, второй — подъ именемъ *соціальнаго, (social)* *, первое—основанное на началахъ ассоціаціи, второе—на общемъ пользованіи. Исходная точка обоихъ была одна и та же; какъ тотъ, такъ и другой были поражены бѣдствіями современнаго общества, нашею искаженной нравственностью, страданіемъ наибольшаго числа нашихъ ближнихъ, и настоятельною необходимостью положить имъ конецъ; но для достиженія этой цѣли они предлагаютъ существенно различныя средства. Сенъ-симонисты надѣлали болѣе шума, и достигли бо̀льшихъ результатовъ, ибо основатель ихъ школы оставилъ послѣ смерти своей ревностныхъ и энергическихъ послѣдователей, имѣвшихъ всѣ шансы для доставленія побѣды его ученію, если только изъ него могло выйти какое либо великое общественное возрожденіе.

Теоріи Фурье и Овена снискали себѣ несравненно позже ту громкую извѣстность, которая сосредоточиваетъ на себѣ всеобщее вниманіе, и доставляетъ иногда успѣхъ. Фурье умеръ съ небольшимъ годъ тому назадъ, а Овенъ еще живъ въ настоящую минуту **. Уже одного этого объстоятельства достаточно для объясненія различной степени вниманія къ проповѣдямъ сенъ-симонистовъ и къ теоріямъ Фурье и Овена. Тѣмъ неменѣе, сочиненія этихъ философовъ появились за много лѣтъ ранѣе первыхъ трудовъ Сенъ-Симона; къ тому же, они предлагаютъ общественную организацію несравненно болѣе

---

* Оба эпитета непереводимы на русскій, да и на какой бы то ни было языкъ, ибо они выражаютъ понятія вполнѣ новыя и оригинальныя. Назвать теорію Фурье *соціалистической* или *ассоціаціонной* (!), а теорію Овена — *коммунистической* значило бы подать поводъ къ непростительнымъ недоразумѣніямъ и соблазну. Я предложилъ бы, въ переводѣ на русскій языкъ, назвать первую теорію *общежительной*, а вторую — *воспитательной*, по основной мысли каждой изъ нихъ, рѣшительно господствующей надъ всемъ ученіемъ.

Рур. перев.

** Фурье родился въ 1772, умеръ 10 октября 1837; Овенъ родился въ 1771, умеръ въ декабрѣ 1858. Рус. перев.

широкую и полную, чѣмъ организація, предложенная сенъ-симонистской школой. Фурье, котораго ученики провозглашаютъ въ настоящее время великимъ человѣкомъ, очевидно превосходилъ своихъ двухъ соперниковъ оригинальною смѣлостью мысли и необыкновенной настойчивостью своего характера; онъ былъ твердо убѣжденъ, что рѣшилъ лучше ихъ общественную задачу, и обвинялъ въ безплодности всѣ современныя экономическія доктрины, не замѣчая, что самъ онъ вносилъ, подобно имъ, только новыя сомнѣнія и иллюзіи въ міръ сомнѣній и иллюзій, созданныхъ цивилизаціей. Мы убѣдимся въ этомъ изъ бѣглаго разбора его теоріи.

Фурье съ ранняго возраста пораженъ былъ ложью, которою заражены были всѣ человѣческія отношенія. Въ дѣтствѣ онъ видѣлъ необходимость бороться съ неудержимыми страстями и съ требованіями начальниковъ; позже, по вступленіи въ жизнь, честная природа его возмущена была при видѣ мошенничества въ торговлѣ, раздора въ семьѣ, обмана въ политикѣ. Его возмущала противуположность между голодной честностью и благоденствующимъ порокомъ. Прежде чѣмъ онъ могъ дойти своимъ умомъ до того положенія, что Провидѣніе необходимо должно имѣть болѣе высокія цѣли, онъ глубоко скорбѣлъ надъ противурѣчіями и надъ разбитыми надеждами человѣческаго существованія. Не можетъ быть, чтобы среди неисчислимыхъ даровъ природы, подъ этимъ свѣтлымъ солнцемъ, на всѣхъ расточающимъ лучи свои, среди этого изобилія самыхъ вкусныхъ плодовъ, подлѣ этихъ свѣтлыхъ источниковъ, люди страдали отъ недостатка свѣта, томились въ больницахъ и темницахъ, и умирали отъ голода и жажды! Существуютъ человѣческія созданія, въ тысячу разъ болѣе несчастныя, чѣмъ звѣри, ибо имъ приходится испытывать нравственныя муки, кромѣ физическихъ страданій! Повидимому, полная гармонія царитъ въ этомъ мірѣ, созданномъ для человѣка, кромѣ самого человѣка! Повидимому, жилище его такъ прекрасно, и звѣзды проливаютъ на него такой блестящій свѣтъ для того только, чтобы вмѣщать въ себѣ и освѣщать невыразимыя муки владыки этого міра! Что за богохульство, что за нелѣпость!

Пораженный этимъ противурѣчіемъ, какъ какимъ то откровеніемъ, Фурье сталъ отыскивать причины его со свойственной ему глубокой проницательностью и неуклонной настойчивостью. Ему показалось, что страсти, на которыя взваливаютъ обыкновенно всѣ наши несправедливости, могутъ служить средствомъ для достиженія добра, и что нетрудно было бы употребить ихъ въ пользу, какъ всякую живую силу, придавъ имъ разумное и полезное направленіе; такимъ образомъ, онъ положилъ основаніе своей системѣ въ первомъ изъ своихъ сочиненій, *Théorie des quatre mouvements*, *(Теоріи четырехъ движеній)*. Эти четыре движенія названы имъ: *соціальное (social), животное (animal), органическое (organique) и матерьяльное (matériel)*. Теорія перваго должна объяснить законы, по которымъ Богъ установилъ порядокъ и послѣдовательность въ различныхъ общественныхъ организаціяхъ на всѣхъ обитаемыхъ планетахъ. Теорія втораго должна объяснить законы, по которымъ Провидѣніе распредѣляетъ страсти и инстинкты между всѣми существами, живущими на различныхъ планетахъ. Теорія третьяго движенія объясняетъ законы, по которымъ Творецъ міра распредѣляетъ свойства, формы, цвѣта и вкусы между всѣми предметами. Наконецъ, теорія матерьяльнаго движенія, настоящая новая космогонія, должна объяснить законы міроваго тяготѣнія по понятіямъ автора. Нетрудно съ разу же догадаться, къ чему должна была повести эта притязательная постановка теорій; это было первой ошибкой Фурье; но еще большей ошибкой была упрямая въ ней настойчивость. Порывы своего воображенія онъ превратилъ въ геометрическія теоремы, понятныя только ему одному, и на которыя онъ не допускалъ никакихъ возраженій. Ему слѣдовало вѣрить, или подвергнуться отлученію. Фурье не отступалъ ни предъ какою знаменитостью, ни предъ какимъ авторитетомъ. Философы были только поношеніемъ міру, по его мнѣнію, а самъ міръ, вотъ уже пять тысячъ лѣтъ какъ идетъ по извращенному пути. Наука, нравственность, политика, во всѣ времена, были только сплетеніемъ сумасбродствъ и нелѣпостей.

Фурье провелъ такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ среди го-

рячечной ненависти и полнѣйшаго отрицанія прошедшаго, неоставлявшихъ его до послѣднихъ минутъ его жизни. Самъ языкъ его, еще болѣе странный, чѣмъ рѣчь сенъ-симонистовъ, казался явной насмѣшкой надъ французскимъ языкомъ; онъ былъ переполненъ самыми странными выраженіями и какими то кабалистическими терминами. Но, тѣмъ неменѣе, сквозь всѣ его темности основная мысль его все таки пробилась наружу. Фурье имѣлъ въ виду доказать превосходство ассоціаціи во всѣхъ возможныхъ видахъ надъ раздробленіемъ, и организовать разъединенныя человѣческія силы при содѣйствіи такъ называемаго имъ *страстнаго притяженія (attraction passionnée)*. Цѣль его состояла въ соединеніи людей, какъ самъ онъ выражался, въ *единомъ капиталѣ, трудѣ* и *талантѣ*. Для достиженія ея онъ предлагалъ * сочетаніе силъ отдѣльныхъ производителей, уменьшеніе числа рабочихъ часовъ, распредѣленіе людей по возрастамъ и занятіямъ на *разряды (séries)* и превращеніе тяжкаго, монотоннаго труда въ непрерывное развлеченіе, поддерживаемое постоянными удовольствіями и сладостными ощущеніями. Довольно трудно, даже послѣ того, какъ ученики освободили его теоріи отъ критическихъ отступленій, совершенно заслонявшихъ ихъ, сказать положительно, чего желаетъ авторъ: гораздо легче понять, чего онъ не хочетъ. Но это не мѣшало ему надѣяться на осуществленіе нѣкоторыхъ изъ его идей, когда онъ издалъ свой *Traité de l'association domestique agricole (Трактатъ о домашней земледѣльческой ассоціаціи)*, въ которомъ онъ развиваетъ безконечную цѣпь *унитарныхъ сочувственныхъ разрядовъ (séries unitaires passionnées)* **, которыми онъ замѣ-

* Въ особенности въ *Traité d'association domestique agricole.* Bésançon et Paris. 1822. 2 vol. Эта же мысль еще съ большею ясностью развита въ изданіи его учениковъ: *Théorie de l'unité universelle.* Paris, 1841. 4 vol. Рус. перев.

** Для ознакомленія читателя съ *разрядомъ* или *серіей* Фурье, привожу нѣсколько примѣромъ. *Серія* — это мельчайшая единица общественной организаціи, какъ бы промышленная семья. Она состоитъ изъ 7, 9, 11 или 13 членовъ. Положимъ, что 13 человѣкъ, отъ 20 до 40 лѣтняго возраста, соединяются для воздѣлыванія яблокъ. По возрасту они составятъ серію, группу, въ центрѣ которой будетъ

няетъ нынѣшнее разъединеніе работниковъ. Вмѣсто нашихъ деревень, разбросанныхъ, грязныхъ и дурно построенныхъ, Фурье придумалъ для каждой мѣстности огромное сооруженіе — *фаланстеръ*, наполненный различными *общинами-фалангами* соединенныхъ работниковъ всякаго рода, числомъ до восьми сотъ. *Страстное притяженіе*, страстное желаніе всеобщаго блага несомнѣнно раскрыло бы этимъ общинамъ выгоды новаго, принятаго ими образа жизни. Не будетъ болѣе лачугъ и развалившихся сараевъ; ихъ мѣсто займетъ простое и удобное зданіе, надъ которымъ будетъ возвышаться башня порядка съ телеграфомъ и часами. Всѣ сообщенія происходили бы по просторнымъ улицамъ-галлереямъ, провѣтриваемымъ лѣтомъ и отопляемымъ зимою. Каждая семья помѣстилась бы по своимъ средствамъ, и могла бы жить по своему состоянію. Въ общественномъ управленіи такой общины не было ничего монастырскаго или казарменнаго; это было бы товариществомъ, въ которомъ каждый общинникъ получалъ бы свою долю выгоды, вслѣдствіе замѣны однимъ общимъ погребомъ—трехсотъ отдѣльныхъ погребовъ, однимъ хлѣбнымъ амбаромъ — трехсотъ отдѣльныхъ амбаровъ, одной общей кухней, вмѣсто трехсотъ или четырехсотъ отдѣльныхъ кухонь.

---

5 человѣкъ сорокалѣтнихъ, по обѣимъ сторонамъ которой будетъ 4 челолѣка 20 лѣтнихъ и 4 человѣка тридцатилѣтнихъ. По темпераменту центръ займутъ флегматики, а по сторонамъ для возбужденія ихъ— сангвиники. По выбору плода для обработки—въ срединѣ помѣстятся воздѣлыватели мучнаго яблока, а по бокамъ—воздѣлыватели кислыхъ и сладкихъ сортовъ, и т. д. Чѣмъ больше окажется въ группѣ веселаго разнообразія, чѣмъ менѣе будетъ скучнаго однообразія, тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ работа, тѣмъ привлекательнѣе будетъ трудъ и тѣмъ крѣпче *серія* будетъ связана *страстнымъ притяженіемъ*. Нечего и говорить, что для всякой новой цѣли *разряда* члены его могутъ быть одни, по склонностямъ — другіе по орудію ремесла — третьи, по темпераменту — четвертые, и т. д. Желающихъ ближе ознакомиться съ общимъ духомъ, философскимъ и нравственнымъ значеніемъ ученія Фурье, а также съ болѣе подобнымъ описаніемъ *серіи* и *фаланстера*, отсылаемъ къ статьѣ о Фурье, помѣщеиной въ сборникѣ, изданномъ въ 1865 подъ заглавіемъ *Критическія этюды*.

Рус. перев.

Во всемъ этомъ мысль Фурье не представляетъ еще ничего особеннаго, чего бы мы не встрѣчали въ учебныхъ заведеніяхъ, въ обширныхъ фабрикахъ, въ мѣстахъ многочисленныхъ сборищъ *, въ которыхъ жизнь на общій счетъ несомнѣнно обходится дешевле, и представляетъ различнаго рода выгоды. Остается спросить, чѣмъ будутъ существовать богатые ли или бѣдные жители фаланстера? Фурье нисколько не затруднился рѣшеніемъ этого вопроса. Каждый собственникъ долженъ получить, въ замѣнъ своихъ земель, особенныя, легко передаваемыя акціи, которыя и представляли бы ихъ цѣнность, и тогда падутъ стѣны, живые заборы, изгороди, раздѣляющія наслѣдственные участки **. Раздробленіе собственности падало предъ такимъ синтетическимъ предположеніемъ. Пятьсотъ отдѣльныхъ клочковъ земли обращались въ одно владѣніе; не было больше одиночнаго труда, прекращался ирландскій способъ обработки почвы. Внутри фаланстера, обширныя и свѣтлыя мастерскія замѣняли собой холодныя и пыльныя риги нашихъ деревенскихъ лачугъ. Занятія каждаго человѣка упрощались искуснымъ и разсчетливымъ раздѣленіемъ труда, не безусловнымъ и непрерывнымъ, какой предлагается экономистами, но привлекательнымъ, пріятнымъ и разнообразнымъ, какъ отдохновенія знатныхъ господъ и какъ полезное для здоровья упражненіе. Какъ въ земледѣліи, такъ и въ работахъ, каждый слѣдовалъ бы собственному своему влеченію, а такъ какъ работники находились бы подъ постоян-

---

* Клубы, собранія, гостиницы, общіе обѣденные столы, и проч.

** Фурье, собственно, не былъ противъ личной поземельной собственности: онъ только подчинялъ ее условіямъ своей страстной ассоціаціи; онъ не былъ и противъ семьи, но рядомъ съ законнымъ бракомъ допускалъ наложничество и различные виды сожительства, существованіе фаворитовъ, открытыхъ и тайныхъ любовниковъ, съ которыми женщина не приживала дѣтей, или же приживала, и тогда они называются имъ *géniteurs*, и проч. Въ сущности же, онъ только освящалъ всеобщей санкціей всѣ тѣ виды любовныхъ отношеній, которые существуютъ и въ настоящее время, только въ скрываемыхъ формахъ, такъ какъ они преслѣдуются закономъ и тою стороной общественнаго мнѣнія, по которой *быть однимъ* и *казаться другимъ* составляетъ высшее правило житейской мудрости. Рус. перев.

нымъ вліяніемъ другъ на друга, и подъ вліяніемъ желанія превзойти другъ друга совершенствомъ работы, то и произведенія ихъ труда естественно и необходимо должны превзойти произведенія труда постояннаго и насильственнаго. Такимъ образомъ, фаланстерская община должна доставить несравненно бо̀льшія прибыли, чѣмъ всѣ старинные способы эгоистическаго производства; теперь оставалось только справедливо распредѣлить полученные барыши. Тутъ Фурье, повидимому, слишкомъ уже увлекается духомъ ассоціаціи. Онъ надѣется, что капиталисты *фаланстера*, прямо заинтересованные въ благосостояніи работниковъ, безъ которыхъ ихъ капиталы оставались бы непроизводительными, предоставятъ имъ безобидную долю въ полученной прибыли, а работники, въ свою очередь, убѣжденные въ невозможности работать безъ капиталовъ, при распредѣленіи этой прибыли, оберегутъ интересы капиталистовъ. Такимъ образомъ, при распредѣленіи барышей не будутъ забыты ни капиталъ, ни трудъ, ни талантъ. Но какъ же опредѣлить по справедливости долю, причитающуюся труду, и долю, причитающуюся таланту? По ихъ полезности, отвѣчаетъ Фурье, ибо онъ отдаетъ предпочтеніе искуствамъ полезнымъ надъ пріятными. Онъ различаетъ трудъ необходимый, полезный, и просто пріятный. Первый долженъ получать большее вознагражденіе, ибо вообще онъ бываетъ болѣе всего тягостнымъ, а пріятныя работы отчасти вознаграждаются сопровождающими ихъ удовольствіями. Чернорабочіе должны быть лучше вознаграждены, чѣмъ художники. Этимъ путемъ надѣялся Фурье поднять бѣдные классы изъ жалкаго ихъ положенія, и уничтожить всѣ поводы къ ненависти и зависти, которые разъединяютъ ихъ съ богатыми классами отъ самаго сотворенія міра. У Фурье бѣдныхъ не было бы вовсе. Малѣйшее усиленіе *отвратительныхъ* свойствъ труда неизбѣжно увеличивало бы вознагражденіе за него, такъ что всеобщее *согласіе* не замедлило бы установиться между искони враждебными классами. Заслуги геніальныхъ людей въ наукахъ, искуствахъ, ремеслахъ, оцѣнивались бы всѣми фалангами, и вознаграждались бы всѣми работниками. Не было бы болѣе ни тяжбъ, ни больницъ, ни темницъ; не было

бы ни несправедливости, ни насилій современнаго общественнаго устройства!

Я забылъ сказать, что не было бы больше ни армій, ни войнъ! Или, вѣрнѣе, онѣ были бы, но что̀ это были бы за арміи, какія онѣ вели бы войны! Были бы великія промышленныя арміи, набранныя изъ лучшихъ работниковъ, которыя исполняли бы самыя гигантскія работы на всей поверхности земнаго шара, однѣ, прорѣзывающія Суэзскій перешеекъ, другія — Панамскій, здѣсь — расчищающія русла рѣкъ, тамъ — соединяющія озера, осушающія болота или разрабатывающія рудники. Мы уже видѣли, во что̀ обращались деревни: можно себѣ представить, что̀ будетъ съ городами. Симпатіи, связывающія фаланги, будутъ руководить сношеніями высшаго порядка, которыя возникнутъ между городами; а если для достиженія какой либо цѣли, индивидуальныхъ силъ окажется недостаточно, то двинутся арміи, но уже не на разореніе и не для грабежа, какъ въ настоящее время, а для созиданія и улучшенія. Въ политическомъ отношеніи— всемірное избраніе, безусловная свобода, полнѣйшее равенство, словомъ, отсутствіе всякаго правительства. Къ чему безпокоиться о буряхъ, когда скованы всѣ вѣтры, за исключеніемъ однихъ зефировъ? Съ этой точки зрѣнія автору оставалось только провозгласить вѣчную весну. Тѣмъ неменѣе, нельзя относиться иронически къ мечтамъ Фурье. Человѣкъ, посвятившій всю свою жизнь на служеніе подобной идеѣ, желавшій направить страсти къ благу всего человѣчества, человѣкъ, задумавшій слить въ одно цѣлое всѣ семьи и всѣ интересы, человѣкъ, съ такой энергіей стремившійся къ прекращенію общественныхъ бѣдствій, выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ мечтателей, хотя бы въ проектахъ его и было много утопическаго. Мы часто называемъ утопіей передовую мысль, непонятную для того поколѣнія, которому она впервые высказывается, но эта мысль можетъ обратиться въ истину, въ общее мѣсто, для послѣдующаго поколѣнія. Фурье положилъ основаніе теоріи, начинающей приносить свои плоды, ибо люди, даже вовсе незнакомые съ ней, какъ бы безсознательно подчиняются ей, составляя всякаго рода товарище-

ства для достиженія, какъ матерьяльныхъ, такъ и нравственныхъ выгодъ. Соціалистическая школа привлекла бы къ себѣ еще большее число послѣдователей, еслибы Фурье не отнесся съ такимъ глубокимъ презрѣніемъ безусловно ко всѣмъ писателямъ, посягая на первую обязанность всякаго здравомыслящаго человѣка, на уваженіе къ нашимъ предкамъ. Въ наукѣ существуетъ такое же нисходящее родство, какъ и въ обыденной жизни; а выказывать презрѣніе къ своимъ предкамъ значитъ или не имѣть такта, или обнаружить свои непохвальныя нравственныя склонности. Къ тому же, дѣло предковъ, или, что̀ то же, дѣло вѣковъ, какъ бы оно дурно ни было по своей сущности, невозможно передѣлать въ одинъ день, и Фурье жестоко заблуждался, воображая, что ему удастся сдѣлать это разомъ, однимъ скачкомъ, наперекоръ всѣмъ учрежденіямъ, привычкамъ и предразсудкамъ. Вотъ почему, въ особенности подъ конецъ своей жизни, онъ обратилъ всѣ свои надежды на дѣтей, въ молодое сердце которыхъ ученіе его должно было имѣть болѣе легкій доступъ. Все, что̀ онъ говоритъ о дѣтяхъ, проникнуто необыкновенной свѣжестью, оригинальностью и глубокой симпатіей къ дѣтскому возрасту. Онъ не безъ основанія приписываетъ чрезвычайное значеніе ихъ воспитанію, и хотя предлагаемая имъ система кажется намъ несогласной съ требованіями природы, такъ какъ первымъ слѣдствіемъ ея было бы отдѣленіе дѣтей отъ родителей * и воспитаніе всѣхъ ихъ вмѣстѣ, тѣмъ

---

* Почтенный авторъ отчасти ошибается. Фурье подчиняетъ систему воспитанія той же ассоціаціи, основанной на страстномъ притяженіи, ибо такое воспитаніе обойдется настолько же выгоднѣе частнаго домашняго воспитанія, насколько выгоднѣе имѣть одну обширную кухню, съ нѣсколькими стряпухами, вмѣсто трехсотъ или четырехсотъ отдѣльныхъ кухонь. Кромѣ того, предлагаемое имъ общее воспитаніе должно быть и несравненно нравственнѣе, если припомнить, что при современномъ общественномъ устройствѣ едва десятая доля всѣхъ дѣтей пользуется надзоромъ своихъ родителей, отвлекаемыхъ отъ своихъ священныхъ обязанностей необходимостью отыскивать на сторонѣ средства для своего существованія или искаженіемъ своего родительскаго чувства. Что же касается до отдѣленія дѣтей отъ родителей, то это просто непониманіе основной его мысли о воспитаніи,

неменѣе, нельзя не согласиться, что она заключаетъ въ себѣ самые новые и остроумные взгляды, какіе когда либо были высказаны по этому въ высшей степени трудному вопросу.

Трудно предсказать, къ чему приведетъ соціалистическая теорія Фурье. Настоящаго примѣненія этой системы еще не довелось намъ видѣть; еще ни одинъ, устроившійся и окрѣпнувшій *фаланстеръ* не позволилъ осуществить эту теорію на дѣлѣ, чтобы можно было произнесть окончательное рѣшеніе по этому вопросу. А между тѣмъ, быть можетъ, ни одинъ вопросъ не заслуживаетъ такого вниманія, какъ точное изслѣдованіе общественнаго дохода одного изъ такихъ образцевыхъ заведеній, учрежденію которыхъ, къ сожалѣнію, правительство отказало въ своемъ содѣйствіи. Какое разочарованіе постигло бы новаторовъ, еслибы подъ такимъ сильнымъ покровительствомъ попытка не удалась бы, но за то какой пролила бы она свѣтъ въ случаѣ успѣха! Фурье умеръ съ разбитыми надеждами, что ему не удалось добиться отъ своихъ современниковъ расположенія къ предложенному имъ проекту, и упрекалъ экономистовъ въ томъ, что будто бы они старались всѣми возможными мѣрами воспрепятствовать осуществленію его мысли. Но что могли выиграть они, противудѣйствуя попыткѣ, имѣвшей такое огромное значеніе! Поэтому, обвиненіе падаетъ на самого изобрѣтателя теоріи,

---

къ которому призываются, по его теоріи, самыя *страстныя* матери, самые страстные отцы, сестры и братья: между воспитателями фаланстера не предполагается ни одного существа, которое не любило бы страстно дѣтей; естественно, что въ число ихъ попадутъ всѣ родители, истинно любящіе своихъ дѣтей, и изъ воспитателей исключены будутъ всѣ тѣ, которые относятся къ нимъ равнодушно или съ пренебреженіемъ. Достаточно прочесть то, что по воспитательной системѣ фаланстера, требуется отъ кормилицы, которою прежде всего можетъ быть мать, чтобы оцѣнить всю заботливость Фурье въ этомъ отношеніи. Ложное пониманіе духа этой замѣчательнѣйшей изъ утопій весьма часто порождало самыя дикія недоразумѣнія, нерѣдко ведшія къ соблазну. Это все равно, какъ доказывали, что Фурье будто бы вмѣнялъ въ обязанность *каждой* женщинѣ имѣть мужа, нѣсколькихъ фаворитовъ, любовниковъ и отцевъ ея дѣтей (géniteurs). Рус. перев.

*

которому не удалось произвесть рѣшительнаго опыта, потому что этого не позволили ему обстоятельства или недостатокъ редствъ. Его сочиненіе останется на вѣчныя времена самымъ смѣлымъ критическимъ анализомъ современной политической экономіи; но оно оказалось столь же несостоятельнымъ, какъ и эта наука, для рѣшенія современныхъ общественныхъ вопросовъ. И это потому, что подобныя рѣшенія обусловливаются данной эпохой и возникаютъ чрезъ значительные промежутки времени; они могутъ быть пригодныя развѣ въ извѣстную только минуту для потребностей человѣчества, въ высшей степени подвижныхъ и измѣнчивыхъ, подобно самимъ рѣшеніямъ *.

Въ одно время съ Фурье, въ Англіи Овенъ взялся за рѣшеніе той же задачи, и съ такой же неудачей. Теоріи Овена и Фурье, столь часто смѣшиваемыя, сходны между собой только въ немногихъ чертахъ. *Общества взаимнаго содѣйствія (sociétés coopératives)* англійскаго соціалиста почти не имѣютъ ничего общаго съ *фалангами* соціалиста французскаго. Вовсе не экономическими преобразованіями думалъ Овенъ улучшить положеніе работниковъ, но скорѣе благими правительственными мѣрами и поднятіемъ нравственнаго уровня общества, проведеннымъ разумно и настойчиво. Нью-Ланаркское заведеніе, весьма ошибочно принимаемое за преобразовательную общественную попытку, было неболѣе, какъ обширная фабрика, наполненная пьяными, развратными и буйными работниками, когда Овенъ рѣшился приложить къ ней свою теорію общественнаго обновленія съ пуританскою отчасти суровостью. Онъ ввелъ строгое управленіе, опредѣлялъ штрафы, примирялъ мелкія тяжбы, и достигъ до результатовъ, весьма удовлетворительныхъ относительно производства и порядка, какихъ только можетъ достигнуть дѣя-

* Если фаланстеръ оказался невозможенъ по своей утопичности, то духъ ученія Фурье начинаетъ приносить плоды. Всѣ современныя ассоціаціи, кооперативныя общества, товарищества взаимнаго вспоможенія или общаго предпріятія на началахъ равенства, системы обществъ Шульце-Делича, какъ и Лассаля, суть прямой результатъ соціалистической теоріи Фурье. Рус. перев.

тельный и добросовѣстный хозяинъ подобнаго заведенія. Въ то же самое время помѣщенія работниковъ получили опрятный видъ; открыты были магазины, въ которыхъ продавались необходимѣйшіе предметы потребленія, по возможно дешевой цѣнѣ и возможно лучшаго качества. Система Овена, прилагавшаяся шестнадцать лѣтъ къ населенію Нью-Ланарка, состоявшему болѣе чѣмъ изъ 2,000 душъ, доставила этому филантропу блестящую извѣстность, и привлекала множество посѣтителей на его фабрику *; но онъ все еще не рѣшался высказать никакой смѣлой мысли изъ боязни возбудить пугливую подозрительность въ своихъ согражданахъ, и только во Франціи мнѣ удалось услышать изъ устъ его горькія истины объ англійской аристократіи.

Овенъ, тѣмъ не менѣе, рѣшительно высказался въ пользу уничтоженія собственности. Онъ желалъ отмѣны всѣхъ общественныхъ неравенствъ, и въ то же самое время требовалъ закрытія кабаковъ, преобразованія народнаго обученія, *реформы церкви* и уничтоженія всякаго рода злоупотребленій. Вслѣдствіе этого, въ его доктринѣ было много неяснаго и высокопарнаго, а предлагаемыя имъ правила слишкомъ походили на внушенія проповѣдника. Пока онъ жилъ въ Нью-Ланаркѣ, на фабрикѣ, въ которой онъ производилъ свои опыты, до тѣхъ поръ въ ней господствовалъ порядокъ, и дѣла ея шли успѣшно; но какъ только онъ оставилъ ее, все пошло по старому, и системы его какъ не бывало **. Въ надеждѣ, что попытка его дастъ лучшіе результаты на дѣвственной почвѣ Америки, Овенъ отправился въ эту страну, и основалъ въ ней знаменитое заведеніе въ Нью-Гармони. Онъ привезъ съ собой множество прозелитовъ обоего пола,

---

* Его общину называли: *Образцевымъ заведеніемъ удобства, счастія, опрятности и довольства.* Рус. перев.

** Она погибла отъ неумѣстнаго вмѣшательства въ ея управленіе англійскаго духовенства, потребовавшаго, какъ неизбѣжное условіе для ея существованія въ Англіи, обученіе въ ней дѣтей религіи, которую Овенъ вовсе изгналъ изъ своей программы. Затѣмъ, Нью-Ланаркское заведеніе пало. Старое лекарство отравило новый организмъ.

Рус. перев.

а занятая имъ мѣстность, казалось, была избрана весьма удачно. Однако же, спустя немного времени, человѣческія страсти вошли въ свои права; въ возрожденной общинѣ вскорѣ появились такіе же мерзавцы, лѣнтяи, завистники и невоздержные люди, какъ и среди нашихъ обществъ; они неоднократно смущали спокойную увѣренность ея основателя. Вскорѣ обстоятельства заставили Овена предпринять путешествіе въ Шотландію. Событіе это послужило къ окончательному распаденію общины, которую охватила полнѣйшая анархія, такъ что заведеніе было наконецъ продано одному нѣмецкому иллюминату, Раппу. По словамъ Г-жи Мартино, посѣтившей это заведеніе въ 1835, остатки овенистской колоніи походили на общину моравскихъ братьевъ, которыхъ удалось сдержать въ мирѣ и согласіи новому начальнику только полнѣйшимъ огражденіемъ ихъ отъ всякаго внѣшняго вліянія, подобно тому, какъ поступалъ диктаторъ Парагуая, Франчіа *.

Но, несмотря на эти неудачи, популярность Овена все возрастала. Множество изданій его теорій, болѣе счастливыхъ, чѣмъ практическое ихъ примѣненіе, разошлось, въ самое короткое время; на языкѣ у всѣхъ только и было рѣчи, что о блистательныхъ обѣщаніяхъ новаго англійскаго реформатора. Это было въ эпоху философской реакціи, возбужденной во Франціи происками іезуитовъ, а въ Англіи преніями по случаю билля объ освобожденіи католиковъ. Овенъ напечаталъ свой манифестъ *противъ всѣхъ религій*, которыя онъ обвинялъ во всѣхъ человѣческихъ бѣдствіяхъ, и, странное дѣло! этотъ дерзкій протестъ, разошедшійся въ числѣ тридцати тысячъ экземпляровъ и перепечатанный во всѣхъ журналахъ, нисколько не подорвалъ кредита Овена между многими тог-

* Знаменитый, сначала государственный секретарь, потомъ консулъ и наконецъ диктаторъ Парагуайской республики, освободившейся отъ ига Испаніи въ 1811. Онъ былъ типомъ Макіавелевскаго деспота; въ стремленіяхъ къ благу своихъ согражданъ онъ не взиралъ ни на какія средства, такъ что нерѣдко доходилъ до страшныхъ жестокостей, наказывая противившихся его волѣ; онъ умеръ въ 1840.

Рус. перев.

дашними государями, принимавшими живѣйшее участіе въ его опытахъ. Герцогъ Кентскій, братъ англійскаго короля и одинъ изъ жаркихъ его поклонниковъ, согласился даже предсѣдательствовать въ одномъ изъ публичныхъ собраній, на которомъ Овенъ долженъ былъ изложить свои воззрѣнія. Обстоятельство это объясняется тѣмъ, что Овенъ былъ непоколебимымъ поборникомъ порядка; онъ могъ, сколько ему было угодно, указывать на общественные недостатки и на страшную противуположность между колосальнымъ богатствомъ и крайней нищетой: всякому извѣстно было, что онъ стремился къ достиженію своей цѣли мѣрами строгой дисциплины, которой онъ подчинялъ самое богатство; а на такого рода реформы очевидно не могли не взирать сочувственнымъ окомъ самодержавныя правительства *.

Свои экономическія воззрѣнія Овенъ изложилъ въ запискѣ, представленной представителямъ союзныхъ державъ, съѣхавшимся на конгресъ въ Аахенъ. Онъ показалъ въ ней въ сжатомъ видѣ безпредѣльное увеличеніе въ механическихъ силахъ, на которое можно разсчитывать, и доказывалъ, что силъ этихъ было болѣе чѣмъ достаточно для самаго широкаго удовлетворенія потребностей всего населенія земнаго шара. Онъ энергически указывалъ на пагубныя слѣдствія безпорядочности въ производствѣ и въ распредѣленіи богатствъ, и на настоятельную необходимость замѣнить конкуренцію единствомъ интересовъ; наконецъ, онъ показалъ, какимъ образомъ чрезмѣрное изобиліе произведеній, лишеніемъ работы рабочихъ классовъ, ввергало ихъ въ ужасную нищету среди несомнѣннаго изобилія, и до какой степени необходимо принять мѣры противъ этихъ бѣдствій введеніемъ такого порядка вещей, чтобы механическій трудъ служилъ пособіемъ ручному труду, вмѣсто того, чтобы подчинять его, отнимая у рабочихъ классовъ всякую надежду на безбѣдное существованіе **. Овенъ предлагалъ въ различное время подписки

---

* Извѣстно, что Императоръ Николай I посѣтилъ заведеніе Овена въ Нью-Ланаркѣ, и остался доволенъ его порядкомъ. Рус. перев.

** Смотри рядъ замѣчательныхъ статей объ Овенѣ Дюлари въ *Journal de la science sociale*. Прим. автора.

для учрежденія земледѣльческихъ и мануфактурныхъ заведеній основанныхъ на единствѣ интересовъ и на строгомъ соотвѣтствіи между производствомъ и потребленіемъ; но парламентъ не соблаговолилъ отнестись сочувственно ни къ одному изъ его предложеній. Полагаютъ, что этой мысли Овена обязаны своимъ происхожденіемъ голландскія земледѣльческія колоніи въ Фредериксордѣ, которыя, впрочемъ, невполнѣ оправдали общія ожиданія. Несмотря на все это, неутомимый реформаторъ не падалъ духомъ, и, только послѣ длиннаго ряда неудачъ, служащихъ по меньшей мѣрѣ доказательствомъ необыкновенной трудности такихъ общественныхъ нововведеній, искрестивъ всю Европу съ изложеніемъ своей программы, Овенъ возвратился въ послѣднее время во Францію, нѣсколько разочарованный въ людяхъ, и, подобно умиравшему Фурье, обратился къ послѣднему и лучшему средству для пересозданія общества, къ воспитанію дѣтей.

И дѣйствительно, только черезъ дѣтей и можно надѣяться достигнуть серьезнаго преобразованія существующаго экономическаго устройства. Пока воспитаніе дѣтей промышленнаго общества будетъ предоставлено на волю случая, а дѣти приготовляться къ занятіямъ, требующимъ ограниченнаго числа работниковъ, до тѣхъ поръ постоянно будетъ ощущаться недостатокъ въ способныхъ людяхъ въ однихъ отрасляхъ, между тѣмъ какъ другія будутъ переполнены лишними работниками. Испробовавши всевозможныя системы, критически разобравъ всевозможныя правительства, учрежденія, методы, народы и царей, мы неизбѣжно приходимъ къ положенію, что не средствъ не хватаетъ разуму, а разума не хватаетъ средствамъ. Три

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что до сихъ поръ ученіе Овена недостаточно вѣрно понимается, а потому и невѣрно оцѣнивается; въ особенности слѣдуетъ осторожно принимать отзывы о немъ Сюдра и уже упомянутаго выше Рейбо (*Études sur les réformateurs contemporains, etc.*).

Въ русской литературѣ существуетъ нѣсколько статей объ Овенѣ, помѣщенныхъ въ періодическихъ журналахъ (между прочимъ въ *Современникѣ* за 1854). Лучшая статья принадлежитъ А. Герцену, въ *Полярной Звѣздѣ* за 1861, кн. VI. Рус. перев.

четверти живыхъ силъ общества томятся въ жалкомъ оцѣпенѣніи, и все еще больше на свѣтѣ праздныхъ людей, чѣмъ безплодныхъ земель. Правительства, разумѣется, не въ состояніи обезпечить за каждымъ гражданиномъ безбѣдное и счастливое существованіе; но имъ гораздо легче, чѣмъ это думаютъ, облегчить людямъ средства для его достиженія. Личная цѣнность людей *во всѣхъ отрасляхъ труда*, повидимому, способна къ безпредѣльному возрастанію, путемъ воспитанія, которое не заглушитъ при этомъ ни одной способности дѣтскаго возраста. Фурье и Овенъ совершенно сходятся во взглядахъ по этому вопросу, такъ что на самыя преувеличенія ихъ увѣренности въ этомъ отношеніи можно смотрѣть какъ на истинное открытіе. Великое дѣло человѣческой ассоціаціи должно начинаться со школьной скамейки, и продолжать свое дальнѣйшее развитіе въ самой жизни: и дѣйствительно, не въ школахъ ли получаетъ свое начало дѣйствительное преобладаніе умственныхъ способностей и трудолюбія, несмотря на безусловное равенство, господствующее во всѣхъ отношеніяхъ? Достаточно было бы обратить такое же заботливое вниманіе на воспитаніе дѣтей, съ какимъ слѣдятъ за нравственностью взрослыхъ, чтобы въ нѣсколько лѣтъ совершенно измѣнить смыслъ всѣхъ экономическихъ вопросовъ. Съ увеличеніемъ *нравственнаго капитала* общества, увеличилось бы и его благосостояніе, и тѣмъ самымъ были бы предотвращены и тѣ катастрофы, которыя угрожаютъ ему. Существуетъ множество санитарныхъ мѣръ противъ заразительныхъ болѣзней: почему бы не предупреждать и нравственную заразу невѣжества, лѣни и неспособности? Вы жалуетесь на страшное распространеніе бѣдности, стучащей въ ваши двери и переполняющей ваши больницы и тюрьмы: но что же вы дѣлаете изъ вашихъ дѣтей? На какое благосостояніе смѣете вы разсчитывать отъ миріадъ этихъ покинутыхъ созданій, кишащихъ въ грязи вашихъ городовъ и деревень, или чахнущихъ въ гнилой атмосферѣ вашихъ фабрикъ? Не бросайте камнемъ въ утопистовъ, обвинающихъ васъ въ нерадивости; вы должны краснѣть за самыя заблужденія ихъ, ибо они посвящаютъ свою жизнь на то, чтобы думать за мильоны неблагодарныхъ.

ГЛАВА XLV.

Общій взглядъ на политико-экономическія системы.—Національный характеръ различныхъ школъ.—Итальянская школа.—Испанская школа.—Французская школа.—Англійская школа.—Нѣмецкая школа.

Мы приближаемся къ концу нашего труда. Мы бѣгло разсмотрѣли исторію попытокъ, предпринимавшихся цивилизованными народами для улучшенія матерьяльнаго и нравственнаго положенія человѣка. Грецію, Римъ, средніе и новые вѣка послѣдовательно прошли передъ нашими глазами: вездѣ мы встрѣчали одну и ту же задачу; всюду происходила одна и та же борьба: раба съ господиномъ, бѣднаго съ богатымъ, работника съ хозяиномъ. Эта борьба, продолжающаяся и теперь, только въ иныхъ формахъ, породила всѣ политико-экономическія системы, начиная съ *Государственнаго Хозяйства* Ксенофонта, предлагавшаго класть клеймо на лобъ рабовъ для удержанія ихъ отъ побѣга, до общежительныхъ заведеній Фурье и кооперативныхъ обществъ Овена. Умъ невольно поражается однообразіемъ все однѣхъ и тѣхъ же общественныхъ попытокъ, постоянно заглушаемыхъ и непрерывно возобновляемыхъ, умирающихъ и воскресающихъ съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. На двухъ предѣлахъ христіанскаго лѣтосчисленія и на двухъ оконечностяхъ міра, въ старомъ Римѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ, встрѣчается все то же рабство, въ томъ видѣ, въ которомъ оно продолжалось варварами и поддерживалось феодалами; такъ что можно подумать, что человѣчество нисколько не подвинулось впередъ, если судить по крайней медленности его завоеваній и по безпечности удержать завоеванное. А между тѣмъ, движеніе общественнаго преуспѣянія ни на минуту не останавливалось съ самыхъ древнихъ временъ, хотя оно и представляется намъ въ нѣкоторыя эпохи крайне смутнымъ и безпорядочнымъ. Появленіе христіанства, нашествіе варваровъ, крестовые походы, даже сами гоненія противъ евреевъ, основаніе ганзейскихъ городовъ,

освобожденіе общинъ, организація цеховъ Людовикомъ Святымъ, промышленные и торговые успѣхи итальянскихъ республикъ, реформація, открытіе Америки, вносили постепенныя измѣненія въ исторію политической экономіи. Опыты никогда не прерывались, постоянно предшествуя теоріямъ. Мы прослѣдили за этими многотрудными завоеваніями науки въ дѣлѣ фактовъ: теперь намъ предстоитъ изложить ихъ въ системахъ.

Всѣ политико-экономическія системы носятъ на себѣ отпечатокъ характера того народа, среди котораго онѣ возникли. Италія, которой принадлежитъ неувядаемая слава за то, что она снова зажгла свѣточъ знанія, была первой страной, посвятившей себя изученію политической экономіи. Въ то время, когда бо́льшая часть великихъ европейскихъ государствъ томилась подъ игомъ финансовыхъ спекуляцій или нищеты, въ Венеціи, Генуѣ и Миланѣ учреждались банки; во Флоренціи составлялись первые бюджеты государственныхъ доходовъ и расходовъ, а аристократія шелка и шерсти замѣщала собой аристократію меча. Превосходныя сочиненія о монетѣ открывали тайны кредита, и создавали науку о финансахъ. Самыя несчастія, испытанныя полуостровомъ, благопріятствовали успѣхамъ политической экономіи, показывая на опытѣ итальянцамъ, въ эпоху царствованія Карла V, пагубное вліяніе монополій, таксъ и запрещеній. Уже въ 1582 Гаспаръ Скаруфи*, издалъ свое сочиненіе *О монетѣ и объ истинномъ отношеніи между золотомъ и серебромъ*. Онъ предлагалъ установить одну, всеобщую монету, и налагать пробу на всѣ золотыя и серебренныя издѣлія. Неаполитанецъ Серра, написавшій въ 1613 свой *Трактатъ о причинахъ, вызывающихъ изобиліе золота и серебра въ государствахъ*, уже сознавалъ производительную силу труда. Бандини, предшественникъ Кене и физіократовъ, указывалъ на выгоды единообразнаго налога, болѣе всего удобнаго и экономнаго; Броджіа издалъ первое систематическое сочиненіе о теоріи налоговъ. Но самымъ знаменитымъ изъ итальянскихъ эконо-

---

* Несправедливо относимый къ меркантилистамъ. Рус. перев.

мистовъ былъ безспорно Женовези, на котораго, по всей справедливости, можно смотрѣть, какъ на достойнаго соперника Адама Смита, если не за вѣрность его взглядовъ, то по крайней мѣрѣ за тотъ толчекъ, который онъ сообщилъ изученію политической экономіи въ Италіи.

И дѣйствительно, ни на одномъ писателѣ не отразились до такой степени отличительныя черты итальянской политико-экономичесмой школы. Эта школа постоянно отличалась своими философскими и преобразовательными стремленіями; она охотно отзывалась на политическія требованія времени, и совѣты свои рѣже обращала къ народамъ, чѣмъ къ государямъ. Женовези смѣло велъ ее по этому опасному, хотя и достойному пути. Онъ стоялъ за свободу торговли хлѣбомъ, за уничтоженіе законовъ о лихвенныхъ процентахъ и за ограниченіе числа монастырей. Онъ провозгласилъ преимущество труда надъ богатствомъ рудниковъ въ дѣлѣ обогащенія народовъ. Онъ ясно предвидѣлъ въ 1764 освобожденіе Соединенныхъ Штатовъ Америки и паденіе колоніальной системы. Его высокія личныя свойства, его краснорѣчіе, его обширная ученость привлекали къ нему множество слушателей, и хотя ученіе его отчасти благопріятствовало меркантильной системѣ, его тѣмъ неменѣе можно считать отцемъ итальянской политической экономіи. Альгароти, одинъ изъ лучшихъ его послѣдователей, представилъ первый анализъ результатовъ раздѣленія труда, теорію котораго суждено было дополнить маркизу Беккаріа, почти въ то самое время какъ Адамъ Смитъ готовилъ свои блистательныя изслѣдовані по тому же вопросу. На своемъ живописномъ языкѣ Беккаріа называлъ желѣзо *отцемъ металловъ*, и былъ послѣдователемъ французскихъ *экономистовъ* школы Кене.

Размышленія о политической экономіи графа Верри оказали неменьше услугъ успѣхамъ итальянской школы. Верри былъ предвѣстникомъ Адама Смита. Его сжатая, энергическая рѣчь, его остроумныя и поразительныя сравненія доставили его сочиненіямъ большую извѣстность, несмотря на встрѣчающіяся въ нихъ довольно важные пробѣлы. Васко и Риччи, писавшіе о нищенствѣ и о благотворительныхъ заведеніяхъ, слу-

жатъ представителями теорій Годвина и Мальтуса въ Италіи. Первый утверждалъ, что попеченіе о бѣдныхъ лежитъ на обязанности правительствъ; второй доказывалъ безполезность и опасность всякой систематической и обязательной помощи. У Васко мы встрѣчаемъ сенъ-симонистскую идею объ уничтоженіи наслѣдованія. Ортесъ, его современникъ, слишкомъ уже превозносится, но онъ оказалъ ту услугу, что первый изъ итальянцевъ понялъ смыслъ пауперизма, и указалъ на средства для его ослабленія. Съ большимъ талантомъ онъ представилъ рѣзкую противуположность между нищетой и богатствомъ въ большихъ городахъ. По его мнѣнію, «народонаселеніе держится на одномъ и томъ же неподвижномъ уровнѣ, увеличивается или уменьшается всегда пропорціонально съ народнымъ богатствомъ, и никогда не предупреждаетъ его. Размноженіе въ животномъ царствѣ ограничивается вмѣшательствомъ человѣка, размноженіе людей ограничивается вмѣшательствомъ его разума. Народонаселеніе уменьшается отъ чрезмѣрныхъ налоговъ и отъ рабства. Безбрачіе столько же необходимо, какъ бракъ, для сохраненія народонаселенія. Поэтому, укорять холостыхъ въ безбрачіи такъ же непростительно, какъ порицать женатыхъ за супружество. Рабочіе дома, призрѣвая немногихъ, лишаютъ помощи гораздо большее число.

Филанжьери былъ однимъ изъ самыхъ талантливыхъ защитниковъ свободной торговли въ Италіи и неутомимымъ противникомъ многочисленныхъ, постоянныхъ армій. «Пока бѣдствія человѣчества не будутъ излечены, говорилъ онъ, пока заблужденія и предразсудки, поддерживающіе эти бѣдствія, будутъ находить себѣ поборниковъ; пока истина, составляющая достояніе только немногихъ привилегированныхъ умовъ, будетъ недоступна большей части человѣчества; пока она будетъ вдалекѣ отъ престоловъ, до тѣхъ поръ всякій философъ-экономистъ обязанъ ее проповѣдывать, поддерживать, распространять и растолковывать. Если распространяемый имъ свѣтъ не приноситъ пользы его вѣку и его отечеству, то онъ навѣрное окажется благодѣтельнымъ въ другую эпоху, въ какой нибудь другомъ государствѣ. Гражданину всѣхъ

странъ, современнику всѣхъ вѣковъ, вселенная служитъ ему аудиторіей, а современники и потомки суть его слушатели.» Космополитическое направленіе итальянской школы, быть можетъ, ни въ комъ не выразилось съ такой силой, какъ въ этомъ писателѣ, да еще во множествѣ сочиненій Мельхіора Джойа, этомъ главномъ представителѣ итальянской науки. Въ своемъ знаменитомъ *Обозрѣніи экономическихъ наукъ* онъ имѣлъ въ виду представить въ систематическомъ порядкѣ все, что только предложено было писателями, что освящено было правительствами и что испробовано было народами въ дѣлѣ политической и домашней экономіи. Онъ разобралъ въ немъ мнѣнія всѣхъ писателей, какъ итальянскихъ, такъ и иностранныхъ. Это настоящая энциклопедія науки; но она не всегда отличается безпристрастіемъ, въ особенности относительно французовъ.

Отличительный характеръ итальянской экономической школы состоитъ преимущественно въ ея широкомъ и всестороннемъ взглядѣ на всѣ вопросы общественнаго хозяйства. Она никогда не разсматриваетъ богатства съ отвлеченной и безусловной точки зрѣнія, но всегда въ его отношеніяхъ къ общему благосостоянію. Для нея важность какой бы то ни было экономической мѣры обусловливается нетолько выгодностью ея въ денежномъ отношеніи, но еще нравственной и политической ея пользой. Она не смотритъ на человѣческія общества, какъ на коммерческія конторы, а на работниковъ, какъ на орудія производства. Она считаетъ человѣка предметомъ своей безустанной заботливости и изученія. Представители этой школы столько же публицисты, сколько и экономисты. Монтескьё, между французами, лучше другихъ представляетъ настоящій типъ итальянскаго экономиста. Вопросы, по разработкѣ которыхъ наука болѣе всего обязана этой школѣ, суть вопросы о монетѣ, о свободныхъ портахъ, о земледѣліи, ссудныхъ кассахъ, о благотворительныхъ заведеніяхъ. Если многочисленныя ея сочиненія не производили особеннаго шума, то явленіе это слѣдуетъ объяснять подозрительными предосторожностями почти всѣхъ правительствъ Европы, а также и личнымъ положеніемъ авторовъ, изъ которыхъ одни были

министрами, другіе совѣтниками, а нѣкоторые принадлежали къ духовенству; но тѣмъ неменѣе, политическая экономія много обязана имъ своимъ распространеніемъ въ Европѣ и безчисленными трактатами по множеству важныхъ спеціальныхъ вопросовъ. Большей части этихъ экономистовъ приходилось бороться съ римской и венеціанской инквизиціей, съ предразсудками своихъ современниковъ и съ деспотизмомъ правительствъ. Они ратовали постоянно противъ существующихъ злоупотребленій, и писали, такъ сказать, на бреши, среди самой битвы. Жизнь ихъ была непрерывной борьбой, вслѣдствіе чего политическая экономія оставалась для нихъ общественной наукой, всеобщимъ дѣломъ, между тѣмъ какъ во всѣхъ прочихъ странахъ она была не болѣе, какъ наукой о богатствахъ *.

Въ Испаніи на политическую экономію всегда смотрѣли, какъ на союзницу фиска. Все экономическое законодательство этой страны запечатлѣно характеромъ исключительности, восходящей къ эпохѣ изгнанія мавровъ и открытія Новаго Свѣта. Свобода промышленности съ ранняго времени принесена была здѣсь въ жертву системѣ монопольныхъ мануфактуръ, сеньоріальныхъ или коронныхъ; а необходимость обезпечить за Испаніей американскій рынокъ породила запретительную систему, заразившую впослѣдствіи всю Европу. Всѣ экономическія бѣдствія страны вытекаютъ изъ этого источника. Безпощадно преслѣдуя мавровъ и евреевъ, испанцы изгнали изъ полуострова духъ предпріимчивости и спекуляціи; размножая число монастырей и монаховъ, они поощряли лѣность, и возводили нищенство на степень законнаго промы-

---

* Лучшими источниками для изученія итальянской политико-экономической школы служатъ: Pecchio, *Storia della economia publica in Italia;* Миллера, *Chronologische Darstellung der Italienischen Classiker über National-Öconomie;* а также сочиненія Макъ-Куллоха: *The literature of political Economy* и Твайса: *Views of the progress of political Economy in Europe*; См. *Библіографію* въ концѣ тома. На русскомъ языкѣ существуетъ диссертація Вернадскаго подъ заглавіемъ: *Критико-историческое изслѣдованіе объ итальянской политико-экономической литературѣ.* Рус. перев.

сла. Майораты, мертворучное право и ненависть къ иностранцамъ одинаково губили земледѣліе, промышленность и торговлю. Быть можетъ, ни въ одной странѣ міра экономическое управленіе не причинило столько зла; такъ что объ Испаніи можно сказать, что она испытала на самой себѣ самыя скверныя экономическія системы, какъ нѣкоторые химики испытываютъ на себѣ дѣйствіе ядовъ. Что можно было предпринять полезнаго подъ страшнымъ гнетомъ инквизиціи, и въ присутствіи американскихъ рудниковъ, неистощимыя сокровища которыхъ, казалось, были предназначены для залеченія всѣхъ заблужденій и для прикрытія всѣхъ опасностей? Подобное благосостояніе имѣло для Испаніи такое же роковое значеніе, какъ самыя великія несчастія. Оно погрузило ее въ пагубную безпечность; оно заставило ее повѣрить, что могущество государства заключается въ драгоцѣнныхъ металлахъ, а не въ трудѣ; оно породило нелѣпѣйшіе предразсудки о торговомъ балансѣ и драконовскіе законы противъ вывоза звонкой монеты; оно покрыло цвѣтами края пропасти, которой суждено было поглотить со временемъ эту монархію.

Въ самихъ сочиненіяхъ, изданныхъ подъ вліяніемъ этихъ плачевныхъ предразсудковъ, слѣдуетъ искать разгадки паденія Испаніи и успѣховъ, одержанныхъ въ ней вредными экономическими ученіями. Всѣ почти написанные священниками или фискальными чиновниками трактаты эти представляются просто насмѣшкой надъ основными принципами науки о народномъ богатствѣ. Девизомъ ихъ было притѣсненіе внутри государства, и исключеніе всего иностраннаго. Читая ихъ, можно подумать, что весь человѣческій родъ созданъ на потѣху нѣсколькихъ семействъ или нѣсколькихъ корпорацій*. Однако, въ концѣ XVIII столѣтія, философское движеніе Франціи проникло въ Испанію, и вызвало въ ней

---

* Въ 1787 въ Испаніи считалось почти 180,000 монаховъ, то есть, $^1/_{17}$ всего мужескаго пола «жила вѣрою», не трудилась, а толко потребляла. Въ 1820 въ Испаніи было 3,005 монастырей, въ 1855 ихъ было около 1,000. Папа съ 1820—1855 получилъ съ Испаніи добровольныхъ приношеній 9.800,000 руб. сер. (Kolb, *Verg. Stat.* 2 Aufl. 335). Рус. перев.

реакцію, благопріятную для политической экономіи. Въ царствованіе Карла III назначены были комиссары для изслѣдованія американскимъ владѣній, проектированы каналы, проведены въ метрополіи дороги, и учрежденъ былъ банкъ Святаго Карла, повидимому, съ цѣлью познакомить испанцевъ съ выгодами кредита. Въ то же время Кабаррусъ, Жовеланосъ, Данвила, Мартинецъ дела Мата, Семпаре-и-Гвариносъ, а позже, Валле Санторо, Флорецъ Эстрада и многіе изъ передовыхъ членовъ собранія Кортесовъ, пытались привлечь страну къ давно забытымъ началамъ политической экономіи.

Но всѣ ихъ усилія оказались безсильны противъ упорства національныхъ предразсудковъ и противъ несчастій, обрушившихся на Испанію въ началѣ девятнадцатаго вѣка. Запретительная система лишила ее лучшихъ ея колоній; промышленныя монополіи разорили всѣ ея фабрики; десятина и майораты убили ея скудное земледѣліе; война растратила послѣдніе ея капиталы, а внутреняя анархія до сихъ поръ парализируетъ всѣ ея усилія воротить свое прежнее мѣсто между народами. Еще никогда народъ не представлялъ болѣе поразительнаго примѣра наказанія, слѣдующаго за политико-экономическими заблужденіями; никогда народъ не искупалъ болѣе жестокими страданіями ошибокъ своего правительства. На этой монархіи нѣтъ ни одной общественной язвы, которая не была бы результатомъ какой либо ложной экономической доктрины, такъ что можно сказать, что она служила примѣромъ для всѣхъ остальныхъ государствъ, научая ихъ пользоваться ея ошибками. Въ самомъ дѣлѣ, испанская экономическая школа распространила по всему міру наибольшее количество торговыхъ предразсудковъ, а Испанія болѣе всѣхъ пострадала отъ нихъ. Ея политическая экономія та же, что̀ была и во времена Карла V, а всѣ усилія Жовеланоса и Флореца Эстрады, направленныя противъ нея, остались безъ успѣха *.

---

* Не окажется ли болѣе благотворнымъ для этой несчастной страны политическое движеніе, открывшееся въ ней сверженіемъ королевы Изабеллы? Рус. перев.

Во Франціи политическая экономія имѣла болѣе счастливую участь. Въ этой странѣ не проходило столѣтія, чтобы не раздался какой нибудь великодушный голосъ въ защиту вѣчныхъ началъ справедливости въ распредѣленіи плодовъ, доставляемыхъ трудомъ. Со времени царствованія Людовика Святаго корпораціи уже обезпечивали за каждымъ ремесленнымъ цехомъ, если не за каждымъ работникомъ, нѣкоторую независимость; работникъ подвергался строгой дисциплинѣ, но по крайней мѣрѣ сама корпорація была свободна. При Генрихѣ IV очередь дошла до земледѣлія; крестьяне, освобожденные отъ множества притѣсненій, впервые вышли изъ состоянія оцѣпененія, въ которомъ ихъ держала феодальная система. Изъ сочиненій Сюлли явствуетъ, что этотъ великій министръ систематически работалъ надъ освобожденіемъ земледѣлія, и что эта главнѣйшая отрасль производства занимала уже въ его умѣ принадлежащее ей мѣсто. Кольберъ организировалъ промышленность на новыхъ основаніяхъ; онъ предоставилъ ей многія льготы и оградилъ ее законами; мы уже показали, что онъ далеко не былъ такъ враждебенъ земледѣльческимъ интересамъ, какъ это обыкновенно думаютъ. Затѣмъ, наступила эпоха Лау, основанія и первыхъ неудачъ кредита, эпоха тяжкихъ испытаній, которыя, впрочемъ, принесли ту пользу, что познакомили Францію съ однимъ изъ главнѣйшихъ элементовъ ея будущаго богатства. *Экономисты* восемнадцатаго столѣтія довершили дѣло предшествовавшихъ вѣковъ, предложивъ первую экономическую теорію, послужившую введеніемъ для этой науки. Это послужило какъ бы сигналомъ для всей Европы, и съ этой минуты человѣческая мысль ужъ болѣе не останавливалась. Каждый понялъ, что общественная наука имѣла такое же важное значеніе для самаго скромнаго гражданина, какъ и для выше всего поставленныхъ лицъ. Общество захотѣло познакомиться съ самимъ собою; оно стало изучать явленія своей собственной жизни, и такимъ образомъ, переходя отъ одной попытки къ другой, Франціи удалось наконецъ поставить, съ обычной для нея ясностью, вопросъ будущаго на рѣшеніе всѣмъ народамъ и правительствамъ. Политическая экономія была фи-

лософскою въ Италіи и фискальною въ Испаніи, и только во Франціи она приняла характеръ науки организующей и соціальной *.

Англія придала ей направленіе исключительно промышленное. Въ этой странѣ на политическую экономію смотрятъ только какъ на науку о богатствахъ. Англійскіе писатели изучали богатство слишкомъ отвлеченно и независимо отъ бѣдствій, нерѣдко сопровождающихъ ихъ производство. Ихъ справедливо упрекаютъ въ отдѣленіи вопроса о состояніи работниковъ отъ вопросовъ о фабрикахъ и машинахъ, и въ равнодушіи къ страданіямъ рабочихъ классовъ. Большинство новѣйшихъ писателей этой школы, отказавшись отъ изящныхъ формъ изложенія, столь могущественнаго оружія для успѣха ихъ же ученія, объясняли политическую экономію, какъ алгебру, и рѣшились утверждать, что всѣ предложенія этой науки могутъ быть доказаны съ математическою точностью. Подобное стремленіе, разумѣется, не могло привести ихъ къ особенно человѣколюбивымъ выводамъ, но оно дало имъ возможность вывести съ неумолимой логикой всѣ послѣд-

---

* Читатель вѣроятно замѣтилъ весьма важный пробѣлъ въ исторіи французской политико-экономической школы настоящаго сочиненія—именно, отсутствіе разбора экономической дѣятельности Прудона. Прудонъ выступилъ на поприще экономиста и публициста послѣ того какъ написана была эта исторія (именно въ 1841). Разборъ его войдетъ въ обѣщанное мною выше отдѣльное приложеніе къ настоящему сочиненію. Въ настоящемъ же случаѣ ограничусь указаніемъ, что въ русской литературѣ нерѣдко встрѣчались отзывы объ этомъ замѣчательномъ дѣятелѣ, но они проникнуты большею частью пристрастіемъ и предубѣжденіемъ. Въ журналѣ *Русское слово* былъ рядъ экономическихъ статей Н. Соколова, объяснявшихъ воззрѣнія Прудона и отличавшихся противуположными качествами: пристрастіемъ къ такъ называемымъ *парадоксамъ* Прудона, и невсегда вѣрнымъ толкованіемъ сущности дѣла. За то я могу смѣло указать на прекрасный этюдъ Ю. Жуковскаго объ этомъ писателѣ, подъ заглавіемъ: *Прудонъ и Луи Бланъ*. (Система экономическихъ противурѣчій. Споры съ Бастіа. Система Луи Блана. Рабочее движеніе 1848 и народный банкъ). Спб. 1866. Въ послѣднемъ номерѣ *Отеч. Записокъ* за 1868 помѣщены въ переводѣ весьма интересные матерьялы для біографіи Прудона. Рус. перев.

ствія изъ принятыхъ ими принциповъ. Имъ обязана политическая экономія тою точностью языка, которая оказала такое содѣйствіе распространенію здравыхъ понятій. Англичане лучше прочихъ народовъ объяснили слова: *производительность, капиталъ, конкуренція, кредитъ* и множество другихъ, неменѣе важныхъ. Они создали терминологію, которая окончательно принята всѣми европейскими экономистами, и которая должна служить точкой отправленія для будущихъ ихъ работъ.

Мы уже указали на коренной недостатокъ этой строгой и положительной школы, и на опасность, угрожаемую запутанностію, порожденной ея ученіемъ. Принеся всѣ общественныя соображенія въ жертву заботливости объ образованіи богатствъ, англичане чрезмѣрно развили производительную силу своего народа, но они не увеличили въ соотвѣтственной степени благосостоянія работниковъ; послѣдніе могутъ считать себя счастливыми, если торговые кризисы не дѣлаютъ ихъ жертвами конкуренціи или пониженія заработной платы! Въ настоящее время еще нельзя рѣшить, насколько система искуственнаго возбужденія потребленія можетъ содѣйствовать развитію производства, увеличивая, вмѣстѣ съ потребностями, рвеніе къ труду, который одинъ можетъ доставить средства для ихъ удовлетворенія. Безпрерывное возрастаніе налоговъ, преимущественно на предметы потребленія, возбудило въ населеніи этой страны непрерывное лихорадочное стремленіе къ усовершенствованіямъ. Англія обратилась въ безпредѣльную мануфактруру, во всемірную торговую контору. Обладая почвой, изобилующей двумя неистощимыми сокровищами, каменнымъ углемъ и желѣзомъ; имѣя для внѣшней торговли болѣе ста превосходныхъ портовъ, она выставила геніальныхъ людей, которые избороздили ее каналами, которые, если не изобрѣли, то распространили по ней паровыя машины; которые обогатили свое отечество прядильнымъ искуствомъ и желѣзными дорогами. Англія установила свой кредитъ на такихъ широкихъ началахъ, что онъ увеличилъ народное богатство, какъ будто бы страна открыла неисчерпаемыя металлическія сокровища; она распространяла образованіе между народомъ такой щедрой рукой,

что дала возможность выказаться плодотворнымъ образомъ всякой способности. Къ довершенію счастія, государство это встрѣтило въ большей части своихъ министровъ людей съ замѣчательными дарованіями, готовыхъ слѣдовать указаніямъ науки, и съ рѣдкимъ искуствомъ проводившихъ самыя трудныя изъ такихъ указаній. Вотъ почему Англія обратилась въ классическую страну экономическихъ опытовъ, и изъ этой великой лабораторіи они разливаются въ настоящее время по всему свѣту *.

Германскіе ученые разсматривали науку государственной экономіи съ точки зрѣнія философской и политической, которая рѣздко отличаетъ ихъ отъ прочихъ европейскихъ писателей. Въ ихъ глазахъ политическая экономія есть почти что наука объ управленіи, наука о государствѣ, въ самомъ обширномъ смыслѣ, соединеніе всѣхъ *камеральныхъ* наукъ, какъ они ее и называютъ. Къ ней они всегда почти присоединяютъ дипломацію, государственное право, статистику и даже полицейское право, странная амальгама, въ которой запутались бы самые лучшіе умы, еслибы сама недоступность такого обширнаго предмета изученія не вмѣняла имъ спасительной осторожности. Между писателями нѣмецкой школы насчитываютъ значительное число послѣдователей системы Кене, въ особенности Шмальца, издавшаго въ послѣднее время сочиненіе, повидимому, предназначавшееся возстановить доктрину *физіократовъ*. Гейдельбергскій профессоръ Рау, и Лейпцигскій—Пёлицъ, изложили самымъ подробнымъ образомъ начала политической экономіи въ томъ видѣ, какъ они понимаются до сихъ поръ въ Германіи; не потому чтобы Германія имѣла притязаніе на свою отдѣльную науку и на болѣе совершенныя теоріи производства и распредѣленія богатствъ, но потому что въ этой странѣ на политическую экономію смотрѣли неиначе, какъ въ связи съ государствен-

---

* Можно разочароваться въ такой похвалѣ Англіи почтеннаго историка, если прочитать книгу Кери: *Past, present and Future*, сочиненіе Ледрю Роллена: *De la décadence de l'Angleterre*, и недавно вышедшую книгу Кервигана: *L'Angleterre telle, qu'elle est*. Рус. перев.

нымъ правомъ и администраціей. Многіе нѣмецкіе писатели пытались даже основать ее на богословскихъ началахъ, такъ что она нигдѣ не является въ сопровожденіи такого огромнаго числа приложеній и дополненій. Графъ Соденъ называетъ ее *Наукой государственнаго хозяйства (Staats-Haushaltungskunde)*, и дѣлитъ ее на три части: *теоретическую, законодательную* и *административную*. Финансы, полиція и народное воспитаніе занимаютъ въ ней весьма обширное мѣсто *.

Это направленіе нѣмецкой политико-экономической школы— захватить область публицистики распространилось по всей Европѣ. Уже Ж. Б. Сэй, въ своемъ *Полномъ курсѣ*, дѣлалъ безчисленныя отступленія о государственныхъ расходахъ, о работахъ, производимыхъ государствомъ, о народномъ просвѣщеніи, объ издержкахъ на содержаніе арміи и флота. Развитіе общественнаго богатства показало ему всю пользу, и даже необходимость вмѣшательства правительства въ великія предпріятія на общественную пользу. Онъ мало по малу отказывался отъ исключительныхъ своихъ воззрѣній, вслѣдствіе которыхъ онъ такъ долго отвергалъ это могущественное вмѣшательство. Англія, съ своей стороны, допустивъ еще въ первый разъ обычай назначать особенныя комиссіи изъ среды самого парламента для изслѣдовані ** яразныхъ отдѣльныхъ вопросовъ, пролила новый свѣтъ на политическую экономію, и неоспоримо доказала благодѣтельное вліяніе, какое можетъ имѣть правительство на производство. Какъ бы то ни было, Германія осталась вѣрна своимъ метафизическимъ привычкамъ, такъ что мы не знаемъ ничего, болѣе противуположнаго, какъ сочиненія ея знаменитѣйшихъ экономистовъ, если сравнить ихъ съ удивительной точностью французскихъ писателей, или со строгостью и дидактическимъ направленіемъ англійской школы.

---

* Составляютъ содержаніе V и VI тома его огромнаго труда: *National-Oeconomie*, Leipzig, 1805—1824, 9 томовъ. Рус. перев.

** Этими то официальными донесеніями и пользовался Ледрю Ролленъ въ вышеозначенной книгѣ; всѣ порицатели Англіи тоже опираются преимущественно на эти свѣдѣнія. Рус. перев.

Тѣмъ не менѣе, развитіе нѣмецкой промышленности и торговли уже съ давняго времени начало измѣнять слишкомъ спекулятивное направленіе экономической науки въ этой странѣ. Краузе, написавшій замѣчательное сочиненіе о прусскихъ таможняхъ, спустился изъ области метафизики на почву дѣйствительности, и высказалъ множество полезныхъ соображеній въ пользу земледѣлія, въ особенности же, предложеніемъ поземельнаго банка, который, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго вниманія. Захаріэ, профессоръ Германъ, Мальхусъ, Небеніусъ, Бухгольцъ, все крѣпче держались за практическія преобразованія, такъ что мы должны признать, что Германія продолжаетъ слѣдовать по этому пути самымъ неуклоннымъ и самымъ просвѣщеннымъ образомъ. Таможенный союзъ, образовавшійся подъ руководствомъ Пруссіи, можно считать самой широкой и самой смѣлой экономической реформой нашего вѣка. Въ высшей степени эклектическія свойства нѣмецкаго ума заблаговременно предохранили нѣмецкую экономическую школу отъ исключительнаго пристрастія къ какой либо отдѣльной системѣ, и доставили ей возможность воспользоваться опытами сосѣдей, не впадая въ ихъ заблужденія. Такъ какъ они всегда держали себя одинаково далеко, какъ отъ исключительнаго направленія испанцевъ, такъ отъ неменѣе исключительной промышленной системы англичанъ и отъ противуторговыхъ стремленій французской революціи, то преобразованія могли совершаться у нихъ безъ потрясенія тѣхъ искуственныхъ условій, которыя въ настоящее время представляютъ столько препятствій для улучшеній въ прочихъ странахъ. Менѣе исключительные нѣмцы менѣе стѣснены въ своихъ движеніяхъ: имъ некого приносить въ жертву, у нихъ нѣтъ интересовъ, стоящихъ поперегъ дороги: всякое преобразованіе широко разливается по ихъ странѣ, какъ рѣка по дѣвственной почвѣ; такъ что, между тѣмъ какъ пренія продолжаются въ государствахъ, славящихся своими практическими способностями, быть можетъ, въ метафизической странѣ совершатся самыя рѣшительныя реформы.

Впрочемъ, какими бы характеристическими особенностями ни отличались въ настоящее время различныя европейскія

политико-экономическія школы, всѣ онѣ приводятся мало по малу къ одному общему выводу—къ необходимости болѣе равноправнаго распредѣленія прибыли, доставлямой трудомъ. Даже въ странахъ, въ которыхъ печать и народная трибуна молчатъ, какой то пророческій инстинктъ указываетъ правительствамъ на истинныя нужды народа, и налагаетъ на нихъ обязательства заботиться объ ихъ удовлетвореніи. Энергія, уходившая прежде на военные замыслы, направляется въ настоящее время на промышленныя предпріятія; положеніе работника все болѣе становится почетнымъ, и мы приближемся быстрыми шагами къ водворенію всеобщаго мира, какъ между работниками, такъ и между народами. Каждая отдѣльная личность стремится къ долѣ своего участія въ собирательной силѣ всей массы народа, такъ что мы отказываемся признавать иное общественое устройство, какъ то, которое обезпечивало бы за каждымъ благосостояніе, соотвѣтствующее его личнымъ достоинствамъ и его труду. Самимъ правительствамъ приходится трудиться въ потѣ лица, и браться за рѣшеніе затрудненій, отъ которыхъ въ прежнія времена имъ такъ легко было увертываться. Между ними возникло спасительное соревнованіе въ заботливости объ увеличеніи народнаго благостоянія; такъ что въ настоящее время трудно указать хотя бы на одну важную правительственную мѣру, которая не имѣла бы въ виду развитія народнаго богатства или улучшенія участи бѣднѣйшихъ гражданъ. Сколько такого рода мѣръ вызвано было политической экономіей со времени начала девятнадцатаго вѣка? Финансы всюду приводятся въ порядокъ; поддержаніе довѣрія къ государственнымъ обязательствамъ становится дѣломъ священнымъ; сберегательныя кассы открыли убѣжище сбереженіямъ бѣдняковъ; общества благотворительности и взаимнаго вспомоществованія размножились во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ; торговля сблизила народы, которые такъ долго были разъединены войной. Ни одна экономическая школа не рѣшится защищать во всеуслышаніе запретительной системы, и уже никто не вѣритъ, что страна можетъ обогатиться разореніемъ своихъ сосѣдей. Самыя разнородныя древнія системы вскорѣ соединятся въ

одну всемірную религію труда и мира, въ которой сольются всѣ великія завоеванія прошедшаго для удовлетворенія потребностей будущаго. Когда линія желѣзныхъ дорогъ соединитъ Марсель съ Москвою, то не будетъ болѣе ни нѣмецкой, ни французской политической экономіи, и пзчезнутъ прусскія таможни. Пренія о вопросахъ, которые такъ интересуютъ насъ въ настоящее время, замолкнутъ, и если вспомнятъ о нихъ, то развѣ для того только, чтобы пожалѣть о томъ, что было потрачено столько времени, вмѣсто того, чтобы дѣлать дѣло.

ГЛАВА XLVI.

Экономическія затрудненія, порожденныя освобожденіемъ труда послѣ 1789. — Неудобства конкуренціи.—Противорѣчіе между фактами и теоріей. — Необходимость ихъ соглашенія. — Перевороты, совершившіеся въ девятнадцатомъ вѣкѣ. — Вліяніе, которое они должны оказать на политическую экономію.

И дѣйствительно, пришла пора дѣйствовать, ибо все кругомъ двигается быстро впередъ; а уносящее насъ съ собою движеніе не даетъ намъ времени даже оглянуться кругомъ. Отъ древняго общественнаго быта, на который упирались учрежденія нашихъ отцевъ, ничего не осталось; полвѣка оказалось достаточно, чтобы измѣнить внѣшній видъ всего земнаго шара и дать совершенно новое направленіе опыту. Современное общество болѣетъ всего болѣе отъ несовмѣстности старыхъ системъ съ новыми интересами. Экономическимъ началамъ, лежащимъ въ основаніи нашего общества, болѣе двухсотъ лѣтъ, а промышленное устройство нашего времени не имѣетъ ничего общаго съ эпохой ихъ возникновенія. Съ какой бы стороны мы ни подошли къ этому вопросу, намъ всюду бросаются въ глаза противорѣчія и предвѣщаютъ грядущее обновленіе. Краткій обзоръ ихъ будетъ служить заключеніемъ этой книги и нравственнымъ выводомъ изъ нея.

Первый ударъ старому порядку нанесла французская революція. Она въ одну ночь отмѣнила право старѣйшинства, субституціи, майораты, десятины и всякаго рода привилегіи. Старинную систему крупной поземельной собственности она замѣнила крайнимъ ея раздробленіемъ, которое подняло въ настоящее время вопросъ о благотворности подобной мѣры. Она освободила трудъ уничтоженіемъ цеховыхъ корпорацій, и оживила торговлю отмѣной внутреннихъ таможенъ. Но впослѣдствіи, на этомъ расчищенномъ полѣ возникла безграниченная конкуренція, размѣры земледѣльческихъ предпріятій превзошли средства, представляемыя капиталами, и земли стали обрабатываться по ирландскому способу. До 1789 налогу подлежало одно только сословіе: равенство передъ закономъ подчинило ему всѣ остальныя. Распредѣленіе повинностей стало, безъ сомнѣнія, справедливѣе; за то тяжесть ихъ страшно увеличилась. Отмѣна цеховыхъ стѣсненій развязала руки подмастерьямъ и ученикамъ, но за то сняла всякую отвѣтственность и съ мастеровъ. Революція дала много, но требовала еще бо̀льшаго. Такимъ образомъ, съ первыхъ же шаговъ все старое общественное устройство было глубоко измѣнено; но новыя учрежденія искажались старыми обычаями, или предоставлялись на произволъ случайности. Освобождая людей, имъ оставляли колодки на ногахъ, такъ что свобода оказывалась для нихъ гибельнѣе самаго рабства. Вмѣсто вражды съ господами, они вступили въ непримиримую вражду между собою.

Всякому извѣстны неожиданныя затрудненія, возникшія изъ этого порядка вещей. Безъ сомнѣнія, слѣдовало радоваться, что каждому дарованію открыто было свободное поприще для дѣятельности: но за то сколько вызвано было горькихъ разочарованій, сколько разбитыхъ надеждъ, сколько лопнувшихъ предпріятій! Одни бросились въ супружество, какъ въ обѣтованную землю, чтобы найти въ немъ нищету и содѣйствовать размноженію пауперизма; другіе, мало опытные, пустились въ рискованныя промышленныя предпріятія, и, встрѣтивъ въ нихъ банкротство, надѣялись найти спасеніе въ запретительной системѣ. Странное ослѣпленіе, побуждавшее

ихъ обратиться, какъ къ лекарству противъ своихъ несчастій, именно къ тому средству, которое было причиной страданія ихъ предковъ, и которое, въ сущности, было воскрешеніемъ привилегій! Вотъ гдѣ надо искать происхожденія перваго и самаго пагубнаго противорѣчія нашего промышленнаго законодательства: предоставляя свободу промышленности, отнимали эту свободу у торговли, и стѣсняли потребленіе тѣми самыми мѣрами, которыя принимались для усиленія производства. Франція нетолько не дѣлала попытки сойти съ этой ложной дороги, но съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе запутывала себя, пока не поставила наконецъ на мѣсто древней феодальной аристократіи — аристократію таможенную, захватившую въ свои руки монополію, къ великому ущербу для рабочихъ классовъ. Слѣдствіемъ этой системы явилась непрерывная вражда между самими представителями новой аристократіи, поставившая въ необходимость и работниковъ соперничать между собою пониженіемъ заработной платы, то есть, еще болѣе рисковать вѣроятностью собственной нищеты и лишеній! Десятина нашего времени взимается въ мастерскихъ; наши желѣзные заводы и бумагопрядильныя фабрики обратились въ средневѣковые замки, въ которыхъ засѣдаютъ въ своихъ золотыхъ доспѣхахъ знатные и могущественные бароны новѣйшей промышленности.

Современная колоніальная система столько же несовмѣстна съ истинными потребностями колоній. Въ строгомъ смыслѣ слова, колоніи не существуютъ болѣе; торговля неграми торжественно воспрещена договорами: невольничество уничтожено англійскимъ парламентомъ; въ Новомъ Свѣтѣ черная Гаитская республика вступила въ сношенія съ своей метрополіей, какъ равная съ равною. Англичане и испанцы потеряли лучшія свои владѣнія въ сѣверной и южной Америкѣ. Но, несмотря на это, колоніальная система продолжаетъ существовать: за отсутствіемъ дѣйствительности, продолжаютъ гоняться за ея призракомъ; въ сношеніяхъ съ свободными народами надѣются сохранить деспотическія и насильственныя привычки, воспитанныя обращеніемъ съ подвластными владѣніями. Напрасно опытъ и политико-экономическая наука

показываютъ, что свобода въ этомъ отношеніи оказывается несравненно выгоднѣе: рутина одерживаетъ верхъ, и порождаетъ противурѣчіе. Торговля великаго народа продолжаетъ подчиняться ложно понимаемымъ интересамъ нѣсколькихъ небольшихъ острововъ, подобно кораблю, остановленному мертвымъ якоремъ при входѣ въ гавань. А между тѣмъ, интересы усложняются и страдаютъ ; рабы волнуются , но никто, повидимому, не замѣчаетъ, что колоніи ускользаютъ изъ рукъ.

На самихъ великихъ торговыхъ путяхъ отразился переворотъ начала настоящаго вѣка. Средиземное море воротило свое первостепенное значеніе, а городъ Александра Великаго снова обратился въ складочное мѣсто индейской торговли. Геній Наполеона воскресилъ египетскую промышленность, болѣе тысячи лѣтъ неподававшую признака жизни: Алжиръ достался въ руки Франціи , а Греція возникла изъ своихъ развалинъ. Морскіе разбои прекратились, и даже въ самый Константинополь ежедневно проникаетъ духъ преобразованій подъ покровительствомъ нашего вліянія и нашихъ понятій. Наши пароходы свободно обходятъ все громадное прибережья Средиземнаго моря, и самыя неожиданныя сношенія завязываются между народами, долгое время вовсе незнавшими другъ друга. Всѣмъ этимъ явленіямъ неизбѣжно суждено произвести самыя глубокія измѣненія въ европейской политической экономіи. Не имѣемъ ли мы послѣ этого полное право опасаться, что упрямо сохраняя законодательство, созданное для инаго времени, мы дождемся до роковой катастрофы? Не наступила ли для Венеціи эпоха паденія въ тотъ день, какъ португальцы въ первый разъ обогнули мысъ Доброй Надежды?

Кромѣ приведенныхъ выше перемѣнъ, въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ (до 1835) совершилось еще множество другихъ, заслуживающихъ полнаго вниманія экономистовъ. Не выходя изъ области однихъ только матерьяльныхъ фактовъ, достаточно одного бѣглаго взгляда на то, что̀ сдѣлано въ наукахъ физическихъ, химическихъ и механическихъ. Ими открытъ

цѣлый новый міръ, и въ настоящее время мы потребляемъ на многія сотни мильоновъ франковъ произведеній, которыя едва были извѣстны нашимъ отцамъ. Все производство хлопчато-бумажныхъ тканей простирается почти до двухъ мильярдовъ; а сахарное производство доходитъ до пяти сотъ мильоновъ. Если вычислить увеличеніе размѣровъ промышленности шерстяной, полотняной, желѣзной, каменноугольной, зеркальной, и необычайное развитіе тысячи мелкихъ производствъ, распространенныхъ въ нашихъ большихъ городахъ, то нетрудно согласиться, что всѣ элементы производства измѣнились и что новые законы необходимы для этого новаго міра. Каждый день приноситъ намъ какое нибудь новое открытіе, и между тѣмъ какъ торговое мореплаваніе доставляетъ намъ все большіе грузы сырыхъ матерьяловъ, механическія изобрѣтенія открываютъ болѣе дешевые способы ихъ обработки. Увеличившійся въ своихъ размѣрахъ обмѣнъ, въ свою очередь, вызвалъ измѣненія въ системѣ общественнаго и частнаго кредита. Необходимость знакомитъ мало по малу людей съ организаціей банковъ, съ государственными займами, а довѣріе, нѣкогда столь затруднительное, въ настоящее время переходитъ иногда за границы вѣроятнаго въ великихъ спекуляціяхъ нашей эпохи. Могущество ассоціаціи не знаетъ болѣе предѣловъ. Какъ только является какое либо значительное препятствіе, немедленно является осадная армія, готовая взять его приступомъ, презирая, повидимому, противудѣйствіе самой природы. Здѣсь висячій мостъ уничтожаетъ пропасть, раздѣляющую горы, тамъ необыкновенный туннель роется подъ русломъ огромной рѣки; тутъ какой нибудь каналъ тянется по гребню горнаго хребта, подобно волшебной линіи надъ горизонтомъ *.

Правительства наперерывъ приступаютъ къ этимъ смѣлымъ предпріятіямъ, и, ограничиваясь одной только страной, мы указываемъ на Францію, которая, едва успѣвши оправиться отъ смутъ послѣдней революціи, тотчасъ же взялась за окон-

---

* Каналъ озера Эри въ Соединенныхъ Штатахъ.

чаніе своихъ великихъ сооруженій, увеличила число своихъ каналовъ, покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, очистила русла своихъ рѣкъ, и назначила колосальныя суммы на разширеніе своихъ портовъ. Такимъ образомъ, въ каждой странѣ совершаются настоящія открытія, которыя равносильны увеличенію территоріи, и которыя одновременно увеличиваютъ, какъ частное, такъ и общественное богатство. Отнынѣ никто не можетъ отрицать важное значеніе правительственнаго вмѣшательства въ великія общеполезныя предпріятія. Еслибы правительства рѣшились сдѣлать еще шагъ впередъ, и взяли на себя починъ въ великой реформѣ тѣхъ законовъ, которые не согласны болѣе съ современными требованіями цивилизаціи, то политическая экономія одержала бы одну изъ изъ величайшихъ своихъ побѣдъ. Наши гражданскіе законы все еще проникнуты духомъ того времени, въ которое были изданы, и господствовавшими тогда приницпами. Наполеонъ, давшій свое имя Кодексу, наслѣдовалъ эпохѣ борьбы и грабительства; онъ хотѣлъ установить какую нибудь аристократію, и такимъ образомъ онъ отступилъ въ феодальную эпоху, не подумавъ о томъ, что на развалинахъ этой эпохи, возникла новая сила, которой отнынѣ суждено было безраздѣльно господствовать надъ міромъ: сила эта—промышленность. Сначала, подъ покровительствомъ Англіи, она не могла расправить своихъ крыльевъ; но впослѣдствіи, она стала сознавать себя въ тѣхъ великихъ мануфактурныхъ центрахъ, которые трудомъ распространены были по всей Европѣ. Напрасно тщательно охраняемыя привилегіи поземельной собственности, казалось, должны были продлить на вѣчныя времена исконныя кастовыя отличія и преимущества господина надъ рабомъ: торговля, при содѣйствіи векселя, ускользала отъ стѣсненій ипотечной системы, и процвѣтала подъ тѣми же строгими законами, подъ покровительствомъ которыхъ чахла поземельная собственность. Этотъ великій вопросъ всплыветъ когда нибудь наружу. При одинадцати мильярдахъ капитала, выданнаго за земли и сковавшаго поземельную собственность Франціи, болѣе свободное развитіе промышленности и торговли, все еще, впрочемъ, стѣненныхъ,

представляетъ весьма серьезный предметъ для размышленія экономистовъ и государственныхъ людей. Какъ бы то ни было, земледѣлію предстоитъ еще золотая пора развитія отъ усовершенствованія относящагося къ нему законодательства.

Въ настоящее время главная заботливость народовъ обращена на улучшеніе путей сообщенія между ними. Разъединеніе, такъ долго державшее ихъ въ состояніи варварства, уступаетъ мѣсто сношеніямъ, съ каждымъ днемъ дѣлающимся все болѣе и болѣе близкими, а уменьшеніе расходовъ по перевозкѣ присоединяетъ огромную цѣнность къ произведеніямъ, еще недавно неимѣвшимъ никакой стоимости. Тѣмъ не менѣе, нельзя надѣяться, чтобы важнѣйшіе политико-экономическіе вопросы могли быть разрѣшены въ ближайшемъ будущемъ. Затрудненія, которыя предстоитъ имъ побѣдить, отнынѣ могутъ быть рѣшены только практическимъ путемъ, но тутъ ничтожнѣйшая ошибка можетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія. Послѣ споровъ, продолжавшихся слишкомъ столѣтіе, о болѣе или менѣе важномъ значеніи правительственнаго вмѣшательства, приходится наконецъ допустить его всюду, гдѣ только разъединенныя силы частныхъ людей оказываются недостаточны. Въ финансовыхъ вопросахъ практикѣ неоднократно случалось торжественно изобличать въ несостоятельности теорію. Кто могъ бы подумать въ то время, какъ докторъ Прайсъ развивалъ свою остроумную теорію погашенія долговъ, что средство это, казавшееся столь дѣйствительнымъ, поступитъ со временемъ въ число самыхъ безплодныхъ финансовыхъ мѣръ? Когда Франція, подъ вліяніемъ фискальной системы эпохи реставраціи, вздумала оказать покровительство колоніальной монополіи, обложивъ высокой пошлиной иностранный сахаръ, то кто повѣрилъ бы, что это, такъ горячо требовавшееся поощреніе окажется главной причиной разоренія колоній? Англія вѣрила впродолженіи болѣе двухсотъ лѣтъ, что вѣрнѣйшее средство для уменьшенія числа бѣдныхъ есть налогъ въ пользу бѣдныхъ, а между тѣмъ, этотъ налогъ породилъ только пауперизмъ. Кончилось тѣмъ, что истративъ болѣе четырехъ мильярдовъ франковъ на вспо-

моществованіе своимъ бѣднымъ, Великобританія принуждена была вернуться назадъ, строго пересмотрѣть свои законы въ этомъ отношеніи, и не безъ опасности бороться съ бѣдствіями, порожденными заблужденіемъ ея политико-экономической системы *.

Только внимательное изученіе фактовъ дало возможность оцѣнить, какъ слѣдуетъ, послѣдствія различныхъ экономическихъ теорій. Такъ какъ бо̀льшая часть послѣднихъ тоже основана на выводахъ изъ предшествовавшихъ фактовъ, то трудно предположить, чтобы эти факты, невѣрно понятые, не имѣли вліянія на точность и выведенныхъ изъ нихъ слѣдствій. Съ тѣхъ поръ какъ вниманіе правительства обращено было въ эту сторону, наука получила возможность идти болѣе прочнымъ путемъ, а администрація дѣйствовать съ большею увѣренностью. Возможно ли было установленіе налоговъ на справедливыхъ началахъ въ то время, когда не было никакихъ данныхъ, даже приблизительныхъ, о прибыли, доставляемой различными отраслями производства, о распредѣленіи этой прибыли между ними и о числѣ употребляемыхъ ими работниковъ? Давно ли сдѣлалось намъ извѣстнымъ число покидаемыхъ дѣтей, количество населенія нашихъ больницъ и тюремъ? А между тѣмъ, такого рода свѣдѣнія, столь необходимыя для каждой реформы, даже для каждаго порядочнаго управленія, легче всего могутъ быть собраны, а важное значеніе другихъ извѣстно съ весьма отдаленнаго времени, ибо уже великій Кольберъ предписывалъ исполненіе такого рода работъ **. Въ настоящее время не приступаютъ ни къ

---

* См. *Статистику Англіи*, изданную Портеромъ и переведенную на французскій языкъ Шеменъ-Дюпонтесомъ, стр. 79.

** Великая мысль Кольбера была приведена въ исполненіе. Въ отдѣленіи рукописей Императорской Парижской библіотеки находится около ста томовъ статистики, составленной подъ надзоромъ интендантовъ провинцій, вслѣдствіе предписаній министра; эти работы могли бы служить образцами для нынѣшнихъ нашихъ префектовъ.

Прим. автора.

Съ тѣхъ поръ какъ написана эта исторія, статистическіе труды всюду приняли огромные размѣры. Рус. перев.

одному политико-экономическому вопросу, не собравъ предварительно самымъ добросовѣстнымъ образомъ всѣхъ, относящихся къ нему свѣдѣній. Когда англійское правительство рѣшилось уменьшить огромныя пошлины на французскія шелковыя издѣлія, то оно назначило гласную комиссію для разсмотрѣнія этого вопроса, въ которую поступили заявленія со всѣхъ сторонъ, а изслѣдованія комиссіи обратились въ полнѣйшій трактатъ по этому вопросу. Пренія о возобновленіи привилегій Англійскаго банка вызвали подобное же изслѣдованіе, быть можетъ, самое интересное, какое когда либо производилось по вопросу о финансахъ. Проэктъ установленія сообщенія съ Индіей посредствомъ Краснаго моря тоже сопровождался самыми тщательными предварительными изысканіями. Наконецъ, великое изслѣдованіе, совершенное по случаю пересмотра законовъ о бѣдныхъ, вызвало подобнаго же рода труды и въ другихъ европейскихъ странахъ: каждый народъ хотѣлъ наконецъ узнать опасность своихъ язвъ, и отыскать средства для ихъ исцѣленія.

Призванная рѣшать всѣ такія задачи общественнаго быта политическая экономія съ каждымъ днемъ озаряется новымъ свѣтомъ, даже въ странахъ, подчиненныхъ неограниченному самодержавію. Росписи государственныхъ расходовъ и средствъ для покрытія ихъ, законы объ отчетности, даютъ возможность имѣть точное понятіе о состояніи народнаго богатства; по ежегоднымъ отчетамъ гражданскихъ и уголовныхъ судовъ можно вѣрно судить о движеніи дѣлъ и о состояніи народной нравственности; результаты первоначальнаго обученія, бюджеты сельскихъ общинъ, мѣстныя статистическія свѣдѣнія, тщательно собираемыя въ нѣкоторыхъ департаментахъ * Франціи, разсѣиваютъ всѣ аргументы, приводимые рутиной и застарѣлыми предразсудками. Въ промышленныхъ статистическихъ свѣдѣніяхъ чаще встрѣчается недостатокъ. Правительства, проникнутыя мыслью, что всѣ вопросы, от-

* Напримѣръ, отчеты департамента Верхняго-Рейна, которые не оставляютъ желать ничего лучшаго. Прим. автора.

носящіеся къ производству, должны быть предоставлены на попеченіе частныхъ интересовъ, только въ послѣднее время, и въ крайне неудовлетворительномъ видѣ, приступили къ обнародованію находящихся въ ихъ распоряженіи свѣдѣній, какъ отчеты по ввозу и вывозу товаровъ, о добычахъ, доставляемыхъ рудниками, о числѣ всякаго рода промышленныхъ заведеній. Еще въ самое недавнее время мы не имѣли никакихъ свѣдѣній о состояніи складовъ, о размѣрахъ транзитной торговли или о числѣ каботажныхъ судовъ. Но, по мѣрѣ того какъ собираются все съ бо̀льшимъ тщаніемъ такого рода свѣдѣнія, разъясняются мало по малу всѣ вопросы, и мы приближаемся къ такому ихъ разрѣшенію, на которое положительно нельзя было надѣяться, при содѣйствіи однихъ только теоретическихъ соображеній. Всестороннія обсужденія вопросовъ въ палатахъ дополнили въ послѣднее время значеніе тѣхъ фактовъ, которые доставлены были статистикой, вслѣдствіе чего политическая экономія вступила въ новую эру своего существованія, опирающуюся исключительно на опытъ и наблюденіе.

Въ какую бы сторону мы ни бросили нашего взгляда, всюду поражаетъ насъ дѣйствительный прогрессъ, осуществленный съ тѣхъ поръ, какъ миръ далъ возможность правительствамъ и народамъ сосредоточить свое вниманіе на реформахъ, благопріятствующихъ всеобщему благосостоянію. Всюду стали понимать, наконецъ, что матерьяльное могущество служитъ только вспомогательнымъ средствомъ для нравственнаго усовершенствованія, и что на увеличеніе производства богатствъ можно смотрѣть, какъ на дѣло дѣйствительно полезное только настолько, насколько оно увеличиваетъ благосостояніе и улучшаетъ нравственное состояніе работниковъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ самой Англіи ограничено закономъ число дѣтскихъ рабочихъ часовъ, и всюду обратились къ физическимъ наукамъ для изысканія новыхъ способовъ очищенія воздуха въ мастерскихъ. Тюрьмы уже не отдаются болѣе на благоусмотрѣніе тюремщиковъ; онѣ превращены въ обширныя мастерскія, гдѣ съ заботливостью, заслуживающей полнаго одобренія, дѣлаются попытки къ различ-

наго рода улучшеніямъ, которыя вскорѣ должны принести благіе плоды. Правительствами посылаются въ обѣ части свѣта спеціалисты, преданные этому человѣколюбивому дѣлу, для изученія способовъ исправленія преступниковъ, которыхъ еще недавно покидали безъ жалости на произволъ судьбы. Сама благотворительность обратилась за совѣтами къ наукѣ: она сдѣлалась разборчивѣе въ дѣлѣ своихъ вспомоществованій. Воспитительные дома уже не раскрываютъ настежъ двери на кладбище; оказалось достаточно нѣсколькихъ, весьма остроумно придуманныхъ формальностей, чтобы воротить матерей къ исполненію своихъ обязанностей, и освободить податныя сословія отъ значительной траты на воспитательные дома. Лотереи запрещены закономъ, а общественное мнѣніе потребовало закрытія игорныхъ домовъ.

Въ чисто матерьяльномъ отношеніи политическая экономія достигла неменѣе поразительныхъ измѣненій и неожиданныхъ успѣховъ. Рядомъ съ поземельными собственниками возникло цѣлое новое населеніе собственниковъ движимаго имущества, населеніе, съ каждымъ днемъ все возрастающее съ безпримѣрной быстротою. Богатства, создаваемыя ихъ трудомъ, открываютъ безчисленный сбытъ земледѣльческимъ продуктамъ, и доставляютъ неисчерпаемый источникъ для государственнаго дохода. Этимъ объясняется постепенное усиленіе косвенныхъ налоговъ, которые должны настигнуть промышленныя богатства народовъ и возрастать. по мѣрѣ накопленія послѣднихъ. Цифра этихъ налоговъ ежегодно возрастаетъ: почтовый доходъ, гербовая бумага, табакъ, таможни, акцизныя пошлины на съѣстные припасы и напитки, даютъ все болѣе и болѣе дохода, потому что обусловливаются возрастаніемъ общественнаго богатства. То же явленіе повторяется во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, а богатства, создаваемыя мануфактурной и торговой дѣятельностью, получили такое развитіе въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напримѣръ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, что косвенные налоги составляютъ въ нихъ главную статью государственныхъ доходовъ. Въ то же самое время сбереженія содѣйствуютъ скопленію въ нихъ капиталовъ, и при могущественномъ содѣйствіи ассоціацій, дозволяютъ при-

водить въ исполненіе великія предпріятія, имѣющія въ виду новыя сбереженія и скопленіе новыхъ богатствъ. Всѣ препятствія, повидимому, изчезаютъ предъ новыми рабочими арміями; открываются невѣдомые рудники, разработываются дѣвственные лѣса, создаются по истинѣ баснословныя произведенія. Во Франціи свекловица и шелковичное дерево удвоили потребленіе сахара и шелка; въ Англіи ленъ грозитъ вытѣснить наши полотна; въ Бельгіи изготовленіе машинъ достигло до громадныхъ размѣровъ, и тѣмъ неменѣе, оно все таки едва начинается. Кто же рѣшится утверждать, въ присутствіи такихъ результатовъ, возможность сохраненія экономическаго порядка, возникшаго подъ вліяніемъ другихъ потребностей и при совершенно иныхъ условіяхъ?

Не прошло и двадцати пяти лѣтъ съ того времени, какъ вся Европа была потрясена до основанія всеобщей войной, неслыханной въ лѣтописяхъ исторіи. Морская торговля была уничтожена, фабрики чахли, капиталы разсѣяны, кредитъ, повидимому, былъ навсегда утраченъ. Вдругъ Франція провозглашаетъ принципъ точнаго исполненія долговыхъ обязательствъ; занимаетъ огромныя суммы для уплаты своихъ долговъ, и не проходитъ и десяти лѣтъ, какъ она возвращаетъ свои силы, поднимаетъ свою промышленность и распространяетъ свою торговлю до крайнихъ предѣловъ свѣта. Въ ту минуту, какъ я пишу эти строки (1835), количество капиталовъ, помѣщенныхъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ Франціи, превышаетъ два мильярда франковъ *; въ Англіи оно въ два

---

* Прудонъ (*Manuel du spéculateur à laB ourse*, 452), полагаетъ сумму всѣхъ завязанныхъ капиталовъ въ какихъ бы то ни было частныхъ и государственныхъ предпріятіяхъ, въ 30 мильярдовъ франковъ; по мнѣнію Анжело Тедеско, на одной Парижской биржѣ, въ 1857 году, обращалось до 20 мильярдовъ промышленныхъ и государственныхъ кредитныхъ бумагъ. На эти 30 мильярдовъ, считая по 6%, публика платитъ 1,800 мильоновъ процентовъ «царямъ банка и биржи», кромѣ того, 1,200 французскому правительству, всего же, вмѣстѣ съ 1,000 мильоновъ квартирныхъ и арендныхъ платъ, 4,000 мильоновъ въ годъ. «Изъ 9,000 мильоновъ всего дохода, доставляемаго французскимъ *тру-*

раза болѣе, а сумма всѣхъ государственныхъ займовъ * Европы по крайней мѣрѣ въ пять разъ превышаетъ эту цифру. Сооруженіе новыхъ каналовъ ** улучшеніе путей сообщенія утроило цѣнность огромнаго числа поземельныхъ имѣній, а въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ цѣнность земли достигла до невѣроятной цифры въ тысячу франковъ за одинъ квадратный метръ. Народный капиталъ всюду возрастаетъ въ такихъ размѣрахъ и съ такой непостижимой быстротой, что можно смѣло утверждать, что не пройдетъ и двадцати пяти лѣтъ, какъ цѣны на земли во Франціи утроятся. То же возрастающее движеніе замѣчается во всей Европѣ; такъ что, безъ всякаго насильственнаго содѣйствія внутренней революціи, достаточно одного мира для несомнѣннаго улучшенія положенія бѣднѣйшихъ классовъ общества и для эманципаціи работниковъ путемъ одного повышенія заработной платы. Нельзя перечислить, хотя бы приблизительно, тѣхъ измѣненій, которыя совершаются подобнымъ путемъ; можно только утверждать, что они совершаются съ такою правильностью,

---

домъ, эту сумму выплачиваютъ французы тѣмъ, кто только и мыслитъ, какъ бы проглотить Францію съ ея людьми, богатствами, свободою, славою, революціями и т. п.: *pour les nourrir, béatifier et défendre contre soi.*» (453). Рус. перев.

* По Кольбу (*Verlgl. Statis.* 1859, стр. 374) Европа должна была банкирамъ и частнымъ лицамъ въ 1857 году 15,440 мильоновъ руб. сереб. Въ 1786, ея государственный долгъ простирался до 5,500 мил. руб. сер. Каждый годъ въ послѣднія 10 лѣтъ Европѣ не хватало около 59 мил. руб. сереб. На сто единицъ всего государственнаго расхода въ Европѣ тратится: 1) на дворъ 3,55; 2) на войско и флотъ 37,22; 3) на проценты государственнаго долга 34,77.
Рус. перев.

** Цифрами, неподлежащими сомнѣнію, доказано, что Южный каналъ увеличилъ на двадцать мильоновъ ежегодный доходъ земель, чрезъ которые онъ проходитъ, и болѣе чѣмъ на четыре мильона доходъ казны. Такимъ же образомъ доказано, что Центральный каналъ увеличилъ отъ пяти до шести мильоновъ поземельный доходъ Франціи.» (Pillet Will, *De la dépense et du produit des canaux*, стр. 61).
Прим. автора.

что въ окончательномъ результатѣ они должны радикально обновить общественное устройство. Такимъ образомъ, исчезнутъ нетолько всѣ оскорбительныя общественныя неравенства, но, можетъ быть, и самый пролетаріатъ.

Политической экономіи принадлежитъ не послѣдняя доля вліянія на сдѣланные успѣхи и на мирныя стремленія Европы нашего времени. Духъ завоеванія и грабежа отжилъ свое время. Самые воинственные народы обратили свою дѣятельность на болѣе надежное поприще, и истинный патріотизмъ состоитъ отнынѣ въ стремленіи къ обогащенію своей собственной страны, а не въ разореніи сосѣдей. Могущество перешло на сторону богатства; варварству становится все труднѣе нарушить миръ цивилизованныхъ странъ. Теперь можно гордиться побѣдами надъ одною только природой: только укрощеніемъ рѣкъ, разработкой рудниковъ, открытіемъ каналовъ, проложеніемъ дорогъ народъ можетъ выказать свое превосходство и одержать побѣду надъ своими соперниками. Люди оцѣниваются нынѣ услугами, которыя они въ состояніи оказать обществу, а не размѣрами честолюбія, которые они заблагоразсудятъ выказать. То, что̀ можетъ облегчить полученіе выгодъ для различныхъ классовъ общества, заслуживаетъ большей признательности со стороны людей, чѣмъ обѣщанія, такъ рѣдко осуществляемыя, самыхъ горячихъ новаторовъ. Народы не питаются амброзіей, и хотя политической экономіи дѣлаютъ тотъ упрекъ, что она придаетъ чрезмѣрное значеніе земнымъ благамъ, исключительно занимаясь одними только матерьяльными богатствами, всякій знаетъ въ настоящее время, что лучшее средство поднять достоинство человѣка, это—поставить его въ независимость отъ нужды. Одно только богатство, или по меньшей мѣрѣ довольство, доставляетъ человѣку тотъ досугъ, который дозволяетъ ему свободнѣе дышать и достойнѣе пользоваться плодами своего труда. Все, что̀ было сдѣлано до сихъ поръ великаго и полезнаго въ политической экономіи, имѣло цѣлью дать людямъ нѣсколько болѣе досуга, при меньшемъ утомленіи, и слѣдовательно, содѣйствовать умственному развитію

менѣе всего счастливыхъ классовъ общества. Развѣ наибольшая сумма личной независимости гражданъ не служитъ, къ тому же, надежнѣйшимъ оплотомъ свободы? Гдѣ господствуетъ деспотизмъ: между богатыми ли, или между бѣдными народами?

Въ настоящее время нѣтъ ни одной деревни, которая не принимала бы участія, прямаго или косвеннаго, въ благодѣяніяхъ, доставляемыхъ промышленной цивилизаціей. Едва примѣняется какое либо полезное открытіе въ одномъ мѣстѣ, какъ оно уже вызываетъ новое потребленіе въ другомъ, а торговля перевозитъ въ отдаленнѣйшіе округи нашихъ провинцій самыя изысканныя и самыя свѣжія произведенія нашихъ городовъ. Политическая экономія доказала до послѣдней степени очевидности благодѣтельныя послѣдствія такихъ сношеній, вызвавшихъ всѣ эти безчисленныя и разнообразныя работы по путямъ сообщеній, которыя искрестили вдоль и поперегъ всю европейскую территорію. Географія играетъ весьма важную роль въ экономическихъ соображеніяхъ новѣйшаго времени. Всякому извѣстно значеніе устья Шельды, Рейна, Дуная. Черезъ Рейнъ не переправляются нынѣ арміи; черезъ Дунай не перебрасываютъ понтонныхъ мостовъ для вступленія въ сраженіе: на нихъ учреждаются пароходныя сообщенія*. Всѣ эти бывшія военныя рѣки обратились нынѣ въ торговыя линіи. Теперь борьба завязалась между этими рѣками и желѣзными дорогами, какъ послѣднее слово промышленнаго прогресса. Когда въ 1804 году, въ отдаленномъ закоулкѣ Валлисской страны, двинулась въ первый разъ паровая машина по желѣзнымъ рельсамъ, таща за собою рядъ вагоновъ, кто могъ бы сказать, что съ этой то самой минуты и начался великій переворотъ, которому суждено будетъ измѣнить весь внѣшній видъ земнаго шара. Сотни мильоновъ пошли съ того времени въ услуженіе этой чудной ма-

---

* Нельзя не согласиться, что эта заключительная глава почтеннаго автора проникнута чрезмѣрнымъ эклектическимъ оптимизмомъ. Рус. перев.

шинѣ, которая, быть можетъ, относится къ усовершенствованнымъ локомотивамъ будущаго, какъ прежніе фитильные самопалы относятся къ нынѣшнему огнестрѣльному оружію. Сколько вопросовъ порождено уже одними условіями, вызванными появленіемъ этихъ удивительныхъ машинъ! Въ одномъ мѣстѣ онѣ удесятерили цѣнность поземельныхъ имѣній, а въ другомъ, быть можетъ, во столько же уменьшили ее; здѣсь онѣ открыли новые рынки, тамъ уничтожили всякій сбытъ. Пятьсотъ тысячъ человѣкъ путешествуетъ нынѣ по странѣ, въ которой прежде едва проѣзжало нѣсколько тысячъ; а сокращеніе разстояній влечетъ за собой такой же переворотъ, какъ еслибы перемѣщена была вся территорія страны. Таковы новыя условія, при которыхъ политическая экономія должна теперь изучать промышленное и общественное движеніе, въ которомъ ей придется отдать отчетъ человѣчеству. Она ни на минуту не смѣетъ упустить изъ виду великій законъ самаго справедливаго распредѣленія прибыли, доставляемой трудомъ; пока будутъ существовать тысячи людей, лишенныхъ первыхъ жизненныхъ потребностей, среди обществъ, столь богатыхъ капиталами и машинами, до тѣхъ поръ всегда будетъ кое что сдѣлать, и задача экономиста не будетъ окончена. Назначеніе цивилизаціи состоитъ въ облагодѣтельствованіи всѣхъ, подобно солнцу, одинаково проливающему свои лучи на богатаго, какъ и на бѣднаго, на сильнаго, какъ и на слабаго, на жителя города, какъ и на жителя деревни. Политическая экономія должна указать цивилизаціи, какими мѣрами можно достигнуть такого всеобщаго благоденствія.

Въ заключеніе, я приведу поразительный примѣръ, что̀ остается намъ сдѣлать на этомъ благородномъ поприщѣ. Въ настоящую минуту не подлежитъ сомнѣнію, что народное богатство Европы, и въ особенности Франціи, возросло самымъ быстрымъ и блистательнымъ образомъ. Но въ какомъ отношеніи произошло это возрастаніе, сравнительно съ прежнимъ богатствомъ различныхъ странъ, никто не въ состояніи рѣшить этого вопроса; намъ равно неизвѣстно, въ какой пропорціи распредѣлялись прибыли между различными клас-

сами работниковъ. Извѣстно только одно, что населеніе большихъ городовъ, въ особенности же, мануфактурныхъ и торговыхъ, сравнительно съ сельскимъ населеніемъ, гораздо болѣе воспользовалось развитіемъ всеобщаго богатства. Наши города съ каждымъ днемъ украшаются новыми сооруженіями; населяющіе ихъ граждане пользуются бо̀льшими, противу прежняго, удобствами; горажане имѣютъ лучшее помѣщеніе, лучшую одежду, лучшую пищу. Старики, вспоминающіе условія городской жизни за пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, поражены перемѣной, происшедшей въ этомъ отношеніи за этотъ промежутокъ времени. Городскія окрестности каждаго большаго промышленнаго или торговаго центра, Гавра, Руана, Лилля, Мюльгаузена, Сенъ-Кантена, Ліона, Марселя, покрылись богатыми предмѣстьями и роскошными загородными дачами. Однѣ деревни остаются неподвижными, и изъ поколѣнія въ въ поколѣніе, сохраняютъ свой прежній бѣдный и монотонный видъ. Въ нихъ, по старому, бросаются въ глаза кучи навоза и грязи; всюду полуразвалившіяся стѣны, лачуги, покрытыя соломой, оборванныя дѣти, лишенныя всякаго воспитанія и присмотра. Если теперь принять въ соображеніе, что люди, живущіе въ такой печальной обстановкѣ, составляютъ двѣ трети всего французскаго населенія, и потребляютъ едва четвеутую часть произведеній нашихъ фабрикъ, то нельзя не согласиться, что многое еще остается сдѣлать для улучшенія ихъ положенія и для обезпеченія сбыта нашихъ мануфактурныхъ произведеній. Не приходится ли, послѣ этого, отнестись съ сомнѣніемъ къ той системѣ производства, которая заставляетъ насъ искать потребителей на краяхъ свѣта, тогда какъ передъ нашими глазами, среди самаго нашего отечества, такое огромное число работниковъ нуждается въ самомъ необходимомъ! Намъ некуда вести нашихъ полотенъ, между тѣмъ какъ тысячи нашихъ согражданъ вовсе не имѣютъ бѣлья! Мы требуемъ премій за вывозъ отечественнаго сахара, а между тѣмъ среди насъ есть старики и дѣти, которые никогда не отвѣдывали и, быть можетъ, никогда и не отвѣдаютъ этого продукта! Сто десятинъ земли стоютъ де-

шевле въ Солони и въ Ландахъ, чѣмъ могильная яма въ Парижѣ! Что̀ за дикія противурѣчія: вся политическая экономія переполнена ими, а между тѣмъ новая ея исторія, переполненная еще болѣе нелѣпыми несообразностями, начинается для нея въ ту самую минуту, какъ кончается старая.

Конецъ исторіи политической экономіи.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

При внимательномъ изученіи исторіи политической экономіи, нельзя не замѣтить того рѣзкаго переворота, который произведенъ въ ней такъ называемыми соціалистическими теоріями, такъ что вся исторія этой науки распадается какъ бы на два великіе отдѣла. Впрочемъ, безразсудно было бы утверждать, что первый изъ этихъ отдѣловъ былъ вовсе лишенъ тѣхъ исключительныхъ воззрѣній, которыя составляютъ отличительную черту политико-экономическихъ теорій новѣйшаго времени; но въ немъ эти воззрѣнія именно отличались исключительностью, придававшею имъ значеніе настоящихъ утопій, которыя, по причинѣ ли своей преждевременности, или по причинѣ другихъ неблагопріятныхъ условій, оставались почти безплодными, и представляютъ интересъ развѣ только благородныхъ и великодушныхъ кабинетныхъ мечтаній. Но эти же самыя утопіи получаютъ необыкновенную силу и значеніе для исторіи науки нашего вѣка: все политико-экономическое развитіе современной намъ эпохи глубоко запечатлѣно такими воззрѣніями, почти утратившими свой прежній характеръ исключительности. Это доказывается самымъ очевиднымъ образомъ всею второю частью настоящаго сочиненія.

На рубежѣ обѣихъ обозначенныхъ эпохъ стоитъ Адамъ Смитъ, на котораго опираются, повидимому, одинаково искренно, какъ защитники прошлаго, такъ и провозвѣстники будущаго. Кромѣ того, изучая первый изъ означенныхъ отдѣловъ, невольно бросается въ глаза, что исторія политической экономіи перваго періода есть исторія третьяго сословія, со времени его возникновенія до окончательнаго его освобожденія въ эпоху французской революціи. Вотъ причина, побудившая меня присоединить къ настоящему сочиненію, въ видѣ особаго приложенія, подробное извлеченіе изъ книги Огюстена Тьерри *Essai sur l'histoire de la formation et des progrès du Tiers État*, занимающей весьма почетное мѣсто въ европейской исторической литературѣ *. Къ тому же, книга Тьерри нетолько про-

* Извлеченіе это было помѣщено въ *Русскомъ Словѣ* за 1861, № 2 и № 3; но для настоящаго изданія статьи эти заново пересмотрѣны и зна-

ливаетъ свѣтъ на революцію прошлаго вѣка, но, такъ сказать, показываетъ ее съ совершенно новой точки зрѣнія, обнаруживая традиціонное происхожденіе возрѣній, которыя мы привыкли считать порожденіемъ извѣстнаго промежутка времени и философскаго движенія восемнадцатаго вѣка, то есть, подрывая ходячія мнѣнія объ этомъ великомъ событіи, какъ о неожиданномъ переворотѣ или о политическомъ катаклизмѣ. Съ этой точки зрѣнія я нашелъ небезполезнымъ приложить къ настоящему переводу исторіи политической экономіи Бланки, очеркъ сочиненія, пополняющаго важнѣйшіе ея пробѣлы и представляющаго объясненія по многимъ весьма важнымъ вопросамъ.

Что касается до подобной же монографіи по второму періоду этой науки, то есть, до общаго очерка важнѣйшихъ соціалистическихъ теорій, имѣвшихъ наибольшее вліяніе на современное намъ развитіе политико-экономическихъ воззрѣній, то, какъ я упомянулъ въ одномъ изъ примѣчаній, я *надѣюсь* издать подобный очеркъ въ видѣ отдѣльнаго, самостоятельнаго приложенія.

чительно добавлены, въ особенности, что касается до оцѣнки дѣятельности Людовика XI, Генриха IV, Ришелье, Кольбера, Людовика XIV, и проч.; такъ что предлагаемое извлеченіе представляетъ полное содержаніе сочиненія французскаго историка, за исключеніемъ немногихъ подробностей и историческихъ документовъ, актовъ, ссылокъ и указаній, неимѣющихъ особеннаго значенія для большинства читающей публики, хотя и драгоцѣнныхъ для спеціалиста-историка.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И РАЗВИТІЕ
ТРЕТЬЯГО СОСЛОВІЯ ВО ФРАНЦІИ.

ДО РЕВОЛЮЦІИ.

ВВЕДЕНІЕ.

Французская революція конца прошлаго вѣка, разрушивъ средневѣковыя учрежденія, выдвинула впередъ новое, привилегированное сословіе, которому передала власть, принадлежавшую древней феодальной аристократіи. Съ этихъ поръ управленіе страною принадлежитъ такъ называемой буржуазіи, которая захватила въ свои руки всѣ источники силы и могущества. Въ прежнее время, ни haute, ни petite bourgeoisie не отличались отъ всего остальнаго народа, и составляли съ нимъ третіе сословіе (tiers-état). Любопытно прослѣдить развитіе этого сословія до того момента, когда оно очутилось во главѣ страны, занявъ мѣсто средневѣковаго дворянства и отдѣливъ, на другой день послѣ побѣды надъ нимъ, свои интересы отъ интересовъ остальнаго народонаселенія. Достигши могущества, буржуазія съ успѣхомъ борется съ притязаніями древней аристократіи и съ новымъ дворянствомъ, насильственно развиваемымъ, какъ первою, такъ и второю имперіями. Но въ то же время она заразилась всѣми болѣзнями привилегированной власти, проникласъ узкимъ эгоизмомъ, ревниво слѣдитъ за стремленіями остальнаго населенія, опираясь на которое, она сама достигла своего значенія, и отреклась отъ своего родства съ нимъ.

Слово — tiers-état давно утратило свое значеніе. Многія историческія явленія, какъ напримѣръ введеніе избирательнаго ценса, и желаніе исключительной власти людей, пользующихся ею, раздробило массу народа, въ сущности цѣльную и однородную, на враждебные другъ другу классы, и значеніе tiers-état затерялось. Теперь, подъ этимъ именемъ разумѣютъ такъ называемую буржуазію, которая будто бы до времени первой французской революціи означала болѣе прочихъ выдающееся сословіе изъ всего, что́ не принадлежало

ни къ дворянству, ни къ духовенству. Мнѣніе вполнѣ ложное и причинившее много зла, придавъ какъ бы историческое основаніе соперничеству и враждѣ классамъ одного и того же сословія. Оно совершенно противурѣчитъ историческимъ свидѣтельствамъ и основному духу великихъ событій конца восемнадцатаго столѣтія.

Въ прежнія времена государственныя сословія (états-généraux) королевства состояли изъ трехъ родовъ людей: духовенства, дворянства и остальнаго народонаселенія, извѣстнаго подъ названіемъ tiers-état. Въ постановленіи Людовика XVI, призывавшемъ государственныя сословія, въ число людей, имѣющихъ право участвовать въ избирательныхъ собраніяхъ третьяго сословія, включались: всѣ жители городовъ, мѣстечекъ и деревень, природные французы или принятые въ число гражданъ (натурализованные), всѣ, имѣющіе 25 лѣтъ отъ роду, приписанные куда бы то ни было и платящіе подать. Наконецъ Сіейсъ, въ знаменитомъ памфлетѣ того времени, сосчитавъ силы плебейскаго сословія и стоя за единство его, предложивъ три знаменитыхъ вопроса и давъ такіе же отвѣты на нихъ, вполнѣ обозначилъ, что̀ значило это, потерявшее теперь свой прежній смыслъ слово. Qu'est ce que le Tiers État? Tout.—Qu'a-t-il été jusqu'à présent dans l'ordre politique? Rien.—Que demande-t-il? A être quelque chose *. — Такимъ образомъ, становится яснымъ, что сословіе, вызвавшее событія 1789 года, составляетъ цѣлый народъ, за исключеніемъ дворянства и духовенства.

Въ этомъ смыслѣ исторія третьяго сословія начинается гораздо раньше, чѣмъ появляется въ исторіи его названіе. Начало ея относится къ тому времени, когда случился въ Галліи переворотъ, вслѣдствіе столкновенія въ ней римскихъ и германскихъ учрежденій, къ тому времени, когда всякаго рода люди, неимѣвшіе правъ привилегированныхъ сословій, составляли классъ, извѣстный на феодальномъ языкѣ подъ именемъ la roture (разночинцы, простолюдины). Съ VI по XII вѣкъ судьба этого сословія едва обозначается; на одной почвѣ (въ деревняхъ) оно теряетъ, на другой (въ городахъ) выигрываетъ. Потомъ, оно встрѣчаетъ болѣе обширное поприще въ эпоху возрожденія, какъ муниципальной свободы, такъ и королевской власти, получаетъ ходъ, болѣе простой и правильный во все время монархическаго періода, и такимъ образомъ доходитъ до конца восемнадцатаго столѣтія, когда оно соединяется политически съ двумя другими сословіями въ одномъ собраніи, на которомъ знаменитый и несчастный Бальи сказалъ: la famille est complète *.

---

* Что такое третіе сословіе? Все.—Чѣмъ оно было доселѣ въ политической іерархіи? Ничѣмъ.—Чего оно требуетъ? Быть чѣмъ нибудь.

* Вся семья на лицо.

Въ историческомъ развитіи его поражаетъ болѣе всего то, что впродолженіи шести вѣковъ, съ XII по XVIII, третіе сословіе и королевская власть идутъ рука въ руку; исторія одного дополняетъ и поясняетъ исторію другой. Со времени Людовика Толстаго до Людовика XVI каждый шагъ впередъ третьяго сословія, каждое новое пріобрѣтеніе свободы, благосостоянія, просвѣщенія, общественнаго значенія соотвѣтствуетъ либо славному царствованію, либо управленію славнаго министра. Но съ конца прошлаго столѣтія эта характеристическая черта исчезаетъ. Революція родила сначала недовѣріе, а потомъ и самый разрывъ между третьимъ сословіемъ и королевскою властью. Въ тотъ самый моментъ, когда пріобрѣтеніемъ послѣдняго права, гарантіи, долженствовавшей увѣнчать все развитіе третьяго сословія представительной монархіей 1791 года, казалось, была упрочена политическая свобода, согласіе между нимъ и монархіей рушилось; за этимъ явленіемъ послѣдовало паденіе и королевской власти, и конституціонной монархіи. Въ послѣдующіе двадцать два года, казалось, что новая Франція разорвала всякую связь съ старинной королевской Франціей, но конституціи 1814 и 1830 года силились связать порваную нить французской исторіи. Попытки и стремленія 1789 года соединить народныя преданія съ началами широкой свободы возобновились подъ другою только формой. 1848 годъ новой катастрофой еще разъ разорвалъ эту нить, и еще разъ доказалъ, что интересы королевской власти и третьяго сословія разошлись еще болѣе, и историческая эпоха, продолжавшаяся шесть вѣковъ, впродолженіи которыхъ эти интересы были общими, и поддерживали другъ друга, окончилась невозвратно. Теперь они идутъ въ противныя стороны: власть поддерживаетъ остатки дворянскихъ и сословныхъ привилегій, третіе сословіе, съ одной стороны, требуетъ отъ нея болѣе прочныхъ и широкихъ уступокъ, съ другой, отдѣляетъ все болѣе и болѣе свои интересы отъ интересовъ остальнаго народа.

ГЛАВА I. — Уничтоженіе древняго рабства. Смѣшеніе племенъ. Происхожденіе средневѣковаго третьяго сословія.

Если мы глубже и серьезнѣе заглянемъ въ жизнь, подвергнемъ критическому анализу ея явленія политическія, гражданскія, религіозныя, то легко убѣдимся, что въ ней нѣтъ скачковъ, быстрыхъ, внезапныхъ переходъ изъ одной формы въ другую, и каждая окончательно сложившаяся эпоха, въ тотъ моментъ, какъ начинается ея разложеніе, служитъ зародышемъ новыхъ жизненныхъ началъ. Такъ, въ умиравшемъ, изжившемъ свои силы греко-римскомъ періодѣ мож-

но уловить зачатки, сѣмена новѣйшей цивилизаціи. Эпоха разложенія и разрушенія древней жизни была колыбелью новыхъ общественныхъ элементовъ, которые, подъ непосредственнымъ вліяніемъ христіанства, нравовъ и обычаевъ германскихъ завоевателей, создали средневѣковую жизнь, и преемственно дошли до насъ. Такимъ образомъ, изъ древне-германскаго народнаго права родился типъ послѣдующей королевской власти. Древнее понятіе о рабствѣ подорвано христіанскимъ ученіемъ. Въ притѣснительное муниципальное право входитъ элементъ демократическій въ видѣ избираемаго народомъ дефенсора и епископа.

При нашествіи варваровъ на Галлію, германскія преданія и обычаи встрѣтились съ христіанской вѣрой, римскимъ правомъ и городской администраціей. Къ концу борьбы мы видимъ насильственно-соединенныхъ побѣдителей съ побѣжденными, франковъ съ галло-римлянами. Два столкнувшіеся народа нисколько не походили другъ на друга. Послѣдніе состояли изъ гражданъ совершенно свободныхъ, колоновъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, имъ непринадлежавшей, и домашнихъ рабовъ, лишенныхъ всѣхъ гражданскихъ правъ. Первые, раздѣленные на два племени, каждое съ своими особенными законами (салическіе франки и рипуарскіе франки), не походятъ въ своихъ учрежденіяхъ ни на кого изъ сосѣдей, ни на бургундовъ, ни на готовъ, ни на другія тевтонскія племена, подчиненныя волей-неволей могуществу франковъ, но всѣ имѣютъ по крайней мѣрѣ два рода свободныхъ людей и особенный родъ рабства. Между неспавшимися еще общественными слоями пользуется особенной силой уголовное право побѣдителей. Количество пени за преступленія противъ лицъ разныхъ сословій учреждаетъ особенную іерархію, давшую начало, и между V и X вѣками выработавшую феодальное право. На первомъ мѣстѣ стоялъ франкъ и всякій *варваръ* *, жившій подъ покровительствомъ законовъ франкскихъ; второе мѣсто принадлежало варвару, управлявшемуся по своимъ собственнымъ законамъ; потомъ шелъ туземецъ свободный и владѣющій землей, потомъ римлянинъ-помѣщикъ и въ равной ему степени *литъ* или германскій колонъ, потомъ римлянинъ-данникъ или туземный колонъ, наконецъ эту длинную лѣстницу заключалъ рабъ какого бы онъ ни былъ происхожденія.

Эти различные, разъединенные классы людей, разумѣется, были неравномѣрно распредѣлены по городамъ и деревнямъ. Все, что только было порядочнаго въ какомъ бы то ни было отношеніи въ галло-римскомъ населеніи, жило въ городахъ, окруженное домаш-

---

* Уже тогда у Франковъ, бывшихъ варварами въ глазахъ римскаго міра, слово *варваръ* означало всякаго не-франки и не-побѣжденнаго галло-римлянина.

ними рабами. Изъ этого населенія только полурабы—колоны и совершенные рабы—земледѣльцы жили по селамъ. Напротивъ того, высшее сословіе германскаго происхожденія утвердилось въ деревняхъ; каждое свободное семейство жило въ своемъ владѣніи работою германскихъ же колоновъ, приведенныхъ ими съ собою, или римскихъ колоновъ, застигнутыхъ въ странѣ во время ея завоеванія. Въ городахъ жило весьма малое число германцевъ. Ихъ составляли королевскіе чиновники и безсемейные искатели счастія, жившіе, вопреки своимъ привычкамъ, какимъ либо ремесломъ. Германскіе побѣдители болѣе и болѣе привязывались къ мѣстамъ, въ которыхъ поселились. Высшее городское сословіе галло-римскаго племени стало подражать имъ, какъ въ жизни, такъ и въ нравахъ, и перебиралось также въ деревни, за исключеніемъ лицъ духовнаго званія. Города много потеряли, когда лучшія фамиліи ихъ покинули; да и сама цивилизація потеряла не мало, потому что эти перебѣжчики оставили свои привычки, свои обычаи, свое образованіе, бывшее плодомъ греко-римской жизни. Просвѣщеніе, науки, искуства окончательно вымирали, и переселились изъ городовъ въ монастыри.

Между тѣмъ какъ невѣжество ложилось густой тучей на высшихъ слояхъ жизни, человѣческія права попирались все болѣе и болѣе, и общество еще разъ дошло до личнаго рабства, на одно мгновеніе человѣчество озарилось свѣтомъ. Провозглашенный законъ братской любви, равенства искупленія и будущаго суда поразилъ молодыя, здоровыя сердца пришельцевъ, которые, впрочемъ, несмотря на дикое состояніе свое, обращались съ рабами несравненно человѣчественнѣе и мягче, чѣмъ избалованное, распущенное въ послѣднее время римское общество. Многіе рабы были отпущены. Богатый варваръ имѣлъ прислугу изъ людей свободныхъ, сыновей своихъ близкихъ, кліентовъ, друзей. Онъ предпочиталъ держать рабовъ внѣ своего дома и заселять ими свою землю, какъ своими работниками. Такъ образовался классъ прикрѣпленныхъ къ землѣ и отъ нея неотдѣляемыхъ земледѣльцевъ. Подражаніе германскимъ нравамъ побудило и благородныхъ галло-римлянъ отпустить большее число рабовъ въ деревню, и поселить ихъ на своей землѣ, какъ работниковъ. Съ теченіемъ времени положеніе ихъ стало походить на положеніе рабовъ германскихъ, хотя судьба ихъ была несравненно тяжелѣе. Домашнее рабство дѣлало изъ лица вещь и вещь движимую; прикрѣпленіе къ землѣ дѣлало его собственностью недвижимою. Это былъ уже значительный шагъ впередъ. Между тѣмъ, какъ съ одной стороны, классъ рабовъ возвышался, и пріобрѣталъ права, съ другой стороны, число обѣднѣвшихъ колоновъ увеличилось въ это смутное, опасное, какъ для свободы лица, такъ и для его собственности время.

Положеніе колоновъ, какъ свободныхъ людей, становилось все хуже, время все болѣе и болѣе сглаживало различіе между поселенцами

римскими и германскими, такъ что смѣшало въ одинъ разрядъ людей бывшихъ данниковъ и людей свободныхъ. Это былъ первый шагъ къ смѣшенію племенъ, смѣшенію, создавшему въ продолженіи слѣдующихъ пяти вѣковъ одну цѣльную народность.

Такъ, въ самомъ сердцѣ германской жизни зародилась весьма важная перемѣна. Количество свободныхъ людей все болѣе и болѣе уменьшалось, а прежніе свободные люди становились къ болѣе сильнымъ и богатымъ въ отношенія зависимыя, болѣе или менѣе близкія къ настоящему рабству; рабы же, вслѣдствіе прикрѣпленія ихъ къ землѣ, вышли изъ тяжкаго состоянія личнаго рабства и приблизились своимъ положеніемъ къ литамъ или къ колонамъ, такъ какъ различіе между двумя этими состояніями стало исчезать.

Вскорѣ народонаселеніе всей Галліи, литы, колоны и рабы, слилось въ одно цѣлое, хотя, по различію мѣстности и сторонніхъ вліяній, судьба несвободныхъ людей не всегда и не вездѣ была одинакова. Въ то время, когда въ деревняхъ началось стремленіе къ опредѣленію общественныхъ отношеній, города все болѣе теряли свое значеніе.

Церковь не мало способствовала этому историческому развитію сельскаго населенія. Хранительница благородныхъ остатковъ древней цивилизаціи, она играла ту же роль относительно домашняго хозяйства, ремеслъ и механическихъ искусствъ. «Аббатство не только было мѣстомъ молитвы и благочестиваго размышленія, но и открытымъ убѣжищемъ противъ всѣхъ варварскихъ гоненій. Оно представляло и въ хозяйственномъ отношеніи нѣчто въ родѣ нынѣшней образцовой фермы», говоритъ Минье. Аббатства были школами, въ которыхъ учились и земледѣлецъ, и ремесленникъ, и землевладѣлецъ.

Многія мѣстности стали процвѣтать. Земледѣльцы почувствовали выгоду совокупнаго поселенія. Выбраны были удобныя мѣста для деревень при рѣкахъ, на торговыхъ путяхъ. Выстроенная церковь обращала деревню въ приходъ, который заявилъ вскорѣ свои требованія ограничить произволъ феодальныхъ владѣтелей. Жившіе въ приходахъ рабы или полурабы поняли выгоду своего положенія вслѣдствіе соединенія въ одну общину, и подъ руководствомъ управляющаго приходомъ и священника родились первыя попытки муниципальной организаціи. Церковь стала хранительницей пріобрѣтенныхъ актовъ, которые вписывались въ книги прихода. Такимъ образомъ, независимо отъ древнихъ муниципій, городовъ и мѣстечекъ, въ которыхъ доживали свой вѣкъ остатки римскихъ учрежденій, образовались элементы новой жизни, вслѣдствіе заселенія колоніями земледѣльцевъ и ремесленниковъ пустопорожнихъ пространствъ, и постепеннаго преобразованія древняго рабства въ новое крѣпостное состояніе. Преобразованіе это, начавшееся гораздо прежде IX вѣка, въ X было уже окончено. Послѣдній, крайній предѣлъ личнаго раб-

ства исчезъ изъ галло-франкской жизни. Крѣпостной принадлежалъ болѣе землѣ, чѣмъ господину; произвольно налагаемый трудъ замѣненъ оброкомъ или опредѣленной барщиной. Крестьянинъ имѣлъ постоянное жилище; ему стало знакомо чувство самодовольства, что онъ болѣе не бездомный скиталецъ, не товаръ, который можно перепродавать изъ рукъ въ руки. Безспорно, это главнѣйшая, характеристическая черта новой жизни. Слово *рабъ* получило опредѣленное значеніе. Имъ обозначался теперь крѣпостной, а прежнія слова, опредѣлявшія подобное же состояніе (литы, колоны), съ X вѣка исчезаютъ совершенно.

Въ то же время покончена была внутренняя великая борьба жизни римской съ жизнью германской въ пользу послѣдней. Эта побѣда вывела за собою феодальное право, т. е. новое государственное право, новую организацію собственности и семьи, раздробленіе верховной и судебной власти, обращеніе всякой общественной власти въ привилегію, дворянское достоинство, соединенное съ правомъ носить оружіе и съ умѣніемъ владѣть имъ, а вмѣстѣ съ этимъ, отвращеніе дворянства отъ труда, науки и всякаго занятія.

За то, съ другой стороны, франкская Галлія теряетъ свою первоначальную физіономію: различіе племенъ и, вслѣдствіе его, правъ по племенному происхожденію исчезаетъ; нѣтъ больше разницы между варварами и римлянами; личное право обращается въ право мѣстное и сословное; право германское и римское уступаютъ мѣсто сложившимся обычаямъ; вмѣсто отдѣльныхъ національностей является одно смѣшанное народонаселеніе, которое историкъ въ правѣ уже назвать *народомъ французскимъ*. Въ немъ видимъ мы среди государства безчисленное множество сеньорій, какъ бы отдѣльныхъ маленькихъ государствъ, въ которыхъ все народонаселеніе характеристически дѣлится на два разряда. Первый — изъ людей свободныхъ, праздныхъ, военныхъ, съ правами начальствованія, администраціи и суда. Второй, предназначенный къ повиновенію, работѣ, находящійся, за исключеніемъ оставшихся рабовъ, въ болѣе или менѣе тѣсной зависимости отъ перваго, къ видѣ подданства. — Казалось, что это начало подданства, къ которому стремилась германская жизнь, должно было задушить всякое иное, болѣе свободное стремленіе; но вскорѣ оно встрѣтилось съ городами, въ которыхъ смутно шевелились преданія о римскомъ правѣ, отвращеніе къ настоящему порядку вещей и сила для борьбы. Феодальное право, между тѣмъ, выработало новыя основанія для политической и гражданской жизни; все случайное и временное стало постояннымъ: право пользованія перешло въ право собственности, право переходной власти въ личное право, право пожизненное въ наслѣдственное. Перемѣны эти не могли не коснуться крѣпостнаго сословія и не отразиться на его жизни, потому что и крѣпостной велъ войну противъ своего госпо-

дина, какъ его господинъ противъ вассала и какъ вассалъ противъ сеньора, а сеньоръ противъ короля. Какъ ни различны были положенія воюющихъ сторонъ, есть нѣкоторая аналогія въ результатахъ борьбы для всѣхъ.

Еще въ VIII вѣкѣ произвольно селили крѣпостныхъ, переводили съ мѣста на мѣсто, раздѣляли членовъ даже одной семьи; два вѣка спустя, мы видимъ совсѣмъ иное: каждая семья помѣщена отдѣльно, крестьянская усадьба и окружающее ее поле обращаются въ наслѣдство крѣпостнаго. Правда, наслѣдство это, обложенное оброкомъ и барщиной, не могло быть отчуждаемо, члены семьи лишены были права заключать браки съ лицами инаго сословія и крѣпостными чужихъ господъ, но эти новыя права: maimorte и formariage получили сеньоры какъ бы въ замѣнъ нѣкотораго права собственности, уступленнаго крѣпостнымъ. Подъ такимъ вліяніемъ образовалось земледѣльческое крѣпостное населеніе, послужившее гранитнымъ фундаментомъ будущаго общественнаго зданія. Прикрѣпленіе къ землѣ родило право на нее, которое съ каждымъ новымъ поколѣніемъ становилось шире и прочнѣе. Стороннія политическія вліянія, въ особенности набѣги норманновъ, играли не малую роль въ общественномъ пересозданіи. Въ продолженіи трехвѣковаго періода этихъ нашествій, физіономія деревень и жилищъ сеньоровъ измѣнилась: первыя стали многолюднѣе, многія ограждали себя укрѣпленіями, а жилища сеньоровъ и рыцарей обратились въ замки, число которыхъ вскорѣ весьма расплодилось. Подъ защиту, въ особенности первыхъ, стало селиться трудолюбивое народонаселеніе нетолько земледѣльцевъ, но и всякихъ ремесленниковъ. Большое количество людей, сосредоточенныхъ на одномъ пунктѣ, породило новыя отношенія, а вслѣдствіе новыхъ явленій жизни, явились и новыя учрежденія. Это была переходная эпоха отъ жизни деревенской къ городской. Для содѣйствія управляющему деревней, въ полицейской расправѣ и судѣ за незначительныя преступленія, изъ жителей деревни сталъ выбираться помощникъ, который становился лицемъ начальствующимъ. Желаніе улучшенія своего быта повело преобразившуюся деревню далѣе. Съ начала XI столѣтія жители мѣстечекъ и селъ, *виланы*, уже не довольствовались положеніемъ несвободныхъ собственниковъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ; они стремились сбросить съ себя тяжелыя обязательства, освободить землю, а съ нею и самихъ себя.

Но обратимся къ городамъ. Надо замѣтить, что рядомъ съ понятіемъ о свободѣ благороднаго, состоящей изъ привилегій, родившихся вслѣдствіе побѣдъ германцевъ и ихъ нравовъ, существовало понятіе о другой свободѣ, основанной на инстинктивномъ сознаніи естественнаго, общаго всѣмъ права. Свободу эту вѣрнѣе всего можно бы было назвать *римской*; и муниципальное право, хотя искаженное,

продолжало свое существованіе, несмотря на все усиліе феодальныхъ учрежденій задушить его. За жителемъ города удержалось даже древнее названіе гражданина. Изъ этого права родились сѣмена будущаго городскаго устройства. Въ X вѣкѣ, во время галло-франкскаго періода, древнія римскія свободныя учрежденія, вслѣдствіе разныхъ причинъ, были отчасти перемѣшаны со многими нововведеніями, отчасти утратили свой первоначальный характеръ.

Власть древней куріи, изъ аристократической и наслѣдственной, обратилась въ избирательную и народную. Власть судебная, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, перешла прежнія границы. Посредствующая степень между правительственною властью и народомъ исчезла. Наконецъ, вслѣдствіе все бо́льшаго вліянія духовенства на внутреннюю жизнь городовъ, высшее правительственное лице, дефенсоръ, подпалъ подъ зависимость епископа. Фактъ этотъ явился безъ всякой борьбы, единственно вслѣдствіе популярности, которою пользовалось духовенство, популярности, грозившей подчинить городъ особаго рода теократіи. Понятія объ источникѣ гражданской и судебной власти, происходила ли она отъ народа или отъ епископа, перемѣшались. Тогда началась глухая борьба между свободными стремленіями городовъ и епископскою властью. Феодальная власть пришла со всѣмъ своимъ могуществомъ на помощь послѣдней, и слѣдствіемъ этого было обращеніе епископовъ въ такихъ же свѣтскихъ владыкъ, какими были сеньоры для селъ и деревень. Организація городской жизни превратилась въ организацію, бывшую при дворахъ и въ замкахъ. Знатные граждане стали наслѣдственными вассалами церкви, захватили въ свои руки всѣ роды власти, и угнетали городское населеніе, вскорѣ обратившееся въ совершенныхъ рабовъ. Такимъ образомъ, общая участь, казалось, суждена была и городскому и сельскому населенію.

Къ счастью, не всегда удавалось епископамъ захватить управленіе въ свои руки. Были города, въ которыхъ они встрѣтили сильное противудѣйствіе со стороны королевскихъ чиновниковъ. Это противудѣйствіе порождало упорную борьбу. Епископы становились обыкновенно на сторону народа, особенно въ періодъ соперничества духовной и свѣтской власти, поддерживали интересы городскаго населенія и избирательное начало. Это содѣйствіе духовенства дало въ послѣдующее время средства и силы для возстановленія городской жизни, которая въ X вѣкѣ представляетъ крайній предѣлъ униженія съ одной стороны, и притѣсненія съ другой. Паденіе муниципальнаго права было тѣмъ чувствительнѣе для городскаго населенія, что оно не было знакомо съ состояніемъ рабства, и хранило преданія о своихъ свободныхъ учрежденіяхъ. Тѣмъ неменѣе, въ эту эпоху варварства, охватившаго, какъ сельскую, такъ и муниципальную жизнь, совершилось и въ городахъ смѣшеніе германскаго и галло-римскаго

населеній, и выработалось изъ остатковъ римскихъ преданій и германскихъ судебниковъ одно право и одни обычаи.

Вскорѣ случился переломъ въ исторіи городскихъ учрежденій. Начался онъ въ Италіи, и изъ нея перешелъ во Францію. Судьба итальянскихъ городовъ, болѣе обширныхъ, богатыхъ и менѣе отдаленныхъ другъ отъ друга, была несравненно благопріятнѣе. Тамъ, во второй половинѣ XI столѣтія, во время борьбы духовной власти съ императорскою, пробудилось первое революціонное движеніе съ особенною энергіей и самостоятельностью, и отразилось послѣдовательно во всей муниципальной жизни. Политическое устройство городовъ Тосканы и Ломбардіи представляло въ то время смѣшеніе феодальныхъ учрежденій съ значительной гражданской свободой и неограниченную судебную власть, соединенную съ правомъ начальствованія надъ войскомъ. Въ городахъ этихъ явились консулы, правители, избираемые народомъ; имъ поручалась власть судебная и предводительство надъ войскомъ; подъ предсѣдательствомъ ихъ учреждены были верховныя собранія, которыя назначали войну и миръ.

Эти республиканскія учрежденія не замедлили переплыть море, перейти Альпы и проникнуть въ Галлію. Въ началѣ XII столѣтія новая форма городскихъ учрежденій, *консулатъ*, является, сперва въ болѣе значительныхъ комерческихъ городахъ, имѣвшихъ ближайшія и тѣснѣйшія сношенія съ итальянскими городами, а потомъ, частію силою, а частію, вслѣдствіе добровольныхъ уступокъ сеньоровъ, и въ другихъ, менѣе значительныхъ городахъ. Вскорѣ эта пропаганда обошла всю южную часть настоящей Франціи, между тѣмъ какъ на сѣверѣ страны то же движеніе, только при другихъ условіяхъ, произвело совершенно иныя послѣдствія.

На болѣе удаленныхъ отъ итальянскаго вліянія оконечностяхъ страны явился другой типъ городскаго устройства, столько же самостоятельный, типъ *присяжной общины*. Слова эти въ средніе вѣка обозначали муниципальное устройство, основанное на подтвержденномъ клятвою договорѣ о взаимномъ соединеніи и такомъ же взаимномъ охраненіи общины. Устройство это, родившись въ сѣверной Галліи, распространялось все болѣе и болѣе на югъ, между тѣмъ какъ учрежденіе консулата распространялось съ юга на сѣверъ. Несмотря на различіе въ результатахъ, внутреннее движеніе того и другаго было одинаково: тѣ же стремленія къ независимости, къ равенству правъ, къ возстановленію свободнаго труда. То и другое имѣли непосредственное вліяніе на возрожденіе новой общественной жизни. Города пріобрѣли видимую, какъ бы личную гарантію въ своихъ правахъ; они стали какъ бы юридическими лицами, т. е. власть ихъ не ограничивалась только управленіемъ сосѣднею, принадлежавшею городу страною, правомъ владѣнія и отчужденія, но среди стѣнъ своихъ они пріобрѣли ту же независимость, какою пользовались въ своихъ

владѣніяхъ сеньоры. Въ началѣ, оба движенія городской жизни не встрѣчались. Ихъ раздѣляла центральная часть Галліи, въ которой движеніе было слабѣе, и не доходило до полнаго преобразованія и возрожденія городской свободы. Здѣсь, древніе значительные города освобождались исподоволь, и получали болѣе или менѣе независимое демократическое устройство, занимавшее средину между сѣверной присяжной общиной и южнымъ консулатомъ. Въ однихъ изъ нихъ было возобновлено прежнее устройство галло-римскаго періода, въ другихъ учреждено правленіе изъ четырехъ правителей съ исполнительною и судебною властью; къ такимъ лицамъ, избираемымъ на годъ большинствомъ населенія, присоединялось иногда, для содѣйствія, извѣстное число знатныхъ гражданъ. Но, несмотря на эти видимыя пріобрѣтенія, города эти были всегда въ большей зависимости, и освобожденіе ихъ никогда не было рѣшительно, такъ что высшее выраженіе либеральныхъ стремленій эпохи встрѣчаемъ мы въ присяжной общинѣ и консулатѣ.

Между тѣмъ какъ происходило это освобожденіе, даже въ городахъ, возникшихъ послѣ римскаго періода, объемъ пріобрѣтенныхъ правъ въ различныхъ мѣстностяхъ былъ неодинаковъ. Случалось, что предмѣстья города получали путемъ мирнымъ, либо вслѣдствіе борьбы, права присяжной общины или консулата, тогда какъ положеніе самого города было близко къ совершенному рабству. Для одной мѣстности представлялось болѣе выгодъ, обстоятельства ей благопріятствовали, для другой, напротивъ, не было ни того, ни другаго. Ясно обозначалось только общее стремленіе возстановить изъ хаоса феодальныхъ учрежденій остатки бывшей городской свободы. Это стремленіе не могло ограничиться освобожденіемъ одного муниципальнаго права. Ему суждено было подкопаться подъ самыя основы феодальныхъ учрежденій и обычаевъ, и уничтожить ихъ совершенно. Въ немъ родились, и въ сторонѣ отъ прочей жизни, развились учрежденія, мѣстному характеру которыхъ суждено было сдѣлаться достояніемъ общимъ, пріобрѣтеніемъ всей страны. Посредствомъ хартій, полученныхъ общиной, обычаевъ, помѣщенныхъ въ хартіяхъ, муниципальныхъ статутовъ, былъ возстановленъ писанный законъ; почти погибшее муниципальное управленіе, введенное въ городскую жизнь послѣ болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ, послужило примѣромъ для устройства всего государства. Является новое, *третіе* сословіе, съ равенствомъ своихъ членовъ, съ освобожденнымъ трудомъ, и занимаетъ посредствующее положеніе между дворянствомъ и рабствомъ, и разрушаетъ современную феодальную организацію. Его свѣжіе, здоровые инстикты, дѣятельность, накопленные капиталы, даютъ ему силу на борьбу съ землевладѣльцами.

Городская свобода въ XII и XIII вѣкахъ отразилась и на сельскомъ народонаселеніи: мы видимъ, что въ многолюдныхъ теперь се-

лахъ является то же стремленіе къ пріобрѣтенію болѣе широкихъ правъ; въ деревняхъ и въ соединеніи деревень нельзя не узнать начала присяжной общины. Невыгоды и безправіе рабства сознаются все болѣе и болѣе, отвращеніе къ господскому праву все болѣе и болѣе увеличивается. Въ деревняхъ, подъ окнами замковъ сеньоровъ, раздается общій голосъ: «nous sommes hommes comme eux» *, толпы рабовъ оставляютъ господскія земли, и идутъ грабить окрестности, другіе спокойно и твердо ведутъ переговоры о выкупѣ своей свободы, какой бы ни было цѣной. Боязнь общаго возстанія заставляетъ господъ согласиться уступить за деньги свое незапамятное на нихъ право. Но эти уступки не могли произвесть общаго и полнаго освобожденія; затрудненія были слишкомъ велики, нужны были радикальныя измѣненія правъ собственности. И, между тѣмъ какъ возрожденіе муниципальной жизни совершалось такъ быстро, потребовалось не менѣе шести вѣковъ, чтобы совершить тѣ же преобразованія въ сельской жизни.

ГЛАВА II.—Парламентъ въ XIII вѣкѣ. Собранія государственныхъ сословій въ 1302, 1355 и въ 1356 годахъ.

Такимъ образомъ, возстановленное муниципальное право, города съ консульскимъ учрежденіемъ, присяжная община, городская и сельская, были результатомъ борьбы XII вѣка, на которомъ выросло новѣйшее общественное устройство. Но всѣ эти элементы не могли слиться въ одно стройное цѣлое, и не имѣли достаточно силы подчинить себѣ начала имъ противудѣйствовавшія. Чувствовалась необходимость въ помощи внѣшней, чтобы подъ ея руководствомъ можно было начать борьбу съ феодальной аристократіей, мѣшавшей общественному развитію. Роль эту приняла на себя королевская власть. Германская по происхожденію, взросшая подъ вліяніемъ императорскихъ преданій, она никогда не забывала своего римскаго принципа: общаго равенства предъ нею и предъ закономъ. Правда, принципъ этотъ, тщетно поддерживаемый противъ честолюбивыхъ франковъ Меровингами, былъ побѣжденъ при второй династіи; въ послѣдующую эпоху идею государства представляла іерархія безчисленныхъ поземельныхъ владѣтелей, раздѣлившихъ между собою страну; но возрожденіе городской жизни открыло королевской власти средства возобновить борьбу съ сеньорами. Французскій король въ городахъ нашелъ все, что́ не могли или не хотѣли ему дать вассалы и бароны: дѣйствительное подданство, правильныя субсидіи и вооруженную ми-

* Мы такіе же люди, какъ и они.

лицію. Съ ихъ помощью, и подъ предлогомъ мира и порядка, онъ принялъ на себя роль защитника слабыхъ и блюстителя общественнаго спокойствія. Нельзя сказать, чтобы возстановленіе королевской власти было вызвано освобожденіемъ городовъ. Напротивъ, оба явленія тѣсно связаны между собою и, побуждаемыя необходимостью, постоянно помогали другъ другу. Важнымъ, ближайшимъ слѣдствіемъ городской эманципаціи было то, что матерьяльное благосостояніе разлилось всюду: стали расчищать лѣса, обработывать земли, населеніе городовъ увеличилось, возникли новые, заселившіеся бѣжавшими отъ господъ рабами.

Въ слѣдующемъ вѣкѣ идутъ преобразованія судебныя и законодательныя, послужившія главнымъ орудіемъ противъ феодальнаго права. Изъ городоваго права рождается право государственное. Враждебное привилегированнымъ сословіямъ, оно основывалось на противуположныхъ имъ началахъ: на естественномъ равенствѣ, служившемъ основаніемъ для организаціи семьи, собственности, наслѣдства, на равенствѣ братьевъ. Въ немъ выразился духъ справетливости и истины, подобный тому, который когда то выработалъ римское право, съ тѣмъ, разумѣется, различіемъ, какое могло произвести, съ одной стороны—христіанство, а съ другой—полуварварскіе нравы и обычаи.

Съ этимъ общественнымъ возрожденіемъ шло объ руку возрожденіе науки въ видѣ римской юриспруденціи. И здѣсь первый толчокъ вышелъ изъ Италіи, въ которой преподаваніе права не прекращалось во все продолженіе среднихъ вѣковъ. Еще въ XII вѣкѣ множество странствующихъ студентовъ переходило Альпы, чтобы учиться въ Болоньѣ или Падуѣ, и приносило назадъ, во Францію, новыя идеи толкователей гражданскаго права. Вскорѣ, право это стало преподаваться, вмѣстѣ съ каноническимъ, въ городахъ, сначала южной, а потомъ средней Франціи. Изъ школъ новыя понятія проходили въ жизнь, и подъ ихъ вліяніемъ явился цѣлый классъ юристовъ и людей государственныхъ, изъ самой среды третьяго сословія, и уже въ высшихъ сферахъ началъ борьбу съ феодализмомъ и его предразсудками.

Дворъ короля или парламентъ, верховный судебный трибуналъ, сдѣлался самымъ дѣятельнымъ средоточіемъ новыхъ началъ, съ тѣхъ поръ, какъ эти новые люди получили къ нему доступъ. Образовалась правительственная каста. Въ ней вырабатывались и отъ нея распространялись понятія о верховной королевской и народной власти, какъ единственномъ источникѣ правосудія и законовъ. Увлеченные римскими традиціями легисты того времени съ этой точки зрѣнія смотрѣли на настоящій порядокъ вещей. По ихъ понятіямъ, все было противузаконно въ тогдашнемъ обществѣ, кромѣ королевской вла-

сти и третьяго сословія. Казалось, они предчувствовали историческую судьбу двухъ этихъ началъ, которымъ суждено было подчинить все остальное. Во всякомъ случаѣ, легисты XIII вѣка, судьи, совѣтники, королевскіе чиновники, за шестьсотъ лѣтъ обозначали путь, по которому пошли всѣ преобразованія, реформы и революціи. Побуждаемые внутреннимъ голосомъ справедливости, и вооруженные неумолимою логикой, переходя отъ одного вывода къ другому, начали они гигантское дѣло, на совершеніе котораго потребовалось столько вѣковъ: соединить въ однѣхъ рукахъ раздробленную верховную власть, и привести къ одному уровню третьяго сословія все, что было выше и ниже его. Эта борьба раціональнаго права противъ существующаго, теоріи противъ дѣйствительности, имѣла всегда двоякій характеръ въ исторіи: одинъ, когда духъ нововведеній самъ себѣ предписываетъ границы, сдерживаетъ себя; другой, когда онъ поднимается грозно, и ломаетъ безъ разбора все, что встрѣчаетъ на своей дорогѣ. Два славныхъ царствованія, Людовика IX и Филиппа Красиваго, представляютъ разительный примѣръ такого контраста, примѣръ, которымъ начинается политико-юридическая эпоха французской монархіи. Реформа, начатая мягкимъ и осторожнымъ Людовикомъ Святымъ, при его внукѣ становится суровой, насильственной, неразборчивой въ средствахъ для достиженія цѣли, сущность которой было общее благо и справедливость. Несмотря на ея духъ и стремленія, она не возбудила къ себѣ народнаго сочувствія. Не было общественнаго переворота болѣе мрачнаго и менѣе симпатическаго. Среди повсемѣстныхъ безпорядковъ, насилій, убійствъ и казней, благородно раздается только голосъ короля, провозглашавшаго, во имя естественнаго права, свободу всѣхъ, и во имя права божественнаго — безправіе рабства.

Легисты, основатели королевскаго самодержавія, испытали судьбу всѣхъ революціонеровъ: они погибли въ реакціи, совершенной во имя тѣхъ интересовъ, противъ которыхъ они боролись. Королевская власть шаталась, и отступала за феодальное право, подъ которое подкапывалась. Но самое дѣло не могло погибнуть: число людей свободныхъ постоянно возрастало, и всѣ они становились подъ защиту короля и закона. Реформа приняла характеръ медленный, но тѣмъ не менѣе вѣрный для достиженія цѣли. Прежде всего было установлено закономъ, что новая община не можетъ сложиться безъ согласія короля, который одинъ только имѣетъ право создавать общины, и что всѣ города и консулаты находятся подъ непосредственной королевской властью. Вскорѣ сдѣлано было новое, важнѣйшее пріобрѣтеніе: король получилъ право дѣлать гражданиномъ лице, поселившееся не только на земляхъ королевскихъ, но и на землѣ его вассала; такимъ образомъ, гражданство изъ права сословнаго стало правомъ личнымъ. Оставаясь прикрѣпленнымъ къ землѣ сеньора, крѣпостной получалъ нѣкоторую свободу. Въ актахъ того времени это

обозначалось: désavouer son seigneur et s'avouer bourgeois du roi *; право гражданства перестало быть исключительною принадлежностью городовъ, явился особый классъ свободныхъ простолюдиновъ, которые получили названіе гражданъ государства. Всѣ эти пріобрѣтенія сдѣланы были послѣ глухой, долгой борьбы; напротивъ того, важнѣйшее пріобрѣтеніе третьяго сословія, право участвовать чрезъ своихъ представителей въ собраніи государственныхъ сословій, получено вслѣдствіе давнишняго обычая. Собраніе сословій изъ преданій германскихъ вошло въ жизнь феодально-монархическую, и состояло обыкновенно изъ представителей духовенства и дворянства, соединенныхъ вмѣстѣ, либо раздѣленныхъ на двѣ камеры. Какъ скоро явился, по освобожденіи городовъ, новый классъ свободныхъ собственниковъ, то онъ тотчасъ принялъ участіе въ этихъ собраніяхъ, хотя съ меньшимъ значеніемъ, чѣмъ два первые, и получилъ право совѣщаться о дѣлахъ государственныхъ, касающихся податей, налоговъ, субсидій. Это лучшее, важнѣйшее и существеннѣйшее право городскаго населенія получено было безъ борьбы и противудѣйствія, собственно потому, что въ рѣдкихъ случаяхъ, въ которыхъ собирались королемъ представители *добрыхъ* городовъ, и въ уединенномъ ихъ положеніи среди собранія, современники не видѣли всей важности новаго учрежденія **.

Увеличеніе нуждъ королевскихъ и расходовъ на ихъ удовлетвореніе естественно вело за собою болѣе частыя и правильныя собранія выборныхъ отъ городовъ и общинъ. Событія, которыми открылся первый годъ XIV столѣтія, дали этимъ собраніямъ характеръ особенной важности, поразившей современниковъ тѣмъ болѣе, что прежнія собранія были отдѣльныя, частныя, по сословіямъ, проходившія безслѣдно другъ за другомъ. Всѣмъ извѣстны, какъ замыслы римскаго двора и Бонифація VIII, такъ и отпоръ, данный ему Филиппомъ Красивымъ. Папа собралъ соборъ, король—государственныя сословія изъ представителей духовенства, дворянства и городовъ ***. Отъ сѣверныхъ городовъ явились городскіе головы, отъ южныхъ консулы. Отъ нихъ впервые услышали *голосъ народа*; и вотъ какъ они выразили мнѣніе свое въ поднятомъ вопросѣ о границахъ свѣтской и духовной власти: «Васъ, благороднѣйшій государь Филиппъ, Божіей милостью король Франціи, проситъ и умоляетъ народъ вашъ, насколько это отъ него

---

* Отказаться отъ своего господина, и признать себя подданнымъ короля.

** Въ первый разъ выборные tiers-état участвовали въ собраніи государственныхъ сословій, призванныхъ Филиппомъ Красивымъ въ 1302, по случаю спора его съ папою Бонифаціемъ VIII.

*** 10-го апрѣля 1302 года, въ Notre-Dame de Paris. Представители городовъ собирались и прежде, при Людовикѣ Св., но по провинціямъ, а не отъ всего государства.

зависитъ, чтобы вы сохранили верховную независимость вашего королевства, и не признавали бы на землѣ владыки, кромѣ Бога....» Это желаніе независимости королевской власти и земли своей—первая политическая идея tiers-état, сдѣлавшаяся его наслѣдственнымъ преданіемъ. Вошедшее во всеобщее употребленіе слово tiers-état означало на дѣлѣ только городское населеніе, но подъ это общее названіе поступали всѣ освобождающіеся, всѣ стремящіеся освободиться изъ подъ феодальной зависимости. И истинная заслуга tiers-état состоитъ въ томъ, что оно не имѣло стремленія отдѣлиться отъ стоящихъ ниже его классовъ; напротивъ, оно видѣло свое призваніе въ защитѣ не тѣхъ или другихъ, а всего народа неблагороднаго, свободныхъ и несвободныхъ, горожанъ и крестьянъ.

Съ другой стороны, не видно было, чтобы оно придавало особенную цѣну пріобрѣтенному такъ легко праву участвовать въ собраніи государственныхъ сословій. Оно засѣдало въ нихъ нехотя, видя, что цѣль каждаго собранія—новый налогъ или подать. Роль его на этихъ собраніяхъ, созывавшихся по случаю войны или новаго царствованія, была малозначительна и второстепенна во все послѣдующее время правленія Филиппа Краснваго и его наслѣдниковъ до половины XIV вѣка. Но при Іоаннѣ общественныя бѣдствія, вслѣдствіе войнъ съ Англіей, вызвали лихорадочное, страстное движеніе общинъ, честолюбивыя требованія которыхъ шагнули далеко за предѣлы возможнаго, и стремились къ исключительному преобладанію, которое могли получить не ранѣе, какъ черезъ пять вѣковъ борьбы и усилій.

Въ два протекшія столѣтія, со времени пріобрѣтенія муниципальной свободы, богатые граждане городовъ пріобрѣли опытность въ политической жизни. Познакомившись на собраніяхъ государственныхъ сословій съ безпорядкомъ королевскаго управленія, съ его нечистыми источниками доходовъ, съ его древними и новыми злоупотребленіями, и сравнивъ его съ совѣстливымъ, справедливымъ городскимъ управленіемъ, они естественно желали внести начала городской организаціи въ жизнь государственную. Стремленіе это, сначала робкое, въ присутствіи королевской власти, никогда не обращавшейся къ нимъ за совѣтомъ, и привилегированныхъ сословій, сдѣлалось явнымъ, при страшныхъ бѣдствіяхъ, порожденныхъ внѣшнею войной и внутренней расточительностью, принудившихъ короля и его совѣтниковъ искать посторонней помощи и показавшихъ его безсиліе помочь общественнымъ несчастіямъ. При такихъ то обстоятельствахъ объявлено было собраніе государственныхъ сословій въ 1355 году. Его рѣшенія, получившія тотчасъ по указу короля законную силу, во многихъ отношеніяхъ пошли гораздо дальше того, что выработала впослѣдствіи конституціонная монархія: верховная власть раздѣлена между королемъ и представителями трехъ сословій;

собранія собираются сами на опредѣленный срокъ, подать обязательна для всѣхъ, не исключая и короля, право собирать ее и контролировать финансы принадлежитъ собранію, учреждается, вслѣдствіе предоставленнаго гражданамъ права носить оружіе, народное ополченіе, запрещается призывать кого бы то ни было къ другому суду, кромѣ существующаго, насильное взятіе въ службу короля прекращается, монополіи королевскихъ чиновниковъ и дворянъ уничтожаются. Демократическія стремленія были раціональнѣе, приводились они въ исполненіе послѣдовательнѣе, чѣмъ отпоръ, какой встрѣтили они въ феодальной аристократіи и духовенствѣ.

1356 годъ былъ роковымъ годомъ пораженія при Пуатье, плѣна короля, гибели множества рыцарей, потери государственныхъ средствъ и, наконецъ, годъ отсутствія всякаго правительства, среди разгрома внѣшней войны, внутреннихъ несогласій и страшнаго броженія умовъ. Это пораженіе возбудило въ народѣ горькое чувство ненависти и презрѣнія къ дворянству, отступившему предъ несравненно слабѣйшей непріятельской арміей. Граждане приняли на себя свою собственную защиту, между тѣмъ какъ девятнадцатилѣтній сынъ короля, одинъ изъ первыхъ бѣжавшій съ поля битвы, принялъ на себя управленіе страною, и призвалъ государственныя сословія ранѣе назначеннаго ими самими срока. Въ собраніе вошли прежніе депутаты, въ числѣ болѣе восьми сотъ, изъ которыхъ четыреста было отъ городовъ, и начали прерванное въ прошедшемъ году дѣло преобразованія, подъ тѣми же вліяніями и съ тѣмъ же революціоннымъ стремленіемъ. Главная дѣятельность сосредоточивалась въ особомъ комитетѣ изъ 80 членовъ, въ которомъ пренія происходили, какъ кажется, не по сословіямъ. Въ немъ тотчасъ положено было просить: объ утвержденіи собранія государственныхъ чиновъ, какъ верховной власти по всѣмъ отраслямъ управленія; о наряженіи слѣдствія надъ всѣми королевскими совѣтниками; объ отрѣшеніи поголовно всѣхъ судебныхъ властей; о составленіи совѣта для реформы изъ трехъ сословій; наконецъ, о запрещеніи заключать перемиріе съ врагами внѣшними, безъ согласія собранія, которому предоставляется право собираться по своему усмотрѣнію, безъ призыва короля.

Намѣстникъ короля, Карлъ, герцогъ Нормандскій, старался ловкими мѣрами отклонить эти опасныя требованія, но тщетно, и долженъ былъ согласиться на все. Собраніе управляло его именемъ. Но нелюбовь и отвращеніе другъ къ другу сословій разъединили само собраніе. Перевѣсъ горожанъ былъ невыносимъ для дворянъ, которые вскорѣ и разъѣхались по своимъ помѣстьямъ; за ними послѣдовало и духовенство, такъ что собраніе вскорѣ состояло только изъ представителей городовъ, на которыхъ и легло все дѣло реформы. Послѣдніе, видя необходимость единства дѣйствій, подчинились

депутаціи парижской тѣмъ охотнѣе, что вслѣдствіе непріязненнаго положенія, принятаго намѣстникомъ короля, и волненій въ Парижѣ, защита собранія государственныхъ сословій стала вопросомъ парижскимъ. Среди этой депутаціи является одна изъ самыхъ замѣчательныхъ революціонныхъ личностей — Этьенъ Марсель, голова купечества (prévot des marchands), представитель города Парижа. Онъ смѣло поднялъ вопросы, разрѣшить которые суждено было только новѣйшимъ революціямъ: народное единство и однообразіе въ управленіи во всей странѣ; равенство политическихъ и гражданскихъ правъ; верховная власть, принадлежащая народу; преобразованіе собранія государственныхъ чиновъ въ народное представительство; преобладаніе Парижа, какъ центра народной жизни; диктатура демократіи и терроръ во имя общаго блага, новые національные цвѣта*, перенесеніе правъ королевской власти съ одной линіи на другую** для защиты народныхъ интересовъ, — всѣ эти вопросы, вошедшіе въ послѣдующія революціонныя движенія, подняты въ эпоху трехлѣтней политической дѣятельности знаменитаго prévot des marchands, и тѣсно связаны съ его именемъ. Марсель жилъ одною мыслію: привести къ концу дѣло, начатое королями и заключавшееся въ насильственномъ подведеніи всѣхъ классовъ общества подъ одинъ общій уровень—и умеръ за свои убѣжденія. Запальчивый народный трибунъ, неостанавливавшійся ни предъ какими средствами для достиженія цѣли, оставилъ много прочныхъ учрежденій, великія сооруженія***, и имя, которымъ, два вѣка спустя, гордились его потомки.

Въ то самое время, когда городскія сословія получали гражданскія права и свободу, опережая самое время, страшное внутреннее бѣдствіе постигло страну вслѣдствіе возмущенія деревень и крѣпостныхъ, поднявшихся отмстить ненавистнымъ дворянамъ за столько вѣковъ рабства, несчастій, нищеты. По всей странѣ раздался крикъ: «дворяне безчестятъ страну и предаютъ ее!» Не было пощады никому. Толпы возставшихъ росли, рыцарскіе замки разрушались огнемъ и мечемъ, въ нихъ гибли съ мужчинами женщины, дѣти. Это было нѣчто похожее на времена великаго переселенія. Возмущеніе это неосновательно смѣшиваютъ съ волненіемъ въ Парижѣ.

Несмотря на неурядицу этихъ полудикихъ скопищъ, многіе города, особенно бѣдные классы въ нихъ, симпатизировали возставшимъ, и отворяли имъ ворота. Извѣстно мщеніе со стороны дворянства за

---

* Красный и синій.

** Въ то время на короля Наваррскаго, Карла Злаго.

*** Укрѣпленія Парижа между прочимъ.

эти неистовства jaquerie *. Оно тоже не знало пощады, и люди гибли тысячами подъ мечами выступившихъ противъ нихъ дворянъ. Время потушенія возстанія жаковъ совпало съ окончаніемъ революціи въ Парижѣ. Странное совпаденіе двухъ, столь противуположныхъ явленій! Попытка Марселя и друзей его создать демократическую монархію не удалась, потому что прочіе города не поддержали Парижа, и предоставили его собственнымъ силамъ, а ему одному не совладѣть было съ соединенными силами королевской власти и дворянства при всеобщемъ паденіи народнаго духа. Знаменитый голова купечества погибъ въ ту самую минуту, когда избраніемъ короля Наваррскаго готовился противупоставить законному королю—короля третьяго сословія. Съ нимъ погибли друзья и товарищи его по управленію городомъ, завѣщавъ потомству исполненіе дѣла при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Низведенное съ своего значенія третье сословіе, принялось съ терпѣніемъ за свою вѣковую работу, медленную, но тѣмъ неменѣе прочную.

Впрочемъ, не все погибло вслѣдствіе этой первой неудачной попытки. Король, два года боровшійся противъ третьяго сословія, воспитанный въ школѣ, которую побѣдилъ, не могъ остаться чуждымъ ея стремленій. Хотя онъ уничтожилъ все, созданное собраніемъ государственныхъ сословій противъ всякаго рода злоупотребленій, и на что́ онъ принужденъ былъ согласиться, тѣмъ неменѣе, эта реакція продолжалась не долго, и Карлъ Мудрый самъ взялся за дѣло реформы, которое во время регентства велъ противъ своей воли. Привыкши въ молодости къ терпѣнію и хитрости, среди опасности, въ которой находился, онъ не отличался рыцарскою запальчивостью своихъ предшественниковъ; во всѣхъ дѣлахъ его видѣнъ здравый, холодный, практическій умъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ государей, которые являлись послѣ народныхъ кризисовъ, государей ловкихъ, настойчивыхъ и дальновидныхъ, типъ которыхъ, болѣе характеристическій, хотя и при другихъ обстоятельствахъ, встрѣчаемъ мы въ Людовикѣ XI и Генрихѣ IV. Царствованіе его служитъ звѣномъ, связывающимъ средніе вѣка съ временами новѣйшими. Эта переходная эпоха представляетъ намъ: королевскую власть, выработавшуюся подъ вліяніемъ преданій императорскаго Рима, покровительствующую цивилизаціи и враждебную всякаго рода свободѣ; дворянство, сохранившее германскіе нравы, смягченные нѣсколько христіанствомъ, противупоставляющее монархической власти свою собственную, гордое и заносчивое, убѣжденное въ томъ, что ему исключительно принадлежатъ политическія права, праздное, презирающее трудъ и науку, съ болѣе изящнымъ, впрочемъ, образомъ жизни, съ

* Жаками называли несчастныхъ сельскихъ простолюдиновъ — отсюда произошло и слово jaquerie.

стремленіемъ къ роскоши и съ любовью къ искуствамъ; наконецъ, третье сословіе, все болѣе и болѣе увеличивающееся числомъ, все болѣе приближающееся къ дворянству богатствомъ и служебною дѣятельностью, привязанное къ королевской власти, какъ источнику реформъ и общественныхъ пересозданій, но при всякомъ удобномъ случаѣ готовое на революціонное движеніе для защиты или пріобрѣтенія правъ, какъ для себя, такъ и для всего народа, съ которымъ еще было тѣсно связано и интересы котораго были всегда еще его собственными интересами. За тремя этими сословіями идетъ простой народъ, никогда незабывавшій предъявлять своихъ требованій, страстно желавшій свободныхъ учрежденій, основныхъ на естественномъ правѣ, вытекающихъ изъ здраваго смысла, евангельскаго ученія и римскаго законодательства.

ГЛАВА III. — Третіе сословіе при Карлѣ V, Карлѣ VI, Карлѣ VIII и Людовикѣ XI.

Возраставшее третіе сословіе черпало свою силу изъ двухъ классовъ людей: промышленнаго и королевскихъ чиновниковъ, судебныхъ и финансовыхъ. Число тѣхъ и другихъ быстро увеличивалось и росло вмѣстѣ съ развитіемъ и благосостояніемъ страны. Этимъ двумъ классамъ, на которыхъ основывалось могущество третьяго сословія, соотвѣтствуетъ двѣ категоріи политическихъ убѣжденій и стремленій. Политическія стремленія первыхъ были либеральны, но узки и неподвижны. Они дорожили мѣстными льготами, наслѣдственными правами, независимостью и привилегіями муниципій и общинъ. Стремленія сословія судебнаго, служащаго или служившаго, допускали одно только право—государственное, одну свободу—короля, одинъ интересъ—общественный, подъ защитою королевской власти. Они были столько же враждебны преимуществамъ дворянства, сколько и третьяго сословія. Отсюда въ нихъ тѣ расходящіяся, борящіяся другъ съ другомъ начала, которыя, несмотря на это кажущееся несогласіе, подъ вліяніемъ новыхъ идей, вели государство къ одной и той же цѣли: общественному равенству, народному единству и однообразному административному устройству. Другая, неменѣе характеристическая, древняя черта—преобладающее вліяніе Парижа на исторію третьяго сословія. Это вліяніе объясняется его значеніемъ въ промышленномъ, торговомъ и особенно въ ученомъ отношеніяхъ. Съ давняго времени онъ былъ центромъ, изъ котораго разливалось на всю страну просвѣщеніе и общественное мнѣніе. Мы видѣли уже, что демократическое движеніе Марселя было ведено этимъ городомъ: это былъ первый актъ его въ драмѣ, послѣдовательныя дѣйствія ко-

торой разыгрались во времена Карла VI, лиги, XVIII столѣтія и послѣдней революціи.

По смерти Карла V, чуть было не произошло разрыва между королемъ и третьимъ сословіемъ. Причиною тому было введеніе умершимъ королемъ постоянной подати, подъ именемъ aides ordinaires. Карлъ V не хотѣлъ созывать государственныя сословія, и пока твердая рука его вела государство, всѣ неудовольствія устранялись. Мѣру эту, направленную столько же противъ дворянства, сколько и противъ городовъ, проводилъ король, хотя рѣшительно, но противъ своей совѣсти, и на смертномъ одрѣ, для своего очищенія, поручилъ наслѣднику снять ее. Этотъ важный вопросъ, въ первый разъ поставившій городскія сословія противъ королевской власти, не могъ быть разрѣшенъ во время несовершеннолѣтія Карла VI. Распространившійся въ народѣ слухъ о раскаяніи короля дѣлалъ опаснымъ существованіе означенныхъ податей, а на уступку государственныхъ чиновъ надѣяться было невозможно. Опекуны молодаго короля пытались уладить дѣло переговорами съ выборными парижскаго народа, но это не удалось имъ: волненіе еще болѣе усилилось, и представители города должны были принять вооруженныя мѣры для поддержанія общественнаго порядка и городскихъ учрежденій. Испуганные правители отмѣнили всѣ постоянные налоги, введенные со временъ Филиппа Красиваго, и рѣшились довольствоваться доходами съ королевскихъ имуществъ. Но какъ ихъ было весьма недостаточно, то наложена была пошлина вообще на всѣ товары. Это послужило сигналомъ ко всеобщему вооруженному возстанію. Народъ овладѣлъ арсеналомъ, вооружился, и перебилъ или разогналъ королевскихъ сборщиковъ новаго налога. Примѣру Парижа послѣдовали прочіе сѣверные и центральные города. Внѣшнія событія поддержали это революціонное движеніе. Городъ Гентъ, во главѣ общиннаго движенія во Фландріи, объявилъ себя, во имя защиты муниципальныхъ правъ, противъ государя. Между обоими возстаніями были постоянныя сношенія и взаимныя обѣщанія поддерживать другъ друга противъ центральной власти и притязаній дворянства. Это было причиною того, что король и сеньоры дѣйствовали за одно, несмотря на то, что интересы ихъ относительно податей не могли быть общими. Побѣда войска, подъ личнымъ начальствомъ короля, надъ фландрскимъ возмущеніемъ была въ то же время побѣдою дворянства надъ третьимъ сословіемъ. Вступленіе короля въ Парижъ походило на взятіе непріятельскаго города. Триста лучшихъ гражданъ было брошено въ тюрьму, а на другой день незапамятныя свободныя учрежденія города, его представительство, собственный судъ, ополченіе, независимыя корпораціи ремесленниковъ были уничтожены королевскимъ указомъ. Потомъ пошли казни, потомъ разыграли сцену помилованія, дарованнаго за страшную контрибуцію на всѣ городскіе

классы, равносильную полной конфискаціи имущества. Тѣ же явленія—лишеніе всѣхъ правъ, казни и разорительная контрибуція, постигли Руанъ, Амьенъ, Труа, Орлеанъ, Реймсъ, Шалонъ, и другіе города. Страшныя суммы должны были поступить въ королевскую казну, но по недобросовѣстности придворныхъ чиновниковъ не поступило и третьей ихъ доли. Эта реакція нанесла болѣе глубокія раны третьему сословію, чѣмъ мщеніе жакамъ и наказаніе Парижа въ 1359 году. Въ то время пріостановлено было только честолюбивое стремленіе городскихъ сословій занять главную роль въ государствѣ; теперь, они лишены были всѣхъ правъ, разсѣяны, да кромѣ того, самымъ безпощаднымъ образомъ ограблены.

Прошло тридцать лѣтъ. Взошли плоды съ посѣянной жатвы. Къ безумному и безъ того управленію присоединилось дѣйствительное сумашествіе короля и вторженіе англичанъ. Лица торговаго и судебнаго сословій, управлявшія прежде городами, обѣднѣли совершенно; мѣсто ихъ въ управленіи заняли необразованные выборные отъ ремесленниковъ, съ дикими нравами, и этимъ объясняется то грубое демагогическое стремленіе въ парижскомъ народонаселеніи, которое явилось тотчасъ, какъ только городамъ возвращены были ихъ права и льготы (1412). Герцогъ Бургундскій, желая захватить въ свои руки управленіе страною, во имя сумашедшаго короля, принялъ на себя роль защитника третьяго сословія и народныхъ интересовъ. Политика эта ему удалась, и возвращеніе Парижу свободныхъ учрежденій было его дѣломъ. Но такъ какъ болѣе двадцатипяти лѣтъ не было выборовъ, и, вслѣдствіе произведенныхъ поборовъ и конфискацій, произошла огромная перемѣна въ составѣ городскаго населенія, то выборными въ городской совѣтъ явились ремесленники, пользовавшіеся тогда благосостояніемъ и популярностью, особенно мясники. Люди эти окружены были толпами преданныхъ имъ и готовыхъ на все кліентовъ. Новое, такъ называемое бургундское правительство было поддерживаемо бѣдными простолюдинами, наводившими ужасъ на все, что́ было позначительнѣе и побогаче. Оно держалось постояннымъ волненіемъ въ городѣ, и имѣло нѣкоторый характеръ народнаго движенія 1357 года, но вскорѣ замарало себя самыми варварскими и безчестными поступками, когда перешло изъ рукъ мясниковъ въ руки ихъ кліентовъ *.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ весьма замѣчательнымъ фактомъ, не разъ повторявшимся во французской революціи, — мы говоримъ о симпатіи и о союзѣ ученаго сословія съ народною массою. Университетъ принялъ на себя роль собранія народныхъ представителей, и требовалъ отъ своего имени и именемъ города государственной реформы

* Это были большею частью живодеры. Коноводомъ ихъ былъ мясникъ Симонъ Кабошъ, отъ котораго они и получили названіе *cabochiens*.

и уничтоженія злоупотребленій верховной власти *. Онъ пригласилъ къ содѣйствію парламентъ и городскія сословія. Парламентъ отказался присоединиться къ неопытнымъ теоретикамъ и къ уличнымъ демагогамъ. Но парижскіе выборные и университетъ не отступили отъ дѣла. Послѣдній предложилъ королю назначить день, въ который бы ему позволено было представить настоящее положеніе государства и средства выйти изъ него. Дѣйствительно, при огромномъ стеченіи гражданъ Парижа и провинцій, университетъ, устами своихъ профессоровъ высказалъ свое мнѣніе о затруднительныхъ обстоятельствахъ страны, и указалъ на средства выйти изъ нихъ. Это было сдѣлано съ такимъ знаніемъ дѣла, какъ будто бы онъ всегда представлялъ политическую власть государства и его верховный совѣтъ. Дворъ былъ раздѣленъ на партіи, король ничего не понялъ или не хотѣлъ понять. Университету и городу, какъ представителямъ общественнаго мнѣнія, предложено было представить планъ реформы. Выбранные для этого комиссары получили дозволеніе пересмотрѣть всѣ хранящіеся въ архивѣ королевскіе указы. Ихъ положили они въ основу трудовъ своихъ по государственному преобразованію. Но во время работы лица, окружавшія королеву и наслѣдника престола, стали въ оппозицію этому дѣлу. Противъ города составился заговоръ; въ столицѣ вспыхнуло возстаніе. Народъ бросился на королевскій замокъ, сентъ-антуанскую Бастилію и обложилъ ее **. Капитуляція цитадели прекратила волненіе, но новое угрожающее положеніе двора возобновило его. Страшныя толпы народа подъ предводительствомъ ораторовъ, медика Жана де-Труа и доктора богословія Эсташа Павильи, вторгались, съ угрозами и требованіями, во дворецъ дофина, взяли подъ арестъ многихъ ненавистныхъ народу дворянъ, и успокоились только тогда, когда представленія народныхъ комиссаровъ были наконецъ изданы въ королевскомъ указѣ, прочтены въ верховномъ судѣ, и объявлены вѣчно ненарушимыми.

Этотъ указъ состоитъ изъ 158 статей, и представляетъ возможно полное собраніе основныхъ государственныхъ законовъ той эпохи. Онъ установляетъ іерархію избирательныхъ властей, порядокъ веденія дѣлъ и отчетности, ограничиваетъ число и власть чиновниковъ, и вообще даетъ гражданамъ всѣхъ сословій гарантію противъ неправосудія, лихоимства, притѣсненій и произвола. Въ немъ заключается множество подробностей, ведущихъ къ двумъ главнымъ цѣлямъ: сосредоточію судебной власти и финансоваго управленія, пер-

* Въ 1413 созваны были государственныя сословія, но они не явились, несмотря на страшно затруднительное состояніе страны: до того вымерли политичеекія стремленія народа вслѣдствіе бывшей реакціи.

** Ту самую, которая разнесена 14-го іюля 1789 года. Заложена она при Карлѣ V.

вой — въ парламентѣ, втораго — въ счетной палатѣ. Всѣ судебныя власти были объявлены избирательными; продажа должностей воспрещена; помощниковъ городскихъ головъ, судей, сенешалей, положено избирать законовѣдамъ и адвокатамъ округа. Что касается до избранія городскаго головы (prévot), то выборные отъ городскихъ сословій представляли трехъ кандидатовъ на утвержденіе одного изъ нихъ канцлеру, совмѣстно съ комиссарами парламента. Представителей парижскаго городскаго сословія и другихъ высшихъ чиновниковъ предоставлено избирать парламенту по числу голосовъ. Головы, судьи и сенешали не могли быть родомъ изъ той провинціи, въ которой избирались въ должность, и лишены права пріобрѣтать въ ней недвижимое имущество и выдавать замужъ дочерей. На злоупотребленія въ управленіи водами и лѣсами, отъ которыхъ наиболѣе страдали крестьяне, дозволено подавать апелляціи въ парламентъ. Деревни получили право управляться обычаями; крестьянамъ дозволено вооружиться, и преслѣдовать шайки грабителей, уничтожать волковъ, разрушить стѣснявшія ихъ господскія загороды для охотъ, и отказывать сеньорамъ во всѣхъ незаконныхъ съ ихъ стороны требованіяхъ.

Существенный характеръ этого, въ высшей степени замѣчательнаго акта состоитъ въ томъ, что если онъ не представляетъ ничего новаго, сравнительно съ указомъ 1357, кромѣ выборныхъ людей, то онъ и не затрогиваетъ королевской власти. Прошедшія попытки научили опытности, и принесли свой плодъ. Сравнительно съ силой народнаго волненія, требованія третьяго сословія были весьма умѣренны. Среди страшной анархіи въ городѣ выработаны были прочныя основы общественной организаціи. Къ этой эпохѣ весьма основательно относятся слова, сказанныя Мишле: Les violents ont exigé ou dicté, les modérés ont écrit *.

Такимъ образомъ, университетъ и Парижъ доставили Франціи великую хартію, и доказали, что въ ней были люди, сознававшіе общественные недуги и умѣвшіе найти лекарства для ихъ исцѣленія. Къ несчастію, не было людей, чтобы провести содержаніе хартіи въ политическую жизнь народа. Въ людяхъ практическаго приложенія теоріи къ жизни отбита была всякая энергія предшествовавшими политическими событіями реакціи; тѣ же, въ рукахъ которыхъ была власть въ настоящее время, были безумные бунтовщики — мясники и ихъ кліенты. Черезъ три мѣсяца по объявленіи, знаменитый королевскій указъ отмѣненъ, и уничтоженъ. Такимъ образомъ, третье сословіе во время революціоннаго кризиса облеклось правительственною властью, и надѣялось однимъ взмахомъ пересоздать общественное устройство на началахъ болѣе раціональныхъ.

Хотя стремленіе это не приведено въ исполненіе, тѣмъ не менѣе,

---

* Буйные требовали или диктовали, а умѣренные писали.

указъ 1413 года остался великимъ памятникомъ политической мудрости, въ которомъ самымъ разительнымъ образомъ проявилась взаимная солидарность третьяго сословія. Выборные Парижа и университета совершили въ теоріи то, что впослѣдствіи приведено было въ исполненіе депутатами всего третьяго сословія въ собраніи государственныхъ сословій. И тѣ, и другіе горячо стояли за сельское населніе, понявъ, что оно есть незыблемая основа государственнаго могущества. Съ этихъ поръ началось освобожденіе крестьянъ массами. Сами сеньоры, побуждаемые съ одной стороны христіанскимъ чувствомъ справедливости, а съ другой, личными, болѣе просвѣщенными выгодами, стали охотно отпускать крестьянъ. Дѣйствительно, въ XIII и XIV вѣкахъ мы встрѣчаемъ огромное количество освобожденныхъ деревень, подъ названіемъ общинъ, получившихъ въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ муниципальное право. Стали онѣ называться общинами, и слово *commune* (присяжная община) утратило свое прежнее, характерное значеніе. Устройство ихъ было далеко не одинаково, а потому, сельскія общины и не имѣли никогда такого единства, какъ города. Тѣмъ неменѣе, огромная масса освобожденныхъ людей, хотя и непользовавшихся еще политическимъ значеніемъ, составляла живую, здоровую силу страны. Это доказали событія, случившіяся тотчасъ же послѣ пораженія при Азинкурѣ, еще болѣе жестокаго, чѣмъ при Пуатье.

Общественныя бѣдствія привели государство на край гибели: королевство и корона переходили во власть чужеземцевъ; Парижъ, въ припадкѣ слабости, и ослѣпленія, отворилъ свои ворота англичанамъ, и праздновалъ ихъ успѣхи; вся страна до Луары была завоевана. Орлеанъ, послѣдній оплотъ королевства, изнемогалъ въ борьбѣ. Съ этимъ послѣднимъ дыханіемъ народной энергіи, казалось, все должно рушиться. Извѣстна чудесная сила, спасшая городъ, значеніе для короля и королевства Орлеанской Дѣвы, горячее чувство любви къ общему отечеству, чувство состраданія къ его бѣдствіямъ и гнѣва противъ его поработителей, зажженное въ народѣ необыкновенной женщиной. Патріотическія чувства эти, переходя отъ низшихъ классовъ къ высшимъ, подняли, и соединили весь народъ, и спасли страну.

Послѣ продолжительнаго, тягостнаго періода освобожденія наступило царствованіе короля, окруженнаго лицами третьяго сословія. Самъ по себѣ Карлъ VII былъ король и слабый, и безпечный, но тѣмъ не менѣе, онъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между французскими королями, если не собственными поступками, то тѣмъ, что дѣлалось его именемъ просвѣщеннѣйшими людьми эпохи, стоявшими во главѣ управленія. Люди эти, представители общественнаго мнѣнія, какъ выборные, такъ и министры короля, были всѣ изъ треть-

яго сословія или бѣднаго дворянства*. Духъ реформы 1413 года, задушенный реакціей, явился снова во всѣхъ государственныхъ преобразованіяхъ. Королевскіе указы по управленію финансами, арміей, судами, полиціей, отличаются точностью, своевременностью, и носятъ на себѣ отпечатокъ сознающей себя власти. Главнымъ дѣломъ снова является установленіе постоянныхъ податей и налоговъ безъ собранія государственныхъ сословій. Городскія ополченія, независимыя прежде отъ короля, стали его арміей, не утративъ своего народнаго характера. Въ это то время, въ ущербъ многимъ правамъ третьяго сословія, вырабатывалась форма новѣйшей монархіи, единой, съ одними законами и равною отвѣтственностью предъ ними, составлявшей предметъ всѣхъ желаній третьяго сословія. Оставалось сохранить ее, развить и дать ей средства пройти въ политическую жизнь страны. Впервые королевская власть была такъ опредѣлительно поставлена относительно феодальныхъ правъ. Но во времена Карла VII не могло быть борьбы съ сеньорами, какъ по личнымъ свойствамъ короля, такъ и по характеру лицъ, его окружавшихъ. Общее настроеніе эпохи, вызванное пережитою катастрофою, не могло продолжаться долго. Возбужденныя силы должны были изсякнуть, или разъединиться въ сословные интересы, еслибы для предстоящей борьбы онѣ не очутились въ рукахъ одного лица.

Такою личностью является Людовикъ XI, дѣятельный, подозрительный, упрямый. Казалось, онъ чувствовалъ на себѣ печать особаго призванія, и если являются въ исторіи люди, посылаемые самимъ Провидѣніемъ для исполненія извѣстныхъ цѣлей, то Людовикъ безспорно принадлежитъ къ ихъ числу. Сынъ Карла VII, поднимавшій знамя возстанія противъ отца во имя аристократіи и ея привилегій, становится защитникомъ всего, что та ненавидитъ. На борьбу онъ употребилъ всѣ силы души своей, всѣ страсти, добродѣтели и пороки. Царстаованіе его есть ежедневная борьба во имя единства власти, общаго общественнаго уровня, борьба безпощадная, на которую онъ не жалѣлъ ни жестокости, ни звѣрства, ни коварства. Вотъ причина, почему эта оригинальная личность возбуждаетъ въ насъ такой сильный интересъ и такое глубокое отвращеніе. Людовикъ XI не узкій, эгоистическій деспотъ, а холодный, безжалостный реформаторъ. До послѣднихъ революцій его не могли понять, ни оцѣнить, и какъ бы мы ни сочувствовали его войнѣ съ феодализмомъ, его стремленію подвести сеньоровъ подъ одинъ общій уровень съ остальнымъ народонаселеніемъ, но мы никогда не простимъ и не оправдаемъ его принципа: «всѣ пути дозволены для достиженія цѣли.» Въ немъ выразился въ высшей степени духъ третьяго сословія, и по

* Между ними замѣчательнѣйшими были Жакъ Кёръ въ финансовомъ управленіи и Жанъ Бюро въ военномъ.

внѣшнему виду своему этотъ король представляетъ типъ простолюдина. Онъ носилъ простое платье, обращался безцеремонно, любилъ говорить со всѣми безъ различія происхожденія, самъ хотѣлъ все знать и дѣлать. Онъ предчувствовалъ, если не сознавалъ, характеръ новѣйшей цивилизаціи, угадывалъ ея стремленія, и неуклонно шелъ къ ней, нисколько не справляясь, настало ли для нея время. Вотъ почему въ сужденіяхъ о Людовикѣ XI должно умѣть отличать то, что онъ хотѣлъ сдѣлать, отъ того, что онъ успѣлъ сдѣлать. Онъ мечталъ ввести во всей странѣ пламенно желаемое третьимъ сословіемъ единство нравовъ, вѣсовъ, мѣръ, какъ единство управленія; промышленность, замкнутую въ корпораціи со времени возрожденія муниципальнаго права, изъ городской онъ хотѣлъ сдѣлать народной. Онъ допустилъ въ свой совѣтъ представителей купечества, чтобы вызвать къ жизни торговлю; открывалъ рынки, создавалъ фабрики, проводилъ дороги, каналы, устраивалъ купеческій флотъ, разработывалъ рудники, вызывалъ иностранныхъ мастеровъ, и въ то же время содержалъ вчетверо многочисленнѣйшія, нежели было до него, арміи; устроилъ морскія силы, раздвинулъ и укрѣпилъ границы королевства, и вознесъ политическое значеніе страны до могущества еще небывалаго. Разумѣется, что это были только брошенныя сѣмена, которыя должны были принести плодъ гораздо позже. Настоящее было мрачно и тяжело: подати возрастали все болѣе и болѣе; короля преслѣдовали постоянныя подозрѣнія и страхъ крамолы. Но третіе сословіе, единственное, права котораго онъ пощадилъ, было предано ему, хотя и не любило его. Его планы, намѣренія, всегда клонящіеся къ благу общественному, поняты были весьма немногими, кого онъ самъ посвящалъ въ нихъ. Этихъ свойствъ современники не оцѣнили въ немъ, и передали потомству насмѣшливую, мрачную, подозрительную, желчную физіономію Людовика XI, съ которою онъ и прошелъ въ исторіи до послѣднихъ временъ.

ГЛАВА IV. — Собраніе государственныхъ сословій 1484. Третье сословіе при Людовикѣ XII, Францискѣ I и Генрихѣ II.

Какую бы цѣль ни имѣлъ деспотизмъ, реформу или поддержаніе стараго порядка, за нимъ всегда слѣдуетъ истощеніе, утомленіе народа. Поэтому, понятно, что страна всегда радостно встрѣчаетъ на престолѣ, вмѣсто талантливаго даже, но самовластнаго государя, болѣе обыкновеннаго человѣка. Смерть Людовика XI казалась всеобщимъ освобожденіемъ. Тотчасъ же созваны были государственные чины. Собраніе открылось 5-го января 1484 года, чтобы произнести свой приговоръ надъ прошедшимъ царствованіемъ, передѣлать или

уничтожить что было имъ сдѣлано. Составъ собранія въ первый разъ былъ истиннымъ представительствомъ народнымъ: выборные всѣхъ провинцій королевства, langue d'oil и langue d'oc, засѣдали вмѣстѣ. Выборы въ провинціяхъ по тремъ сословіямъ происходили въ главныхъ городахъ округовъ; въ нихъ участвовали даже крестьяне. Пренія въ самомъ собраніи происходили не по сословіямъ, а по общему числу голосовъ въ шести камерахъ, соотвѣтствующихъ шести провинціямъ королевства. Со временъ 1357 года, никогда цѣль и власть собранія не были такъ опредѣлительно поставлены. Многіе члены его отличались талантами и краснорѣчіемъ. Но все было безсильно противъ совершившихся фактовъ прошедшаго царствованія. Данный имъ толчокъ къ централизаціи былъ слишкомъ силенъ, и горячія пренія, содержаніе которыхъ сохранилось въ журналѣ собранія, кончились незначительными уступкмми и обѣщаніями, которыя не были исполнены.

Между произнесенными рѣчами особенно поражаетъ одна, въ которой говорится: Королевская власть есть обязанность, а не наслѣдство; создана она властью народа, которому принадлежитъ верховная инціатива. Кто пользуется властью насильственно, безъ согласія народнаго, тотъ похититель чужаго имущества; въ случаѣ малолѣтства или неспособности государя, верховная власть, какъ принадлежащая народу, возвращается ему. Народъ составляютъ всѣ жители страны; собраніе государственныхъ сословій есть выраженіе его воли. Никакой фактъ не можетъ принять силу закона, пока не пройдетъ чрезъ это собраніе, безъ согласія котораго ничего нѣтъ прочнаго и истинно полезнаго. Эти положенія, послужившія основаніемъ всѣмъ послѣдующимъ революціямъ, выражены были не представителемъ какого нибудь плебейскаго класса, а депутатомъ отъ всего бургундскаго дворянства, вельможею Ларошемъ. Третіе сословіе было далеко отъ подобной политической религіи; преданія связывали его слишкомъ тѣсно съ королевскою властью, и предложенныя въ XV вѣкѣ теоріи получили дѣйствительную силу и приложеніе нераньше, какъ черезъ три столѣтія.

Въ настоящее время, на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о постоянныхъ и произвольныхъ налогахъ; только въ его рѣшеніи третіе сословіе принимало участіе, и не думало еще переносить правъ своихъ во всѣ другія отрасли государственнаго управленія. Движеніе 1357 года было невозможно въ 1484. Мечтою Марселя и друзей его была верховная власть городовъ, долженствовавшихъ составить, съ Парижемъ въ головѣ, конфедерацію въ ленной зависимости отъ короля. Такихъ широкихъ стремленій послѣ Людовика XI ожидать было невозможно. Камера, въ которой засѣдали выборные отъ Парижа, первая согласилась на уступки, побудившія все собраніе утвердить налогъ, платимый съ капитала. Все вниманіе представителей было

обращено на практическіе вопросы, на настоящее положеніе дѣлъ. Не было предложено и новой организаціи, подобно тому, какъ это было сдѣлано университетомъ. Царствованіе Людовика XI уничтожило надежды получить что нибудь болѣе широкое и свободное. Оставалось собрать уцѣлѣвшія, нетронутыя еще права, ослабить повсюду натянутыя пружины, требовать исполенія тѣхъ благодѣтельныхъ предположеній короля, которыя не были приведены въ исполненіе, и стараться залечить раны, которыя нанесены странѣ его деспотизмомъ. Важнѣйшія статья главы *о третьемъ сословіи*, въ общемъ, по всѣмъ тремъ сословіямъ, журналѣ были: уменьшеніе податей, уничтоженіе наемныхъ войскъ, возвращеніе части королевскаго имущества, введеніе устава, гарантирующаго свободу галликанской церкви и письменное закрѣпленіе обычаевъ, вошедшихъ въ силу закона, въ видѣ свода, послужившее первымъ шагомъ къ единству законодательства. Никакіе новые налоги не могли быть вотированы иначе, какъ подъ именемъ пожертвованій или приношеній. Собраніе разошлось не прежде, какъ получивъ обѣщаніе быть снова созваннымъ черезъ два года. Но въ четырнадцатилѣтнее царствованіе Карла VIII государственные чины не созывались, а подати назначались попрежнему безконтрольными королевскими указами. Журналы собраній ясно показываютъ, что страна была въ крайнемъ истощеніи, близкомъ къ нищетѣ, въ то самое время, когда новый король вздумалъ прославиться геройскими завоеваніями, и объявилъ походъ въ южную Италію, самый отдаленный, какой предпринимали до сихъ поръ французы. Расходы на одно вооруженіе и приготовленіе къ нему стоили столько, сколько употреблено на содержаніе арміи во все царствованіе Людовика XI, и въ то самое время, когда въ продолжительномъ мирѣ всѣ искали спасенія и выхода изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, открылась эпоха великихъ войнъ, окончившихся если не счастливо, то честно, и прошедшихъ безъ внутренняго кризиса.

Вліяніе Италіи на Францію было самое спасительное: въ XI вѣкѣ оттуда разлились муниципальныя учрежденія, въ XIII оттуда пришло возрожденіе римскаго права, наконецъ въ концѣ XV изъ нея же широко потекло на Европу возрожденіе наукъ и искусствъ въ періодъ пятидесятилѣтней войны, погубившей ея политическую самостоятельность. Съ этой эпохи Италія утратила свою независимость, и начались ея бѣдствія. Франція нанесла ей первый смертельный ударъ. Но во враждебныхъ, какъ и въ дружескихъ столкновеніяхъ съ Италіей, она выносила изъ нея новыя идеи, стремленія, которымъ суждено было преобразовать ея внутреннюю, политическую жизнь. Прежде всего, вліяніе это отразилось на замкнутости и недоступности привилегированныхъ сословій. Личныя достоинства, пріобрѣтенныя воспитаніемъ, стали затмѣвать кастовыя, аристократическія

предубѣжденія, которыя все болѣе и болѣе подкапывались явившимся впервые общественнымъ мнѣніемъ.

Но политическое положеніе третьяго сословія не измѣнилось, несмотря то, что оно высказалось въ 1484 году еще разъ въ пользу народнаго самодержавія, народной воли, и народнаго участія въ общественномъ управленіи. Попрежнему прибѣгали къ нему только въ критическія минуты, и собраніе государственныхъ чиновъ не было учрежденіемъ правильнымъ, постояннымъ. Казалось, что франція не хотѣла политической свободы, пока не было возможно политическое равенство. Тѣмъ неменѣе, ввести въ государство представительное правленіе и уничтожить феодольныя преимущества дворянства было назначеніемъ третьяго сословія. Уже при Карлѣ VIII государственныя сословія требовали правильныхъ, періодическихъ собраній, но исполненіе этого требованія произошло не ранѣе какъ въ XVIII столѣтіи. И между тѣмъ, какъ значеніе государственныхъ сословій все слабѣло, является весьма замѣчательный фактъ въ исторіи французскаго общества, хотя нѣсколько восполнявшій недостатокъ представительства, и ограничивавшій произволъ королевской власти — мы говоримъ о Парижскомъ парламентѣ. Изъ среды третьяго сословія вышла огромная масса правовѣдовъ, облеченныхъ въ высшую судебную власть. Въ ихъ рукахъ сосредоточивался просвѣщенный, энергическій контроль надъ всѣми правительственными распоряженіями, и изъ нихъ то выбирались члены парламента. Значеніе свое онъ получилъ, впрочемъ, впослѣдствіи; вначалѣ же онъ былъ не болѣе какъ высшее судебное мѣсто. Простая, обычная формальность, повидимому, безъ особеннаго значенія — прочитывать королевскіе указы въ собраніи парламента и записывать ихъ въ журналъ, подала этому судебному учрежденію поводъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла. Указъ короля записывался въ журналъ послѣ опредѣленія парламента, а какъ это опредѣленіе было слѣдствіемъ предварительнаго совѣщанія, то такимъ образомъ и родилось право пересмотра, критическаго разбора, измѣненія и даже протеста, отказа внести указъ въ журналъ. Въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, право это еще не высказывалось; парламентъ находился въ видимомъ подчиненіи королевской власти, и не выходилъ изъ тѣснаго круга высшей судебной дѣятельности.

Въ царствованіе Людовика XII парламентъ становится чѣмъ то посредствующимъ между верховной властью и народомъ, а члены его, древніе враги всякаго движенія въ ущербъ королевскаго самодержавія, подъ защитой своей личной неприкосновенности, становятся лицами, выражающими общественное мнѣніе, и защитниками народ. ныхъ интересовъ.

Людовикъ XII жилъ въ счастливое время. Ему легко было управлять страною. Прошло пятнадцать лѣтъ со времени смерти Людо-

вика XI. Можно было сдѣлать вѣрную оцѣнку всего, что было хорошо, что было дурно въ его царствованіе. Народныя язвы затянулись сами собою, настала эпоха благосостоянія. Всюду виднѣлось довольство и богатство. Торговля принимала широкіе размѣры, земли возвысились въ цѣнѣ, подати поступали въ казну безъ особенныхъ затрудненій. Король хотѣлъ уничтожить злоупотребленія, обнаруженныя собраніемъ 1484 года. Въ замѣчательнѣйшемъ актѣ его царствованія видно желаніе удовлетворить всѣмъ жалобамъ, оставшимся безъ отвѣта, утвердить страстно желаемыя народомъ избирательныя начала въ назначеніи на судейскія должности и уничтожить продажу мѣстъ *. Собраніе государственныхъ чиновъ было имъ созвано только одинъ разъ **. Оно состояло изъ представителей одного третьяго сословія; дворянство и духовенство присутствовали только какъ украшеніе престола. На этомъ то собраніи поднесено было королю названіе «отца народа», сохраненное имъ въ исторіи. Но главная заслуга Людовика состояла не въ этомъ титулѣ. Онъ первый успѣлъ облечь въ законъ многіе обычаи, и этой новой, рѣзкой чертой обозначилъ переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ къ новѣйшему времени.

Намѣреніе подвергнуть разсмотрѣнію народные обычаи, собрать ихъ въ одинъ общій сводъ, и придать имъ силу закона, имѣлъ и Карлъ VII, и Людовикъ XI, и Карлъ VIII, но разныя обстоятельства отодвигали это дѣло на второй планъ. Людовику XII принадлежитъ честь рѣшенія этой задачи. Собрано было двадцать болѣе важныхъ обычаевъ, разсмотрѣно и обращено въ законъ. Въ нихъ высказались мнѣнія третьяго сословія о брачныхъ отношеніяхъ, объ опредѣленіи собственности супруговъ, и проч. Съ этихъ поръ, съ каждой побѣдой третьяго сословія, римскіе законы и преданія о правѣ стали вытѣснять обычаи германскіе.

Послѣ Людовика XI, настойчиво защищавшаго интересы третьяго сословія и ненавидимаго, поэтому, дворянствомъ, послѣ Людовика XII, поклонника строгихъ административныхъ формъ, корона упала на голову короля, неумѣвшаго сдерживать своихъ страстей, незнавшаго другаго закона, кромѣ своей воли, другихъ интересовъ, кромѣ своихъ собственныхъ. Къ счастію для страны, страсти Франциска I не были лишены благородства; личные его интересы нерѣдко совпадали съ интересами народа. Король, прежде всего, былъ дворянинъ и рыцарь.

---

* Продажа мѣстъ, сначала запрещенная королями, потомъ снова введенная, со временъ Франциска I не исчезала изъ французской политической жизни, несмотря на представленія государственныхъ сословій и на обѣщаніе королей уничтожить ее.

** По случаю бракосочетанія графа Ангулемскаго, Франциска, съ дочерью короля, Клавдіей, наслѣдницею Бретани.

Повидимому, можно было опасаться новой реакціи въ пользу феодальныхъ учрежденій; но очарованное личными свойствами государя дворянство упускало изъ виду свои политическія стремленія, и смотрѣло сквозь пальцы на повсемѣстное занятіе должностей, исключительно ему принадлежавшихъ, королевскими чиновниками, выбиравшимися обыкновенно изъ среды третьяго сословія. Къ тому же, дѣятельность дворянства нашла другое поприще во время новыхъ войнъ, открытыхъ Франціей и заслужившихъ ей почетное мѣсто въ системѣ европейскихъ государствъ, какъ спасительницѣ Европы отъ германо-испанской гегемоніи. Король занятъ былъ исключительно устройствомъ арміи, въ которой съ этой эпохи начали развиваться духъ порядка, дисциплины и уваженіе къ достоинствамъ, основаннымъ не исключительно на одномъ происхожденіи.

Между тѣмъ, вмѣстѣ съ нравственнымъ развитіемъ росло и матерьяльное благосостояніе Франціи, несмотря на то, что борьба, въ которой она имѣла противъ себя нѣсколько разъ почти всю Европу, казалось, должна была истощить ея силы. Промышленность, торговля, земледѣліе, управленіе лѣсами и водами, разработка рудниковъ, мореплаваніе и всякаго рода предпріятія были предметомъ законодательныхъ мѣръ, изъ которыхъ многія существуютъ до сихъ поръ. Такое же движеніе выказалось въ наукахъ и искуствахъ. И на этомъ поприщѣ работали исключительно люди третьяго сословія. Это было время стремленій къ новой жизни, вслѣдствіе соединенія древнихъ классическихъ элементовъ съ народными германскими, которое мы привыкли называть эпохою возрожденія. Съ этою эпохой во Франціи тѣсно связаны имена Франциска I и Генриха II, и пятьдесятъ девять лѣтъ ихъ царствованія наполняютъ первую блестящую половину XVI столѣтія, окончившагося такими страшными бѣдствіями и потрясеніями. Тратившіяся на внѣшнія предпріятія силы приняли другое направленіе, обратились внутрь страны, которая покрылась тѣми прекрасными памятниками, остатками которыхъ любуются до сихъ поръ. Сами итальянцы удивлялись числу, великолѣпію и вкусу этихъ сооруженій. Дворянство, по примѣру короля, не жалѣло денегъ на роскошныя постройки, и если третьему сословію принадлежитъ честь созданія и исполненія, то дворянству принадлежитъ та заслуга, что оно, побуждаемое любовью и вкусомъ, было главнымъ двигателемъ этитъ сооруженій. И вотъ истинная заслуга старинной аристократіи.

Всегда готовое сражаться за защиту и за честь страны, въ мирное время дворянство имѣло отвращеніе отъ всякихъ серьезныхъ занятій, и составляло въ странѣ сословіе военное, но не политическое. Когда же наступила пора правительства болѣе разумнаго, когда для занятія судебныхъ и административныхъ должностей потребовался долгій усидчивый трудъ, оно стало смотрѣть съ презрѣніемъ

на эти должности и даже на власть съ ними соединенную. Оно само удалилось, болѣе нежели было удалено недовѣріемъ короля, отъ болѣе значительной политической роли, и все передало въ руки третьяго сословія. Это была, быть можетъ, большая ошибка, большее зло, какъ для него самого, такъ и для всего государства. Всѣ должности, начиная съ самыхъ низшихъ, до тѣхъ, которыя соотвѣтствуютъ теперешнимъ министерскимъ, заняты были лицами третьяго сословія. Изъ плебейскихъ классовъ, чрезъ посредство университетскихъ правъ и дипломовъ, выходили: канцлеръ-хранитель государственной печати, государственные секретари, начальники по сборамъ податей, адвокаты, королевскіе прокуроры, наконецъ, всѣ судебныя лица, наполнявшія главный трибуналъ для исковъ и тяжбъ, Парижскій парламентъ, Контрольную палату, провинціальные парламенты и множество другихъ низшихъ учрежденій. Финансовое управленіе тоже наполнено было учеными лицами третьяго сословія, которыхъ называли «hommes de robe longue». Что касается до судебныхъ властей, сенешалей, судей, старшинъ, то они, хотя и принадлежали дворянамъ, но послѣдніе должны были имѣть помощниковъ изъ лицъ, получившихъ университетскую степень. Третьему сословію закрытъ былъ доступъ къ управленію провинціями, городами, крѣпостями, къ офицерскимъ чинамъ въ арміи и во флотѣ, къ должностямъ придворнымъ и къ мѣстамъ посланниковъ, избиравшихся обыкновенно изъ замѣчательныхъ аристократическихъ домовъ или изъ духовенства. Къ концу XVI вѣка во всемъ государственномъ управленіи большинство мѣстъ принадлежало третьему сословію, несмотря на желаніе и попытки Сюлли образовать изъ королевскихъ совѣтовъ школу для политическаго воспитанія дворянства.

Занятіе судебныхъ и финансовыхъ должностей, кромѣ значительнаго жалованья, доставляло особенный почетъ, какъ бы личное дворянство, которое имѣло тотъ благодѣтельный характеръ, что не извлекало лицъ, занимавшихъ служебныя должности, изъ того сословія, къ которому они принадлежали по происхожденію. Кромѣ того, чиновное сословіе было освобождено отъ податей, и имѣло право пріобрѣтать дворянскія земли безъ платы значительныхъ пошлинъ, которыя взимались съ лицъ, незанимавшихъ должностей. Такимъ образомъ, и поземельная собственность разорявшагося, вслѣдствіе расточительности, дворянства переходила въ руки третьяго сословія. Для полученія же должности было два пути: проложить дорогу собственными заслугами самому или по протекціи, или же купить мѣсто (злоупотребленіе, вошедшее въ силу королевскихъ указовъ). Но и въ послѣднемъ случаѣ требовалось нѣкоторое испытаніе. Оба пути были открыты третьему сословію, въ рукахъ котораго сосредоточивалось и богатство, и образованіе, и жажда дѣятельности. Въ каждой семьѣ третьяго сословія одного изъ сыновей непремѣнно воспитыва-

ли для занятія выгодной должности. Этимъ стремленіемъ можно объяснить размноженіе университетовъ и увеличеніе въ нихъ числа слушателей: въ одномъ Парижскомъ считалось 15 т. студентовъ. Другіе сыновья наслѣдовали занятія отцовъ на поприщѣ искуствъ, ремеслъ, торговли.

Кромѣ того, вслѣдствіе введенія привезенной изъ Италіи откупной системы и кредитныхъ учрежденій, явился особый классъ капиталистовъ, получившій, хотя косвенно, особенный вѣсъ и значеніе въ дѣлахъ общественныхъ, въ большихъ предпріятіяхъ, въ войнѣ и въ мирѣ. Эти капиталисты и ростовщики имѣли доступъ даже ко двору, вступали въ бракъ съ дочерьми правительственныхъ лицъ, и если не имѣли достоинствъ и добродѣтелей третьяго сословія, то приносили ему матерьяльную силу и денежное могущество. Правда, ихъ не всегда любили, они испытывали подъ часъ страшные удары судьбы и нерѣдко разореніе, но тѣмъ не менѣе, они оправлялись послѣ гоненія, завоевывали снова значеніе, и съ такимъ перемѣннымъ счастіемъ прошли чрезъ всю исторію до конца XVIII столѣтія.

ГЛАВА V. — Собраніе государственныхъ сословій 1560 и 1576 года.

Религіозная реформа во Франціи вовсе не походила на подобныя же явленія въ Германіи, Англіи, Швейцаріи, Скандинавіи. Послѣднія разорвали всякую связь съ римскимъ престоломъ уже въ первой половинѣ XVI вѣка, между тѣмъ какъ во Франціи необходимость религіозныхъ преобразованій чувствовалась только немногими свѣтлыми умами. Такое движеніе въ массѣ народа или сословіяхъ было невозможно ужъ потому, что королевская власть была всегда противъ такого движенія, несмотря на то, что она поддерживала реформацію внѣ Франціи.

Послѣ слабаго, безхарактернаго Франциска II наступило время несовершеннолѣтія Карла IX. Не прошло и полутора года, какъ религіозныя антипатіи, доведенныя до крайности, то преслѣдованіями, то поощреніями правительства, соединились съ политическими интригами, и раздѣлили страну на два враждебные лагеря, изъ которыхъ одинъ былъ занятъ большею частью дворянства, а другой—народомъ и духовенствомъ. Была еще средняя, умѣренная партія, нежелавшая преслѣдованій, видѣвшая въ религіозной войнѣ страшное бѣдствіе для государства и желавшая отклонить ее терпимостью и примиреніемъ, не отступая, впрочемъ, отъ принципа единства церкви, столько же дорогаго, какъ и единство государства. Представители этой умѣренной партіи были въ третьемъ сословіи. Они были

враги раскола, но не свободы совѣсти, и требовали преобразованій въ жизни и нравахъ духовенства. Таково было настроеніе партій при собраніи государственныхъ чиновъ въ 1560 году. Въ преніяхъ о религіозныхъ вопросахъ предложены были начала, осуществиться которымъ суждено было только въ новѣйшее время. Въ совѣтѣ короля главную роль игралъ Мишель де-Лопиталь, безспорно замѣчательнѣйшая личность того грустнаго времени, нетолько какъ государственный человѣкъ, но какъ юристъ и философъ. Сынъ незнатнаго буржуа, занявшій мѣсто канцлера, т. е. перваго министра, онъ внесъ въ управленіе преданія третьяго сословія о единствѣ государственномъ и свободѣ галликанской церкви, и умѣлъ склонить королеву-мать, Екатерину Медичи, не принимать участія, ни въ религіозной революціи на сѣверѣ, ни въ реакціи на югѣ. Онъ былъ поборникомъ древняго принципа: une foi, une loi, un roi; но религія, по его мнѣнію, должна быть основана на свободѣ совѣсти, законъ долженъ быть защитникомъ всѣхъ, а король безпристрастнымъ ко всѣмъ. Такими словами открылъ Лопиталь засѣданія. Онъ призывалъ всѣхъ къ спокойному обсужденію вопроса, заклиналъ оставить ненависти, партіи, предостерегалъ отъ фанатизма, всегда готоваго на самыя крайнія мѣры и жестокости. Въ собраніи 1560 года третье сословіе играло замѣчательную роль; оно было отдѣлено отъ дворянства и духовенства, съ которыми подавало 1484 года голоса вмѣстѣ; въ его журналахъ мы встрѣчаемъ довольно широкіе взгляды, основанные на здравомъ политическомъ смыслѣ. Журналы эти составляютъ нѣчто въ родѣ новаго кодекса, статьи котораго такъ хорошо составлены, что онѣ тотчасъ же могли пройти въ законъ. Вотъ замѣчательнѣйшія требованія: Избраніе въ духовныя должности должно принадлежать духовенству, при содѣйствіи выборныхъ отъ сословій; нѣкоторая часть церковныхъ доходовъ должна идти на содержаніе новыхъ университетскихъ кафедръ и на устройство въ каждомъ городѣ училища; запрещались завѣщанія въ пользу духовенства; ограничивалось число праздничныхъ дней; назначеніе лицъ на судебныя должности должно принадлежать судебнымъ корпораціямъ, совмѣстно съ выборными отъ третьяго сословія и съ королевскими чиновниками; предложено было собрать и привести въ систему всѣ королевскіе указы; уничтожались таможни и заставы внутри государства, и предполагалось ввести повсемѣстно одинъ вѣсъ и мѣру; положено было учредить комерческій судъ на избирательномъ правѣ, а суды дворянскіе замѣнить королевскими; требовалось, чтобы дворяне, злоупотребляющіе своими правами, были лишены дворянства; наконецъ, высказано было желаніе, чтобы государственныя сословія созывались хотя разъ въ пять лѣтъ, и чтобы теперь же было назначено время и мѣсто слѣдующему собранію. Несогласные между собою по многимъ вопросамъ, представители трехъ сословій были всегда за одно, когда шла рѣчь о

податяхъ и налогахъ. Теперь они объявили, что не могутъ согласиться ни на одинъ новый налогъ, не посовѣтовавшись съ провинціями. Собраніе было закрыто въ январѣ 1560 года, и ему было объявлено собраться снова въ мартѣ того же года въ Меленѣ. Его должны были составить, послѣ совѣщаній въ избирательныхъ собраніяхъ, по три депутата (по одному изъ каждаго сословія) изъ тринадцати провинцій, — всего тридцать девять представителей.

Въ самый день закрытія собранія изданъ былъ въ Орлеанѣ королевскій указъ, какъ прямое слѣдствіе бывшихъ совѣщаній. Честь изданія этого замѣчательнѣйшаго, французскаго, законодательнаго акта принадлежитъ Лопиталю, хотя, сравнительно съ преніями и предложеніями собранія, онъ менѣе смѣлъ и рѣшителенъ, чѣмъ можно было ожидать, судя по энергіи требованій. Во многихъ случаяхъ онъ дѣлаетъ уступки, и ограничивается одними обѣщаніями. Депутаты тринадцати провинцій собрались въ августѣ въ Понтуазѣ, вмѣсто Мелена. Представители духовенства отдѣлились, и имѣли особенныя совѣщанія въ Пуасси. Двадцать шесть депутатовъ дворянства и средняго сословія приняли обязанности прежнихъ собраній, но не дѣйствовали согласно. Тѣмъ неменѣе, господствующимъ стремленіемъ ихъ была мысль не о частныхъ только реформахъ, но и о преобразованіяхъ общихъ. Въ журналахъ засѣданій мы находимъ стремленіе захватить въ свои руки верховную власть, какъ въ 1357 году, и тѣ же предложенія, какія были сдѣланы въ 1789. Главнымъ основаніемъ преній была конфискація церковныхъ имуществъ, чтобы продажей ихъ потушить государственный долгъ. Духовенству же предложено было положить жалованье по степенямъ и должностямъ, имъ занимаемымъ. Надѣялись, что подобная операція принесетъ 120 мильоновъ ливровъ, изъ которыхъ 48 пойдутъ на основаніе фонда для содержанія духовенства, 42 на погашеніе государственнаго долга, а 30 распредѣлены будутъ по городамъ для поддержанія торговли, а проценты съ нихъ поступятъ въ государственную казну. Планъ этотъ, клонившійся къ отстраненію духовенства, какъ политическаго сословія, рушился, безъ всякаго сопротивленія, предложеніемъ депутатовъ духовенства потушить въ продолженіе десяти лѣтъ треть государственнаго долга приношеніями отъ церквей, по общей раскладкѣ на всѣ лица духовнаго званія. Кромѣ этихъ преобразованій, Понтуазское собраніе предложило измѣнить систему финансоваго, полицейскаго и судебнаго управленія замѣною постоянныхъ чиновниковъ лицами, избираемыми на трехлѣтіе. Требуемый прежде пятилѣтній срокъ для созванія государственныхъ чиновъ обращенъ въ двухлѣтній. Наконецъ, болѣе рѣшительное и въ религіозныхъ вопросахъ, собраніе просило для протестантовъ свободнаго отправленія ихъ богослуженія.

Послѣднее предложеніе было тотчасъ приведено въ исполненіе.

Франція увидѣла невиданное доселѣ дѣло: государство, отдѣленное отъ церкви, и отправленіе такъ называемаго еретическаго богуслуженія подъ защитою закона, наряду съ католическимъ, въ древнихъ священныхъ храмахъ. Не рано ли это было? Возможенъ ли былъ религіозный миръ и свобода совѣсти, когда двѣ религіи не умѣли еще уважать другъ друга? Дѣло философа и государственнаго человѣка встрѣчено было неукротимыми страстями, и въ то время, когда онъ достигъ отмѣненія религіозныхъ преслѣдованій, началась религіозная война. Къ страстямъ этимъ присоединились интересы враждующихъ принцевъ королевскаго дома и вельможъ. Во время несовершеннолѣтія Карла IX повторились тѣ же ужасы, которые наполняли царствованіе слабоумнаго Карла VI. Это была та же война Бургундцевъ съ Арманьяками, только къ ней присоединился религіозный фанатизмъ.

Среди неистовствъ и убійствъ, когда падали по очереди, одинъ за другимъ, то на войнѣ, то подъ ножемъ финатиковъ, начальники партій, Лопиталь не переставалъ работать для примиренія, и если его смущало настоящее, то на будущее онъ смотрѣлъ спокойно. Безошибочно выбиралъ онъ изъ драгоцѣнныхъ матерьяловъ, представляемыхъ журналами собранія 1560 года, лучшія, полезнѣйшія предложенія, облекалъ ихъ въ форму королевскихъ указовъ, и присоединялъ къ орлеанскимъ постановленіямъ. Такимъ образомъ, создалъ онъ гражданское право, послужившее основаніемъ развивавшемуся изъ него законодательству до 1789 года. Многія части его сохранились до настоящаго времени. Замѣчательнѣйшій изъ указовъ былъ отданъ въ Муленѣ въ 1566 году. Онъ утверждалъ прочнѣйшими гарантіями судебныя должности, упрощалъ, и приводилъ въ одну систему гражданское и судебное дѣлопроизводство, уменьшалъ число обыкновенныхъ судей, и ограничивалъ кругъ ихъ дѣятельности судомъ уголовнымъ и полицейскимъ. Въ этомъ отношеніи указъ не щадитъ, ни духовенства, ни городскихъ сословій. Впрочемъ, послѣднія не уступили этой части своихъ муниципальныхъ правъ. Города, существованіе которыхъ древнѣе всѣхъ возможныхъ хартій, объявили свои незапамятныя права, и Муленскій указъ остался для нихъ безъ силы и значенія.

Между тѣмъ какъ Лопиталь честно работалъ противъ заблужденій и предразсудковъ своего несчастнаго времени, въ надеждѣ осилить ихъ, религіозная война, которую онъ старался всѣми силами затушить, продолжалась, прерываемая предательскими перемиріями. Нетерпимость вѣка заглушала голосъ истины и справедливости, рождала и давала пищу ненавистямъ, и двигала массами. Королевская власть старалась держать въ равновѣсіи обѣ партіи, и сначала была безпристрастна, но недолго. Скоро стала она систематически враждебной всякой терпимости, и подкапывалась подъ свои же собственныя

уступки. Вмѣсто человѣческихъ, справедливыхъ мѣръ, предложенныхъ канцлеромъ, избрано было занесенное изъ Италіи политическое лицемѣріе «Il Principe» * Макіавелли. Лопиталь вышелъ изъ королевскаго совѣта, въ которомъ порицали его предостереженія, и оставилъ политическую арену. Онъ видѣлъ все болѣе и болѣе ожесточенную борьбу, видѣлъ политику, основанную на коварствѣ и предательствѣ, на coup d'état, онъ видѣлъ послѣднее дѣло этой политики, варфоломеевскую рѣзню — и умеръ съ горя. Должно сознаться, что парижское населеніе принимало немалое участіе въ королевскомъ злодѣяніи въ ужасную ночь. Обманутыя молвой о заговорѣ, ослѣпленныя фанатической ненавистью, муниципальныя власти получили и исполнили приказанія, направленныя къ тому, чтобы загнать тысячи французовъ въ западню, въ которой они должны были погибнуть отъ французской же руки. Это печальнѣйшее историческое событіе легло несмываемымъ пятномъ на памяти короля. А между тѣмъ, Карлъ IX, сдѣлавшійся, подъ вліяніемъ общаго помѣшательства и гнусныхъ внушеній, предателемъ и убійцей, не былъ лишенъ порядочныхъ побужденій. Онъ страстно любилъ искуства, и продолжалъ дѣло духовнаго возрожденія, начатое Франциском I. Литература этого періода приняла характеръ болѣе серьезный, она сдѣлалась оружіемъ въ рукахъ партій, строго разбирала вопросы историческіе, нравственные, правительственные. Явились теоріи государственнаго управленія, принесена изъ Италіи наука политической экономіи, давшая новыя основанія государственному хозяйству **.

Политическое преступленіе 24 августа 1572 года принесло свои плоды. Реформація не погибла со смертью своихъ доблестныхъ предводителей; верховная власть, надѣявшаяся потопить свои опасенія въ крови собственныхъ подданныхъ, встрѣтила теперь еще бо́льшія затрудненія. Кромѣ спасшихся отъ смерти, противъ нея возстали симпатія и состраданіе къ жертвамъ, негодованіе и угрызеніе совѣсти. Та же умѣренная партія, предлагавшая терпимость и примиреніе, поднялась снова, подъ именемъ *«политической»*, и присоединилась къ протестантамъ, чтобы защитить въ нихъ человѣческія права и чувство справедливости. Война противъ верховной власти, нарушившей варварскимъ вѣроломствомъ права свои, объявлена законной. Республиканскія стремленія, явившіяся вслѣдствіе изученія древностей и исторіи, взывали къ ненависти и мщенію. Распространилось множество сочиненій въ этомъ духѣ, еще болѣе разжигавшихъ общественное мнѣніе. Не прошло четырехъ лѣтъ со дня реакціонной катастрофы Карла IX, какъ наслѣдникъ кровавой па-

---

* «Государь», знаменитое сочиненіе Макіавелли.

** Любимцемъ королевы-матери, Рене де Бираго, бывшимъ послѣ Лопиталя канцлеромъ королевства.

рижской свадьбы, долженъ былъ подписать самыя широкія, какія когда либо получали гугеноты, условія мира, предписанныя торжествующими кальвинистами и друзьями ихъ католиками. Исповѣданіе новой религіи объявлено свободнымъ по всему королевству, за исключеніемъ Парижа и двора; всѣ заключенные браки объявлены законными; для разбора дѣлъ между католиками и протестантами, учреждены суды, въ которыхъ засѣдали поровну представители обѣихъ партій; всѣ указы въ дѣлѣ религіи, со времени Генриха II, были уничтожены; объявлена всеобщая амнистія; вдовы и дѣти жертвъ варфоломеевской ночи освобождены отъ податей. Эти мѣры могли бы начать эпоху религіозной терпимости, еслибы ихъ приняли чистосердечно, и имѣли бы энергію привести въ исполненіе. Но король принялъ ихъ, какъ послѣднее крайнее средство, имѣя намѣреніе нарушить ихъ, какъ только представится къ тому удобный случай.

Слабый, скрытный Генрихъ III этимъ миромъ возстановилъ противъ себя фанатическую партію католиковъ, въ рукахъ которыхъ была матерьяльная сила, основанная на симпатіи къ ней народа. Она образовала противъ него «*лигу*», съ цѣлью уничтожить все, что̀ не захочетъ присоединиться къ ней. Могущество ея было основано на страхѣ и на безусловномъ повиновеніи ея начальнику. Назначеніе послѣдняго было прямой угрозой королю. Сила ея росла, и скоро выказалась при созваніи государственныхъ сословій 1576 года. Протестанты и политики были устранены отъ выборовъ всѣми неправдами. Обѣщанное по послѣднему миру для всеобщаго примиренія собраніе тотчасъ было обращено противъ этого мира, когда собранные въ Блуа депутаты объявили, что намѣрены поддерживать въ преніяхъ единую католическую, римскую церковь. Представители дворянства, стоявшіе съ такой энергіей въ 1560 за свободу совѣсти, единодушно объявили теперь себя за реакцію. Депутаты третьяго сословія, хотя умѣреннѣе, но также объявили себя въ пользу единства религіи. Что̀ касается до короля, то онъ, опасаясь лиги, объявилъ себя ея начальникомъ, и просилъ собраніе уничтожить сдѣланныя имъ уступки. Небольшое число представителей, избранныхъ кальвинистами и ихъ друзьями, удалилось изъ собранія, и протестовало противъ его рѣшеній.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ предложенъ былъ общественному мнѣнію вопросъ о религіозной терпимости. Первыя два сословія безъ преній вотировали уничтоженіе заключеннаго мира и продолженіе гражданской войны. Третье сословіе раздѣлилось на двѣ партіи: одна, въ головѣ которой былъ Парижъ, не отказывалась отъ войны, другая желала возстановленія единства церкви болѣе кроткими мѣрами. Глава послѣдней, Жанъ-Боденъ, представитель Вермандуа, занялъ роль Лопиталя, и энергически противудѣйствовалъ парижскимъ депутатамъ, дворянамъ и королевскимъ комисса-

рамъ. Не успѣвъ достигнуть, чтобы подъ предложеніемъ о соединеніи исповѣданій, представленнымъ на обсужденіе третьяго сословія, выборные его подписали «безъ войны», отъ старался сдѣлать войну невозможною рѣшительнымъ отказомъ субсидій. Но, несмотря на то, что религіозный вопросъ нетолько не былъ рѣшенъ, но поставленъ въ безвыходное положеніе, собраніе 1576 года весьма замѣчательно въ исторіи третьяго сословія. Законы, имъ предложенные, имѣли характеръ законовъ, исходящихъ отъ верховной власти. На немъ отличали указы королевскіе, которые король могъ измѣнять и уничтожать по своему произволу, отъ постановленій собранія, которыя считались неизмѣнными, пока они не будутъ отмѣнены депутатами трехъ сословій. Къ прежнимъ требованіямъ періодическихъ собраній государственныхъ сословій королевства присоединено предложеніе дать права на собранія частныя, по провинціямъ. Что касается прочихъ предложеній и требованій, то въ нихъ не видно ни прежняго увлеченія, ни энергіи. Новаго вообще сказано было мало: повторились прежніе совѣты, высказались прежнія жалобы на неприведеніе въ исполненіе данныхъ обѣщаній или изданныхъ постановленій. Характеристическія требованія остались: свобода собраній, свобода избранія въ депутаты и независимость судопроизводства. Завистливое, узкое предложеніе древней судебной корпораціи объ уничтоженіи комерческихъ судовъ было благоразумно отвергнуто правительствомъ.

Не ранѣе какъ черезъ два года, истекшихъ среди безпорядковъ вооруженнаго мира, король отвѣчалъ на журналъ блуаскаго собранія. Указъ его есть продолженіе и закрѣпленіе благородныхъ трудовъ Лопиталя. Бо́льшая часть журнала послѣднихъ засѣданій вошла въ его текстъ. Либеральный въ дѣлахъ гражданскаго права, онъ умалчиваетъ и увертывается, какъ только касается религіозной свободы, и имѣетъ въ виду только отдѣлаться отъ данныхъ обязательствъ. Въ назначеніи на духовныя должности онъ отвергаетъ избраніе не кандидатовъ короны, и удерживаетъ самодержавное право. Въ назначеніи на должности судебныя онъ обходитъ дорогое третьему сословію право представленія трехъ кандидатовъ, и назначаетъ произвольно изъ списка подлежащихъ къ избранію въ кандидаты, составляемаго на каждое трехлѣтіе.

Ко времени блуаскихъ засѣданій относится проявленіе политической дѣятельности начальника партіи кальвинистовъ, Генриха Бурбона, которому суждено было, по случаю прекращенія Валуаской линіи, получить французскую корону, и примирить религіозныя партіи. Рожденный въ кальвинизмѣ, принужденный, безъ особеннаго съ его стороны сопротивленія, сдѣлаться католикомъ, потомъ бѣжавшій отъ двора Генриха III и сдѣлавшійся снова кальвинистомъ, среди гражданскихъ междоусобій и елигіозныхъ ненавистей, Генрихъ рано

привыкъ къ терпимости. Одаренный великими душевными свойствами, онъ одинъ могъ быть общественнымъ примирителемъ. Вотъ какъ отвѣчалъ онъ на предложеніе государственныхъ сословій о насильственномъ соединеніи исповѣданій: «Король Наваррскій вполнѣ одобряетъ собраніе за ревностное желаніе мира и благоденствія, но полагаетъ, что просьба его предъ королемъ о терпимости только римскаго исповѣданія не приведетъ, ни къ желаемому миру, ни къ успокоенію волненій. Поэтому, король Наваррскій проситъ и умоляетъ означенное собраніе, во имя Бога и во имя блага короля и отечества, хорошенько подумать и разсудить объ этомъ важнѣйшемъ, какой только представлялся на обсужденіе во Франціи, вопросѣ. Онъ проситъ собраніе взвѣсить не только то, что́ оно желаетъ, но и то, что́ можетъ вынести несчастное королевство, подобно тому, какъ желающему выздоровленія больному предлагаютъ не только то, что́ ему пріятно, но нерѣдко и то, что́ горько и что́ ему не нравится, но что́ необходимо для его выздоровленія. Если католики, пользующіеся свободою богослуженія, не могутъ, безъ болѣзненнаго чувства, допустить существованія другаго исповѣданія, и хотятъ отнять у него все, что́ ему столько разъ съиздавна было дозволено, то король желаетъ, чтобы государственныя сословія приняли во вниманіе, что тщетно старались изгнать это исповѣданіе изъ Англіи, Венгріи, Богеміи, Даніи, Шотландіи, Швеціи, Швейцаріи и Германіи, въ которыя оно проникло... Поэтому, король Наваррскій въ третій разъ проситъ и умоляетъ означенное собраніе хорошенько разсудить объ этомъ дѣлѣ, и снова предложить его на совѣщаніе.» Но этотъ благородный, патріотическій голосъ не былъ услышанъ. Собраніе разошлось, не измѣнивъ своего предложенія, которое не было приведено въ исполненіе только за недостаткомъ средствъ.

Въ такомъ положеніи находился религіозный вопросъ, когда неожиданная смерть герцога ангулемскаго, брата короля, открыла дорогу къ престолу бурбонской линіи, и начальникъ протестантской партіи сдѣлался ближайшимъ наслѣдникомъ престола. Несмотря на молодые еще годы Генриха III, предстоящее занятіе престола еретическимъ принцемъ наполняло ужасомъ сердца католиковъ. Со страхомъ и трепетомъ предвидѣли они опасности, грозящія церкви. Они предполагали, что настоящая терпимость принца, какъ только онъ станетъ королемъ, обратится въ гоненіе, которое онъ поддержитъ всею силою верховной власти. Подъ вліяніемъ такихъ опасеній, лига дѣлала страшные успѣхи. Честолюбивые замыслы ея начальника, герцога Генриха Гиза, въ первый разъ выказались во весь ростъ. Соединяя ловкость съ энергіей, онъ внушалъ страхъ всѣмъ своимъ противникамъ; народная любовь къ нему росла, между тѣмъ какъ всѣ оставляли слабаго, развратнаго, малодушнаго короля. Всеобщее сочувствіе къ демократическимъ стремленіямъ кальвинистской партіи,

вызванное преступленіемъ Карла IX, перешло теперь на сторону древняго исповѣданія, вслѣдствіе презрѣнія къ королю и опасеній за будущее, въ случаѣ его смерти. Всѣ взывали къ верховной власти народа для защиты православія противъ ереси и противъ занятія престола еретикомъ. Эти стремленія въ пользу древней религіи открывали Гизамъ, объявившимъ свое происхожденіе отъ Карла Великаго, дорогу къ престолу, тѣмъ болѣе вѣрную, что они приняли на себя защиту всѣхъ правъ, выработанныхъ трехвѣковыми усиліями третьяго сословія. Они обѣщали возвращеніе привилегій всѣмъ классамъ. Въ особенности сильно подѣйствовали эти обѣщанія на города, утратившіе, вслѣдствіе введенной въ администрацію централизаціи, значительную часть своихъ муниципальныхъ преимуществъ. Они спѣшили, по примѣру Парижа, соединиться съ лигой. Подъ вліяніемъ парижской демократіи, явились, какъ во времена Марселя, городскія корпораціи. Къ несчастію, ими руководило на этотъ разъ не желаніе благоразумной и справедливой реформы, а духъ партій; цѣлью ихъ было уничтоженіе одной части французовъ другою, а не благосостояніе всей страны. Въ случаѣ побѣды, независимое положеніе сословій, относительно королевской власти и относительно другъ друга, упрочивалось покровительствомъ и обѣщаніями римскаго престола и содѣйствіемъ испанскаго короля, объявившаго себя врагомъ Франціи.

ГЛАВА VI.—Собраніе государственныхъ сословій 1588 года. Третіе сословіе въ царствованіе Генриха IV.

Отрѣшеніемъ законнаго наслѣдника отъ престола лига, изъ тайнаго общества для охраненія церкви, стала партіей революціонной. Собрана была армія, многія провинціи поднялись въ пользу кардинала, дяди короля Наваррскаго, объявленнаго ближайшимъ наслѣдникомъ престола, вопреки закону, и только потому, что онъ былъ католикомъ. Послѣ него первымъ лицемъ былъ герцогъ Гизъ, душа возстанія. Король принужденъ былъ согласиться на все, и уничтожилъ всѣ договоры, заключенные съ кальвинистами. За отступничество отъ католичества объявлена была смертная казнь. Начальникамъ еретиковъ приказано было оставить страну впродолженіи двухъ мѣсяцевъ, прочимъ протестантамъ впродолженіи полугода; послѣдующимъ же указомъ срокъ этотъ сокращенъ до пятнадцати дней для тѣхъ, кто не захочетъ отказаться отъ еретическаго исповѣданія. Имѣнія гугенотовъ предполагалось конфисковать, и употребить на расходы для войны, которую король, въ союзѣ съ лигой, обязывался начать всѣми своими средствами. Такъ началась самая продолжительная и кро-

вавая гражданская война, открывшаяся отлученіемъ Генриха отъ престолонаслѣдія и освобожденіемъ отъ присяги ему и на будущее время. Къ вопросу о терпимости присоединились притязанія папы на верховную власть надъ королевствомъ, и бо́льшая часть французовъ готова была пожертвовать національной независимостью изъ ненависти къ еретикамъ. Но изъ среды третьяго сословія раздался голосъ негодованія, протестовавшій противъ общаго заблужденія.

18 іюля 1585 года парламентъ, послѣ многихъ предостереженій, вписалъ въ журналъ актъ изгнанія протестантовъ. Когда же черезъ три мѣсяца предложена была булла объ отстраненіи законнаго наслѣдника отъ престола,— представлены были болѣе энергическія опасенія: парламентъ говорилъ языкомъ, достойнымъ Лопиталя: «Государь, преступленіе, которое вы хотите карать, связано съ убѣжденіями совѣсти, для которыхъ ничего не значатъ мечъ и огонь... Еслибы вся партія гугенотовъ была соединена въ одномъ лицѣ, и тогда ни одинъ изъ насъ не произнесъ бы противъ него смертнаго приговора, пока судъ не признаетъ, а лице не сознается въ великомъ уголовномъ преступленіи. Кто же рѣшится безъ суда опустошить столько городовъ, разорить столько провинцій и превратить государство въ кладбище? Кто осмѣлится произнести смертный приговоръ столькимъ мильонамъ людей, женщинъ, дѣтей, безъ всякой видимой причины, кромѣ обвиненія въ ереси, которая еще не доказана и сомнительна, которую они поддерживали и защищали небезуспѣшно противъ знаменитѣйшихъ теологовъ вашего королевства, въ которой они родились и воспитывались впродолженіи тридцати лѣтъ съ дозволенія вашего величества и покойнаго короля, вашего брата...» Что касается до папской буллы, объявившей право, во имя своего божественнаго происхожденія, судить государей, то ее встрѣтилъ парламентъ съ негодованіемъ, какъ покушеніе на свободу короля и независимость націи. Онъ представилъ слабому государю примѣръ его предшественниковъ и совѣты тѣхъ, которые хорошо знали законы и хранили ихъ. «Мы не находимъ, говорилъ парламентъ, въ нашихъ журналахъ съ самыхъ древнихъ временъ, чтобы французскіе государи подлежали папскому суду, ни того, чтобы подданные учились вѣрѣ у своихъ государей.» Парламентъ объявилъ, что самъ онъ не честно служилъ общественному дѣлу, уничтоживъ столько клятвенныхъ договоровъ, и рѣшилъ, что идти далѣе онъ не можетъ. Свои представленія заключилъ онъ слѣдующими прекрасными словами: «Государь, окажите намъ милость, примите въ свои руки власть, которою угодно было вашему величеству и вашимъ предшественникамъ почтить насъ; дозвольте намъ очистить нашу совѣсть, и снять съ себя, какъ отвѣтственность за тѣ бѣдствія, которыя мы должны принести изданіемъ подобныхъ указовъ, такъ и проклятіе, посылаемое Богомъ на дурныхъ исполнителей воли короля и на его совѣт-

никовъ... Вашему величеству лучше вовсе не имѣть парламента, нежели имѣть безполезный, а намъ почетнѣе удалиться, чтобы вмѣстѣ съ нашими согражданами оплакивать общественныя бѣдствія, нежели подчинить нашъ долгъ и обязанности пагубнымъ совѣтамъ и намѣреніямъ враговъ вашего престола.» Это предостереженіе осталось безполезнымъ и для короля, и для народа. Ни страсти, ни ненависти нисколько не успокоились еще впродолженіи двадцатипятилѣтняго междоусобія. Дѣло свободы совѣсти казалось потерянным. Его поддерживалъ только героизмъ протестантской арміи и ея предводителя, рѣшившагося умереть за свою вѣру и за свои права.

Впрочемъ, Генрихъ былъ всегда готовъ на миръ. Послѣ самой рѣшительной побѣды (при Куртре), онъ требовалъ только свободы вѣроисповѣданія и возстановленія прежнихъ указовъ. Начальникъ лиги, съ своей стороны, неуклонно шелъ къ цѣли — овладѣть королемъ и его совѣтниками, сковать его волю собраніемъ государственныхъ сословій, и захватить престолъ въ свои руки. Король колебался, чувствовалъ свое униженіе; онъ не имѣлъ достаточно энергіи выйти изъ него, и оставлялъ себѣ до поры настоящее свое оружіе: предательство и убійство. При такихъ обстоятельствахъ разыгралась одна изъ великихъ историческихъ драмъ, начавшаяся въ 1588 баррикадами въ Парижѣ, и окончившаяся вторымъ блуасскимъ собраніемъ и убійствомъ герцога и кардинала Гизовъ. Созваніе королемъ государственныхъ сословій было дѣломъ, направленнымъ имъ противъ самого себя. Оно было слѣдствіемъ одержавшаго побѣду волненія, а само собраніе представляло не цѣлую страну, а только католическую Францію. Цѣлью его было утвержденіе преимуществъ власти собранія надъ королевской властью. Въ первый періодъ, до смерти Гиза, государственныя сословія, имѣя въ головѣ представителей третьяго сословія, вели борьбу противъ короля объ основаніяхъ верховной власти; они объявили, что засѣдаютъ не вслѣдствіе того, что были созваны, а вслѣдствіе собственнаго своего рѣшенія, и признали основными государственными законами только тѣ, которые изданы при ихъ участіи. Несмотря на видимое подчиненіе древнему монархическому принципу, они грозили королю созданіемъ новой власти, которую намѣревались отдать въ будущемъ подъ опеку народнаго представительства, а въ настоящее время поручить начальнику лиги. Во второй періодъ собраніе, подъ вліяніемъ страха, оставляетъ свои энергическія нападенія, и представляетъ сопротивленіе пассивное, въ которомъ скрывалось только желаніе перенести свои засѣданія на почву, болѣе удобную для открытаго возстанія. Въ журналахъ его записаны слѣдующія статьи: указы, издаваемые по предложенію собранія, неизмѣнны, и не имѣютъ надобности проходить чрезъ парламентъ, но на всякіе другіе указы парламенты имѣютъ право представлять свои замѣчанія, и могутъ не вносить ихъ въ журналъ; парламентъ не

имѣетъ права предлагать законъ, необсужденный провинціальнымъ прокуроромъ, для чего и избирается прокуроръ въ каждой провинціи; безъ согласія государственныхъ чиновъ не назначается ни одинъ налогъ, подать или пошлина; еретики преслѣдуются законами Франциска I и Генриха II; король Наваррскій лишается права наслѣдовать престолъ, а имѣнія его конфискуются. Прочія статьи журнала служатъ повтореніемъ требованій, высказанныхъ въ 1576 и 1560 годахъ; поэтому, мы ихъ и не приводимъ, но замѣтимъ, что представители дворянства почти не расходятся въ своихъ предложеніяхъ съ депутатами третьяго сословія, и это объясняется тѣмъ, что какъ тѣ, такъ и другіе, принадлежали къ лигѣ.

Ожиданія короля не оправдались; положеніе его не стало лучше по убіеніи герцога Гиза (maintenant je suis roi!). Онъ думалъ, что нанесъ страшный ударъ всей лигѣ, и между тѣмъ какъ издавалъ прокламацію за прокламаціей въ свое оправданіе, въ Парижѣ вспыхнуло возстаніе и разлилось по всей странѣ. Противъ королевской власти образовался союзъ. Революціонныя стремленія лиги приводились въ исполненіе подъ вліяніемъ распаленныхъ страстей. Взоры всѣхъ обратились къ швейцарскимъ кантонамъ, чтобы устроиться по ихъ образцу. Парижская демократія отмѣнила въ судебныхъ актахъ имя короля, и назначила герцога Майенскаго генералъ-лейтенантомъ королевства и короны. Генрихъ III не выходилъ изъ своего бездѣйствія. Наконецъ, когда въ его власти осталась только часть береговъ Луары, онъ рѣшился соединиться съ государемъ, котораго лишилъ престолонаслѣдія и противъ котораго издалъ актъ изгнанія; онъ рѣшился отдать свою корону подъ защиту еретиковъ, въ уничтоженіи которыхъ еще такъ недавно онъ видѣлъ единственную свою славу и призваніе. Четыре мѣсяца послѣ убійства Генриха Гиза, Генрихъ Валуа и Генрихъ Бурбонъ свидѣлись въ Плесси, обнялись и заключили союзъ королевской власти съ кальвинистской партіей. Арміи ихъ соединились и двинулись къ Парижу, гдѣ царствовала лига и дѣйствовала оттуда на провинціи. Въ послѣднихъ числахъ іюля окончены были приготовленія къ приступу, который назначенъ былъ на 2-е августа. Король французскій не дожилъ до этого дня: онъ палъ подъ ножемъ фанатика, молодаго доминиканскаго монаха, Жака Клемана, и получилъ такимъ образомъ возмездіе за убійство Гиза и мучениковъ парижской кровавой свадьбы. Предъ смертью онъ не забылъ, впрочемъ, своего королевскаго долга, и сдѣлалъ наконецъ распоряженіе въ пользу примиренія. Онъ призвалъ короля Наваррскаго, и сказалъ ему: «Братъ мой, корона принадлежитъ вамъ, послѣ того, какъ совершится надо мной воля Божія», и заставилъ колѣнопреклоненныхъ принцевъ и дворянъ принести клятву въ вѣрности и повиновеніи законному наслѣднику. Въ 1589 Генрихъ былъ признанъ королемъ на-

альниками арміи, а въ 1594 принялъ самъ католичество — (Paris

vaut bien une messe), и вошелъ въ Парижъ. По мѣрѣ того, какъ король, вынуждаемый необходимостью, завоевывалъ свое королевство, фанатическая нетерпимость удалялась въ самую глубь страны, въ самые низшіе слои народа. Тамъ она хранилась въ первоначальной чистотѣ первыхъ дней религіозной борьбы. Въ настоящее время она была источникомъ геройства Парижа, достойнаго лучшей цѣли; она дала силы выдержать тѣсную четырехлѣтнюю осаду, и она же наконецъ, призваніемъ короля испанскаго, представила чудовищный примѣръ демократической и въ то же время антинаціональной партіи.

Попытки лиги присвоить себѣ право избранія короля были безуспѣшны, и ограничились только отстраненіемъ его, пока онъ не войдетъ въ лоно католической церкви. Послѣдній актъ ея есть собраніе государственныхъ сословій, назначенное на 1590-й годъ и состоявшееся не ранѣе 1593. Небольшое число прибывшихъ депутатовъ тотчасъ очутилось подъ вліяніемъ испанскимъ, требовавшимъ, во имя интересовъ церкви, пожертвованія основными законами и государственною независимостью. Испаніей послѣдовательно сдѣлано было три предложенія: объявить королевой, по праву рожденія, инфанту Изабеллу, дочь Филиппа II и внучку Генриха II, вопреки основному салическому закону; объявить королемъ обрученнаго съ принцессой императорскаго принца, эрцгерцога Эрнеста Австрійскаго, или наконецъ, выдать инфанту за французскаго принца, и обоихъ объявить владѣтелями короны. Въ представителяхъ народа пробудилось наконецъ патріотическое чувство. Они безусловно отвергли два первыя предложенія, но остановились на третьемъ. Парламентъ пошелъ далѣе собранія, и объявилъ, что всякій, сдѣланный теперь или въ будущее время актъ объ избраніи иностраннаго принца или принцессы, противузаконенъ, и рѣшился лучше умереть, чѣмъ измѣнить свое рѣшеніе. Когда же, мѣсяцъ спустя, въ С. Дени Генрихъ перешелъ въ католичество, то собраніе государственныхъ сословій разошлось, и королю ничто уже не мѣшало занять престолъ.

Генрихъ IV былъ вооруженный Лопиталь. Принципы его были тѣ же, что и знаменитаго канцлера Карла IX. Онъ былъ одною изъ тѣхъ личностей, которыя являются для возстановленія государства послѣ кризиса, приведшаго его на край погибели. Ему было достаточно двѣнадцати лѣтъ царствованія, чтобы залечить всѣ раны, нанесенныя странѣ гражданской войной, водворить благоденствіе и положить начала новой политикѣ. Вся дѣятельность побѣдителя лиги клонилась къ тремъ цѣлямъ: къ введенію свободы совѣсти и дарованію гражданскихъ правъ диссидентамъ, къ возстановленію порядка и матерьяльнаго благосостоянія и къ упроченію новой политики, основанной на уваженіи и независимости всякой народности. Всѣ издававшіеся прежде указы о терпимости имѣли характеръ временныхъ мѣръ до будущаго общаго соединенія обоихъ исповѣданій, которыя,

поэтому, не могли ни слиться, ни уничтожить другъ друга. Генрихъ ввелъ ихъ въ постоянные, основные законы знаменитымъ Нантскимъ эдиктомъ 1598. Главныя основанія его заключаются въ дозволеніи протестантамъ жить во всѣхъ мѣстахъ королевства и свободно исповѣдывать свою религію; въ дарованіи имъ права занимать всѣ гражданскія должности; въ освобожденіи ихъ отъ обрядовъ и формъ присяги, несовмѣстныхъ съ ихъ ученіемъ; въ правахъ судиться въ трибуналахъ, составленныхъ поровну изъ судей обоихъ исповѣданій; въ дозволеніи издавать религіозныя книги, учреждать школы и больницы, имѣть доступъ въ университеты и коллегіи королевства, а больнымъ и бѣднымъ—въ древнія богадѣльни; домашнее богослуженіе объявлено свободнымъ по всей землѣ, а публичное дозволено въ извѣстныхъ только мѣстахъ, назначенныхъ по договору 1577 года. Хартія эта сдѣлалась гражданскимъ кодексомъ для людей обѣихъ религій, и на основаніи ея управляли сынъ и внукъ Генриха до того времени, когда послѣ 90 лѣтней терпимости, снова возбуждено было фанатическое гоненіе на кальвинистовъ.

Затѣмъ, всѣ остальные указы Генриха IV имѣли предметомъ государственную экономію, и на этомъ поприщѣ вполнѣ выказалось то страстное желаніе короля общаго благоденствія, которое составляетъ характеристическую черту его личности. Извѣстно содѣйствіе ему на этомъ поприщѣ его помощника и министра, маркиза Росни, герцога Сюлли. Распорядитель финансовъ не только вывелъ ихъ изъ того хаоса, въ которомъ они находились во время послѣдняго царствованія, жестокой междоусобной войны и пятилѣтней анархіи, но наполнилъ доходами государственную казну и внесъ жизнь во всѣ отрасли государственнаго хозяйства. Земледѣліе сдѣлало особенные успѣхи, воды и лѣса получили новое экономическое управленіе, высушены болота, мануфактурная промышленность, въ особенности шелковая, распространена по всему государству. Большіе капиталы употреблены были на устройство дорогъ, каналовъ, мостовъ, плотинъ, и задуманъ королемъ и его министромъ планъ соединенія двухъ морей, омывающихъ берега Франціи.

Политическая дѣятельность Генриха IV неменѣе замѣчательна. Онъ не только освободилъ королевство отъ вліянія Австріи, но самъ занялъ ея мѣсто, и внесъ въ европейскую политику новыя начала, развившіяся въ систему политическаго равновѣсія. Главныя основанія ея, выразившіяся полвѣка спустя, составляютъ развитіе идеи Генриха, хотя въ практическомъ примѣненіи идея эта не представлялась ему въ такихъ опредѣленныхъ формахъ. Смерть похитила короля предъ открытіемъ великой борьбы, цѣль которой состояла въ томъ, чтобы расчистить мѣсто новому политическому зданію. Преступленіе фанатика повергло короля въ могилу, а вмѣстѣ съ нимъ и его обширныя предположенія, державшія въ трепетномъ ожиданіи

всю Европу, знавшую о громадныхъ приготовленіяхъ, но неразгадавшую цѣли и намѣреній короля. Этотъ горестный фактъ французской исторіи, спустя болѣе двухъ вѣковъ, живо чувствуется историкомъ, какъ и горе страны, снова готовой выйти въ хаосъ изъ порядка, въ слабость изъ энергіи и въ чужеземную зависимость изъ политической свободы.

Царствованіе Генриха IV было одною изъ рѣшительныхъ эпохъ, въ которую собираются плоды прошедшаго и сѣются сѣмена для будущаго. Королевская власть, освобожденная отъ всего запутаннаго, внесеннаго въ нее въ средніе вѣка, является въ своей новѣйшей формѣ, самодержавіемъ не только по праву, но и на дѣлѣ, и такою проходитъ чрезъ послѣдующую исторію до 1789 года, когда она подчиняется самодержавію народному, и съ тѣхъ поръ не можетъ уже идти иначе, какъ рука объ руку съ нимъ. Всѣ отрасли государственнаго управленія приводятся въ логическую систему; стремленія къ народному единству, къ централизаціи власти, ко всеобщему равенству осуществляются.

Бросимъ бѣглый взглядъ на взаимныя отношенія сословій въ эту эпоху. Сближенію верхнихъ слоевъ третьяго сословія съ дворянствомъ содѣйствовало: во первыхъ, занятіе имъ публичныхъ должностей, въ особенности судебныхъ, и наслѣдственное на нихъ право*; во вторыхъ, огромныя его богатства, явившіяся вслѣдствіе развитія промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, и наконецъ, въ третьихъ, образованіе, становившееся все болѣе дѣйствительной силой и правомъ на всякаго рода дѣятельность. Что касается до городскаго населенія, то оно было проникнуто всѣми новыми идеями и стремленіями вѣка; люди всѣхъ состояній и занятій пришли во взаимное столкновеніе и перемѣшались. Въ особенности этому содѣйствовала лига: въ ея совѣтахъ постоянно встрѣчаются ремесленникъ и чиновникъ, мелкій торговецъ и знатный сеньоръ. Возвращаясь въ среду свою, люди эти не теряли сознанія силы и собственнаго достоинства, и жили тѣми же увлекавшими ихъ на служебномъ поприщѣ интересами. Полевое населеніе въ XVI вѣкъ всюду освобождено изъ тяжкаго, унизительнаго рабства; обязанности къ помѣщику были строго ограничены и опредѣлены; еще съ XV вѣка оно получило долю политическихъ правъ, доказывающихъ его освобожденіе. При каждомъ созваніи государственныхъ сословій собирались первоначально всѣ жители

---

* Служащему можно было передать свою должность всякому способному и испытанному кандидату, сдѣлавъ только объявленіе объ этомъ неменѣе какъ за 40 дней до своей смерти; въ противномъ случаѣ, мѣсто переходило въ руки правительства. Генрихъ IV уничтожилъ этотъ срокъ, и объявилъ должности просто наслѣдственными за ежегодную плату шестидесятаго процента съ цѣны мѣста.

прихода, и рѣшали, съ своими повѣренными, какія требованія и указанія внести въ журналъ, и кого избрать въ представители. Повѣренные каждаго прихода вписывали эти требованія и указанія въ свои журналы, и собирались въ главный судебный городъ округа, въ которомъ, соединившись съ его повѣренными, избирали лица, обязанныя вписать въ одинъ уже журналъ прошенія тѣхъ и другихъ, и собраться въ главный судебный городъ провинціи съ его выборными, избранными такимъ же образомъ, и составить общій провинціальный журналъ, и избрать представителей въ собраніе. Это участіе сельскаго населенія въ выборахъ началось съ 1484 года, и было основною причиной сплоченія всего народонаселенія въ одно политическое тѣло; оно же положило конецъ опекѣ городовъ надъ деревнями.

Что касается до главнаго ядра третьяго сословія, буржуазіи, то исторія ея съ XIV вѣка представляетъ двѣ противуположности: съ одной стороны, развитіе и прогрессъ, съ другой, потерю свободы. Въ то время, какъ она пріобрѣтала все большее значеніе вслѣдствіе занятія судебныхъ и административныхъ должностей, развитія торговли, промышлености, наукъ и искуствъ, муниципальная ея свобода клонилась къ упадку. XV вѣкъ отнялъ у нея право имѣть вооруженную силу, XVI — гражданское судопроизводство и стѣснилъ уголовное, подчинилъ болѣе или менѣе тяжкому контролю финансовое управленіе. Королевская власть смотрѣла на муниципальныя права, какъ на феодальныя привилегіи, и не щадила ихъ въ своемъ стремленіи подвести все подъ одинъ общій уровень. Но каждая побѣда королевской власти была побѣдой цивилизаціи въ эту эпоху; каждый шагъ ея былъ шагомъ впередъ къ національному единству, столь дорогому всегда для французовъ. Дворянство теряло, и каждая его потеря была невозвратима; потери третьяго сословія были болѣе кажущимися, чѣмъ дѣйствительными: когда закрывали передъ нимъ одинъ путь, то ему открывались новые, болѣе широкіе. Постоянное развитіе его есть историческій фактъ; онъ неотразимъ, отстранить его невозможно; въ пользу его работали и работаютъ даже тѣ, которые думаютъ, что работаютъ на его погибель. Такимъ историческимъ путемъ шла судьба третьяго сословія, и когда насталъ день, въ который можно было на вопросъ «что оно такое въ политическомъ отношеніи?» отвѣчать «ничто», то за этимъ днемъ наступилъ другой, въ который оно дѣйствительно было «все».

ГЛАВА VII.—Собраніе государственныхъ сословій 1614 года.

Между фискальными мѣрами, на которыя вынужденъ былъ Генрихъ IV огромнымъ дефицитомъ въ финансовомъ управленіи и дол-

гомъ, лежавшимъ на странѣ, была одна, имѣвшая весьма важныя послѣдствія. Это такъ называемая «paulette», состоявшая въ ежегодной подати съ каждой судебной и финансовой должности *. Такъ какъ чиновники и судьи стали наслѣдственными по праву, то слѣдствіемъ этой мѣры, съ одной стороны, была дороговизна судопроизводства, а съ другой, еще большее значеніе класса чиновниковъ. Не прошло и десяти лѣтъ со времени утвержденія наслѣдственности должностей, какъ это право вызвало страсти и вражду сословій. Дворяне были устранены отъ него, одни по бѣдности, происшедшей отъ дѣленій наслѣдства или расточительности, другіе—по недостатку образованія, и это въ то время, когда они поняли ошибку своихъ отцевъ, отказавшихся, вслѣдствіе отвращенія къ ученію, отъ занятія служебныхъ должностей и предоставившихъ ихъ третьему сословію. Вотъ причина первыхъ столкновеній и соперничества между «людьми шпаги и людьми длиннаго платья». Первые негодовали, потому что потеряли силу и власть, которую имѣли въ своихъ рукахъ и отъ которой отвернулись сами, другіе выказывали уже гордость, независимость, собственное достоинство, между тѣмъ какъ права на эти чувства издавна исключительно принадлежали дворянству. Во время религіозныхъ войнъ соперничество это не выказывалось; его заглушали другіе, болѣе живые интересы. Въ собраніяхъ 1576 и 1588 годовъ не было поднято ни одного несогласія между депутатами сословій. Но, по окончаніи войны, раздоръ обнаружился, и первая четверть XVII вѣка представляетъ борьбу и соперничество дворянства и третьяго сословія, доведенныя до крайности. Первое непріязненное столкновеніе произошло въ собраніи государственныхъ сословій 1614, созванномъ во время несовершеннолѣтія Людовика XIII, чтобы пріискать средства выйти изъ того положенія, въ которое ввергли страну расточительность и анархія четырехлѣтняго регентства.

Сословія собрались въ монастырѣ августиновъ въ Парижѣ, и раздѣлились на три палаты. Представителями третьяго сословія были большею частью члены судебныхъ корпорацій и королевскіе чиновники. Съ самаго начала засѣданій уже видны были признаки вражды и зависти. Третье сословіе въ первый разъ почувствовало оскорбленіе въ томъ, что дворянству было отдано внѣшнее предпочтеніе **. Ораторъ дворянства энергически произнесъ въ своей рѣчи: «Дворянство, столь униженное теперь нѣкоторыми изъ низшаго сословія, должно получить прежній блескъ свой. Они скоро увидятъ, какая

---

* Отъ имени откупщика Paulet, взявшаго откупъ. Она состояла изъ шестидесятой части суммы, въ которую оцѣнено мѣсто.

** Канцлеръ, открывавшій собраніе рѣчью, снималъ свою четыреугольную шапочку, когда обращался къ дворянству и духовенству, и не дѣлалъ этого, когда обращался къ третьему сословію.

разница между ними и нами». Во всѣхъ сношеніяхъ обѣихъ палатъ дворянство, какъ и всегда, отличалось спѣсью и недоступностью, третье сословіе—излишнею щепетильностью и обидчивостью. Когда послѣднему представляли предложеніе, составленное въ двухъ другихъ согласныхъ палатахъ, то оно отвергало его безъ всякой видимой причины, хотя бы предложеніе было дѣльно и полезно. Дворянство первое сдѣлало нападеніе. Оно рѣшилось просить у короля отсрочки своихъ засѣданій, а потомъ уничтоженія paulette, и на это прошеніе получило согласіе и содѣйствіе духовенства. Предложеніе это представлено было на обсужденіе третьяго сословія, которому оставалось, или присоединиться къ двумъ другимъ сословіямъ, и просить короля объ уничтоженіи paulette, и въ такомъ случаѣ уступить дворянству лучшія и почетнѣйшія мѣста и должности, или несогласиться, и повергнуться всеобщему порицанію за эгоистическое пристрастіе къ нелюбимой народомъ привилегіи, увеличивавшей злоупотребленія продажности судопроизводста.

Третье сословіе вело себя хорошо, и выказало полное самоотверженіе. Оно отказалось отъ податей, дававшихъ наслѣдственное право на должности, и для большей послѣдовательности предложило вообще уничтоженіе продажности судопроизводства. Но взамѣнъ своей уступки, оно потребовало жертвы отъ обоихъ другихъ сословій, именно, отмѣны пенсій, сумма которыхъ удвоилась въ послѣдніе четыре года, и обременила народъ налогами. Въ прошеніи своемъ третье сословіе соединило три требованія: уменьшеніе на предстоявшій годъ четверти всѣхъ платимыхъ податей, уничтоженія paulette и, вслѣдствіе этого, продажнаго судопроизводства, и отмѣну пенсіоновъ, платимыхъ казначействомъ. Дворянство было поражено этимъ прошеніемъ, и, далеко не столь великодушное, какъ его противники, требовало раздѣлить вопросы и заняться исключительно вопросомъ о наслѣдственности должностей; совѣщанія же о другихъ предложеніяхъ отложить. Къ нему присоединилось и духовенство послѣ того, какъ не успѣло никакими доводами примирить противниковъ.

Третіе сословіе, послѣ новыхъ совѣщаній, рѣшило не раздѣлять вопросовъ, и поручило объявить свое намѣреніе одному изъ замѣчательнѣйшихъ членовъ своей палаты, Жану Саварону. Энергическій ораторъ два раза говорилъ предъ духовенствомъ, чтобы вызвать его содѣйствіе. Вторая рѣчь его заключалась словами: «Когда вы предлагаете уничтоженіе ежегодной подати за должности, не нападаете ли вы этимъ на занимающія эти должности лица, между тѣмъ какъ молчите о томъ, чего болѣе всего должны просить, отмѣны пенсій, влекущихъ за собой еще худшія послѣдствія. Вы хотите отнять у короля мильонъ шесть сотъ тысячъ ливровъ, получаемыхъ имъ ежегодно за paulette, и оставляете государство обремененнымъ пятью мильонами ливровъ, платимыхъ королемъ ежегодно, чтобы купить

вѣрность своихъ подданныхъ. Какое добро, какую пользу принесетъ королевству уничтоженіе paulette, если останется продажность суда, влекущая за собой всякую несправедливость?... Милостивые государи, надобно вырвать этотъ проклятый корень, надобно задушить это чудовище, потому что оно удаляетъ лица достойныя и способныя, и даетъ преимущество тѣмъ, кто безъ всякаго другаго права, кромѣ денегъ, заслоняетъ дорогу имѣющимъ, по Божьей волѣ, посредственное состояніе. Вслѣдствіе этого, мы умоляемъ васъ не отказывать намъ въ содѣйствіи такому правому дѣлу; мы работаемъ для народа; двигаетъ насъ желаніе блага королю; боремся мы противъ личныхъ нашихъ интересовъ.»

Съ дворянствомъ Саваронъ говорилъ съ чувствомъ собственнаго достоинства, гордо; въ словахъ его слышалась иронія и угроза. Онъ доказывалъ, что дворянамъ закрыты должности не ежегоднымъ налогомъ, а неспособностью самихъ дворянъ и продажностью судопроизводства, объ уничтоженія котораго имъ слѣдуетъ просить короля; что три требованія, предложенныя третьимъ сословіемъ, раздѣлить невозможно; что злоупотребленія пенсій дошли до того, что безъ нихъ никто не хочетъ служить королю, что пенсіи опустошили казну и разорили народъ. Онъ кончилъ такимъ образомъ: «Возвратитесь, милостивые государи, къ достоинствамъ вашихъ отцевъ — и вамъ откроются двери къ почестямъ и должностямъ. Исторія представляетъ намъ примѣръ, какъ римляне страшными налогами на французовъ* довели ихъ до возстанія, и заставили ихъ сбросить съ себя иго, чѣмъ и было положено основаніе нашему королевству. Народъ до того обремененъ податями, что надо опасаться, чтобы не случилось чего подобнаго. Дай Богъ, чтобы въ словахъ моихъ не было пророчества!» Дворянство отвѣчало на эти честныя слова ропотомъ и бранью; духовенство одобрило предложеніе, но отказало въ содѣйствіи. Предоставленное своимъ силамъ, третье сословіе рѣшилось представить просьбу королю и, составивъ изъ нея статью для журнала, послало ее въ Лувръ съ депутаціей изъ двѣнадцати членовъ. Саварону поручено было говорить въ пользу народа. Вотъ какъ онъ началъ: «Что́ бы сказали вы, государь, еслибы увидѣли въ вашей Гіенни или Оверни людей, питающихся, какъ скотъ, травою? Эта новость и неслыханная нищета въ вашемъ государствѣ не произвели ли бы въ душѣ вашей желанія, достойнаго вашего величества помочь столь великому бѣдствію? А между тѣмъ, это до того справедливо, что я предлагаю конфисковать все мое состояніе если меня уличатъ во лжи.» Потомъ, онъ изложилъ подробно просьбу третьяго сословія, и съ полною откровенностью объяснилъ причины несогла-

---

* т. е. франковъ. Отличіе этихъ двухъ словъ принадлежитъ новѣйшему времени.

сія его съ другими сословіями: «Ваши чиновники, государь, согласно съ намѣреніями духовенства и дворянства, рѣшились просить ваше величество объ уничтоженіи ежегодной пошлины съ ихъ должностей, пошлины, поднявшей до того цѣны на нихъ, что доступъ къ нимъ открытъ только тому, кто обладаетъ богатствомъ, хотя и не имѣетъ необходимыхъ способностей и достоинствъ. Предложеніе объ уничтоженіи этого зла весьма похвально, но оно направлено противъ лицъ, и цѣль его — не благо вашего королевства, ибо для чего просить объ уничтоженіи paulette, если вы не уничтожите продажу судопроизводства? Не ежегодная подать была причиной, что дворянство лишено чести занимать судебныя должности, а его предубѣжденіе, что наука и занятія ослабляютъ мужество, и обращаютъ великодушіе въ трусость. Васъ просятъ, государь, отмѣнить paulette, отказаться отъ полутора мильона ливровъ, которые вы получаете ежегодно, и не говорятъ ни слова объ отмѣнѣ пенсій, которыя возрасли до того, что многія большія и могущественныя государства не получаютъ такого дохода, какой вы даете вашимъ подданнымъ, чтобы купить ихъ вѣрность. Еслибы пять съ половиною мильоновъ, ежегодно выходящихъ изъ казны, были обращены на облегченіе народа, какъ бы онъ благословлялъ васъ! А между тѣмъ, объ этомъ и не упоминаютъ, не хотятъ включить въ журналъ, и настаиваютъ только на уничтоженіи paulette. Третье сословіе уступаетъ одно и неотступно проситъ другаго.»

Дворянство пришло еще въ пущее негодованіе отъ этой рѣчи, и рѣшилось жаловаться королю. Оно просило духовенство присоединиться къ нему, но послѣднее вызвалось быть только посредникомъ, и послало своего члена въ засѣданіе третьяго сословія объявить о неудовольствіи дворянства и просить удовлетворенія. Когда депутатъ кончилъ, Саваронъ всталъ и гордо отвѣчалъ ему, что онъ не имѣлъ намѣренія обидѣть дворянство ни словомъ, ни дѣломъ, что прежде занятія имъ теперешней должности самъ онъ носилъ оружіе, и готовъ дать всякое удовлетвореніе. Но чтобы избѣжать разрыва, который могъ прекратить занятія собранія, третье сословіе приняло посредничество духовенства, и согласилось обратиться къ дворянству съ словомъ примиренія; а чтобы это показалось чистосердечнѣе, оно избрало другаго оратора. Дементъ говорилъ съ достоинствомъ и миролюбиво. Все было напрасно; рѣчь его произвела еще большій разрывъ. Онъ говорилъ, что три сословія суть три родные брата одной общей матери — Франціи, что духовенство — старшій, дворянство — второй, а третіе сословіе — младшій братъ; что третіе сословіе всегда признавало старѣйшинство дворянства, которое должно, въ свою очередь, видѣть въ немъ брата и не презирать его; что весьма часто случается, что старшій братъ разоряетъ семью, а меньшой возстановляетъ ея значеніе. Не только послѣднія слова, но и самое

сравненіе, самая мысль о родствѣ съ третьимъ сословіемъ привела дворянъ въ негодованіе, и они съ неудовольствіемъ жаловались духовенству, подъ покровительствомъ котораго Дememъ нанесъ имъ еще болѣе тяжкія оскорбленія. Рѣшено было обратиться съ жалобой къ королю. Черезъ два дня ораторъ дворянства, баронъ де Сенесей, говорилъ королю въ присутствіи всей своей корпораціи. Вотъ какъ опредѣлилъ онъ, что такое третіе сословіе: Оно состоитъ изъ населенія городскаго и сельскаго; послѣднее находится въ вассальной и судебной зависимости отъ дворянства и духовенства, а первое составляютъ мѣщане, купцы, ремесленники и нѣсколько чиновниковъ. Не зная, что̀ они такое, и безъ согласія тѣхъ, кого они представляютъ, они хотятъ сравниться съ нами. Мнѣ стыдно, государь, произнести названіе, которымъ они оскорбили насъ. Они сравниваютъ ваше государство съ семьей, состоящей изъ трехъ братьевъ, говорятъ, что духовенство старшій братъ семьи, мы — второй, а они—младшій, и что случается часто меньшому брату возстановлять семейство, разоренное старшимъ братомъ. Въ какомъ жалкомъ положеніи мы находимся, если то, что̀ говорятъ они, справедливо!... Мы умоляемъ васъ, государь, о правосудіи, прикажите привести ихъ на путь долга.» За этою странною рѣчью представители дворянства произнесли единодушно: «Мы не хотимъ, чтобы сыновья сапожниковъ называли насъ братьями; между нами и ими такое же различіе, какое между господами и слугами.»

Третье сословіе спокойно выслушало подробности объ этой замѣчательной ауденціи. Оно рѣшило выразить благодарность своему оратору, не обращаться къ королю съ новою жалобой, и приняться за прерванныя свои занятія. Духовенство пыталось еще разъ примирить вражду, и тотчасъ же получило въ отвѣтъ, что представители третьяго сословія вовсе не имѣли въ виду оскорблять дворянство, что духовные могутъ объявить имъ объ этомъ, а имъ самимъ нѣтъ времени, и необходимо заняться составленіемъ своего журнала. Такимъ образомъ, разрывъ не прекращался; правительство не хотѣло быть судьей, но хлопотало о прекращеніи вражды, и третіе сословіе получило приказаніе короля сдѣлать шагъ къ примиренію. Между тѣмъ журналъ третьяго сословія перешелъ въ совѣтъ короля. Дворянство и духовенство утвердили всѣ статьи его, кромѣ той, которая послужила причиной разрыва. Первымъ министромъ, впрочемъ, обѣщано было, что пенсіи будутъ уменьшаться ежегодно на одну четверть, а безполезныя вовсе отмѣнены. Эта уступка открыла путь къ примиренію. Третье сословіе благодарило два другія за содѣйствіе. Его посланные высказали еще разъ, что они не имѣли намѣренія нанести обиды. Имъ отвѣчали прилично. Такъ кончился этотъ первый раздоръ, изъ котораго, правда, не могло выйти ничего важнаго въ политическомъ отношеніи, но который весьма замѣчателенъ по той

благородной и безкорыстной роли, которую играло въ немъ третіе сословіе. Въ этомъ раздорѣ всенародно, рядомъ съ дворянскою гордостью стала гордость плебейская, выросшая и воспитанная на наукѣ и на нравственномъ развитіи.

Вскорѣ родилось болѣе серьезное несогласіе, въ которомъ не принимали участія никакіе личные интересы, и раздѣлило сословія. Причиною ихъ былъ принципъ независимости престола отъ церкви, предложенный болѣе чѣмъ за триста лѣтъ тѣмъ же третьимъ сословіемъ. Составляя общій журналъ изъ провинціальныхъ, представители третьяго сословія внесли въ него первою статьей прошеніе къ королю постановить основнымъ, неизмѣннымъ закономъ независимость корлевской власти, исходящей отъ самого Бога, и объявить всякое вмѣшательство въ нее церкви, какъ напримѣръ, освобожденіе подданныхъ отъ присяги, противузаконнымъ. Основной законъ этотъ долженъ быть объявленъ и распространенъ по всему королевству. Предложеніе это было не по сердцу духовенству; оно обратилось за помощью къ дворянству, и получило обѣщаніе содѣйствія, но сопротивленіе ихъ осталось безуспѣшно; третье сословіе не хотѣло ни уступить, ни измѣнить статьи, и рѣшительно отказалось отъ предложенія послѣдовать рѣшенію Констанцскаго собора о цареубійствѣ, которымъ рѣшался вопросъ, поставленный во Франціи лигою, и оставшійся неразрѣшеннымъ Генрихомъ, вопросъ о законности королевской власти отдѣльно по праву и по православію. Статью своего журнала третье сословіе, съ президентомъ палаты и двѣнадцатью президентами провинціальныхъ бюро, препроводило въ Лувръ. Хотя Людовикъ XIII былъ уже совершеннолѣтній, но отвѣчала королева-мать, что такъ какъ статья о самодержавной независимости относится къ королю, то не помѣщать ее въ журналъ, но король принимаетъ ее согласно съ желаніемъ третьяго сословія. Это нарушеніе правъ собранія произвело замѣшательство. Въ продолженіи трехъ дней совѣщались, какъ поступить, и остановились на двухъ мнѣніяхъ: или удержать статью въ журналѣ и протестовать противъ лицъ, окружавшихъ короля и стѣснявшихъ его свободу, либо подчиниться приказанію королевы и представить только предостереженія. Большинство было бы за первое мнѣніе, еслибы не предложено было подавать голоса по провинціямъ *. Сто двадцать депутатовъ, между коими были Саваронъ и Дememъ, объявили себя противъ мнѣнія собранія, такъ какъ оно выражало мнѣніе меньшинства. Начался шумъ и безпорядокъ. Наконецъ, избранъ былъ средній путь: рѣшили не вписывать статью въ текстъ журнала, но оставить для нея мѣсто·

* Провинціи весьма разнились числомъ представителей. Вотированіе по уѣздамъ (baillage, въ которыхъ засѣдалъ уѣздный судья) было почти равносильно поголовному.

Дѣйствительно, въ древнихъ копіяхъ съ журнала, подъ рубрикою «Основные государственные законы», оставалось пустое мѣсто и замѣчаніе: Первая статья, извлеченная изъ протокола палаты третьяго сословія, отдѣльно отъ журнала представлена королю, по приказанію его, который обѣщалъ отвѣчать. Но отвѣта не было. Слабость королевы, окруженной иностранцами, отсрочила на 47 лѣтъ вопросъ о независимости престола и страны отъ домогательствъ церкви и притязаній римскаго двора. Знаменитое объявленіе духовенства 1682 года было только слѣдствіемъ настоящаго предложенія, и заключало въ себѣ не только главный смыслъ, но и многія выраженія журнала 1615 года. Мы видѣли, что иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала третьему сословію. Между тѣмъ какъ привилегированные классы получали поздравленія изъ Рима, всѣ свѣтые, здоровые умы были на сторонѣ потерпѣвшихъ пораженіе *.

Подъ той же рубрикой, основныхъ государственныхъ законовъ, въ журналѣ одного только третьяго сословія помѣщено требованіе собраній трехъ сословій всякія десять лѣтъ. Вообще, журналъ 1615 года, по значенію статей въ немъ помѣщенныхъ, напоминаетъ совѣщанія 1560 года, но превосходитъ ихъ полнотой и многосторонностью обсуждаемыхъ вопросовъ, поднятыхъ великою, историческою эпохою. Онъ представляетъ богатѣйшій матерьялъ для законодательства по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Разборъ его относится къ области юридической, и мы ограничимся нѣсколькими словами о тѣхъ только предложеніяхъ третьяго сословія, которыя не вошли въ журналы двухъ другихъ палатъ. Предложено было, чтобы архіепископы и епископы назначались, на основаніи орлеанскаго указа, изъ трехъ кандидатовъ, представленныхъ епископами провинцій, кафедральнымъ соборомъ и выборными отъ дворянства и третьяго сословія; преступленія духовныхъ должны быть разбираемы въ обыкновенныхъ судахъ; всѣ приходскіе священники обязаны представлять ежегодные списки родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ; духовные ордена должны быть лишены права пріобрѣтать недвижимое имущество; іезуиты лишались всѣхъ особенныхъ преимуществъ, и имъ предоставлялось пользоваться гражданскими и политическими правами наравнѣ съ монахами прочихъ орденовъ; они обязывались признать себя подданными короля, а начальники ихъ должны были избираться изъ природныхъ французовъ французскими

---

* Извѣстное четырехстишіе повторялось тогда всѣми, и его можно назвать пророческимъ:

O noblesse, o clergé, les ainés de la France,
Puisque l'honneur du roi si mal vous maintenez,
Puisque le tiers-état en ce point vous dévance,
Il faut que vos cadets deviennent vos ainés.

іезуитами. Дворяне и духовные, владѣющіе домами въ городѣ, должны участвовать въ городскихъ повинностяхъ. Дворяне не могутъ требовать отъ крѣпостныхъ барщины и какой бы то ни было закономъ не опредѣленной работы. Всѣ помѣщики, какъ дворянскаго, такъ и духовнаго происхожденія, обязывались отпустить своихъ крѣпостныхъ къ опредѣленному сроку и за извѣстное вознагражденіе, которое будетъ опредѣлено королевскими судьями, послѣ чего всѣ подданные короля объявляются свободными, и получаютъ право пріобрѣтать имущество, владѣть имъ и отчуждать его. Кромѣ парламента, какъ высшаго судебнаго мѣста, существуютъ только двѣ низшія степени суда. Промыслы и ремесла, стѣсненные цеховыми постановленіями 1567 года, должны быть освобождены, а пошлины съ нихъ сняты; всѣ промышленныя и торговыя монополіи частныхъ лицъ предложено отмѣнить, внутреннія заставы снять, а таможни перенести на границы государства.

Во всѣхъ этихъ требованіяхъ нельзя не видѣть стремленія къ гражданскому равенству передъ закономъ и къ свободной торговлѣ, стремленія, достойнаго нашего времени. Въ нихъ снова заявлено было требованіе о прежней муниципальной свободѣ: о правѣ избирать представителей безъ участія и присутствія королевскихъ чиновниковъ; о правѣ хранить ключи городскихъ воротъ, налагать и взимать подати безъ правительственнаго контроля, и проч. Журналъ третьяго сословія несравненно менѣе разнится отъ журнала духовенства, чѣмъ отъ журнала дворянства, и это произошло не вслѣдствіе согласія этихъ двухъ сословій, а вслѣдствіе того, что духовенство никогда не избирало прямой дороги. Оно подавало мнѣніе то за общинное право, за интересы плебейскіе, за освобожденіе бѣдныхъ, угнетенныхъ классовъ, то стояло за частныя права, и защищало дворянство. Эта шаткость мнѣній происходила отъ столкновенія личныхъ, эгоистическихъ интересовъ духовенства съ либеральнымъ для того времени духомъ его собственнаго ученія. Оно расходилось съ третьимъ сословіемъ въ вопросахъ о папской власти, о свободѣ галликанской церкви, о религіозной терпимости, о іезуитахъ, а въ прочихъ статьяхъ соглашалось.

Между обоими свѣтскими сословіями, мы уже видѣли, былъ полный разрывъ. Журналъ третьяго сословія 1615 года есть обширная программа реформъ, изъ которыхъ нѣкоторыя приведены въ исполненіе великими государственными людьми XVII вѣка, исполненіе другихъ осуществилось въ 1789 году. Журналъ дворянскихъ засѣданій заключалъ требованія о возстановленіи всего, что̀ гибло или должно было погибнуть вслѣдствіе всеобщаго прогресса и развитія. Въ немъ обозначались прежнія стремленія и прежняя сословная нетерпимость. Дворянство, какъ и всегда, пыталось нетолько защищать оставшіяся за̀ нимъ привилегіи, но вернуть Францію къ ста-

риннымъ преданіямъ феодальной эпохи, и отнять у третьяго сословія тѣ мѣста, которыми оно завладѣло. Такъ оно потребовало возобновленія всѣхъ дворянскихъ должностей при дворѣ и войскѣ, исключительно дворянскаго состава парламента, возвращенія себѣ мѣстъ даже и по муниципальному управленію, права вести торговлю съ удержаніемъ преимуществъ своего сословія, и проч. На послѣднее требованіе особенно несогласно было третье сословіе, и требовало запрещенія торговли для привилегированныхъ классовъ.

Это сословное соперничество, особенно характеризующее собраніе государственныхъ сословій 1614 года, было причиною его безсилія. Оно не имѣло никакого непосредственнаго вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ. Да еслибы дворъ молодаго короля и имѣлъ въ виду народную пользу и благотворныя реформы, то ему трудно и опасно было бы что нибудь сдѣлать, потому что требованія сословій расходились, и противурѣчили другъ другу. Чтобы извлечь что нибудь истинно полезное изъ хаоса представленныхъ требованій, нужны были и энергія, и умѣнье. Дворъ же короля имѣлъ въ виду только благопріятный случай воспользоваться раздоромъ сословій, чтобы поддержать выгодные для него безпорядки и злоупотребленія. Опасаясь, чтобы какое нибудь непредвидѣнное обстоятельство не дало почувствовать враждующимъ сторонамъ необходимость единодушія, онъ торопилъ представленіемъ журналовъ, обѣщая отвѣчать на нихъ прежде распущенія собранія. Но депутаты требовали не обѣщанія, а права не расходиться до полученія отвѣтовъ короля на свои журналы. Дворъ отвѣчалъ уклончиво, и журналы трехъ сословій были торжественно представлены королю 24 февраля 1615 года, послѣ четырехмѣсячныхъ засѣданій. На другой день депутаты собрались въ урочный часъ въ монастырѣ августиновъ, но нашли свою залу безъ мебели: стулья, скамьи, конторки были вынесены. Президентъ объявилъ, что король и канцлеръ закрываютъ собраніе. Напрасно удивленные представители обвиняли короля и дворъ, обвиняли самихъ себя въ слабости, въ недостаточной настойчивости. «Что мы такое? — говорили они; какой стыдъ, какое оскорбленіе нанесено всей странѣ въ нашемъ лицѣ; такими ли входили мы вчера въ бурбонскую залу съ нашимъ журналомъ? что намъ дѣлать?» Чрезъ 174 года * на этотъ вопросъ, при такихъ же обстоятельствахъ, раздался голосъ Сіейса: «сегодня мы то же, что̀ были вчера. Будемъ засѣдать стоя.» Но въ началѣ XVII вѣка не могло быть ничего подобнаго. Депутаты ежедневно̀ приходили въ монастырь, дѣлали предположенія, что̀ предпринять, но болѣе всего они желали, чтобы ихъ распустили по домамъ изъ города, въ которомъ нечего было дѣлать. Ихъ удерживало, впрочемъ, чувство долга; они

* 20 іюня 1787 въ залѣ Jeu de paumme.

знали, что во дворцѣ готовился отвѣтъ на журналы, и были убѣждены, что если ничего или очень мало сдѣлано будетъ въ пользу народа, то съумѣютъ всю вину сложить на ихъ отсутствіе; наконецъ, отъѣздомъ ихъ могли воспользоваться два другія сословія и вымолить себѣ разнаго рода преимущества. Они рѣшились остаться и ожидать отвѣта короля, собирались нѣсколько разъ въ разныхъ мѣстахъ, пока 24 марта не были потребованы въ Лувръ. Тамъ передали имъ, что количество статей въ журналахъ не позволяетъ королю отвѣчать такъ скоро, какъ бы онъ этого хотѣлъ, но чтобы показать свое расположеніе къ сословіямъ, онъ объявилъ, что принимаетъ главныя ихъ предложенія, уничтожаетъ продажу должностей, отмѣняетъ пенсіи и наряжаетъ судъ надъ злоупотребленіями финансоваго управленія, а объ остальномъ обѣщалъ позаботиться тотчасъ же; послѣ чего депутаты получили дозволеніе разъѣхаться. Правительствомъ ловко избраны были три эти статьи, ибо на нихъ примирялись всѣ партіи. Дворянство довольно было уничтоженіемъ наслѣдственности и продажности должностей; третье сословіе видѣло облегченіе народа въ отмѣнѣ пенсій; оба сословія желали равно преслѣдованія злоупотребленій финансовыхъ чиновниковъ. Уничтоженіемъ paulette тоже всѣ были довольны: дворянство изъ личныхъ интересовъ, духовенство по симпатіи къ дворянамъ, третье сословіе гордилось своимъ великодушнымъ пожертвованіемъ. На остальныя требованія были даны обыкновенныя обѣщанія, которыя и повезли съ собою депутаты въ провинціи. Разумѣется, что обѣщанія эти не были исполнены.

Какъ бы то ни было, собраніе государственныхъ сословій 1614 года представляетъ весьма замѣтельный фактъ въ исторіи третьяго сословія. Имъ заключился рядъ великихъ собраній средневѣковой монархіи во Франціи. Третье сословіе выказало въ немъ въ полномъ свѣтѣ возрастающее свое значеніе, образованіе, нравственную силу и политическое безсиліе. Этимъ собраніемъ замкнулась эпоха монархіи, соединенной съ представительствомъ, лишеннымъ народной и законной опоры, въ которомъ третье сословіе принимало участіе не по праву, не вслѣдствіе побѣды, а призваніемъ королевской власти. Вошедши въ собраніе недовѣрчиво, безъ борьбы, не заявивъ своей силы, оно само не придавало особой цѣны своему участію, но всегда приносило въ собраніе массу новыхъ идей, которыя изъ его журналовъ, въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ, входили въ королевскіе указы. Но такъ какъ дѣйствительной, положительной силы третье сословіе въ собраніи не имѣло, такъ какъ стремленія его къ реформамъ парализировались противудѣйствіемъ привилегированныхъ сословій, то, наученные многолѣтними опытами, плебейскіе классы вовсе перестали придавать значеніе своимъ политическимъ правамъ. До великой революціи XVIII вѣка государственныя сословія не собирались ни разу, и общественное мнѣніе не побуждало къ тому пра-

вительство. Третье сословіе съ полнымъ довѣріемъ отдалось королевской власти, выросшей исключительно при его содѣйствіи, и оставалось въ такомъ положеніи болѣе полутораста лѣтъ, пока не почувствовало несостоятельности порядка, приведшаго страну на край бездны, и не убѣдилось въ своемъ собственномъ заблужденіи — на такомъ порядкѣ основывать благоденствіе страны. Интересы королевской власти и третьяго сословія, послѣ побѣды надъ феодальнымъ правомъ, разошлись совершенно, и не имѣли уже болѣе ничего общаго.

ГЛАВА VIII.—Парламентъ въ царствованіе Людовика XIII. Министерство Ришелье. Фронда.

Съ распущеніемъ послѣдняго собранія государственныхъ сословій начинается новый періодъ исторіи третьяго сословія, въ продолженіи котораго роль собранія принимаетъ на себя Парижскій парламентъ. Призванное въ важныхъ случаяхъ къ участію въ политической жизни государства, это верховное судебное мѣсто, члены котораго назначались королемъ, съ XVI вѣка воспользовалось этимъ обыкновеніемъ, и стало считать себя представительнымъ собраніемъ, когда государственныя сословія перестали созываться. Неисполненіе обѣщаній, данныхъ послѣднему собранію, было причиною, что ожиданія и надежды народныя были перенесены на парламентъ. Дѣйствительно, онъ имѣлъ много данныхъ для симпатіи третьяго сословія: члены его выбирались изъ среды этого сословія, они занимали высшія правительственныя мѣста, отличались всегда своею честностью, гражданскою доблестью, патріотизмомъ. Не разбирая, насколько законны были его стремленія къ овладѣнію законодательствомъ и къ противудѣйствію королевскимъ повелѣніямъ, его любили за сопротивленіе честолюбію чиновниковъ и министровъ, за всегдашнюю нелюбовь къ дворянству, за привязанность къ національнымъ преданіямъ, за охраненіе государства отъ иноземныхъ вліяній и за защиту свободы галликанской церкви. Его называли верховнымъ совѣтомъ, сенатомъ, опекуномъ короля, отцемъ государства; власть его и права считались священными и неприкосновенными, какъ власть и права короля. Продажа должностей и наслѣдственность ихъ не уменьшали, а еще увеличивали эти симпатіи къ нему, ибо въ этихъ злоупотребленіяхъ видѣли новую силу для защиты плебейскихъ интересовъ, а несмѣняемость лицъ, стоящихъ за эту защиту, была большей гарантіей, чѣмъ временныя и непрочныя собранія государственныхъ чиновъ. Это было тѣмъ болѣе справедливо, что опозиція парламента не была основана на такихъ широкихъ и безпристрастныхъ началахъ, какъ опозиція собраній. Само-

отверженное рѣшеніе третьяго сословія — отказаться отъ наслѣдственности должностей, было принято сухо въ парламентѣ, и прошло съ трудомъ.

Недостатки парламента, его дворянскія замашки, эгоистическій иногда взглядъ, не мѣшали третьему сословію считать его своимъ, членовъ его своими людьми, которые не могли не желать общаго блага. Впрочемъ, надежды народа и на этотъ разъ были преувеличены, и не оправдались; да и не могло быть иначе. На что́ могъ опираться рѣзкій, свободный голосъ парламента? Въ сущности, члены его не были народными представителями, и какъ только приходила пора дѣйствовать, противиться, онъ оказывался безсильнымъ, и по необходимости обращался за содѣйствіемъ то къ принцамъ крови, то къ недовольнымъ придворнымъ или къ аристократіи. Когда онъ отказывался, во имя общественныхъ интересовъ, внести въ свой журналъ королевскій указъ, несмотря на то, что членамъ его грозили изгнаніемъ или тюремнымъ заключеніемъ, то, съ приведеніемъ угрозы въ исполненіе, роль его кончалась, если онъ не успѣвалъ заключить какого нибудь прочнаго союза. По крайней мѣрѣ, нерѣдко такъ кончалась его опозиція, то есть, тюрьмой или междоусобной войной, въ которой онъ противъ воли служилъ личнымъ интересамъ вельможъ. Этотъ плачевный исходъ часто самыхъ благородныхъ стремленій отнималъ и искажалъ вѣру въ его гражданскую доблесть, подчиняя его дѣятельность мелкимъ интригамъ и возстаніямъ дворянъ. Въ такой недостойной борьбѣ изжилъ свою силу и энергію парламентъ, благородными побужденіями котораго не умѣли и не хотѣли воспользоваться.

Четыре дня спустя по распущеніи послѣдняго собранія государственныхъ чиновъ, парламентъ предложилъ голосъ принцамъ, герцогамъ, перамъ и королевскимъ чиновникамъ въ своихъ засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ о государственныхъ нуждахъ, о службѣ королю и объ облегченіи участи народа. Это приглашеніе, сдѣланное безъ королевскаго повелѣнія, было неслыханнымъ дѣломъ; оно возбудило въ обществѣ надежды на исполненіе обѣщаній, данныхъ послѣднему собранію. Королевскій совѣтъ пришелъ въ негодованіе отъ этихъ нововведеній, и запретилъ приглашеннымъ лицамъ являться на совѣщанія. Парламентъ повиновался, но тотчасъ принялъ рѣшеніе составить актъ о своихъ предложеніяхъ. Новый указъ совѣта запретилъ составленіе его. На этотъ разъ парламентъ не уступилъ, и когда актъ былъ готовъ, то просилъ аудіенціи у короля. Его настойчивость перепугала министровъ; но, несмотря на старанія ихъ не допустить короля до выслушанія парламентскихъ предложеній, аудіенція была дана. На ней, между прочимъ, было сказано: «Государь, допущеніе въ это собраніе вольможъ вашего королевства было предложено для пользы вашего величества, чтобы представить вамъ, при содѣйствіи

тѣхъ, кто хорошо съ этимъ знакомъ, увеличивающіеся съ каждымъ днемъ безпорядки, указать вамъ существующее зло, чтобы вы могли почерпнуть въ вашей мудрости лекарства противъ него... Тѣ, которые хотятъ ослабить власть этого собранія, силятся вмѣстѣ съ тѣмъ отнять у него дарованную издавна вашими предшественниками свободу предлагать все, что̀ оно найдетъ полезнымъ для вашего государства. Мы осмѣливаемся предостеречь ваше величество отъ совѣтовъ, побуждающихъ начать первый годъ вашего совершеннолѣтія самодержавными повелѣніями, и пріучить себя къ мѣрамъ, которыми такіе добрые короли, какъ вы, государь, пользуются въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ.» Изложивъ, съ своей точки зрѣнія, свою исторію и основанное на ней право вмѣшиваться въ общественныя дѣла, парламентъ предложилъ внести свои требованія въ журналъ, и просилъ короля возвратиться во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ къ политикѣ своего отца, сохранить свою независимость отъ притязаній римскихъ и независимость королевства отъ чужеземнаго вліянія; потомъ, раскрылъ безпорядки по управленію, растройство финансовъ, расточительность, огромные подарки и пенсіоны, преграды, положенныя правосудію дворомъ и дворянствомъ, потворство королевскихъ чиновниковъ откупщикамъ и ненасытное корыстолюбіе министровъ. Въ перспективѣ онъ указывалъ на возстаніе доведеннаго до отчаянія народа, и кончилъ слѣдующими словами: «Мы умоляемъ васъ, государь, дозволить исполненіе данныхъ обѣщаній; но чтобы они не были затерты совѣтами и интригами тѣхъ, кому не нравятся, — парламентъ, для очищенія своей совѣсти предъ людьми и Богомъ, для блага вашего и всей страны, готовъ объявить имена всѣхъ виновниковъ безпорядка и раскрыть предъ обществомъ всѣ ихъ злоупотребленія.»

На другой день указомъ королевскаго совѣта парламенту приказано было вычеркнуть изъ журнала всѣ предложенія, и не совѣщаться о государственныхъ дѣлахъ безъ королевскаго повелѣнія. Парламентъ просилъ новой аудіенціи; ему отказали, и повторили тѣ же приказанія. Онъ медлилъ, ссылаясь на разныя формальности процедуры. Между тѣмъ, принцъ Конде, герцоги Вандомскій, Бульонскій, Майенскій и другіе знатнѣйшіе вельможи подняли свои провинціи во имя молодаго короля для освобожденія его изъ подъ насильственной опеки министровъ, и привлекли на свою сторону кальвинистовъ, недовольныхъ связями правительства съ римскимъ и испанскимъ дворами. Разумѣется, что протестантская партія компрометировала себя сочувствіемъ возстанію вельможъ, и такимъ образомъ начала цѣлый рядъ ошибокъ и неловкостей, которыя окончились взятіемъ Ларошели и потерею всѣхъ правъ, которыми они пользовались по Нантскому эдикту. Междоусобная война, загорѣвшаяся подъ предлогомъ защиты парламентскихъ предложеній, окончилась, послѣ страшныхъ

неистовствъ, произведенныхъ солдатами возставшей партіи, мирнымъ договоромъ въ Луденѣ. Уничтоженіе статей изъ парламентскаго журнала было отмѣнено, и король, черезъ три мѣсяца, отвѣчалъ на требованія послѣдняго собранія и на блуаское предложеніе о независимости королевской власти. Но снова ничего не было исполнено, кромѣ тайныхъ статей, по которымъ начальники возстанія получили выговоренныя себѣ мѣста, должности и шесть мильоновъ ливровъ. Дѣла пришли въ прежнее анархическое положеніе. Это былъ просто заговоръ, чтобы привести Францію въ положеніе худшее, чѣмъ оно было до Генриха IV. Одни съ радостью, другіе съ грустью повторяли, что «время королей миновало, и что настало время вельможъ.» Внутри—безпорядки, а во внѣшнихъ сношеніяхъ — отсутствіе всякаго политическаго значенія, — вотъ что представляла Франція во времена молодости Людовика XIII, когда правленіе перешло въ руки государственнаго человѣка, которому суждено было оставить по себѣ глубокій слѣдъ въ исторіи этой страны.

Кардиналъ Ришелье не былъ министромъ въ настоящемъ значеніи этого слова. Онъ былъ уполномоченный всею королевскою властью правитель. Монархія не переставала существовать, и въ то же самое время страна находилась подъ диктатурой не короля, а посторонняго человѣка, его подданнаго, даже не внесшаго въ свои цѣли никакихъ личныхъ или семейныхъ интересовъ. Людовикъ XIII, съ слабымъ, уступчивымъ нравомъ, не былъ лишенъ здраваго смысла. Это была одна изъ натуръ, требовавшихъ непремѣнно опеки и опоры. Онъ выбиралъ и бросалъ многихъ министровъ, пока не нашелъ такого, который, по его мнѣнію, повелъ государство къ цѣлямъ, представлявшимися ему самому лучшими и благороднѣйшими въ его меланхолическихъ мечтахъ. Воспитанный въ школѣ своего отца, онъ, казалось, сознавалъ свои обязанности, для исполненія которыхъ онъ жертвовалъ своей свободой, человѣческой и королевской. Нѣсколько разъ пытался онъ освободиться изъ подъ добровольно наложеннаго на себя ига, но всякій разъ добровольно же подчинялся ему, убѣждаясь болѣе и болѣе въ способностяхъ человѣка, управленіе котораго вело государство къ внутреннему благоденствію и къ внѣшнему значенію и могуществу.

Въ своихъ планахъ Ришелье далеко опередилъ самого Генриха. Онъ такъ подвинулъ впередъ дѣло народваго единства и всеобщаго равенства предъ королевской властью и закономъ, что, кажется, оно не могло уже идти назадъ. Для достиженія своихъ цѣлей ему необходимо было сломить дворянство, особенно высшее, прекратить вооруженное положеніе въ государствѣ протестантской партіи и освободить Францію отъ чужеземныхъ вліяній, то есть, дать ей возможность свободно выбирать союзниковъ. На осуществленіе этихъ плановъ Ришелье употребилъ всѣ свои способности, всѣ силы, весь геній свой.

*

Вся его жизнь есть постоянная борьба съ дворянами, съ королевскимъ семействомъ, съ верховными совѣтами. Чтобы подвести все подъ одинъ уровень, онъ поднялъ королевскую власть выше ея семейныхъ интересовъ, отдѣлилъ ее отъ всего, возвелъ въ идею, цѣль которой — всеобщее благо.

Съ этой точки зрѣнія, онъ одѣлъ королевскую власть въ безстрастную логику, въ безпощадную строгость. Онъ не зналъ помилованія, какъ не зналъ страха, и не обращалъ вниманія на обычныя юридическія формальности. Онъ заставлялъ своихъ комиссаровъ произносить смертные приговоры, казнилъ стоящихъ на ступеняхъ трона враговъ общественнаго дѣла, которыхъ считалъ своими личными врагами. Никто не можетъ сказать, насколько участвовала въ этихъ преслѣдованіяхъ его личная ненависть: никто не заглядывалъ въ его душу. Нельзя не удивляться его революціонному генію, пробивавшему пути новой жизни, но что то мрачное соединено съ его именемъ; онъ все принесъ въ жертву для достиженія своей цѣли, попиралъ правила нравственности и человѣчества, и при всемъ нашемъ удивленіи къ нему, мы не можемъ любить его.

Самые крутые реформаторы чувствовали, что для успѣха необходимо имѣть на своей сторонѣ общественное мнѣніе. Прежде чѣмъ приводить въ исполненіе свои замыслы, Ришелье хотѣлъ подвергнуть ихъ всеобщему обсужденію, чтобы придать имъ характеръ народной воли. Послѣ послѣднихъ размолвокъ сословій онъ мало надѣялся на собраніе государственныхъ чиновъ; поэтому, онъ рѣшился собрать въ 1626, по своему назначенію, 55 нотаблей (12 отъ духовенства, 14 отъ дворянства, 27 совѣтниковъ высшихъ судебныхъ инстанцій, министра финансовъ и городскаго голову Парижа), подъ предсѣдательствомъ брата короля. Въ собраніе не было призвано ни одного герцога, пера, ни одного губернатора провинціи. Предъ этимъ собраніемъ, въ которомъ болѣе чѣмъ на половину было лицъ третьяго сословія, новый министръ изложилъ планъ внутренней политики. Реформы предложены были такимъ образомъ отъ самого правительства, и заключались въ слѣдующемъ: подати не должны обременять производительные классы; въ промышленности и торговлѣ злключается благосостояніе страны, слѣдовательно, онѣ преимущественно должны поощряться; для поддержанія могущества государства необходима постоянная армія, въ которой мѣста и чины должны быть доступны всѣмъ, и которая распространяла бы и поддерживала военный духъ и въ неблагородныхъ классахъ; даны были обѣщанія уменьшить государственные расходы, увеличить морскія силы, учредить комерческія компаніи и предпринять въ странѣ канализацію; обѣщана также безопасность рабочимъ классамъ отъ самоуправства военныхъ людей введеніемъ дисциплины и правильной выдачи жалованья; наконецъ, предложено было уничтоженіе во всѣхъ провинціяхъ крѣпостей и

и замковъ, существованіе которыхъ было безполезно для защиты государства.

Тотчасъ по распущеніи нотаблей, приступлено было къ собранію законовъ и къ изданію новыхъ, которые должны были соотвѣтствовать журналамъ 1615 года, и разрѣшено было привести въ исполненіе обѣщаніе уничтожить во всемъ государствѣ крѣпости и замки, эти соколиныя гнѣзда всегда готоваго на возмущеніе дворянства. Еще прежде, Карлъ V, Людовикъ XI и Генрихъ IV нападали на эти притоны феодальнаго права; Ришелье принадлежитъ честь приведенія этой мѣры въ исполненіе. Онъ поручилъ исполненіе этого смѣлаго дѣла провинціямъ и городамъ, и по всей странѣ поднялись народныя толпы, и своими руками разрушали и разносили эти, всѣмъ ненавистныя зубчатыя стѣны, защищавшія столько вѣковъ рабство, тиранію и разбои. Рвы были засыпаны, стѣны опрокинуты; пощажены были немногіе, безопасные, которые и остались памятниками средневѣковыхъ временъ.

Между тѣмъ, законодательство шло своимъ чередомъ, и плодомъ его былъ указъ 1629 года, равный по достоинству и превосходящій объемомъ великіе указы XVI вѣка. Его уже смѣло можно назвать кодексомъ, заключающимъ въ себѣ всѣ отрасли законодательства. Составленный по мысли Ришелье, онъ въ то же время носитъ отпечатокъ народный, потому что статьи свои онъ черпалъ преимущественно изъ журналовъ послѣдняго собранія государственныхъ сословій. Въ указѣ ясно было видно, что законодатель старается примирить противуположныя требованія сословій, и ставитъ дѣло реформы въ опредѣленныя границы. Такъ, напримѣръ, указъ уничтожаетъ помѣщичье право и незаконную барщину, но не отмѣняетъ вымороченнаго права. Время совершенной свободы деревень еще не наступило, а городской свободы уже миновало! Отвѣты на требованія о возстановленіи муниципальнаго права уклончивы, и стремятся только къ введенію единообразнаго управленія по образцу парижскаго. Въ арміи введенъ демократическій элементъ освобожденіемъ дворянъ отъ исключительной военной службы и допущеніемъ въ ряды офицеровъ лицъ всѣхъ сословій. Высшіе слои третьяго сословія, приглашеніемъ къ торговымъ занятіямъ и привилегіями, отвлечены отъ исключительнаго стремленія къ занятію судебныхъ должностей. Что только возможно было сдѣлать для благоденствія страны во время Ришелье, все было сдѣлано. Занятый безчисленнымъ множествомъ дѣлъ, большихъ и малыхъ, министръ поспѣвалъ всюду съ своею неизсякаемою энергіей и извѣстною ловкостью. Кардиналъ римской церкви, онъ желалъ, чтобы французское духовенство было національно; побѣдитель кальвинистовъ, онъ казнилъ только возмущеніе, и уважалъ свободу совѣсти; членъ дворянскаго сословія, проникнутый его гордостью, онъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто бы назначеніе его было

приготовить господство третьему сословію. Въ послѣдніе годы вся его дѣятельность посвящена была поощренію торговли, наукъ, труда физическаго и нравственнаго. Онъ признавалъ равнымъ себѣ, стоящему на верхней ступени престола, только писателя и мыслителя. Шапеленъ и Гомбо говорили съ нимъ съ покрытыми головами. Но, между тѣмъ какъ поощреніемъ наукъ и торговли онъ расширилъ кругъ дѣятельности третьяго сословія, въ то же время онъ ломалъ всѣ свободныя, городскія учрежденія, всѣ преимущества провинцій, пріобрѣтенныя въ героическій періодъ муниципальной жизни. Эти мѣры были необходимы, по его мнѣнію, для введенія всесторонней централизаціи.

Что касается до внѣшней политики великаго министра, то предложенныя имъ основанія сохранились до новѣйшихъ временъ. Она такъ же жива и національна теперь, какъ была двѣсти лѣтъ тому назадъ. Основаніемъ ея было поддержаніе каждой народности, освобожденіе угнетенныхъ, уваженіе естественной симпатіи между народами одного языка и одного племени, миръ и покровительство слабымъ, война врагамъ цивилизаціи и свободы, и всѣ эти основанія внушались королю человѣкомъ, который у себя дома ратовалъ въ пользу неограниченнаго абсолютизма. На вопросъ о разширеніи границъ Франціи до естественныхъ рубежей, поднятый за триста лѣтъ и неразрѣшенный до настоящаго времени, еще Генрихъ IV отвѣчалъ: «Пусть все, что́ говоритъ на испанскомъ языкѣ, принадлежитъ Испаніи; что̀ говоритъ по нѣмецки, принадлежитъ Германіи, но все, что́ говоритъ по французски, принадлежитъ мнѣ.» Мнѣніе Ришелье на этотъ счетъ было возстановленіе Франціи въ границахъ древней Галліи. Побѣдами и переговорами достигъ онъ цѣли, къ которой стремился Генрихъ: устроить политическое состояніе Европы на недавно родившихся понятіяхъ объ общемъ равновѣсіи, для поддержанія котораго Франція должна занять мѣсто Испаніи. Вестфальскій миръ есть плодъ этой политики, хотя Ришелье и не дожилъ до его заключенія. Политическая дѣятельность министра была вѣрно оцѣнена современниками; за то тѣмъ бо̀льшее отвращеніе чувствовали они къ его внутреннему управленію. Подобно тому, какъ послѣ смерти Людовика XI, общественное мнѣніе выразилось противъ революціоннаго самовластія министра, и даже тѣ, которые должны были чувствовать на себѣ всю выгоду отъ обузданія дворянства, были возмущены деспотическими мѣрами, употребленными имъ для достиженія цѣли.

Эта реакція третьяго сословія противъ министерской диктатуры подала поводъ къ гражданской войнѣ, извѣстной подъ именемъ фронды. Четырехлѣтнее междоусобіе состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ эпохъ: одна составляетъ, по крайшей мѣрѣ по внѣшнимъ признакамъ, характеръ конституціонной революціи, другая—возстаніе, подобное временамъ малолѣтства Людовика XIII или лиги. Мы скажемъ нѣсколь-

ки словъ о первой, такъ какъ она имѣетъ тѣсную связь съ исторіей третьяго сословія. Въ іюнѣ 1648 г., четыре высшихъ правительственныхъ мѣста заключили сначала союзъ, во имя частныхъ выгодъ, для введенія и поддержанія наслѣдственности должностей еще на девять лѣтъ, но вскорѣ приняли на себя защиту общихъ интересовъ, и потребовали преобразованій. Къ нимъ присоединились и всѣ недовольные диктаторскимъ положеніемъ новаго министра. Поднялись нетолько задавленные интересы, но предъявлены были и новыя требованія. Это были жалобы народа на тягость налоговъ и дворянства—на отмѣну привилегій, преданія о собраніи государственныхъ сословій, потеря муниципальной свободы провинцій и городовъ, понятія о свободѣ, болѣе широкой, выработавшіяся вслѣдствіе прогресса и изученія права, желаніе болѣе широкихъ и прочныхъ конституціонныхъ гарантій, наконецъ, примѣръ, поданный Англіей — вотъ причины, вызвавшія междоусобіе. Вслѣдствіе этого, шестьдесятъ депутатовъ высшихъ правительственныхъ совѣтовъ предложили королю хартію. По формѣ она представляетъ насильно захваченную законодательную власть, а по содержанію, она заключаетъ въ себѣ основныя положенія новѣйшихъ хартій, ибо даетъ прямыя гарантіи противъ произвольно налагаемыхъ податей, самовластнаго задержанія и ареста гражданъ. Собраніе присвоиваетъ себѣ право veto въ финансовыхъ вопросахъ и относительно учрежденія новыхъ должностей. Такимъ образомъ, почти вся верховная власть переходила въ его руки.

Еслибы король согласился на эти условія, то высшія судебныя мѣста получили бы политическое значеніе, смягчили бы неограниченную монархію, и тѣмъ, можетъ быть, отвели бы въ сторону бурю, которую нетрудно было предвидѣть на историческомъ горизонтѣ XVIII вѣка. Но какъ бы несвоевременно ни было предложеніе этой хартіи, мы не можемъ не удивляться ораторамъ того времени, поставившимъ вопросъ о королевской власти именно въ тѣхъ самыхъ формахъ, въ какихъ встрѣчаемъ его спустя почти полтора вѣка.

Дворъ, по обыкновенію, сдѣлалъ уступку, которая оказалась поздней. Потомъ, онъ хотѣлъ возвратить потерянное арестомъ начальниковъ недовольной партіи; въ Парижѣ вспыхнуло вооруженное возстаніе, извѣстное подъ именемъ journée des barricades. Печальныя сцены временъ лиги повторились. Вотъ что пишетъ объ этомъ днѣ кардиналъ де-Рецъ въ своихъ мемуарахъ: «Всѣ, безъ исключенія, взялись за оружіе; можно было встрѣтить шестилѣтнихъ дѣтей съ кинжалами въ рукахъ, и матерей, отдававшихъ имъ оружіе. Въ Парижѣ построено было 1200 баррикадъ впродолженіи двухъ часовъ: надъ ними развѣвались знамена; люди вооружены были оружіемъ, оставшимся у нихъ со временъ лиги. На улицѣ Neuve-Notre-Dame я встрѣтилъ, между прочимъ, мальчика восьми или десяти лѣтъ, тащившаго копье, вѣроятно временъ послѣдней войны съ англичанами.» Но если ору-

жіе было временъ лиги, то идеи, во имя которыхъ взялся за него парижскій народъ, были новыя, хотя и не настала еще пора ихъ осуществленія. Король, въ указѣ 24 октября, выразилъ желаніе уступить, но его уклончивость отняла всякое довѣріе къ нему. Въ рукахъ парламента и магистратовъ сосредоточилось все управленіе Парижа, и они приняли тотчасъ энергическія мѣры для возстановленія общественнаго спокойствія: собрали подати, вооружили народъ, привели городъ въ оборонительное положеніе, организировали полицію, и сдѣлали воззваніе ко всѣмъ городамъ и провинціальнымъ парламентамъ. Но въ то же время сдѣлана была ошибка, вынужденная обстоятельствами, именно, заключенъ союзъ съ высшимъ дворянствомъ. Должно было ожидать, что этотъ союзъ выведетъ на ложную дорогу. Такъ и случилось; по крайней мѣрѣ, заслуга парламента состояла въ томъ, что онъ съ негодованіемъ отвѣчалъ на предложеніе обратиться за защитою народнаго дѣла къ внѣшнимъ врагамъ правительства. Поставленный въ несбходимость выбрать одно изъ двухъ, парламентъ рѣшился лучше примириться съ королемъ, чѣмъ заключить союзъ съ Испаніей. Король объявилъ, что созоветъ государственныя сословія, но это обѣщаніе было принято болѣе чѣмъ равнодушно третьимъ сословіемъ; ни городское, ни сельское неселеніе не приняли участія въ выборахъ, потому что не имѣли болѣе политической вѣры ни въ нихъ, ни въ самое собраніе, въ которомъ на одинъ ихъ голосъ было два голоса привилегированныхъ сословій, и рѣшились лучше отдать судьбу свою въ руки магистратовъ. Послѣдніе тотчасъ признали верховную власть парламента. Магистратъ парижскій со всѣми своими отдѣленіями принялъ на себя исполнительную власть, и овладѣлъ Бастиліей.

Днемъ гордости для парижскаго населенія и парламента былъ тотъ день, въ который принцъ крови, Конти, пришелъ стать подъ ихъ знамена, чтобы защищать общее дѣло, въ который лучшіе генералы принесли присягу фрондѣ, а великолѣпныя, блистающія красотой и происхожденіемъ дамы поселились въ Hôtel de Ville, какъ заложницы вѣрности своихъ мужей. Но это было и днемъ ошибки. Парламентъ потерялъ свое собственное достоинство, все, что̀ было искренняго и благороднаго въ востаніи, когда приняли въ немъ участіе интересы и духъ партіи мятежныхъ придворныхъ. Сенъ-жерменскій миръ заключилъ первую, логическую половину эпохи фронды, въ продолженіи которой побужденія ея клонились къ введенію постоянныхъ законовъ и къ уничтоженію личнаго произвола. Послѣднимъ актомъ ея уступлено парламенту право вмѣшательства въ государственныя дѣла, въ особенности, относительно налоговъ и податей. Но это не принесло ожидаемыхъ плодовъ, а родило новые безпорядки, потому что парламентъ не имѣлъ силы привести въ исполненіе сдѣланныхъ ему уступокъ. Послѣ благородной роли, которую онъ игралъ небо-

лѣе года, онъ невольно обратился въ орудіе своихъ придворныхъ союзниковъ. Вопросы народные уступили мѣсто личнымъ интересамъ, патріотизмъ—узкому эгоизму. Знаменитые люди, какъ Тюреннь и Конде, играли своею честью, какъ и честью страны, мѣняя партіи и призывая чужеземныя войска во Францію. Это былъ трехлѣтній хаосъ страстей и мнѣній, окончившійся избитіемъ высшей буржуазіи демагогами, подкупленными принцами.

Принципъ неограниченной монархіи былъ возстановленъ, и дѣло Ришелье, шатавшееся въ рукахъ Мазарини, могло теперь спокойно перейти въ руки короля. Со дня смерти Генриха IV до дня, въ который Лудовикъ XIV объявилъ, что будетъ царствовать безъ полномочнаго министра, прошло полвѣка. Франція сдѣлала огромные успѣхи. Въ предъидущемъ столѣтіи эпоха возрожденія наукъ и искуствъ стала достояніемъ всей Европы, и вызвала къ жизни литературу. Во Франціи изученіе древнихъ классиковъ не создало еще литературы, какъ это было въ сосѣднихъ странахъ. Въ ней случилсь это позже, когда государство окрѣпло, и заняло почетное мѣсто въ системѣ европейскихъ государствъ. Время окончательнаго созданія языка соотвѣтствуетъ въ ней созданію политики, Малербъ—Генриху. Въ то время, какъ дѣло послѣдняго продолжали Ришелье и Мазарини, мысль французская шла такъ же быстро впередъ, руководимая Декартомъ, Корнелемъ и Паскалемъ. Развитіе философіи, литературы и искуствъ имѣло непосредственное вліяніе на измѣненіе нравовъ. Образованные люди, какого бы они ни были происхожденія, получили доступъ въ верхніе слои общества, и перестали играть въ нихъ роль слугъ, покровительствуемыхъ вельможами. Предметы разговоровъ въ гостиныхъ стали болѣе серьезнаго содержанія, и такимъ образомъ, явилось новое средство для распространенія мысли, столько же могущественное, какъ и книги. Однимъ словомъ, могущественная буржуазія получила и въ свѣтскомъ мірѣ такое же вліяніе, какъ и въ правительственныхъ сферахъ. Изъ нея вышли политическія волненія во времена фронды и движенія религіозныя, высказавшіяся въ янсенизмѣ. Послѣднее ученіе, поддерживаемое лучшими умами того времени, играетъ немаловажную роль въ исторіи третьяго сословія. Въ союзѣ съ парламентской опозиціей оно усиливало и поддерживало ее до половины XVIII столѣтія, когда, подкопанное философскимъ анализомъ, само оно погибло въ революціи 1789 года.

ГЛАВА IX. — Людовикъ XIV и Кольберъ.

Царствованіе Людовика XIV есть послѣднее слово, послѣднее слѣдствіе долгихъ, взаимныхъ усилій королевской власти и третьяго сословія—привести все къ единству народному, къ единству власти и къ

единству административныхъ формъ. Дѣло, начатое Людовикомъ Святымъ и Филиппомъ-Августомъ, было закончено, и мы видѣли, какимъ путемъ оно шло, и что пріобрѣтало въ каждомъ вѣкѣ, черпая изъ народа необходимые ему элементы. Такимъ образомъ, выросъ принципъ неограниченной королевской власти, этотъ символъ французскаго единства, олицетвореніе государства въ лицѣ короля. Если принципъ этотъ и оказался враждебенъ всякой свободѣ, индивидуальной и общественной, тѣмъ неменѣе, народъ подчинился ему добровольно, и что бы ни говорили противъ него съ точки зрѣнія естественнаго права, онъ не былъ основанъ ни на насиліи, ни на обманѣ; онъ созданъ былъ самимъ народомъ, и потому, всегда былъ національенъ.

Такова была власть, принятая, послѣ 38 лѣтняго управленія двухъ министровъ, молодымъ королемъ, до того времени непринимавшимъ никакого участія въ дѣлахъ управленія. «Я рѣшился на будущее время быть своимъ первымъ министромъ, сказалъ король въ Совѣтѣ... Вы будете мнѣ содѣйствовать своими совѣтами, когда я обращусь къ вамъ за ними... Я прошу господина канцлера, и повелѣваю ему ничего не скрѣплять печатью безъ моего приказанія, а вамъ, господа государственные секретари, и моему министру финансовъ я повелѣваю ничего не подписывать безъ моего разрѣшенія.» Это обозначало желаніе работать, и работать ежедневно. Король сдержалъ свое слово, и это, быть можетъ, самая характеристическая черта его царствованія. Никогда еще государь не имѣлъ такой высокой и честной идеи о своихъ обязанностяхъ. Послѣ Генриха IV впервые была олицетворена верховная власть въ личности короля. Ришелье и Мазарини работали для отвлеченной идеи, еще никогда неосуществлявшейся. За то съ какою радостью, съ какими надеждами встрѣтилъ народъ короля, принявшаго бразды правленія; онъ видѣлъ конецъ своимъ страданіямъ, причину которыхъ относилъ къ лицамъ, посредствующимъ между народомъ и престоломъ. Никто не предчувствовалъ знаменательныхъ послѣдствій этого исполнившагося общаго желанія; никому не приходило въ голову, что принципъ, во имя котораго работали столько вѣковъ, окажется несостоятельнымъ при самомъ счастливомъ, при самомъ удачномъ его приложеніи.

Людовикъ XIV имѣлъ многія неоспоримыя достоинства, благородный характеръ, стремленіе къ порядку, любовь къ труду и знаніе сложнаго механизма государственнаго управленія до мельчайшихъ его подробностей; но ему не доставало того широкаго, самостоятельнаго, безпристрастнаго взгляда, которымъ отличались предшествовавшіе ему въ управленіи министры, особенно Ришелье. Желаніе его поступать всегда по чувству долга, ради общаго блага, было искренне, но онъ не всегда имѣлъ энергію слѣдовать своему желанію. При-

нявъ разъ въ основаніе принципъ, что собственное его благополучіе и благоденствіе государства тождественны, онъ смѣшивалъ себя съ государствомъ. Такимъ образомъ, часто голосъ страстей своихъ онъ принималъ за голосъ долга; въ интересахъ своего семейства онъ видѣлъ интересы страны, силы которой онъ приносилъ въ жертву своему безграничному честолюбію, страстной привязанности къ блеску, къ славѣ. Продолжительное его царствованіе представляетъ не мало доказательствъ на этотъ счетъ. Въ началѣ, онъ является скромнымъ, но твердымъ, любящимъ людей съ дарованіями и принимающимъ ихъ совѣты; потомъ, характеръ его измѣняется: онъ предпочитаетъ лесть— правдѣ, избираетъ не здравое и честное мнѣніе, а болѣе согласное съ своими личными выгодами; наконецъ, онъ повинуется только своимъ страстямъ, выбираетъ министровъ безъ опытности и дарованій, смѣло надѣясь, что самъ образуетъ изъ нихъ государственныхъ людей. Поэтому, царствованіе его представляетъ двѣ, почти равныя по продолжительности эпохи: эпоху величія и счастія, и эпоху униженія и бѣдствій.

Снова суждено было лицу изъ третьяго сословія дать животворныя начала государственному управленію. Кольберъ былъ главнымъ дѣятелемъ впродолженіи первыхъ двадцати двухъ лѣтъ царствованія Людовика XIV, т. е. лучшей его половины. Благоденствіе и слава Франціи росли на столько, на сколько отпечатлевалось вліяніе мысли Кольбера на волю короля. Кольберъ былъ страстнымъ поклонникомъ Ришелье. Какъ только онъ поступилъ въ совѣтъ, онъ тотчасъ поднялъ всѣ планы, всѣ предположенія великаго министра. Дѣло Ришелье было покончено только во внѣшней политикѣ. Франція получила должное мѣсто въ системѣ европейскихъ державъ, но внутреннее ея устройство далеко не соотвѣтствовало еще ея внѣшнему величію. Нужно было вызвать новые или очистить старые источники жизни финансовой, промышленной, торговой. За это дѣло взялся Кольберъ, человѣкъ не имѣвшій ни званія, ни правъ министра, покорный слуга самаго властолюбиваго изъ королей. Ришелье не былъ скованъ ничѣмъ въ своей дѣятельности; Кольберъ сдѣлалъ неменѣе среди самой тѣсной зависимости, не имѣя права пользоваться даже внѣшними выраженіями почета за свои заслуги, принимая на себя одни подозрѣнія, недоразумѣнія и несправедливость народную, отдавая другому всю прелесть успѣха, славы, благодарности.

Странный контрастъ представляютъ эти двѣ личности, соединившіяся на трудъ и общую пользу. Людовикъ, молодой, блестящій, тщеславный, любящій удовольствія, въ высшей степени gentilhomme, и его министръ, одаренный лучшими, благороднѣйшими свойствами третьяго сословія, любовью къ порядку, предусмотрительностью, бережливостью, съ манерами и привычками простаго буржуа. Со-

старѣвшись не по лѣтамъ въ мелкихъ должностяхъ *, онъ носилъ на себѣ ихъ отпечатокъ: недоступность и угловатость пріемовъ. Черты лица его были строги до суровости, но эта грубая оболочка заключала великую душу, искренюю, теплую любовь къ благу народному, неутомимую дѣятельность, честолюбіе и преданность, еще бо́льшую, чѣмъ честолюбіе **. Холодный ко всѣмъ просьбамъ, несимпатичный, глухой къ частнымъ жалобамъ, онъ дѣлался горячимъ энтузіастомъ, когда дѣло шло о счастіи народа и славѣ Франціи ***. Страна должна быть благодарна Мазарини за его послѣднее дѣло. Въ продолженіе 20 лѣтняго управленія, то въ милости, то въ опалѣ, Кольберъ давалъ жизнь, къ какой бы отрасли управленія онъ ни прикасался. Невольно удивляешься, когда познакомишься съ этою громадною дѣятельностью, представляющею въ нѣсколькихъ годахъ работу цѣлаго столѣтія. Кольберъ былъ основателемъ науки, какъ вести государственное экономическое дѣло. Мысль его, принятая королемъ, имѣла цѣлью дать народному духу средства къ развитію, открыть пути всякой дѣятельности, силамъ нравственнымъ и матерьяльнымъ.

Кольберу представлялся народъ раздѣленнымъ на два класса людей: потребителей, непроизводящихъ, избѣгающихъ всякаго рода трудъ, и производителей, споспѣшествующихъ своимъ трудомъ общему благосостоянію. Все стремленіе его было направлено къ тому, чтобы затруднить первыхъ и сколь можно поощрять послѣднихъ. Онъ уменьшилъ число и содержаніе служебныхъ должностей, чтобы отклонить отъ нихъ третіе сословіе, и направить его честолюбіе и капиталы къ торговлѣ; къ ней же онъ привлекалъ и дворянство, освобождая его отъ сковывавшихъ его предразсудковъ и мнѣній,

---

* Отецъ его былъ продавецъ суконъ въ Реймсѣ. Кольберъ учился въ Парижѣ и въ Ліонѣ, былъ потомъ послѣдовательно писцемъ у нотаріуса и прокурора, повѣреннымъ одного финансоваго управленія, потомъ секретаремъ Мазарини, который и рекомендовалъ его королю передъ своею смертью: «Je vous dois tout, sire, mais je crois m'acquitter en quelque manière en vous donnant Colbert.»

** Онъ былъ человѣкъ, не знавшій скуки и роскоши, говоритъ его біографъ, жертвовавшій собственными удовольствіями и развлеченіями службѣ государству и его интересамъ. Онъ дѣятеленъ и неподкупенъ; уклоняется отъ духа партій, и не входитъ ни въ какіе договоры безъ согласія короля, которому тотчасъ даетъ знать обо всемъ. Онъ безкорыстенъ, и имѣетъ страсть собирать и сохранять богатства для короля.

*** Монтіу приводитъ слова Кольбера: «Что касается до моего мнѣнія, то я объявляю вашему величеству, что мнѣ весьма непріятенъ праздникъ, который будетъ стоить 3 т. ливровъ. Но еслибы дѣло шло о мильонѣ золотомъ для Польши, то я продалъ бы свое имѣніе, заложилъ бы жену и дѣтей, чтобы достать ихъ», и проч.

что только для военной службы ему прилично покинуть праздность, среди которой жило оно. Всѣ законы предложено было соединить въ одинъ сводъ, подобный Юстиніанову. Съ этой точки зрѣнія должно смотрѣть на отдѣльные королевскіе указы по правамъ гражданскому, уголовному, комерческому, по управленію государственными имуществами и морской торговлей. Многіе изъ нихъ и теперь пользуются всею силой. Сначала въ должности простаго интенданта, потомъ, какъ controleur général des finances, Кольберъ распредѣлялъ и направлялъ всѣ экономическія силы въ государствѣ. Онъ внесъ взглядъ свой въ сферу высшихъ государственныхъ интересовъ; видѣлъ, что финансовыя средства должны находиться въ прямой зависимости отъ земледѣлія, промышленности и торговли, высоко цѣнилъ счастливое положеніе Франціи между двухъ морей, населенной дѣятельнымъ народомъ, для развитія и благосостоянія котораго нужно было только отмѣненіе стѣснительныхъ мѣръ, сковывавшихъ его дѣятельность. Поэтому, подати онъ основалъ не на притѣсненіи народа, а на развитіи всеобщаго довольства, и успѣлъ, несмотря на тысячи затрудненій, уменьшить подати, и въ то же время увеличить государственные доходы. Въ его планы широко входили и нравственные успѣхи народа. Онъ понималъ, что всѣ силы страны находятся въ тѣсной связи и зависимости другъ отъ друга, зналъ, какъ наука способствуетъ умноженію матерьяльныхъ богатствъ, какъ развитой вкусъ дѣйствуетъ на промышленность, искуства, ремесла. Ему принадлежитъ честь основанія: Академіи наукъ, Академіи надписей и словесности, живописи, скульптуры, архитектуры, французской школы въ Римѣ, школы восточныхъ языковъ, обсерваторіи. Онъ ввелъ въ бюджетъ постоянные расходы на пенсіи литераторамъ, ученымъ, художникамъ, и не ограничивался въ этомъ дѣлѣ одной Франціей. Болѣе подробный разборъ его дѣятельности на промышленномъ и торговомъ поприщѣ не входитъ въ планъ настоящаго изслѣдованія; поэтому, мы замѣтимъ только, что положеніемъ своимъ, какъ морской и торговой державы, Франція обязана Кольберу.

Что касается до нападокъ, направленныхъ противъ него въ послѣднее время, когда наука финансовая и политико-экономическая сдѣлали такіе громадные успѣхи, то нападки на человѣка, жившаго за двѣсти лѣтъ, когда наукъ этихъ почти не существовало, не всегда основательны. Къ тому же Кольберъ никогда не былъ теоретикомъ. Пріемы его были весьма просты: принципы домашней экономіи переносилъ онъ въ сферу государственную; они приносили видимую пользу, и онъ поощрялъ хорошо пошедшее дѣло. Быть можетъ, въ этомъ и состояло все могущество и успѣхъ предпринимаемыхъ имъ мѣръ. Его обвиняютъ въ невниманіи къ требованіямъ журнала 1614 г., въ смягченіи цеховаго, ремесленнаго права, полагавшаго основаніе свободному труду, и въ запретительной системѣ.

Чтобы отвѣчать на эти обвиненія, необходимо знать, что всѣ мѣры его были въ тѣсной связи; одна вытекала изъ другой, а теоретическое воззрѣніе не было выработано.

Если для приведенія въ исполненіе плановъ Ришелье, относительно внѣшней политики, нужна была продолжительная война, то для того, чтобы принесли плоды предначертанія Кольбера, необходимъ былъ такой же миръ. Послѣ Вестфальскаго и Пиринейскаго, казалось, что миръ былъ упроченъ на долгое время. Но въ то самое время, когда молодой король ревностно принялся за внутреннее устройство, онъ возбудилъ войну изъ за странной идеи расширенія границъ Франціи. Извѣстны права супруги его, Маріи Терезіи, и окончаніе этой несправедливо поднятой войны счастливымъ для короля Ахенскимъ миромъ (1668). Людовикъ пріобрѣлъ славу политика и полководца. Это вскружило ему голову, и было причиною, что онъ перенесъ свою довѣренность съ Кольбера на самое опасное лице въ государствѣ, Лувуа. Король съ этихъ поръ не отдыхалъ отъ войны, и во внѣшнихъ предпріятіяхъ отказался отъ національной, либеральной политики Франціи, принятой Генрихомъ IV и неуклонно проводимой Ришелье.

Въ войнахъ Людовика XIV вообще необходимо отличать поводъ отъ результатовъ, счастливыя завосванія отъ безумныхъ предпріятій. Война голландская, начавшаяся изъ мщенія, кончилась тоже благополучно, и доставила королю важныя пріобрѣтенія. Война съ Германіей, заключившаяся Рисвикскимъ миромъ, окончилась, напротивъ, потерею части территоріи. По прекращеніи царствовавшаго дома въ Испаніи, Людовикъ предпочелъ невѣрныя надежды—доставить испанскую корону своему сыну, расширенію границъ Франціи, на которое соглашалась Европа. Съ этихъ поръ, ради личной славы своей и семейныхъ интересовъ, онъ постоянно жертвовалъ счастіемъ своего народа. За то на Францію, блюстительницу общаго равновѣсія и защитницу слабыхъ, онъ призвалъ такую же ненависть всѣхъ народовъ, какую они такъ недавно еще питали къ Испаніи во время Филиппа II. Новая голландская война нанесла послѣдніе удары, какъ политикѣ Ришелье, такъ и реформамъ Кольбера, исказивъ оба великія дѣла. Уже не было никакой возможности, впродолженіи семи лѣтъ, доставлять королю средства для содержанія арміи, имѣвшей противъ себя силы всей Европы, изъ прежнихъ благоразумныхъ и честныхъ источниковъ; нужно было прибѣгнуть къ старой системѣ народнаго притѣсненія. Страна была уже разорена, а по заключеніи мира, въ то время какъ одинъ только Кольберъ могъ залечить общественныя раны, довѣренность къ нему короля исчезла совершенно. Мѣсто его занялъ человѣкъ съ замѣчательнымъ, военнымъ дарованіемъ, но съ узкимъ взглядомъ, эгоистическимъ сердцемъ, безмѣрный льстецъ, опасный совѣтникъ и плохой политикъ,

маркизъ Лувуа. Онъ подстрекалъ короля къ военнымъ подвигамъ, и возбуждалъ въ немъ любовь къ военной славѣ.

Кольберъ подымалъ голосъ здраваго смысла и политической мудрости противъ тщеславныхъ, честолюбивыхъ замысловъ противной партіи, сберегалъ остатки расхищенныхъ богатствъ, растрачиваемыхъ на содержаніе арміи, на празденства и великолѣпныя для нихъ сооруженія, но вскорѣ изнемогъ въ борьбѣ. Онъ былъ грустенъ въ прежніе веселые часы, которые проводилъ за работой. Ему ставили въ вину страстное желаніе добра, преслѣдованіе зла, его открытую рѣчь, которую прежде такъ любилъ слушать король. Много разъ выносилъ онъ всѣ признаки немилости, наконецъ, горечь оскорбленій перешла всякую мѣру, и эта благородная натура сломилась. Положеніе его вызываетъ тѣмъ большее состраданіе, что онъ сердечно любилъ короля. Въ Людовикѣ олицетворялъ онъ идею общественнаго блага, съ нимъ онъ привыкъ работать, побуждаемый одними благородными патріотическими чувствами. Теперь онъ разочаровался въ немъ, и умеръ въ этомъ разочарованіи. Передъ смертью онъ высказалъ состояніе души своей: «Еслибы я сдѣлалъ для Бога, сколько сдѣлалъ для этого человѣка, я былъ бы дважды спасенъ.» Ему принесли дружеское письмо отъ короля, который былъ въ то время боленъ. Кольберъ молчалъ, будто бы спалъ. Когда пригласили его дать какой нибудь отвѣтъ королю, онъ сказалъ: «Не говорите мнѣ болѣе о королѣ, пусть хоть теперь онъ оставитъ меня въ покоѣ. Я думаю теперь, какъ отвѣчать королю королей.» Но болѣе всего поражаетъ насъ въ судьбѣ этого человѣка то, что онъ, посвятившій всѣ силы свои, всю дѣятельность, всю жизнь свою, на благосостояніе народа, былъ непопуляренъ, былъ нелюбимъ до ненависти. Его отвезли на кладбище ночью, чтобы народъ не оскорбилъ его праха. Причиною ненависти, особенно парижанъ, были тягостные налоги, введенные со времени голландской войны, согласиться на которыя принудилъ его король и крайняя необходимость. Король былъ неблагодаренъ, народъ — тоже, но потомство справедливо оцѣнило Кольбера. Величіе не только Людовика, но и его вѣка немыслимо безъ его контролера финансовъ.

Смерть Кольбера и отмѣна Нантскаго Эдикта суть событія, которыми начинается вторая эпоха царствованія Людовика XIV. Разумѣется, что она тѣсно связана съ первою, и мы успѣли уже замѣтить перемѣну въ королѣ. Къ заслугамъ Кольбера должно еще отнести его терпимость въ отношеніи къ гугенотамъ, и защиту ихъ правъ противъ нападеній католиковъ. Побудительной причиной и здѣсь былъ болѣе правительственный тактъ, нежели философское воззрѣніе. Протестанты ближе другихъ соотвѣтствовали его идеѣ, каковы должны быть граждане. Это были люди дѣятельные, честные, болѣе или менѣе образованные, промышленные и торговые ужъ по-

тому, что служебныя мѣста имъ были менѣе доступны. Пока раздавался въ королевскомъ совѣтѣ голосъ знаменитаго министра, до тѣхъ поръ король былъ ихъ защитникомъ противъ католическаго духовенства. Характеристическія черты Людовика немедленно почувствовались и на этомъ поприщѣ, какъ только онъ пересталъ быть руководимъ геніемъ Кольбера. Король вздумалъ обратить отщепенцовъ въ лоно католичества, и какими мѣрами? насиліемъ, окончившимся отмѣной свободы совѣсти и исповѣданій: 17 Октября 1685 года есть одинъ изъ печальныхъ, черныхъ дней французской исторіи. Извѣстно, какой смертельный ударъ нанесла эта мѣра цивилизаціи и благоденствію страны: тысячи ремесленниковъ, трудолюбивыхъ, трезвыхъ, торговыхъ людей, моряковъ, капиталистовъ, оставили Францію, и унесли съ собою лучшую часть ея силъ въ чужія земли. Дѣло Кольбера было почти уничтожено. И въ какое время это было сдѣлано? Послѣ почти вѣковой свободы и терпимости, которыя клятвенно подтвердили два предшествующіе короля, въ странѣ, обогнавшей всѣ прочія своей цивилизаціей и гуманностью, въ которой, казалось, прочно отдѣлено было дѣло церкви отъ дѣла государства. Религіозная свобода гугенотовъ была и равенствомъ ихъ гражданскихъ правъ съ католиками, извѣстнымъ только во Франціи. И въ ней же первой оно такъ безумно было нарушено. На самовластный и безразсудный актъ короля историкъ смотритъ не токько какъ на преступленіе противъ страны, но и какъ на громадную политическую ошибку. Оправданіемъ короля не можетъ служить отсутствіе всякой терпимости въ другихъ странахъ, потому что Франція не только признавала свободу совѣсти, но въ ней она существовала на дѣлѣ, какъ мы уже замѣтили, около вѣка. Нельзя защитить реакцію и съ католической точки зрѣнія. Ришелье и Мазарини умѣли бороться съ протестантской партіей слишкомъ тридцать лѣтъ, а король, безъ сомнѣнія, имѣлъ болѣе могущественныя средства въ своемъ самодержавіи: Протестанты въ его время не составляли опасной партіи, католики не были настойчивѣе, чѣмъ прежде, а король сдѣлался между тѣмъ безпощаднымъ гонителемъ, и завѣщалъ Францію восемнадцатому вѣку съ цѣлымъ кодексомъ стѣснительныхъ въ дѣлѣ свободы совѣсти узаконеній.

Во всякомъ случаѣ, царствованіе Людовика XIV представляетъ замѣчательнѣйшій фактъ въ исторіи развитія монархіи. Власть его, послѣдняя цѣль стремленій Франціи къ монархическому единству, оказывается несостоятельною предъ государствомъ, расходится съ съ его интересами, не выдерживаетъ сравненія съ властью управлявшихъ до него министровъ. Ришелье и Мазарини были какъ бы диктаторами республики, личность ихъ стиралась въ идеѣ государства и въ службѣ ему. Въ дѣйствительности, они были неограниченные правители, но по праву были не болѣе какъ отвѣтственные посредники

между королемъ и народомъ. Людовикъ XIV, и по праву, и на дѣлѣ, всемогущій правитель, не былъ скованъ никакою отвѣтственностью, кромѣ своей совѣсти. Служа себѣ, онъ служилъ государству, извѣстно его: l'état c'est moi. Удивителлно ли послѣ этого, что онъ уклонился отъ началъ, положенныхъ Генрихомъ IV во внутренней политикѣ, отказался отъ свободы совѣсти и погубилъ значеніе Франціи, какъ страны, покровительствующей общеевропейскому равновѣсію и успѣхамъ цивилизацін. Франція не вмѣшивалась ни въ религіозные споры, ни во внутреннее устройство постороннихъ государствъ; такъ, мы видѣли страну католическую и монархическую въ союзѣ съ германскими протестантскими государствами и съ голландской республикой, даже съ революціонной Англіей. Съ Людовикомъ все измѣняется: общественные, народные интересы уступаютъ мѣсто личнымъ и семейнымъ выгодамъ, принципу наслѣдственной монархіи и государственной религіи.

Вотъ истинныя причины, объясняющія нарушеніе политическаго равновѣсія въ пользу французской гегемоніи, новое стремленіе ко всемірной монархіи, возобновленное послѣ попытокъ Карла V и Филиппа II, сумасбродныя предпріятія въ родѣ голландскихъ войнъ, интриги для полученія германской короны, покровительство Іакову II противъ англійской контръ-революціи, принятіе испанскаго престола для принца, неотказавшагося отъ короны французской, и проч. И всѣ эти несчастія видимо вытекали изъ начала, которому сочувствовалъ народъ, для достиженія котораго онъ употребилъ всѣ свои усилія, олицетвореніе котораго осуществилось въ государѣ любимомъ, обладавшемъ многими прекрасными качествами. Тѣмъ не менѣе, несостоятельность государственнаго принципа была очевидна. Когда царствованіе, начавшееся при такихъ счастливыхъ условіяхъ, обмануло общія ожиданія, когда увидѣли среди безплодныхъ побѣдъ все увеличивавшіяся народныя бѣдствія, когда государство было разорено, промышленность пала, торговля изсякла, когда народъ обратился въ толпу нищихъ, горькое отвращеніе замѣнило энтузіазмъ къ королю, любовь къ нему и довѣріе, и выразилось въ безчисленныхъ, язвительныхъ жалобахъ современниковъ *. Это не только на-

* Фенелонъ, въ письмахъ своихъ къ королю, говоритъ: «Народъ вашъ, котораго вы должны любить, какъ отецъ, и который до сихъ поръ страстно любилъ васъ, умираетъ съ голоду. Земледѣліе оставлено; города и деревни обезлюдѣли; торговля уничтожена. Слѣдовательно, вы уничтожили половину дѣйствительныхъ силъ вашего государства для призрачныхъ завоеваній. Самый народъ (надобно все высказать), такъ любившій васъ, такъ вѣрившій въ васъ, начинаетъ терять къ вамъ расположеніе, довѣріе, уваженіе даже. Всюду поднимается возмущеніе. Они думаютъ, что вы нисколько не сочувствуете ихъ бѣдствіямъ, и любите только вашу власть и вашу славу.»

дежда всего народа, отнятая однимъ человѣкомъ, это было доказательство несостоятельности той государственной жизни, которую вырабатывали цѣлые вѣка, которой пожертвовали политической свободой, и которой такъ сочувствовали народныя массы. Разумѣется, что тогдашнее общество не сознавало всей глубины и свойствъ кризиса, не подозрѣвало, что это только прелюдія къ будущему; тѣмъ неменѣе, рѣзкое различіе между двумя эпохами царствованія Людовика XIV представляетъ окончательный результатъ исторически проведеннаго принципа. Далѣе онъ идти не могъ, потому что исчерпалъ все свое содержаніе. Но какъ моментъ смерти есть всегда моментъ новой жизни, то въ это же самое время родились другія, противуположныя стремленія, которыя, болѣе или менѣе распространившись, охватили все общество, чтобы вести его къ другимъ, еще невѣдомымъ результатамъ.

ГЛАВА X. — Общественное значеніе царствованія Людовика XIV. Значеніе его для развитія третьяго сословія.

Такимъ образомъ, королевская власть во Франціи дошла до nec plus ultra своего абсолютизма, и ей принесены были въ жертву всѣ древнія учрежденія, независимость сословій и мѣстностей, свобода провинцій и городовъ, могущество государственныхъ сословій и парламента, и наконецъ, всякое значеніе стиравшагося предъ ней народа. Она не оправдала надеждъ и ожиданій, и изъ цѣли обратилась въ средство для достиженія иныхъ результатовъ, стала звѣномъ, связывающимъ эпоху минувшую съ наступающей. Началась новая работа, цѣль которой уже не постройка новаго знанія изъ развалинъ стараго, не уничтоженіе также и народнаго единства, но закрѣпленіе его инымъ началомъ — личной, гражданской свободой. Это было дѣломъ того вѣка, начало котораго составляютъ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV, а ближайшимъ осуществленіемъ было соединеніе всѣхъ сословій въ одно цѣлое въ верховномъ собраніи народныхъ представителей. На этой точкѣ останавливается исторія развитія третьяго сословія. Отдѣльное существованіе его исчезаетъ, какъ и само названіе. Собраніе государственныхъ сословій, окончившееся революціей 1789 года, поглотило въ себѣ частные интересы третьяго сословія, потому что принципомъ этого собранія является раціональное право. Историческія преданія были отодвинуты на второй планъ; выводы логическіе отнимали всякое достоинство у историческихъ, и подкапывали уваженіе къ нимъ. Быть можетъ, это была ошибка, но тѣмъ неменѣе, она увлекла всѣхъ и все. Да и что́ было беречь изъ принятаго наслѣдства? Всякое право но-

сило на себѣ печать привилегіи; соединеніе всѣхъ ихъ въ настоящей гражданской свободѣ могло быть предметомъ желаній двухъ первыхъ сословій, но не третьяго. Понятно, что послѣднее отказалось отъ прошедшаго, и всего ожидало отъ будущаго. Тѣмъ не менѣе, изъ его родниковъ черпались новыя начала общественнаго права, равенства и свободы. И это движеніе въ третьемъ сословіи не имѣло еще характера ревнивыхъ стремленій къ выгодамъ исключительнымъ, сословнымъ; оно не забывало классы, осужденные на вѣчную работу, для доставленія благосостоянія нѣсколькимъ, избраннымъ. Мы встрѣчаемъ, даже между дворянствомъ и духовенствомъ, личности, стоящія за этотъ несчастный народъ и за его освобожденіе, и въ ихъ стремленіяхъ видны уже зачатки новаго соціальнаго порядка и характеръ будущаго переворота. Даже при дворѣ короля, вокругъ его внука, мы встрѣчаемъ людей, проникнутыхъ симпатіей къ народнымъ страданіямъ и потерявшихъ вѣру въ непогрѣшимость старой монархіи. Одинъ изъ нихъ, воспитатель принца, Фенелонъ, начертилъ планъ новаго государственнаго устройства, состоящій изъ смѣшенія аристократическихъ претензій и симпатій къ народнымъ интересамъ, и въ этомъ духѣ воспитывалъ будущаго короля. Онъ разбивалъ административную централизацію, и предлагалъ замѣнить всѣхъ правителей и министровъ коллегіальными совѣтами. Такимъ образомъ, король становился не живымъ образомъ, не олицетвореніемъ государства, а послѣднею и высшею ступенью привилегированной лѣстницы, на которую опирался. Однимъ словомъ, проектъ этотъ есть возобновленіе феодальной монархіи. Къ счастью, исторія не привыкла ни повторяться, ни отступать назадъ, вмѣсто тэго, чтобы двигаться впередъ. Вмѣстѣ съ собраніемъ государственныхъ сословій, дѣлавшимся правильнымъ учрежденіемъ, положено было установить болѣе двадцати провинціальныхъ собраній, согласно съ новымъ раздѣленіемъ страны на провинціи. Раздѣльность сословій, при этомъ новомъ устройствѣ, обозначалась еще глубже; полная независимость духовенства въ дѣлахъ гражданскихъ, многія политическія преимущества для высшаго дворянства, предпочтительное право на занятіе служебныхъ мѣстъ для третьяго сословія, суть отличительныя черты предлагавшейся конституціи. И рядомъ съ этими предположеніями, въ которыхъ государственная жизнь, казалось, рѣшительно шагнула назадъ, предложенія, достойныя позднѣйшихъ временъ, какъ напримѣръ: подати во всѣхъ ихъ видахъ распространяются на всѣ сословія; ни духовенство, ни дворянство не освобождаются отъ нихъ, а народъ гарантируется отъ злоупотребленій чиновниковъ, собирающихъ ихъ. Права гражданъ и участіе ихъ въ управленіи страною, должны быть пропорціональны количеству платимыхъ ими податей. Этотъ проектъ, въ которомъ такъ перемѣшаны были филантропическія идеи съ кастовыми предразсудками, и который, помимо истори-

ческой и всякой логики, силился поднять упавшее дворянство на счетъ третьяго сословія, разумѣется, не могъ быть популярнымъ ни на одинъ день, еслибы и былъ приведенъ въ исполненіе, а герцогъ Бургундскій и друзья его считали эту конституцію за олицетвореніе современныхъ стремленій. Свободу слѣдовало основывать не на раздѣленіи сословій, а на смѣшеніи ихъ, не на униженіи, а на поднятіи низшихъ классовъ народа.

Со смертью дофина погибъ и проектъ, и послѣдняя надежда на новое и лучшее царствованіе. Людовику XIV не были извѣстны планы сына. Онъ радовался талантамъ и прекраснымъ душевнымъ свойствамъ принца, а объ остальномъ онъ не заботился, столько же по безпечности, сколько и по деспотизму. Онъ слишкомъ вѣрилъ въ безукоризненность началъ, завѣщанныхъ ему предками, и въ ихъ могущество. Среди своихъ праздниковъ онъ по своему все приводилъ къ равенству и къ одному общему уровню. Личныя достоинства были важнѣе для него, чѣмъ благородное происхожденіе, и онъ открывалъ широкіе пути новымъ людямъ. Онъ смѣшивалъ, а не разграничивалъ сословія. Онъ работалъ неутомимо въ пользу народнаго единства, и безсознательно подготовлялъ пути для его верховной воли. Такимъ образомъ, политика Людовика, несмотря на ея грубыя ошибки, была благоразумнѣе, нежели благородныя мечтанія реформаторовъ его времени. Останется или не останется за нимъ названіе великаго, поднесенное ему современниками, столько же изъ удивленія къ нему, сколько изъ лести, историческая личность короля производитъ сильное впечатлѣніе. Ни къ одному лицу нейдетъ такъ титулъ величества. Иногда становится досадно на обвиненія, которыя справедливо ложатся на его память, тѣмъ болѣе, что всѣ они относятся къ тому періоду его царствованія, когда государство потеряло свою силу и благоденствіе, когда король искалъ славы уже не въ завоеваніяхъ, а въ борьбѣ съ несчастіями, когда, побѣжденный на всѣхъ границахъ соединенною противъ него Европою, онъ продолжалъ войну съ непоколебимымъ постоянствомъ и самоотверженіемъ. Въ эту критическую минуту король приносилъ въ жертву свою гордость для спасенія страны отъ непріятельскаго нашествія, и готовъ былъ жертвовать самою жизнью*; наконецъ, когда къ довершенію всѣхъ ударовъ судьбы, многочислеиныя, цвѣтущія отрасли семьи его, одна за другою похищаются смертью, и бѣдствія государства доходятъ до

---

* Когда предложили королю удалиться за Луару, говоритъ Вольтеръ, въ Шамборъ, онъ торжественно объявилъ, что если постигнетъ новое бѣдствіе его войска, то онъ, несмотря на свои 74 года, соберетъ остатокъ дворянства, и поведетъ его на непріятеля, соглашаясь лучше погибнуть, чѣмъ довести до униженія Францію. (Siècle de Louis XIV).

послѣдней степени, онъ откровенно высказываетъ несостоятельность своего принципа, и сознается въ своихъ ошибкахъ.

Какъ бы то ни было, царствованіе Людовика XIV, помимо того огромнаго числа геніальныхъ дѣятелей, которыхъ оно вызвало, помимо такъ дорого купленной славы и непродолжительнаго благоденствія страны, помимо огромныхъ, сдѣланныхъ королемъ ошибокъ, представляетъ въ первый еще разъ полную систему государственнаго управленія, и за исключеніемъ погубленной имъ политической свободы, принесло огромную пользу на всякомъ другомъ поприщѣ, и не одной Франціи *. Имъ начинается историческій періодъ подражанія Франціи въ дѣлѣ общественности, нравовъ, языка, вкуса, моды. За Людовикомъ XIV старая Франція, невѣжественная, грубая, неузнаваемая теперешнимъ обществомъ; его эпоха вылила, такъ сказать, формы для новой жизни, и запечатлѣла собою надолго цивилизацію и литературу, науки и искуства, индустрію и гражданскій порядокъ, военныя силы морскія и сухопутныя. Но замѣчательнѣйшимъ дѣломъ этой эпохи было сближеніе и смѣшеніе сословій; оно разрушило мирными путями замкнутость дворянства, заставило его, безъ видимаго принужденія, служить при дворѣ и въ войскѣ, хотя въ обоихъ случаяхъ почести и заслуги основаны были не на рожденіи, а на личныхъ достоинствахъ. Маршалы, изъ какого бы они ни были сословія, стояли выше герцоговъ; министры, вышедшіе изъ третьяго сословія, признавали выше себя только принцевъ крови, жены ихъ приглашались къ королевскому столу. Производство въ арміи основано было не на происхожденіи отъ высшаго или низшаго дворянства или простаго народа, а на очереди, по старшинству, либо за дѣйствительное отличіе по службѣ. Древняя аристократія, удаленная отъ дѣлъ, не имѣла ни политической власти, ни вліянія. Освобожденіе ея отъ нѣкоторыхъ податей было только кажущееся. Награжденіе ея орденомъ Св. Духа осталось единственною, видимою ея привилегіей. Господскія права были менѣе выгодны для нея, нежели тягостны для деревень. Писатель **, вышедшій изъ рядовъ ея, называетъ царствованіе Людовика XIV *царствованіемъ подлой буржуазіи*, слова, имѣющія глубокій смыслъ и доказывающія переворотъ, случившійся со времени Ришелье и фронды.

По мѣрѣ того какъ низводилось дворянство, возвышалось вліяніе среднихъ классовъ. Ими данъ былъ толчекъ всеобщему развитію. Вмѣстѣ съ успѣхомъ ихъ и могуществомъ, росло и довѣріе къ нимъ. Явленіе это поразило замѣчательнаго моралиста того времени, Лабрюйера, который постоянно повторялъ, что между тѣмъ какъ работа кипитъ въ рукахъ дѣятельныхъ низшихъ сословій, высшее дво-

---

* Histoire de la civilisation en Europe. Guizot. 14 Leçon.

** Memoires de Saint-Simon.

рянство погружается все болѣе въ лѣнивую дремоту. Почти всѣ министры той эпохи, многія знаменитости на военномъ поприщѣ, а на ученомъ и литературномъ рѣшительно всѣ, за исключеніемъ трехъ, вышли изъ буржуазіи *. Этому вліянію третьяго сословія содѣйствовалъ не мало самъ король поощреніемъ всякому умственному развитію. При содѣйствіи Кольбера, онъ обезпечилъ участь ученыхъ людей, литераторовъ и художниковъ правильными пенсіонами и всякаго рода наградами. Онъ допустилъ ихъ ко двору, включилъ Французскую Академію въ число главныхъ государственныхъ учрежденій. Своимъ покровительствомъ и ласковымъ обращеніемъ онъ облагородилъ званіе литератора, а вкусомъ и здравымъ смысломъ давалъ направленіе ихъ дѣятельности. Новые обычаи, нравы, понятія перестали быть удѣломъ немногихъ гостинныхъ, а проникали во всѣ классы общества, въ жизнь, стирали ихъ оттѣнки, умѣряли неприступность и уединенность привилегированнаго дворянства, сглаживали неловкость и угловатость въ обращеніи людей, вышедшихъ изъ третьяго сословія, по которымъ прежде такъ легко можно было отличить ихъ. Утонченная вѣжливость стала отличительнымъ свойствомъ всякаго порядочнаго человѣка, провинціальныя оттѣнки сгладились, удовольствія и развлеченія сдѣлались изысканнѣе, вліяніе французскихъ нравовъ распространилось на всю Европу.

Все это чрезвычайно какъ способствовало развитію общественнаго мнѣнія, начинавшаго оказывать дѣйствительную силу. И въ этомъ отношеніи главную роль играла столица; въ нее стекалась огромная масса иностранцевъ и провинціаловъ, развозившихъ правила новой жизни, общественной и политической, по своимъ странамъ и провинціямъ, всегда готовымъ съ тѣхъ поръ подражать всему, что́ было принято въ Парижѣ. Такимъ образомъ, незамѣтно былъ нанесенъ послѣдній ударъ древнимъ особенностямъ провинціальнаго быта и управленія. Хотя послѣ Людовика XVI и остались нѣкоторыя исключительныя мѣстныя собранія, но значеніе ихъ совершенно блѣднѣло предъ существеннымъ могуществомъ королевскихъ интендантовъ. Развѣ только въ Бретани, и то вслѣдствіе особыхъ историческихъ причинъ, эти древнія учрежденія, направленныя противъ центральной власти, дѣлали слабый отпоръ, но безъ всякихъ рѣшительныхъ послѣдствій.

Со временъ Генриха IV до послѣднихъ годовъ царствованія Людовика XIV муниципальное право не подвергалось никакимъ измѣненіямъ. Правда, что къ нему былъ приставленъ самый бдитель-

---

* Корнель, Паскаль, Мольеръ, Расинъ, Лафонтенъ, Буало, Боссюетъ, Бурдалу, Флешье, Массильонъ, Лабрюйеръ, Арно, Николь, Дома; артисты: Пуссенъ, Лезюёръ, Лорренъ, Шампань, Лебрёнъ, Пюже. Три имени, составляющія исключеніе: Фенелонъ, Ларошфуко и М-me де-Севинье.

ный надзоръ королевскихъ чиновниковъ, но свободный принципъ его, основанный на избраніи, не былъ затронутъ. Какъ вдругъ послѣдовала болѣе финансовая, чѣмъ политическая мѣра, низведшая его на степень учрежденія временнаго и условнаго. Во время войны съ Германіей правительству пришла мысль, для покрытія военныхъ издержекъ, захватить въ свои руки магистратуру и всѣ должности въ городахъ, какъ и въ деревняхъ, обратить ихъ въ наслѣдственныя, и продавать ихъ какъ можно дороже частнымъ лицамъ и самимъ городамъ. Города обязаны были принимать наслѣдственныхъ королевскихъ чиновниковъ, если не хотѣли заплатить откупной суммы. Для того же, чтобы заохотить ихъ, лицамъ, занимающимъ должности, дали почетный титулъ государственныхъ совѣтниковъ, расчитывая, съ одной стороны, на честолюбіе богатыхъ горожанъ, а съ другой—на привязанность городовъ къ своимъ незапамятнымъ льготамъ. Во всякомъ случаѣ, рѣшительная мѣра эта была вынуждена критическимъ положеніемъ финансовъ и несостоятельностью правительства, несмотря на популярность его формъ. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ неудовольствіе не заявило себя возмущеніемъ. Всюды слышны были болѣе или менѣе горькія жалобы, но покорность правительству оказалась повсемѣстною. Тѣмъ не менѣе, города, большіе и малые, считали своей обязанностью выкупить свои свободныя права, какъ ни тягостна была для нихъ выкупная сумма. И что замѣчательно, что правительство, какъ бы сознавая всю свою несправедливость, поощряло этотъ выкупъ, оставляя преимущественно за городами право получать обратно свои привилегіи.

По смерти Людовика XIV, городское управленіе представляло странное смѣшеніе и несообразныя противуположности. Многіе города, которые въ состояніи были выкупить свои преимущества, удержали право выборовъ, другіе имѣли управленіе наслѣдственное, въ третьихъ однѣ должности были избирательныя, другія наслѣдственныя. Эти безпорядки и противурѣчія, вызванныя распоряженіями самой верховной власти, были на первомъ планѣ при преобразованіяхъ, потребованныхъ отъ новаго правительства. Въ 1716 г. регентъ, управлявшій страною, во имя малолѣтняго Людовика XV, возстановилъ всѣ муниципальныя права и городское управленіе въ томъ видѣ, въ какомъ они находились до 1690, не обращая вниманія, были ли они выкуплены, или нѣтъ. Мѣра эта, какъ бы оправдывавшая общія жалобы на сдѣланную городамъ несправедливость, казалось, упрочивала ихъ свободу на будущее время. Но это была только иллюзія. Правительство не забыло, что его финансовая операція удалась вполнѣ, что города охотно выкупали свои дорогія права, и не поднимали знамя возстанія. А потому, не болѣе какъ черезъ шесть лѣтъ по возвращеніи городамъ ихъ свободы, ее снова у нихъ отняли. Новый королевскій указъ говорилъ: «Необходимость забо-

титься о правильномъ взносѣ недоимокъ и о потушеніи государственнаго долга вынуждаетъ насъ пріискать для того приличныя мѣры, и мы находимъ самое вѣрное и менѣе тяжелое для народа средство въ возстановленіи различныхъ должностей, упраздненныхъ при нашемъ вступленіи на престолъ.» По крайней мѣрѣ правительство было на этотъ разъ чистосердечно, говорило безъ лицемѣрія, что это чисто финансовая операція. Тѣмъ не менѣе, опредѣлена была на будущее время судьба этихъ конфискацій: онѣ стали послѣднимъ средствомъ добыть деньги въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Продажа должностей и возвращеніе ихъ сдѣлались какъ бы игрушкой правительства, которое стращало введеніемъ наслѣдственныхъ должностей и брало выкупъ, вводило ихъ, несмотря на свои обѣщанія ихъ неприкосновенности, и все таки брало деньги, наконецъ, давало свободу, и снова продавало ее. До самой революціи не проходило и шестнадцати лѣтъ, чтобы съ городовъ не брали выкупа за свободу. Всѣ выборы производились, имѣя уже купленные у правительства бланки на занятіе каждой должности.

Древнее муниципальное право, какъ ни дорожили имъ города, перестало быть живой струей, изъ которой выходило развитіе третьяго сословія и всего народа. Съ древнихъ временъ оно было колыбелью политическаго значенія низшихъ сословій, но въ настоящую эпоху роль его кончилась, значеніе было утрачено. Всѣ усилія городовъ выкупать свое право цѣною огромныхъ пожертвованій не приносили никакой видимой пользы, и жалобы, раздававшіяся противъ нарушенія муниципальной свободы, показывали только оскорбленное чувство гражданъ и ихъ любовь къ городскимъ льготамъ, считавшимся народной святыней.

Но если муниципальное право не могло оправиться отъ ударовъ, нанесенныхъ ему Людовикомъ XIV, то этого не могло случиться съ великимъ судебнымъ учрежденіемъ, въ которомъ наиболѣе выразился духъ третьяго сословія. Парламентъ, рѣзко остановленный королемъ, когда онъ заявилъ политическія требованія, поддался только на время, и послѣ смерти короля возсталъ еще съ большей противъ прежняго энергіей. Могущество свое черпалъ онъ, какъ изъ преданій своей исторической жизни, такъ и изъ стремленій демократическихъ. На основаніи первыхъ, онъ поддерживалъ свои корпоративные и семейные интересы вслѣдствіе наслѣдственности должностей; на основаніи вторыхъ, онъ не переставалъ выказывать симпатію къ сословію, изъ котораго вышелъ. Послѣднимъ объясняется любовь къ нему народа за его служеніе общему дѣлу, гражданскому равенству и національной независимости. Исторія парламента, какъ мы видѣли, представляетъ съ XIII вѣка медленный, но прочный прогрессъ. Значеніе его росло вмѣстѣ съ королевскою властью: онъ освѣщалъ ей путь, и пытался направлять ее. Въ XVI столѣтіи его контроль

въ законодательствѣ, его представленія, прежде внесенія въ журналъ новаго закона, если не были признаваемы королями, то получали силу и значеніе протеста. А какъ, кромѣ королевскихъ указовъ, вносились въ него и папскія буллы, одобренныя верховною властью, и трактаты, заключаемые съ иностранными государствами, то парламентъ получилъ доступъ во всѣ отрасли государственнаго управленія *. Онъ присвоилъ себѣ мало по малу право считать себя народнымъ покровителемъ и защитникомъ, посредникомъ между королемъ и страною, между престоломъ и церковью, хранителемъ законовъ. Его стремленія, сдержанныя министерствомъ Ришелье, еще рѣзче и шире выказались, какъ мы видѣли, во времена фронды. Объявивъ вначалѣ свое мнѣніе, что онъ въ маломъ видѣ есть постоянное собраніе государственныхъ чиновъ, когда послѣднее потеряло довѣріе народа, онъ сталъ считать себя выше собранія, какъ намъ ни покажется парадоксальнымъ съ виду такое стремленіе **.

Смуты во время молодости Людовика XIV, сдѣлавшія на него неизгладимое впечатлѣніе, возбудили въ немъ ненависть къ парламенту за его опозицію. Въ 1655 году, когда ему было не болѣе семнадцати лѣтъ, и когда онъ не принималъ еще правленія въ свои руки, онъ узналъ въ Венсенѣ о преніяхъ въ парламентѣ по случаю его указа о монетѣ. Министръ предполагалъ, что такъ какъ учрежденъ особенный совѣтъ о монетномъ дѣлѣ, то королевскій указъ не подлежитъ обсужденію парламента. Людовикъ сѣлъ на коня, прибылъ въ Парижъ, вошелъ въ сапогахъ и съ хлыстомъ въ рукахъ въ собраніе, и обратился къ президенту такъ: «Всѣмъ извѣстны бѣдствія причина которыхъ ваши засѣданія; я повелѣваю прекратить тѣ, которыя начались по случаю моихъ указовъ. Господинъ президентъ, я запрещаю ихъ, а вамъ, сказалъ онъ, обратившись къ совѣтникамъ,

---

* Францискъ I предложилъ на разсмотрѣніе всѣхъ парламентовъ королевства заключенный имъ Мадридскій договоръ—и вслѣдствіе несоблюденія формальностей при внесеніи его въ журналъ, считалъ себя вправѣ нарушить свое рыцарское слово, данное Карлу V, и объявить договоръ недѣйствительнымъ. А право парламента вносить въ свой журналъ буллы, и дѣлать представленія въ религіозныхъ вопросахъ сдѣлало его стражемъ свободы галликанской церкви.

** Во время созванія собранія государственныхъ сословій въ 1649 году, Руанскій парламентъ писалъ Парижскому, и спрашивалъ его, долженъ ли онъ послать членовъ своихъ въ собраніе. Вотъ мнѣніе президента Демема: «Парламенты никогда не посылали своихъ депутатовъ въ собраніе государственныхъ сословій, ибо они состоятъ изъ всѣхъ сословій, стоятъ выше собранія, и повѣряютъ его требованія. Собранія дѣйствуютъ только просьбами, говорятъ на колѣнахъ, какъ подданные, парламентъ выше ихъ, потому что онъ посредникъ между королемъ и народомъ.

я запрещаю требовать ихъ.» Поступокъ этотъ въ высшей степени характеризуетъ короля. Когда онъ принялъ въ свои руки власть, то на парламентъ тотчасъ посыпались удары, если не такіе рѣзкіе и суровые, то болѣе положительные и прочные. Прежде всего, Людовикъ перемѣнилъ его названіе «верховнаго совѣта» на «высшій совѣтъ», потомъ, отнялъ у него право дѣлать представленія прежде внесенія въ журналъ. Это значило отнять у него всякую политическую роль, и обратить его просто въ высшее судебное учрежденіе. Парламентъ протестовалъ: — это былъ послѣдній крикъ умиравшей свободы. Въ продолженіи остальныхъ сорока двухъ лѣтъ царствованія не было и тѣни опозиціи парламента; всѣ указы вносились въ журналы безусловно, а слѣдовательно, и приводились въ исполненіе безотлагательно и безъ всякихъ преній. Но это молчаніе не означало политической смерти парламента: на другой день по смерти короля онъ схватилъ свое прежнее значеніе, и добылъ потерянную свободу. Онъ уничтожилъ завѣщаніе короля, какъ семьдесятъ лѣтъ назадъ уничтожилъ завѣщаніе его отца, принялъ снова и сохранилъ съ тѣхъ поръ свое почетное названіе верховнаго совѣта, которое, казалось, давало ему право участвовать въ дѣлахъ королевской власти. Вмѣшательство его въ государственныя дѣла никогда не было такъ часто и опозиція такъ упорна. Могущество его, основанное на сочувствіи къ нему общественнаго мнѣнія, усиливалось, по мѣрѣ того, какъ королевская власть слабѣла. Парламентъ остался единственнымъ уцѣлѣвшимъ съ древнихъ временъ учрежденіемъ. Онъ не потерялъ ни силы, ни народной любви, и составлялъ естественное законное звѣно, связывавшее эпоху неограниченной монархіи съ эпохою собраній государственныхъ сословій, призванныхъ имъ въ послѣдній разъ предъ открытіемъ революціи, въ которой самъ онъ распустился.

Изъ представленнаго очерка исторической судьбы третьяго сословія до такъ называемой первой французской революціи можно видѣть, что главныя основы и фазы развитія его заключаются въ слѣдующемъ: третье сословіе выросло изъ сѣмянъ германскаго происхожденія, развившихся на почвѣ римской; прежде, оно составляло весь народъ, за исключеніемъ привилегированныхъ сословій; въ борьбѣ съ феодальными учрежденіями оно искало опоры въ королевской власти, и болѣе всего способствовало развитію ея въ новѣйшую монархію; оно почти постоянно шло въ тѣсномъ союзѣ съ ней, потому что въ ней одной видѣло возможность достигнуть до исполненія самыхъ пламенныхъ своихъ стремленій. Стремленія эти заключались: въ общемъ единствѣ или равенствѣ гражданскихъ правъ, для полученія котораго оно жертвуетъ даже личной политической

свободой; въ единствѣ власти, олицетворенной въ свободной личности короля, въ единствѣ административномъ, стиравшемъ всѣ мѣстныя областныя отличія и преимущества, всѣ сословныя привилегіи; въ единствѣ религіозномъ, и наконецъ, въ политической независимости, какъ церкви, такъ и государства; однимъ словомъ, во всемъ томъ, что разумѣется въ настоящее время подъ именемъ централизаціи. Олицетвореніе этихъ стремленій, осуществленіе шестивѣковой работы происходитъ въ царствованіе Людовика XIV, и первая, счастливая его половина, казалось, оправдала ожиданія народныя; судьба общества, казалось, вышла на настоящій путь, по которому съ этихъ поръ неуклонно должна была идти къ общему благосостоянію. Французскій народъ, казалось, отыскалъ форму общественной организаціи, разрѣшилъ окончательно судьбу свою.

И вдругъ все это рушится: цѣль народной жизни и общественныхъ стремленій оказывается несостоятельной; найденная форма не имѣетъ содержанія, задача далеко не разрѣшена, вѣрованія подкопаны и убиты. Что же это было? Историческій капризъ, неимѣвшій, повидимому, никакого раціональнаго основанія? Шестивѣковая историческая ошибка великаго народа? Ни то, ни другое: путь былъ вѣренъ, національенъ, и потому, логиченъ. Невѣрно было только то, что путь принимался за цѣль, принципъ неограниченной монархіи за конечный результатъ стремленій и революцій. Онъ оказался звѣномъ, связывающимъ двѣ эпохи, различныя по формѣ, по внѣшнему виду, но одинакихъ по содержанію, которое было всегда одно и непреложно во всѣхъ обществахъ: развитіе, стремленіе къ благоденствію. Народъ увидѣлъ, что дальнѣйшая судьба его вовсе не связана такъ тѣсно съ его политическими вѣрованіями, какъ онъ воображалъ, что онъ долженъ разубѣдиться въ ихъ непогрѣшимости. И какъ всегда бываетъ, онъ ударился въ противуположную крайность — онъ сталъ отрицать совершенно тотъ принципъ, надъ которымъ самъ же работалъ нѣсколько вѣковъ; онъ положилъ другой въ основу своего будущаго развитія, наполнившій собою всѣ послѣдующія стремленія къ общественному пересозданію; это принципъ верховной власти всего народа, выразившійся въ suffrage universel, самоуправленіе въ обширномъ значеніи этого слова. И эти крайнія убѣжденія, послѣднее слово всякой исторической жизни, несмотря на свою непримѣнимость, въ слѣдующую за неограниченной монархіей эпоху понятны, объясняются логически, особенно, если принять во вниманіе характеръ самого народа. Но почему же новымъ идеямъ тотчасъ же не занять должнаго имъ мѣста въ политическомъ устройствѣ общества? что мѣшаетъ, или что можетъ мѣшать ихъ осуществленію? Неужели не покончена еще борьба съ феодальными предразсудками, съ преимуществами благородныхъ сословій? Вотъ тутъ то и встрѣчаемся мы лицемъ къ лицу съ тѣми

ошибочными, эгоистическими стремленіями третьяго сословія, исказившими главный характеръ его, бывшій единственной причиной его успѣховъ, значенія, могущества, власти. Эта ошибка есть разъединеніе третьяго сословія, распаденіе его на касты, которыя заняли такое же положеніе въ обществѣ, какъ касты феодальнаго періода. Если окончательно было убито, уничтожено древнее дворянство, съ его исключительными, политическими правами, то на его развалинахъ выросло дворянство третьяго сословія, такъ называемая буржуазія, и, занявъ его мѣсто, приняла его недостатки и страстное желаніе исключительной власти. Если она не усвоила отъ него той же замкнутости, недоступности въ свой кругъ, если удержала прежнюю отличительную черту свою — допущеніе въ ряды свои всѣхъ, успѣвшихъ пріобрѣсть свободу и власть, то тѣмъ не менѣе, свобода и власть получались не на прежнемъ основаніи: значеніе, права, власть покупались за деньги; прежнее стремленіе всего народа къ участію въ общественныхъ дѣлахъ исказилось, явились стѣсненія экономическія, ценсъ, явилось завистливое желаніе людей капитала и административнаго значенія удержать власть исключительно за собою. Вопросъ гражданскій обратился въ экономическій и соціальный.

Тѣмъ не менѣе, главная, существенная заслуга третьяго сословія состоитъ въ томъ, что оно въ лучшіе историческіе моменты не забывало своей связи и родства со всѣмъ народомъ; оно считало защиту его дѣломъ совѣсти, гражданскою доблестью. Оно освободило его отъ господскаго права сеньоровъ и всѣхъ его злоупотребленій, и при каждомъ удобномъ случаѣ заявляло свою политическую солидарность, за которую стояло и въ эпоху первой революціи.

Исторія третьяго сословія проливаетъ много свѣта на это послѣднее событіе, и объясняетъ многія его явленія. Еще весьма недавно многіе замѣчательные умы отыскивали основныя причины французской революціи прошлаго столѣтія въ философскомъ движеніи умовъ XVIII вѣка, въ сочиненіяхъ Вольтера, Руссо, Дидро и энциклопедистовъ, въ запутанности финансовъ, въ расточительности царствованія Людовика XV и въ другихъ историческихъ явленіяхъ, имѣвшихъ болѣе или менѣе близкое вліяніе на характеръ и ходъ революціи; но никто, до Огюстена Тьери, не объяснилъ истинныхъ причинъ этого переворота и важной роли, которую играло въ немъ третіе сословіе. Послѣ историческихъ изслѣдованій французскаго ученаго, оказывается, что это великое историческое событіе вовсе не было катастрофой, неожиданно обрушившейся на общество прошлаго столѣтія, вызванной самыми ближайшими къ нему по времени событіями; оно не начинаетъ собою эпохи политическихъ революцій, которыя будто бы составляютъ главное содержаніе дальнѣйшей исторіи человѣческихъ обществъ, но тѣсно связано со всею прошедшей исторіей третьяго сословія, вытекаетъ изъ нея, какъ необходимое слѣдствіе.

Переворотъ 1789 года теряетъ характеръ исключительной революціи. Достаточно привести въ доказательство стремленія третьяго сословія со временъ перваго замѣчательнаго революціонера, Марселя, содержаніе и цѣль преній въ собраніи государственныхъ чиновъ, характеръ опозиціи парламента, духъ преобразованій Людовика XI, Лопиталя, Генриха IV, Ришелье, самого Людовика XIV, чтобы убѣдиться, что революція во Франціи началась гораздо ранѣе конца XVIII столѣтія, что она входитъ въ содержаніе всей ея исторіи, и только грозный характеръ послѣдней, особенно поразившій современниковъ, далъ ей привилегію исключительной революціи. Если сравнить ее съ движеніемъ, напримѣръ 1357 года, то нельзя не узнать родственности этихъ событій; тотъ же духъ, тѣ же стремленія, та же роль Парижа, та же энергія, то же вѣрованіе третьяго сословія въ спасеніе отъ феодализма въ королевской власти. Третіе сословіе сознавало ясно, что безъ помощи королевской власти не побѣдить ему дворянъ и бароновъ, не разрушить феодальныхъ привилегій; къ тому же, монархическій принципъ былъ національенъ, въ него вѣрили, его любили. Правда, что завоеванная централизація оказалась несостоятельною, но никто не станетъ отвергать, что стремленія къ ней германо-романскихъ народовъ, и во главѣ ихъ французовъ, какъ стремленія къ федеральной раздѣльности и къ самоуправленію германскаго и англосаксонскаго племени, лежали въ основѣ характеровъ этихъ народовъ, что они національны. Исторія третьяго сословія ясно доказываетъ это. Мало того, теперь, когда стремленія эти оказались гибельны, нелегко освободиться отъ нихъ цѣлому народу, и пройдетъ еще много времени, пока не совершится полное освобожденіе отъ преданій, которыми жили, которымъ вѣрили столько вѣковъ. Помимо всѣхъ злоупотребленій, третіе сословіе сдѣлало великое дѣло: оно сплотило въ одну гранитную массу великій народъ, оно всѣми своими силами помогало развитію монархической власти и централизаціи, на которыя не иначе можно смотрѣть, какъ на ростъ, на приготовленіе, на переходную ступень; оно внесло въ новѣйшую жизнь политическое равенство, привело всѣ сословія къ одному юридическому уровню, оно рѣшилось лучше потерять политическую, личную свободу, нежели удержать ее за собою со всѣми сословными привилегіями; это было, быть можетъ, равенство рабства, но оно вело къ ближайшему общему освобожденію; по пути оно выработало новѣйшую цивилизацію, науку, искуство, приготовило матерьялы для будущихъ общественныхъ построекъ; наконецъ, оно опредѣлило и характеръ грядущихъ преобразованій вопросами экономическими и соціальными. Самое раздвоеніе третьяго сословія, явленіе четвертаго сословія, которому все чаще и основательнѣе даютъ названіе сословія народа, ибо оно приняло на себя роль опозиціи, и его дѣйствительно составляетъ народъ, есть явле-

ніе новѣйшее, впервые опредѣлительно обозначившееся послѣ іюльской революціи. До 1789 года третіе сословіе дѣйствительно составляло народъ: это было до того справедливо, что при собраніи государственныхъ чиновъ 1787 года, депутаты дворянства и духовенства получили отъ короля приказаніе присоединиться, мало того, слиться * съ представителями третьяго сословія, и составить одно общее, національное собраніе, въ которомъ и распустилось третіе сословіе **. Дальнѣйшая судьба его измѣняется совершенно. Оно утратило свой своеобразный характеръ, интересы его изъ общихъ сдѣлались частными, оно теряетъ даже свое названіе, и изъ третьяго сословія становится сословіемъ среднимъ, то есть, посредствующимъ, его исключительно стали называть буржуазіей, оно разошлось съ народомъ, забыло про него на другой день послѣ своей побѣды, и на собственныхъ привилегіяхъ и общемъ притѣсненіи, подобно средневѣковому дворянству, основало свое царствованіе.

---

* Въ возникшихъ преніяхъ, какъ подавать голоса, вопросъ рѣшился въ пользу третьяго сословія: подача объявлена не по сословіямъ, а общая.

** 17 іюня 1789 года.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Я вовсе не имѣлъ въ виду, какъ я уже упомянулъ въ моемъ *Введеніи*, представить въ настоящемъ случаѣ полнѣйшую библіографію политической экономіи, но возможно болѣе полную, какая только существуетъ для изученія науки, такую, въ которой не было бы упущено ни одного сочиненія, имѣющаго первостепенное значеніе. Всѣ упоминаемыя въ ней книги прочитаны мною, и я старался оцѣнить ихъ достоинство въ краткихъ замѣчаніяхъ и характеристикахъ. Читатель получаетъ, такимъ образомъ, возможность избрать необходимое ему сочиненіе, и судить, насколько оно заслуживаетъ серьезнаго изученія. За подобный трудъ никто еще не рѣшался взяться, во первыхъ, потому что онъ представлялся крайне длиннымъ и кропотливымъ, а во вторыхъ, потому что бо́льшая часть старыхъ политико-экономическихъ сочиненій сдѣлалась весьма рѣдкой: достаточно сказать, что въ Королевской (нынѣ Императорской) Парижской библіотекѣ не имѣется ни одного оригинальнаго экземпляра *Экономической таблицы* Кене. Частныя библіотеки оказали мнѣ огромную услугу.

Я тщательно сохранилъ заглавіе всѣхъ сочиненій на томъ языкѣ, на которомъ они были написаны, и обозначалъ по французски только тѣ изъ иностранныхъ книгъ, которыя были переведены, чтобы освободить отъ чтенія ихъ въ оригиналѣ *. Я надѣюсь, что можно смѣло довѣриться моимъ

---

* Въ библіографіи, прилагаемой къ русскому переводу настоящаго сочиненія, я руководствовался тѣмъ же правиломъ, припятымъ всѣми лучшими каталогами, и привелъ заглавіе на русскомъ языкѣ только тѣхъ сочиненій, которыя были переведены на этотъ языкъ. Сверхъ того, я внесъ въ настоящую библіографію сочиненія, вышедшія послѣ третьяго

критическимъ разборамъ и отзывамъ о нихъ, ибо я старался сдѣлать ихъ съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ. Будучи, къ несчастію, незнакомъ съ нѣмецкимъ языкомъ, я долженъ былъ прибѣгнуть, для пополненія моей библіографіи, къ содѣйствію моего ученаго друга, Теодора Фикса, обязательно согласившагося дополнить мой каталогъ нѣмецкими экономистами. Я могъ изучить только тѣхъ изъ нихъ, которые были переведены; что же касается до прочихъ, то я представляю его мнѣніе, какъ оцѣнку, самую надежную, какую только можетъ желать о нихъ просвѣщенный читатель.

изданія исторіи Бланки, и помѣщенныя въ оригиналѣ въ видѣ отдѣльнаго приложенія, а въ отдѣльномъ приложеніи я помѣстилъ *замѣчательнѣйшія* отечественныя политико-экономическія сочиненія. Считаю нужнымъ упомянуть еще, что *Библіографія* Бланки имѣла особенное значеніе, какъ первый трудъ въ этомъ родѣ; она сохранила отчасти свое прежнее значеніе и понынѣ; но относительно полноты, она значительно уступаетъ *Библіографіи*, вошедшей въ извѣстный обширный Словарь Коклена и Гильомена. Рус. перев.

БИБЛІОГРАФІЯ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ СОЧИНЕНІЙ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

A.

Abeille (L. P.). Lettre d'un négociant sur la nature du commerce des grains. *Paris*, 1763, in-8.

— Réflexions sur la police des grains en Angleterre et en France. *Paris*, 1764, in-8.

— Effets d'un privilège exclusif sur les droits de propriété, etc. *Paris*, 1764, in-8.

— Principes sur la liberté du commerce des grains. *Paris*, 1768, in-8.

Abot de Basinghen. Traité des monnaies et de la juridiction de la Cour des Monnaies, en forme de dictionnaire. *Paris*, 1764, in-4. 2 vol.

— Table des monnaies courantes. *Paris*, 1767, in-12.

Agazzini (Michel). La science de l'économie politique, ou Principes de la formation, du progrès et de la décadence de la richesse, et application de ces principes à l'administration des nations. *Paris et Londres*, 1822, in-8.

Заглавіе этого сочиненія обнаруживаетъ слишкомъ большія претензіи, но оно проникнуто великодушными и высокими взглядами. Оно въ особенности можетъ быть полезно для справокъ по вопросу о раскладкѣ налоговъ. Сочиненіе написано хорошимъ французскимъ языкомъ, хотя авторъ — итальянецъ.

Agoult (d'), ancien évêque de Pamiers. Des impôts indirects et des droits de consommation, ou Essai sur l'origine et le système des impositions françaises, comparé avec celui de l'Angleterre. *Paris*, 1817, in-8.

Книга, интересная для справокъ по содержащимся въ ней подробностямъ относительно финансоваго управленія имперіи и Англіи.

Algarotti (Francesco). Saggio sopra il commercio con alcuni frammenti economici dello stesso autore.

Альгаротти, знаменитый вельможа и ученый, ограничивался одними только очерками, но всѣ они замѣчательны по вѣрности взгляда, по изяществу языка и по отличающей ихъ *очевидности*. Онъ отдавалъ предпочтеніе Африкѣ предъ Азіей и Америкой для развитія европейской торговли и промышленности.

Его мемуаръ по этому вопросу представляетъ особенный интересъ въ настоящее время, когда сѣверная часть Африки поступила подъ владычество Франціи.

Anderson. A chronological history of commerce (Histoire chronologique du commerce).

André d'Arbelles. Mémoire sur la conduite de la France et de l'Angleterre à l'égard des neutres. 1 vol. in-8, 1818. — *Imprimerie impériale.*

Полуофиціальное заявленіе, весьма замѣчательное, въ защиту континентальной системы, приписывавшееся Готриву. Барбье, въ своемъ *Dictionnaire des Anonymes*, считаетъ авторомъ этого сочиненія *Андре д'Арбеля*, Бёшо же считаетъ это ошибкой.

Anquetil du Perron. La Dignité du commerce et de l'état du commerçant. 1 vol. in-8, 1789.

Сочиненіе, преисполненное самыхъ здравыхъ комерческихъ взглядовъ.

Anzano (Thomas). Reflexiones economico-politicas sobre las causas de las alteraciones de precios que ha padecido Aragon, y discursos sobre los medios que pueden facilitar la restauration de Aragon. *Zaragoza*, 1768.

Соображенія этого писателя объ измѣненіи цѣнъ, случившемся въ Арагоніи въ его эпоху, служатъ доказательствомъ, что ему не чужды были истинные принципы науки по этому вопросу.

Aristote. La Politique, ou la Science du gouvernement.

Здѣсь встрѣчается очеркъ древнихъ политико-экономическихъ воззрѣній. Къ сожалѣнію, сочиненіе того же писателя о политическомъ устройствѣ Аѳинъ утрачено. Лучшій переводъ *Политики* на французскій языкъ принадлежитъ Бартелеми Сентъ-Илеру; онъ отличается буквальной вѣрностью тексту (2-me éd. Paris, 1848, in-8).

Переведена на русскій языкъ, Н. Скворцовымъ, подъ заглавіемъ: *По-*

литика Аристотеля. Съ примѣч., критич. изслѣдованіемъ и двумя экскурсами. Москва. 1865.

— De la Science économique, trad. en français, par M. Hœfer, sous le titre: Aristote, *Paris*, 1843, gr. in-8.

Первая книга посвящена домашнему хозяйству; вторая разсматриваетъ управленіе государственными доходами, и знакомитъ со множествомъ финансовыхъ операцій древнихъ.

Arnould. Histoire générale des finances de France, depuis le commencement de la monarchie; pour servir d'introduction à la loi annuelle du budget de l'empire français. *Paris*, 1806, in-4.

Сочиненіе посредственное; заключаетъ въ приложеніяхъ нѣсколько цифръ, интересныхъ для справокъ.

— De la Balance du commerce et des relations commerciales extérieures de la France dans toutes les parties du globe, particulièrement à la fin du règne de Louis XIV, et au moment de la révolution ; le tout appuyé de notes et de tables raisonnées, authentiques, sur le commerce et la navigation, la population, le produit territorial et l'industrie, le prix du blé, le numéraire, le revenu, la dépense et la dette publique de la France à ces deux époques, avec la valeur de ses importations et exportations progressives depuis 1716, jusqu'en 1788 inclusivement. 2 vol. in-8, avec 1 vol. in-4 de tableaux. *Paris*, 1792.

Приводимые въ сочиненіи факты интересны, но теоретическая часть не заслуживаетъ вниманія.

— Système maritime et politique des Européens dans le dix-huitième siècle, fondé sur leurs traités de paix, de commerce et de navigation, 1 vol. in-8. *Paris*, 1797.

Сочиненіе, написанное подъ вліяніемъ системы *торговаго баланса.*

Arreta de monte-Seguro (Antonio). Dissertacion sobre el aprecio que se debe hacer de las artes practicas, y de los que las exercen con honradez, intelligencia y aplicacion.

Сочиненіе, удостоенное въ 1781 награды Сарагосскаго общества.

Написано въ защиту полезныхъ ремеслъ. Авторъ силится доказать, что въ физическомъ трудѣ нѣтъ ничего безчестнаго. Печальная страна, въ которой приходится доказывать подобныя вещи!

Arriquibar (D. Nicolas de). Recreacion politica. Reflexiones sobre el Amigo de los hombres en su tratado de Poblacion, considerado con

respecto à nuestros intereses; obra postuma, presentada à la sociedad Bascongada, en 1770. Publicada en Victoria, 1779, dos tomos en-quarto.

Авторъ опровергаетъ ученіе Мирабо, изложенное послѣднимъ въ сочиненіи *Ami des hommes*, и защищаетъ обработку земли въ большихъ размѣрахъ, которой отдаетъ предпочтеніе предъ мелкимъ хозяйствомъ. Передъ этимъ, онъ перевелъ съ англійскаго сочиненіе Давенанта, присоединивъ къ нему предисловіе, въ которомъ онъ излагаетъ множество здравыхъ мыслей, и прилагаетъ ихъ къ Испаніи.

Arrivabéne (le comte Jean). Sur les colonies agricoles de la Belgique et de la Hollande. *Bruxelles*, 1830.

— Sur les moyens d'améliorer le sort des ouvriers. *Bruxelles*, 1832.

— Principes fondamentaux de l'Économie politique, tirés des leçons édites et inédites de M. N. W. Senior, professeur d'Économie politique à l'Université d'Oxford. *Paris*, 1835.

Asso. De libris quibusdam Hispanorum rarioribus.

Въ каталогѣ, изданномъ ученымъ библіографомъ Ассо, перечислено множество испанскихъ экономистовъ XVIII вѣка, весьма мало извѣстныхъ. Онъ строго пересмотрѣнъ инквизиціей.

Attwood (Thomas). Observations on currency, population and pauperism. (Observations sur la monnaie, la population et la mendicité.) 1818, 1 vol. in-8.

Aubert de Vitry. Recherches sur les vraies causes de la misère et de la félicité publiques, ou de la Population et des Subsistances. *Paris*, 1815, 1 vol. in-8.

Противникъ Мальтуса, искусно опровергаетъ мнимыя выгоды безбрачной жизни, рекомендуемой англійскимъ экономистомъ.

Audiffret (marquis d'). Système financier de la France. *Paris*, Dufart, 1841, 2 vol. in-8, 2-e édit. *Paris*, Guillaumin et C-ie, 5 vol. in-8.

Второе изданіе содержитъ прочія сочиненія автора по тому же вопросу. Это собраніе сочиненій Одифре заключаетъ въ себѣ ясное и точное изложеніе всей системы финансоваго устройства и управленія Франціи.

Auger, avocat. Mémoires pour servir à l'histoire du droit public de la France en matière d'impôts, ou Recueil de ce qui s'est passé de plus intéressant à la Cour des aides, depuis 1756 jusqu'au mois de juin 1775; publiés sous l'inspection de M. Gabriel Choart, président de la Cour des aides de Paris. *Bruxelles*, 1779, in-4.

Этотъ драгоцѣнный томъ содержитъ въ себѣ собраніе всѣхъ распо-

ряженій Мальзерба во время управленія его Палатой налоговъ, то есть, впродолженіи двадцати пяти лѣтъ.

Сборникъ этотъ очень рѣдокъ, потому что онъ не былъ пущенъ въ продажу, а напечатаніе его не было официально дозволено; къ тому же, въ него не позволили внести цѣликомъ энергическія предостереженія, въ которыхъ Мальзербъ высказывалъ королю самыя горькія истины.

B.

Babbage (Ch.). Traité sur l'économie des machines et des manufactures, tr. de l'anglais par Ed. Biot. *Paris*, 1833, in-8.

Сочиненіе это восхваляетъ машины. Авторъ перечисляетъ въ немъ съ математическою точностью чудесные результаты введенія машинъ, и прекрасно доказываетъ выгоды, полученныя человѣкомъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи вслѣдствіе того, что машины освободили его отъ самаго тяжкаго труда.

Bade (Margrave de). Abrégé de l'économie politique, 1772.

Bailly (A.). Exposé de l'administration générale et locale des finances du royaume-uni de Grande-Bretagne et d'Irlande, contenant des documents sur l'échiquier, la dette nationale, les banques, la navigation, les consommations, etc.; sur le produit et l'emploi des contributions, droits, taxes, péages et émoluments perçus par l'administration de l'État, le clergé, la magistrature, les comtés, etc., etc. *Paris*, 1837, 2 vol. in-8.

Превосходное сочиненіе, самое полное изъ всѣхъ существующихъ, о финансовомъ управленіи Великобританіи. Авторъ—спеціалистъ въ своемъ дѣлѣ, выводы дѣлаетъ на основаніи источниковъ, и заслуживаетъ полнаго довѣрія.

— Histoire financière de la France depuis l'origine de la monarchie jusqu'à la fin de 1789, etc. *Paris*, 1830, 2 vol. in-8.

Bandini (Salustio Antonio). Discorso economico scritto dall' arcidiacono. Nell' anno 1737.

Предполагалось, что Бандини долженъ считаться родоначальникомъ ученія, приписываемаго *экономистамъ* восемнадцатаго вѣка; но книга его обнародована была неранѣе 1775, то есть, долго спустя послѣ сочиненій писателей школы Кене. Какъ бы то ни было, онъ предложилъ множество улучшеній, которыя принесли большую пользу Тосканѣ, его родинѣ.

Banfield. Organisation de l'industrie. Leçons professées à l'université de Cambridge. Trad. par M. Em. Thomas. *Paris*, Guillaumin et C-ie, 1 vol. in-8.

Bannefroy. Mémoire sur la mendicité. *Paris*, 1791, in-4.

Barton (J.). Observations on the condition of the labouring classes.

Въ этомъ сочиненіи встрѣчаются въ высшей степени интересныя соображенія о положеніи рабочихъ классовъ.

Bastiat (Fréd.). Oeuvres complètes, publiées sur les manuscrits de l'auteur et précédées d'une notice biographique, par M. R. de Fontenay et Paillotet. *Paris*, 1854—1855. Guillaumin et C-ie. 6 vol. in-8 et 6 vol. in-18.

На русскій языкъ переведены: *Экономическіе софизмы*. Ч. 1 и 2. Спб. 1862. Изд. Товар. «Общ. пользы.»

Baudeau (abbé). Eclaircissements demandés à M. N*** (Necker) sur ses principes économiques, et sur ses projets de législation, au nom des propriétaires fonciers et des cultivateurs français. 1775, in-8.

— Idées d'un citoyen sur l'administration des finances du roi. *Paris*, 1763, 3 vol. in-8.

— Idées d'un citoyen sur le commerce d'Orient et sur la Compagnie des Indes. *Amsterdam* et *Paris*, 1764, in-8.

— Idées d'un citoyen sur les besoins, les droits et les devoirs des vrais pauvres. *Amsterdam*, 1765, in-8.

— Idée d'une souscription patriotique en faveur de l'agriculture, du commerce et des arts. *Paris*, 1765, in-12.

— Avis au peuple sur son premier besoin, ou Petits traités économiques, par l'auteur des Éphémérides du citoyen. *Paris*, 1768, in-12, 3 parties.

— Lettres d'un citoyen à un magistrat sur les vingtièmes et autres impôts. *Amsterdam*, 1768, in-8.

— De l'origine et des progrès d'une science nouvelle. *Londres* et *Paris*, 1786, in-12.

— Résultats de la liberté et de l'immunité du commerce des grains, de la farine et du pain. *Paris*, Desaint, 1768, in-12.

— Première introduction à la philosophie économique, par un disciple de l'Ami des hommes. *Paris*, 1771, in-8.

— Dictionnaire du commerce. *Paris*, 1783, 3 vol. in-4. (Составляетъ часть Encyclopédie méthodique.)

— Principes économiques de Louis XII et du cardinal d'Amboise de Henri IV et du duc de Sully, sur l'administration des finances,

opposés aux systèmes des docteurs modernes, 1785. Безъ имени автора и города.

Памфлетъ, направленный противъ воззрѣній Тюрго и Неккера.

Доктринеръ-*экономистъ*, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ послѣдователей этой школы и лучше другихъ изложившій ея принципы.

Абатъ Бодо, при содѣйствіи маркиза Мирабо, Дюпона (изъ Немура) и другихъ, издавалъ, подъ заглавіемъ *Éphémérides du citoyen*, сборникъ статей по политической экономіи въ духѣ ученія Кене. Полное собраніе его, вмѣстѣ съ новыми *Éphémérides* составляетъ около 70 т. in-12.

Baudrillart (H.), proffesseur au Collège de France. Manuel de l'Économie politique. *Paris*, Guillaumin et C-ie, 1 vol. in-18.

— Des Rapports de la morale et de l'Économie politique. *Paris*, mêmes éditeurs, 1 vol. in-18.

Béardé de l'Abbaye. Recherches sur les moyens de supprimer les impôts, précédées de l'examen de la nouvelle science. 1 vol. in-8, 1770. *Amsterdam.*

Разборъ теоріи экономистовъ, подъ видомъ строгой критики книги Мерсье де ла Ривьера: *Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques.*

Beaumont de Brivazac (de). L'Europe et ses colonies en décembre 1819, 2 vol. in-8. *Paris*, Brissot-Thivars, 1820 (подписанное въ концѣ втораго тома *Космополитъ*).

Этотъ космополитъ, повидимому, пропитанъ насквозь ненавистными предразсудками, госпоцствовавшими между нами противъ англійскаго народа, и, къ сожалѣнію, бывшими причиной грубыхъ заблужденій его по этому вопросу. Книга его гораздо ниже сочиненія лорда Брума по тому же предмету.

Beccaria (C.). Elementi di economia publica. *Milanese.*

Это сборникъ публичныхъ лекцій о политической экономіи, прочитанныхъ знаменитымъ итальянскимъ публицистомъ. Онъ раздѣлялъ многія заблужденія французской школы *экономистовъ*, въ особенности, что касается до ремесленниковъ, на которыхъ онъ смотрѣлъ, какъ на непроизводительный классъ; онъ говоритъ такимъ блестящимъ, выразительнымъ и сильнымъ языкомъ, что невольно прощаешь его заблужденія.

— Discours sur le commerce et l'administration publique, trad. par Comparet. *Laussanne* et *Paris*, 1769, in-8.

Bell (Benjamin). De la Disette, trad. de Prévost, de *Genève*, 1 vol. in-8. 1804.

Эта маленькая книжечка содержитъ весьма любопытныя подробности

по политико-экономическимъ вопросамъ, касающимся земледѣлія въ Англіи. Авторъ говоритъ, что передавалъ свою рукопись знаменитому Адаму Смиту, и хвалится полученнымъ отъ него одобреніемъ.

Belloni (Girolamo). Dissertazione sopra il commercio, con alcune note dell' edizione di Bologna, ed una lettera dell' autore sulla moneta imaginaria.

Папа Бенедиктъ XIV сдѣлалъ автора маркизомъ за это разсужденіе во сто страницъ, переведенное на многіе языки и довольно посредственное. Онъ старается доказать въ немъ пользу запрещенія вывоза звонкой монеты.

— Lettre sur la monnaie fictive. 1765, in-8.

Bentham (Jérémie). Défense de l'usure, ou Lettres sur les inconvénients des lois qui fixent le taux de l'intérêt de l'argent. *Paris*, 1828, in-8.

Это лучшее сочиненіе Бентама; никогда не употреблялось столько здраваго смысла для доказательства истины. Нельзя не удивлвться тому обстоятельству, что наши нелѣпые законы противъ ростовщичества уцѣлѣли послѣ такого удара. Самъ Тюрго не наносилъ такихъ сильныхъ ударовъ. Перепечатано въ *Mélanges*, составляющихъ XV т. *Collection des principaux économistes*.

— Esquisse d'un ouvrage en faveur des pauvres, traduit et publié par Duquesnoy. *Paris*, 1802, in-8.

— Théorie des peines et des récompenses. 2 vol. in-8.

Второй томъ разбираетъ почти всѣ экономическіе вопросы.

На русскій языкъ переведены, А. Пыпинымъ и А. Невѣдомскимъ: *Избранныя сочиненія Іереміи Бентама*, т. I, съ предисловіемъ Ю. Жуковскаго. Спб. 1867.

Bères (Émile). Essai sur les moyens d'accroître la richesse territoriale en France, notamment dans les départements méridionaux. *Paris*, 1830, in-8.

Книга Береса, быть можетъ, окажетъ когда нибудь содѣйствіе пробужденію отъ сна нашихъ южныхъ согражданъ. Авторъ старается указать имъ лучшія средства извлеченія богатствъ изъ ихъ великолѣпной почвы: дай Богъ, чтобы голось его достигъ до нихъ!

— Les classes ouvrières. Moyens d'améliorer leur sort sous le rapport du bien-être matériel et du perfectionnement moral. *Paris*, 1836, in-8.

Bergasse. Considérations sur la liberté du commerce. *Londres*, 1788, in-4.

Записка эта написана съ цѣлью воспротивиться учрежденію правительствомъ почтовыхъ каретъ. Авторъ разбираетъ по этому поводу выгоды, доставляемыя торговлѣ свободой.

Bergier (Nicolas). Histoire des grands chemins de l'empire romain, contenant l'origine, progrès et étendue quasi incroyable des chemins militaires pavés, depuis la ville de Rome jusqu'aux extrémités de son empire. *Bruxelles*, 1728, 2 vol. in-4.

Это полнѣйшее изъ всѣхъ существующихъ сочиненій о системѣ сообщеній у древнихъ римлянъ; оно столько же полезно экономисту, какъ и инженеру.

Bettange (de). Traité des monnaies. *Avignon*, 1760, 2 vol. in-12.

Bianchini (Lodovico). Principi del credito pubblico. *Napoli*, 1827.

— Dell' influenza dell' amministrazione pubblica sulla industria nazionale et sulla circulazione delle richezze. *Napoli*, 1828.

— De' reati che nucciono all' industria ed alla circolazione delle ricchezze. *Napoli*, 1810.

— Della storia delle finanze di Napoli libri sette (sotto questo nome: Si volle compendere la storia civile di Napoli) *Napoli*, 1834 et 1835.

— Sui porti franchi e sui lazeretti a peste. *Napoli*, 1835.

— Sullo stato delle ferriere del regno di Napoli. 1835.

— Sulla conversione delle rendite inscritte nel grand-libro del debito pubblico. *Napoli*, 1836.

— Della storia economico-civile di Sicilia, due volumini in-ottavo; il primo stampato in Napoli nella stamperia reale, ed il secondo in Palermo, nella tipografia di Lao, nel 1841.

Біанкини принадлежитъ къ благородному поколѣнію неаполитанскихъ ученыхъ, посвятившихъ всѣ свои силы историческимъ и политико-экономическимъ наукамъ. Отличительная черта этого писателя—ясность и точность. Его изслѣдованія добросовѣстны, сужденія всегда справедливы; мы считаемъ его лучшимъ историкомъ для справокъ по общественному, экономическому и административному состоянію его страны.

Bignon (l'abbé). Histoire critique du gouvernement romain.

Хотя книга эта отличается меньшею глубиной, чѣмъ сочиненіе Дуни, все же она заслуживаетъ изученія.

Bigot de Morogues (baron de). Recherches des causes de la richesse et de la misère des peuples civilisés; in-4, autographié.

Компиляція, составленная съ цѣлью доказать, что запрещенія представляютъ основу промышленнаго благосостоянія страны, а успѣхи народнаго образованія составляютъ источникъ всѣхъ бѣдствій.

Авторъ, честный, впрочемъ, человѣкъ, жестоко возстаетъ противъ игры денежными бумагами. Баронъ Морогъ помѣстилъ, сверхъ того, въ *Nouveau Cours complet d'agriculture* братьевъ Пурра, статью о хлѣбѣ, весьма замѣчательную, помимо ея пристрастія къ запретительнымъ мѣрамъ.

Bilhon (J.-F.). Gouvernement des Romains, considéré sous le rapport de la politique, de la justice, des finances et du commerce. *Paris*, 1807, in-8.

Смѣлое покушеніе послѣ книги Монтескьё по тому же вопросу. Мы все таки отдадимъ предпочтеніе сочиненію Монтескьё.

— Principes d'administration et d'économie politique des anciens peuples, appliqués aux peuples modernes. *Paris*, 1819, in-8.

Blanc de Volx (J.). État commercial de la France au commencement du dix-neuvième siècle; ou du Commerce français, de ses erreurs et des améliorations dont il est susceptible. *Paris*, 1803, 3 vol. in-8.

Книга эта глубоко проникнута исключительными воззрѣніями, преобладавшими въ нашихъ совѣщательныхъ собраніяхъ во все продолженіе религіозныхъ смутъ. Ее слѣдуетъ прочитать, хотя бы ради того только, чтобы убѣдиться, какъ предразсудки могутъ сбить съ пути честнаго человѣка, одушевленнаго желаніемъ счастія своей страны.

Blanqui (Adolphe). Histoire de l'économie politique en Europe depuis les anciens jusqu'à nos jours, suivie d'une Bibliographie raisonnée de l'économie politique. 4-me éd. *Paris.* 1860. Guillaumin. 2 vol.

Переведена на русскій языкъ, П. Бибиковымъ, подъ заглавіемъ: *Исторія политической экономіи* въ Европѣ съ древнѣйшаго до настоящаго времени, съ приложеніемъ критич. Библіографіи политической экономіи, и проч. Спб. 1869. 2 тома.

На русскій языкъ переведено Порошинымъ того же автора *Руководство къ политической экономіи.* Спб. 1838.

Bodz-Reymond. Staatswesen und Menschenbildung umfassende Betrachtungen. — Considérations politiques sur l'appauvrissement progressif des nations et des particuliers; ses causes, ses conséquences et les moyens d'y remédier. — 3 vol. in-8. *Berlin*, 1837.

Книга эта, проникнутая благороднѣйшими намѣреніями, заключаетъ въ себѣ мало новыхъ взглядовъ. Несовершенства настоящаго общества иногда преувеличиваются въ ней, а предлагаемыя противъ нихъ сред-

ства, повидимому, невсегда могутъ быть легко примѣнены. Часть, излагающая общественное и частное обученіе и воспитаніе, представляетъ много превосходныхъ взглядовъ на этотъ вопросъ, и безспорно заслуживаетъ вниманія.

Bœckh. Économie politique des Athéniens, traduit de l'allemand, par M. Laligant. 2 vol. in-8. *Paris*, 1828.

Ученое сочиненіе профессора Бёка есть настоящее разоблаченіе политическаго и финансоваго устройства греческихъ республикъ. Это самое свѣтлое изъ всѣхъ существующихъ изложеній экономической науки афинянъ, какою она вытекаетъ изъ ихъ законовъ и учрежденій.

Bœsnier de l'Orme. De l'esprit du gouvernement économique. *Paris*, 1775, in-8.

Авторъ—сторонникъ *экономистовъ* восемнадцатаго вѣка, но отличающійся большею ясностью и краткостью, чѣмъ его сотоварищи. Онъ менѣе ихъ извѣстенъ, но, быть можетъ, заслуживаетъ болѣе ихъ, чтобы его прочитали.

Boisguillebert (**P. P. Aug. Le Pesant**, sieur de). Le Détail de la France sous le règne présent, avec des mémoires et des traités sur la même matière. Nouv. édit., 1707, 2 vol. in-12.

— Factum de la France, ou Moyens très-faciles de faire recevoir au roi 80 millions par-dessus la capitation, praticables par deux heures de travail de MM. les ministres, et un mois d'exécution de la part des peuples. Безъ обозначенія города, типографіи и года, in-12.

Одинъ изъ честныхъ и здравомыслящихъ людей, втихомолку сочувствовавшій рабочимъ классамъ въ ту эпоху, какъ на эти классы смотрѣли еще, какъ на стадо животныхъ.

Оба сочиненія Боагильбера были перепечатаны въ первомъ томѣ *Collection des principaux économistes*, изданія Гильомена, съ примѣчаніями и съ исторической статьей объ авторѣ Эжена Дера.

Boislandry (Louis de). Examen des principes les plus favorables aux progrès de l'agriculture, des manufactures et du commerce de France. *Paris*, 1815, in-8.

— Des impôts et des charges des peuples en France. *Paris*, 1824, in-8.

Boissy-d'Anglas. Observations sur l'ouvrage de M. de Calonne intitulé: De l'État présent et à venir de la France. *Paris*, 1791, in-8.

Отвѣтъ на памфлетъ министра Калонна противъ трудовъ Учредительнаго собранія. Болѣе основательное опроверженіе брошюры Калонна

помѣщено въ сочиненіи Редерера подъ заглавіемъ: *Système général des finances de France*, и проч.

Boizard. Traité des monnoyes, de leurs circonstances et dépendances. Nouv. édit. *Paris*, 1723, 2 vol. in-12.

Bosc (J.). Considérations sur l'accumulation des capitaux, et les moyens de circulation chez les peuples modernes. *Paris*, an x, in-8.

Авторъ высказывается въ пользу всѣхъ мѣръ, благопріятныхъ для развитія общественнаго кредита. Въ сочиненіи мало новыхъ взглядовъ.

— Essai sur les moyens d'améliorer l'agriculture, les arts et le commerce en France. *Paris*, 1800, in-8.

— Essai sur les moyens de détruire la mendicité, etc. *Paris*, 1789, in-8.

Bouchaud. De l'impôt du vingtième sur les successions, et l'impôt sur les marchandises chez les Romains. 1 vol. in-8, nouv. éd. 1772.

Мемуаръ этотъ, обремененный скучными примѣчаніями, написанъ плохимъ языкомъ, но заключаетъ въ себѣ полезные факты, съ точнымъ обозначеніемъ источниковъ, откуда они почерпнуты.

Небезполезно справиться по тому же вопросу съ разсужденіями на латинскомъ языкѣ: Бурманна — *De vectigalibus populi romani*, и Буланже — *De tributis et vectigalibus populi romani.*

Bougainville (de). Discours sur les métropoles grecques, tiré des Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles-lettres.

Интересный мемуаръ по чисто историческому вопросу. Онъ можетъ быть полезенъ и для политико-экономическаго изслѣдованія того же предмета.

Bresson (J.) Histoire financière de la France, depuis l'origine de la monarchie jusqu'à l'année 1828. *Paris*, 1829, 2 vol. in-8.

Краткое и сжатое обозрѣніе исторіи нашихъ финансовъ; представляетъ факты, но не доискивается ихъ причины. Полезно для справокъ.

Briganti (Filippo). Esame economico del sistema civile. 2 vol. in-8.

Посвятилъ два тома на опроверженіе политико-экономическихъ парадоксовъ Руссо.

Въ настоящее время ни тѣ, ни другіе, не имѣютъ никакого значенія въ экономической наукѣ.

Broggia (C.-A.). Trattato de tributti. in-8.

— Trattato delle monete considerate ne' rapporti de legitima ruduzione di circulazione e di deposito. 2 vol. in-8.

— Opuscoli.

Трактатъ Брожіа о налогахъ представляетъ довольно замѣчательное сочиненіе для своего времени.

Авторъ долго преслѣдовался, несмотря на свое наушничество передъ властью. Онъ восхваляетъ доносы, и совѣтуетъ своему правительству имѣть постоянный запасъ звонкой монеты; сторонникъ меркантильной системы.

Brougham (lord). An inquiry into the colonial policy of the European powers (Recherches sur le système des puissances d'Europe à l'égard de leurs colonies). 2 vol. in-8, 1808.

Лордъ Брумъ смотрѣлъ на политику европейцевъ относительно своихъ колоній съ тою вѣрностью и ясностью взгляда, которыя составляли отличительную черту его таланта.

Бо̀льшая часть событій, бывшихъ причиной освобожденія колоній, предсказывается въ его сочиненіи, быть можетъ, замѣчательнѣйшемъ изъ всего, что̀ имъ написано.

Browne-Dignan. Essai sur les principes politiques de l'économie publique. *Londres*, 1776, in-12.

Buchanan. Его изданіе великаго творенія Адама Смита, въ 4 т. in-8. *Edimbourg*, 1817, замѣчательно сдѣланными имъ къ нему примѣчаніями, въ особенности къ 4-му тому.

Изданіе это въ настоящее время весьма рѣдко и дорого.

Buché de Pavillon. Essai sur les causes de la diversité des taux de l'argent chez les peuples. 1 vol. in-12. *Londres* et *Paris*, 1756.

Авторъ объясняетъ высокую цѣну процента недостаточнымъ обезпеченіемъ заимодавца. Онъ желалъ бы болѣе строгихъ законовъ противъ недобросовѣстныхъ должниковъ.

Buret (Eugène). De la misère des classes laborieuses en France et en Angleterre. *Paris*, Paulin, 1841, 2 vol. in-8.

Burtrel du Pasquier. Observations sur la déclaration du 30 octobre 1785, et l'augmentation progressive de prix des matières d'or et d'argent, depuis le 1-er janvier 1726.

Bush (J.). La banque de Hambourg, rendue facile aux négociants de l'étranger, avec des recherches intéressantes sur son origine, sur les changements qu'elle a éprouvés à différentes époques, etc. *Paris*, 1801, in-8.

— Traité des banques, de leur différence réelle, et des effets qui en résultent dans leur usage et leur administration. *Paris*, 1814, in-8.

Butel-Dumont. Recherches historiques et critiques sur l'administration publique et privée des terres chez les Romains, depuis le commencement de la république jusqu'au siècle de Jules-César. *Paris*, 1779, in-8.

Сочиненіе въ высшей степени замѣчательное и лучшее, быть можетъ, изъ всѣхъ написанныхъ по тому же предмету. Оно гораздо лучше другихъ, пользующихся большею извѣстностью.

— Théorie du luxe, ou Traité dans lequel on entreprend d'établir que le luxe est un ressort, non-seulement utile, mais même indispensablement nécessaire à la prospérité d'un État. *Londres*, 1771, 1 vol. in-8.

Книга эта представляетъ апологію, нѣсколько преувеличенную, роскоши. Авторъ принадлежитъ къ числу противниковъ *экономистовъ*. Онъ самымъ яснымъ образомъ доказываетъ, что вообще такъ называемая роскошь есть ничто иное, какъ удовлетвореніе желаній человѣка, служащее самымъ сильнымъ побужденіемъ къ труду.

— Traité la circulation et du crédit. *Amsterdam* et *Paris* 1771, in-8.

C.

Cabarrus (Francisco). Memoria presantado à S. M. para la formacion de un banco nacional, por mano del Excellentissimo Senor Conde de Floridablanca, su primer secretare de Estado. *Madrid.* 1782.

Мемуаръ этотъ, написанный въ пользу учрежденія одного банка, не представляетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ результата его — учрежденія банка св. Карла.

— Memoria sobre los montes pios, leida en la Real Sociedad economica de Madrid en 13 de Marzo de 1784.

Авторъ строго порицаетъ ссудныя учрежденія (ломбарды), служащія источникомъ деморализаціи и разоренія.

— Memoria sobre la union del commercio de la America con la Asia, leida en la junta general de la compania de Caracas, de 3 de Julio de 1784.

— Memoria sobre los pesos, leida en la junta de la Direccion del banco nacional de San-Carlo.

— Cartas sobre los obstaculos que la naturaleza, la opinion y las

leyes oponen à la felicidad publica, escritas por el **Conde de Cabarrus** al S. D. Gaspar de Jovellanos. *Madrid*, 1813, in-18.

Собраніе этихъ мемуаровъ представляетъ перечень всѣхъ препятствій, противудѣйствующихъ благосостоянію Испаніи; но предлагаемыя авторомъ средства для ихъ отстраненія граничатъ съ утопіей.

Calenge. Des différentes banques de l'Europe. *Paris*, 1806, in-12.

Calonne (de). De l'état de la France, présent et à venir, *Londres*, 1790, in-8.

Памфлетъ противъ трудовъ Учредительнаго собранія. Боасси д'Англа отвѣчалъ на него брошюрой: *Observation sur l'ouvrages*, и проч. См. **Boissy d'Aglas.**

— Des Finances publiques de la France. *Londres*, 1797. in-8.

— Observations sur les finances. *Londres*, 1790, in-4, и другія, менѣе замѣчательныя сочиненія по этому же вопросу.

Cambon, député à la Convention. Rapport à la Convention Nationale sur le projet de la formation du grand-livre. *Paris*, 1793. Imprimé par ordre de la Convention, in-8.

— Lettres à ses concitoyens sur les finances. *Paris*, 1795, in-8.

Campomanes (Rodriguez). Discurso preliminar sobre la marina, navegacion, commercio y expediciones de la republica de Cartago. *Madrid*, 1756.

Разсужденіе это есть лучшее сочиненіе, какое мы имѣемъ, о *политико-экономическомъ* устройствѣ Карфагена.

— Respuesta fiscal, sobre abolir la tasa y establecer el comercio de granos. 1764.

Авторъ требуетъ свободной торговли хлѣбомъ.

— Discurso sobre el fomento de la industria popular. De orden de S. M. y del Consejo. 1774, in-8. *Madrid*.

— Discurso sobre la educacion popular de los artesanos y su fomento. *Madrid*, 1775, in-8.

— Appendice a la educacion popular: Parte prima, que contiene las reflexiones conducentes a entender el origen de la decadencia de los officios y artes en Espana, durante el siglio pasado, segun la demonstraron los escritores coetanos, que se reimprimen en este Appendice, o cuyos pasages se dan à la letra. *Madrid*, 1775, in-8. 4 vol.

Послѣднія три сочиненія, хотя касаются одной только Испаніи, тѣмъ неменѣе, заслуживаютъ полнаго вниманія экономистовъ. Авторъ опро-

вергаетъ въ нихъ пошлины на сырыя произведенія, цеховыя стѣсненія и всякаго рода злоупотребленія, заражающія до сихъ поръ испанскую промышленность. Сочиненія его обладаютъ прелестью новизны даже и въ настоящее время.

— Carta al senor don **Pedro Rodriguez Campomanes**, remitiendo el proyecto de Erarios publicos, impreso en el siglio pasado, 1777.

Canard (N.-F.). Principes d'économie politique. *Paris*, 1801, in-8.

Мемуару Канара, за отсутствіемъ лучшаго, присуждена въ 1801 награда Института. Я помню, что Ж. Б. Сэй не могъ равнодушно припомнить это обстоятельство. Тѣмъ неменѣе, трудъ Канара не лишенъ достоинствъ. Авторъ ошибочно вводитъ алгебраическія формулы для экономическихъ доказательствъ.

Candolle-Boissier (de). Examen de quelques questions d'économie politique. *Genève* et *Paris*, 1816, in-8.

Cantalupo (D.-G.). Annona, ossia piano economico di publica sussistencia. In-8.

Сочиненіе написано въ пользу свободной торговли хлѣбомъ.

Cantillon. Essai sur la nature du Commerce en général; traduit de l'anglais. *Landres* (*Paris*), 1755, in-12. (Traduction supposée).

Capmani (don Antonio de). Memorias historicas sobre la marina, comercio y artes de la antigua ciudad de Barcelona, publicadas por disposicion y a expensas de la Real Junta y consulado de comercio de la misma ciudad. *Madrid*, 1779, 2 vol. in-4.

— Discurso economico politico, en defensa del trabajo mecanico de los menestrales, y de la influencia de sus gremios en las costumbres populares. *Madrid*, 1778, in-4.

Первое изъ этихъ двухъ сочиненій въ особенности заслуживаетъ вниманія по причинѣ содержащихся въ немъ важныхъ фактовъ относительно промышленности и торговли Барселоны, и относительно стариннаго ея политическаго устройства и организаціи въ ней труда. Сочиненіе получаетъ особенную цѣну вслѣдствіе присоединенія въ нему авторомъ собранія подлинныхъ древнихъ документовъ.

Второе сочиненіе Капмани представляетъ апологію корпораціямъ и цеховому устройству—заблужденіе, непростительное для современника Тюрго.

Carli (Gian Rinaldo). Osservazioni preventive al piano intorno delle monete di Milano. Publicate nel 1766.

— Breve ragianamento sopra i bilanci economici delle nazioni.

— Del libero commercio de' grani.

Первое изъ этихъ сочиненій сдѣлало извѣстнымъ имя Карли, а второе упрочило его извѣстность. Третіе сочиненіе опровергаетъ ученіе французскихъ *экономистовъ* по вопросу о хлѣбѣ.

Carlier (l'abbé). Dissertation sur l'état du commerce en France, sous les rois de la première et de la seconde race. *Amiens* et *Paris*, 1753, in-12.

Carey. (H.-C.). Principles on political economy. *Philadelphie*, 1837. 2 vol. in-8.

— 2-е Изданіе подъ заглавіемъ: Principles of social science. *Philadelphie*, 1858—1859. 3 vol. in-8.

Переведено на русскій языкъ княземъ Л. Шаховскимъ, подъ заглавіемъ: *Руководство къ соціальной наукѣ*. Вып. I. Изд. Неклюдова и кн. Шаховскаго. Спб. 1866.

Того же автора переведены: *Политико-экономическія письма къ президенту Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ*. Москва. 1860.

— The harmony of interest. *Philadelphie*, 1 vol. in-8.

Carrion-Nisas (A. de) fils. Principes d'économie politique. *Paris*, 1825, in-12.

Авторъ излагаетъ только часть принциповъ этой науки; но, по дорогѣ, онъ объясняетъ множество финансовыхъ явленій, причины которыхъ были до того неизвѣстны. Въ этомъ руководствѣ помѣщенъ историческій очеркъ Французскаго банка.

Casaux (Le marquis Ch.). Considérations sur quelques parties du mécanisme des sociétés. *Londres*, 1785-88, 5 part. in-8.

— Absurdité de l'impôt territorial, et de plusieurs autres impôts, demontrée par l'exposition des effets, ou Réactions des différentes espèces de taxes sur tous les prix, tant du travail que de ses produits, soit dans l'agriculture, soit dans l'industrie, 1790, in-8.

Одинъ изъ сторонниковъ школы *экономистовъ*. Книга его посвящена почти цѣликомъ изслѣдованію англійскихъ налоговъ. Въ ней мѣстами разбросаны замѣчательныя мысли среди множества пустыхъ разглагольствованій.

— Considérations sur les effets de l'impôt dans les différents modes de taxation. *Londres*, 1794, in-8.

Casaux (L. F. G. de). Bases fondamentales de l'économie politique. *Paris*, 1826, in-8.

Castro (Juan-Francisco de). Discursos creticos sobre las leyes y

sus interpretes: Incertidumbres y detrimentos de los *Mayorazgos*, y otras disposiciones analogas en el bien commun: su ofensa à la poblacion, agricultura, artes y comercio: necesidad de remedio: tentativa de algunos medios. *Madrid*, 1770.

Превосходная книга, жестоко нападающая на маіораты, представляющіе одну изъ язвъ Испаніи.

Cayley. Commercial economy in six essays. *London*, 1820, in-8.

Cerrety. Histoire des Monts-de-piété, avec des réflexions sur la nature de ces établissements. 1 vol. in-18. *Paris*, 1752.

Небольшая, но весьма дѣльная книга. Содержитъ разрѣшенія и уставы ссудныхъ кассъ (ломбардовъ).

Авторъ доказываетъ, что проценты за ссуды, выдаваемыя этими учрежденіями, не представляютъ ростовщичества.

Chalmers (George). On political economy in connexion with the moral state and moral prospects of society. *Glasgow*, 1832, in-8.

— The christian and civic economy of large towns, 3 vol. in-8. *Glasgow*, 1832.

— An Historical view of the domestic economy of Great-Britain and Ireland from the earliest to the present times: with a comparative estimate of their efficient strength, arising from their populosity, and agriculture, their manufactures and trade in every age. *Edinburg*, 1812, in-8.

Сочиненіе это заслуживаетъ особеннаго вниманія вслѣдствіе содержащихся въ немъ соображеній объ экономическихъ послѣдствіяхъ великихъ событій, волновавшихъ Англію со второй половины восемнадцатаго до начала девятнадцатаго вѣка, а именно: освобожденія Соединенныхъ Штатовъ, учрежденія кассы погашенія, прекращенія уплаты звонкой монетой, революціонныхъ войнъ и Амьенскаго мира.

Chaptal (comte). De l'industrie française. *Paris*, 1819. 2 vol. in-8.

Перечисленіе народнаго богатства, пересыпанное множествомъ экономическихъ заблужденій. Графъ Шапталь былъ защитникомъ торговаго баланса; тѣмъ неменѣе, здравый смыслъ показывалъ ему нелѣпость запретительной системы.

Chastellux (comte de). De la Félicité publique, ou Considérations sur le sort des hommes dans les différentes époques de l'histoire. *Paris*, 1822, 2 vol. in-8.

Авторъ принадлежитъ къ философской школѣ восемнадцатаго вѣка. Онъ одинъ изъ первыхъ писателей, осмѣлившихся стряхнуть съ себя

иго классическихъ преданій и бросить строгій взглядъ на общественныя учрежденія древнихъ. Книга его представляетъ только общіе взгляды, но эти взгляды отличаются такою смѣлостью, возвышенностью и великодушіемъ, что нельзя не преклониться предъ ними, даже человѣку, нераздѣляющему ихъ.

Chassipol. Traité des finances et de la fausse monnaie des Romains, auquel on a adjoint une Dissertation sur la manière de discerner les médailles antiques d'avec les contrefaites, par M. Beauvais, *Paris*, 1740, in-12.

Этотъ небольшой трактатъ былъ написанъ *по заказу* Кольбера, желавшаго познакомиться съ финансовой системой римлянъ. Въ немъ встрѣчается нѣсколько драгоцѣнныхъ фактовъ.

Chevalier (Michel). Lettres sur l'Amérique du Nord. *Paris*, 1836, 2 vol. in-8.

Авторъ принадлежитъ (принадлежалъ) къ блестящей плеядѣ сенъ-симонистовъ, сочиненія которыхъ пролили столько свѣта на политико-экономическую науку. Его письма о Сѣверной Америкѣ представляютъ только искусно избранную рамку для разоблаченія всякаго рода экономическихъ предразсудковъ, сковывающихъ нашу страну. Вопросъ о банкахъ и о государственныхъ работахъ разобранъ въ нихъ съ рѣдкою въ наше время независимостью мнѣній.

Книга эта принадлежитъ къ новой экономической французской школѣ, принявшей за девизъ: улучшеніе судьбы наибольшей массы народа.

М. Шевалье издалъ впослѣдствіи:

—Des intérêts matériels en France. 4-e éd. *Paris*, 1839, 1 vol. in-18.

— Description et histoire des voies de communication aux États-Unis d'Amérique, et des travaux d'art qui en dépendent. *Paris*, 1841—42, 2 vol. in-4.

— Examen du système commercial connu sous le nom de Système protecteur, 2-e édition. *Paris*, Guillaumin et C-ie, 1857. 1 vol. in-8.

— Cours d'économie politique fait au Collège de France. *Paris*, Capelle, 1858, 3 vol. in-8.

— La Baisse probable de l'or. *Paris*, Capelle, 1858. 1 vol. in-8.

Cheshire. Anglia restaurata; or the advantages of smuggling wool from England and Ireland to France, etc. *London*, 1727, in-4.

Любопытное признаніе, какимъ образомъ шерстяная промышленность *ускользнула* изъ Англіи.

Child (Josiah). A new Discourse on trade. (Nouveau discours sur le commerce.)

— Considérations sur le commerce et l'intérêt de l'argent; traduit en français par Gournay 1742, in-12. — Въ томъ же томѣ помѣщенъ Petit Traité contre l'usure, de Th. Culpeper, traduit par le même. In-12.

Намѣренія авторовъ заслуживаютъ похвалы: но они не имѣли должнаго понятія о настоящихъ причинахъ повышенія и пониженія процента, ибо они воображаютъ, что это повышеніе и пониженіе зависятъ отъ воли правительства.

Chomel. Dictionnaire économique. *Paris*, 1767, 3 vol. in-8.

Cibrario (Louis). Della economia politica del medio evo libri III, che tratano della sua condizione politica, morale, economica. (De l'économie politique du moyen âge, etc.). *Torino*, Bocca, 1839; 2 vol. in-8.

Чибраріо весьма замѣчательный пьемонтскій экономистъ; сочиненіе его переведено на французскій языкъ Барно (2 vol. in-8, Paris, Guillaumin et C-ie, 1858); къ нему присоединено Введеніе Воловскаго.

Оно раздѣляется на три книги: первая говоритъ о политическомъ устройствѣ народовъ въ средніе вѣка; вторая — о нравственномъ ихъ состояніи; третья ограничивается экономическимъ бытомъ. Въ немъ множество интересныхъ подробностей о цѣнѣ съѣстныхъ припасовъ, о положеніи собственности, о монетной системѣ того времени; къ сожалѣнію, сочиненіе это бѣдно общими взглядами, и не представляетъ точныхъ и ясныхъ выводовъ, которые придали бы цѣну этимъ богатымъ и прекраснымъ статистическимъ изслѣдованіямъ.

Cieszkowsky. Du crédit et de la circulation. 2-e édition. *Paris*, 1847. Guillaumin et C-ie, 1 vol. in-8.

Cicilia (José). Memoria sobre los medios de fomentar solidamente la agricultura en un pais, sin detrimento de la cria de ganados, y el modo de remover los obstaculos que puedan impedirla. Сочиненіе удостоенное, въ 1777, награды Мадритскимъ экономическимъ обществомъ.

Авторъ предлагаетъ въ этомъ мемуарѣ крайне необходимыя реформы въ Испанскомъ земледѣліи. Онъ начерталъ основы сельскаго законодательства, котораго Испанія ожидаетъ до настоящаго времени.

Clarke (docteur). Coup d'œil sur la force et l'opulence de la Grande Bretagne, où l'on voit les progrès de son commerce, de son agriculture avant et après l'avénement de la maison de Hanovre; traduit de l'anglais par Marchena. *Paris*, 1802; *Londres*, 1801, in-8.

Довольно хорошая книга. Весьма интересное изслѣдованіе различныхъ англійскихъ налоговъ. Направлена противъ французской революціи.

Clavière. Opinions d'un créancier de l'État sur quelques matières de finances importantes dans le moment actuel. *Londres*, 1789, in-8.

Любопытныя соображенія о займахъ. Авторъ горячо опровергаетъ всѣ мѣры, имѣвшія въ виду учрежденіе банка во Франціи; онъ утверждаетъ, что всѣ государственные займы получили свое происхожденіе въ республиканскихъ странахъ, а такое происхожденіе сильно его безпокоитъ. Онъ писалъ въ 178?, былъ въ 1792 министромъ, и умеръ на эшафотѣ въ 1793.

Клавьеромъ же написано было множество брошюръ по различнымъ политико-экономическимъ вопросамъ.

Clément (Ambr.). Recherches sur les causes de l'indigence. 1 vol. in-8.

Cliquot de Blervache. Dissertation sur l'état du commerce en France, depuis Hugues Capet jusqu'à François I-er. *Paris*, 1766, in-8.

Нѣсколько тяжелое сочиненіе. Содержитъ нѣсколько полезныхъ указаній.

— Considérations sur le commerce, et en particulier sur les Compagnies, Sociétés et Maitrises. *Amsterdam*, 1758, in-12.

Избитыя общія мѣста, среди которыхъ встрѣчаются кое гдѣ проблески таланта и нѣсколько великодушныхъ взглядовъ на свободу промышленности.

Книга интересная только съ исторической точки зрѣнія.

Cobbett (William). Paper against gold, or the History and Mystery of the Bank of England. *London*, 1821, 4-e édit.

Памфлетъ въ 470 страницъ, полный огня и силы, противъ Англійскаго банка и противъ системы отвержденныхъ долговъ.

Финансовые вопросы никогда не разбирались съ такою силой знанія, насмѣшки, негодованія и здраваго смысла.

Книга состоитъ изъ ряда писемъ, въ родѣ *Lettres provinciales* Паскаля, Юніуса или записокъ Бомарше. Это — образцевое сочиненіе по языку и политическому искуству. Встрѣчается въ продажѣ довольно рѣдко.

Coeln (Fr. de). Die neue Staatsweisheit. *Berlin*, 1812, in-8.

— Materialien für die Preussische staats-wirthschaftliche Gesetzgebung. *Leipzig*, 1811. in-8.

Coffinières (A. S. G.). De la Bourse et des spéculations sur les effets publics. *Paris*, 1824, in-8.

Благородный протестъ противъ злоупотребленій ажіотажа, испытавшій судьбу всѣхъ предшествовавшихъ протестовъ. Сочиненіе это любопытно будетъ прочесть, когда рѣшатся положить конецъ грабительству биржевыхъ спекуляцій. Въ немъ помѣщено систематическое изложеніе законодательства по этому вопросу.

Colquhoun (Patrice). A Treatise on the population, wealth, power, and resources of the British empire, etc.

Отрывокъ изъ этого сочиненія былъ переведенъ подъ заглавіемъ: *Précis historique de l'établissement et des progrès de la Compagnie anglaise aux Indes-Orintales*. Paris, 1815, in-8.

Comte (Charles). Traité de législation, ou Exposition des lois générales suivant lesquelles les peuples prospèrent, dépérissent ou réstent stationnaires. *Paris*, 1827, 4 vol. in-8.

Разсужденіе о законодательствѣ Конта есть настоящій трактатъ объ общественной экономіи, 4-й томъ котораго, цѣликомъ посвященный вопросу а рабствѣ, весьма справедливо считается заслуживающимъ наибольшаго вниманія. Никогда этотъ вопросъ не разбирался съ большею независимостью взгляда, и въ связи съ бо̀льшимъ обиліемъ фактовъ.

— Traité de la propriété. *Paris*, 1834, 2 vol. in-8.

Авторъ объявляетъ въ предисловіи, что сочиненіе это представляетъ продолженіе предъидущаго; онъ разсматриваетъ въ немъ отношенія, естественно возникающія между людьми и предметами, необходимыми для ихъ существованія. Такая цѣль даетъ ему возможность глубоко вникать въ сущность вещей и нерѣдко рѣшать множество экономическихъ вопросовъ, находящихся въ связи съ собственностью.

Книга написана ясно, безъ всякихъ притязаній относительно языка, и читается съ увлеченіемъ, несмотря на сухость предмета.

Condillac. Le commerce et le gouvernement, considérés relativement l'un à l'autre. *Amsterdam*, 1776, in-12.

Сочиненіе это есть самое точное и самое ясное *выраженіе* системы *экономистовъ* восемнадцатаго вѣка. Къ сожалѣнію, оно неполно.

Condorcet. Vie de Turgot. *Londres*, 1786, in-8.

Лучшая похвала, какую можно сдѣлать этой книгѣ, это — сказать, что она достойна его.

— Réflexions sur le commerce des blés. *Londres*, 1776, in-8.

Опроверженіе сочиненія Неккера о хлѣбномъ законодательствѣ.

— Réflexions sur l'esclavage des nègres. (Подъ именемъ Шварца). *Neufchâtel*, 1781.

Изъ сочиненій Кондорсе можно указать еще на примѣчанія къ сочиненіямъ Вольтера, изданія Келя, и на многія статьи *Bibliothèque de l'homme public*.

Condy-Raguet (de Philadelphie). Traité des banques et de la circulation; traduit de l'anglais par Lemaître. *Paris*, 1840, 1 vol. in-8.

Considérant (V.). Destinée sociale. *Paris*, 1836, 2 vol. in-8.

Послѣднее слово школы *соціалистовъ*. Сочиненіе написано неровнымъ слогомъ, но полное блестящихъ страницъ и весьма замѣчательныхъ взглядовъ на современное состояніе общества. Авторъ обвиняетъ въ немъ всѣхъ экономистовъ въ бѣдствіяхъ, испытываемыхъ человѣчествомъ, какъ будто отъ нихъ зависитъ ихъ уничтоженіе. Тѣмъ неменѣе, нельзя не отдать справедливости одушевляющимъ его великодушнымъ чувствамъ и многимъ дѣйствительно глубокимъ взглядамъ.

Cooper (Th.). Lectures of the elements of political economy. *Columbia*, 1826.

Coq (Paul). La monnaie de banque, ou l'espèce et le portefeuille. *Paris*, 1857. Guillaumin et C-ie, 1 vol. in-18.

Coquelin (Ch.). Du crédit et des banques. 2-e édition, revue et precédée d'une introduction, par M. Courcelle-Seneuil. *Paris*, 1859. Guillaumin et C-ie. 1 vol. in-18.

Переведено на русскій языкъ подъ заглавіемъ: *О кредитѣ и банкахъ*. Со 2-го изд., пересмотр. исправ. и допол. введеніемъ Курсель-Сенеля, съ присовокупленіемъ библіографической замѣтки, состав. М. Ж. Молинари. Перев. подъ ред. К. Висковатаго. Спб. 1861.

Cordier (J.). Considérations sur les chemins de fer. *Paris*, 1830, in-8.

Одно изъ первыхъ, если не первое сочиненіе, познакомившее Францію съ важнымъ значеніемъ желѣзныхъ дорогъ.

Corniani (Giamb.). Riflessioni sulle monete, *Bresciano*, in-8.

— Della legislazione relativemente all' agricoltura.

Первое его сочиненіе не имѣетъ значенія; второе принадлежитъ къ французской школѣ *экономистовъ* восемнадцатаго вѣка.

Cotteril. An examination of the doctrines of value, as set forth by A. Smith, Ricardo, Mac-Culloch, etc. *London*, 1831, 1 vol. in-8.

Courcelle-Seneuil. Traité théorique et politique des opérations de banque, 3-e édition. *Paris*, 1857, Guillaumin et C-ie. 1 vol. in-8.

Переведено на русскій языкъ, В. Безобразовымъ: *Банки, ихъ устройство, операціи и управленіе*, съ дополненіями, относящимися до Россіи. Спб. 1862.

— Traité théorique et pratique des entreprises industrielles, agricoles et commerciales, ou Manuel des affaires, 2-e édition, *Paris*, 1855. Guillaumin et C-ie. 2 vol. in-18.

Переведено В. Вешняковымъ: *Руководство къ теоретическому и практическому изученію предпріятій промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ*. Спб. 1860.

— Traité théorique et pratique d'économie politique. *Paris*, 1859. Guillaumin et C-ie. 1 vol. in-8.

Переведено Я. Ростовцевымъ: *Теоретическій и практическій трактатъ о политической экономіи*. Спб. 1862—1864. Изд. Н. Тиблена. 2 тома.

Coyer (l'abbé). La noblesse commerçante. *Londres* (*Paris*), 1756, in-12.

— Développement et défense du système de la Noblesse commerçante. *Amsterdam* et *Paris*, 1757, in-12.

Craig (John). Remarks on some fundamental doctrines in political economy. (Remarques sur quelques doctrines fondamentales en économie politique; in-8, 1821).

— Elements of political economy. (Éléments d'économie politique), 3 vol. in-8.

Crawfurd. The Doctrine of equivalents, or an Explanation of the nature, the value and the power of money. *Rotterdam*, 1794, in-8.

Culpeper (Thomas). Petit Traité contre l'usure. *Amsterdam*, 1754, 1 vol.

Custodi. Collection des économistes italiens.

Графъ Пьетро Кустоди напечаталъ, въ 1804, въ Миланѣ великолѣпное изданіе итальянскихъ экономистовъ въ сорока восьми томахъ.

D.

Danvilla (B.-J.) Lecciones de economia civil, o del comercio. Escritas para el uso de los caballeros del Real Seminario de Nobles. *Madrid*. 1779.

Лекцій этихъ семь. Одна изъ нихъ, весьма любопытная — о народо-

населеніи, другая—неменѣе оригинальная—о раздѣленіи людей на собственниковъ и несобственниковъ.

Dareste de la Chavanne. Histoire des classes agricoles en France. 2-e édition. *Paris*, 1858. Guillaumin et C-ie. 1 vol. in-18. Couronné par l'Institut.

Davanzati (Bernardo). Lezione delle monette; in-8.

— Notizia de cambj, a M. Giulio del Caccia; in-8.

Даванцати второй изъ итальянцевъ, писавшій о монетѣ послѣ Скаруфи, но это единственное его достоинство.

Писатель этотъ болѣе замѣчателенъ, какъ талантливый переводчикъ, чѣмъ какъ экономистъ.

Debray. Essai sur la force, la puissance et la richesse nationales. *Paris*, 9-e édit., 1814, in-8.

Delfico (Melchiorre). Memoria sulla libertà del commercio diretta a risolvere il problema proposto dall accademia di Padova sullo stesso argomento; in-8.

Самый рьяный защитникъ свободной торговли: «Человѣкъ, говоритъ онъ, которому удастся выбросить изъ законодательнаго словаря слова: *пошлина*, *тарифъ*, *таможня*; человѣкъ, который уничтожитъ лабиринтъ, въ которомъ столько чудовищъ пожираютъ порознь народъ за народомъ; человѣкъ, который водворитъ, какъ неизмѣнный принципъ, что всякое стѣсненіе, всякое принужденіе въ экономическомъ дѣлѣ приноситъ обществу вредъ, можетъ гордиться славой, что обезпечилъ за человѣчествомъ основной законъ и дѣйствительное благосостояніе народовъ.»

Delisle de Sales. Vie littéraire de Forbonnais; 1 vol. in-8, 1801.

Знакомство съ этой біографіей необходимо для изученія множества политико-экономическихъ сочиненій Форбонне, которыя перечислены нами подъ словомъ **Forbonnais** цѣликомъ, вслѣдствіе услугъ, оказанныхъ наукѣ этимъ трудолюбивымъ и просвѣщеннымъ экономистомъ.

Desaubiez. Système de finance et d'économie politique. *Paris*, 1827.

Deslandes. Essai sur la marine et le commerce. 1743, in-8.

Desmeuniers. Dictionnaire d'économie politique, faisant partie de l'Encyclopédie méthodique; 1834—38, 4 vol. in-4.

Онъ написалъ только первую половину сочиненія, на основаніи принциповъ Адама Смита, но безъ серьезнаго ихъ усвоенія. Вторая принадлежитъ аббату Гривелю, послѣдователю Кене.

Desrotours. Notice des principaux règlements, publiés en Angleterre, concernant les pauvres. *Paris*, 1788, in-8.

Деротуру (ум. 1821) принадлежитъ десятокъ брошюръ о монетѣ, опубликованныхъ передъ революціей и во время ея.

Destutt de Tracy (comte). Traité d'économie politique. *Paris*, 1823, in-8.

Лучшее изъ извѣстныхъ мнѣ руководствъ по политической экономіи. Авторъ издалъ *экономическія* примѣчанія къ *Esprit des Lois*, достоинствомъ неуступающія подлиннику. На нихъ мало обращаютъ вниманія.

Dickson (Adam). De l'agriculture des anciens; traduit de l'anglais de Adam Dickson. *Paris*, 1802, 2 vol. in-8.

Книга содержитъ драгоцѣнныя указанія на положеніе земледѣльцевъ въ древности; но это скорѣе агрономическое, чѣмъ политико-экономическое сочиненіе.

Dictionnaire de l'Économie politique, contenant l'exposition des principes de la science, l'opinion des écrivains qui ont le plus contribué à sa fondation et à ses progrès, la Bibliographie générale de l'économie politique, avec les notices biographiques et une appréciation raisonnée des principaux ouvrages, publié sous la direction de M. M. Ch. Coquelin et Guillaumin. 2 vol. in-8. à deux colonnes. *Paris*, 1852—1854. Guillaumin et C-ie.

Dillon. Mémoires sur les établissements publics de bienfaisance, de travail et de correction, considérés sous les rapports politiques et commerciaux; an II, in-12.

Doé. Traité sur l'indigence. Quelles sont les principales causes de l'indigence? Moyens pour en arrêter les progrès. *Paris*, 1805, in-8.

Doniol. Histoire des classes rurales en France. *Paris*, 1857. Guillaumin et C-ie. 1 vol. in-8.

Dori (J.-A.). Materialien zur Aufstellung einer vernunftmässigen Theorie der Staatswirthschaft. (Matériaux pour une théorie rationnelle de l'économie politique.) *Leipzig*, 1797, in-8.

Количество матерьяловъ значительно увеличилось со времени изданія книги Дори; все же, сочиненіе его полезно для справокъ.

Droit au travail (Le) à l'assemblée nationale. Recueil de tous les discours prononcés dans cette discussion mémorable. *Paris*, 1848. Guillaumin et C-ie. 1 vol. in-8.

Droz (Joseph). Économie politique, ou Principes de la science des richesses. *Paris*, 1829, 1 vol. in-8.

Самый изящный, ясный и методическій изъ извѣстныхъ мнѣ элементарныхъ курсовъ. Онъ оказалъ большую услугу для распространенія во Франціи изученія политической экономіи.

Переведенъ на русскій языкъ Б. Ю. Корфомъ: *Политическая экономія* или *Начала науки о богатствѣ*. Спб. 1832.

Du Buat (comte). Éléments de la politique, ou Recherches des vrais principes de l'écomomie sociale. *Londres*, 1773, 6 vol. in-8.

Масса *экономическаго* матерьяла, въ шести томахъ, перемѣшаннаго съ разговорами, между которыми нерѣдко излагается, съ новой и оригинальной для того времени точки зрѣнія, множество вопросовъ, въ настоящее время считающихся окончательно рѣшенными.

Dubois (J.-B.). Du Commerce français dans l'état actuel de l'Europe, ou Observations sur le commerce de la France en Italie, dans le Levant, en Russie et dans la mer Noire, etc. *Paris*, 1806, 1 vol. in-8.

Авторъ занималъ высокій постъ во французской администраціи. Книга его запечатлѣна регламентарными воззрѣніями и бюрократической рутиной.

Dubois-Aymé. Examen de quelques questions d'économie politique, etc. *Paris*, Pélicier, 1824, in-8.

Duchatel (T.). De la Charité dans ses rapports avec l'état moral et le bien-être des classes inférieures de la société. *Paris*, 1829, in-8.

Весьма замѣчательная книга по возвышеннымъ мыслямъ и благороднымъ чувствамъ. Но авторъ, кажется, уже чрезмѣрно проникнутъ ученіемъ Мальтуса.

Dudley-North. Discourses upon trade, principally directed to the cases of interest, coinage, clipping, and increase of money. *London*, 1691.

Одна изъ первыхъ *методическихъ* книгъ по полититеской экономіи, появившихся въ Англіи.

Изъ нея можно видѣть, съ какими затрудненіями пролагаютъ себѣ путь самыя элементарныя истины.

Dufresne de Francheville. Histoire du tarif de 1664; 1766, 3 vol.

Слишкомъ длинная исторія тарифа, измѣненнаго уже два года спустя послѣ своего обнародованія.

Dufresne Saint-Léon (L. C. A.). Étude du crédit public et des dettes publiques. *Paris*, 1824, in-8.

Одно изъ лучшихъ элементарныхъ сочиненій, какія мы имѣемъ по практической финансовой наукѣ. Оно написано съ ясностью языка и взглядовъ, весьма рѣдко встрѣчающеюся въ такого рода сочиненіяхъ.

Авторъ долго служилъ по финансовому управленію, и книга его есть плодъ многолѣтней опытности.

Du Hautchamp. Histoire du système des finances sous la minorité de Louis XV. *La Haye*, 1739, 6 vol. in-12.

Самая интересная хроника объ ажіотажѣ и биржевыхъ игрокахъ во все время господства системы Лау.

— Histoire générale et particulière du visa fait en France pour la réduction et l'extinction de tous les papiers royaux et des actions de la Compagnie des Indes, que le système des finances avait enfantés. *La Haye*, 1743. 4 vol. in-12.

Систематическій перечень всѣхъ документовъ, относящихся къ системѣ Лау. Книга написана съ пристрастіемъ, подъ вліяніемъ неудовольствій, вызванныхъ банкрутствомъ; все же, это одинъ изъ интереснѣйшихъ памятниковъ той эпохи.

Duni. Origine e progressi del cittadino romano.

Сочиненіе это, замѣчательное по проницательности и по эрудиціи, содержитъ весьма остроумные взгляды на общественное состояніе римлянъ.

Dunoyer (B. C.). Nouveau Traité d'économie sociale, ou Simple exposition des causes sous l'influence desquelles les hommes parviennent à user de leur force avec le plus de liberté, c'est-à-dire avec le plus de facilité et de puissance. *Paris,* 1830, 2 vol. in-8.

Только небольшое число экземпляровъ этого превосходнаго сочиненія было пущено въ обращеніе. Оно принадлежитъ къ новой французской школѣ, не отдѣляющей успѣховъ промышленности отъ развитія нравственности и всеобщаго благосостоянія. Оно преисполнено новыхъ воззрѣній и суровыхъ истинъ.

Сочиненіе это совершенно передѣлано, и перепечатано подъ заглавіемъ: *De la Liberté du Travail ou Simple exposé des conditions dans lesquelles les forces humaines s'exercent avec le plus de puissance.* Paris, Guillaumin et C-ie, 1845, 3 vol. in-8.

Dupin (baron Ch.). Le petit Producteur français. *Paris*, Bachelier, 1827 et années suiv., 7 vol. in-18.

Баронъ Дюпенъ издалъ, подъ этимъ заглавіемъ, рядъ общепонятныхъ сочиненій, въ которыхъ онъ нападаетъ на запретительную систему съ замѣчательно ѣдкой насмѣшкой.

— Discours et leçons sur l'industrie, le commerce, la marine, et sur les sciences appliquées aux arts. *Paris*, Bachelier, 1825, 2 vol. in-8.

— Forces productives et commerciales de la France. *Paris*, Bachelier 1827, 2 vol. in-4.

Dupin (baron), ancien préfet, mort en 1822. Histoire de l'administration des secours publics, etc. *Paris*, 1821, in-8.

Dupont (de Nemours). Physiocratie ou Constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain; recueil publié par Dupont. *Leyde* et *Paris*, 1768, deux parties in-8.

Это критическій разборъ знаменитой арифметической формулы *Tableau économique* Кене, съ присоединеніемъ примѣчаній къ *Maximes générales du gouvernement économique d'un royaume agricole*, того же автора.

На эту книгу можно смотрѣть, какъ на катехизисъ школы *экономистовъ*.

Арифметическая формула не приведена въ немъ; она буквально перепечатана въ сочиненіи Мирабо старшаго, подъ заглавіемъ: Ami des hommes.

La Physiocratie и нѣкоторыя другія, замѣчательнѣйшія изъ сочиненій Дюпона (изъ Немура) перепечатаны въ томахъ, посвященныхъ Физіократамъ, *Collection des principaux économistes*.

— De l'exportation et de l'imporation des grains. *Soissons*, 1764, in-8.

— Lettre sur la différence qui se trouve entre la grande et la petite culture, etc. *Soissons*, 1764. in-12.

— Du Commerce de la Compagnie des Indes, 1769, 1 vol. in-8, 2-e édition, augmentée de l'histoire du système de Law.

Одно изъ лучшихъ сочиненій о системѣ Лау.

Вопросъ объ Индейской торговлѣ затрогивается только второстепеннымъ образомъ въ этомъ сочиненіи.

— Mémoires sur la vie et les ouvrages de Turgot. Philadelphie (*Paris*), 1782, 2 vol. in-8.

— Lettre à la chambre du commerce de Normandie, sur le Mémoire qu'elle a publié relativement au traité de commerce avec l'Angleterre. *Paris*, Moutardier, 1 vol. in-8, 1788.

Коментарій, полный интересныхъ фактовъ о послѣдствіяхъ торговаго трактата съ Англіей 1786 года. Письмо это имѣетъ цѣлью защитить договоръ.

— Observations sur les effets de la liberté du commerce des grain et sur ceux des prohibitions. *Paris*, in-8, 192 pages.

— Analyse historique de la législation des grains, depuis 1792, etc., *Paris*, 1789, in-8.

— Sur la Banque de France, avec une théorie des banques, rapport fait à la chambre de commerce par une commission spéciale, *Paris*, 1806, in-8.

Дюпонъ (изъ Немура) продолжалъ изданіе *Éphémérides du citoyen*, начатое Бодо. Онъ отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ и начитанностью; въ теченіи шестидесяти лѣтъ онъ издалъ множество мемуаровъ, статей, отчетовъ, опытовъ, постоянно имѣвшихъ въ виду общественное благо; къ сожалѣнію, они слишкомъ часто проникнуты духомъ партіи. *Ж. Б. Сэй.*

Dupré de Saint-Maur. Essai sur les monnaies, ou Réflexions sur le rapport entre l'argent et les denrées. *Paris*, 1746, in-4.

Книга эта слишкомъ превозносилась : тѣмъ неменѣе, она содержитъ интересныя подробности о монетѣ въ средніе вѣка и таблицу измѣненій въ цѣнахъ различныхъ товаровъ съ 1002 по 1742 годъ.

— Recherches sur la valeur des monnaies et sur le prix des grains, avant et après le concile de Francfort. *Paris*, 1762, in-12.

Duquesnoy. Recueil de mémoires sur les établissements d'humanité; traduit de l'anglais par Labaume de Liancourt et autres; publié par Duquesnoy avec soin. 1794—1804.

Dureau de la Malle. Économie politique des Romains, *Paris*, 1840, 2 vol. in-8.

Dutens (J.). Analyse raisonnée des principes fondamentaux de l'économie politique. 1 vol. in-8, 1804.

Этотъ первый опытъ Дютана передѣланъ съ большими измѣненіями въ другомъ сочиненіи, изданномъ тридцать лѣтъ позже, подъ заглавіемъ:

— Philosophie de l'économie politique, ou Nouvelle exposition des principes de cette science, *Paris*, 1835, 2 vol. in-8.

Принципы, защищаемые авторомъ въ послѣднемъ сочиненіи, существенно отличаются отъ тѣхъ, которымъ онъ слѣдовалъ въ молодости. *Philosophie de l'économie politique* есть ничто иное, какъ новое изданіе ученія Кене, за выключеніемъ изъ послѣдняго того, что было въ немъ либеральнаго относительно вопроса о свободной торговлѣ и о налогахъ.

Dutot. Réflexions politiques sur les finances et le commerce. *La Haye*, 1738, 2 vol. in-12.

Писатель этотъ глубже другихъ изслѣдовалъ систему Лау и причины ея паденія. Книга его написана съ удивительною ясностью, и содержитъ въ себѣ соображенія, необходимыя для человѣка, желающаго основательно познакомиться съ трудной финансовой наукой.

Сочиненіе это перепечатано въ томѣ, озаглавленномъ *Economistes financiers du XVIII siècle*, составляющемъ 1-й томъ *Collection des principaux Économistes* Гильомена.

БИБЛІОТЕКА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

Duverney. Voyez **Paris du Verney.**

E.

Ecrement. Entretiens et vues sur l'économie politique, etc. *Lille* et *Paris*, 1818, in-12.

Ehrental (V.). Die Staatswirthschaft nach Naturgesetzen. *Leipzig*, 1819.

— Ueber das öffentliche Schuldenwesen. *Leipzig*, 1810.

Eikemeyer, Abhandlungen über Gegenstdände der Staats- und Kriegswissenschaften. *Frankfurt*, in-8, 1816.

Eiselen (J.-J.-H.). Grundzüge der Staatswirthschaft. *Berlin*, 1818, 1 vol. in-8.

Эйзелену же мы обязаны новымъ, дополненнымъ изданіемъ *Science financière* par S.—H. Jakob. См. это имя.

Ellis. Principes élémentaires d'économie sociale. *Paris*, 1850. Guillaumin et C-ie. 1 vol. in-18.

— Leçons progressives d'économie sociale. *Paris*, 1851. Guillaumin et C-ie. 1 vol. in-18.

Enfantin. Économie politique et Politique. *Paris*, 1831, in-8.

Ensor (George). An inquiry concerning the population of nations. (Recherches sur la population des nations.) 1 vol. in-8, 1818.

— The poor and their relief. (Des pauvres et des secours.) 1 vol. in-8, 1823.

Энсоръ и Годвинъ суть замѣчательнѣйшіе изъ противниковъ ученія Мальтуса о народонаселеніи.

Éon de Beaumont (d') Essai historique sur les différentes situations de la France, par rapport aux finances, sous le règne de Louis XIV et la régence du duc d'Orléans. *Amsterdam* (*Paris*), 1753, in-12.

Eschenmayer. Ueber das formale Prinzip der Staatswirthschaft. (Du principe formel de l'économie politique comme science et comme doctrine.) *Heidelberg*, 1815, in-8.

Эшенмайеръ болѣе всѣхъ нѣмецкихъ писателей оказалъ содѣйствія распространенію ученію Адама Смита своими статьями, помѣщенными въ Гейдельбергскихъ лѣтописяхъ (*Heidelberger Jahrbücher*) и въ Лейпцигской литературной газетѣ (*Leipziger Litteratur-Zeitung*). Приведенное сочиненіе отвлеченное, и имѣетъ только теоретическое значеніе.

Everett (Alex.-H.). Nouvelles idées sur la populalion, avec des remarques sur les théories de Malthus et de Godwin; traduit de l'anglais par C. J. Ferry. *Paris*, Renouard, 1826, in-8.

Estrada (don Alvaro Florez). Traité éclectique d'économie politique; traduit par L. Galibert. *Paris*, 1833, 3 vol. in-8.

Одинъ изъ лучшихъ трактатовъ, изданныхъ со времени Адама Смита; онъ въ особенности замѣчателенъ по вопросамъ о теоріи налоговъ. На испанскомъ языкѣ, въ 1841 (Мадритъ), вышло пятое изданіе этого сочиненія, значительно дополненное.

F.

Fabricius. Anfangsgründe der öconomischen Wissenschaften. *Kopenhague*, 1783, in-8.

Faiguet. L'ami des pauvres, ou l'Économie politique, *Paris*, 1766, in-12.

— L'Ami des pauvres, mémoire politique sur la conduite des finances. *Amsterdam*, 1770, 1 vol. in-12.

Fazy, (Jean-James). L'homme aux proportions ou Conversations philosophiques et politiques. *Paris*, 1821, in-12.

— Opuscules financiers sur l'effet des privilèges, des emprunts publics et des conversions; sur le crédit et l'industrie en France. *Genève* et *Paris*, in-8, 1826.

— Du privilège de la Banque de France, considéré comme nuisible aux transactions commerciales. *Paris*, 1819, in-8, de 76 pages.

Félice (de). Éléments de la police d'un État. *Yverdun*, 1781, 2 vol. in-12.

Fergusson (Adam). Essai sur l'histoire de la société civile, traduit de l'anglais par Bergier. *Paris*, 1783, 2 vol. in-12, ou 1796, in-8.

Книга эта принадлежитъ скорѣе къ философіи исторіи, чѣмъ къ ис-

торіи политической экономіи. Лучшая глава ея, та, въ которой онъ изображаетъ выгоды раздѣленія труда, быть можетъ, достойна, чтобы подъ ней подписалъ свое имя Адамъ Смитъ.

Ferrier (F. L. A.). Du gouvernement considéré dans ses rapports avec le commerce, ou de l'Administration commerciale opposée à l'économie politique. *Paris*, 1821, in-8.

Это—Зоилъ Адама Смита и Пиндаръ таможни, въ которой онъ занималъ очень выгодное мѣсто. Пишетъ онъ умно, и его доводы не лишены нѣкотораго жара, но они разлетаются прахомъ при самомъ легкомъ прикосновеніи къ нимъ. Это — экономистъ бюрократіи.

Fichte (J. G.). Der geschlossene Handelsstaat. (L'État fermé commercialement.) *Tubingue*, 1800, in-8.

Сочиненіе настолько замѣчательное, чтобы обратить на себя вниманіе современниковъ. Оно и теперь полезно для справокъ, несмотря на послѣдующіе труды по тому же вопросу.

Filangieri (Gaetano). Delle leggi politiche ed economiche. In-8.

Горячій сторонникъ свободной торговли и противникъ постоянныхъ армій.

Хотя это и не лучшее его сочиненіе, въ немъ тѣмъ неменѣе нельзя не признать высокодаровитаго человѣка, яснаго и положительнаго ума великаго итальянскаго реформатора.

Fischer. Lehrbegriff und Anfang der deutschen Staatswissenschaft. *Halle*, 1783, in-8.

Fix (Théodore). Revue mensuelle d'économie politique. 5 vol. in-8. *Paris*, 1833—1836.

— Observations sur les classes ouvrières. *Paris*. Guillaumin, 1 vol. in-8.

Förster. Versuch einer Einleitung in die Cameral- und Polizeiwissenchaft. *Halle*, 1771, in-8.

— Entwurf der Land-, Staats- und Stadtwirthschaft. *Berlin*, 1793, in-8.

Fontenay (R. de) Du revenu foncier. *Paris*, 1854. Guillaumin et C-ie. 1 vol. in-18.

Eorbonnais (Véron de). Essai sur la partie politique du commerce de terre et de mer, de l'agriculture et des finances. 1751, in-12.

— Éléments du commerce. *Leyde* et *Paris*, 1734. Nouv. édit. augmentée, *Paris*, an IV (1796), 2 vol. in-12.

— Considérations sur les finances d'Espagne, relativement à celles de France. *Dresde* (Paris), 1753, 1755, pet. in-12.

— Examen des avantages et des désavantages de la prohibition des toiles peintes. *Marseille*, 1755, in-12.

— Questions sur le commerce des Français au Levant. *Marseille*, (Paris), 1759, in-12.

— Lettre à M. F... (Fréron), ou Examen politique des prétendus inconvénients de la faculté de commercer en gros, sans déroger à la noblesse. 1756, in-12.

— Recherches et considérations sur les finances de France, depuis 1595 jusqu'à 1721. *Bâle,* 1758, 2 vol. in-4. — Seconde édition. *Liège*, 1758, 6 vol. in-12.

— Essai sur l'admission des navires neutres dans nos colonies. *Paris*, 1759, in-12.

— Extrait du livre de l'Esprit des Lois, chapitre par chapitre, avec des observations. 1753, in-12.

— Divers mémoires sur le commerce, etc. *Paris*, 1756, in-12.

— Prospectus sur les finances, dédié aux bons Français. 1789, in-12.

Question sur le commerce des Français du Levant. *Marseille, Carapatria* (Paris). 1755, in-12.

— Supplément au journal d'août 1768, ou Examen du livre intitulé: «Principes sur la liberté du commerce des grains (d'Abeille).» 1768, in-12.

— Principes et observations économiques. *Amsterdam*, 1770, 2 vol. in-12.

— Observations succinctes sur l'émission de deux milliards d'assignats. *Paris*, 1790, in-12.

— Analyse des principes sur la circulation des denrées et l'influence du numéraire sur la circulation. *Paris*, 1800, petit in-12.

— Le Négociant anglais. *Dresde* (Paris), 1753, 2 vol. in-12. Traduction abrégée d'un journal anglais qui parut à Londres, en 1713, sous le titre de *British Merchant*.

— Théorie et pratique du commerce et de la marine ; traduit de l'espagnol **d'Ustariz.** (См. это имя).

Третій томъ стариннаго сборника Института (отдѣлъ нравственныхъ и политическихъ наукъ содержитъ того же автора: *Mémoires sur le genre des questions dont la science de l'économie politique comporte la solution exacte* (1801).

Форбонне принадлежитъ къ числу самыхъ плодовитыхъ и самыхъ почтенныхъ экономистовъ послѣдняго вѣка. Практическая опытность постоянно охраняла его отъ увлеченія утопіями, а добросовѣстность не дозволяла ему издавать ничего, безъ самаго серьознаго изученія и са-

маго неутомимаго изслѣдованія. Его *Considérations sur les finances de la France* останутся самой интересной книгой для той эпохи, въ которую она была написана.

Fodéré (Fr. Emm.) Essai historique et moral sur la pauvreté des nations, la population, la mendicité, les hopitaux et les enfants-trouvés. *Paris*, M-me Huzard, 1825, in-8.

Fortune (Thomas). Histoire concise et authentique de la Banque d'Angleterre. *Londres*, 1779, in-8.

Fourier (Ch.) Traité de l'association domestique agricole; 2 vol. in-8. *Paris*, 1822.

По мнѣнію автора, зло вытекаетъ вовсе не изъ природы человѣка и не изъ присущихъ ему склонностей; оно есть результатъ общественныхъ условій, которыя, вмѣсто того чтобы предоставить его склонностямъ счастливый и законный исходъ, чаще всего заставляютъ ихъ идти путемъ обмана, борьбы и несправедливости. Мысль великая и прекрасная; но книга, въ которой авторъ пытался представить ея послѣдствія, написана такимъ темнымъ языкомъ, она переполнена такимъ количествомъ вновь выдуманныхъ имъ странныхъ словъ, такими непонятными проектами ассоціаціи, что авторъ долгое время считался мечтателемъ.

— Le nouveau monde industriel et sociétaire; ou Invention du procédé d'industrie attrayante et naturelle distribuée en séries passionnées. *Paris*, 1829, in-8, 1 vol.

Вотъ какъ выражается авторъ въ своемъ предисловіи: «Какъ только этимъ опытомъ доказано будетъ, что механизмъ, называемый *фалангой увлеченныхъ разрядовъ* (*séries passionnées*), создастъ влеченіе къ труду, то заведеніе фалангъ распространится съ быстротою молніи: всѣ дикари, всѣ африканскіе негры отдадутся труду; спустя *два или три года* сахаръ будетъ обмѣниваться на такое же, по вѣсу, количество хлѣба; въ такомъ же соотвѣтствіи будутъ и прочіе товары жаркаго пояса. Другая выгода, между тысячею другихъ, будетъ состоять въ немедленномъ погашеніи государственнаго долга во всѣхъ странахъ, вслѣдствіе учетверившагося производства: когда производство Франціи, оцѣниваемое въ шесть мильярдовъ, достигнетъ двадцати четырехъ мильярдовъ, казнѣ легче будетъ получить два мильярда, чѣмъ теперь одинъ изъ шести.»

— Théorie des quatre mouvements. 1808, 1 vol. in-8.

Это — первое твореніе Фурье. Въ немъ мысль его еще смутна и неопредѣленна; она начинаетъ выясняться только въ *Traité de l'Association domestique agricole*.

Franklin (Benjamin). La science du bonhomme Richard. — Plusieurs essais qu'on trouvé dans ses OEuvres morales et politiques, notamment sur le luxe, la paresse et le travail; sur l'état de l'Amérique anglaise, ou tableaux des vrais intérêts de ce vaste continent; observations sur l'état de l'Ohio ; réflexions sur l'augmentation des salaires. Voyez aussi l'interrogatoire qu'il subit devant la Chambres des communes en 1776.

Франклинъ, повидимому, не былъ знакомъ съ сочиненіями предшествовавшихъ ему политико-экономистовъ; воззрѣнія его, тѣмъ неменѣе, не были опровергнуты послѣдующими теоріями, что̀ слѣдуетъ объяснять опытнымъ методомъ, принятымъ имъ для изслѣдованія нравственныхъ и политическихъ вопросовъ. Онъ изучалъ политику и общественную экономію тѣмъ же способомъ, какъ изучалъ физику.

Небольшія статьи Франклина собраны были въ одномъ томѣ in-18, подъ заглавіемъ : *Mélanges de morale et d'économie politique*. Paris, 1854.

Froumenteau (N.) Le secret des finances de France, découvert et départi en trois livres. In-12, 1581. Безъ имени города.

Это—перечисленіе грабительствъ и опустошеній, причиненныхъ гражданскими смутами во время религіозныхъ войнъ, разорявшихъ Францію до окончательнаго утвержденія Генриха IV. Авторъ распредѣляетъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ по всѣмъ провинціямъ погибшія жертвы отъ насилія солдатъ. Въ сочиненіи то и дѣло встрѣчаются зловѣщія слова: *столько то повѣшенныхъ*, *столько то сожженныхъ*, какъ о вещи самой обыкновенной. Цѣнное изданіе, съ обозначеніемъ имени автора, довольно рѣдко.

Fulda. Systematischer Abriss der sogenannten Kameralwissenschaften. *Tubingue*, 1802.

— Grundsätze der Cameralwissenschaften. *Tubingue*, 1820, in-8.

— Ueber Production und Consumtion. *Tubingue*, 1820, in-8.

— Der Staatscredit. *Tubingue*, 1832.

— Ueber Nationaleinkommen. *Stuttgart*, 1805, in-8.

Furstenau. Versuch einer Apologie des Physiocratischen Systems. *Brunswick*, 1780, in-8.

G

Gaete (duc de). Notice historique sur les finances de France (de l'an 1800 au 1-er avril 1814). *Paris*, 1818, in-8.

Герцогъ Гаэтскій говоритъ только о событіяхъ, которыя онъ видѣлъ

или въ которыхъ онъ участвовалъ. Книга его, безъ сомнѣнія, самая любопытная для изученія финансовъ временъ имперіи.

Galiani (Fernando). Della moneta. (De la monnaie), 1750, 1 vol. in-8.

— Dialogues sur le commerce des blés. *Londres*, 1790, in-8.

Аббатъ Галіани одинъ изъ извѣстнѣйшихъ итальянскихъ экономистовъ, хотя оба его сочиненія далеко не подтверждаютъ репутаціи, которою онъ пользовался.

Его разговоры о хлѣбной торговлѣ направлены противъ свободнаго вывоза хлѣба, а его опытъ о монетѣ уступаетъ всѣмъ почти сочиненіямъ, написаннымъ о томъ же вопросѣ въ Англіи и въ Италіи. По поводу *разговоровъ*, онъ писалъ, въ 1770, Сюарду: Вы, который принадлежите къ школѣ Дидро и *къ моей*, не читаете ли вы между строкъ книги? Пусть бы тѣ, которые прочитали самую книгу, не нашли въ ней ничего опредѣленнаго; но вы, читающіе между строкъ, видящіе то, чего нѣтъ въ ней, и незамѣчающіе того, что̀ въ ней есть, вы должны бы были прочитать въ ней слѣдующее: при всякомъ образѣ правленія, законодательство о хлѣбѣ запечатлѣно духомъ правительства; при деспотѣ свободный вывозъ хлѣба невозможенъ; *тиранъ слишкомъ боится крика своихъ голодныхъ рабовъ.*» А между тѣмъ, Галіани опровергалъ свободный вывозъ хлѣба; дѣло въ томъ, что онъ былъ секретаремъ посольства. Онъ писалъ одно, но между строкъ выходило другое.

Gandillot (avocat). Essai sur la science des finances. *Paris*, Joubert, 1840, 1 vol. in-8.

Ganilh (Charles). Essai politique sur le revenu public des peuples de l'antiquité, du moyen-âge, des siècles modernes, et spécialement de la France et de l'Angleterre, depuis le xv-e siècle jusqu'au xix-e; 2-e édit. *Paris*, Treuttell et Wurtz, 1823, 2 vol. in-8.

— Des systèmes d'économie politique, de la valeur comparative de leurs doctrines, et de celle qui parait la plus favorable aux progrès de la richesse; 2-e édit. *Paris*, Treuttell et Wurtz, 1823, 2 vol. in-8.

— Théorie de l'économie politique, fondée sur les faits recueillis en France et en Angleterre, etc. *Paris*, les mêmes; nouv. édit., 2 vol. in-8, 1822.

— De la science des finances, 1 vol. 1825, les mêmes.

— Dictionnaire analytique d'économie politique. *Paris*, Ladvocat, in-8, 1826.

Ганиль былъ весьма трудолюбивымъ экономистомъ; но всѣ его сочиненія отличаются неопредѣленностью и неполнотой, которыя подрываютъ ихъ значеніе въ глазахъ спеціалистовъ. Лучшее его произведеніе—

des Systèmes en économie politique, худшее — его Dictionnaire, сочиненіе недостойное его имени.

Gans (baron de). System der Staatswissenschaft. (Système d'économie politique). In-8, *Leipzig*, 1826.

Довольно поверхностная книга; въ ней трактуется о народномъ богатствѣ, о налогахъ, о государственныхъ долгахъ. Авторъ стоялъ, повидимому, ниже современныхъ ему требованій науки.

Garnier (Germain). Abrégé élémentaire des principes de l'économie politique. *Paris*, 1796, in-12.

— Théorie des banques d'escompte. *Paris*, 1806, in-8.

— Histoire de la monnaie, depuis les temps les plus reculés jusqu'au règne de Charlemagne. *Paris*, 1819, 2 vol. in-8.

Одно изъ лучшихъ сочиненій о монетѣ. Имъ слѣдуетъ начинать изученіе этого вопроса.

— De la propriété dans ses rapports avec le droit politique. *Paris*, 1792, in-18.

Авторъ предполагаетъ, что самодержавіе народа находится исключительно въ рукахъ собственниковъ.

Графъ Гарнье издалъ, сверхъ того, переводъ *Essai sur la richesse des nations* Адама Смита, съ примѣчаніями. Въ настоящее время я просматриваю этотъ переводъ, снабженный множествомъ примѣчаній замѣчательнѣйшихъ политико-экономическихъ писателей.

Изданіе это, помѣщенное, въ 1843, въ 2 том. in-8, въ *Collection des principaux économistes* Гильомена, перепечатано, въ 1859, въ *Bibliothèque des Sciences morales et politiques*, въ 3 том. in-18, съ новыми примѣчаніями I. Гарнье.

Garnier (Joseph). Traité d'économie politique. Exposé didactique des Principes et des Applications de cette science et de l'Organisation économique de la société. *Paris*, Garnier frères et Guillaumin et C-ie 1 vol. in-18.

Переведены на русскій языкъ: *Начальныя Основанія политической экономіи*. Изд. В. Ососова. Спб. 1858.

Начала финансовъ. Перев. съ франц. М. Вернадской. Спб. 1863.

Основныя понятія политической, общественной и промышленной экономіи, съ присовокупленіемъ словаря экономическаго языка. Перв. П. Кисловскій. Спб. 1868.

— Du Principe de population. *Paris*, les mêmes, 1 vol. in-18.

Gasparin (de). Considérations sur les machines. *Paris*, 1835, in-8.

Gavard. Grundlinien der reinen und angewandten Staatsöconomie. *Wurtzbourg*, 1796, in-8.

Geier (Pierre-Philippe). Ueber Encyclopedie und Methodologie der Wirthschaftslehre (De l'Encyclopédie et de la Méthodologie de l'économie politique). *Wurtzbourg*, 1818, in-8.

— Versuch einer logischen Begründung der Wirthschaftslehre. *Wurtzbourg*, 1822.

Оба сочиненія имѣютъ только теоретическое значеніе. Основаніемъ для нихъ послужили доктрины Смита и Сэя.

Genovesi (Antonio). Lezioni di economia civile.

— Opuscoli di economia politica.

Дженовези — родоначальникъ политической экономіи въ Италіи. Хотя онъ поддерживалъ всею силой своего таланта пагубныя ученія меркантильной системы, ему, тѣмъ не менѣе, принадлежитъ слава писателя, оказавшаго болѣе всего содѣйствія распространенію въ своей странѣ экономическихъ изслѣдованій.

Его *Éloge des resultats du travail* имѣло значеніе торжественнаго протеста противъ клеветниковъ науки, быть можетъ, слишкомъ раздраженныхъ его предрасположеніемъ къ Англіи.

Gentz (Frédéric). Essai sur l'état actuel de l'administration des finances et de la richesse nationale de la Grande-Bretagne. *Londres* et *Hambourg*, 1800, in-8.

Хорошая книга, вѣрные взгляды, ясно примѣняемые къ государственному управленію.

Въ книгѣ не болѣе 275 страницъ; къ тому же, она проникнута явнымъ пристрастіемъ къ Англіи; но она стоитъ десяти томовъ, а ея изученіе въ высшей степени полезно для француза.

Gérando (De). De la bienfaisance publique, traité complet de l'indigence considérée dans ses rapports avec l'économie sociale. *Paris*, 1839. Renouard et C-ie. 4 vol. in-8.

Gérard de Rayneval. Principes du commerce entre les nations; traduit de l'anglais de B. Vaughan. *Paris*, 1789, in-8.

Gerboux (Fr.). Discussion sur les effets de la démonétisation de l'or, relativement à la France.

Разсужденіе, полезное для справокъ.

Gerdret. Réflexions sur la mendicité. In-12.

Gerstner. Mémoires sur les grandes routes, les chemins de fer et les canaux de navigation; traduit de l'allemand de Gerstner, et précédé d'une introduction par M. P. S. Girard. *Paris*, 1827, in-8.

Хорошая книга, полезная для справокъ, какъ экономистамъ, такъ и инженерамъ.

Gherardo d'Argo (Giambattista). Dell' armonia politico-economica tra la città e'l suo territorio. *Mantovana*, in-8.

— Dell' annona. In-8.

— Dell' influenza del commercio sopra i talenti e i costumi.

— Riposta al quesito: Se in uno stato di terreno fertile favorir debbasi maggiormente l'estrazione delle materie prime, ovvero quella delle manufatture. In-8.

— Del diritto ai transiti. In-8.

Всѣ сочиненія этого писателя проникнуты педантизмомъ и переполнены безконечными ссылками и разглагольствованіями.

Gilbart (James W.) The history and principles of banking; 2-e édit. *London*, 1835, in-8.

Лучшая исторія, какую мы имѣемъ, объ учрежденіи европейскихъ банковъ. Авторъ слишкомъ поверхностно относится къ Венеціанскому, Генуезскому, Гамбургскому и Амстердамскому банкамъ; но знакомство съ послѣдними можетъ быть пополнено примѣчаніями сенатора Гарнье къ его переводу Адама Смита, примѣчаніями, сопровождающими твореніе Шторха, и сочиненіями Ж. Б. Сэя.

Книга Жильбарта въ особенности полезна для основательнаго изученія Англійскаго банка.

— Lectures sur l'histoire et les principes du commerce chez les anciens. Traduit de l'anglais par M-lle F. G. *Paris*, 1856. Guillaumin et C-ie. 1 vol. in-18.

Gioja (Melchiore). Nuovo prospetto delle scienze economiche ossia somma totale delle idee teoriche e pratiche in ogni ramo d'administrazione privata e publica. *Milano*, 1815, 6 vol. in-4.

Обозрѣніе это, въ шести томахъ in-4, могло бы показаться слишкомъ длиннымъ, еслибы авторъ, человѣкъ замѣчательнаго ума, опечалившій недавно Италію своей смертью, не обратилъ его въ настоящую политико-экономическую энциклопедію, богатую самыми драгоцѣнными матерьялами и самыми оригинальными цитатами. Адамъ Смитъ, Ж. Б. Сэй, Мальтусъ, поочередно подвергаются его злой эпиграммѣ. Это—Жофруа политической экономіи; удары его сыпятся въ особенности на чужеземныхъ экономистовъ, между тѣмъ какъ огромная его эрудиція придава-

ла его нападкамъ видъ безпристрастія. Книга его слишкомъ мало извѣстна и слишкомъ мало изучаелся во Франціи.

Godwin (Wil.) Inquiry concerning political Justice and its influence on morals and happiness, 2 vol., *London*, 1793.

— Recherches sur la population, et sur la faculté d'accroissement de l'espèce humaine; contenant une réfutation des doctrines de Malthus sur cette matière; traduit de l'anglais par F. S. Constancio. *Paris*, 1821, 2 vol. in-8.

Книга Годвина произвела меньше шуму, чѣмъ сочиненіе Мальтуса, противъ котораго она направлена, а между тѣмъ она содержитъ болѣе смѣлые и болѣе великодушные взгляды. Она написана такимъ живымъ и выразительнымъ языкомъ и проникнута такою ѣдкой насмѣшкой, что имѣетъ характеръ памфлета; тѣмъ неменѣе, это вполнѣ спеціальное сочиненіе.

Gournay (Vincent de).

Онъ перевелъ на французскій языкъ *Шильда* (*Child*) и *Кульпепера* (*Culpeper*), (См. эти имена), и въ особенности извѣстенъ многочисленными записками, какъ интендантъ торговли. Онъ придерживался, но съ самыми разумными оговорками, принциповъ *экономистовъ* прошлаго вѣка. Тюрго написалъ ему похвальное слово; это — лучшая похвала, какую ему можно сдѣлать.

Gorlof. De valoris naturâ. *Dorpati*, 1838, in-8.

Gouttes (l'abbé). Théorie de l'intérêt de l'argent contre l'abus d'imputation d'usure. *Paris*, 1780, 1 vol.

Въ сочиненіи этомъ нѣтъ ничего, чего бы не было въ твореніяхъ Бентама и Тюрго.

Grauman. Lettre concernant les monnaies d'Allemagne. *Berlin*, 1852, in-12.

— Lettre sur la proportion entre l'or et l'argent; sur les monnaies de France, etc. *Paris*, 1788, in-8.

Grenville. Mémoire sur l'administration des finances de l'Angleterre, depuis la paix; ouvrage attribué à M. Grenville, ministre d'État, chargé de ce département dans les années 1763, 1764 et 1765. *Mayence*, 1778. in-4.

Книга эта имѣетъ цѣлью представить англійскому народу необходимость благоразумнаго финансоваго управленія. Авторъ обнаружинаетъ безпокойство на счетъ будущности своей страны, видя возрастаніе го-

сударственнаго долга. Что сказалъ бы онъ, еслибы жилъ послѣ американской войны и французской революціи, увеличившихъ англійскій долгъ до двадцати мильярдовъ?

Grimaudet (François). Des monnaies, augment et diminution d'icelles. *Paris*, 1586. in-8.

Grouber de Groubenthal. Théorie générale de l'administration des finances. *Paris*, 1788, 2 vol. in-8.

Gua de Malves (abbé de). Discours pour et contre la réduction de l'intérêt naturel de l'argent; traduit de l'anglais. *Wesel* 1757, 1 vol.

Замѣчаніе, только что приведенное о книгѣ абата Гутта (Goultes), можетъ быть приложено и къ этому сочиненію.

Gudin de la Brenellerie. Essai sur l'histoire des comices de Rome, des états généraux de France et du parlement d'Angleterre. *Paris*, Maranda, 1789, 3 vol. in-8.

Сочиненіе это, за полезность свою, удостоено награды Французской академіи. Оно обладаетъ тѣмъ рѣдкимъ качествомъ сочиненій подобнаго рода, что написано съ большою ясностью.

Guer (de). Histoire de la Banque d'Angleterre, et considérations sur les grandes banques de circulation. *Paris*, 1810, in-8.

— Considérations sur les finances. *Paris*, 1803, in-8.

— Du crédit public. *Paris*, 1807, in-8.

— Essai sur le crédit commercial, considéré comme moyen de circulation, et suivi de l'exposition des principes de la science du crédit public, et de celle de l'imposition. *Paris*, 1801, in-8.

Gulich (Gust.). Geschichtliche Darstellung des Handels, etc. (Exposé historique du commerce, de l'industrie et de l'agriculture des États commerçants les plus importants de notre époque.) 2 vol. in-8. *Jena*, 1830, chez Froman.

Сочиненіе это, написанное рачительно и добросовѣстно, соотвѣтствуетъ своему заглавію. Оно содержитъ драгоцѣнныя изслѣдованія о торговлѣ и промышленности. Внѣшнія сношенія между собой народовъ разсматриваются въ немъ особенно въ широкихъ размѣрахъ, но нисколько не во вредъ изслѣдованію внутренней торговли.

H

Hagen (von der). Staatslehre. *Königsberg*, 1839, in-8.

Hamburger. De pretiis rerum apud veteres Romanos disputatio. *Göttingue*, 1754.

Выводы, подлежащіе оспариванію, по предмету, который никогда не будетъ разъясненъ, какъ слѣдуетъ, но много фактовъ и замѣчаній.

Hamilton (Robert). Recherches sur l'origine, les progrès, le rachat, l'état actuel et la régie de la dette nationale de la Grande-Bretagne; traduit de l'anglais par Henri Lasalle. *Paris*, 1817, in-8.

Одно изъ лучшихъ сочиненій по разбирающемуся вопросу. Къ нему постоянно обращаются за справками, какъ къ официальному документу, что̀ однако, несправедливо.

Hamilton (Alexander). Report of the secretary of the treasury of the United States on the subject of manufactures. 1 vol. in-folio 1791.

Harcourt (vicomte d'). Réflexions sur la richesse future de la France et sur la direction qu'il convient de donner à la prospérité du royaume. *Paris*, 1826, in-8.

Сочиненіе это содержитъ нѣсколько полезныхъ взглядовъ.

Авторъ доказываетъ возможность употребленія войскъ на общественныя работы; онъ не очень благосклонно относится къ внѣшней торговлѣ, но за то сильно защищаетъ обращеніе государственныхъ долговъ въ отвержденные, какъ средство связать интересы капиталистовъ съ правительствомъ. Въ 1830 мы видѣли, что̀ такое подобная связь.

Hauterive (comte d'). Éléments d'économie politique, suivis de quelques vues sur l'application des principes de cette science aux règles administratives. *Paris*, 1817, in-8.

Сочиненіе графа Готрива проливаетъ большой свѣтъ на важныя неудобства дурнаго распредѣленія налоговъ.

Мы не знаемъ болѣе энергическаго противника запретительной системы, а противудѣйствіе его было тѣмъ болѣе мужественно, что авторъ самъ принадлежалъ къ администраціи.

Heeren. De la politique et du commerce des peuples de l'antiquité; traduit de l'allemand, sur la 4-e édition, par M. W. Suckau. *Paris*, Didot, 1830, 6 vol. in-8.

— Manuel de l'histoire ancienne, considérée sous le rapport des

constitutions, du commerce et des colonies des divers États de l'antiquité. Traduit de l'allemand par M. Thurot. *Paris*, F. Didot et fils, 1823, ou 1837, in-8.

— Essai sur l'influence des croisades. 1 vol. in-8.

Геереnъ принадлежитъ къ числу историковъ, доставившихъ болѣе всего матерьяловъ для политической экономіи, хотя онъ и не былъ экономистомъ.

Héguerty (d'). Essai sur les intérêts du commerce maritime. *La Haye*, 1754, in-12.

Авторъ предлагаетъ *актъ мореплаванія*, подобный англійскому.

Hennet (le chevalier). Essai d'un plan de finances. *Paris*, Delaunay, 1816, brochure in-4.

— Théorie du crédit public. *Paris*, Delaunay, 1816, 1 vol. in-4.

Henrion de Bussi. De la destruction de la mendicité. *Riom*, 1790, in-4.

Herbert (Cl. Jacq.). Essai sur la police générale des grains. *Londres*, 1754, in-8; *Berlin*, 1755, in-12.

— Observations sur la liberté du commerce des grains. *Paris*, 1759, de 60 pages.

Hermann. Staatswirthschaftliche Untersuchungen. (Recherches d'économie politique.) In-8, *Munich*, 1832.

Авторъ разсматриваетъ науку съ самой возвышенной точки зрѣнія. Общественный духъ необходимъ, по его мнѣнію, для осуществленія экономическихъ идей; практическая жизнь должна развивать, его или посредствомъ органовъ правительственной власти, или посредствомъ либерализма гражданъ. Политико-экономическія изслѣдованія изложены имъ ясно и точно, а главы о цѣнѣ товаровъ, прибыли, доходѣ и потребленіи весьма замѣчательны.

Herrensschwand. De l'économie politique et morale de l'espèce humaine. *Londres*, 1796, 2 vol. in-4.

— De l'économie politique moderne, Discours fondamental sur la population. *Londres*, 1786, in-8.

Авторъ принадлежитъ къ нѣмецкой земледѣльческой и административной школѣ: онъ представляетъ переходъ отъ школы Кене къ школѣ Адама Смита. На него можно смотрѣть скорѣе, какъ на филантропа, пропитаннаго воззрѣніями Мирабо старшаго, чѣмъ какъ на безпристрастнаго наблюдателя фактовъ, на которые опираются въ настоящее время истинныя научныя теоріи. Хотя онъ и нѣмецъ, но писалъ по фран-

цузски. Книга его о *Народонаселеніи*, посвященная Людовику XVI, кишитъ парадоксами противъ роскоши, и въ настоящее время утратила всякое значеніе.

Hock (de) Administration financière de la France, traduit de l'allemand par M. Legentil. *Paris*, 1859. Guillaumin et C-ie. 1 vol. in-8.

На русскій языкъ переведено, Н. Бунге: *Государственное хозяйство, налоги и государственные долги.* Кіевъ. 1865.

Hodgskin (Thomas). Popular political economy, four lectures delivered at the London Mechanics Institution. *London*, 1827, in-8.

Книга эта можетъ служить образцемъ, чтобы дать понятіе, до какой степени упростили англичане, для пониманія рабочихъ классовъ, самые трудные политкко-экономическіе вопросы.

Hoeck. Materialien zur Finanz-Statistik der deutschen Bundesstaaten. (Matériaux pour servir à la statistique financière de la Confédération germanique.) In-8, *Smalkalde*, 1823.

Авторъ сравниваетъ между собой различныя финансовыя системы нѣмецкихъ государствъ. Онъ излагаетъ въ подробности доходы, расходы и государственные долги. Тѣмъ неменѣе, въ книгѣ множество пробѣловъ, пополненныхъ послѣдующими произведеніями.

Hubbard. De l'organisation des sociétés de prévoyances ou de secours mutuels. *Paris*, 1852. Guillaumin et C-ie. 1 vol. in-8.

Huerne de Pommeuse. Des colonies agricoles. *Paris*, 1832, in-8.

Серьезная книга по неудобоисполнимому проекту; но и помимо непримѣнимости проекта, она все таки интересна.

Huet (ancien évêque d'Avranches). Histoire du commerce et de la navigation des anciens. 1763, 1 vol. in-8.

Элементарное сочиненіе, совершенно затмѣваемое книгой Геерена по тому же вопросу.

Hufeland. (J.). Neue Grundlegung der Staats-Wirthschaftskunde (Nouvelles bases de l'économie nationale.) 2 vol. *Giessen*, 1807 à 1813, in-8.

Сочиненіе это не окончено.

Hume (David). Essais sur le commerce, le luxe, l'argent, etc. 1767, in-12.

Одна часть *Опытовъ* Юма посвящена чисто философскимъ, другая— экономическимъ вопросамъ. Вторая, интересующая насъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ главъ, безъ связи между собою, но замѣчательныхъ по точности языка и по основательности выводовъ. Самыя интересныя посвящены монетѣ, общественному кредиту, населенію древнихъ государствъ.

Опыты Юма перепечатаны въ 1-мъ томѣ *Mélanges*, составляющемъ часть *Collection des principaux Économistes*. Между ними встрѣчается Опытъ о *торговой зависти*, который не былъ еще переведенъ на французскій языкъ.

Huskisson (William). The speeches of the right honourable. 3 vol. in-8. *Londres*, 1831.

Рѣчи этого знаменитаго министра все еще служатъ главнымъ основаніемъ для экономическихъ преобразованій въ Англіи. На нихъ можно смотрѣть, какъ на арсеналъ, въ который должны приходить за оружіемъ противники запретительной системы. (См. по тому же предмету *Notice biographique*, прочитанную въ Институтѣ авторомъ настоящей *Исторіи* 2 мая 1840).

Husson (Armand). Les consomations de Paris. *Paris.* Guillaumin et C-ie. 1 vol. in-8.

I.

Isnard. Traité des richesses, *Londres* et *Lausanne*, 1781, 2 vol. in-8.

Противникъ *экономистовъ*, зараженный, подобно имъ, нѣкоторой напыщенностью.

Въ сочиненіи встрѣчается нѣсколько подробностей по нѣкоторымъ политико-экономическимъ вопросамъ древности, въ особенности, о налогахъ.

Ivernois (Françis d'). Tableau historique et politique des pertes que la révolution et la guerre ont causées au peuple français dans sa population, son agriculture, ses colonies, ses manufactures et son commerce. Mars, 1799, 2 vol. in-8.

Жаль, что эта книга, напечатанная въ Лондонѣ, имѣетъ видъ памфлета, заказаннаго противъ правительства французскаго народа; но, помимо породившаго его чувства, соотечественники встрѣтятъ въ немъ не одинъ серьезный предметъ для размышленія и поученія.

— Sur la mortalité proportionnelle des peuples considérée comme mesure de leur aisance et de leur civilisation. Analyse des quinze registres de l'État civil en France, pour les années 1817—1831. Brochure in-8.

J.

Jacob (William). An historical inquiry into the production and consumption of the precious metals. *London*, 1831, 2 vol. in-8.

Весьма интересное сочиненіе, съ значительными пробѣлами, но преисполненное драгоцѣнныхъ фактовъ и спеціальныхъ изслѣдованій, и лучшее по этому вопросу; переводъ его на французскій языкъ былъ бы полезенъ.

— Two Reports on the trade in corn and on the agriculture of the north of Europe; (imprimés par ordre de la Chambre des communes.) In-folio, 1826 et 1827.

Эти донесенія содержатъ чрезвычайно важные документы о хлѣбной торговлѣ въ Европѣ; они измѣнили преувеличенныя мнѣнія о плодородіи сѣверныхъ странъ. Въ нихъ заключаются самыя свѣжія и самыя точныя данныя по вопросу о торговлѣ хлѣбомъ.

Jakob (L. H.). Die Staatsfinanzwissenschaft. (La Science financière, théorique et partique, éclaircie par des exemples puisés dans l'histoire financière moderne des États de l'Europe.) 2-e édition, augmentée par J. J. H. Eiselen. *Halle*, 1837, in-8.

Сочиненіе это отличается яснымъ и простымъ изложеніемъ. Авторъ обнаруживаетъ въ немъ самыя обширныя свѣдѣнія, а новый издатель его, Эйзеленъ, позаботился присоединить къ нему новые факты изъ финансоваго міра. Подробности, касающіяся Пруссіи, въ особенности заслуживаютъ вниманія.

— Grundsätze der National-Oeconomie, etc. (Principes d'économie nationale, ou théorie de la richesse nationale). In-8, *Halle*, 1826.

Сочиненіе это разбираетъ, въ четырехъ, составляющихъ его отдѣлахъ, основанія народнаго богатства, вызывающія его условія и вообще, его развитіе. За этимъ слѣдуютъ особенныя причины народнаго богатства, основанія для его распредѣленія, и наконецъ, законы потребленія.

Jollivet. De l'impôt progressif, et du morcellement des patrimoines, par J. B. M. Jollivet, ex-député de l'assemblée nationale législative. 1 vol. in-8, 1793.

Авторъ энергически протестуетъ противъ прогрессивнаго налога: опытъ не оправдалъ его опасеній. Въ мемуарѣ его приведены интересныя вычисленія.

Jonchère (De La). Système d'un nouveau gouvernement en France. *Amsterdam*, 1720, quatre parties in-12.

Въ этой книгѣ, въ высшей степени оригинальной, авторъ предполагаетъ, что король, *чтобы освободиться отъ тысячи мелочныхъ заботъ*, согласится на учрежденіе компаніи, которая бы приняла на себя завѣдованіе ежегодными государственными расходами и всѣмъ, касающимся финансовъ, торговли и содержанія полиціи. Другими словами, онъ предлагаетъ отдать компаніи управленіе съ торговъ, и для этой цѣли образовать общество, которое исполняло бы обязанности короля. Въ книгѣ этой помѣщено полное и подробное описаніе дворца и помѣщеній для управляющихъ обществомъ: балконъ перваго этажа долженъ быть украшенъ *желѣзной позолоченной* рѣшеткой; въ садахъ должны быть устроены фонтаны.

Jorio (Michel de). Storia del commercio e della navigazione, dal principio del mondo sino a giorni nostri. *Napoli*, 1778.

Длинная и скучная компиляція, несравненно слабѣе сочиненія епископа д'Авранша (Гюэ) по тому же предмету.

Jones (Richard). An essay on the distribution of wealth and on the sources of taxation. *Londres*, 1 vol. in-8, 1831.

Книга Джонеса есть полный трактатъ о происхожденіи поземельнаго дохода въ различныхъ странахъ міра, съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Этотъ опытъ о распредѣленіи богатствъ разсматриваетъ только часть богатствъ, доставляемую почвой; но монографія все таки драгоцѣнная по причинѣ вошедшихъ въ нее новыхъ, весьма рѣдкихъ документовъ.

Joubleau (Félix). Études sur Colbert ou Exposition du Système d'Économie politique suivie en France de 1661 à 1683. *Paris*, 1856. Guillaumin et C-ie. 2 vol. in-8.

Удостоена награды Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ.

Jovellanos. Informe de don Gaspar de Jovellanos en el expediente de la ley agraria. *Burdeos*, 1820, in-12.

Жовеланосъ не былъ экономистомъ, и не представилъ настоящихъ причинъ печальнаго положенія своей страны; но онъ указалъ съ удивительной проницательностью на ея раны, и книга его долго еще будетъ казаться новой, какъ и многія другія сочиненія его соотечественниковъ.

— Memoria sobre el establecimiento del monte pio de hidalgos de Madrid, leida en la real sociedad de Madrid, por don Gaspar Melchior de Jovellanos, en 12 de Marzo de 1784.

Joyce (Jeremiah). A complete analysis of Adam Smith. In-12, 1797, *London.*

Justi (von). Staatswirthschaft oder systematische Abhandlung. *Leipzig*, 1755, in-8.

Переведено на русскій языкъ, И. Богаевскимъ: *Основаніе силы и благосостоянія царствъ*. Спб. 1772—1778. 4 части.

Jung. Versuch einer Grundlehre sämmtlicher Cameralwissenschaften. *Lautern*, 1779.

— Lehrbuch der Finanzwissenschaft. *Leipzig*, 1788.

Juvigny (B.). Exposé des principes élémentaires et raisonnés sur le meilleur système d'emprunts publics, et sur le meilleur mode d'amortissement, précédé de notions générales et spéciales sur la dette publique. *Paris*, 1833, in-8.

Это—превосходная элементарная книга для назиданія людей, неимѣющихъ никакого понятія о биржевомъ дѣлѣ.

K.

Klockii (Gaspari) Tractatus œconomico-politicus de contributionibus. *Nuremberg*, 1640, in-folio.

Kraus (Chr. J.). Staatswirthschaft. 5 vol. in-8, 1808—1811, *Kœnigsberg.*

Krause (J. F.). Versuch eines Systems der National und Staatsœconomie. (Essai d'un système d'économie nationale.) 2 vol. in-8, *Leipzig*, 1830.

Популярное изложеніе основаній политической экономіи. Авторъ придерживается хронологической системѣ, и выводитъ свои принципы изъ фактовъ. Онъ представляетъ историческій очеркъ развитія политической экономіи, описывая измѣненія, произведенныя временемъ и естественными законами природы между народами. Начинаетъ онъ съ пастушеской и охотничьей жизни, и объясняетъ переходъ къ земледѣлію; затѣмъ, онъ обращается къ происхожденію промышленности и торговли и къ правильному заготовленію запасовъ. Многочисленныя примѣчанія содержатъ научныя опредѣленія и разборъ многихъ экономическихъ ученій.

Krug. Abriss der Staatsœconomie. *Berlin*, 1808, in-8.

— Ideen zu einer staatswirthschaftlichen Statistik. *Berlin*, 1807, in-8.

Kuttlinger (Friedmann). Grundzüge einer allgemeinen Rechts- und

Wirthschaftslehre. (Principes généraux du droit et de l'économie politique à l'usage des jurisconsultes et des caméralistes.) 2 vol. in-8, *Erlangen*, 1837.

Это — опытъ соединенія правовѣдѣнія съ политической экономіей. Авторъ, повидимому, невполнѣ знакомъ съ современнымъ состояніемъ послѣдней науки. Въ его книгѣ много устарѣлыхъ понятій; встрѣчается также и нѣкоторая безпорядочность. Такимъ образомъ, народное право помѣщено непосредственно вслѣдъ за экономическою частью сочиненія, безъ достаточнаго оправданія такой послѣдовательности. Вся же книга Кутлингера даетъ огромное количество матерьяловъ, изученіе которыхъ небезполезно для начинающихъ.

L.

Labarthe. Intérêts de la France dans l'Inde, contenant: 1° l'indication des titres de propriété de nos possessions d'Asie; 2° les époques de nos succès et de nos revers dans ces contrées; 3° les actes relatifs à la rétrocession de nos établissemets après la paix de 1783. *Paris*, 1816, in-8.

Превосходное обозрѣніе событій, къ сожалѣнію, быстро промелькнувшихъ, и приведшихъ насъ къ тому печальному положенію, какое мы занимаемъ въ Индіи въ настоящее время.

Laborde (le comte Alexandre de). De l'esprit d'association dans tous les intérêts de communauté. *Paris*, 1818, in-8.

То, что̀ совѣтывалось авторомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, исполняется въ настоящее время, даже переходитъ за должныя мѣры. Духъ ассоціаціи овладѣлъ Европой, и производитъ чудеса. Чрезмѣрное его развитіе вызываетъ уже даже опасенія; тѣмъ неменѣе, книга Лаборда имѣла въ виду только благую цѣль.

Laboulinière. (P.). De la Disette et de la surabondance en France; des moyens de prévenir l'une, en mettant l'autre à profit, et d'empêcher les trop grandes variations dans le prix des grains. *Paris*, 1821, 2 vol. in-8.

Добросовѣстный трудъ просвѣщеннаго администратора. Авторъ былъ помощникомъ префекта въ Этампѣ, складочномъ мѣстѣ хлѣбныхъ запасовъ, и могъ изучить спеціальнымъ образомъ практическую сторону вопроса о хлѣбѣ.

La Farelle (Fél. de). Du progrès social au profit des classes populaires non indigentes, ou Études philosophiques et économiques sur l'amélioration matérielle et morale du plus grand nombre. *Paris*, 1839, 2 vol. in-8, 2-e édition, *Paris*, Guillaumin, 1847, 1 vol. in-8.

— Plan d'une réorganisation disciplinaire des classes industrielles en France, précédé et suivi d'études historiques sur les formes du travail humain, 1842, 1 vol. in-12. (ajouté à la 2-e édition de l'ouvrage précédent).

Laffitte (J.). Réflexions sur la réduction de la rente, et sur l'état du crédit. *Paris*, 1824, in-8.

Лафиту принадлежитъ честь, что онъ первый показалъ въ этомъ сочиненіи выгоды, которыя будутъ доставлены понижеміемъ ренты, въ ту эпоху, когда общественное мнѣніе далеко не благопріятствовало этой важной финансовой мѣрѣ. Отложенный въ то время вопросъ, возбужденъ, спустя болѣе десяти лѣтъ, и книга Лафита, повидимому, представляетъ новый интересъ. Мы рекомендуемъ ее людямъ, которые желаютъ познакомиться, безъ усилій, съ теоріей кредита.

— Opinion sur le projet de loi relatif à l'emprunt de 80 millions, etc. *Paris*, Bossange, 1828, in-8.

Laforest (l'abbé de). Traité de l'usure et des intérêts. *Cologne* et *Paris*, 1769, 1 vol.

— État des pauvres, ou Histoire des classes travaillantes de la société en Angleterre, depuis la conquête jusqu'à l'époque actuelle, etc.; extrait de l'ouvrage, publié en anglais par Sir Morton Eden, par Larochefoucault-Liancourt. *Paris*, an VIII, in-8.

Это извлеченіе должно бы содѣйствовать распространенію превосходнаго сочиненія, которое можетъ служить образцемъ для изслѣдованій о состояніи бѣдныхъ. Къ сожалѣнію, произведеніе сэра Фр. Мортона Эдена содержитъ неменѣе трехъ томовъ in-4. (Londres, 1797).

Lang. Ueber den obersten Grundsatz der politischen Œconomie. *Riga*, 1807, in-8.

Lasalle (Henri). Des finances d'Angleterre. *Paris*, 1803, 1 vol. in-8.

Полезная въ свое время книга, но въ настоящее время превзойденная произведеніями сэра Генриха Парнелля, Пебрера и Бальи.

Lauderdale (lord). An inquiry into the nature and origin of public wealth, and into the means and causes of its increase. *Edinburg*, 1804, in-8. (Traduit en français, *Paris*, Dentu, 1807, in-8.)

— Considerations on the state of currency. 1813.

Оба сочиненія лорда Лаудердаля, въ особенности послѣднее, пользуются уваженіемъ до сихъ поръ, даже послѣ книги Рикардо.

Lauraguais (comte de). Mémoire sur la Compagnie des Indes, dans lequel on établit les droits des actionnaires, etc. 1 vol. in-8, 1770.

Это горячій разборъ системы Лау, изъ всѣхъ самый краткій и самый интересный.

Lavergne (L. de) de l'Institut. Essai sur l'économie rurale de l'Angleterre, de l'Écosse de l'Irlande. *Paris*, 1858. Guillaumin et C-ie. 3-e édition. 1 vol. in-18.

— L'Agriculture et la population. *Paris*, 1857. Guillaumin et C-ie.

— L'Agriculture en France depuis 1789. *Paris*, 1860. Guillaumin et C-ie. 1 vol. in-18.

Lavoisier. Résultats extraits d'un ouvrage intitulé: De la Richesse territoriale du royaume de France, ouvrage dont la rédaction n'est pas encore achevée; remis au comité de l'imposition. *Paris*, 1791, in-8. Nouv. édition, suivie d'un Essai d'arithmétique politique sur les premiers besoins de l'intérieur de la France, par M. de Lagrange. *Paris*, madame Huzard, 1819, in-8.

Law (Jean). Ses œuvres, contenant les Principes snr le numéraire, le commerce, le crédit et les banques. Traduit de l'anglais, avec des notes, par M. de Sénovert. *Paris*, 1790, in-8.

Въ этомъ томѣ заключаются всѣ сочиненія Лау.

Его письма о банкахъ должны служить руководствомъ для всѣхъ, начинающихъ изученіе финансовыхъ вопросовъ въ политической экономіи.

Его *Considérations sur le numéraire (Соображенія о монетѣ)* есть лучше сочиненіе объ этомъ вопросѣ, несмотря на прекрасныя изслѣдованія Адама Смита.

Лау — геніальный человѣкъ, единственный недостатокъ котораго было то, что онъ родился сто лѣтъ ранѣе, чѣмъ слѣдовало.

Oeuvres complètes de J. Law, тщательно собранныя и снабженныя примѣчаніями Эжена Дера, напечатаны были въ первый разъ въ томѣ: *Économistes financiers du XVIII siècle*, составляющемъ 1-й т. *Collection des Principaux Économistes* Гильомена.

Lebreton (Joachim). Rapport fait au nom de la section des finances, sur le projet de loi relatif aux monnaies. *Paris*, germinal an IX, in-4.

Lechevallier (Jules). Études de la science sociale, in-8, 1834.

Авторъ опровергаетъ здѣсь ученіе сенъ-симонистовъ, котораго самъ

онъ былъ одно время сторонникомъ. Къ сочиненію присоединена *Programme d'économie politique*.

Leipziger. Geist der Nationalöconomie. 2 vol. in-8, *Berlin*, 1813, à 1814.

Lepelletier (de la Sarthe). Du système social. Ses applications à l'industrie, à la famille, à la société. *Paris*, 1855. Guillaumin et C-ie. 2 vol. in-8.

Lequin de la Neuville. Origine des postes chez les anciens et chez les modernes. *Paris*, 1708, in-12.

Книга эта содержитъ нѣсколько интересныхъ подробностей по вопросу о почтахъ; но въ ней нѣтъ ни малѣйшаго намека на результаты достигнутыхъ улучшеній.

Lethinois (André). Apologie du système de Colbert, ou observations juridico-politiques sur les jurandes et maîtrises d'arts et métiers. 1 vol. in-18. *Amsterdam*, 1771.

Авторъ видитъ одну только сторону вопроса; но онъ извлекъ изъ нея все, что̀ было можно. Книга его представляетъ весьма остроумную защиту въ пользу корпорацій.

Letrosne. De l'ordre social, ouvrage suivi d'un traité élémentaire sur la valeur, l'argent, la circulation, l'industrie et le commerce intérieur et extérieur. *Paris*, 1777, in-8.

— De l'intérêt social. 1 vol. in-8, 1777.

Второе сочиненіе ближе касается политической экономіи, чѣмъ первое. Оба принадлежатъ къ школѣ *экономистовъ*; но первое имѣетъ болѣе близкое отношеніе къ политическому устройству. Послѣднее перепечатано въ *Collection des Principaux économistes* между сочиненіями физіократовъ.

— De l'administration provinciale et de la réforme de l'impôt. *Bâle.*

Примѣненіе ученія *экономистовъ* къ преобразованію налога. Извѣстно, что утопія экономистовъ состояла въ замѣнѣ всѣхъ налоговъ однимъ только налогомъ на землю.

Leuchs (L. C.) Gewerb und- Handelsfreiheit. (De la liberté du commerce et de l'industrie, ou Exposé des moyens de fonder la prospérité des peuples, la richesse et la puissance des nations.) 1 vol. in-8, *Würtemberg*, 1827.

Первая часть заключаетъ въ себѣ общія историческія разсужденія. Въ ней говорится о первобытномъ состояніи человѣка, о происхожде-

ніи и организаціи общества и объ учрежденіяхъ, предназначающихся для поощренія торговли и промышленности. — Вторая часть посвящена разбору постановленій, благопріятствующихъ процвѣтанію промышленности и торговли. — Въ третьей Лейхсъ предлагаетъ проектъ новой промышленной системы.

Levasseur (E.). La question de l'or. *Paris*, 1358. Guillaumin et C-ie. 1 vol. in-8.

— Recherches historiques du système de Law. *Paris*, 1854. Guillaumin et C-ie. 1 vol. in-8.

— Histoire des classes ouvrières en France, depuis Jules César jusqu'à la révolution. *Paris*, 1859. Guillaumin et C-ie. 2 vol. in-8.

Couronné par l'Institut.

Leymarie. Tout par le travail. Manuel de morale et d'économie politique. *Paris*. Guillaumin et C-ie. 1 vol. in-18.

Le Libre-Échange (Journal). 1846—1847. *Paris*. Guillaumin et C-ie. 1 vol. in-folio.

Linguet. L'impôt territorial, ou la dixme royale avec tous ses avantages. 1 vol. in-8, 1787.

— Du commerce des grains, nouvelle édition, augmentée d'une lettre à M. Tissot, sur le mérite politique et physique du pain et du blé. 1789.

Послѣднее изъ этихъ сочиненій прославилось нападками автора на употребленіе хлѣба, называемаго имъ *медленнымъ ядомъ*. Линге много разглагольствовалъ въ свое время противъ воздѣлыванія картофеля, который, по его мнѣнію, долженъ получить, со временемъ, *опасныя свойства хлѣба*. Въ его глазахъ, Пармантье былъ врагомъ общества.

List (Frédéric). Système national d'économie politique. Traduit de l'allemand par H. Richelot. *Paris*, 1851. Capelle. 1 vol. in-8.

Locke. Treatise on raising the value of money. 1691.

Сочиненіе, заслуживающее вниманія, какъ по имени автора, такъ и по тому, что въ немъ излагается теорія, сходная съ ученіемъ Кене.

Locquean. Essai sur l'établissement des hôpitaux dans les grandes villes. *Paris*, 1797, in-8.

Loen. Entwurf einer Staatskunst. *Francfort*, 1751, in-8.

Lotz (J. D.). Handbuch der Staatswirthschaftslehre (Manuel d'économie politique.) 3 vol. in-8. *Erlangen*, 1823.

Это — развитіе политико-экономическихъ принциповъ въ примѣненіи ихъ къ настоящему состоянію обществъ, и въ то же время — руковод-

ство для администраторовъ, уже обладающихъ первыми понятіями о наукѣ. Теорія цѣнностей и цѣнъ изложена въ этомъ сочиненіи съ необыкновенной ясностью. Замѣчательно также изложены вопросы о кредитѣ, монетѣ и свободной торговлѣ. Разсматривая налоги, авторъ отдаетъ предпочтеніе прямымъ предъ косвенными; эта часть сочиненія менѣе удовлетворительна.

Luden. Handbuch der Staatsweisheit. *Jena*. 1811, in-8.

Lüder. Ueber National-, Industrie- und Staatswirthschaft. (De l'industrie nationale et de l'économie publique). 3 vol. in-8. *Berlin*, 1800.

— L'industrie nationall et ses effets. *Berlin*. 1808, in-8.

— Économie nationale. *Jena*, 1820, in-8.

Въ послѣднихъ трехъ сочиненіяхъ преобладаютъ воззрѣнія Адама Смита. Въ послѣднемъ сочиненіи только девять первыхъ листовъ редактировано авторомъ; остальное составлено по запискамъ, оставшимся послѣ его смерти.

M.

Mably (l'abbé de). Doutes proposés aux philosophes économistes, sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques. *La Haye*, 1768, in-12.

Это сочиненіе абата Мабли указываетъ на нѣкоторыя заблужденія школы *экономистовъ*; но такъ какъ авторъ не былъ спеціалистомъ по политической экономіи, то онъ раскрываетъ *политическія* заблужденія своихъ противниковъ, въ особенности, ихъ стремленіе, подобно позднѣйшимъ сенъ-симонистамъ, къ чрезмѣрному покровительству абсолютной власти.

Мабли прекрасно понималъ, въ чемъ заключались ошибки экономистовъ; но онъ не въ состояніи былъ доказать ихъ. Честь эта принадлежитъ Смиту.

Mac Culloch. Principes d'économie politique. 2 vol. in-8. *Londres*, 1830.

Къ этому превосходному сочиненію приложено историческое введеніе, переведенное Прево (изъ Женевы), а съ 4-го изданія сдѣланъ былъ переводъ на французскій языкъ Ог. Планшемъ, въ 2 т. in-8, вошедшій въ собраніе Гильомена Économistes et publicistes contemporains.

На русскій языкъ переведено Д. Гиппіусомъ: *О началѣ, успѣхахъ, особенныхъ предметахъ и важности политической экономіи*. Москва 1834.

— A dictionary practical, theoretical and historical of the commerce and commercial navigation; 2-e édition. *Londres*, 1834, 3 vol. in-8.

Этотъ обширный сборникъ документовъ содержитъ множество статей, отличающихся такимъ значеніемъ, что на нихъ можно смотрѣть, какъ на самостоятельныя работы. Таковы: *Историческій очеркъ Индейской компаніи*, *Общее обозрѣніе банковъ* и множество другихъ. Лексиконъ Макъ-Кулоха подалъ мысль о подобномъ же предпріятіи, исполненномъ во Франціи, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, обществомъ сотрудниковъ подъ руководствомъ Гильомена.

— A statistical account of the British empire. 2 vol. in-8. *Londres*, 1837.

Это лучшая систематическая статистика Великобританіи.

Второй томъ посвященъ исключительно изложенію мануфактурныхъ силъ страны, и изслѣдованію ея доходовъ и расходовъ. Авторъ присоединилъ къ нему краткій обзоръ законодательства о бѣдныхъ, и разсужденія о судебной администраціи.

Мы не можемъ указать сочиненія, болѣе заслуживающаго вниманія экономиста.

Macé de Richebourg. Essai sur les qualités des monnaies étrangères, et sur leurs différents rapports avec les monnaies de France, etc. *Paris*, Imprimerie royale, 1776, in-folio de 58 pages.

Mac Farlane (John). Inquiries concerning the poor. *Edinburgh*, 1782, in-8.

Macnab (Henri-Grey). Examen impartial des nouvelles vues de M. Robert Owen et de ses établissements à New-Lanark en Écosse, pour le soulagement et l'emploi le plus utile des classes ouvrières et des pauvres, etc., etc.; avec des Observations sur l'application de ce système à l'économie politique de tous les gouvernements, etc., etc. Traduit de l'anglais par Laffon de Ladebat. *Paris*, 1821, in-8 de 250 pages.

Два эти сочиненія заключаютъ изложеніе доктрины шотландскаго реформатора. Я лично слышалъ отъ послѣдняго, что основная мысль его системы была—преобразованіе воспитанія *въ самомъ нѣжномъ возрастѣ*. Онъ говорилъ о Нью-Ланаркскомъ заведеніи, какъ объ интересномъ опытѣ, но неимѣвшемъ особеннаго значенія. Подражанія, вызванныя имъ въ Америкѣ, а именно, въ Нью-Гармони, къ тому же, не имѣли никакого успѣха.

Съ нѣкотораго времени въ Англіи началъ выходить журналъ, подъ заглавіемъ *New Moral World*, для распространенія идей Овена.

Macpherson. History of commerce (Histoire du commerce).

Maffei (marquis de). De l'emploi de l'argent, ouvrage dédié au pape Benoît XIV. *Avignon*, 1787.

Маркизъ Маффеи старался доказать въ этой книгѣ, обнаруживающей его глубокія богословскія познанія, что процентъ за ссуду, въ сущности, никогда не воспрещался церковью. Приводимые имъ въ защиту этого мнѣнія доводы, быть можетъ, окажутся убѣдительны для тѣхъ, на кого не подѣйствовали аргументы Тюрго и Бентама.

Malchus (baron de). Handbuch der Finanzwissenschaft, etc. (Manuel de la science financière et de l'administration des finances.) 2 vol. in-8. *Stuttgart et Tublingue*, 1830.

Контрибуціи составляютъ главный предметъ этого сочиненія, первая часть котораго содержитъ соображенія о погашеніи и объ администраціи государственныхъ долговъ.

Mallet. De la Ligue Hanséatique, de son origine, ses progrès, sa puissance et sa constitution politique, jusqu'à son déclin, etc. *Genève*, 1805, 1 vol. in-8.

Обзоръ весьма полезный для справокъ.

Истинныя причины благоденствія и паденія ганзеатическаго союза разобраны неполно; но въ сочиненіи встрѣчаются весьма оригинальныя воззрѣнія.

Mallet, premier commis de finances sous le contrôleur général Desmarets. — Comptes rendus de l'administraton des finances du royaume de France, pendant les onze dernières années du règne de Henri IV, le règne de Louis XIII et soixante-cinq années du règne de Louis XIV; avec des recherches sur l'origine des impôts, sur les revenus et dépenses de nos rois, depuis Philippe le Bel jusqu'à Louis XIV, et différents mémoires sur le numéraire et sa valeur, sous les trois règnes ci-dessus. *Paris*, Buisson, 1789, in-4, de 455 pages.

Malo de Lucque (Eduardo). Historia politica de los establecimientos ultramarinos de las naciones Europeas. *Madrid*, 1784, 85 et 86, 3 vol. in-8.

Книга эта далеко ниже *Философской исторіи* аббата Реналя и сочиненія лорда Брума по тому же вопросу.

Malouet (baron). Considérations historiques sur l'empire de la mer chez les anciens et les modernes. 1 vol. in-8. *Anvers*, 1810.

Экономическій памфлетъ противъ Англіи. Жалкій трудъ весьма умнаго человѣка.

Malthus. Principes d'économie politique, considérés sous le rap-

port de leur appréciation pratique. Traduit de l'anglais par Constancio. *Paris*, Aillaud, 1820, 2 vol. in-8.

Основанія политической экономіи Мальтуса не имѣли того успѣха, какимъ ознаменовался его *Опытъ о народонаселеніи*. Главный недостатокъ ихъ заключается во неясности и въ защитѣ, относительно найма земель, воззрѣній, рѣшительно опровергнутыхъ Рикардо.

— Essai sur le principe de la population, ou Exposé des faits passés et présents de l'action de cette cause sur le bonheur du genre humain; suivi de quelques recherches relatives à l'espérance de guérir ou d'adoucir les maux qu'elle entraine. Traduit de l'anglais par Pierre Prévost. *Genève et Paris*, 1823, 4 vol. in-8.

Это главное сочиненіе Мальтуса, надѣлавшее страшнаго шума и поднявшее самыя ожесточенныя пренія во всей Европѣ. Его знаменитая теорема возрастанія населенія въ геометрической прогрессіи, между тѣмъ какъ средства существованія возрастаютъ въ арифметической, начинаетъ сильно подрываться: Эверетъ, Годвинъ, Энсоръ нанесли ей жестокіе удары, такъ что теорія эта съ каждымъ днемъ теряетъ свой кредитъ.

Сочиненіе это переведено на русскій языкъ П. Бибиковымъ, подъ заглавіемъ: *Опытъ о законѣ народонаселенія*, и проч. Спб. 1868, со многими примѣчаніями, приложеніями и съ критической статьей о Мальтусѣ.

— Definitions in political economy, preceded by an inquiry into the rules which ought to guide political economists in the definition and use of their terms; with remarks on the deviation from these rules in their writings. *London*, 1827, in-8.

Въ этомъ сочиненіи Мальтусъ старался показать противурѣчіе самимъ себѣ многихъ экономистовъ, чтобы выставить превосходство своихъ собственныхъ опредѣленій. Его небольшая книга, дѣйствительно, содержитъ ихъ цѣлый рядъ, довольно интересный по дѣлаемымъ имъ сближеніямъ; но предложенныя имъ нововведенія не могли удержаться въ наукѣ, послѣ того какъ Ж. Б. Сэй доказалъ ихъ неудовлетворительность въ *пяти письмахъ*, вошедшихъ въ составъ его *посмертныхъ произведеній*.

Три вышеозначенныя сочиненія Мальтуса составляютъ VII и VIII т. Собранія главнѣйшихъ экономистовъ. Къ *Основаніямъ политической экономіи* приложены *Опредѣленія*, въ переводѣ на французскій языкъ Фонтейро. Имъ же редактированы и *Основанія. Опытъ о законѣ народонаселенія* переведенъ І. Гарнье.

Кромѣ этого, Мальтусъ написалъ еще:

— An inquiry into the nature and progress of rent. 1815.
— Observations on the effect of corn-laws. In-8.

Въ *Запискахъ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ* Контъ напечаталъ весьма замѣчательную статью о жизни и трудахъ Мальтуса. Онъ указываетъ въ ней еще на два или на три сочиненія того же автора, но они не представляютъ особеннаго интереса.

Malvaux. Les moyens de détruire la mendicité en France, en rendant les mendiants utiles à l'État sans les rendre malheureux. *Paris*, 1780, in-8.

Превосходное сочиненіе, стоящее гораздо выше всего, что̀ написано по этому вопросу въ послѣднее время. Языкъ его нѣсколько напыщенъ, но въ немъ множество оригинальныхъ взглядовъ и спеціальныхъ фактовъ, вызывающихъ на глубокое размышленіе.

Первое изданіе этой книги явилось подъ заглавіемъ: *Résumé des Mémoires qui ont concouru pour le prix accordé en l'année* 1777, etc.

Marcet (Madame). Conversations sur l'économie politique, dans lesquelles on expose d'une manière familière les élément de cette science. Traduit par Prévost de Genève. *Genève* et *Paris*, 1817, 1 vol. in-8.

«Это единственная женщина, говорилъ Сэй, писавшая о политической экономіи, и стоящая въ этомъ отношеніи выше многихъ мущинъ»; но тогда миссъ Генріета Мартино не писала еще своихъ *Политико-экономическихъ сказокъ*.

Г-жѣ Марсе (изъ Женевы) приписываютъ другое элементарное сочиненіе о политической экономіи:

— John Hopkin's Notions on political economy (Notions de John Hopkins sur l'économie politique). Traduit par Mademoiselle Cherbuliez. *Paris*, in-8.

Это небольшое руководство къ политической экономіи, отличающееся простымъ и общепонятнымъ изложеніемъ, неисключающимъ, впрочемъ, глубины воззрѣній.

Перев. на рус. языкъ, М. Вернадской, подъ заглавіемъ: *Понятія Гопкинса о народномъ хозяйствѣ*. М. 1856.

Martineau (miss Harriet). Contes sur l'économie politique. Traduit de l'anglais avec des notes et des préfaces par M. Bart. Maurice. *Paris*, Ch. Gosselin. 1833-39. 8 vol. in-8.

Сказки г-жи Мартино весьма полезны, но слишкомъ растянуты. Въ болѣе сокращенномъ видѣ и безъ подробностей, не имѣющихъ отношенія къ наукѣ, онѣ, разумѣется, были бы однимъ изъ лучшихъ элементарныхъ руководствъ къ политической экономіи.

Mauvillon. Physiocratische Briefe. *Leipzig*, 1776, in-8.

Melon. Essai politique sur le commerce. *Rouen* ou *Bordeaux*, 1734, in-12 de 273 pages, divisé en dix-huit chapitres; 2-e édition augmentée de sept chapitres, 1736, in-12.

Вольтеръ выразился объ этой книгѣ, что она есть произведеніе умнаго человѣка, гражданина и философа.

Опытъ Мелона перепечатанъ въ I т. *Собранія главнѣйшихъ экономистовъ*, заключающемъ *Экономистовъ-финансистовъ* XVIII вѣка.

Mercier de la Rivière. L'intérêt général de l'État, ou la Liberté, du commerce des blés, démontrée conforme au droit naturel. *Amsterdam* et *Paris*, 1770, in-12.

— De l'instruction publique, ou Considérations morales et politiques sur la nécessité, la nature et la source de cette instruction. *Paris*, 1775, in-8.

— Lettre sur les Économistes, sans date, 1787, in-12, in-8.

— Lettre à MM. les deputés composant le Comité des finances dans l'Assemblée nationale, 1789, in-8.

— L'heureuse nation, ou Relation du gouvernement des Féliciens, peuple souverainement libre et heureux sous l'empire absolu des lois. *Paris*, 1792, 2 vol. in-8.

— Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques. *Londres* et *Paris*, 1767, in-12, 2 vol.

Перепечатанъ, вмѣстѣ съ Физіократами, въ *Собраніи экономистовъ*.

Мерсье есть самый талантливый изъ толкователей системы *экономистовъ*, и популяризаторъ преимущественно воззрѣній Кене.

Merrem. Allgemeine Grundsätze der bürgerlichen Wirthschaft. *Göttingue*, 1817, in-8.

Messance. Nouvelles recherches sur la population de la France, avec des remarques importantes sur les divers objets d'administration. *Lyon* 1788, in-4.

Meynieu (madame Mary). Éléments d'économie politique, exposés dans une suite de dialogues entre un instituteur et son élève. *Genève*, 1839, 1 vol. in-8.

Mignot (l'abbé). Traité des prêts du commerce, ou de l'intérêt légitime et illégitime de l'argent. *Amsterdam*, 1767, 4 vol.

Замѣчательнѣйшее сочиненіе, послѣ трудовъ Бентама и Тюрго, по тому же вопросу.

Mill (J.). Éléments d'économie politique. Traduit de l'anglais par J. E. Parisot. *Paris*, 1823, in-8.

Идеи, изложенныя Миллемъ въ этомъ сочиненіи въ поучительной и догматической формѣ, извлечены имъ изъ его прекрасной *Исторіи Британской Индіи*, и примѣнены къ важнѣйшимъ вопросамъ Англіи.

Mill (J. S.). Principes d'économie politique, suivis de quelques-unes de leurs applications à l'économie sociale, traduits par M. H. Dussard et Courcelle-Seneuil. *Paris*, 1854. Guillaumin et C-ie. 2 vol. in-8.

Сочиненіе это переведено на русскій языкъ Н. Г. Чернышевскимъ, подъ заглавіемъ: *Основанія политической экономіи*, съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Спб. 2 т. Изданіе А. Н. Пыпина. Переводъ 1 тома помѣщенъ былъ въ *Современникѣ* 1860 года съ примѣчаніями переводчика, а затѣмъ, изданъ отдѣльно.—См. также того же автора: *Разсужденія и изслѣдованія* политическія, философскія и историческія. Въ 3 частяхъ. Часть II. Статьи политическія и политико-экономическія. Вып. 1 и 2. Спб. 1865.

Mirabeau (le marquis). L'ami des hommes, ou Traité sur la population. *Avignon* (*Paris*), 1756, 6 vol. in-12, ou 3 vol. in-4.

— Philosophie rurale, ou Économie générale et particulière de l'agriculture. *Amsterdam* (*Paris*), 1764, 3 vol. in-12.

— Théorie de l'impôt. *Paris*, 1760, in-4 et in-12.—Supplément. *La Haye*, 1776, in-12.

— Les Économiques, par L. D. H. (l'Ami des hommes). *Amsterdam* et *Paris*, 1769-72, 2 vol. in-4, ou 4 vol. in-12.

На сочиненія маркиза Мирабо, отца нашего великаго оратора, можно смотрѣть, какъ на коментаріи къ доктринѣ Кене, впрочемъ, туманные и запутанные, хотя въ нихъ и проглядываютъ по временамъ здравыя и точныя воззрѣнія среди безконечныхъ разглагольствованій.

Mirabeau (le comte de). De la Banque d'Espagne, dite Saint-Charles, in-8, 1785.

Лучшее изъ существующихъ сочиненій объ испанскомъ банкѣ. Авторъ присоединилъ къ нимъ множество соображеній объ испанской торговлѣ.

Защитники этого финансоваго учрежденія добились запрещенія книги Мирабо: арестъ, наложенный на нее государственнымъ совѣтомъ 7 іюля 1785, вызвалъ еще болѣе дерзкій памфлетъ со стороны автора—*Письмо графа Мирабо къ Г. Лекультё де Ланоре о банкѣ Св. Карла и о размѣнной кассѣ*, которое подверглось такому же аресту.

— De la constitution monétaire, précédé d'observations sur le rapport du comité des monnaies, et suivi des lois monétaires, présenté à l'assemblée nationale, in-8. *Paris*, 1790.

Изложеніе, замѣчательное по своей ясности; оно много содѣйствовало преобразованію нашей монетной системы послѣ революціи.

Modeste (Victor). Du paupérisme en France. *Paris.* Guillaumin 1 vol. in-8. Couroné par l'Académie des sciences.

Moheau, Recherches et considérations sur la population de la France. *Paris*, 1778. 2 parties en 1 vol. in-8.

Разглагольствованія, среди которыхъ приводится нѣсколько интересныхъ фактовъ относительно вредныхъ для здоровья ремеслъ.

Molinari. Les soirées de la rue Saint-Lazare. Entretiens sur les lois économiques. *Paris.* Guillaumin et C-ie. 1 vol. in-18.

— Conversations sur le commerce des grains. *Bruxelles.* A. Deck, et *Paris.* Guillaumin et C-ie. 1855. 1 vol. in-18.

На русскій языкъ переведенъ Молинари *Курсъ политической экономіи*, подъ редакціей Я. Ростовцева. Спб. 1860. Изд. Тиблена.

Monborgne (J.-M.). Tableau général du maximum de la république française, *Paris*, Belin, an II (1794), 3 vol. in-8.

Mondenard. Considérations sur l'organisation sociale, appliquées à l'état ciuil, politique et militaire de la France et de l'Angleterre; à leurs mœurs, leur agriculture, leur commerce et leurs finances, à l'époque de la paix d'Amiens. *Paris*, 1802, 3 vol. in-8.

Книга эта напечатана по случаю Амьенскаго мира, съ цѣлью сближенія между Франціей и Англіей. Въ ней встрѣчаются интересныя свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи обѣихъ странъ въ означенную эпоху.

Mongez. Considérations sur les monnaies, par Mongez, membre de l'Institut national, suivies d'une Notice sur les monnaies françaises, par Dibarrart. 1 vol. in-8. *Paris*, l'an IV de la république française.

Первый изъ этихъ мемуаровъ, прочитанный въ Институтѣ, содержитъ нѣкоторыя интересныя подробности о происхожденіи монеты и о расходахъ на ея чеканку. Мемуаръ Дибарарта представляетъ историческій очеркъ колебанія монетъ во Франціи съ 1726 по 1796.

Monino (don José). Respuesta fiscal sobre acopio de trigo para el consumo de Madrid. 1769.

Весьма дѣльный трудъ по вопросу о снабженіи хлѣбомъ Мадрита.

Monnier (Alex.). Histoire de l'assistance publique. *Paris.* 1857. Guillaumin. 1 vol. in-8. Couronné par l'Académie française.

Montaignac. Réflexions sur la mendicité, ses causes et les moyens de la détruire en France. 1790, in-12.

Montanari (Germanio). Della moneta, trattato mercantile. *Modenese*, in-8.

Авторъ принадлежитъ къ длинному ряду писателей, писавшихъ о монетѣ. Книга его проникнута воззрѣніями скорѣе золотыхъ дѣлъ мастера, чѣмъ экономиста.

Montesquiou. Du gouvernement des finances de France, d'après les lois constitutionnelles et d'après les principes d'un gouvernement libre et représentatif. *Paris*, 1797, in-8.

Сочиненіе пустое, но содержащее нѣсколько драгоцѣнныхъ фактовъ.

Montyon (baron de). Quelle influence ont les diverses espèces d'impôts sur la moralité, l'activité et l'industrie des peuples? *Paris*, 1808, in-8.

Превосходная, дѣльная книга, несмотря на свою краткость, какъ все, написанное авторомъ. Перепечатана, съ приложеніемъ біографической статьи Эжена Дера, во 2 томѣ *Mélanges*, въ *Собраніи главнѣйшихъ экономистовъ*.

— Particularité et observations sur les ministres des finances les plus célèbres, depuis 1660 jusqu'à 1792, etc. *Londres*, Dulau, 1812.

Авторъ отличается по преимуществу честностью убѣжденій; онъ всегда поучителенъ, всегда глубокомысленъ, даже когда заблуждается, но заблуждается онъ рѣдко.

Первое изъ этихъ сочиненій естественно будетъ всплывать съ каждымъ поднятіемъ вопроса о преобразованіи налоговъ.

Montchrétien (sieur de Vatteville). Traité d'économie politique. *Rouen*, 1613, in-4.

Въ настоящее время весьма рѣдкое сочиненіе. Оно раздѣлено на три книги, въ которыхъ разбираются фабрики и употребленіе людей, торговля и мореплаваніе. Имѣетъ интересъ въ томъ только отношеніи, что представляетъ воззрѣнія своей эпохи на эти важные вопросы.

Morandière (de la). Police sur les mendiants, les vagabonds, etc. *Paris*, 1764, in-12.

Moreax de Beaumont. Mémoires concernant les impositions et droits en Europe, *Paris*, nouv. édit., 1787—89, 5 vol. in-4.

Превосходная книга, которую полезно было бы передѣлать въ настоящее время.

Кто изъ насъ можетъ похвалиться основательнымъ знакомствомъ съ системой налоговъ всѣхъ европейскихъ народовъ? А между тѣмъ, на нихъ основано всякое раціональное приложеніе политической экономіи, и они же представляютъ единственное средство для надлежащей оцѣнки международныхъ отношеній и результатовъ извѣстныхъ таможенныхъ мѣръ.

Moreau-Christophe. Du problème de la misère et de sa solution chez les peuples anciens et modernes. *Paris*, 1851. Guillaumin, 3 vol. in-8.

Moreau de Jonnès. Le commerce au dix-neuvième siècle; état actuel de ses transactions dans les principales contrées des deux hémisphères, etc. *Paris*, 1825, 2 vol. in-8.

— Statistique de l'Espagne. *Paris*, 1834, 1 vol. in-8.

— Statistique de la Grande-Bretagne et de l'Irlande *Paris*, 1838, 2 vol. in-8.

— Recherches statistiques sur l'esclavage colonial et sur les moyens de le supprimer. *Paris*, 1842, 1 vol. in-8.

Авторъ отличается точнымъ и вѣрнымъ взглядомъ; сочиненія его относятся скорѣе къ области статистики, но они могутъ быть полезны и экономисту.

— Statistique de l'industrie de la France. 1856. 1 vol. gr. in-18.

— Eléments de statistique, principes généraux de cette science, sa classification, sa méthode, ses opérations, ses divers degrés de certitude, ses erreurs et ses progrès, avec son application à la constatation des fait naturels, sociaux et politiques, historiques et contemporains. 1856. 1 vol. in-18.

Переведены на русскій языкъ М. Щепкинымъ, подъ заглавіемъ: *Начальныя основанія статистики и общія основанія этой науки.* Москва. 1860.

— Statistique de l'agriculture de la France, comprenant la statistique des céréales, de la vigne, des cultures diverses, des pâturages, des bois et des forêts, et des animaux domestiques avec leur production actuelle, comparée à celle des temps anciens et des principaux pays de l'Europe. 1848. In-8.

— Statistique des peuples de l'antiquité, les Égyptiens, les Hébreux, les Grecs, les Romains et les Gaulois. 1850. 2 vol. in-8.

Morellet (l'abbé). Prospectus d'un nouveau Dictionnaire de commerce. 1 vol. in-8, 1769.

Это сочиненіе аббата Морелле долгое время считалось трактатомъ политической экономіи. Однако же, это неболѣе какъ сборникъ опредѣле-

ній, вообще ясныхъ и точныхъ, терминовъ, употребляемыхъ по вопросамъ торговли въ политико-экономическомъ отношеніи. На предварительныя работы къ его словарю онъ употребилъ двадцать лѣтъ времени: онъ прекратилъ ихъ только съ наступленіемъ революціи 1789.

— Réflexions sur les avantages et les désavantages de la libre fabrication et de l'usage des toiles peintes en France. *Bruxelles*, 1758. in-12.

— Mémoires sur la situation actuelle de la Compagnie des Indes. *Amsterdam* et *Paris*, 1769, in-4.

— Examen de la réponse de M. N*. (Necker) à M. Morellet, sur la Compagnie des Indes. *Paris*, Desaint, 1769, in-4.

— Réfutation de l'ouvrage (de Galiani) qui a pour titre: Dialogues sur le commerce des blés. *Londres* (*Paris*), 1770, in-8.

— Analyse de l'ouvrage (de Necker) intitulé: De la législation et du commerce des grains. *Amsterdam* et *Paris*, 1775, in-8.

Morin (Théodore). Essai sur l'organisation du travail et sur l'avenir des classes ouvrières. *Paris*. 1845. Marc Aurel. 1 vol. in-8.

Mortimer. Elements of commerce and finances. *London*, 1773, 1 vol. in-8.

Morus (Thomas). Description de l'île d'Utopie. Настоящее заглавіе этого сочиненія, написаннаго по латыни: De optimo reipublicæ staudeque novâ insulâ Utopiâ. *Louvain*, 1516. Существуетъ три перевода этого сочиненія на англійскій языкъ и три на французскій.

Это одна изъ мечтательныхъ иллюзій, въ которой встрѣчается много здравыхъ воззрѣній и горячее сочувствіе всеобщему благоденствію: аллегорическое произведеніе въ родѣ республики Платона, только менѣе краснорѣчивое. Благородный канцлеръ чистосердечно предлагаетъ въ немъ раздѣленіе собственности.

Mossé. L'art de gagner sa vie, ou Encyclopédie industrielle, traitant de toutes les ressources, indiquant tous les moyens pour faire conserver, ou augmenter sa fortune dans quelque état et dans quelque situation qu'on se trouve. *Paris*, 1826, in-8.

Книга эта выдержала три изданія. Въ ней заключаются весьма интересныя подробности о выгодахъ и неудобствахъ различныхъ занятій и полезныя указанія людямъ, неимѣющимъ состоянія, для избранія себѣ рода дѣятельности.

Mounier et Rubichon. De l'agriculture en France, d'après les documents officiels, *Paris*. 1846. Guillaumin et C-ie. 2 vol. in-8.

Muiron (Just). Sur les vices de nos procédés industriels; aperçu

démontrant l'urgence d'introduire le procédé sociétaire. *Paris*, madame Husard, 1834, in-8.

Авторъ — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ послѣдователей Фурье.

— Nouvelles transactions sociales, religieuses et scientifiques de Virtomnius. *Paris*, Bossange père, 1832, in-8.

Muller. Die Fortschritte der Nationalœconomie in England. *Leipzig*, 1817, 1 vol.

Mun (Thomas). England's treasure by foreign trade, or the balance of our foreign trade is the rule of our treasure. *London*, 1664, in-12.

Лучшій и остроумнѣйшій защитникъ меркантильной системы. Его послѣдователи только повторяли его аргументы.

Munoz (Antonio). Discurso sobre la economia politica. *Madrid*, 1779, in-8.

Испанскіе критики полагаютъ, что Муноцъ не есть вымышленное имя автора этого сочиненія, содержащаго, тѣмъ неменѣе, много прекрасныхъ мыслей и самыхъ глубокомысленныхъ замѣчаній.

Murhard (Charles). Theorie und Politik des Handels (Théorie et politique du commerce). 2 vol. in-8. *Gœttingue*. 1831.

— Theorie des Geldes, *Leipzig*, 1817, in-8.

Мургардъ, неутомимый и плодовитый публицистъ, что касается до политико-экономическихъ своихъ воззрѣній, шелъ по слѣдамъ Ж. Б. Сэя. Его принципы проникнуты самымъ широкимъ либерализмомъ; въ сочиненіи своемъ онъ старается установить торговлю на самыхъ свободныхъ и раціональныхъ основаніяхъ.

Онъ разсматриваетъ ее по отношенію къ правительствамъ, налогамъ, а затѣмъ, въ самой ея сущности, распредѣляя всѣ элементы, служащіе для нея основаніемъ. Онъ защищаетъ свободу торговли нерѣдко съ большимъ краснорѣчіемъ, и съ постояннымъ увлеченіемъ.

Mushet (Robert). Inquiry into the effects of bank restriction bill. (Recherches sur les effets de la suspension des payement de la Banque.) 1810, in-8.

— A series of tables exhibiting the gain and loss of the fund holder (Séries de tables montrant le gain et la perte des rentiers par la dépréciation et la réintégration du papier-monnaie). 1826, in-8.

N.

Naveau. Le Financier citoyen. *Paris*, 1757, 2 vol. in-12.

Naville. De la charité légale, de ses causes, de ses effets, et spécialement des maisons de travail et de la proscription de la mendicité. *Paris*, 1836, 2 vol. in-8.

Nebenius. Der öffentliche Credit (le crédit public). 1 vol. in-8. *Carlsruhe*, 1829.

Авторъ извѣстенъ многими мемуарами, книгой о прусскихъ таможняхъ, и пользуется, какъ политико-экономъ, громкой извѣстностью. Сочиненіе его объ общестеенномъ кредитѣ вполнѣ заслуживаетъ всеобщаго вниманія. Кромѣ самыхъ здравыхъ теорій, оно содержитъ множество фактовъ самыхъ полезныхъ для справокъ.

Necker, De l'administration des finances de la France. *Paris*. Panckouke, 1784, 3 vol. in-8.

Это первое искреннее сочиненіе, познакомившее насъ съ финансовой наукой; кромѣ того, оно было мужественнымъ гражданскимъ подвигомъ въ ту эпоху, въ которую было опубликовано.

Переведено на русскій языкъ, подъ заглавіемъ: *Объ управленіи государственныхъ доходовъ Французскаго королевства*. Спб. 1786.

— Sur la législation et le commerce des grains, 2-e édition. *Paris*, 1755, in-8.

Въ этомъ сочиненіи Неккеръ опровергаетъ воззрѣнія Тюрго.

Neri. (Pompeo). Osservazioni sopra il prezzo legale delle monte. *Fiorentino*. in-8. 1751.

Эта одна изъ лучшихъ книгъ о монетѣ. Ей слѣдовало бы быть руководствомъ для каждаго управленія монетнымъ дворомъ. Въ ней больше технологическихъ свѣдѣній, чѣмъ политико-экономическихъ.

Nickolls (Pseudonyme). Voyez **Plumard de Dangeul**.

Niemeyer. Ueber die Ursachen des englischen Nationalreichthums. *Berlin*, 1810, in-8.

— Ueber den Einfluss des Handels und des Handelsystems auf National-Glück und Unglück. *Bremen*, 1805, in-8.

O.

Oberndorfer (J. Adam). System der Nationalöconomie (Système de l'économie politique déduit de la vie nationale). 1823, in-8.

— Bases des sciences camérales. In-8, 1818.

O'Connor (Arthur). État actuel de la Grande-Bretagne. *Paris,* 1 vol. in-8, 1804.

Интересныя подробности о прекращеніи платежей Англійскимъ банкомъ, прекращеніи, которое авторъ называетъ *банкротствомъ*. О Конноръ былъ ирландскимъ патріотомъ, изгнаннымъ изъ своей страны вслѣдствіе народныхъ волненій.

— Le Monopole cause de tous les maux. *Paris*, F. Didot, 1843, 3 vol. in-8. (Voir sur cet ouvrage le *Dictionnaire de l'Économie politique,* article **O'Connor**, page 284).

Ortes (Giammaria). Della economia nazionale libri sei. *Veneziano*, 3 vol. in-8.

— Riflessioni sulla popolazione delle nazioni per rapporto all' economia nazionale. In-8.

— Delle scienze utili e delle dilettevoli per rapporto alla felicità umana. In-8.

— Calcolo sopra il valore delle opinioni e sopra i piaceri e i dolori della vita umana. In-8.

— Errori popolari intorno all' economia nazionale considerati sulle presenti controversie, tra i liaci e i chierici in ordine al possedimento de' beni. In-8.

— Dei fidecomessi a famiglie e a chiesse e luoghi pii in proposito del termine di mani morte introdotto a questi ultimi tempi, nell' economia nazionale, libri due. In-8.

Авторъ не заслуживаетъ, ни тѣхъ порицаній, ни тѣхъ восхваленій, которыми былъ осыпанъ. Интереснѣйшая сторона его сочиненій состоитъ въ томъ, что онъ первый высказалъ воззрѣнія Мальтуса о народонаселеніи. Онъ тяжелъ и многословенъ. Кустоди оказалъ ему слишкомъ много чести, напечатавъ его произведенія въ семи томахъ въ *Собраніи итальянскихъ экономистовъ*.

Ott. Traité d'économie sociale, ou l'Économie politique coordonnée au point de vue du progrés. *Paris.* 1851. Guillaumin. 1 vol. in-8.

Owen (Robert). New views of society, or essays upon the forma-

tion of human character (Nouvelles vues de société, ou essai sur la formation du caractère humain). *Londres*, 1812.

Это сочиненіе, изданное вслѣдъ за промышленнымъ опытомъ въ Нью-Ланаркѣ, есть первое произведеніе Овена въ научной формѣ, и представляетъ уже полное развитіе его системы.

Переведено на русскій языкъ, безъ обозначенія имени переводчика, подъ заглавіемъ: *Образованіе человѣческаго характера*. Спб. 1865.

— Adress to the sovereigns of the holly-alliance united in congress at Aix-la-Chapelle. 1818.—Adress to the european governments. 1818.

Оба эти адреса, одинъ — обращенный къ государямъ, съѣхавшимся въ Ахенъ, другой — къ европейскимъ правительствамъ, указываютъ на средства для улучшенія судьбы рабочихъ классовъ. Брошюры эти переведены на французскій языкъ графомъ Ластери. *Paris*. 1819.

— The book off the new moral world (Le livre du nouveau monde moral).

Капитальное произведеніе Овена, въ которомъ онъ догматически излагаетъ свою систему.

P.

Pagnini (Gio Francesco). Saggio sopra il giusto valore delle cose, la giusta valuta della moneta, e sopra il commercio dei Romani.

Брошюра въ сто страницъ, содержащая множество самыхъ свѣтлыхъ взглядовъ.

Palmieri (Giuseppe). Riflessioni sulla pubblica felicità relativamente al regno di Napoli, in-8.

— Osservazioni sulle tariffe, con applicazione al regno di Napoli. In-8.

— Della richezza nazionale. In-8.

Пальмьери не отличается, ни смѣлостью Филантжіери, ни либеральными воззрѣніями профессора Женовези; какъ министръ абсолютистской монархіи, онъ указываетъ съ крайней осторожностью на средства для искорененія злоупотребленій. Не должно также упускать изъ виду, что онъ писалъ въ эпоху французской революціи, и это обстоятельство тоже не мало содѣйствовало его сдержанности.

Paoletti (Ferdinando). Estratto de' pensieri sopra l'agricoltura. In-8.

Papillon-Latapy. Anecdote sur la vie politique de Burke et sur

sa mort, relativement à ses recherches et à ses calculs sur les finances et le commerce de la France depuis un siècle; avec des rapprochements sur l'état progressif de l'Angletterre, et sur les moyens de ruiner la nation française. *Paris*, an VIII. 1 vol. in-8.

Сочиненіе, вызванное временными обстоятельствами и проникнутое предразсудками о торговомъ балансѣ. Оно наполнено дерзкими выходками противъ Англіи, и заслуживаетъ вниманія, какъ образчикъ экономическихъ воззрѣній эпохи. Въ немъ встрѣчается, впрочемъ, нѣсколько дѣльныхъ взглядовъ.

— Réflexions sur le plan d'une régence des impôts indirects réunis. *Paris*, 1804, in-8.

Мемуаръ этотъ написалъ съ цѣлью сосредоточить въ одномъ управленіи взиманіе косвенныхъ налоговъ, проектъ, впослѣдствіи приведенный въ исполненіе.

Papion. Mémoire sur le crédit public. *Tours*, 1808, in-8.

Эта записка была представлена Наполеону. Въ ней нѣтъ ничего интереснаго.

Parieu (Esq. de), de l'Institut. Histoire des impôts généraux sur la propriété et le revenu. *Paris*. Guillaumin. 1 vol. in-8.

Paris du Verney. Examen des réflexions politiques sur le commerce et les finances de M. Dutot. *Paris*, 1740, 2 vol. in-12.

Это сочиненіе представляетъ самый широкій взглядъ на систему Лау, и служитъ лучшимъ руководствомъ для изученія ее. Никто съ такою ясностью не разобралъ причинъ паденія этой системы.

Дюверне былъ весьма искусный финансистъ, что̀ такъ рѣдко встрѣчается въ наше время, въ которое они такъ необходимы.

Parnell (sir Henry). De la réforme financière en Angleterre. Traduit de l'anglais par Benj. Laroche. *Paris*, 1832, in-8.

Обширное и ученое обозрѣніе англійскихъ экономическихъ учрежденій, сдѣланное человѣкомъ, хорошо знакомымъ съ ними.

Это программа преобразованій, съ каждымъ днемъ осуществляемыхъ Англіей съ самой похвальной настойчивостью и справедливостью.

— Du papier-monnaie et des banques. *Londres*, 1832.

Авторъ разбираетъ, одно вслѣдъ за другимъ, положенія вопросовъ о монетѣ, о провинціальныхъ банкахъ, объ акціонерныхъ компаніяхъ, о системѣ банковъ въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Это одинъ изъ лучшихъ трактатовъ по этимъ вопросамъ.

Passy (Hipp.), de l'Institut. Des systèmes de culture et de leur influence sur l'économie sociale. 2 édition. *Paris*. 1852. Guillaumin. 1 vol. in-18.

Pebrer (Pablo). Histoire financière et statistique de l'empire britannique, avec un exposé du système actuel de l'impôt, suivi d'un plan pratique pour la liquidation de la dette; ou impôts, revenus, dépenses, dettes, forces et richesses de l'empire britannique et de ses nombreuses colonies dans toutes les parties du monde. Traduit de l'anglais par M. Jacobi. *Paris* et *Londres*, 1834, 2 vol. in-8.

Драгоцѣнный сборникъ статистическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для изученія экономическаго устройства Великобританіи. На него можно смотрѣть, какъ на дополненіе къ *Таблицѣ* Баерта и къ *Исторіи Англіи* Монверана. Но я предпочелъ бы сочиненіе Бальи по тому же вопросу.

Pecchio (le comte Joseph). Histoire de l'économie politique en Italie, ou Abrégé critique des économistes italiens. Traduit par Léonard Gallois. *Paris*, 1830, 1 vol. in-8.

Прекрасный библіографическій очеркъ итальянскихъ политико-экономическихъ писателей. Это необходимое дополненіе къ собранію итальянскихъ экономистовъ Кустоди, изданному въ Миланѣ.

Pecqueur. Économie sociale. Des intérêts du commerce, de l'industrie, de l'agriculture et de la civilisation en général. *Paris*, 1839, 2 vol. in-8.

Сочиненіе, къ сожалѣнію, увѣнчанное наградой Академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ.

— Des améliorations matérielles dans laurs rapports avec la liberté. Introduction à l'étude de l'économie sociale et politique. *Paris*, 1840, 1 vol. grand in-18.

Petty (sir W.). Tracts, chiefly relating to Ireland. *Dublin*, 1749, in-8.

Робкій защитникъ свободы торговли. Онъ разбираетъ главнымъ образомъ положеніе Ирландіи, и прилагаетъ къ этому разбору самыя широкія начала политической экономіи.

Сочиненіе богатое прекрасно подобранными фактами.

— Several essays in political arithmetic. *London*, 1755, in-8.

Книга представляетъ родъ систематической статистики Англіи, какъ предъидущее сочиненіе есть такое же сочиненіе объ Ирландіи.

Авторъ излагаетъ въ ней мимоходомъ настоящія причины благосостоянія Голландіи.

Peuchet (Jacques). Statistique élémentaire de la France, contenant les principes de cette science, et leur application à l'analyse de la richesse, des forces et de la puissance de l'empire français. *Paris*, 1805, in-8.

Pfeiffer (von). Lehrbegriff sämmtlicher öconomischer und Cameralwissenschaften. *Mannheim*, 1754—1778, 4 vol. in-8.

— Grundriss der Staatswirthschaft. *Francfort*, 1782, in-8.

Pillet-Will (le comte). De la dépense et du produit des canaux et des chemins de fer; de l'influence des voies de communication sur la prospérité industrielle de la France. *Paris*, 1837, 2 vol. in-4 dont un de 4 planches.

Весьма дѣльная защита каналовъ противъ желѣзныхъ дорогъ, заслуживающая главнымъ образомъ вниманія, потому что постоянно опирается на вычисленія. Только время можетъ оправдать или опровергнуть воззрѣнія автора, ибо никакихъ точныхъ данныхъ въ этомъ отношеніи мы не имѣемъ; за то, всѣ необходимые опыты ежедневно производятся.

Pinheiro-Ferreira. Précis d'un cours d'économie politique. *Paris*, 1840, in-12.

Нѣсколько пустое изложеніе подъ такимъ громкимъ заглавіемъ.

Pinto. Traité de la circulation et du crédit, contenant une analyse raisonnée des fonds d'Angleterre, et de ce qu'on appelle commerce ou jeu d'actions; etc. *Amsterdam*, 1787, in-8.

Пинто былъ знаменитымъ голландскимъ евреемъ, до того пристрастнымъ къ кредиту, что на самые государственные долги онъ смотрѣлъ, какъ на настоящія благодѣянія для народовъ. Впрочемъ, онъ отличается многими достойными качествами.

— Essai sur le luxe, considéré relativement à la population et à l'économie, *Amsterdam*, 1764, in-12.

Обыкновенно помѣщается въ одномъ томѣ съ предъидущимъ сочиненіемъ.

Въ этомъ сочиненіи авторъ жестоко нападаетъ на роскошныя голландскія загородныя дачи.

Place (Francis). Illustrations and proofs of the principle of population (Example et preuve du principe de population). In-8. 1822.

Подтвержденіе принциповъ, принимаемыхъ всѣми экономистами о народонаселеніи. Авторъ принадлежитъ къ числу честнѣйшихъ англійскихъ писателей.

Plaifair (W.) An inquiry into the permanent causes of the decline and fall of powerful and wealth nations. *London*, 1805, in-4.

Platon. La République.

Мы привели нѣкоторыя изъ иллюзій этого философа по политико-экономическимъ вопросамъ; но ему принадлежитъ та заслуга, что онъ угадалъ важное ихъ значеніе.

Переведено на русскій языкъ В. Карповымъ, (3-й т.), подъ заглавіемъ: *Сочиненія Платона*. Спб. 1863.

— Les Lois.

Болѣе практическій проектъ организаціи древняго общества. Сочиненія Платона переведены на французскій языкъ Кузеномъ.

Plumard de Dangeul. Remarques sur les avantages et les désavantages de la France et de la Grande-Bretagne, par rapport au commerce, etc. *Amsterdam*. (*Paris*, Estienne), 1545, in-12. Trad. de l'anglais du chevalier John Nickolls.

— Le rétablissement des manufactures et du commerce d'Espagne; traduit de l'espagnol, 1753. Voyez **B. de Ulloa**.

Pluquet (l'abbé). Traité philosophique et politique sur le luxe. *Paris*, 1785, in-12, 2 vol.

Скучныя и безконечныя разглагольствованія, тянущіяся на два тома, противъ роскоши. Автору, который былъ аббатомъ, слѣдовало бы озаглавить ихъ: *Проповѣдь противъ роскоши*.

Poivre, intendant de l'Ile-de-France.

Сочиненія этого благороднаго человѣка, изданныя (*Paris*. 1797. 1 vol. in-8) Дюпономъ-де-Немуромъ, наполнены самыми драгоцѣнными политико-экономическими воззрѣніями.

Poncelin. Tableau général du commerce de l'Europe avec l'Afrique, les Indes orientales et l'Amérique, fondé sur les traités de 1763 et 1783. 1 vol. in-8, 1787.

Колоніальная статистика, въ которой встрѣчаются общіе взгляды на торговлю съ Америкой.

Poncet de la Grave. Considérations sur le célibat, relativement à la politique, à la population et aux bonnes mœurs. 1 vol. in-8, 1801.

Эта брошюра въ 140 страницъ представляетъ весьма интересное обозрѣніе древняго и новаго законодательства относительно холостыхъ людей.

Авторъ, горячій защитникъ супружеской жизни, заключаетъ свое сочиненіе проектомъ закона, въ силу котораго всѣ безбрачные люди (отъ 25 до 70 лѣтняго возраста) должны быть объявлены неспособными для занятія какой бы то ни было общественной должности, и лишены права наслѣдованія и завѣщанія; все остальное въ томъ же духѣ.

Poterat (marquis de). Observation politiques et morales de finance et de commerce, ou examen approfondi d'un ouvrage de M. R*** (Rillet) de Genève, sur l'emprunt et l'impôt. *Laussanne*, 1780, in-8.

Вѣрные взгляды. Авторъ нападаетъ съ философскимъ увлеченіемъ на займы; но онъ не оцѣниваетъ приносимую ими пользу въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ.

Porter. Progrès matériels de l'Angleterre. Traduit de l'anglais et mis en parallèle avec les progrès matériels de la France, par M. Chemin-Dupontès. *Paris*, 1839, 1 vol. in-8.

Портеръ былъ директоромъ торговаго бюро *(Board of trade)* въ Англіи и просвѣщеннымъ сторонникомъ свободы торговли.

Poulain (Henri) Traité des monnaies. *Paris*, 1707, in-12.

Prévost de Saint-Lucien. Moyens d'extirper l'usure, ou Projet d'établissement d'une caisse de prêt public sur tous les biens de l'homme contenant lettres patentes de création du Mont-de-piété de Paris en 1777. Dédié à Henri IV. *Paris,* 1778, in-12.

Генрихъ IV, конечно, не могъ отказаться отъ посвященія этой книги, такъ какъ послѣдняя издана полтораста лѣтъ послѣ его смерти.

Все, что̀ есть въ ней интереснаго — это каталогъ всѣхъ сочиненій, относящихся къ вопросу о ссудѣ денегъ и о ссудныхъ кассахъ, стр. 47—50.

Prévost (de Genève). De l'économie des anciens gouvernements, comparée à celle des modernes. *Berlin*, 1733, in-8.

Price. Arithmétique politique.

Прайсу принадлежитъ первое предложеніе о погашеніи долговъ посредствомъ сложныхъ процентовъ.

Prinsep (C. R.). A letter to the earl of Liverpool on the present distress of the country, and the efficacy of raising the standard of our silver currency. 1816.

Эта любопытная записка необходима для изученія споровъ, поднявшихся въ Англіи по вопросу о бумажныхъ деньгахъ, послѣ 1814, и по вопросу о возобновленіи платежей звонкой монетой.

— An essay on money. 1818, in-8.

Сочиненіе это, написанное переводчикомъ на англійскій языкъ *Трактата о политической экономіи* Ж. Б. Сэя, весьма цѣнится въ Англіи, чего оно вполнѣ достойно по своей ясности и по прекрасному изложенію вопроса.

Proudhon. Qu'est-ce que la propriété? *Paris*, 1841, 2-e édition, 1 vol. in-12.

Въ первомъ изданіи этой брошюры авторъ даетъ на этотъ вопросъ слѣдующій странный отвѣтъ: *собственность есть кража*. Прудонъ отличается большимъ дарованіемъ; пораженный злоупотребленіями собственности, онъ нашелъ лучшимъ дѣломъ отвергнуть ея принципъ. Какъ ни печально подобное заблужденіе, нельзя не признать въ авторѣ чрезвычайно смѣлыхъ взглядовъ и необыкновенную силу логики, достойную лучшаго примѣненія.

— Lettre à M. Blanqui sur la propriété. *Paris*, 1840, 1 vol. in-12.

Брошюра, написанная съ цѣлью защитить предъидущую; но она значительно уступаетъ ей въ оригинальности.

— Avertissement aux propriétaires. *Paris*, 1841, in-12 de 115 pages.

— De la Création de l'ordre dans l'humanité, ou Principes d'organisation politique. *Paris*, 1843, vol. in-12.

— Système des contradictions économiques. 2-e édition, 2 vol. grand in-18.

Признается лучшимъ произведеніемъ Прудона. Рус. Пер.

— De la justice dans la révolution et dans l'église. *Bruxelles*. 1860.

— La guerre et la paix, recherches sur le principe et la constitution du droit des gens. *Bruxelles*. Lacroix, Van Meenen et C-ie. 2 vol. in-18.

Переведено на русскій языкъ, подъ заглавіемъ: *Война и миръ*, изслѣдованіе о принципѣ и содержаніи международнаго права. Москва. 1864. 2 тома. Изд. Черенина.

— De la capacite politique des classes ouvrières. Dentu, 1865, in-12.

Переведено на русскій языкъ, подъ редакціей Н. Михайловскаго, подъ заглавіемъ: *Французская демократія*. Спб. 1867. 1 томъ.

— Théorie de l'impôt. Dentu, 1863, in-12.

Purves (Georges). Toutes les classes productives de richesses (All classes productive of riches.). 1 vol. in-8, 1817.

Q

Quesnay (François). Essai sur l'administration des terres. *Paris*, 1759, in-8. (Publié sous le pseudonyme de Bélial des vertus.)

— Physiocratie, ou Constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain. Recueil (de Traités du docteur Quesnay) publié par Dupont (de Nemours). *Leude* et *Paris*, 1768, in-8.

— Tableau économique avec son explication, suivi des Maximes générales du gouvernement économique d'un royaume agricole, *Versailles*, 1758, in-8. Très-rare.

Сочиненіе это перепечатано маркизомъ Мирабо въ *Ami des hommes*, приложеніемъ къ шестой части. Оно помѣщено также въ *Physiocratie*.

Кене принадлежатъ въ *Энциклопедіи* Дидро статьи: *фермеры* и *зерновый хлѣбъ*, множество статей въ *Journal d'agriculture, du commerce et des finances* и въ *Éphémérides du citoyen*.

Кене не высказалъ ни одной мысли, способной къ практическому примѣненію; тѣмъ неменѣе, онъ открылъ поле для всякаго рода опытовъ. Сочиненія его, немногочисленныя и запечатлѣнныя притязательными, неслыханными научными выраженіями, напоминающими языкъ сенъ-симонистскаго и фурьеристскаго ученія, такъ же относятся къ политической экономіи, какъ алхимія къ химіи. Кене скромно искалъ философскаго камня; наши новѣйшіе сектаторы искренно увѣрены, что нашли его.

Всѣ политико-экономическія сочиненія Кене собраны Эженомъ Дюромъ во 2-мъ томѣ *Собранія главнѣйшихъ экономистовъ*. Деръ присоединилъ къ нимъ біографическую статью о Кене и объ ученіи физіократовъ, удостоенную награды Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ.

Quételet. Du système social et des lois qui le régissent. *Paris*. 1848. Guillaumin. 1 vol. in-8.

Переведено на русскій языкъ княземъ Л. Шаховскимъ, подъ заглавіемъ: *Соціальная система и законы ею управляющіе*. Спб. 1866. Изд. Полякова.

R.

Ramel (V.). Des finances de la république française en l'an IX. *Paris*, an IX, in-8.

Авторъ этой книги воспользовался выгодами своего положенія, ибо самъ принялъ участіе въ финансовомъ управленіи въ ту эпоху, о которой говоритъ.

Ramsay (Georges). An essay on the distribution of wealth (Essai sur la distribution de la richesse). *Édimbourg*, 1836, 1 vol. in-8.

Полезное сочиненіе, болѣе, впрочемъ, политическое, чѣмъ *экономическое*, и имѣвшее въ виду болѣе интересы англійскаго земледѣлія, чѣмъ интересы науки.

Rapet (J. J.) Manuel de morale et d'économie politique. *Paris*. 1858. Guillaumin et C-ie, Dezobry et Magdeleine. 1 vol. in-18. Couronné par l'Académie. Grand prix Montyon.

Переведено на русскій языкъ Б. Калиновскимъ, подъ заглавіемъ: *Начала общественнаго благосостоянія*. Руководство къ нравственности и политической экономіи. Предпазначено преимущественно для рабочаго класса. Спб. 1866. Изд. Тов. «Общ. Пользы», 2 части.

Rau (K. H.). Lehrbuch der politischen Oeconomie (Traité d'économie politique). 3-e édit. 3 vol. in-8. *Heidelberg*, 1837.

Первый томъ этого замѣчательнаго сочиненія посвященъ собственно политической экономіи или теоріи богатства, второй — административной наукѣ, третій—финансамъ.

Сочиненія Рау отличаются необыкновенной ясностью, и опираются на самыя прочные научные принципы нашего времени. Въ основаніи ихъ лежатъ теоріи Смита и Сэя, но авторъ пролилъ свѣтъ на многіе вопросы, оставленные этими знаменитыми экономистами неразъясненными. Третій томъ, заключающій финансовую науку, въ особенности богатъ множествомъ новыхъ взглядовъ на налоги и практическими указаніями, рѣдко встрѣчающимися въ такого рода трактатахъ. Быстрый успѣхъ сочиненія, достигшаго въ короткое время третьяго изданія можетъ служить подтвержденіемъ его достоинствъ.

Переведены на русскій языкъ подъ редакціей А. Корсака и В. Лебедева: *Основныя начала финансовой науки*, съ 5-го изданія. Спб. 1867—1868. 2 тома.

Raynal. Histoire philospohique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. *Paris*, A. Coste et et Comp., 1820-21, 12 vol. in-8, avec un atlas in-4.

Великое и прекрасное сочиненіе, несмотря на его недостатки. Авторъ нерѣдко писалъ иначе, чѣмъ думалъ; но это нисколько не уменьшаетъ нашего уваженія къ его памяти. Онъ первый нанесъ жестокіе удары колоніальному рабству.

Переведено по высоч. повелѣнію: *Философская и политическая исторія о заведеніяхъ и комерціи Европейцевъ въ обѣихъ Индіяхъ*. 6 ч. Спб. 1805—1801. Изд. 2-е, 6 ч. 1834—1835.

Reimarus. Nouvelle exposition des principes sur la liberté du commerce des grains. Trad. de l'allemand. *Paris*, 1793. in-8.

Горячій защитникъ свободы хлѣбной торговли. Книга его отличается здравыми и оригинальными взглядами.

Reinhard. Versuch eines Grundrisses der Staatswirthschaftslehre. *Mannheim*, 1805, in-8.

Reitemeier. Mines des anciens.

Сочиненіе, богатое драгоцѣнными свѣдѣніями о металлическомъ богатствѣ грековъ и римлянъ.

Renouard. Du droit industriel, dans ses rapports avec les principes du droit civil sur les personnes et sur les choses. *Paris*. Guillaumin. 1 vol. in-8.

Reybaud (Louis). Études sur les réformateurs contemporains ou socialistes modernes. Première partie: Saint-Simon, Charles Fourier, Robert Owen.—Deuxiéme partie: la société et le socialisme, les communistes, les chartistes, les utilitaires, les humanitaires. *Paris*. Guillaumin. 1856. 2 vol. in-8. Grant prix Montyon.

Сочиненіе Рейбо пользуется заслуженнымъ успѣхомъ, какъ по изяществу и ясности языка, такъ и по остроумію и глубинѣ воззрѣній, которыми усыпана его книга. Это одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній французской экономической школы.

Reynier (Jean-Louis-Antonie). De l'économie politique et rurale des Arabes et des Juifs. *Genève*, 1820, in-8.

— De l'économie publique et rurale des Celtes, des Germains et des autres peuples du nord et du centre de l'Europe. *Genève* et *Paris*, 1818, in-8.

— De l'économie politique et rurale des Égyptiens et des Carthaginois; précédé de considérations sur des antiquitées éthiopiennes. *Genève* et *Paris*, 1823, in-8.

— De l'économie publique et rurale des Grecs. *Genève* et *Paris*, 1825, in-8.

— De l'économie publique et rurale des Perses et des Phéniciens. *Genève* et *Paris*, 1819, in-8.

Ricardo.—Творенія Рикардо содержатъ слѣдующія произведенія, оцѣнка которыхъ приведена въ настоящемъ сочиненіи:

— The high price of bullion a proof of the depreciation of bank-notes.

— Essay on the influence of a low price of corn on the profits of stock.

— Proposals for an economical and secure currency.

— Principes de l'économie politique et de l'impôt. Traduit de l'anglais par F. S. Constancio; avec notes explicatives et critiques par J.-B. Say. *Paris*, Aillaud, 1818, 2 vol. in-8.

— Protection to agriculture.

Всѣ сочиненія Рикардо переведены Фонтейро, и собраны въ одномъ томѣ, составляющемъ XIII т. *Собранія главнѣйшихъ экономистовъ* Гильомена.

Послѣ Рикардо, никто не разсматривалъ финансовыхъ вопросовъ съ такимъ дарованіемъ, какъ Франсисъ Горнеръ въ *Эдинбургскомъ Обозрѣніи*.

Ricci (Ludovico). Reforma degl' instituti pii della citta di Modena. *Modenese*, in-8.

Первый изъ итальянскихъ писателей, взглянувшій съ философской точки зрѣнія на вопросъ о благотворительныхъ заведеніяхъ; онъ прекрасно показываетъ злоупотребленія общественной благотворительностью и невыгоды воспитательныхъ домовъ. Его теорія сходна съ ученіемъ Мальтуса, обнародованнымъ впервые нераньше 1798.

Rillet de Saussure. Lettres sur l'emprunt et l'impôt, adressées à M. Necher de Germani. 1779, in-8.

Необходимое для справокъ сочиненіе по вопросамъ, въ настоящее время рѣшеннымъ, какъ образчикъ иллюзій нашихъ отцевъ.

Rocco. Des banques de Naples. *Napoli*, 1785, 2 vol.

Интересное сочиненіе, несмотря на свою неполноту и смутность.

Rochon (l'abbé). Essai sur les monnaies anciennes et modernes. 1 vol. in-8, 1792, avec planches.

Сочиненіе, болѣе интересное въ технологическомъ, чѣмъ въ поли-

тико-экономическомъ отношеніи: все же, весьма заслуживающее вниманія.

Rœderer (le comte Pierre-Louis). Journal d'économie publique, de morale et de politique. *Paris*, 1776 et années suivantes, 5 vol.

— Mémoires d'économie publique, de morale et de politique (faisant suite au journal précédent). *Paris*, 1799, 1 vol.; en tout 6 volumes in-8.

— De la propriété considérée dans ses rapports avec les droits politiques. 2-e édit. *Paris*, Hect. Bossange, 1830, in-18.

Писатель оригинальный, но непослѣдовательный, имѣвшій весьма смутныя и неопредѣленныя представленія объ истинныхъ основаніяхъ политической экономіи; въ первыхъ своихъ очеркахъ является послѣдователемъ *физіократовъ*; личный опытъ впослѣдствіи видоизмѣнилъ его воззрѣнія, которыя, тѣмъ неменѣе, остались парадоксальными и эксцентрическими. О его сочиненіяхъ далъ слишкомъ лестный отзывъ Минье въ статьѣ, прочитанной въ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ.

Rœssig. Encyclopädie der Cameralwissenschaften. *Leipzig*, 1792, in-8.

Roscher (G). Principes d'économie politique, traduits, annotés et précédés d'une introduction, par Wolowsky, de l'Institut. *Paris*. 1857. Guillaumin. 2 vol. in-8.

Переведены на русскій языкъ, И. Бабстомъ: *Начала народнаго хозяйства*, руководство для учащихся и дѣловыхъ людей. Москва. 1860—62. Т. I, отд. 1 и 2-ое.—А Корсакомъ: *О хлѣбной торговлѣ и мѣрахъ противъ дороговизны*. Казань. 1857. — М. Щепкинымъ и Э. Циммерманомъ: *Наука о народномъ хозяйствѣ* въ отношеніи къ земледѣлію и другимъ отраслямъ первоначальной промышленности. Москва. 1868.

Rossi. Cours d'économie politique fait au Collège de France. *Paris*, Joubert, 1839-40, 2 vol. in-8.

Курсъ политической экономіи Росси есть настоящій *трактатъ*; вышедшіе первые два тома посвящены изложенію явленій производства богатствъ. По нашему мнѣнію, это прекрасное сочиненіе блестящимъ образомъ характеризуетъ переходъ отъ школы Сэя къ современнымъ намъ школамъ, оказавшимъ уже столько услугъ.

Съ тѣхъ поръ вышли III и IV томы курса, изданные послѣ смерти Росси его сыновьями. Росси же принадлежитъ: *Mélanges d'économie politique, de politique, d'histoire et de législation*. *Paris*. Guillaumin. 1857, 2 vol. in-8.

На русскій языкъ переведено М. Щепкинымъ: *О распредѣленіи богатства въ народѣ*. (Работники, капиталисты и землевладѣльцы). Спб. 1862.

Rossi (Adiotato), Del l'economia della specie umana. *Pavia,* 1819, 4 vol.

Rotteck. Lehrbuch der öconomischen Politik. *Stuttgart*, 1835, in-8.

Roubaud (l'abbé). Récréations économiques, ou Lettres de l'auteur des Représentations aux magistrats, à M. le chevalier Zanobi, principal interlocuteur des dialogues sur le commerce des blés. *Amsterdam* et *Paris*, 1770, in-8.

Весьма умный памфлетъ, направленный противъ сочиненій Галіани.

Ruggles (Th.). Histoire des pauvres, de leurs droits et de leurs devoirs, et des lois concernant la mendicité; traduit de l'anglais par A. C. Duquesnoy. *Paris*, an X (1802), 2 vol. in-8.

S

Sabatier. Des Banques; de leur influence pour faciliter la circulation des capitaux, faire baisser le trop haut prix de l'intérêt, et des mesures à adopter pour que l'agriculture, l'industrie, le commerce de la France et des divers États jouissent de l'avantage de tels établissements. Avril 1817, *Pairs*, in-8.

— Considérations sur les contributions et les taxes indirectes. *Paris*, imprimerie de P. Gueffier, in-4.

— Du crédit public et particulier, des moyens d'acquitter indistinctement la dépense de tous les services, et d'opérer des améliorations dans les diverses branches de l'économie politique. 1798, in-4.

— Tableaux comparatifs des dépenses et des contributions de la France et de l'Angleterre, suivis de considérations sur les ressources des deux États, et servant en même temps de réfutation à l'ouvrage de M. Gentz. *Paris*, Arthus-Bertrand, 1805, in-8.

Saint-Aubin. Opuscules sur les finances, le papier-monnaie, le crédit, etc. 1797, avec tables, 20 pièces, 1 vol.

Ж. Б. Сэй называлъ его *шутомъ политической экономіи*, но этотъ шутъ нерѣдко отличался большимъ здравымъ смысломъ.

Saint-Chamans (le vicomte de). Du système d'impôt fondé sur les principes d'économie politique. *Paris,* 1820, in-8.

Странная выходка весьма замѣчательнаго писателя, потратившаго на защиту отжившихъ политико-экономическихъ теорій больше ума, чѣмъ

сколько потребовалось бы для превосходнаго сочиненія. Въ этой книгѣ находится самая искусная апологія меркантильной системы.

— Nouvel essai sur la richesse des nations. *Paris*, Lenormant père, 1824, in-8.

Saint-Péravi (de). Mémoire sur les effets de l'impôt indirect sur le revenu des propriétaires de biens-fonds, qui a remporté le prix proposé par la société royale d'agriculture de Limoges, en 1767. *Londres* 1768, in-12.

Авторъ раздѣляетъ мнѣнія *экономистовъ* по вопросу о налогахъ. Такъ какъ только земля, по ихъ мнѣнію, приноситъ доходъ, то на ней одной должны лежать и налоги. Уничтоженіе косвенныхъ налоговъ должно оказаться въ пользу поземельныхъ собственниковъ по мнѣнію автора, но послѣдніе не вѣрили ему, и поступали весьма основательно.

— Principes du commerce opposé au trafic, développés par un homme d'État 1787, 2 vol. in-8.

Saint-Pierre (l'abbé de).

Сочиненія этого честнѣйшаго писателя, которыя самъ кардиналъ Дюбуа называлъ мечтами благонамѣреннаго человѣка, состоятъ изъ множества очерковъ по всѣмъ возможнымъ вопросамъ. Вотъ заглавія главнѣйшихъ изъ нихъ:

— Mémoire pour l'établissement d'une taille proportionnelle. 1717, in-12. et in-4, réimprimé sous le titre de Projet d'une taille tarifée.

— Mémoire sur les pauvres mendiants et sur les moyens de les faire subsister. 1724, in-8.

— Mémoire sur les billets d'État.

— Mémoire pour diminuer le nombre des procès. *Paris*, 1725, in-12.

Онъ предлагаетъ въ немъ введеніе одного кодекса для всего королевства.

— Les annales politiques. *Londres*, 1757, 2 vol. in-8.

— Projet pour rendre la paix perpétuelle en Europe, etc. *Utrecht* (*Paris*), 1713—17, 3 vol. in-12.

— Le même ouvrage, abrégé. *Rotterdam* (*Paris*), 1729, in-12.

— Les rêves d'un homme de bien, qui peuvent être réalisés, ou les Vues et pratiques de M. l'abbé de Saint-Pierre. (Recuellies par Alletz). *Paris*, Duchesne, 1772, in-12.

См. L'abbé de Saint-Pierre, membre exclu de l'Académie française, sa vie et ses œuvres précédées d'une appréciation et d'un précis hi-

storique de l'idée de la paix perpétuelle, suivies du jugement de Rousseau sur le projet de la paix perpétuelle et la polysynodie, ainsi que du projet attribué à Henri IV, et du plan d'Emmanuel Kant pour rendre la paix universelle, etc., etc., avec des notes et des éclaircissements, par M. Gust. de Molinari. *Paris*, Guillaumin et Comp., 1857. 1 vol. grand in-18.

Sainte-Croix (de.) De l'état et du sort des colonies des anciens peuples. *Philadelphie* (*Paris*), 1779, in-8.

Въ этомъ сочиненіи колоніи древнихъ народовъ разсматриваются съ предразсудками новѣйшей колоніальной системы.

Saint-Simon (Henri de). L'industrie, ou Discussions politiques, morales et philosophiques dans l'intérêt de tous les hommes livrés à des travaux utiles et indépendants. Avec cette épigraphe: «Tout par l'industrie, tout pour elle.»

— L'Organisateur.

Выходилъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ, въ самые неправильные сроки. Чтобы составить полное сочиненіе въ 265 стр., надо собрать: 3-е изданіе 1-го выпуска и 2-е изданіе 2-го выпуска.

— Système industriel. 1821—22, 3 parties in-8.

Въ первой части этого сочиненія перепечатаны различныя письма, напечатанныя отдѣльно или литографированныя, въ которыхъ Сенъ-Симонъ обращается къ *работникамъ*, *земледѣльцамъ*, *купцамъ*, *фабрикантамъ*, и проч.

— Catéchisme des industriels. *Paris*, 1828—32, en 4 cahiers formant 422 pages.

Глава, посвященная Сенъ-Симону въ настоящемъ томѣ *Исторіи*, освобождаетъ насъ отъ обязанности входить въ новыя подробности о его произведеніяхъ. Для ближайшаго ознакомленія съ доктриной, кромѣ книги Рейбо *О новѣйшихъ соціалистахъ*, отсылаемъ читателя къ вышедшему позже сочиненію:

— Saint-Simon, sa vie et ses travaux, par A. G. Hubbard, suivi des fragments des plus célèbres écrits de Saint-Simon, *Paris*, Guillaumin, 1857, 1 vol. grand in-18.

Santa-Cruz de Marcenado (le marquis de). Rapsodia economica.

Сочиненіе оригинальное, все еще проникнутое испанскими предразсудками, но оно нападаетъ уже на многіе изъ нихъ. Книга довольно рѣдкая.

Sartorius (G.). Handbuch der Staatswirthschaft. (Manuel d'écono-

mie publique à l'usage dss leçons académiques). *Berlin,* 1796, in-8.— La deuxième édition a été publiée sous le titre suivant: Éléments de la richesse nationale. *Cœttingue*, 1806, in-8.

Произведеніе это проникнуто, принципами Смита, и содержитъ нѣсколько критическихъ замѣчаній по многимъ вопросамъ доктрины шотландскаго экономиста.

Переведено на русскій языкъ П. Кондыревымъ, подъ заглавіемъ: *Начальныя основанія народнаго богатства и государственнаго хозяйства*, слѣдуя теоріи Ад. Смита. Казань. 1812.

Сарторіусъ болѣе всѣхъ нѣмецкихъ писателей содѣйствовалъ распространенію въ Германіи экономическихъ воззрѣній А. Смита.

— Von den Elementen des Nationalreichthum *Cœttingue*, 1806, in-8.

Saumaise. Salmasii de usuris liber. *Lugduni Batavorum*, 1638. in-8.

— De modo usurarum. *Leyde*, 1639, in-8.

— De fœnore trapezitico, 1640.

Эти три сочиненія Сомеза привели въ негодованіе всѣхъ юристовъ тогдашней эпохи. Ученый авторъ весьма убѣдительно доказываетъ законность процента за ссуживаемыя деньги.

Say (J.-B.). Traité d'économie politique, ou Simple exposition de la manière dont se forment, se distribuent et se consomment les richesses; sixième édition, augmentée, et à laquelle se trouvent joints un Epitome des principes fondamentaux de l'Économie politique et un Index raisonné des matières. *Paris*, 1841, 1 vol. grand in-8.

Это сочиненіе составляетъ главную заслугу нашего знаменитѣйшаго экономиста. Оно выдержало, одно вслѣдъ за другимъ, пять изданій при жизни автора, который пересматривалъ ихъ съ необыкновенной заботливостью. Оно было переведено на всѣ европейскіе языки.

На русскій переведено Н. Политковскимъ, подъ заглавіемъ: *Сокращенное ученіе о государственномъ хозяйствѣ, или дружескіе разговоры, въ коихъ объясняется, какъ богатство производится, дѣлится и потребляется въ обществѣ.* 1816.

— Cours complet d'économie politique pratique, ouvrage destiné à mettre sous les yeux des hommes d'État, des propriétaires fonciers et des capitalistes, des agriculteurs, des manufacturiers, des négociants et en général de tous les citoyens, l'Économie des sociétés; 2-e édit. revue par l'auteur, publiée et augmentée de notes par Horace Say, son fils. *Paris*, Guillaumin, 1840, 2 vol. grand in-8. — 3-e édition, *Paris*, même éditeur, 1852, 2 vol. grand in-8.

Въ концѣ своей жизни Сэй собралъ лекціи, читанныя имъ въ Консер-

ваторіи искуствъ и ремеслъ впродолженіи болѣе десяти лѣтъ, и издалъ ихъ въ шести томахъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Воззрѣнія, господствующія въ его *Трактатѣ*, замѣтно видоизмѣнены здѣсь по многимъ важнымъ вопросамъ; сочиненіе особенно замѣчательное множествомъ практическихъ примѣненій.

— Catéchisme d'économie politique, ou instruction familière qui montre de quelle façon les richesses sont produites, distribuées et consommées dans la société. *Paris*, 1835, in-12. 5-e édit.

Въ этомъ сочиненіи приведена въ разговорной формѣ сущность воззрѣній Сэя.

Переведено на русскій языкъ, подъ заглавіемъ: *Катехизисъ политической экономіи, или краткое ученіе о составленіи, распредѣленіи и потребленіи богатствъ въ обществѣ*. Спб. 1833.

— Mélanges et correspondance d'économie politique, ouvrage posthume, publié (avec une Notice historique sur la vie et les ouvrages de l'auteur) par Charles Comte, son gendre. *Paris*, Chamerot, 1833, in-8.

— Petit volume, contenant quelques aperçus des hommes et de la société. 3-e édit. publiée par M, Horace Say. *Paris*, 1839, 1 vol. grand in-32.

Кромѣ означенныхъ, существуютъ еще многія другія сочиненія того же экономиста. Самое рѣдкое изъ нихъ есть родъ повѣсти въ аллегорической формѣ, подъ заглавіемъ: *Olbie, ou essai sur la manière de réformer les moeurs d'une nation*, поверхностный трудъ, въ которомъ нельзя подозрѣвать великаго экономическаго писателя.

Всѣ творенія Ж. Б. Сэя собраны въ одномъ томѣ, и составляютъ XII т. *Собранія главнѣйшихъ экономистовъ*.

Say (Horace). Histoire des relations commerciales entre la France et le Brésil, et Considérations sur les monnaies, les changes, les banques et le commerce extérieur. *Paris*, 1839, 1 vol. in-8.

Say (Louis), de Nantes. Traité de la richesse individuelle et de la richesse publique. *Paris*, 1827, in-8.

Авторъ — братъ знаменитаго экономиста. Онъ уже значительно расходился съ его воззрѣніями въ настоящемъ сочиненіи; но еще болѣе разошелся съ нимъ, когда издалъ брошюру:

— Études sur la richesse des nations et réfutation des principales erreurs en économie politique. *Paris*, 1836, in-8.

Настоящій памфлетъ противъ учителей науки, въ томъ числѣ и противъ брата.

Scaruffi (Gaspardo). Discorso sopra le monete, et della vera proporzione tra l'oro e l'argento. *Reggiano,* in-8, 1582.

Это самое древнее сочиненіе, изданное въ Италіи по предмету политической экономіи, по случаю безпорядковъ, возникнувшихъ въ монетной системѣ вслѣдъ за нашествіемъ на Италію Карла V.

Авторъ предлагалъ одну общую монету для всей Европы; ему же обязана своимъ введеніемъ *проба*, налагаемая на всѣ серебреныя и золотыя издѣлія.

Schenk (K. F.). Das Bedürfniss der Volkswirthschaft. (Les besoins de l'économie politique dans la plupart des États de la Confédération germanique). 2 vol. in-8. *Stuttgart.* 1831.

Популярное сочиненіе, въ которомъ авторъ излагаетъ политико-экономическіе вопросы только съ практической точки зрѣнія.

Schlettwein. Grundsätze der Staaten oder die politische Oeconomie. *Giessen.* 1777, in-8.

Это необыкновенно плодовитый авторъ; онъ написалъ около двадцати томовъ различныхъ сочиненій, въ которыхъ онъ разсматриваетъ множество политико-экономическихъ вопросовъ съ физіократической точки зрѣнія, такъ какъ онъ былъ ревностнымъ защитникомъ этого ученія въ Германіи.

Schloezer (Ch. de). Anfangsgründe der Staatswirthschaft. (Éléments d'économie politique). 2 vol. in-8. *Riga,* 1805.

Авторъ — послѣдователь А. Смита.

Переведено на русскій языкъ С. Смирновымъ, подъ заглавіемъ: *Начальныя основанія государственнаго хозяйства*, или науки о народномъ богатствѣ. Москва, 1805—1806. 2 части. Изданіе 2-е 1821.

Schmalz. Économie politique. Traduit de l'allemand, par Henry Jouffroy. *Paris,* 1826, 2 vol. in-8.

Шмальцъ, подобно Дутану во Франціи, хотѣлъ воскресить въ Германіи теорію Кене во всей первоначальной ея простотѣ. Но для чего возвращать этому почтенному дереву боязненную кору, отъ которой освободили его успѣхи науки?

Schœn (Jean). Neue Untersuchung der Nationalökonomie. (Nouvelles Recherches sur l'économie nationale). 1 vol. in-8. *Stuttgart,* 1835.

Полное ученіе, изложенное съ необыкновенной ясностью. Шёнъ старался въ немъ поставить въ опредѣленныя границы всѣ политико-эко-

номическіе вопросы. Онъ избѣгалъ безплодныхъ преній, и систематической классификаціей облегчилъ изученіе науки.

Scialoja. Principes d'économie politique, traduits en français par M. Devillers. *Paris.* 1844. Guillaumin. 1 vol. in-8.

Scrofani (Saverio). Memorie di pubblica economia. (Mémoires sur l'économie publique. *Pise*, 1826, in-8.

Содержитъ четыре мемуара:

1) О свободѣ торговли, или о торговлѣ хлѣбомъ для Сициліи;

2) Мемуаръ о томъ же вопросѣ, подтверждаемый фактами, заимствованными изъ исторіи Тосканы;

3) О системѣ налоговъ, какъ въ древнія, такъ и въ новѣйшія времена.

4) Послѣдній мемуаръ содержитъ соображенія объ итальянскихъ мануфактурахъ.

Scrope (G. Powlett). Principles of political economy, deduced from the natural laws of social welfare, and applied to the present state of Great Britain. *London*, 1833, in-12.

Послѣдователь радикальной школы; книга его излагаетъ съ необыкновенной ясностью, несмотря на сжатость свою, экономическія основанія производства по отношенію къ интересамъ рабочихъ классовъ. Открытый противникъ доктрины Мальтуса.

Scuderi. Principi di civile economia. *Napoli*, 1829, 3 vol. in-8.

Semer. Beitrag zur näheren Bestimmung der Staatswirthschaft und ihres Gebiets. *Mannheim*, 1794. in-8.

Sénac de Meilhan. Considérations sur les richesses et le luxe. *Amsterdam*, 1789, in-8.

Памфлетъ противъ аббата Террая. Въ немъ встрѣчаются соображенія о налогахъ у древнихъ народовъ.

Senior (N. W.). Principes fondamentaux de l'économie politique. *Paris*, 1836, in-8. Traduction française du comte Arrivabene.

Сочиненіе это представляетъ сущность лекцій о политической экономіи, читанныхъ авторомъ въ Оксфордскомъ университетѣ на кафедрѣ, основанной въ 1825 Друммондомъ. Сеніоръ, обладающій замѣчательнымъ умомъ, слишкомъ преувеличиваетъ взглядъ на соціальныя несовершенства, какъ на неизлечимое зло, и защищаетъ свои принципы съ одинаковой безпощадностью и непреклонностью, какъ относительно людей, которыхъ беретъ подъ свою защиту, такъ и относительно людей, противъ которыхъ направляетъ свои удары.

Serra (Antonio). Breve trattato delle cause che possono far abondare li regni d'oro e d'argento dove non sono miniere. In-8, 1613.

Авторъ объясняетъ промышленную силу почти исключительнымъ вліяніемъ денегъ; но онъ прекрасно объясняетъ, какимъ образомъ трудъ и фабрики могутъ привлекать въ страну металлическія деньги.

Seutter (baron de). Die Staatswirthschaft auf der Grundlage der Nationalöconomie, etc. (L'économie publiquea puliquée au gouvernement, à l'administration et aux finances). 3 vol. in-8. *Ulm.*

Авторъ основываетъ свою систему на личной свободѣ, на свободѣ труда и на свободѣ печати. Въ первомъ томѣ излагается политическая организація; во второмъ — внутренняя администрація; третій посвященъ разбору всѣхъ возможныхъ налоговъ. Все сочиненіе запечатлѣно широкими и демократическими воззрѣніями.

Seybert (Adam). Annales statistiques des États-Unis. Traduit de l'anglais par Scheffer, 1 vol. in-8, 1820.

Полезный сборникъ, богатый необходимыми документами для плодотворной оцѣнки отношеній Соединенныхъ Штатовъ къ Европѣ. Особенно хорошо изложены главы: *о государственныхъ земляхъ*, *доходахъ*, *монетѣ и расходахъ*.

Sinclair (John). The history of the public revenue of the british empire. *London*, 1785, in-4.

Сочиненіе менѣе ясное и точное, чѣмъ книга Роберта Гамильтона, но заслуживающее вниманія по либеральнымъ воззрѣніямъ автора.

Simonde de Sismondi. De la richesse commerciale ou principes d'économie politique appliqués à la législation du commerce. *Genève*, 1803, 2 vol. in-8.

Это первое произведеніе Сисмонди. Онъ былъ въ то время послѣдователемъ А. Смита. Съ тѣхъ поръ воззрѣнія его измѣнились, и онъ написалъ замѣчательнѣйшее изъ своихъ сочиненій:

— Nouveaux principes d'économie politique, ou de la richesse dans ses rapports avec la population. *Paris*, 1827, 2 vol. in-8.

Это краснорѣчивѣйшее изложеніе радикальной школы.

Появленіе этой книги произвело сильнѣйшее впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ. Авторъ нападаетъ въ ней на систему банковъ, на употребленіе машинъ, на англійскую мануфактурную систему; онъ горячо защищаетъ въ ней интересы рабочихъ классовъ, но не предлагаетъ никакого лекарства для облегченія ихъ страданій. «Я долженъ сознаться

говоритъ онъ въ заключеніе, что, указавъ, въ чемъ состоитъ справедливость, я не въ силахъ указать средства для ея достиженія.» Никто не могъ указать лучше его, а теперь нескоро рѣшится кто либо на подобный трудъ.

— Études sur l'économie politique, *Paris*, Treuttel et Wurtz, 1838, 2 vol. in-8.

Skarbek (le comte Frédéric). Théorie des richesses sociales. *Paris*, 1829, 2 vol. in-8.

Сочиненіе графа Фредерика Скарбека слишкомъ уже теоретическое. Въ эпоху появленія его книги политическая экономія требовала болѣе широкихъ практическихъ примѣненій и болѣе положительныхъ рѣшеній. Авторъ, родомъ полякъ, могъ бы оказать своей странѣ ту же услугу, какую оказалъ Россіи Шторхъ, спеціальнымъ изложеніемъ политико-экономическихъ вопросовъ, ближе всего касающихся Польши.

Smith (Adam). Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. Traduit par le comte Germain Garnier. *Paris*, 1822, 6 vol. in-8. — Nouvelle édition revue et corrigée par M. Blanqui, avec des notes de Mac Culloch, Buchanan, Mill, Ricardo, Sismondi, etc. *Paris*, 1842, 2 vol. grand in-8.

Великое твореніе Адама Смита принимается всѣми экономистами за настоящую точку отправленія для науки въ Европѣ. Въ самомъ дѣлѣ, это была первая книга, несмотря на свои объемистыя отступленія, которая изложила истинныя причины богатства народовъ и пріемы труда. На французскомъ языкѣ существуетъ нѣсколько ея переводовъ; лучшій принадлежитъ Гарнье. Лучшее изданіе ея на англійскомъ принадлежитъ Макъ-Кулоху, снабдившему ее прекрасными примѣчаніями.

На русскомъ языкѣ, кромѣ неполнаго перевода Н. Политковскаго, изданъ въ послѣднее время переводъ ея П. Бибикова, подъ заглавіемъ: *Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ*. Съ примѣчаніями Бентама, Буханана, Гарнье, Макъ-Кулоха, Мальтуса, Милля, Рикардо, Сэя, Сисмонди, Тюрго, и проч. Спб. 1866. 3 тома. Съ 2-мя статьями: о Смитѣ и о его ученіи.

Smith (Thomas). An attempt to define some of the first principles of political economy. *London*, 1821, in-8.

Soden. Die Nationalöconomie. Ein philsophischer Versuch über die Quellen des Nationalreichthums, und über die Mittel zu dessen Beförderung. 1805—1824, 9 vol. in-8. *Leipzig*, *Arau*, *Nuremberg*.

Solera (Maurice). Essai sur les valeurs. Grand in-8 de 116 pages, publié en 1798.

Подъ этимъ заглавіемъ авторъ издалъ весьма интересныя экономи-

ческія изслѣдованія о Пьемонтѣ, своемъ отечествѣ. Книга отличается оригинальнымъ и увлекательнымъ изложеніемъ.

Solly. Considerations on political economy. *Berlin*, 1814, in-4.

Sopp (A. A.). Neueste Darstellung der Cameralwissenschaften (Nouvel exposé des sciences camérales). 3 vol. in-8. *Vienne*, 1808—1811.

Въ первомъ томѣ излагается сельское хозяйство, во второмъ — фабричное дѣло, въ третьемъ—политическая экономія.

Steuart (J.). Recherches sur les principes de l'économie politique, ou Essai sur la science de la police intérieure des nations libres. Traduit de l'anglais par Senovert. *Paris*, Didot aîné, 1789, 5 vol. in-8.

Книга Стеварта надѣлала много шуму, несмотря на появленіе сочиненія А. Смита. Читать ее, однако, слѣдуетъ осторожно, ибо въ ней встрѣчается множество парадоксовъ по всѣмъ вопросамъ; но, до Рикардо, еще ни одинъ англійскій экономистъ не достигалъ до такихъ широкихъ воззрѣній. Стевартъ отличается въ особенности ясностью своихъ доказательствъ и искренностью, съ которой приступаетъ къ самымъ труднымъ вопросамъ.

Storch (Henri). Cours d'économie politique, ou Exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations, avec des notes explicatives et critiques de J.-B. Say. *Paris*, 1832, 5 vol. in-8.

Одно изъ лучшихъ произведеній смитовской школы.

Оно содержитъ въ высшей степени интересныя свѣдѣнія о крѣпостномъ состояніи въ Россіи и о рабствѣ во всѣхъ странахъ.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ замѣчанія о банкахъ, входящія въ составъ 4-го тома.

Шторхъ издалъ, кромѣ того, замѣчательное сочиненіе *о національномъ доходѣ*, въ предисловіи къ которому горячо нападаетъ на Сэя, своего коментатора. Сочиненіе это входитъ въ составъ 5-го тома его *Курса*.

Stokausen. Dissertatio de conjunctione jurisprudentiæ atque œconomices, politices et scientiæ cameralis in specie. *Leipzig*, 1768, in-8.

Sudre (Alf.). Histoire du communisme, ou réfutation historique des utopies sociales. 5-e édition. *Paris*, 1856. Guillaumin. 1 vol. in-8.

Sully. Mémoires des sages et royales économies d'État. Très-souvent réimprimés en 6 vol. in-fol., 12 et 15 vol. in-12, et plus souvent encore avec les arrangements de l'abbé de l'Écluse.

Книга эта останется навсегда лучшимъ источникомъ для изученія экономическихъ реформъ, прекратившихъ средневѣковыя злоупотребленія и окончившихся французской революціей.

T.

Thiers. De Law et de son système de finances. *Paris*, 1826, 1 vol. in-8 (faisant partie de l'Encyclopédie progressive).

Эта статья есть лучшій критическій разборъ *системы* Лау. Нигдѣ *система* эта не изложена съ большей ясностью и съ большей добросовѣстностью.

Thompson (William). An inquiry into the principles of the distribution of wealth. (Recherches sur les principes de la distribution des richesses). in-8, 1824.

Экономистъ радикальной школы, послѣдователь во многихъ отношеніяхъ кооперативной теоріи Овена, теоретическій, строгій, превосходный писатель для пріученія ума къ самымъ труднымъ вопросамъ науки.

Thornton (Henri). An inquiry into the nature and effects of the paper credit of the Great-Britain. *London*, 1802, in-8.

Брошюра, вызванная временными обстоятельствами, въ защиту прекращенія платежей звонкой монетой Англійскимъ банкомъ.

Нѣкоторые доводы ея въ пользу бумажныхъ денегъ натянуты; но въ ней встрѣчаются такія глубокія соображенія о кредитѣ, отъ которыхъ не отказался бы самъ Рикардо.

Брюшора эта весьма рѣдка.

Thunen (H. de). Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirthschaft und Nationalöconomie, etc. (L'État considéré sous le rapport de l'économie agricole et de l'économie nationale, ou recherches sur l'influence qu'exercent le prix des grains, la richesse du sol et les impôts relativement à l'agriculture). *Hambourg*, 1836.

Сочиненіе это переведено на французскій языкъ Лаверьеромъ, подъ заглавіемъ: *Recherches sur l'influence que le prix des grains, la richesse du sol et les impôts exercent sur les systèmes de culture.* Paris, 1851. Guillaumin. 1 vol. in-8.

Сочиненіе это переведено и на русскій языкъ М. Волковымъ, подъ заглавіемъ: *Уединенное государство въ отношеніи къ общественной экономіи.* Карльсруэ. 1857.

Тѣмъ же переводчикомъ переведено на французскій языкъ другое сочиненіе того же автора: *Le salaire naturel et son rapport au taux de l'intérêt.* Paris, 1857. Guillaumin. 1 vol. in-8.

Tifaut de Lanoue (Jérôme). Réflexions philosophiques sur l'impôt

où l'on discute les principes des économistes, et où l'on indique un plan de perception patriotique, in-8. *Paris*, 1775.

Авторъ противникъ *экономистовъ*. Какъ человѣкъ въ высшей степени практическій, онъ противупоставлялъ теоріямъ этихъ философовъ свой проектъ распредѣленія налоговъ, болѣе соотвѣтствующій имущественнымъ средствамъ различныхъ классовъ гражданъ.

Tooke (Thomas). Thoughs and details, on the high and low prices of the last thirty years. *London*, 1823, in-8.

Сборникъ этотъ содержитъ интересныя подробности о повышеніи и пониженіи цѣнъ. Онъ въ особенности имѣетъ ближайшее отношеніе къ хлѣбному законодательству, этому бичу Англіи.

— The history of prices, and of the state of the paper circulation from 1798 to 1857. *Londres*, 1832, 2 vol. in-8. 1840, 2 vol. in-8. 1848 1 vol. in-8. 1857, 1 vol. in-8.

Сочиненіе это, по признанію самого автора, есть только развитіе предъидущаго; тѣмъ неменѣе, на него можно смотрѣть совершенно какъ на новый трудъ, по тѣмъ важнымъ приложеніямъ, которыми снабжено оно. Оно содержитъ самыя интересныя подробности объ экономическомъ состояніи Англіи въ началѣ этого вѣка.

— On the state of currency. *Londres*, 1 vol. in-8.

Тукъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ и честнѣйшихъ экономистовъ Великобританіи. Его воззрѣнія пользуются большимъ вѣсомъ во всѣхъ финансовыхъ вопросахъ.

Tollenare (L. E. de). Essai sur les entraves que le commerce éprouve en Europe. *Paris*, 1820, 1 vol.

Судя по заглавію, можно подумать, что авторъ борется противъ запрещеній и торговыхъ стѣсненій; ничуть не бывало: онъ защитникъ запретительной системы и колоніальныхъ привилегій; впрочемъ, нѣкоторыя его идеи проникнуты бо́льшимъ либерализмомъ.

Torrens (R.). An essay on the production of wealth; with an Appendix in which the principles of political economy are applied to the actual circumstances of this country. *London*, 1821, in-8.

— An essay on the external corn-trade. 1 vol. 1815.

— On wages and combinations. *London*, 1834, in-8.

Всѣ произведенія Торренса проникнуты возвышенными воззрѣніями и великодушными симпатіями къ рабочимъ классамъ. Ихъ можно упрекнуть только въ нѣкоторой туманности; авторъ желаетъ удержаться на

срединѣ между Рикардо и Мальтусомъ. «Первый, говоритъ онъ, слишкомъ пристрастенъ къ обобщеніямъ, второй страдаетъ недостаткомъ ихъ; въ рукахъ одного наука получаетъ неестественную простоту, въ рукахъ другаго она становится хаотической.»

Tucker (Josiah). A brief essay on the advantages and disadvantages which respectively attend France and Great-Britain, with regard to Trade, with some proposals for removing the principal disadvantages of Great-Britáin in a new method. The third édition. *London*, 1753, in-8.

Сочиненіе весьма замѣчательное либеральными воззрѣніями. Въ немъ уже чувствуется вліяніе на развитіе науки французскихъ экономистовъ. Туккеръ былъ въ связи со многими изъ нихъ, и хотя книга его еще глубоко проникнута національнымъ эгоизмомъ, все же въ ней уже встрѣчаются большія уступки новымъ понятіямъ.

Turbulo. Discorsi e relazioni sulle monete del Napoli. *Napoli*, 1629.

Turgot. Œuvres complètes, précédées et accompagnées de mémoires et de notes sur sa vie, son administration et ses ouvrages. *Paris*, 1808—1811, 9 vol. in-8.

Это полное собраніе твореній Тюрго издано было Дюпономъ де Немуромъ. Въ 1844 Эженъ Деръ и Дюссаръ дали новое ихъ изданіе въ *Собраніи главнѣйшихъ экономистовъ* Гильомена. Къ послѣднему приложена статья о Тюрго Дера и новыя примѣчанія; къ тому же, сочиненія расположены въ немъ въ систематическомъ порядкѣ, такъ что это изданіе гораздо лучше предъидущаго. Въ немъ помѣщены:

— Lettre sur le papier-monnaie, adressée à M. l'abbé de Cicé.

Тюрго было двадцать два года, когда онъ написалъ эту записку.

— Les articles foires et marchés, et valeurs et monnaies, de l'Encyclopédie.

— Mémoires sur la théorie des valeurs.

— Éloges de M. de Gournay, l'un des fondateurs de l'école des Économistes.

— Ses travaux divers dans la généralité de Limoges.

Нѣтъ ни одного, изъ всѣхъ этихъ мелкихъ сочиненій, которое не заслуживало бы изученія, и не вызывало бы удивленія.

— Réflexions sur la formation et la distribution des richesses.

Это замѣчательнѣйшее изъ экономическихъ сочиненій Тюрго; на него

преимущественно можно смотрѣть, какъ на звѣно, связывающее доктрины Кене и доктрины Смита.

— Lettre à M. de Trudaine, sur les encouragements à donner aux manufactures.

— Mémoire sur les prêts d'argent.

Неотразимый аргументъ противъ законовъ о лихвенномъ процентѣ. Этотъ мемуаръ, вмѣстѣ съ такимъ же мемуаромъ Бентама, изчерпали вопросъ.

— Des fonctions des bureaux de charité.

— Lettres sur la liberté du commerce des grains, en opposition aux partisans des mesures restrictives.

— Édit portant suppression des jurandes et des maîtrises.

— Comparaison de l'impôt sur le revenu des propriétaires et de l'impôt sur les consommations.

— Lettres sur les grains, écrites à Terray. 1788, in-8.

— Mémoire qui contient les principes de l'administration publique sur la propriété des carrières et des mines, et sur les règles de leur exploitation. 1790. in-8.

Тюрго былъ человѣкъ въ высшей степени практическій, и къ великому счастію, занимаемые имъ посты, въ Лиможѣ — интенданта, а въ Парижѣ—министра, дали ему возможность непосредственно приложить къ дѣлу свои теоретическія воззрѣнія.

Различные мемуары его должны быть настольной книгой каждаго государственнаго человѣка.

U.

Ulloa (D. Bernardo de). Rétablissement des manufactures et du commerce d'Espagne; traduit de l'espagnol, par Plumard de Dangeul. *Amsterdam*, 1753, in-12.

Книга, полезная для справокъ, для ознакомленія съ промышленнымъ и торговымъ паденіемъ Испаніи, равно какъ и по всѣмъ находящимся съ нимъ въ связи политико-экономическимъ вопросамъ.

Ure (Andrew). Philosophie des manufactures, ou Économie indu-

strielle de la fabrication du coton, de la laine, du lin et de la soie, avec la description des diverses machines employées dans les ateliers anglais. *Paris* et *Bruxelles*, 1836, 2 vol. in-12.

Довольно поверхностное технологическое сочиненіе, въ которомъ злоупотребленія англійской промышленной системы изображены съ преднамѣреннымъ пристрастіемъ и таинственностью. Немногіе интересные факты, встрѣчающіеся въ книгѣ, заимствованы буквально изъ *Англійскихъ офиціальныхъ свѣдѣній*, безъ указанія на ихъ источникъ.

Ustariz (Geronimo de). Théorie et pratique du commerce et de la marine. *Paris*, 1753, in-4.

Сочиненіе это переведено на французскій языкъ Форбонне; несмотря на многочисленныя его заблужденія, все же оно даетъ, по нашему мнѣнію, лучшее понятіе о политической экономіи, господствующей въ Испаніи со временъ Карла V.

V.

Valle Santoro. Éléments d'économie politique. *Paris*, 1 vol. in-8.

Прекрасное элементарное руководство, хотя мѣстами довольно смутное.

Vasco (Giamb.) Delle università delle arti e mestieri. In-8.

— Mémoire sur les causes de la mendicité et sur les moyens de la supprimer.

— La felicità pubblica considerata nei coltivatori di terre proprie. In-8.

— Della moneta, saggio politico. *Torinese*, in-8.

Одна изъ оригинальныхъ книгъ по вопросу, въ настоящее время рѣшенному.

Vauban. Projet d'une dixme royale, avec les réflexions sur le même sujet. 1707, in-4 et in-12.

Книга честнаго, благороднаго и безкорыстнаго человѣка. Предлагаемое имъ лекарство было бы принято въ настоящее время за самое жестокое бѣдствіе; такъ велики были несчастія той эпохи.

Королевская десятина, вмѣстѣ съ твореніями Буагильбера, Лау, Мелона и Дюто, составляетъ, подъ однимъ общимъ заглавіемъ: *Экономисты-финансисты* XVIII вѣка, I-ый томъ *Собранія главнѣйшихъ экономистовъ* Гильомена; къ нему приложены выписки и свѣдѣнія о каж-

домъ писателѣ и многочистенныя примѣчанія, принадлежащія Эжену Деру.

Verri (Pietro). Meditazioni sull' economia politica, con annotazione de Gian-Rinaldo Carli.

Это главное сочиненіе Верри, одного изъ основателей политической экономіи въ Италіи и предшественника Адама Смита.

Переведено на русскій языкъ Померанцевымъ: *Политическая экономія* или о Государственномъ хозяйствѣ. Спб. 1810.

Вотъ названіе другихъ его произведеній.

— Sulle leggi vincolanti pricipalmente nel commercio de' grani. Riflessioni, scritte l'anno 1769, con applicazione allo stato di Milano, in-8.

— Consulta sulla reforma delle monete dello stato di Milano, 1772, in-8.

— Estratto del progetto di una tariffa della mercanzia, per lo stato di Milano, 1774, in-8.

— Memorie storiche sulla economia publica dello stato di Milano. *Milanese*, in-8.

— Varj opuscoli di economia publica. In-8.

Villeneuve-Bargemont (vicomte Alban de). Économie politique chrétienne, ou Recherches sur la nature et les causes du paupérisme en France et en Europe, et sur les moyens de le soulager et de le prévenir. *Paris,* 1834, 3 vol. in-8.

Вильневъ — энергическій противникъ англійской промышленной системы. Его пугаютъ успѣхи фабрикъ и пораждаемыя ими бѣдствія: но предлагаемыя имъ противъ нихъ средства уже не пригодны для нашего времени. Религія имѣла свои счастливые дни, теперь очередь промышленности. Развитіе ея подобно развертыванію арміи, прекрасное построеніе которой обнаружится только по окончаніи передвиженія ея частей.

— Histoire de l'économie politique, ou Études historiques, philosophiques et religieuses sur l'économie politique des peuples anciens et modernes. *Paris,* 1841, 2 vol. in-8.

Villermé. Tableau de l'état physique et moral des ouvriers employés dans les manufactures de coton, de laine et de soie. *Paris*, Renouard, 1840, 2 vol. in-8.

Это прекрасное сочиненіе есть результатъ путешествія, предпринятаго по распоряженію Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ

для изслѣдованія физическаго и нравственнаго состоянія рабочихъ классовъ, о которомъ въ ту эпоху вовсе не имѣли понятія. Авторъ подготовилъ такимъ образомъ матерьялы для законодательства относительно употребленія на фабрикахъ дѣтей, и превосходные факты для экономической науки по всѣмъ фабричнымъ вопросамъ.

Villiaumé. Nouveau traité d'économie politique. *Paris*. Guillaumin, 2 vol. in-8.

Vivant de Mezague. Bilan général et raisonné de l'Angleterre depuis 1600 jusqu'à la fin de 1761, ou Lettre à M. L. C. D. sur le produit des terres et du commerce de l'Angleterre, 1 vol. in-8, 1762.

Экономическій памфлетъ противъ великобританской роскоши. Мало представляетъ интереснаго.

Volland. Mémoires sur les moyens de détruire la mendicité en France. 1790, in-4.

Vollgraff (Charles). Die Systeme der praktischen Politik im Abendlande. (Les systèmes de la politique pratique en Occident). 4 vol. in-8. *Giessen*, 1828.

Въ этомъ сочиненіи разсматривается политическая экономія всѣхъ народовъ и во всѣ времена.

Первый томъ указываетъ на различія между западными и восточными народами. Народы, говоритъ Фольграфъ, пользуются такими правительствами, которыхъ заслуживаютъ по состоянію своей нравственности.

Второй томъ излагаетъ политику грековъ и римлянъ, съ безчисленными подробностями о наукѣ, цивилизаціи, правительствѣ, администраціи, общественномъ бытѣ, военномъ духѣ, и пр., между знаменитыми народами древности.

Третій томъ посвященъ новѣйшей политикѣ, и содержитъ библіографію сочиненій, вышедшихъ въ различныхъ европейскихъ странахъ по политической экономіи и законодательству, какъ древнему, такъ и новому.

Послѣдній томъ излагаетъ отношенія между различными европейскими народами, ихъ дипломатію, общественное право и ихъ политическія учрежденія, въ особенности, различныхъ германскихъ государствъ.

— Ueber den heutigen Begriff, Anfang und Gegenstand der Staatswissenschaften. (Considérations sur l'état actuel de l'économie politique). *Marbourg*, 1824.

Небольшая брошюра въ 30 страницъ, въ которой авторъ излагаетъ характеристику двухъ политическихъ и экономическихъ школъ, которыя спорятъ въ настоящее время о господствѣ. Представители обѣихъ

школъ, по мнѣнію Фольграфа, съ одной стороны, Галлеръ, авторъ *Реставраціи въ политикѣ*, а съ другой—Пёлицъ, авторъ книги: *Разоблаченная политика нашего времени.*

Voss. Einleitung in die Geschichte der Litteratur der allgemeinen Staatswissenschaft. *Leipzig,* 1800—1802, 2 vol. in-8.

W.

Wade (John). History of the middle and working classes; 3-e éd. *London.* 1834, in-12.

Очеркъ положенія рабочихъ классовъ, къ сожалѣнію, составляетъ незначительную часть всего сочиненія, да и въ той излагаются однѣ только законодательныя мѣры относительно бѣдныхъ. Остальная часть есть популярный трактатъ о политической экономіи, точный, краткій и общепонятный.

Wallace. Dissertation historique et politique sur la population des anciens temps, comparée à celle du nôtre, dans laquelle on prouve qu'elle a été plus grande autrefois que de nos jours; traduit par M. E. 1 vol. in-8, 1769.

Авторъ болѣе занятъ народонаселеніемъ въ древнія, чѣмъ въ новыя времена; но его книга есть богатѣйшій сборникъ подробностей о частной жизни древнихъ и ихъ домашнихъ расходовъ.

Walras (Anguste). De la nature de la richesse et de l'origine de la valeur. *Paris,* 1831, in-8.

Сочиненіе содержитъ нѣсколько новыхъ взглядовъ на теорію цѣнности: оно полезно для справокъ по критическимъ своимъ достоинствамъ; но изложеніе его невсегда ясно и понятно.

— Théorie de la richesse sociale, ou Résumé des principes fondamentaux de l'Économie politique. *Paris,* 1849, broch. in-8.

Ward (D. Bernardo). Proyecto economico, en que se proponen varias providentias dirigidas à promover les intereses de Espana. *Madrid,* 1739, in-8.

Авторъ — ирландецъ, переселившійся въ Испанію. Онъ нѣсколько разъ искрестилъ свою новую родину, и принесъ бы ей пользу, еслибы планы его были приведены въ исполненіе. Его *экономическій проектъ* полонъ превосходныхъ воззрѣній на множество промышленныхъ вопросовъ, и считается однимъ изъ лучшихъ сочиненій, явившихся въ Испаніи по политической экономіи.

Wathely (Richard), archevèque de Dublin. Introductory lectures on political economy (Leçons d'économie politique). *Londres*, 1832, 1 vol. in-8.

Weber (F. Ben.). Systematisches Handbuch der Staatswirthschaft (Manuel systématique de l'économie politique). *Berlin*, 1804, in-8.

Вышелъ первый томъ этого сочиненія. 60 первыхъ страницъ его посвящены политической экономіи; остальное принадлежитъ наукѣ о благоустройствѣ.

— Traité d'économie. 2 vol. in-8, *Berlin*.

Книга эта, написанная въ духѣ А. Смита, въ эпоху своего появленія встрѣчена была въ Германіи съ большимъ сочувствіемъ.

Welz (Giuseppe de). Magia del credito svelata, instituzione fondamentale di publica utilità. *Napoli*, 1824, 2 vol. in-4.

Вельцъ, первый изъ итальянскихъ экономистовъ, смѣло поднявшій голосъ въ защиту кредига. Хотя воззрѣнія свои въ этомъ отнашеніи онъ и преувеличиваетъ до того, что доказываетъ дѣйствительное умноженіе кредитомъ капитала, все же онъ оказалъ дѣйствительную услугу наукѣ, обративъ вниманіе своихъ согражданъ на выгоды, доставляемыя болѣе совершенной системой денежнаго обращенія.

Въ книгѣ его встрѣчаются замѣтки о всѣхъ министрахъ финансовъ во Франціи и въ Англіи за послѣдніе три вѣка.

Wilberforce. Lettre à M. de Talleyrand sur la traite des nègres. *Londres*, 1814, in-8.

Прекрасный мемуаръ въ пользу освобожденія негровъ, все еще заслуживающій вниманія, даже послѣ побѣды защищаемаго имъ дѣла.

With (Jean de). Ses mémoires. *La Haye*, 1709, in-12.

Мемуары этого великаго государственнаго человѣка, со времени обнародованія своего, пользовались какъ бы религіознымъ уваженіемъ. Авторъ указываетъ въ нихъ съ дарованіемъ, опирающимся на многолѣтнюю опытность, на причины благоденствія и паденія народовъ, въ особенности Голландіи, столь неблагодарной къ нему.

X.

Xénophon. L'Économique, suivie du Projet de finances pour augmenter les revenus de l'Attique. *Paris*, 1756, in-12.

(См. также Œuvres complètes de Xénophon, traduites en français. *Paris*, 1842, 2 vol. gr. in-8.)

Y.

Young (Arthur). Arithmétique politique, adressée aux sociétés économiques établies en Europe. Traduit de l'anglais par M. Fréville. *La Haye*, 1775, 2 vol. in-8.

Авторъ — робкій послѣдователь системы *экономистовъ*, доказывающій, что первенство *ихъ воззрѣній* принадлежитъ Англіи. Это притязаніе въ настоящее время не заслуживаетъ опроверженія.

– Voyage en France, pendant les années 1787, 1788, 1789, nouvelle traduction par Lesage, précédée d'une introduction, par A. Léonce de Lavergne, membre de l'Institut. *Paris*. 1860. Guillaumin. 2 vol. in-18.

— Voyage en Italie en 1789, traduit par le même. *Paris*, Guillaumin. 1 vol. in-18.

Young (Arthur) et **Banks**. Filature, commerce et prix des laines en Angleterre, ou Correspondance sur ces matières; traduit de l'anglais par M. C. P. 1 vol. in-8, 1790.

Интересныя подробности о торговлѣ шерстью.

Z.

Zachariæ (K. G.). Staats-Wirthschaftslehre (Principes d'économie politique). 2 vol. in-8. *Heidelberg*, 1832.

Въ высшей степени оригинальная книга. Въ ней встрѣчается огромное число новыхъ выводовъ, которые породили множество споровъ въ Германіи. Доктрины излагаются въ немъ отвлеченно, независимо отъ мѣста, времени и статистическихъ данныхъ. Цахаріе указываетъ на два рода новыхъ доходовъ: на ренту, доставляемую умомъ, и на ренту, доставляемую кредитомъ. Говоря вообще, сочиненіе это, нелишенное достоинствъ, не можетъ быть руководствомъ для изученія политической экономіи, и интересно только для спеціалистовъ.

Zanon (Antonio). Lettere scelte sull' agricoltura, sul commercio e sulle arti. *Udinese*, in-8.

— Apologia della mercatura. in-8.

Началъ писать шестидесяти лѣтъ. Онъ предлагалъ учрежденіе земледѣльческихъ школъ и восхвалялъ торговлю, но безъ опредѣленныхъ воззрѣній или какихъ либо принциповъ.

Къ этому списку можно еще присоединить слѣдующіе два сборника:

Journal des Économistes, ежемѣсячное обозрѣніе, открывшееся съ декабря 1851.

Annuaire de l'Économie politique et de la Statistique, сборникъ, выходящій ежегодно съ 1844.

Мы не сочли нужнымъ присоединять къ этой *Библіографіи*, ни перечня нѣкоторыхъ анонимныхъ сочиненій, непредставляющихъ особенной цѣнности, ни каталога офиціальныхъ изданій, напечатанныхъ по распоряженію англійскаго парламента или французскаго правительства. Эти изданія, состоящіе главнымъ образомъ изъ *отчетовъ* по спеціальнымъ вопросамъ, представляютъ только временный и случайный интересъ. Къ тому же, они такъ объемисты и многочисленны, что перечень однихъ заглавій ихъ составилъ бы цѣлый томъ. Таковы французскіе отчеты о желѣзѣ, сахарѣ, каменномъ углѣ, шерсти, хлопчатой бумагѣ; и англійскіе отчеты о шелковыхъ издѣліяхъ, банкахъ, желѣзныхъ дорогахъ. Хотя экономистамъ и не слѣдуетъ пренебрегать знакомствомъ съ ними, тѣмъ неменѣе, изученіе ихъ гораздо ближе касается административной науки, чѣмъ политико-экономической.

СПИСОКЪ НѢСКОЛЬКИХЪ СОЧИНЕНІЙ, ПЕРЕВЕДЕННЫХЪ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ, НО НЕВОШЕДШИХЪ ВЪ НАСТОЯЩУЮ БИБЛІОГРАФІЮ.

Бехеръ (Эрнстъ). Рабочій вопросъ въ его современномъ состояніи и опыты его разрѣшенія. Перев. съ нѣмец. и примѣчанія П. Ткачева. Спб. 1868.

Бруно-Гильдебрандтъ. Политическая экономія настоящаго и будущаго. Перев. М. Щепкинъ. Спб. 1860.

— Историческое обозрѣніе политико-экономическихъ системъ. Перев. В. Безобразовъ. Спб. 1861.

Гешенъ (Г.). Теорія вексельныхъ курсовъ. Перев. съ англійс. Спб. 1867.

Гуро (К.). О свободной международной торговлѣ. Разборъ англійской теоріи свободной торговли. Съ франц. 2 ч. Москва, 1859—1860.

Маклеодъ (Г. Д.). Основанія политической экономіи. Перев. съ англійс. В. Веселовскаго, съ примѣчаніями переводчика. Спб. 1865. Изд. Н. Тиблена.

Мерсье. Основаніе нравственности и политической экономіи. Переводъ. Москва. 1860.

Море. Мореходное искуство. Богатство моря. Историческій очеркъ всемірной торговли и значеніе ея для цивилизаціи. Перев. подъ редакціей Е. Березина. Спб. 1861.

Муро (Жюль). Задѣльная плата и кооперативныя ассоціаціи. Перев. Ф. Соллогуба. Москва. 1868.

Пфейферъ. Объ ассоціаціи. Настоящее положеніе рабочаго сословія и чѣмъ оно должно быть? Перев. съ нѣмец. подъ редакціей М. Антоновича. Спб. 1866.

Рабочіе классы въ Англіи. Соч. Работника. Въ 3 частяхъ. Перев. съ англійс. Денисьева. Москва. 1868.

Ригеръ, (В.) О капиталѣ и трудѣ невещественномъ и ихъ значеніи и положеніи въ политической экономіи. Перев. съ чешскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями Д. Щеглова. Спб. 1868.

Риль (В. Г.). Четвертое сословіе или пролетаріатъ. Перев. съ 5-го нѣмец. изданія. А. Ландау. Изд. Генкеля. Спб. 1867.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Аплечеевъ, А. Экономическіе очерки о монетѣ. Спб. 1855.

Аристовъ, Н. Промышленность древней Руси. Спб. 1866.

Астафьевъ, А. Источники политической экономіи и государственнаго хозяйства. 2 к. Спб. 1862—1863.

Бабстъ, И. О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала. 2-ое изд. Москва. 1857.

— Джонъ Ло, или финансовый кризисъ Франціи въ первые годы регентства. Москва. 1852.

— Публичныя лекціи политической экономіи. 5 вып. Москва. 1860.

Банки и другія кредитныя установленія въ Россіи и въ иностранныхъ земляхъ. Спб. 1841.

Безобразовъ, В. Биржевыя операціи. Москва. 1856.

— Поземельный кредитъ и его современная организація въ Европѣ. Съ приложеніемъ уставовъ иностранныхъ кредитныхъ учрежденій въ Германіи, и проч. Спб. 1860; друг. изд. 1861.

— О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи. Москва. 1863.

Безобразовъ, Н. О старомъ и новомъ порядкѣ и объ устроенномъ трудѣ. Спб. 1863.

— О свободномъ трудѣ при помѣстномъ устройствѣ. Спб. 1863.

Бергштрессеръ, К. Богатство Россіи. Спб. 1858.

— Источники народнаго богатства. Спб. 1859.

Бибиковъ, П. Критическіе этюды. Этюдъ Первый: Современные утописты, изложеніе и критическій разборъ теоріи Фурье. Спб. 1865.

Бобринскій, А, графъ. О примѣненіи системъ охранительной и свободной торговли въ Россіи и о значительномъ пониженіи таможеннаго дохода по введеніи тарифа 1857. Москва. 1867.

Бунге, Н. Теорія кредита. Кіевъ. 1852.

— Гармонія хозяйственныхъ отношеній, первая политико-экономическая система. Кэри. Спб. 1860.

— Историческій очеркъ экономическихъ ученій. Кіевъ. 1868.

Бутовскій, А. Опытъ о народномъ богатствѣ или о началахъ политической экономіи. 3 т. Спб. 1847.

Вернадская, М. Собраніе сочиненій. Спб. 1862.

Вернадскій, И. Критико-историческое изслѣдованіе объ итальянской политико-экономической литературѣ до начала XIX вѣка. Москва. 1849.

— Очеркъ теоріи потребностей. Спб. 1857.

— Проспектъ политической экономіи. Спб. 1858.

— Очеркъ исторіи политической экономіи. Спб. 1858.

— Опытъ популярнаго изложенія основныхъ началъ политической экономіи. Спб. 1861.

— О мѣнѣ и торговлѣ. Пуб. лекціи, съ примѣчаніями и приложеніемъ статей о протективной системѣ и диференц. пошлинахъ въ Россіи. Спб. 1865.

— Экономическій указатель. Еженедѣльное изданіе. Спб. 1859—1861

— Экономистъ. Приложеніе къ указателю. Спб. 1858—1860.

Гагенмейстеръ, Ю. О кредитѣ. Спб. 1859.

— О теоріи налоговъ, примѣненной къ государственному хозяйству. Спб. 1852.

Гартманъ, Д. О торговыхъ интересахъ Россіи. Спб. 1857.

Гейссманъ, А. О сущности основнаго физіократическаго ученія и о значеніи его въ исторіи политической экономіи. Кіевъ. 1849.

Головачевъ, А. О земскихъ повинностяхъ. Спб. 1861.

Горловъ, И. Обозрѣніе экономической статистики Россіи. Спб. 1849.

— Теорія финансовъ. Казань, 1841. 2-ое изд. Спб. 1845.

— Начала политической экономіи. 2 т. Спб. 1859—1862.

— О новыхъ открытіяхъ золота въ отношеніи къ статистикѣ и государственной экономіи. Спб. 1854.

Горяйновъ, А. Взглядъ на естественныя и нравственныя силы Россіи. Спб. 1858.

Гроссманъ. Производство, цѣнность и цѣна.

Демидовъ, Н. О государственной кредитной системѣ. Москва. 1842.

Демисъ, Л. Земство. Политико-экономическій сборникъ. Спб. 1864.

Долинскій, В. О средствахъ къ устраненію экономическихъ и финансовыхъ затрудненій въ Россіи. Спб. 1868.

Жуковскій, Ю. Политическія и общественныя теоріи XVI вѣка. Спб. 1866.

— Прудонъ и Луи Бланъ. (Система экономическихъ противорѣчій. Споры съ Бастіа. Система Луи Блана. Рабочее движеніе 1848 г. и народный банкъ). Спб. 1866.

Заблоцкій. О цѣнностяхъ въ древней Руси. Спб. 1851.

Заблоцкій-Десятовскій, А. Обозрѣніе государственныхъ доходовъ Россіи. Спб. 1869.

Запасникъ, А. Опогашеніи государственныхъ долговъ. Спб. 1857.

Іовскій, П. Разсужденіе о соразмѣрности налоговъ со способами каждаго изъ платящихъ. Москва. 1825.

Калиновскій, Г. О развитіи и распространеніи идеи свободной торговли и примѣненіи ея къ положительнымъ законодательствамъ въ главныхъ западно-европейскихъ государствахъ. Спб. 1859.

Каменскій, Г. Новый опытъ о богатствѣ народномъ. Спб. 1856.

Канкринъ, графъ. Экономія человѣческихъ обществъ и финансовое устройство. Перев. съ нѣмецкаго. Краткій очеркъ политической экономіи, съ міровой точки зрѣнія. Спб. 1868.

Карновичъ, Е. О развитіи женскаго труда въ Петербургѣ. Спб. 1865.

Кауфманъ, Г. Теорія колебанія цѣнъ. Харьковъ. 1867.

Китарры, М. Очеркъ современнаго положенія нуждъ русской мануфактурной промышленности. Москва. 1857.

Кораблевъ, С. Русскій государственный банкъ, его уставъ, правила и формы, донынѣ обнародованныя имъ. Спб. 1861.

Корсакъ, А. О формахъ промышленности вообще и о значеніи домашняго производства въ западной Европѣ и Россіи. Москва. 1861.

Костомаровъ, Н. Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII ст. Спб. 1862. Изд. Н. Тиблена.

Крюковъ, П. Очеркъ мануфактурно-промышленныхъ силъ въ Россіи. 2 ч. съ подробною картою промышленности. Спб. 1853.

Кури, В. О прямыхъ налогахъ въ древней Руси. Казань. 1855.

Курсъ, краткій, политической экономіи. Пособіе для слушающихъ лекціи по этому предмету. 2 выпуска. Спб. 1865—1866.

Ламанскій, Е. Общества взаимнаго кредита. Спб. 1863.

Лебедевъ, В. О поземельномъ налогѣ. Спб. 1869.

Леонгардъ, А. Анализъ государственныхъ податей. Спб. 1862.

Лилеевъ, Н. Основныя начала политической экономіи. Кн. I. Спб. 1860.

Масловъ, Е. О вліяніи различныхъ видовъ поземельной собственности на народное богатство. Казань. 1860.

Межовъ, В. Крестьянскій вопросъ въ Россіи. (Указатель матерьяловъ для исторіи крестьянскаго вопроса на языкахъ русскомъ и иностранныхъ съ 1764 по 1864). Спб. 1865.

Мендельсгеймъ, А. О свободной международной торговлѣ. Москва. 1857.

Микшевичъ, Ю. Продажа государственныхъ имуществъ, какъ одно изъ средствъ для удовлетворенія современнымъ финансовымъ потребностямъ Россіи. Казань. 1860.

Мордвиновъ, Н. Разсужденіе о могущихъ послѣдовать пользахъ отъ учрежденія частныхъ по губерніямъ банковъ. Спб. 1816 и 1817.

Мордвиновъ. Нѣкоторыя соображенія по предмету мануфактуръ въ Россіи и о тарифѣ. Спб. 1833.

Москвитиновъ, Ф. Опытъ примѣненія политической экономіи къ земскому хозяйству. Спб. 1865.

Муравьевъ, С. Тюрго, его ученая и административная дѣятельность, или начало преобразованій во Франціи XVIII вѣка. Москва 1858.

Мухинъ, А. Мысли о причинахъ упадка кредита въ дворянскомъ сословіи и средствахъ къ возстановленію онаго. Москва. 1831.

Небольсинъ, Г. Статистическое обозрѣніе внѣшней торговли Россіи. 2 ч. Спб. 1850.

Никитенковъ, А. О политической экономіи вообще и въ особенности о производимости, какъ главномъ предметѣ оной. Спб. 1828.

Обзоръ различныхъ отраслей мануфактурной промышленности Россіи. 3 т. 1862—1865. Изд. мин. финансовъ.

Орловъ, М. О государственномъ кредитѣ. Москва. 1833.

Осокинъ, Е. Объ организаціи финансоваго управленія въ Афинахъ. Казань. 1854.

— Нѣсколько спорныхъ вопросовъ о исторіи русскаго финансоваго права. Казань. 1855.

Перозіо, Н. Экономическое изслѣдованіе акціонернаго пароходства въ Россіи. Спб. 1862.

Погодинъ, М. Лекціи по Герену о политикѣ и торговлѣ главныхъ народовъ древняго міра. 2 ч. Москва. 1835—1836.

Полетика, В. О желѣзной промышленности въ Россіи. Спб. 1864. Изд. Рейхельта.

Поповъ, В. Разсужденіе о балансѣ торговомъ, о внѣшней торговлѣ и о вексельномъ курсѣ. Спб. 1831.

Порошинъ, В. О земледѣліи въ политико-экономическомъ отношеніи. Спб. 1846.

Роберти (де), Л. Теоретическое и практическое изслѣдованіе вопроса о вексельномъ курсѣ. Спб. 1865.

Рождественскій, Н. О значеніи Д. С. Милля въ ряду современныхъ экономистовъ. Спб. 1867.

Свистуновъ. О кредитѣ по случаю возбужденнаго вопроса объ учрежденіи поземельныхъ банковъ. Москва. 1862.

Семеновъ, А. Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской внѣшней торговлѣ и промышленности съ половины XVII ст. по 1858 г. 3 т. Спб. 1859.

Славянскій, М. Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ. Спб. 1847.

Словарь, Краткій политико-экономическій. Спб. 1860.

Соколовъ, Н. Экономическіе вопросы и журнальное дѣло. Спб. 1866.

Соловьевъ. Взглядъ на причины упадка кредита, и проч. Спб. 1863.

Срезневскій, И. Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно. Харьковъ. 1839.

Степановъ, М. Финансовыя системы Англіи, Франціи и Россіи. Часть 1, Англія. Спб. 1868.

— Внутренній государственный кредитъ. Спб. 1866.

Степановъ, Т. Записки о политической экономіи. Ч. 1-я, Спб. 1844, Ч. 2-я. Харьковъ. 1848.

Тарасенко-Отрѣшковъ, Н. О золотѣ и серебрѣ: происхожденіи ихъ, количествѣ, добытомъ во всѣхъ извѣстныхъ странахъ свѣта съ глубокой древности по 1855. Ч. 1-я. Спб. 1856.

— Отчего возвышаются у насъ цѣны на всѣ предметы? Спб. 1857.

Тенгоборскій, А. О производительныхъ силахъ Россіи. Часть 1-я. Перев. съ французскаго съ дополненіями и измѣненіями 2-го изданія. Москва. 1854.

— О производительныхъ силахъ Россіи. Части второй, отдѣленіе 1-е. О земледѣліи. Перев. съ франц. съ дополненіями и примѣчаніями И. Вернадскаго. Москва. 1857. Части второй, отдѣленіе 2-ое. О мануфактурной промышленности. Спб. 1858.

Тернеръ, Ф. Свѣдѣнія о поземельномъ налогѣ въ иностранныхъ государствахъ. Спб. 1860.

— О рабочемъ классѣ и мѣрахъ къ обезпеченію его благосостоянія. Спб. 1860.

— Краткое руководство къ изученію политической экономіи. Спб. 1863.

Толстой, Д, графъ. Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи, со времени основанія государства до кончины Имп. Екатерины II. Спб. 1848.

Трубниковъ, К. Очерки внѣшней торговли въ Россіи. I. Наши барыши наши убытки. Спб. 1864.

Тургеневъ, Н. Опытъ теоріи налоговъ. Спб. 1818. 2-ое изд. 1819.

Тюринъ, А. Общественная жизнь и земскія повинности въ древней Россіи. Спб. 1850.

Ушинскій, А. О значеніи мануфактурной промышленности въ Россіи и объ охранной системѣ, съ изложеніемъ мнѣній разныхъ писателей въ защиту и противъ ученія о свободной международной торговлѣ. Спб. 1858.

Цвѣтаевъ, Л. Первыя начала политической экономіи, или руководство для начинающихъ учиться этой наукѣ. Москва. 1823.

Циммерманъ, В. О таможняхъ и промышленности у древнихъ народовъ. Спб. 1858.

Червяковъ, А. Должно ли преслѣдовать лихву закономъ? Популярное изложеніе ученія Бентама и Тюрго о лихвѣ. Спб. 1865.

Чернышевскій, Н. Примѣчанія къ переводу Д. С. Милля: Основанія политической экономіи, Т. I, Спб. 1860.

Чивилевъ, А. О народномъ доходѣ. Москва. 1837.

Шилль, І. Современная теорія финансовъ и вліяніе ея на финансовую администрацію въ западно-европейскихъ государствахъ. Спб. 1860.

— Вопросъ о земскихъ банкахъ. Спб. 1861.

— По вопросу о продажѣ государственныхъ имуществъ. Спб. 1861.

— Предложенія объ учрежденіи русскаго государственнаго или земскаго заемнаго банка. Спб. 1861.

Шиповъ, А. Промышленность хлопчато-бумажная, и важность ея значенія. 2 вып. Москва. 1857—1858.

— Куда и отчего изчезли у насъ деньги? Спб. 1860.

— О средствахъ къ устраненію нашихъ экономическихъ и финансовыхъ затрудненій. Спб. 1866.

— Опытъ общепонятнаго изложенія нѣкоторыхъ началъ финансовой науки съ примѣненіемъ ихъ къ Россіи. Вып. 1-й. Спб. 1868.

— Обзоръ основаній раціональнаго тарифа, примѣненнаго къ потребностямъ Россіи. Спб. 1868.

Шторхъ, П. Матерьялы для исторіи государственныхъ денежныхъ знаковъ въ Россіи съ 1653 по 1840. Спб. 1868.

Эллисъ. Основныя начала общественной экономіи. Москва. 1858.

Яковлевъ, А. Очеркъ народнаго кредита въ западной Европѣ и въ Россіи. Спб. 1869.

Янсонъ, Ю. Значеніе теоріи ренты Рикардо въ наукѣ политической экономіи. Спб. 1864.

Конецъ втораго и послѣдняго тома.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СТРАН.

ГЛАВА XXXII. О системѣ Кене и о школѣ *Экономистовъ*. — Происхожденіе этого ученія. — Оказанныя имъ услуги. — О различныхъ оттѣнкахъ школы *Экономистовъ*. — Гурне. — Мерсье де ла Ривьеръ. — Тюрго. — Высокая честность этихъ философовъ. — Подробности о Кене. 5

ГЛАВА XXXIII. Министерство Тюрго. — Предпринятыя имъ экономическія преобразованія. — Встрѣченныя имъ препятствія. — Его вліяніе на успѣхи политической экономіи..... 22

ГЛАВА XXXIV. О трудахъ Адама Смита и о вліяніи ихъ на успѣхи политической экономіи. — Различіе его ученія отъ ученія *экономистовъ*.. — Совершенныя имъ открытія. — Его превосходныя опредѣленія *цѣнности*, *труда*, *капитала*, *монеты*. — Неизчислимыя слѣдствія его открытій..... 38

ГЛАВА XXXV. Ученіе Мальтуса *о народонаселеніи*. — Изложеніе его формулъ. — Изложеніе послѣдствій его. — Ученіе Годвина. — Недостатокъ его состоитъ въ такой же безусловности, какъ и ученія Мальтуса. — Оно отличается большей гуманностью. — Замѣчательная смѣлость книги Годвина. — О другихъ сочиненіяхъ по тому же вопросу. — *Новыя мысли о народонаселеніи* Еверета. — Книга *о благотворительности* Дюшателя. — *Христіанская политическая экономія* Вильнёва-Баржемона. — Протесты Сисмонди и аббата Ламне..... 51

ГЛАВА XXXVI. О вліяніи писателей восемнадцатаго вѣка на развитіе политической экономіи въ Европѣ. — *Духъ Законовъ* Монтескьё. — Экономическія сочиненія Ж. Ж. Руссо. — Политико-экономическія воззрѣнія Вольтера. — Аббатъ Реналь... 73

СТРАН.

ГЛАВА XXXVII. Экономическія ученія французской революціи. — Всѣ они болѣе запечатлѣны *соціальнымъ*, чѣмъ промышленнымъ характеромъ. — Космополитическія въ теоріи, они придерживаются стѣснительныхъ мѣръ на практикѣ. — Конвентъ и Имперія обращаютъ ихъ въ орудіе войны. — Общій взглядъ на слѣдствія *континентальной блокады*. — Она существовала на дѣлѣ, прежде чѣмъ была объявлена. — Прискорбные предразсудки, порожденные ею въ Европѣ.... 84

ГЛАВА XXXVIII. Объ экономическомъ переворотѣ, произведенномъ въ Англіи открытіями Уатта и Аркрайта.—Экономическія послѣдствія освобожденія Соединенныхъ Штатовъ.—Вліяніе французской революціи на финансовую систему Англіи.—Увеличеніе налоговъ.—Прекращеніе платежей звонкою монетой Англійскимъ банкомъ. — Успѣхи и злоупотребленія кредита.—Громадная цифра государственнаго долга.—Результаты всеобщаго мира..... 96

ГЛАВА XXXIX. Ж. Б. Сэй и его ученіе. — Важныя слѣдствія его теоріи сбыта.—Перечисленіе услугъ, оказанныхъ этимъ писателемъ наукѣ.—Характеръ его школы.—Она способствовала распространенію политической экономіи въ Европѣ... 108

ГЛАВА XL. Политическая экономія въ Англіи съ начала девятнадцатаго вѣка.—Система Питта, поддерживаемая Торнтономъ и оспариваемая Коббетомъ. — Ученіе Рикардо.—Сочиненія Джемса Милля. — Торренса. — Макъ-Куллоха. — Тука.—Труды Гускиссона. —Сэра Генриха Парнеля.—Трактаты Уэда. — Пауллетъ-Скропъ. — *Экономія мануфактуръ* Баббеджа.—*Философія мануфактуръ* доктора Эра.— Распространеніе изученія политической экономіи въ Англіи..... 119

ГЛАВА XLI. *Соціальные* экономисты французской школы.—*Новыя начала* политической экономіи Сисмонди.—*Новый трактатъ общественной экономіи* Дюнойе.—*Христіанская политическая экономія* Вильнева-Баржемона.—*Трактатъ о законодательствѣ* Ш. Конта.—*Политическая экономія* Дроза... 134

ГЛАВА XLII. Политическая экономія эклектическая и ея главные представители.— Шторхъ. —Ганиль. — Делабордъ. — Флорецъ Эстрада..... 152

ГЛАВА XLIII. Сенъ-Симонистская политическая экономія. — Первыя сочиненія Сенъ-Симона.—Смѣлость его нападокъ.— Теорія его учениковъ. — *Producteur* (*Производитель*). — Что они разумѣли подъ словомъ *Индустріализмъ*. — Они основываютъ церковь.—Ихъ нападки на право наслѣдства.—Общій взглядъ и оцѣнка ихъ трудовъ..... 163

ГЛАВА XLIV. Экономисты-утописты.—*Общежительная* система

СТРАН.

Фурье. — Обзоръ его главнѣйшихъ сочиненій. — Основная мысль его ученія.—Насколько возможно его развитіе. — *Соціальная* система Овена.—Неудачныя попытки его въ Нью-Ланаркѣ и въ Нью-Гармони. — Воззрѣнія, исключительно свойственныя этому экономисту..... 177

ГЛАВА XLV. Общій взглядъ на политико-экономическія системы.—Національный характеръ различныхъ школъ.—Итальянская школа. — Испанская школа. — Французская школа. — Англійская школа.—Нѣмецкая школа..... 194

ГЛАВА XLVI. Экономическія затрудненія, порожденныя освобожденіемъ труда послѣ 1789. — Неудобства конкуренціи. — Противорѣчіе между фактами и теоріей. — Необходимость ихъ соглашенія. — Перевороты, совершившіеся въ девятнадцатомъ вѣкѣ. — Вліяніе, которое они должны оказать на политическую экономію..... 209

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Происхожденіе и развитіе третьяго сословія во Франціи до революціи.

Введеніе..... 229

ГЛАВА I. Уничтоженіе древняго рабства. — Смѣшеніе племенъ. — Происхожденіе средневѣковаго третьяго сословія 231

ГЛАВА II. Парламентъ въ XIII вѣкѣ. — Собраніе государственныхъ сословій въ 1302, 1355 и въ 1356 годахъ..... 240

ГЛАВА III. Третіе сословіе при Карлѣ V, Карлѣ VI, Карлѣ VIII и Людовикѣ XI..... 248

ГЛАВА IV. Собраніе государственныхъ сословій 1484. — Третіе сословіе при Людовикѣ XII, Францискѣ I и Генрихѣ II..... 255

ГЛАВА V. Собраніе государственныхъ сословій 1560 и 1576 г..... 262

ГЛАВА VI. Собраніе государственныхъ сословій 1588. — Третіе сословіе въ царствованіе Генриха IV..... 270

ГЛАВА VII. Собраніе государственныхъ сословій 1614 года 277

ГЛАВА VIII. Парламентъ въ царствованіе Людовика XIII. — Министерство Ришелье. — Фронда..... 288

ГЛАВА IX. Людовикъ XIV и Кольберъ..... 197

ГЛАВА X. Общественное значеніе царствованія Людовика XIV. — Значеніе его для развитія третьяго сословія..... 306

стран.
Библіографія..... 319
Библіографія замѣчательнѣйшихъ сочиненій по политической экономіи..... 321
Списокъ нѣсколькихъ сочиненій, переведенныхъ на русскій языкъ, но невошедшихъ въ настоящую библіографію..... 421
Алфавитный указатель отечественныхъ сочиненій по политической экономіи..... 423

